

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

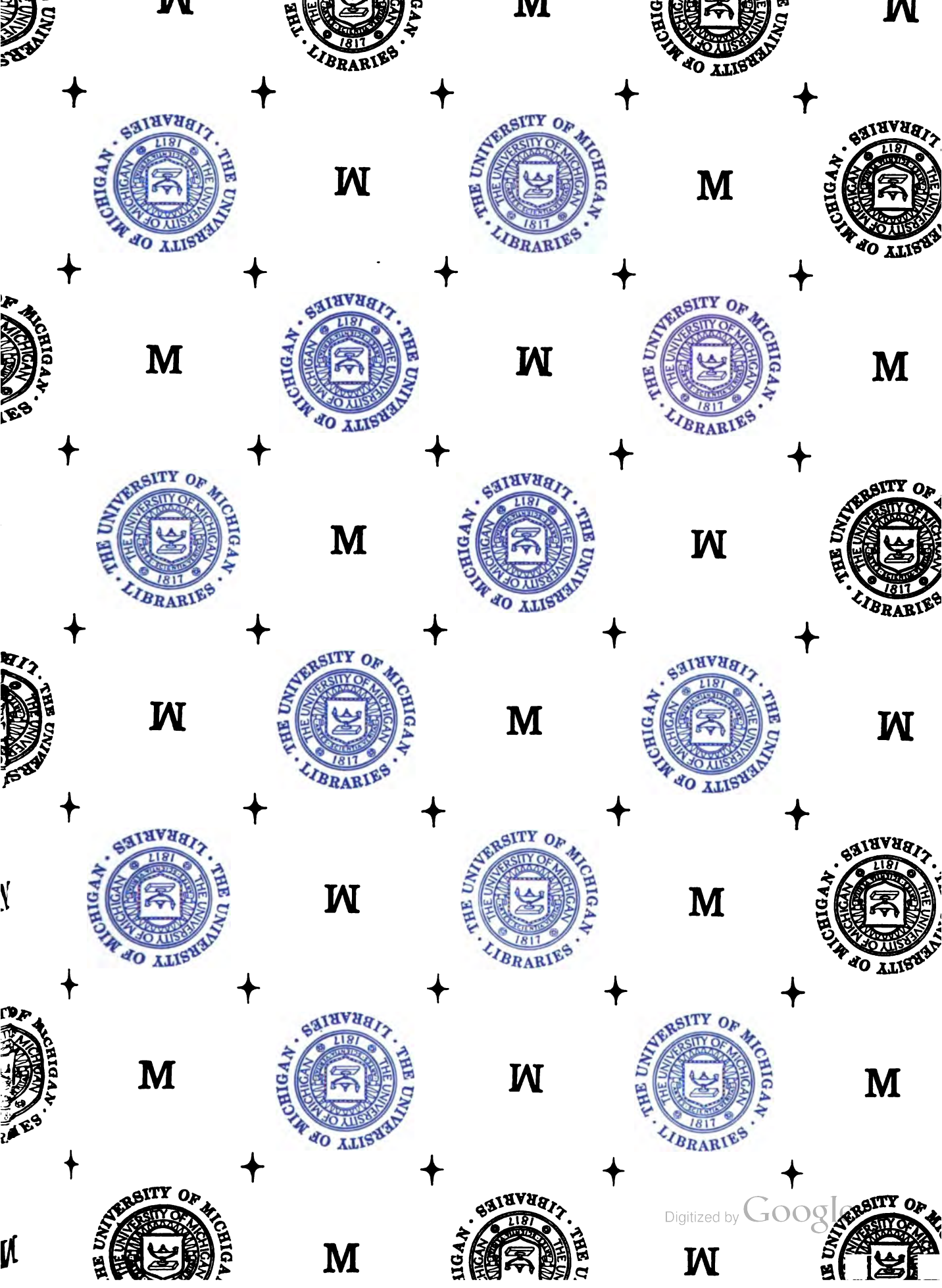
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pogodin, Mikhail Petrovich

9012
п-433

ДРЕВНЯЯ
РУССКАЯ ИСТОРИЯ,
ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

СОЧИНЕНИЕ

М. Погодина.

ТОМЪ II.

105649

МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1871.

Stacks
Erech

Salt-Stacks at Pub. Lib.
9-25-74
1073119-293
v. 2

ОБОЗРѢНІЕ
СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА

■

ОТНОШЕНІЙ ИХЪ МЕЖДУ СОВОЮ,

ВПРОДОЛЖЕНІИ УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА.

ОБОЗРѢНІЕ
СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВА

и

ОТНОШЕНІЙ ИХЪ МЕЖДУ СОВОЮ,

ВПРОДОЛЖЕНІИ УДѢЛЬНАГО ПЕРІОДА.

Мы представили Историю княжествъ, на коя была раздѣлена Русская земля передъ грозою, несшеюся на нее съ дальняго Востока. Извлечемъ заключенія изъ нашихъ извѣстій о томъ состояніи, въ какомъ вообще она находилась, изслѣдуемъ причины, содѣйствовавшія къ ея разстройству, и, наконецъ, постараемся отыскать основы ея лучшей будущности, залюги ея спасенія.

Обозрѣвая историю Удѣльнаго, по преимуществу, періода, отъ кончины Ярослава до пашествія Татаръ, мы видимъ въ дѣйствіи: князей съ дружинами, города съ войми и волости съ народомъ, церковь.

Чтобъ составить себѣ яснѣйшее объ пей понятіе, необходимо рассмотреть эти составныя государственныя части порознь.

Начнемъ съ князей, и поговоримъ прежде объ ихъ *происхожденіи и размноженіи*.

Впродолженіи Норманскаго періода, къ счастью молодого государства, бывало большею частію по одному князю: Рюрикъ, (1 степень), Олегъ, Игорьъ, (2 ст.), Свято-

славъ (3 ст.), слѣдовали одинъ за другимъ по одиначкѣ, и распространяли предѣлы своей земли. Наслѣдство Святославова, вскорѣ по кончинѣ старшихъ, Ярополка и Олега, досталось одному Володимеру (4 ст.). Отъ Володимера, хотъ у него было и двѣнадцать сыновей, удѣлы соединились чрезъ короткое время въ рукѣ Ярослава, (5 ст.), который собственно и сдѣлался *родоначальникомъ* всѣхъ Русскихъ князей, кромѣ Полоцкихъ, происходившихъ отъ его старшаго брата Изяслава.

Какъ укрѣпленію, усиленію молодого государства, содѣйствовало малочисліе князей, такъ умножавшееся безпрестанно ихъ количество, постепенно ослабляло его, и наконецъ привело на край гибели.

Ярославъ оставилъ пять сыновъ, Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава и Игоря, (6 ст.), роднаго внука Ростислава, (отъ старшаго сына Володимера), и двоюроднаго, Всеслава, (отъ Изяслава, сына Володимера Святаго), (7 ст.)

Отъ нихъ пошли дѣти, и съ этой шестой степени, въ коей считалось князей 11, число ихъ начало умножаться въ такой мѣрѣ:

въ седьмой извѣстныхъ было	15,
въ осьмой	39,
въ девятой	49,
въ десятой	66 и т. д.

Обозрѣмъ эти роды по *старшинству*.

1 родъ, Изяслава, Володимерова сына, (5 ст.), чрезъ Брячислава (6 ст.) и Всеслава (7 ст.), составлялъ совершенно отдѣльное цѣлое, владѣя *Полоцкимъ* княжествомъ, отчиною праматери Рогнѣды. Предъ Татарскимъ нашествіемъ извѣстія о немъ прерываются.

2 родъ, старшаго Ярославова сына, Володимера, (6 ст.), при немъ умершаго, чрезъ сына его Ростислава (7 ст.), и внуковъ— Володаря, Василька и Рюрика (8 ст.), получилъ *Галичь*, гдѣ и пресѣкъся въ 11 степени, въ 25 лѣтъ до Татаръ.

3 родъ, втораго Ярославова сына, Изяслава, (6 ст.), вступившаго послѣ него на великокняжескій столъ, получилъ себѣ во владѣніе, при потомкахъ Святополка (7 ст.) Изяславича, отчину свою, *Туровъ*. Въ эпоху Татарскаго нашествія этотъ родъ ослабѣлъ и обмелѣлъ. Отъ него ведутъ впрочемъ до сихъ поръ свое происхожденіе многіе княжескіе и дворянскіе роды въ Литвѣ, Польшѣ и въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ.

4 родъ, самый многолюдный, третьяго сына Ярославова, Святослава, отъ котораго, чрезъ сына Олега (7 ст.) пошли князья *Черниговскіе* и *Сѣверскіе*, а чрезъ сына Ярослава, *Муромскіе* и *Рязанскіе*.

5 родъ, также многолюдный и самый славный, четвертаго сына Ярославова, Всеволода, котораго сынъ Володимеръ Мономахъ (7 ст.) сдѣлался родоначальникомъ большей части Великихъ князей; а чрезъ сына Георгія, Великихъ князей *Суздальскихъ*, и вполсѣдствіи Великихъ князей *Московскихъ* и Царей всея Руси.

Родъ Мономаха имѣлъ еще нѣсколько отраслей: отъ старшаго сына его Мстислава, чрезъ сына Изяслава, пошли князья *Владимирово-Вольнскіе*, и одинъ изъ нихъ, Романъ, сдѣлался родоначальникомъ вторыхъ *Галицкихъ* князей; чрезъ сына Ростислава пошли князья *Смоленскіе*.

Отъ этихъ двухъ родовъ, Святославова и Всеволодова, происходятъ большая часть нынѣшнихъ природныхъ Русскихъ князей, кромѣ жалованныхъ и пришлыхъ.

6 родъ, пятаго Ярославова сына, Вячеслава въ *Смоленскъ*, пресѣкъся вскорѣ.

7 родъ, шестаго Ярославова сына, Игоря, получившаго удѣлъ во *Владимиръ-Вольнскомъ*, потерялся въ неизвѣстности; ближайшіе потомки княжили въ *Городицъ*.

Родоначальницами всѣхъ Русскихъ князей были: Рогнѣда, дочь Варяжскаго князя Рогволода Полоцкаго, одна изъ супругъ Великаго князя Володимера, и Ингигерда, супруга Великаго князя Ярослава, дочь Шведскаго Короля Олофа.

Потомство Ярослава соединилось брачными союзами, преимущественно въ ближайшихъ степеняхъ, съ иностранными владѣтельными родами, на примѣръ сыновья его:

Володимеръ былъ женатъ на какой-то сѣверной княжнѣ.

Изяславъ—на сестрѣ Казимира, Короля Польскаго, дочери Мечислава II, умершей въ 1107 г.

Всеволодъ—на Греческой царевнѣ, (по инымъ: внукѣ Греческаго Императора Константина Мономаха).

Вячеславъ—на Одѣ, дочери Леопольда, графа Штадскаго.

Игорь—на Кунигундѣ, графинѣ Орландиндской.

Въ 7 степени сынъ Изяславовъ, Святополкъ, былъ женатъ на дочери Половецкаго хана Тугоркана.

Сынъ Всеволодовъ, Мономахъ, въ первомъ бракѣ имѣлъ Гиду, дочь Англійскаго короля Гаральда.

Мономаховъ сынъ, Мстиславъ, былъ женатъ по первому браку на Христинѣ, дочери Шведскаго короля Инга Стенкильсона; по второму браку на дочери Новгородскаго посадника Дмитрія Завидича.

Въ послѣдующихъ степеняхъ брачныя союзы, съ иностранными владѣтельными домами, продолжались хотя рѣже, вплоть до нашествія Татаръ.

Точно также и Русскія княжны выходили замужъ за государей иностранныхъ.

Дочери Ярослава: Елизавета—была въ замужствѣ за Гаральдомъ, принцемъ Норвежскимъ.

Анна—за Генрихомъ I, Королемъ Французскимъ.

Анастасія—за Андреемъ I, Королемъ Венгерскимъ.

Неизвѣстная княжна была въ замужствѣ за Болеславомъ II, Смѣлымъ, Королемъ Польскимъ.

Дочь Всеволода, Евпраксія, была за Марграфомъ Штаденскимъ, Генрихомъ Долгимъ,

а потомъ въ 1089 году за Императоромъ Генрихомъ IV.

Дочери Святополка Изяславича: Сбыслава была замужемъ за Болеславомъ Кривоустымъ, Королемъ Польскимъ, 1103.

Передслава, 1104, за Венгерскимъ Королевичемъ, сыномъ Коломановымъ.

Дочь Володимера Мономаха за Венгерскимъ Королемъ Коломаномъ.

Другая дочь Мономахова, Марія, была за Царевичемъ Леономъ, сыномъ Императора Греческаго Диогена.

Дочь Володаря Ростиславича (ст. 9) за Греческимъ Царевичемъ Алексиничемъ.

Дочь Всеволода Ольговича, Звѣнслава за Польскимъ Королемъ Болеславомъ Кудрявымъ (1142).

Другая, еще прежде (1140) была отведена туда же, за Герцога Владислава, брата его.

Дочери Мстислава Володимировича и Христины Шведской были выданы замужъ—одна за Норвежскаго Короля Сигурда, а послѣ за Датскаго Эрика Эдмунда.

Вторая за Канута Святаго, Короля Оботритскаго—(отъ нихъ родился Волдемаръ I), славный Король Датскій.

Третья за Греческаго Царевича, 1124, и проч.

Переходимъ къ владѣнью князей и обозримъ *раздѣленіе княжествъ*.

Русская земля дѣлилась и раздроблялась между изчисленными родами князей. Ярославъ раздѣлялъ ее между пятью своими сыновьями, на пять частей, кои суть, кромѣ Великаго княжества, составлявшаго какъ бы маіоратъ, Туровское княжество, Черниговское, Переяславское, Смоленское,

Владими́ро-Во́льнское, — съ принадлежащими къ нимъ волостями.

Нѣкоторыя изъ нихъ соединялись между собою по временамъ, вначалѣ, но впоследствии раздѣлились окончательно.

Кромѣ сихъ Ярославовыхъ княжествъ, было еще Новгородское, невошедшее въ составъ его дѣленія, и Полоцкое, отдѣленное при Володимерѣ Святомъ.

Новгородское, принадлежавшее въ первое время какъ бы къ Кіевскому маіорату, получало себя князей тогда отъ Великихъ князей Кіевскихъ, но вскорѣ утвердило у себя правленіе избирательное, и избирало изъ рода Ярославова по благоусмотрѣнію, не допуская никакихъ дѣленій, и давая иногда во временный удѣлъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, Псковъ, Торжекъ, Ладогу, Волокъ Ламскій.

Псковъ впоследствии отдѣлился отъ Новгорода и составилъ особое владѣніе.

Полоцкое, совершенно особое княжество, осталось въ родѣ Изяславовоу, (Володимерича), и имѣло въ числѣ удѣловъ, кромѣ Полоцка, Минскъ, Изяславль, Витебскъ и проч.

Отъ *Кіевскаго* Великаго княжества, съ которымъ при В. К. Изяславѣ соединилось Владимиро-Во́льнское, а при братѣ его Всеволодѣ Переяславское и Смоленское, отдѣлились:

Галицкое, отданное Всеволодомъ Ростиславичамъ.

Владими́ро-Во́льнское, отошедшее въ родъ старшаго сына Мстиславова, Изяслава.

Смоленское, отошедшее въ родъ втораго его сына Ростислава.

Черниговское княжество раздѣлилось при сыновьяхъ Святослава Ярославича, на *Черниговское* съ Давидомъ Святославичемъ,

Сѣверское съ Олегомъ Святославичемъ, *Муромское* съ Ярославомъ Святославичемъ, *Тмутараканское*, вскорѣ затертое Половцами.

Отъ Муромскаго отдѣлилось *Рязанское*.

Отъ Рязанскаго *Пронское*.

Отъ *Переяславскаго* отдѣлилось *Суздальское*, отданное Мономахомъ меньшимъ дѣтямъ.

Отъ Суздальскаго или Владимирскаго отдѣлились *Ростовское* и *Переяславское*.

Каждое изъ сихъ княжествъ раздроблялось впоследствии болѣе и болѣе, такъ что наконецъ, предъ нашествіемъ Татаръ, инымъ городомъ на югъ кормилось въ одно время по два князя.

Самый важный вопросъ при князьяхъ состоитъ въ ихъ *правѣ наслѣдства* или преемства.

Въ древней Россіи право старѣйшинства пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Безпрестанно встрѣчаются въ лѣтописяхъ мѣста, свидѣтельствующія объ его значеніи, какъ въ глазахъ князей, такъ и въ глазахъ народа.

По этому праву, принесенному вѣроятно съ Сѣвера, какъ въ первомъ или Великомъ княжествѣ, такъ и во всѣхъ княжествахъ, въ случаѣ смерти князя, старшій въ его родѣ занималъ его мѣсто, то-есть братъ послѣ брата, а не сынъ послѣ отца, (например послѣ В. К. Изяслава братъ его Всеволодъ, а не сынъ Ярополкъ, и тому подоб.).

Право старѣйшинства было однакожъ ограничено, касательно наслѣдства, судя по событіямъ, то есть имѣло нѣкоторыя исключенія. Старшій въ родѣ имѣлъ право занять только такой столъ, который былъ занимаемъ когда нибудь его отцемъ. Такимъ образомъ дѣды и прадѣды не принимались въ разсчетъ, то есть, нельзя было, или, лучше,

не должно было внуку искать и получить то, чѣмъ владѣлъ его дѣдъ или прадѣдъ, но не владѣлъ отецъ; хотя, разумѣется, внукъ или правнукъ имѣлъ сугубое право на то владѣніе, которымъ владѣлъ не только отецъ его, (*conditio sine qua non*), но и дѣдъ и прадѣдъ, — на свою отчину и дѣдину.*

Изяславъ, старшій сынъ Володимира Святаго отъ Полоцкой Рогвѣды, умеръ при жизни отца (1001), слѣдовательно не владѣлъ Кіевомъ, и потому потомство его лишилось права на этотъ столъ. Оно осталось во владѣніи своею отчиною, Полоцкомъ.

Потому и Ростиславичи, потомки старшаго сына Ярослава, Володимира, должны были ограничиться княжествомъ Галиціимъ, ибо родоначальникъ ихъ Володимеръ умеръ въ Новѣгородѣ (1052) прежде своего отца.

Теперь перейдемъ къ потомству Изяслава. Онъ владѣлъ Кіевомъ, и Кіевъ достался по чередѣ старшинства сыну его Святополку-Михайлу, но старшій сынъ Святополка, Ярославъ, умеръ въ 1123 году, не владѣвъ Кіевомъ, который принадлежалъ при немъ еще старшему дядѣ его, Мономаху. Потомство его, слѣдовательно, утратило по этому случаю право свое на Кіевъ.

Меньшіе сыновья Святополковы, не имѣвшіе даже никакихъ удѣловъ, умерли съ небольшимъ черезъ годъ послѣ Мономаха, и не могли состязаться, если не было другихъ причинъ, (незаконнаго происхожденія), съ могущественнымъ Мстиславомъ, которому Володимеръ предоставилъ Кіевъ.

Впрочемъ, право ихъ, если и было какое, продолжалось по смерти Мономаховой только годъ.

Изъ двухъ потомствъ, Святослава и Всеволодова, первое было старшее, но оно утратило свои права, потому что дѣти Святослава, Олегъ, Давыдъ и Ярославъ, уступили, или принуждены были уступить Кіевскій столъ, по кончинѣ Святополка Изяславича, Володимеру Мономаху (1113), избранному Кіянами.

Нѣкоторые князья впрочемъ изъ его рода, старшіе сыновья, попадали на Кіевскій столъ, а именно Всеволодъ Ольговичъ насильственно, (1139), сынъ его Святославъ, (1177), вслѣдствіе полюбовной сдѣлки, и внукъ Всеволодъ Чермный, нѣсколько разъ, (1206, 1207, 1210), вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ.

Князь получалъ свой столъ по прямому наслѣдству: Изяславъ послѣ Ярослава, (1054).

На основаніи старшинства: такъ наслѣдовали въ Кіевѣ Всеволодъ Ярославичъ брату Изяславу (1078), въ Черниговѣ Ярославъ Святославичъ брату Давиду (1123), въ Смоленскѣ Мстиславъ Романовичъ дядѣ Давиду Ростиславичу (1192) и проч.

По предоставленію и назначенію предшественника: Мстислава назначилъ отецъ Мономахъ (1125) въ Кіевъ, Володимира Давидовича двоюродный братъ Всеволодъ Ольговичъ (1140) въ Черниговъ, Георгія — отецъ Всеволодъ во Владимирѣ (1212).

По народному избранію: Мономахъ (1113) въ Кіевѣ, Рогвольдъ Всеславичъ (1128) въ Полоцкѣ.

Вслѣдствіе полюбовной сдѣлки: Мстиславъ Изяславичъ (1169) въ Кіевѣ, Святославъ Ольговичъ (1158) въ Черниговѣ.

Или рѣшенія князей: Ярославъ Изяславичъ (1174), Володимеръ Мстиславичъ въ Кіевѣ (1175).

* Соответственное явленіе представляется послѣ въ исторіи мѣстичества.

А иногда и насильно: Святославъ Ярославичъ (1073) занялъ Кіевъ, Всеволодъ Ольговичъ (1128) Черниговъ.

Случалось соединяться нѣкоторымъ изъ этихъ условий, напримѣръ, законный наследникъ былъ вмѣстѣ и избираемъ, Всеволодъ Юрьевичъ во Владимирѣ (1176) послѣ брата Михаила.

Или садился на столъ съ бою, Константинъ Всеволодовичъ (1216) послѣ войны съ меньшимъ братомъ Георгіемъ, во Владимирѣ.

Разсмотримъ *отношенія* князей между собою.

Великій князь.

Что такое былъ между ними *Великій князь*?

Это было именно старшинство, почетное титуло, завидное владѣніе, особенно сначала, когда силы у него было больше, волесть обширнѣе, дружина многочисленнѣе, земля обильнѣе и богаче, и ничего болѣе. По завѣщанію Ярославу, князь Кіевскій долженъ былъ быть «въ отца мѣсто» меньшимъ своимъ братьямъ, прочимъ князьямъ. Отческое вліяніе продолжалось не долго. Братья же вскорѣ возстали на Изяслава, старшаго сына Ярослава. Никакой власти надъ ними онъ не имѣлъ. Еще болѣе оказалось это во второмъ послѣ нихъ поколѣніи и слѣдующихъ. Князю Кіевскому не было никакого дѣла, что происходило въ Черниговѣ, Галичѣ или Полоцкѣ. Всѣ князья совершенно отъ него не зависѣли. Ни о какихъ правахъ и преимуществахъ помину нѣтъ нигдѣ. Онъ имѣлъ вліяніе только на князей, жившихъ въ предѣлахъ его собственнаго, т. е. Кіевского княжества, гдѣ онъ распоряжался удѣлами: раздавалъ кому хотѣлъ,

разумѣется, согласно съ древними обычаями, и отбиралъ. Остальная власть Великаго Князя условливалась совершенно личными его качествами и обстоятельствами, въ коихъ онъ находился. Если случилось Великому Князю быть не только старше, но и умнѣ другихъ, имѣть искусство воспользоваться своею силою, тогда онъ повелѣвалъ ими, имѣя въ виду обычаи, отношенія, сообразно своему характеру. Таковы были Святополкъ, Мономахъ, Мстиславъ, Всеволодъ Ольговичъ, — хотя и имъ часто оказывалось сопротивленіе, смотря по обстоятельствамъ.

А въ чемъ состояли его повелѣнія? Въ слѣдующихъ словахъ Мономаха, заключается полное ихъ содержаніе: (1117) «Ярославу покорившюся и ударившу челомъ передъ стрѣемъ своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веда ему къ себѣ приходити, когда ты позову.»

Съ Ярополка Володимеровича (1133) начинаются стороннія покушенія на Кіевъ, безпрестанные споры, и Великій Князь терялъ постепенно свою силу и значеніе, тѣмъ болѣе, что предѣлы его княжества стѣснялись, вслѣдствіе размноженія князей.

Но Кіевъ все-таки считался первымъ, старшимъ, главнымъ городомъ; помнились еще слова Олеговы, по его переселеніи съ Волхова къ Днѣпру: се буди мати градомъ Русскимъ. Съ Кіевомъ соединялись всѣ воспоминанія княжескаго рода, какъ съ колыбелью: отсюда вѣщій Олегъ ходилъ воевать Константинополь, и сюда приносилъ золотую греческую дань; здѣсь правила Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей; Святославъ разносилъ изъ Кіева страхъ Русскаго имени по всѣмъ странамъ околнымъ; Володимеръ

принялъ святое крещеніе и просвѣтилъ народъ свой, основалъ славную Десятинную церковь; Ярославъ, создатель Софійскаго собора и Золотыхъ воротъ, слишкомъ тридцать лѣтъ творилъ здѣсь судъ и правду, и предлагалъ пристанище королямъ и князьямъ иноземнымъ; святые мученики Борисъ и Глѣбъ здѣсь прославились и посылали исцѣленіе приходившимъ съ вѣрою. Печерскій монастырь съ святыми своими угодниками, былъ вмѣстѣ и разсадникомъ святителей, управлявшихъ Русской церковію. Митрополитъ Кіевскій былъ ея главою. Всѣ эти воспоминанія жили между князьями, какъ и въ народѣ, передавались отъ отцевъ къ дѣтямъ, и Кіевъ былъ въ то время тождественъ со всею землею Русскою, которая, не смотря на разновластіе, созвавалася и чувствовалася повсемѣстно. Святополкъ и Мономахъ, призывая Святославичей, говорятъ имъ: «придѣта Кіеву, на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшій градъ въ землѣ во всей, Кіевъ; ту достойно снятися и порядъ положить.» Такъ передалось и ихъ дѣтямъ: Кіевъ—столичный городъ; Кіевскій князь—первое лицо въ Русской землѣ, особенно сначала. Потому-то нѣкоторые князья, чуть кто изъ нихъ былъ способѣе, предприимчивѣе, получивъ какой-нибудь предлогъ, устремлялись къ Кіеву, желали стола Кіевскаго, а не Черниговскаго, Полоцкаго, или инаго другаго. Тѣ столы были безспорны, развѣ между своими князьями. Изъ прочихъ княжествъ инымъ и не случалось воевать между собою, напримѣръ Черниговскому съ Смоленскимъ, или Галицкому съ Переяславскимъ.

Общія предпріятія противъ Половцевъ, происходили по преимуществу изъ Кіева.

Наконецъ Великій Князь Суздальскій Андрей, владѣя обширною, неприкосновенною почти странною, взялъ верхъ надъ Кіевомъ, обобранымъ и ослабѣлымъ. Ставъ вскорѣ вмѣстѣ и старшимъ изъ потомковъ Мономаховыхъ, онъ располагалъ имъ по своему произволу, оставаясь самъ во Владимирѣ (1155—1174).

Такое же вліяніе приобрѣлъ себѣ Всеволодъ, братъ его, благодаря своимъ государственнымъ способностямъ (1176—1212). Достоинство Великаго Князя Кіевскаго унизилося и въ общемъ мнѣніи.

Старшимъ во всѣхъ смыслахъ сталъ Великій Князь Владимирскій.

Великаго Князя Владимирскаго слушались сосѣдніе князья, Рязанскіе и Муромскіе, князья сосѣдніе, равно какъ и дальніе,—болѣе нежели прежде Великихъ Князей Кіевскихъ, потому что онъ былъ гораздо сильнѣе ихъ.

Названіе отцемъ при Владимирскихъ князьяхъ продолжалось, какъ прежде при Кіевскихъ, также не безъ возраженій, смотря по обстоятельствамъ: Мы нарекли тебя отцемъ своимъ, говорятъ Ростиславичи Андрею (1174), но если ты говоришь съ нами, не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками, то пусть разсудитъ насъ Богъ.... Точно также поступилъ и Рюрикъ Ростиславичъ съ Всеволодомъ въ 1195 году.

По смерти Всеволода (1212), достоинство Великаго Князя Владимирскаго начало унижаться также, какъ прежде Кіевскаго, и Георгію, сыну его, хлопотъ было много дома съ братьями, а до Кіева ему уже и дѣла не стало.

Таковы были отношенія Великаго Князя къ прочимъ князьямъ: какія отношенія были у нихъ между собою?

Всѣ князья считали себя, какъ бы въ правѣ, хотъ и безотчетно, имѣть что нибудь, участвовать во владѣннн Русскою землею, палъзенной трудами ихъ отцевъ и дѣдовъ, имѣть что нибудь въ своемъ владѣннн, точно какъ теперъ всякій поселянинъ считаетъ себя въ правѣ участвовать во владѣннн землею своего села. Какъ сельская земля находится въ общемъ владѣннн всего села, такъ вся Русская земля, земля Руси, находилась какъ бы въ общинномъ владѣннн княжескаго рода, на которое всѣ князья имѣли притязаніе, кому по происхожденію и родству гдѣ что приходилось.

Всѣ князья были *равны* между собою, находясь въ зависимости, въ нѣкоторомъ смыслѣ отвлеченной, каждый у старшаго въ своемъ родѣ, княжившаго въ стольномъ отчипномъ городѣ, а вмѣстѣ отъ В. К. Кіевскаго, послѣ Суздальскаго.

Провинившійся князь терялъ волость по приговору князей, (напр. Давидъ Игоревичъ, въ 1096 году).

Старшій князь раздавалъ своимъ дѣтямъ или родственникамъ города, въ предѣлахъ его княжества находившіеся, и удѣльные князья обязапы были его слушаться, то-есть, ходитъ на зовъ его, (напр. Мономахъ, сынъ его Мстиславъ и проч.).

Главною заботою всѣхъ князей, источникомъ и причиною всѣхъ ихъ войнъ и спошеній, было *владѣнне*.

Князья, въ своемъ родѣ, или въ отношеніи къ Кіеву, ссорились между собою изъ-за

волостей, желая каждый себя больше власти: ломоть въ чужой рукъ каждому изъ нихъ казался длинше.

Извѣстенъ даже особый глаголь, вышедшій теиерь изъ употребленія, и опредѣляющій характеръ междуособныхъ войнъ—*воло-ститься*; а князья или государи въ этомъ отношенн назывались волостелями. Многихъ войнахъ именно такъ и сказано самими князьями или лѣтописателями, безъ всякихъ околнчностей, просто и ясно.

Однимъ изъ предлоговъ къ войнамъ служило право наслѣдства, съ его исключеніями, право, по которому не сынъ наслѣдовалъ послѣ отца, а братъ или вообще старшій въ родѣ.

Часто искали князья владѣннн безъ всякаго предлога, (напр. Ростиславъ Володимировичъ 1064), Всеволодъ Ольговичъ (1132).

Иногда искали съ предлогами, болѣе или менѣе справедливыми, каковы: мечь, подозрѣнне (Святославъ Ярославичъ 1072), (Георгій Володимировичъ 1149), желаніе воротить свое (Ольговичи 1155).

Для чего князья искали себя владѣннн? Для *доходовъ*.

Волости и города они цѣнили количествомъ доходовъ, съ нихъ собираемыхъ. Романъ Волинскій говоритъ (1195) тестю своему, В. К. Рюрику Ростиславичу, на предложеніе его объ уступкѣ данной Роману волости: мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, во что будетъ была.

Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ получалъ одной дани, судя по десятииѣ, предоставленной имъ новопоставленному епископу, до 3150 гривенъ серебра.

Кромѣ владѣнія, причинъ къ междоусобицѣ было мало, и то въ началѣ этого періода, а именно: принужденіе къ покорности (Мономахъ и Гябъ Минскій 1109, Ярославъ Святославичъ 1119), наказаніе (Мстиславъ и Полоцкіе князья 1129), заступленіе, (Всеволодъ за Ярополка 1084); наконецъ надо замѣтить немногіе походы съ общаго согласія (напр. вслѣдствіе ослѣвленія Василька 1096).

Войны состояли часто изъ однихъ движеній или занятій, безъ всякаго кровопролитія, и рѣшались почти всегда однимъ сраженіемъ (Ярославичи съ Всеславомъ 1066), или даже однимъ походомъ (Мономахъ 1085 противъ Ярополка), набѣгомъ (Ростиславъ Володимировичъ 1064 въ Тмутаракани), осадою (города Владимира Святополкомъ въ 1099 году).

На мѣстѣ сраженій убитыхъ оставалось мало: князей погибло не болѣе пяти впродолженія всего періода, а по нимъ можно заключить и о прочихъ.

Вредъ отъ междоусобныхъ войнъ испытывали по большей части князья.

Послѣ князей терпѣли ихъ бояре и дружина.

Много доставалось городамъ.

Народъ страдалъ меньше, особенно въ первой половинѣ этого періода, отъ 1055 до 1146 года.

Междоусобныя войны оканчивались: со стороны наступавшихъ—достиженіемъ цѣли, то-есть завладѣніемъ, принужденіемъ къ покорности, изгнаніемъ, опустошеніемъ волости; безъ успѣха—бѣгствомъ, переговорами и мирами.

Со стороны оборонявшихся: уступкою безъ обороны, отраженіемъ.

Междоусобныя войны не имѣли, особенно сначала, характера непримиримости: это были часто условныя, полюбовныя, если можно такъ выразиться, схватки, съ оружіемъ въ рукахъ, какъ Богъ разсудитъ, т. е. чья возьметъ, а послѣ враги становились друзьями, и наоборотъ, какъ въ кулачныхъ бояхъ. Это въ отношеніи къ князьямъ, а до народа касались они тогда еще менѣе. Князья воевали другъ съ другомъ, и не противъ народа; они, по большей части, хотѣли владѣть тѣми волостями и городами, на кои нападали, слѣдовательно не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ кромѣ особенныхъ случаевъ. (Князья съ войми сами по себѣ, а поселане сами по себѣ)

Всѣ *сношенія* князей между собой, всѣ ихъ договоры, союзы и ссоры, имѣли также причиною, самою главною, владѣніе, кромѣ немногихъ частныхъ случаевъ: напримѣръ князья сносились между собою, и помогали другъ другу, иногда по родству, — братъ помогалъ брату, имѣя общія выгоды: Изяславъ Мстиславичъ и Ростиславъ Мстиславичъ (1147); Игорь Олеговичъ и Святославъ Олеговичъ (1146); всѣ Олеговичи Всеволоду Чермному (1207) и проч.

По неволѣ, — если какому князю случалось взять верхъ надъ другими и заставить ихъ ходить подъ его рукою: такъ слушались многіе князья Мономаха, Мстислава, Всеволода Олеговича, Андрея Боголюбскаго.

Изъ страха навлечь на себя месть, напримѣръ, Давыдовичи помогали сперва Изяславу Мстиславичу, а потомъ Святославу Ольговичу (1146).

По условію, папримѣръ, Святополкъ и Мономахъ, Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ, дѣйствовали за одно (1189).

Князья входили между собою въ *союзы*, составляли нѣкотораго рода артели или товарищества, чтобъ дѣйствовать заодно, выбирали себѣ набольшихъ, для которой цѣли и обязывались клятвою, цѣлуя крестъ, по древнему: ходили ротъ, почему и назывались ротниками.

Великіе Князья, сильнѣйшіе, принуждали иногда къ тому силою. Такъ Мономахъ постановилъ условіемъ Глѣбу Минскому (1116), Ярославу Святополковичу (1117), придти къ себѣ на зовъ. Мстиславъ жаловался на Полоцкихъ князей, зачѣмъ они не приходятъ къ нему на помощь противъ Половецъ, и за то лишилъ ихъ отчины (1130).

Князья сносились и переговаривались на съездахъ, обсылались послами (1195), или посольниками (1144), которыми были мужи или бояре (1159, 1197), лица духовныя (1161), даже иногда митрополиты (1140), союзные князья.

Въ случаѣ неудачи прибѣгали къ чужой помощи: къ Половцамъ, Ляхамъ, Уграмъ.

Таковы были отношенія князей между собою и къ Великому князю, сначала Кіевскому, а потомъ Владимірскому.

При всякомъ новомъ обстоятельстве, столонаслѣдованіи по кончинѣ старшаго князя, и по прибытіи новаго, при столонпріобрѣтеніи въ слѣдствіе войны, выигранной или проигранной, происходило новое разсаживаніе князей, и новая разверстка или переверстка, какъ у крестьянъ весною, волостей, — по волѣ главнаго или старшаго князя, если онъ былъ не только старше,

но и умнѣе и сильнѣе всѣхъ, — по взаимному соглашенію князей, имѣвшихъ какіе-либо права или притязанія, могшихъ поддерживать свои требованія силою, — по назначенію побѣдителя, если дѣло доходило до схватки, — по требованію людей и городовъ, если они, призывая или уступая, предлагали какія условія. Сила, умъ, характеръ, возрастъ и старшинство, опредѣляли надѣлы при всякомъ случаѣ.

Если было нѣсколько лицъ равносильныхъ, они улаживались между собою, и валагали условія на прочихъ (напр. Святополкъ и Мономахъ относительно Ольговичей 1095).

При перемѣнѣ обстоятельствъ они торговались и вновь уступали, или требовали, воевали.

Умиралъ Великій Князь Кіевскій, — наследникъ ему, то есть, старшій въ родѣ, приходилъ изъ другаго города, Чернигова, Турова, Смоленска, . . . и распредѣлялъ Кіевскіе города по своему усмотрѣнію, стараясь привести другихъ къ покорности, и распространить свою область, надѣлять лучше своихъ дѣтей, братьевъ, ротниковъ.

Оставленный тѣмъ или другимъ княземъ столъ занимался ближайшимъ къ нему членомъ семейства, который передавалъ свой удѣлъ другому князю также, какъ ему заблагоразсудилось.

Являлись иногда незаконные притязатели, овладѣвавшіе, благодаря стеченію благоприятныхъ для сего обстоятельствъ, Кіевомъ или другимъ стольнымъ городомъ, и распорядившіеся произвольно.

Иногда рѣшалась дѣло война, и побѣдители были еще безотчетнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ.

А въ чемъ состояла власть князя въ предѣлахъ его княжества?

Власть княжеская, впродолженіи Норманскаго періода, сосредоточенная въ Кіевѣ, разнеслась, по кончинѣ Ярослава, по многимъ другимъ городамъ, сдѣлавшимся средоточіями особыхъ княжествъ, столицами.

Во всякомъ новомъ удѣлѣ князь заводилъ тотъ же порядокъ, какой установился въ Кіевѣ, и дѣлался такимъ же государемъ въ предѣлахъ своего княжества, какимъ былъ сначала В. К. Кіевскій.

Сѣвъ на столъ, князь рядился съ людьми. Напримѣръ Игорь Ольговичъ (1146), Ростиславъ Мстиславичъ (1116).

Вотъ кругъ его дѣятельности:

Отъ князя зависѣло назначеніе должностныхъ лицъ въ городахъ и волостяхъ: посадниковъ—Олегъ Святославичъ въ Ростовѣ и Суздаль (1096), Ярополкъ Володимировичъ въ Курской волости, (1133).

Тысяцкихъ—Игорь Ольговичъ (1146).

Тіуновъ—Мстиславъ Изяславичъ (1169).

Даже въ назначеніи духовныхъ властей князь могъ принимать непосредственное участіе: Митрополитовъ,—Ярославъ назначилъ Митрополитомъ Иларіона, Ростиславъ Мстиславичъ требовалъ назначенія Климова, Мстиславъ Изяславичъ—Константинова.

Епископовъ—Андрей Боголюбскій (1162), Всеволодъ (1190).

Игуменовъ — Святополкъ Изяславичъ (1112).

Князь давалъ и отнималъ, перемѣнялъ удѣлы въ границахъ своихъ владѣній, — дѣтямъ: Мономахъ (1113), Георгій Долгорукій (1155).

Родственникамъ: Ярополкъ Володимировичъ племянникамъ Мстиславичамъ (1133). Всеволодъ Георгіевичъ послалъ въ Новгородъ свояка Ярослава Володимировича.

Чужимъ: Изяславъ Мстиславичъ далъ города Святославу Всеволодовичу (1146), Рюрику В. К. Всеволоду (1195).

Какъ бы въ помѣстье или за службу, даже иноплеменникамъ: Рюрику Ростиславичъ далъ Дверень (1192) Кунтувдѣю Половчину.

Сроковъ никакихъ не назначалось: дача случалась и при началѣ княженія, и впродолженіи, и по завѣщанію, на время. Случалось, что князь и по неволѣ долженъ былъ уступать тотъ или другой городъ: В. К. Кіевскій Рюрику Ростиславичъ уступилъ В. К. Суздальскому, Всеволоду Георгіевичу пять городовъ (1195), а прежде зятю Роману.

Или въ исполненіе обязательства: Ярополкъ далъ Переяславль племяннику Всеволоду (1133).

Князь получалъ съ народа дань. Онъ собиралъ ее лично, объѣзжая свои волости. Выѣстъ съ собираніемъ здѣсь соединялся и судъ. Такіе древніе объѣзды получили названіе полюдья. Напомнимъ полюдья Юрья Володимировича (1154), Всеволода Юрьевича (1186).

Собираніе дани поручалось иногда избраннымъ мужамъ: Янъ собиралъ дань по Волгѣ для В. К. Святослава Ярославича (1071).

Употребленіе предоставлялось въ полную его волю, по усмотрѣнію.

Дань, а равно и прочіе доходы, съ известной волости или города, князь

предоставлялъ иногда кому заблагоразсудилось—женѣ: подѣ 1159 г. есть извѣстіе о городѣ княгини Святослава Ольговича.

Дѣтямъ: Рюрикъ Ростиславичъ (1173).

Боярамъ: при Изяславѣ Мстиславичѣ (1150).

Монастырямъ: Мстиславъ Володимировичъ (1125).

Церквамъ: Андрей Боголюбскій (1155).

Князь издавалъ законы по поводу извѣстныхъ случаевъ. См. въ Правдѣ Ярославичей о пени за убіеніе конюха.

Былъ верховнымъ судьей, см. въ описаніи 1093 о Всеволодѣ, 1147 о Вячеславѣ Володимировичѣ.

Творилъ судъ и правду: Ярославъ Всеволодичъ (1229).

Опредѣлялъ пени: Ростиславичи (1175).

Получалъ пошлину съ суда, съ торговли, съ промысловъ, какъ видно изъ Русской правды, Уставовъ Всеволода, Святослава Ольговича, Ростислава Смоленскаго.

Имѣлъ дружину, жившую на его содержаніи, и начальствовалъ ею во время войны, — Вячеславъ Володимировичъ (1151).

Предпринимая войну, онъ собиралъ вой, расселенныя по городамъ и волостямъ, — Ярополкъ, (1135).

Ходилъ обыкновенно самъ, иногда посылалъ вмѣсто себя сына, брата, родственника, воеводу: Мстиславъ Володимировичъ—братъевъ и сыновей (1125); Андрей Боголюбскій—сына Мстислава, воеводу Бориса Жидиславича (1869); Святополкъ Изяславичъ Путятю (1097).

Въ сраженіи принималъ личное и непосредственное участіе, и чуть ли не начиналъ его: Андрей Боголюбскій (1151, 1152).

Находился при большомъ полку: Глѣбъ Юрьевичъ (1172).

По окончаніи войны распускалъ вой: Рюрикъ Ростиславичъ (1195).

Заключалъ миръ: братья Изяславъ и Всеволодъ (1072).

Съ пріобрѣтеніемъ или уступкою волостей: Андрей Боголюбскій (1169).

Переговаривался съ князьями лично: общіе съѣзды (1097, 1100), Всеволодъ Ольговичъ съ братьями (1142).

Или чрезъ пословъ, имъ назначенныхъ: Давидовичи съ Изяславомъ Мстиславичемъ (1147).

Подчинялъ себѣ противниковъ: Мономахъ (1117), сынъ его Мстиславъ.

Пересылался по усмотрѣнію съ иностранными государями: Изяславъ Мстиславичъ съ королемъ Угорскимъ, Ляшскимъ и Чешскимъ (1149).

Ходилъ къ нимъ на помощь: Мономахъ и Олегъ къ Ляхамъ на Чеховъ (1076).

Посылалъ—Всеволодъ Ольговичъ зятю Владиславу (1142).

И получалъ помощь: Изяславъ Мстиславичъ отъ Угровъ (1149).

Предпринималъ походы въ чужія страны, Андрей Боголюбскій на Болгаръ (1164), Георгій Всеволодовичъ на Мордаву (1220).

Ставилъ города по мѣрѣ надобности: Ярополкъ Володимировичъ городъ Желди (1116), Юрій Долгорукій Переяславль, Юрій Всеволодовичъ Нижній.

Переводилъ людей изъ города въ городъ: Святополкъ Изяславичъ (1095).

Распоряжался въ городѣ: Изяславъ Ярославичъ (1069).

Князю принадлежали особыя села, дворы, волости, земли, холопы, изгон, стада, пчелиныя борти, рыбныя ловли, сѣножати, (1140, 1146, 1156, 1158, 1159, 1171), что видно и по грамотамъ—Мстиславоу (1125). Смоленской Ростиславоу (1150) и проч.

Князь имѣлъ при себѣ особыхъ исполнителей и служителей, изъ коихъ упоминаются ключники (1154, 1174), стольники (1230), меченоши (1210).

Князья считались властелинами своихъ подданныхъ и господами земли (1071), впрочемъ всегда въ смыслѣ временнаго владѣнія, а не собственности (1197).

Таковъ былъ кругъ дѣятельности княжеской. Разсматривая его, подумаешь, что князь дѣлалъ, что хотѣлъ въ своемъ княжествѣ. Нѣтъ, власть его ограничивалась другими дѣятелями, которые по временамъ также дѣлали, что хотѣли, и тѣмъ восстанавливали равновѣсіе силъ, или производили новое замѣшательство, беспорядокъ.

Эти дѣятели—дружина, вой, города.

Дружина.

Дружина, впродолженіи Норманскаго періода, восполнялась преимущественно выходцами съ дальняго сѣвера, приходившими въ Гольштардъ, по зову князей, участвовать въ ихъ удачныхъ походахъ на берега Чернаго и Каспійскаго морей, въ Европѣ и Азіи, на Константинополь, въ Дунайскія страны. Въ свободное время дружинники жили съ княземъ въ Кіевѣ, или уходили отъ него на промыселъ, гдѣ казался имъ выгоднѣе.

Послѣ кончины Ярослава движеніе изъ Скандинавіи прекратилось, и жители Швеціи, Норвегіи и Даніи, устѣлись крѣпко на своихъ мѣстахъ, въ благоустроившихся государствахъ. Дружина Кіевская должна была замкнуться въ своемъ составѣ, но еще долго держался въ ней духъ стараго движенія, и при первомъ преемникѣ Ярославомъ, вслѣдствіе расири съ княземъ, она собиралась по знакомому пути идти въ Грецію, предавъ Кіевъ сожженію.

Потомъ и туда путь закрылся нахлынувшими толпами Половцевъ, которые заняли низовья Днѣпра и Дона: дружинники сохранили первоначальный обычай перехода, измѣнивъ только цѣли своихъ путешествій, т. е. переходя отъ князя къ князю, по усмотрѣнію.

У каждого князя была своя дружина (1033, 1067), которая всюду слѣдовала за нимъ (1093, 1140), жила большею частію при немъ, въ его стольномъ городѣ, въ дѣтинцѣ, такъ какъ онъ часто имѣлъ въ ней нужду, при безпрестанныхъ войнахъ и поводахъ къ столкновеніямъ.

Дружина удерживала свое раздѣленіе первоначальное: на старшую (первую, лучшую, большую), т. е. бояръ и мужей (1093, 1147), и молодшую (меньшую), отрокъ или дѣтскихъ (1149, 1169).

При умноженіи князей значеніе дружины возвысилось еще болѣе: князь безъ дружины не значилъ почти ничего, и потому дружина составляла драгоцѣннѣйшее его сокровище (1146, 1181), пользовалась его уваженіемъ (1145), имѣла на него всегда сильное вліяніе, припимала живое участіе во всѣхъ дѣлахъ (1147), выражала свое мнѣніе свободно, и дѣйствовала часто

по своему произволу (1067), владѣла домами, селами, дворами (1146), многимъ товаромъ, т. е. имуществомъ (1159), получала часть добычи, пиrowала вмѣстѣ съ княземъ (1064); попоземельной наследственной собственности у дружины, въ политическомъ или государственномъ смыслѣ, слѣдовъ не примѣчается.

Дружина назвалась впоследствии дворомъ (1192), а члены, ее составлявшіе, дворянами.

Оставаясь по смерти князя въ городѣ, она поступала на службу къ его преемнику, пользуясь тѣмъ же окладомъ, или расходилась, хотя частію, по его дѣтямъ (1154, 1171).

Бояре назывались и мужами (1136).

Бояре имѣли своихъ отроковъ, чадъ, кои составили впоследствии дворню—родоначальниковъ дворовыхъ людей (1095, 1177).

Боярамъ поручались главныя должности: посадника, тысяцкаго или воеводы, тиуна (1146, 1176).

Званія боярскія и дѣтскія были наследственны, то есть, точно какъ были съ самаго начала, роды княжескіе, такъ точно были роды боярскіе и роды отроковъ или дѣтскихъ (впоследствии дѣтей боярскихъ). О пожалованіи въ это званіе, о приобрѣтеніи его заслугами, нѣтъ нигдѣни малѣйшаго указанія въ древнее время, ни даже намска.

Тоже должно сказать о нѣкоторыхъ должностяхъ, напримѣръ воеводы или тысяцкаго: онѣ передавались наследственно, или, по крайней мѣрѣ, принадлежали, поручались лицамъ извѣстныхъ родовъ по преимуществу, при чемъ было нужно, разумѣется, утвержденіе княжее, точно какъ для самихъ князей народное. Такъ у Андрея

Боголюбскаго воеводою былъ Борисъ Жидиславичъ (1171, у брата его Всеволода Михайль Борисовичъ (1204, 1207), у сына его Георгія Жирославъ Михайловичъ (1237).

Между отроками должно замѣтить грядней (1166) и мечниковъ (1146, 1175), пасынковъ (1177), и кощеевъ (1170).

Города.

Городское населеніе, потомки пришлыхъ Варяговъ-Руси, сохранило свой древній военный характеръ. Всѣ дѣйствія, приписываемыя лѣтописями жителямъ городовъ, обличаютъ въ нихъ первоначально военныхъ людей, напримѣръ, угроза Ярославичамъ уйти въ Грецію. Также подъ г. 1147, 1151 и проч. Прѣжнее ихъ населеніе подчинилось совершенно пришлому. Города сдѣлались военными посадами, въ родѣ древнихъ Римскихъ колоній, какъ теперь это посады побольшей части правительственныя.

Города получали свое значеніе, преимущественно, какъ пребыванія князей, придававшихъ имъ блескъ и важность, а сами по себѣ значили не много, развѣ который имѣлъ особенно выгодное положеніе или славень былъ древностію, наприм. Кіевъ.

Военное сословіе, составляя главную часть народонаселенія городского, принимало, вмѣстѣ съ дружиною, участіе въ общихъ княжескихъ и своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, смотря по обстоятельствамъ, въ такъ называемыхъ вѣчахъ.

Вѣча встрѣчаются по лѣтописямъ во всѣхъ городахъ: въ Кіевѣ (1067, 1068, 1113, 1146, 1147, 1150), Владимиръ-Волынскомъ (1097), Звънигородѣ (1147), Полоцкѣ (1159, 1186), Смоленскѣ (1185), Ростовѣ (1157, 1175), Суздаль (1157,

1175), Владимиръ - Залѣскомъ (1157, 1175, 1176), Переяславъ (1175), Рязани (1177), Галичъ (1231).

Вѣча бывали иногда на походъ (1185).

Мірскія сходки нашего времени по селамъ суть древнія волостныя вѣча.

Вѣча созывались самими горожанами (1146), княземъ (1147, 1148, 1150, 1231), его уполномоченными (1147), въ отсутствіе князя (1159), противъ воли князя (1159), въ между-княжіе (1068, 1079, 1113, 1147, 1154, 1157, 1175, 1177).

На вѣчѣ присутствовало все населеніе городское, преимущественно все военное сословіе, населявшее городъ, (что видно изъ всѣхъ мѣстъ): князь, бояре, остальная дружина (1147), кушцы (1177).

Мѣсто собранія вѣча въ Кіевѣ было: на торговой площади (1067), у Туровой божницы (1146), у Св. Софій (1147).

Вѣчевыя собранія происходили вслѣдствіе обстоятельствъ. Это было явленіе случайное, право по обычаю: городской людъ, бывъ доволенъ, или, не имѣя силъ, молчалъ и жилъ спокойно; недовольный—созывалъ вѣче и принималъ свои мѣры.

Вѣчевыя рѣшенія, въ старшихъ городахъ, были закономъ для младшихъ или пригородовъ (1151, 1175), но не безусловно (1175, 1177).

Касательно предмета вѣчъ—горожане на вѣчахъ избирали князей (1113), принимали (1138), или отвергали (1095), изгоняли князей (1128).

Право это было также отрицательное, если можно такъ выразиться, т. е. соблюдалось и не соблюдалось. Князья слѣдовали,

какъ мы уже видѣли, одни за другими по своему порядку, безъ возраженія со стороны горожанъ, которыхъ согласіе предполагалось; иногда на оборотъ, города предлагали условія князьямъ, уговаривались и присягали взаимно, приносили жалобы; князь дѣлалъ горожанамъ лично или чрезъ своихъ повѣренныхъ предложенія, кои принимались ими, или отвергались; горожане предлагали свои мѣры; безъ князя разсуждали объ общественныхъ дѣлахъ (1146, 1147), продолжать ли войну, или мириться, сдаваться и т. п.

Вѣче открывалось съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обычаевъ (1157).

Городское населеніе, военное сословіе, происшедшее отъ прежняго племени Варяго-Русскаго, было весьма немногочисленно, и у самыхъ сильныхъ князей, наприм. Кіевскаго, Владимирскаго, число воевъ, кои могли они выставить въ поле, въ нужнѣйшихъ случаяхъ, кромѣ чрезвычайныхъ, напримѣръ въ Половецкомъ походѣ, простиралось тысячъ до трехъ; у другихъ оно должно было быть гораздо менѣе, по 500 и т. п. Такъ точно и въ городахъ ихъ, большихъ и малыхъ, жило по количеству соразмѣрному.

Этимъ малымъ количествомъ воевъ, бывшихъ въ дѣйствіи, объясняется, какъ случилось, что князья съ поля сраженія убѣгали иногда-самъ другъ, самъ-третей, наприм. 1093 г. Святополкъ, 1149 Изяславъ Мстиславичъ, 1216 Юрій и Ярославъ. Этимъ объясняется и неуспѣшность большей части осадъ. Силъ вообще было недостаточно, взятыя были некъмъ; воевъ было мало, такъ что небольшого перевѣса

въ средствахъ у одной изъ двухъ противныхъ сторонъ было довольно для успѣха, и осажденные, затворясь въ городъ, могли всегда бороться долго со своими врагами.

Малочисленностию воевъ объясняется также легкость ихъ движеній; это были толпы, кои удобно могли ходить по дорогамъ, не раздвѣлаясь и не затрудняясь нисколько въ продовольствіи. Иначе нельзя было бы понять нѣкоторыхъ походовъ и многихъ явленій въ междоусобныхъ войнахъ, на прим. въ 1064 г., Ростиславъ, бѣжа изъ Новгорода съ Поръемъ и Вышатою, могъ выгнать внезапно Глѣба изъ Тмуторакани. Онъ вышелъ оттуда, когда отецъ, Святославъ Черниговскій, пришелъ па помощь къ сыну, и по удаленіи занялъ въ другой разъ. Такъ Ярополкъ Изяславичъ въ 1085 г., княжа во Владимирѣ Волынскомъ, считалъ для себя возможнымъ бороться съ дядею, Великимъ княземъ Кіевскимъ, Всеволодомъ Ярославичемъ.

Вои раздвѣлялись на тысячи и сотни. Самое названіе тысяцкаго и сотскаго служить доказательствомъ о бывшемъ существованіи тысячей и сотенъ: если были тысяцкіе и сотскіе, то были тысячи и сотни.

Земля, волости, дань.

Къ каждому городу принадлежало извѣстное пространство земли, составлявшее его округъ, какъ бы уѣздъ, раздѣленный на волости, прежде верви, имѣвшія, вѣроятно, отношеніе къ тысячамъ, на погосты, впоследствии на станы.

Раздѣленіе земли по городамъ отъ первыхъ князей было основано преимущественно на различіи племенъ и нарѣчій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми живыми урочищами, въ особенностяхи рѣками.

Волости, приписанныя, говоря понынѣшнему, къ городу, или, выражаясь древнимъ складомъ, притянутыя, обложены были данью еще отъ первыхъ Варяжскихъ князей.

Дани наложены были огульно (напримѣръ Новугороду Олегъ назначилъ платить двѣ тысячи гривенъ), и раскладывались плательщиками между собою, или порознь, по щягу, черной кунѣ, бѣлкѣ, отъ дыма, отъ рала. Такъ точно и доставлялись поданными племенами и дѣлились въ городахъ, вѣроятно по раскладкѣ.

Дани съ однихъ волостей шли въ елѣтъ княжую, то есть принадлежали собственно князю; другія, по его распоряженію, предоставлялись жевѣ, дѣтямъ, родственникамъ; нѣкоторыя волости отдавались боярамъ; остальные опредѣлены были на содержаніе воевъ, то есть городовъ, въ коихъ обитали вои. Чуть ли не съ самаго начала всѣ земли первыми князьями были раздѣлены на княжія, боярскія, городовыя.

По мѣрѣ размноженія князей города съ своими волостями поступали имъ въ удѣлъ; нѣкоторые образовали удѣльные княжества, которыя иногда отдвѣлялись совершенно, пріобрѣтая совершенную независимость.

Князья, въ удѣльныхъ княжествахъ, основывали свое пребываніе въ старыхъ главныхъ городахъ, средоточіяхъ древнихъ племенъ, наприм. въ Смоленскѣ у Кривичей, въ Черниговѣ у Сѣверянъ; иногда выбирали себѣ по усмотрѣнію другіе, въ предѣлахъ доставшейся волости находящіяся, напримѣръ Овручъ, (Рюрикъ Ростиславичъ 1160), Пересопницу (Мстиславъ Нѣмой); иногда строили новые города, на примѣръ Владиміръ Залѣсскій.

Князья, поступая на столы отдѣльных княжествъ, опредѣляли дани съ мѣста еще точнѣе и подробнѣе первыхъ князей, какъ мы видимъ то изъ грамоты Ростислава въ Смоленскѣ (1150), и Святослава Ольговича въ Новгородѣ (1137). Они дѣлали новую раскладку: брали себѣ княжескія волости; боярамъ и отрокамъ, оставшимся на ихъ службѣ, отдавали прежнія ихъ волости; вновь пришедшимъ съ ними отдавали волости ушедшихъ, или назначали вновь изъ свободныхъ.

Чѣмъ больше волости или волостей принадлежало къ городу, и чѣмъ больше сіи волости приносили доходу, тѣмъ городъ былъ желаннѣе, завиднѣе.

Князья удерживали себѣ нѣкоторыя волости и въ оставленныхъ княжествахъ, смотря по условіямъ и по любовнымъ сдѣлкамъ съ заступившими тамъ ихъ мѣсто братіями.

Содержаніе, т. е. количество волостей служивымъ людямъ, боярамъ и отрокамъ, опредѣлялось сначала, вѣроятно, большею частію вездѣ равное, (какъ и послѣ въ царскій періодъ), что и избавляло, съ одной стороны, отъ затрудненій дѣлежа при всякомъ новомъ водвореніи, а съ другой препятствовало усилению, обогащенію, и даже осѣлости сословія высшаго, т. е. боярскаго и отроческаго.

Волости, опредѣленные сначала на содержаніе воевъ или городовъ, оставались за ними, за городами, не перемѣняя такъ часто господъ, всѣхъ крѣпче. Можетъ быть, —это черныя волости, которыя за разбродомъ, переводомъ, если не истребленіемъ, перваго военнаго поселенія, остались на время безъ хозяевъ.

Сельское населеніе.

Туземцы работали, т. е. воздѣлывали землю и платили дань натурою, какъ на примѣръ сказано это о Радимичахъ: повозъ везуть и до сего дня, (т. е. до времени лѣтописателя), мѣхами—бѣлками (Поляне, Сѣверяне, Вятчи), черными кунами (Древляне) и деньгами—цѣлгами (Радимичи).

Назывались они въ отношеніи къ пришедшимъ князьямъ, или отъ нихъ, смердами, (а послѣ черными людьми).

Туземное народонаселеніе, племени Славянскаго, не принимало никакого участія въ войнахъ, а спокойно продолжало свои занятія, какъ прежде, даже и по водвореніи между ними Варяговъ-Руси; занималось ремеслами, и торговало, особенно въ городахъ.

Судьба поселянъ, или, какъ называла ихъ первая Русь, смердовъ, оставалась безъ большихъ перемѣнъ. Для нихъ было все равно, кому бы ни шла ихъ дань—князю ли, боярину, монастырю, или для содержанія воевъ. Состояніе ихъ, кажется, было сносное; никакой особенной тягости они не несли. Исполнить свои обязанности было легко; средства для пропитанія были вездѣ въ обиліи, земли удобной было много, лѣсовъ съ дикими звѣрями и птицами, воды съ рыбою также. Война—это было дѣло княжее, и до поселянъ она не касалась. Приходилось терпѣть во время походовъ и войнъ междоусобныхъ изрѣдка, и то по большимъ дорогамъ. Послѣ пожара выстроиться было не трудно.

Земля искони была у поселеній въ общемъ владѣніи—отличительное явленіе Русской Исторіи, и справедливо замѣчаютъ, что

«только въ общемъ владѣнн можно искать «причины молчанія древнѣйшихъ нашихъ «законовъ касательно наслѣдства поземельной собственности. Земля въ Русской «Правдѣ со всѣмъ не упоминается, какъ «предметъ наслѣдства.»

Неизмѣримое количество земли по всѣмъ сторонамъ было причиною, что цѣны долго ей не придавалось, относительно частнаго владѣнн, и всякій могъ селиться, гдѣ ему было угодно, неся извѣстную повинность.

Свобода переходить была у поселянъ полява, (живи гдѣ хочешь), и не встрѣчается ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ никакого мѣста, изъ котораго бы можно заключить объ ихъ принадлежности къ землѣ или личной зависимости. Положительныя извѣстнн о холопахъ, закупахъ и кабальныхъ людяхъ, доказываютъ свободу прочихъ областей земля Русской, которая, такъ сказать, разумѣлась сама собою.

Приложимъ нѣсколько общихъ замѣчаннй объ отношеннхъ всѣхъ этихъ дѣателей— князей, дружины и воевъ, городовъ, смердовъ, между собою.

Отношенн князя къ волостямъ и смердамъ состояли въ полученнн дани, въ правѣ суда и разныхъ поборахъ.

Дружина жила обыкновенно въ городахъ при князьяхъ, да и неудобно, опасно было князьямъ отпускать отъ себя дружину, при частыхъ поводахъ къ столкновеннмъ и междоусобныхъ войнахъ. Имѣя возможность и удобство помогать и мѣшать, дружина сама по себѣ не могла для себя дѣлать ничего; сборная, бродячая, не составляла она замкнутаго цѣлага, не могла приобрести особаго

отдѣльнаго значеннн и потому, что была малочисленна, состояла изъ двухъ отдѣленнй различныхъ, уменьшалась болѣе и болѣе, по мѣрѣ размноженнн князей, между коими безпрестанно размышалась, и часто перемѣняла мѣстопробываннн, не имѣя наслѣдственной поземельной собственности.

Самые бояре не могли сдѣлать ничего безъ князя, какъ и князь безъ нихъ. Ходившнне взадъ и впередъ за князьями, привязанные только къ одному лицу своего князя, дававшего имъ кормленнн, разсыянные по княжествамъ и городамъ, безъ всякой связи между собою, въ зависимости отъ князей, они не могли составить особаго живаго сословія; связи между ними же не могло быть никакой, такъ какъ не было и общихъ выгодъ.

Въ такихъ же отношеннхъ къ князю находились и города, выражавшнне часто свою волю, совершенно несогласную съ его видами, но неспособные къ собственной дѣятельности, по своей отдѣльности и безпомощности, относительному малочислнн, завися отъ главнаго города, гдѣ князь имѣлъ силу и большое влнннн.

Отношенн ихъ къ волостямъ ограничивалось полученннмъ опредѣленной дани. Перемѣняя ихъ, не имѣя мысли объ ихъ удержаннн, бояре не привыкали, какъ и князья, ни къ какой мѣстности.

Смерды жили особою жизнью; заплативъ дань съ дыма, съ плуга, — князю, боярину, монастырю, городу, могли быть спокойны; кромѣ особенныхъ случаевъ, гдѣ слѣдовали съ нихъ опредѣленные поплинны, имъ не было дѣла до междоусобннй княжескихъ, въ коихъ лично не участвовали.

Земля заселенная преимущественно по большимъ судоходнымъ рѣкамъ, не составляла ничьей собственности, не имѣла, сама по себѣ, никакой цѣны. Между жилыми мѣстами находилось вездѣ много пустопорожныхъ пространствъ, гдѣ свободно было ставить слободы князьямъ, боярамъ и всякимъ сильнымъ людямъ: туда сходились со всѣхъ сторонъ смерды, желая подъ покровительствомъ пользоваться еще большимъ спокойствіемъ, защитой, — и въ древнѣйшихъ нашихъ законахъ встрѣчается уже много статей о такъ называемыхъ ролейныхъ закупахъ.

Таковы были особенности и отношенія различныхъ сословій государственныхъ. Но эти особенности и отношенія мы видимъ уже въ самомъ проявленіи, дѣйствіи, событіи: отнюдь не были онѣ опредѣлены никакими правилами съ ясностію, и не были съ точностію разграничены. Никакой народъ не представляетъ такого отвращенія отъ обряда (формы), какъ Русскій. Да и нужды въ этомъ обрядѣ (формѣ) не оказывалось. Въ нашей исторіи, все происходило смотря по обстоятельствамъ, и рѣшалось по усмотрѣнію дѣйствующихъ лицъ, по требованіямъ минуты, или соглашенію, полюбовнымъ сдѣлкамъ въ извѣстное время; господствовали не правила, а обстоятельства, свободная воля, здравый смыслъ. О писанномъ правѣ никогда и помину нѣтъ, вездѣ имѣется въ виду только живое право, какъ оно дѣйствующими лицами въ данную минуту себѣ представляется.

Мы усматриваемъ нѣсколько, очень мало, коренныхъ обычаевъ, и то по большей части въ ихъ уклоненіяхъ, каковы суть: для князей—право старшинства, отчинность, провинность,

для бояръ—право перехода, для городовъ и волостей—вѣчевыя собранія, для смердовъ обязанность платить дань, раздѣленіе волостей по городамъ.

Какъ ни мало было этихъ коренныхъ правилъ, но часто не исполнялись и онѣ, служа князьямъ только предлогами къ спорамъ.

Князь наследовалъ по старшинству, но случалось, что являлся ему соперникъ, нарушавшій его право и занимавшій, ни съ того ни съ сего, его мѣсто, (Всеволодъ Ольговичъ), или народъ противопоставлялъ ему своего избранника (Изяслава Мстиславича). Иногда князь назначалъ себѣ самъ преемника (Всеволодъ Ольговичъ), иногда народъ выбиралъ его (Мономахъ), и даже изгонялъ своего законнаго государя (Изяслава Ярославича). Иногда князья, по взаимному соглашенію, сажали одного изъ своей среды на столъ (Мстислава Изяславича).

Теряли волость князья за вину по приговору князей, которые, случайно, брали на себя эту обязанность.

Бояре имѣли право перехода, но случалось, что князь подвергалъ ихъ заточенію (Даніила заточеника), изгнанію (Володиславичей).

Въ однихъ случаяхъ бояре выражали свою волю, въ другихъ—люди, тѣ и другіе требовали войны, или отказывались отъ войны, и князь долженъ былъ ихъ слушаться.

Вѣча собирались, какъ случится, княземъ, противъ князя, боярами, простыми людьми.

Припомнимъ теперь событія удѣльнаго періода, именно съ этой точки, въ отношеніи къ ихъ случайности, и неопредѣленности, подтверждая наше замѣчаніе объ

отличительномъ характеръ Русской исторіи. Мы войдемъ въ нѣкоторые повторенія, но онѣ необходимы для ясности.

Ярославъ раздѣлилъ свое владѣніе между пятью сыновьями:

Изяслава посадилъ онъ въ Туровѣ,
Святослава въ Черниговѣ,
Всеволода, любимаго, въ Переяславлѣ,
Вячеслава въ Смоленскѣ,
Игоря во Владимирѣ.

Выборъ стольныхъ городовъ зависѣлъ, разумѣется, отъ его *воли* и усмотрѣнія.

Къ Черниговскому княжеству присоединены еще Муромская страна и Тмутаркань, а къ Переяславскому Суздальская и Ростовская.

Въ Новгородѣ оставался сынъ Володимера, умершаго не задолго до смерти отца, Ростиславъ, малолѣтній, но Изяславъ, вѣдвѣвшій туда во время кончины Ярославовой, вѣроятно присвоилъ столъ себѣ съ согласія Новгородцевъ, и назначилъ тамъ посадникомъ близкаго Остромира, какъ прежде Ярославъ Коснятина.

На Кіевскомъ столѣ братья должны были слѣдовать по старшинству.

Старшій братъ долженъ былъ занимать отца мѣсто, а все прочее предоставлялось обстоятельствамъ, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ, на примѣръ права старѣйшинства, права отчиннаго, и обязанности князей отвѣчать за вину волостью, какъ бояре отвѣчали головою.

Братья сначала жили мирно. Скончался (1057) одинъ меньшій братъ, Вячеславъ, въ Смоленскѣ, и старшіе братья *переводятъ* туда меньшаго Игоря изъ Владимира, *по своему усмотрѣнію*, а наслѣдство его присвояютъ

себѣ. (Старшій братъ Изяславъ не надѣяется въ правду прочихъ братьевъ, чѣмъ, вѣроятно, и возбуждаетъ ихъ злобу).

Потомъ вскорѣ умираетъ и Игорь. Его наслѣдство братья *раздѣляютъ* на три части.

Дѣти умершихъ Ярославичей, Вячеслава и Игоря, малолѣтныя, остаются на рукахъ у матерей, или у дядей, отъ которыхъ должно было зависѣть ихъ будущее наслѣдствіе, безъ отношенія къ ихъ отчинамъ, а какъ случится.

Оставался въ живыхъ еще сынъ Володимеровъ, братъ Ярослава, Судиславъ, но *объ немъ никто и не подумалъ*, какъ о Кіевскомъ законномъ наслѣдникѣ: просидѣвши 24 года въ порубѣ, онъ только былъ освобожденъ, приведенъ къ кресту, чтобъ не идти противъ племянниковъ, и не искать ихъ власти въ ущербъ имъ, и вскорѣ постригся въ монахи, а потомъ и умеръ.

Какъ сынъ перваго Полоцкаго князя, Изяслава, получившаго съ матерью Рогнедою въ особой удѣлъ, въ отчину, Полоцкъ, Брячиславъ нападалъ на Новгородъ, при началѣ княженія Ярославова, и миромъ выговорилъ себѣ распространеніе волости (Витебскъ и Усвяты); такъ точно и теперь при Изяславѣ первое междоусобіе замышлено сыномъ Брячислава Всеславомъ *безъ всякой законной причины*: онъ напалъ на Новгородъ, ограбилъ, потомъ былъ разбитъ и плѣненъ (1067).

Вслѣдствіе нападенія Половцевъ и *мятежа* въ Кіевѣ, этотъ Всеславъ изъ погребѣ посаженъ былъ на столъ великаго княжества *дружиною*, а Великій князь Изяславъ принужденъ былъ удалиться, *лишенный* всего владѣнія (1068).

Онъ воротился вскорѣ съ Польскою помощью, и Всеславъ, не напедъ себя въ силахъ съ нимъ бороться, бѣжалъ въ свой Полоцкъ (1069). Дружина и вон явились съ повинною головою.

Дѣла и отношенія пришли въ прежній порядокъ, и Ярославичи начали опять властвовать мирно въ своихъ удѣлахъ.

Черезъ четыре года по возвращеніи Изяслава изъ изгнанія, чрезъ двадцать лѣтъ по смерти Ярослава, начинается открытая война, о которой въ лѣтописяхъ сказано прямо: Святославъ *хотя больше власти*, вѣроятно, какъ выше замѣчено, вслѣдствіе обдѣленія (1073). Здѣсь меньшіе братья шли противъ старшаго, имѣвшаго несомнѣнное право, точно какъ прежде шелъ меньшей братъ Мстиславъ противъ старшаго Ярослава, ища себѣ владѣнія, или прежде Володимерь противъ Ярополка, а Ярополкъ старшій шелъ на меньшаго Олега, желая властвовать одинъ.

Въ этихъ войнахъ повторяю, нѣтъ и помину ни о старшинствѣ, ни объ отчинѣ, ни о правѣ, ни о причинѣ: князья ищутъ просто распротраненія своихъ волостей.

Изяславъ принужденъ былъ бѣжать во второй разъ, и оставшіеся братья *раздѣлили* между собой Русскую землю; Святославъ съѣлъ въ Кіевѣ, а Всеволодъ въ Черниговѣ, ему отъ брата уступленномъ, разумѣется, по договору или сдѣлкѣ.

Послѣ продолжительныхъ исканій, Изяславъ воротился съ помощниками, а Святославъ между тѣмъ умеръ, и Всеволодъ *уступилъ* ему Кіевъ, выговоривъ себѣ опять Черниговъ (1077).

Два брата, въ сознаніи своей силы, держали всю землю, и племянники остались *не при чемъ*.

Олегу Святославичу и Борису Вячеславичу пришлось съ Половцами *искать себѣ части*. На сраженіи, проигранномъ впрочемъ ими, — пали В. К. Изяславъ и Борисъ Вячеславичъ, а Олегъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ (1078).

Всеволодъ переимя власть Русскую всю, и распорядился *по собственному усмотрѣнію*: главные ближайшіе города, Черниговъ и Переяславль, отдалъ сыновьямъ. Племяннику, сыну убитаго за него брата Изяслава, онъ предоставилъ Владимиръ вмѣстѣ съ Туровымъ, выговоря, разумѣется, подчиненность, а другой племянникъ Святополкъ оставался въ Новѣгородѣ.

Святославичи, побѣжденные и вновь пытавшіеся неудачно, были *лишены* совершенно владѣній, и всякое право ихъ было забыто.

Другіе племянники, возмужавъ, стали искать себѣ волостей, и нападали кому какъ случалось удобнѣе, на Тмуторакань, Владимиръ. Всеволодъ послѣ разныхъ столкповеній *далъ* имъ: Давиду Игоревичу Дорогобужъ, а Ростиславичамъ города Червенскіе, отрѣзавъ ихъ отъ Ярополкова удѣла.

Этими дачами уменьшался удѣлъ Ярополковъ, и онъ, «*послушавъ злыхъ совѣтниковъ*», вознамѣрился *идти на* самаго В. К. Всеволода, своего *дядю* (1085). Послѣ разныхъ превратностей, онъ былъ убитъ, по наущенію, какъ подозрѣвали, Ростиславичей, видѣвшихъ въ немъ главнаго своего противника (1086).

Святополкъ, по смерти Ярополка, перешелъ изъ Новагорода въ Туровъ, какъ въ

отчину, на княженіе, а Владимиръ *взялъ* себя Всеволодъ; въ Новгородъ *послалъ* онъ внука Мстислава.

По смерти Всеволодовой (1093), Володимеръ, изъ уваженія къ праву, и вмѣстѣ изъ опасенія подвергнуться случайностямъ войны, по доброй волѣ *призвалъ* на столъ великокняжескій старшаго двоюроднаго брата, Святополка Изяславича, изъ Турова.

Святополкъ и Володимеръ ходили на Давыда къ Смоленску, и дали ему *по своему усмотрѣнію* Новгородъ, а Мстиславъ отходилъ въ Ростовъ, призванный вскорѣ опять Новгородцами. Давыдъ возвратился тогда въ Смоленскъ.

Олегу Святославичу пришелъ въ третій разъ съ Половцами, и *досталъ* себя Черниговъ, а Володимеръ отошелъ въ Переяславль (1094).

Святополкъ и Володимеръ *выгнали* его оттуда вскорѣ (1095), за дружбу съ Половцами, и онъ удалился въ Муромъ, откуда *овладѣлъ* — было Володимеровыми городами — Суздалемъ и Ростовомъ, хотѣлъ идти на Новгородъ, но былъ предупрежденъ, и долженъ былъ возвратитъ ихъ подоспѣвшему на помощь изъ Новгорода Мстиславу, 1096.

Положено было порѣшить спорныя дѣла въ Любечѣ на общемъ совѣтѣ (1097), гдѣ и *постановлено* держать князьямъ свои отчины: Святополкъ — Изяславлю, Кіевъ; Володимеръ — Всеволожу, Переяславль; Давыдъ, Олегъ и Ярославъ — Святославлю, Черниговъ. Всеволодовы дачи утверждены: Владимиръ за Давыдомъ, Червенскіе города за Ростиславичами.

Пало подозрѣніе на связь Володимера съ Ростиславичами, и Василько былъ ослѣпленъ,

по уговору Святополка съ Давыдомъ Игоревичемъ. Началась междоусобная война, которая нѣсколько разъ измѣняла всѣ отношенія *по обстоятельствамъ*, и кончилась съѣздомъ въ Увѣтичахъ (1100).

На совѣтѣ положено *отнять* у Давыда Игоревича за его вину Владимиръ, который Святополкъ отдалъ сыну Ярославу.

Давыду предоставленъ Бужскъ, къ которому Святополкъ *прибавилъ* Дубно и Черторыскъ, а Володимеръ и Святославичи *по шести гривенъ*.

Потомъ (1102) Святополкъ и Володимеръ имѣли частный *рядъ* между собою, чтобъ Новгородъ отданъ былъ Святополку для сына, а Мстиславъ занялъ Владимиръ, но Новгородцы воспротивились.

Власть сосредоточилась въ ихъ рукахъ, и они, согласясь между собою, начали дѣйствовать за одно, *по своему благовусмотрѣнію*.

Главное вниманіе ихъ было устремлено на Половцевъ, и они достигли до того, вслѣдствіе многократныхъ нападеній и побѣдъ, что тѣ не осмѣливались тревожить болѣе Русскихъ предѣловъ.

По кончинѣ Святополка (1113) Кіеве *призвали* къ себѣ настоятельно Володимера, хотя онъ и медлилъ къ нимъ прѣхать.

Святославичи, Давыдъ, Олегъ и Ярославъ, не предъявили никакого сопротивленія, потому ли, что не чувствовали себя въ силахъ бороться съ Володимеромъ, или потому что получили себѣ какое-нибудь вознагражденіе (вѣроятно Курскъ).

Олегу впрочемъ вскорѣ умеръ (1115), а потомъ и Давыдъ (1123), Ярославъ же оставался въ Муромѣ.

Володимерь соединилъ въ своихъ рукахъ всю власть, и всѣ князья его *слушались* безъ прекословія. Онъ *роздалъ* удѣлы сыновьямъ: Мстиславу Новгородъ, а потомъ Бѣлгородъ, оставивъ въ Новгородѣ внука Всеволода, Ярополку Переяславль, Вячеславу Туровъ, (вѣроятно по малолѣтству наслѣдника), Святославу Смоленскъ, Георгію Залѣскую страну.

Оказали сопротивленіе князья Полоцкіе, и онъ ходилъ два раза войною на Глѣба Минскаго (1116), который и былъ плѣненъ, и *заточенъ* въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ.

Ярославъ Святополчичъ, который получилъ, вѣроятно, отъ него Владимерь, женился на его внучкѣ, дочери Мстислава, поднялся противъ него, и былъ смиренъ, давъ обѣщаніе являться на зовъ его. Впрочемъ бѣжалъ скоро въ Ляхи, и Володимерь прислалъ во Владимерь сына Романа, а послѣ Андрея.

Ярославъ чрезъ три года *явился* съ многочисленнымъ войскомъ изъ Угровъ, Ляховъ, Чеховъ, съ Ростиславичами, но былъ убитъ случайно при осадѣ Владимира (1123).

По кончинѣ Володимера, (1125), столь его наслѣдовалъ старшій сынъ Мстиславъ, заблаговременно вызванный отцемъ изъ Новгорода, и посаженный на всякій случай подлѣ себя въ Бѣлгородѣ.

Ни Ярославъ Святославичъ, троюродный дядя его, книжившій по смерти братьевъ въ Черниговѣ, ни старшіе троюродные братья его, Брячиславъ и Изяславъ Святополчичи, по причинѣ своей слабости, или малолѣтства, или незаконности, ни дѣти Олеговы и Давыдовы, по причинѣ, что отцы ихъ не княжили въ Кіевѣ, *не могли спорить*.

Мстиславъ съ братьями былъ сильнѣе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и сдѣлался такимъ же *неограниченнымъ* распорядителемъ, какъ и его отецъ. Братья его слушались. О дѣтяхъ и говорить нечего.

Онъ хотѣлъ распространить свою власть еще далѣе, и *подчинить* себѣ Полоцкихъ князей, которые до сихъ поръ жили особнякомъ. Подъ предлогомъ ихъ нежеланія участвовать въ дѣйствіяхъ противъ Половцевъ, онъ выслалъ противъ нихъ войско, и заставилъ Полочанъ перемѣнить князя, а потомъ и всѣхъ князей отправилъ въ ссылку въ Грецію, Полоцкъ же *отдалъ* сыну Изяславу (1129).

Въ Черниговѣ, доселѣ спокойномъ, въ княженіе Мстислава, произошла внутренняя перемѣна. Младшій племянникъ, Всеволодъ Ольговичъ, безъ малѣйшаго права *выгналъ* дядю Ярослава, и заставилъ удалиться въ Муромъ. Всеволодъ Ольговичъ занялъ Черниговъ, который и безъ Ярослава долженъ бы былъ принадлежать Давыдовичамъ, какъ старшимъ, и *удержалъ* его, не смотря на обѣщанія Ярославу Мстислава, котораго, тестя, Всеволодъ успѣлъ умиловить просьбами и бояръ его дарами.

(Можетъ быть, теперь Курскъ достался Мстиславу, т. е. Всеволодъ за помощь уступилъ ему Курскъ, пріобрѣтенный Святославичами при вступленіи на Кіевскій столъ Мономаха, (см. выше).

Мстиславъ былъ сильнѣе всѣхъ современныхъ князей, и распоряжался по усмотрѣнію, но при братѣ его Ярополкѣ начались распри и смятенія (1132).

Братья его сперва испугались, чтобъ онъ не отдалъ Кіева послѣ себя племянникамъ. *Ряды* между ними измѣнились нѣсколько разъ.

Полоцкіе князья ворогились изъ Греціи, и добыли себѣ свою отчину, выгнавъ Мстиславичей. Въ распряхъ Мономаховичей приняла участіе и Ольговичи.

Сосѣдній князь Черниговскій, Всеволодъ Ольговичъ, овладѣвшій и Черниговымъ *насилъственно*, изъ рукъ дяди, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ, началъ притязанія. «Мы хотимъ держать то, что наши отцы держали при вашихъ отцахъ.» (Вѣроятно, опять идетъ рѣчь о Курскѣ). Ярополкъ не уступилъ ему впрочемъ ничего, и при возобновеніи войны, заставилъ отказаться отъ притязанія (1038), но по его смерти Всеволодъ выгвалъ Вячеслава, брата его, даже изъ великаго княжества и овладѣлъ Кіевымъ, какъ прежде Черниговымъ, *насилъственно*, безъ всякаго права, вопреки обычаю (1039).

Что здѣсь дѣйствовала сила, а не право, видно изъ того, что онъ *хотѣлъ* было отнять и Владимиръ, Переяславль, Смоленскъ, Новгородъ, отъ Мономаховичей, но принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, хотя и удержалъ за собою Кіевъ. Мономаховичи не смѣли спорить съ нимъ, и находились въ его волѣ.

Тотъ же произволь видимъ мы и въ дѣйствіяхъ его по отчинѣ: *объщавъ* прежде Черниговъ братьямъ, онъ *отдалъ* однакожъ Давыдовичамъ, имѣвшимъ дѣйствительно большее право. Братья напрасно просили у него надѣленія въ отчинѣ: онъ *настоялъ* на томъ, послѣ многихъ покушеній съ ихъ стороны, чтобъ они удовольствовались нѣкоторыми Кіевскими городами 1142. Такимъ образомъ Всеволодъ продолжалъ держать много и изъ прежняго своего владѣнія, Вятичей.

Всеволодъ предъ смертію *хотѣлъ* укрѣпить Кіевъ за братомъ Игоремъ, и снялъ

присягу со многихъ князей. Игорь имѣлъ общаніе и со стороны Галицкаго Володимерка помогать ему про Кіевъ.

Но лишь только Всеволодъ скончался (1146), какъ и началась война. Игорь плѣнень, *Кіянне хотѣли* Изяслава Мстиславича, которому явился соперникомъ дядя Юрій, нашедшій себѣ естественнаго союзника въ Святославѣ Ольговичѣ Сѣверскомъ, мстителѣ за брата Игоря.

Давыдовичи, напротивъ, хотѣли было, къ своему Чернигову, *овладѣть* и его областію, Сѣверскимъ княженіемъ, которую и покорилъ имъ Изяславъ Мстиславичъ за ихъ союзъ, но не надолго.

Для укрѣпленія себя на Кіевскомъ престолѣ, онъ *призвалъ* старшаго дядю Вячеслава, и рядилъ подъ его именемъ. Юрья, послѣ многократныхъ схватокъ, съ перемѣнными успѣхами, онъ *выгналъ* даже изъ его Переяславля и Городца.

По кончинѣ Изяславовой (1154), Вячеславъ призвалъ его брата Ростислава Смоленскаго, а до прибытія его племянника его Святослава Всеволодовича, сказавъ ему: «перебуди у меня Кіевъ, доколѣ же придетъ Ростиславъ, а *тогда рядъ вси учинимъ.*»

Кіянне говорятъ ему: «до живота твоего Кіевъ тебѣ.»

Ростиславъ *дастъ* Святославу Всеволодовичу, изъ чужаго рода, Туровъ и Пинскъ, принадлежащіе къ *другой* отчинѣ (1154).

Но вдругъ умеръ Вячеславъ (1155), и Ростиславъ сталъ лицомъ къ лицу передъ дядею Юрьемъ, который имѣлъ передъ нимъ право и силу.

Убоясь Изяслава Давыдовича съ Половцами, противъ котораго пошелъ было онъ войною, онъ *уступалъ* ему подъ собою

Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславъ. Тогда Мстиславъ оставилъ его, и онъ долженъ былъ бѣжать, а Изяслава Давыдовича *приняли Кіеве*, опасаясь Половцевъ.

Онъ началъ *ладиться* съ Святославомъ Ольговичемъ, княжившимъ въ Новгородѣ, чтобъ ему сѣсть въ Черниговѣ, а Изяславу въ Кіевѣ; но вскорѣ всѣ они увидѣли, что не могутъ бороться съ подходящимъ Юрьемъ.

Юрій, занявъ Кіевъ, сдѣлалъ свои распоряженія, *роздалъ* сыновьямъ города: Вышгородъ Андрею, чтобъ имѣть подлѣ себя на случай, какъ то дѣлалъ и Мономахъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславъ, Васильку Поросье. Кромѣ того за нимъ осталась Залѣсская страна (1155).

Юрій, одинъ, все-таки *считалъ себя не въ силахъ* держать Русскую землю, искалъ союзниковъ, и кромѣ Галицкой помощи, на которую надѣялся по родству съ Ярославомъ, женившимся на его дочери, *пригласилъ* къ себѣ Ростислава изъ Смоленска.

Ростиславъ, нужный для Юрія, счелъ себя обязаннымъ *хлопотать* за своихъ племянниковъ, сыновъ Изяслава, съ которыми онъ жилъ душа въ душу, и столько лѣтъ дѣлалъ всѣ труды и опасности. Хлопоты и ходатайство были тѣмъ нужнѣе, что Юрій, не любившій ихъ, ходилъ уже на ихъ войною, и *выгналъ* Мстислава изъ Пересопницы, и посылалъ воевъ въ Луцкъ на Ярослава.

Дѣло было въ томъ, чтобъ *удержать* за ними по крайней мѣрѣ Владимиръ. Ростиславъ же, пришедъ Кіеву, нача просити о братавѣхъ своихъ. Гюрги же послуша. Ростиславъ послалъ за братомъ Володими-

ромъ во Владимиръ, и за племянниками Мстиславомъ и Ярославомъ въ Луцкъ, и привелъ ихъ обоихъ, и *съ полкома ея*, а Мстиславъ оставался во Владимирѣ, потому что онъ боялся плѣна. Юрій *принялъ* всѣхъ въ любовь, но не искренно.

Уладившись съ ними и получа Галицкую помощь, онъ послалъ къ Изяславу Давыдовичу спросить: хочешь ли придти къ намъ въ миръ, а не то мы придемъ къ тебѣ. Изяславъ, увидя, что побороть его не можетъ, цѣловалъ имъ крестъ.

На снемѣ въ Лутавѣ Юрій *далъ* ему Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь (1155).

Точно такъ распоряжались князья и въ другихъ княжествахъ. Святославъ Ольговичъ тогда «Сновескъ себѣ *отъя*, и Карачевъ и Воротынескъ» у Святослава Всеволодовича, племянника, «занеже бѣ его отступилъ,» и *далъ* ему за нихъ другіе три города, вѣроятно худшіе.

Рязанскіе князья цѣловали крестъ Ростиславу, Смоленскому князю: имѣхуть и отцемъ себѣ.

Племянникъ Изяслава Давыдовича, Святославъ Володимеричъ, вѣроятно *не довольный* удѣломъ, уѣхалъ изъ Березаго во Вщижъ, и *занялъ* города Подесненскіе (1157).

Андрей, сынъ Юрьевъ, безъ отчей воли, *отошелъ* въ Суздаль (1155).

Мстиславъ Изяславичъ *напалъ* изъѣздомъ на дядю Володимера Мстиславича, полонилъ его жену и тещу, отнял имѣніе, занялъ Владимиръ.

Юрій, обѣщавшійся брату своему Андрею, удержать за его сыномъ Владимиръ, *пошелъ*

на Владимиръ, чтобъ отнять его у Мстислава Изяславича, взявшаго его у Володимера Мстиславича (1156).

О правѣ тутъ рѣчи быть не могло: Мстиславу Изяславичу не слѣдовало отнимать его у дяди, а Юрью для Володимера Андреевича и поготово.

Юрій не могъ взять Владимира, но все-таки *далъ* племяннику Дорогобужь.

Какъ Юрій дѣйствовалъ неискренно въ отношеніи къ Мстиславичамъ, такъ и они въ отношеніи къ нему. Какъ Юрій послѣ клятвы хотѣлъ отнять Владимиръ у нихъ, такъ и они не упустили случая противъ него. Изяславъ Давыдовичъ все думалъ о Кіевѣ, и *примирилъ къ себѣ* Ростислава, и Мстислава Изяславича. Свой только родной, Святополкъ Ольговичъ, не хотѣлъ участвовать въ его предпріятіи, ссылаясь на клятву (1157).

Юрій умеръ скоропостижно, и Изяславъ Давыдовичъ занялъ Кіевъ, *уступивъ* Черниговъ племяннику Святославу Володимеричу, по своему разсужденію.

Явились притязатели на Черниговъ: Святославъ Ольговичъ, который пришелъ съ Святославомъ Всеволодовичемъ. Володимеричу далъ помощь Изяславъ Давыдовичъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ. «Начаша слати межи собою, и тако умирившеса, и хрестъ цѣловаша межи собою.» Разверстка. Черниговъ отданъ Святославу Ольговичу только съ семью мало-важными городами, а вся область осталася у Изяслава Давыдовича съ племянникомъ, за что Святославъ Ольговичъ послѣ жаловался. Новгородъ отданъ Святославу Всеволодичу.

Изяславъ Давыдовичъ, ни съ того ни съ сего, со многими князьями союзными

или подручными, пошелъ *отнимать* Туровъ и Пинскъ у Юрья Ярославича для Володимера Мстиславича (1157).

Туровъ былъ первоначально отчиною Изяслава, принадлежалъ сыну его Святополку и Ярополку. Ближайшее право на него имѣлъ единственный представитель рода, Юрій Ярославичъ.

Союзъ не имѣлъ успѣха.

Возникла война за Ивана Берладника, которому Ярославъ Володимеровичъ Галицкій *не давалъ части*, и котораго принялъ подъ свое покровительство В. К. Изяславъ Давыдовичъ. Ожидая нападенія, онъ предлагалъ Святославу Ольговичу за помощь Мозырь и Чечерскъ, и они *уладились*. Противники отложили нападеніе, но Изяславъ рѣшился искать Берладнику волости, возбуждаемый самими Галичанами.

Попытка не удалась, и Изяславъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ (1158).

Кіевскій столъ упразднился, и союзники *призвали* на него Ростислава Мстиславича (1159).

Ростиславъ въ томъ же лѣтѣ *снимался* съ Святославомъ Ольговичемъ.

Изяславъ Давыдовичъ шатался воюя, и наконецъ успѣлъ *составить* новый союзъ противъ Ростислава, и занять Кіевъ, но отъ Бѣлгорода вслѣдствіе измѣны долженъ былъ бѣжать и въ бѣгствѣ убитъ (1162).

Мстиславъ Изяславичъ *не уладился* съ братіей, и выѣхалъ изъ Кіева недовольный; города его отобралъ Ростиславъ: Торческъ, Бѣлгородъ, Триполь.

На другой сторонѣ Андрей выгналъ братьевъ изъ Суздаля, хотя быти самовластецъ.

Многіе князья пошли на Володимера Мстиславича, который принужденъ былъ уступить имъ Случескъ.

Братъ, В. К. Ростиславъ, далъ ему Триполь, и еще четыре города придалъ къ Триполю (1162).

Помирясь съ Мстиславомъ Изяславичемъ, онъ *возвратилъ* ему всѣ города: Торческъ, Бѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ (1163).

Такъ точно и въ Черниговѣ: по смерти Святослава Ольговича (1164), сынъ его Олегъ *уступилъ* Черниговъ Святославу Всеволодовичу, а себѣ *взялъ* Новгородъ.

Они поссорились опять *по случаю дѣлежа*, по смерти Святослава Володимерича, и Олегъ получилъ наконецъ четыре города.

По смерти Ростислава (1168), братья *послали* за Мстиславомъ Изяславичемъ, но не дожидаясь его, *хотѣли разобратъ себѣ* волости: Володимеръ Мстиславичъ, которому, какъ старшему, *слѣдовало бы* собственно Кіевъ, бралъ къ Триполю Торческъ, все Поросье, Володимеръ Андреевичъ Берестіе, Ярославъ Владимиръ. Но Мстиславъ, *привывъ, взявъ (другой) рядъ* съ братьею, и съ дружиною, и съ Кіяны, и *уладишася* о волости цѣловаша крестъ.

Мстиславъ возбудилъ противъ себя сильнаго Андрея Суздальскаго, *за то* особенно, что вопреки ему далъ сына Романа Новгородцамъ. Ростиславичи питали къ нему подозрѣніе. Володимеръ Андреевичъ *припрашивалъ* волости. Андрей прислалъ сильное войско, къ коему *пристали* всѣ русскіе князья, и Мстиславъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, долженъ былъ бѣжать въ свой Владимиръ.

Андрей *отдалъ* Кіевъ брату, Глѣбу Переяславскому (1169).

Мстиславъ напрасно пытался возвратитъ его, и, постигнутый болѣзнію, «начася слати къ брату Ярославу, рядовы дѣля о дѣтѣхъ своихъ? *Урядився добръ* съ братомъ и крестъ цѣловавъ, якоже ему не *подозрѣти волости* подѣ дѣтми его, преставися (1172).

По смерти Глѣба, Ростиславичи *послали* въ Дорогобужъ, за Володимеромъ Мстиславичемъ, который, *утаився* ротниковъ, пришелъ въ Кіевъ; *они договорились* между собою, но онъ, посадивъ сына Мстислава въ Дорогобужъ, вскорѣ умеръ, и Андрей, гнавшій его, *отдалъ* Кіевъ Роману, но вскорѣ прислалъ на него войско вмѣстѣ съ братьями, *за ослушаніе* (1173).

Войско было прогнано, Ростиславичи *положиша* на Ярослава Изяславича, *пришедшемъ* нечаянно на мѣсто распри, *старшійшинство*, и даша ему Кіевъ.

Святославъ Всеволодичъ напомнилъ ему *первый рядъ* и просилъ *надѣленія*; получивъ отказъ, занялъ Кіевъ *изъздомъ*, но *долженъ* былъ его оставить. Ярославъ *также*.

Ростиславичи просили Кіевъ у Андрея брату Роману (1175), который и пріѣхалъ туда, уже по убіеніи Андреевомъ, но ему вмѣстѣ съ его братьями явился соперникъ Святославъ Всеволодовичъ, которому *также хотѣлось* Кіева, какъ его отцу. Ростиславичи начали *договариваться*, и *уступили* ему Кіевъ послѣ разныхъ столкновеній (1177).

Иде Святославъ къ Любчу, и призва къ себѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, *ряды ему дѣюще...*

Всеволодъ Владимірскій захватилъ его сына, помогавшаго зятю, Рязанскому князю, противъ Великаго князя. Святославу хотѣлось отомстить, «но не мѣлъ Ростиславичи, а

тѣ ми во всемъ пакостять въ Русской землѣ... Давыда ему, а Рюрика выжену изъ землѣ, и *приму* единъ власть Русскую и съ братьею» (1179).

Ошибясь въ расчетѣ, послѣ неудачнаго похода, онъ увидѣлъ себя *съ невозможности* удерживать Кіевъ, и уѣхалъ въ Черниговъ, а Рюрикъ занялъ и *распорядился* съ своими родными (1180).

Святославъ, соединясь съ братьею и Половцами, сказалъ: я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода, я остался вамъ въ отца мѣсто, и велю тебѣ, Игорь, остаться здѣсь и блюсти Черниговъ и всей волости, а я пойду со Всеволодомъ къ Суздалью, выручать сына Глѣба, какъ *разсудитъ насъ Богъ* со Всеволодомъ.

По возвращеніи Святослава Рюрикъ, размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй *лты*, и *урядився* съ нимъ, *ступился* ему *старѣйшинства* и Кіева, а собѣ взя всю Русскую землю, и утвердившеся крестомъ честнымъ.

Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ начали дѣйствовать сообща, какъ прежде Святополкъ и Мономахъ, преимущественно въ отношеніи Половцевъ.

На Галичъ открылись виды. Рюрикъ и Святославъ пошли. «И бывшимъ имъ по мѣсту всимъ и *рядящимся* о волость Галицкую, Святославъ же даяшетъ Галичъ Рюрикови, а собѣ *хотяшетъ* всей Русской земли, около Кіева. Рюрикъ же сего не *улюбяшетъ* лишиться отчины своей, не (но?) хотѣ подѣлиться Галича, и тако *урядившеся*, и возвратишася во свояси.

...Бяшетъ ему (Святославу) тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленскою землею,

того дѣля и съ братьею совокупилися бяшетъ, какъ бы ему ея *не ступити*. Рюрикъ же сослався со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и съ Давыдомъ братомъ своимъ, послаша ко Святославу: мужи своя, рекущи ему: «ты, брате, намъ крестъ цѣловалъ на *Романовъ ряду*, также нашъ братъ Романъ съдѣлъ въ Кіевѣ: дажь стоиши въ томъ ряду, то ты намъ братъ, паки ли поминаешъ давныя тяжа, которыя былъ при Ростиславѣ, то ступилъ еси ряду, а мы *ся съ то недамы*; а се ти крестныя грамоты.» (1190)

Святославъ позва братью свою въ Роговъ, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча съ ними *думати*, хотя на Рязаньскіи князи: бяхуть бо имъ рѣчи про волости. И послашася ко Всеволоду въ Суздаль, *просячися* у него на Рязань. Всеволодъ же ихъ волѣ не створи (1194).

Посла Рюрикъ по брата своего Давыда (по смерти Святослава) къ Смоленску, река ему: брате, се въ осталася старѣйши всѣхъ въ Русьской землѣ, а поѣди ко мнѣ Кіеву; что будетъ о Русской землѣ думы и о братьи своей, о Володимери племени, и то все *у скончаевъ*.

Давыдъ пріѣхалъ, и съ братомъ своимъ Рюрикомъ *ряды* вся уконча о Русской землѣ и о братьи своей, о Володимерѣ племени (1195).

Всеволодъ Суздальскій прислалъ къ нему пословъ сказать: вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимерѣ старѣйшаго; а нынѣ сълъ еси въ Кіевѣ, а мнѣ *еси части не учинилъ* въ Русской землѣ, но *роздалъ* еси инѣмъ молодѣющимъ братьи своей; даже мнѣ въ ней части нѣтъ; да то ты, а то Кіевъ и Руская область; а кому еси въ ней часть далъ, съ тѣмъ же

ен и блюди и стрежи; до како ю съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ пенадобѣ.

Рюрикъ убоялся и спросилъ, чего онъ хочетъ.

Всеволодъ бо *просяше* у него Торцького, Треполя, Корсуня, Богуслава, Канева, еже бѣ далъ зятю своему Роману.

Рюрикъ предоставилъ ему ихъ, а Всеволодъ изъ нихъ отдалъ зятю Ростиславу Торческѣ. Романъ возимѣлъ подозрѣнїе.

Рюрикъ послѣ этой передачи далъ Роману Полоной и полъ Торческа Русскаго.

Но Романъ былъ недоволенъ, и *соединился* съ Ольговичами, а Рюрикъ со Всеволодомъ.

Рюрикъ, сговорясь съ Всеволодомъ и съ братомъ своимъ Давыдомъ, послалъ мужей къ Ярославу и всѣмъ Ольговичамъ: цѣлуй намъ крестъ со всею братьею, чтобъ не искать нашей отчины, Кіева и Смоленска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подъ всѣмъ Володимеримъ племенемъ, и оставаться на всегда, какъ раздѣлилъ Ярославъ, по Днѣпру, а Кіева вамъ нѣтъ. Ольговичи, посовѣтовавшись, отвѣчали: Кіева блюсти подъ тобою, и подъ святомъ твоимъ Рюрикомъ, въ томъ стоимъ, но отказываться отъ него навсегда не хотимъ; мы не Угры и не Ляхи, но единого дѣда внуки, при вашемъ животѣ не ищемъ Кіева, а послѣ кому Богъ дастъ.

Началась война. Всеволодъ заключилъ отдѣльный миръ, и *умолви* съ нимъ (Ярославомъ) про волость свою и про дѣти своя, а Кіева подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленска не искати, и води Ярослава ко честному кресту и всѣхъ Ольговичъ; Ярославъ же посла своя мужа и води Всеволода и Давыда кресту, и Рязанскія князи на *своихъ* рѣдахъ.

Рюрикъ разсердился на Всеволода, и отнялъ тѣ города, которые далъ ему въ Русской землѣ, и *раздалъ* опять своей братьи (1196).

Когда было *мироположенъе* о Русскихъ волостяхъ по возвращеніи изъ Половецкаго похода, кому что слѣдуетъ за его труды для Русской земли, возникла новая *ссора* у Рюрика съ Романомъ, и онъ былъ *постриженъ* (1205).

Послѣ Романовой смерти Рюрикъ *поднялся* опять и *уговорился* съ Ольговичами.

Рюрикъ и Ольговичи, послѣ многихъ *сношеній*, пошли на Галичъ и не успѣли (1205).

Воротаясь, Всеволодъ Чермный, *надѣяся на множество вой*, вниде въ Кіевъ (1206), и сѣде въ немъ, и *разосла* намѣстники своя по городамъ кіевскимъ, и хотя нѣсколько разъ былъ *выгоняемъ*, но наконецъ утвердился въ Кіевѣ, а Рюрикъ въ Черниговѣ.

Потомъ, *приписывая* Ростиславичамъ гибель своихъ родныхъ въ Галичѣ, Всеволодъ Чермный *выгналъ* было ихъ изъ Русской земли, но явился имъ мститель, Мстиславъ Галицкій, который установилъ порядокъ. Всеволодъ бѣжалъ и умеръ въ Черниговѣ (1214).

Мстиславъ Романовичъ и Володимеръ Рюриковичъ дѣйствовали за одно съ Мстиславомъ Галицкимъ по особымъ договорамъ (1214—1235).

На сѣверѣ происходили точно такія же явленія: Всеволодъ *назначилъ* наслѣдникомъ младшаго сына, Георгія, мимо старшаго, Константина.

По смерти его начались споры между братьями, которые кончились полюбовною сдѣлкою (1214).

Мстиславъ Галицкій, воюя противъ меньшаго ихъ брата Ярослава, доставилъ Константину Владимірскій столъ (1216).

По смерти Константиновой повья ссоры между братьями, которые раздѣлились на двѣ стороны, пока наконецъ уладились (1218).

Рязанскіе князья безпрестанно ссорились между собою, и отдавались на судъ В. К. Владимірскаго Всеволода, который, пользуясь ихъ распрями, подчиняетъ себѣ Рязань на время.

Такъ неопредѣленны, или, лучше сказать, такъ измѣнчивы были отношенія между князьями и высшими сословіями государственными, потомствомъ пришлаго Норманскаго племени, дружиною и ея членами, боярами и отроками, городами и воями.

Вслѣдствіе этой зыбкости, мы видимъ, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, отъ кончины Ярослава, до нашествія Монголовъ, безпрерывное *движеніе* князей. Какъ въ великомъ княжествѣ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ княжествѣ, въ каждой отчинѣ, *Князья* переходили по старшинству изъ одного удѣла въ другой, старшій, значительнѣйшій, какъ будто по лѣстницѣ, а всѣ вмѣстѣ смотрѣли на Кіевъ, красовавшійся на ея вершинѣ, какъ на свою вождѣльную цѣль. Такимъ образомъ вслѣдствіе этого права, принесеннаго безъ сомнѣнія съ Сѣвера, или чаще, подъ его предлогомъ, въ землѣ происходила безпрестанная перестановка князей. Ни одинъ князь не былъ и не считалъ себя крѣпкимъ на своемъ мѣстѣ; да и никто того и не желалъ, а стремился куда-то на лучшее мѣсто. Такъ должно

было быть, и иначе быть не могло, по внутреннему коренному убѣжденію и заведенному порядку вещей. Никогда почти князь не могъ надѣяться, чтобъ послѣ его смерти княжество досталось его дѣтямъ; нѣтъ—приходилъ со стороны иной князь садиться на его столъ, а дѣти часто оставались не только безъ владѣнія, но даже безъ приставища, и ихъ надѣленіе всегда зависѣло отъ старшихъ князей, ихъ дядей, и вообще отъ обстоятельствъ. Отсюда происходило, что князья искали владѣнія, всю жизнь свою объ томъ только и думали, а собственности постоянной у нихъ и въ заводъ не было, въ совершенную противоположность съ Западомъ, гдѣ кто сначала сѣлъ, тотъ тамъ и приросъ. Владѣніе поземельное въ высшей мѣрѣ было у насъ пожизненное, а не наслѣдственное, временное пользованіе, потому что и при жизни перемѣнялось по большей части нѣсколько разъ, и такимъ образомъ не могло упрочиваться, развиваться, успѣвать. Вслѣдствіе этого обычая не установились съ самаго начала у князей, на Руси, мысли о поземельной и наслѣдственной собственности.

Князья переходили изъ города въ городъ, ища, гдѣ себѣ лучше, какъ рыба ищетъ, гдѣ ей глубже, а за князьями слѣдовали ихъ дружины, неотлучные ихъ спутники, дѣлившіе съ ними счастье и несчастье, выгоды и потери. Если князю дѣлалось лучше, то и дружинѣ его было лучше; съ новыми пріобрѣтеніями она получала новыя выгоды, постоянныя или временныя. Села съ данями были вездѣ для нея готовы, во всякомъ княжествѣ, чуть ли не по генеральному общему первоначальному варяжскому размежеванію.

Потому же *бояре* и *отроки* не могли также пріобрѣсти себѣ осядлости, и перемѣняли

свои волости такъ, какъ князья перемѣняли города. Ходя постоянно по городамъ съ князьями, имѣвшими безпрестанную нужду, и не могшими отпускать ихъ отъ себя на житье, они не могли снискать постоянныхъ привычекъ.

Кромѣ перехода съ князьями, бояре имѣли еще свое собственное право перехода, то-есть, право оставлять своего князя, въ случаѣ личнаго неудовольствія, и переходить на службу къ другому князю. Это право принесено также съ Сѣвера, и имѣетъ начало въ глубокой древности. Норманны ходили на службу въ Голмгардъ, въ Грецію, къ Козарамъ и по разнымъ владѣніямъ Скандинавіи. Такъ приходили они къ Олегу, Игорю, Володимеру. Такъ при Изяславѣ Кіане, т.-е. не только бояре, но и люди, хотѣли уйти въ Грецію. Когда вѣшніе пути были заперты, бояре ходили между князьями отъ одного къ другому.

Въ этихъ переселеніяхъ принимали иногда участіе и низшіе *вои*, люди, жители *городовъ*, по любви къ князю, въ надеждѣ ббльшихъ выгодъ, вслѣдствіе неустановившагося образа жизни. Такъ въ 1146 году мы видимъ изъ прямаго указанія лѣтописи, что три города вышли, были пойманы и задержаны.

А глядя на нихъ, пріучались переходить съ мѣста на мѣсто и самые *поселяне*, ища себѣ больше льготы и покоя подъ защитою и покровительствомъ значительнѣйшихъ бояръ, удаляясь отъ главныхъ путей сообщенія, по коимъ слѣдовали *вои*, — тѣмъ болѣе, что земли было вездѣ много праздною, и она считалась ни почемъ, совершенно не сходно съ Западомъ, гдѣ каждой лоскутокъ ея былъ дорогъ. Срубить избу, гдѣ бы то ни было, ничего не стоило,

Князья переходили, бояре переходили, *вои* переходили, смерды переходили, города, въ смыслѣ гарнизоновъ, (засадъ), переходили. Города переходили и въ смыслѣ столицъ, то-есть, пребываній княжескихъ. Князья получали себѣ во владѣніе ту или другую волость, выбирали себѣ новое мѣстопробываніе, и такимъ образомъ переносили средоточіе силы и власти. Такъ по временамъ получали и теряли значеніе Овручъ, Галичь, Пересопница, Вщижь, Туровъ.

Предѣлы княжествъ безпрестанно измѣнялись, да ихъ почти и не было, а были предѣлы временныхъ владѣній княжескихъ, на примѣръ, княжество Кіевское при В. К. Изяславѣ Ярославичѣ имѣло одинъ предѣлы, другіе при братѣ его Всеволодѣ, при Святополкѣ, при Мономахѣ, при Мстиславѣ, при Всеволодѣ Ольговичѣ, при Ярополкѣ Володимеричѣ.

И главный центръ княжествъ (*средоточіе*) переносился съ мѣста на мѣсто— Новгородъ, Кіевъ, Владимиръ, (какъ послѣ Тверь, Москва, Петербургъ...?)

Наконецъ, странное явленіе, большая часть древнихъ *городовъ* нашихъ даже вещественно, какъ *поселенія*, не остались на первыхъ своихъ мѣстахъ, на примѣръ, Новгородъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Рязань, Переславль...

Въ этомъ движеніи, представляющемъ какъ бы переходъ отъ кочевой жизни азійской къ осѣдой европейской, въ этомъ броженіи, вслѣдъ за основаніемъ Государства, и распространеніемъ его предѣловъ, представляется одно изъ главныхъ отличій Русской Исторіи отъ Исторіи западныхъ европейскихъ государствъ, и вѣдѣтъ основаніе, условіе, многихъ послѣдующихъ событій,

ЗАКОНЫ.

Русская Правда, данная Ярославомъ, распространенная его сыновьями и внукомъ Володимиромъ Мономахомъ, получила въ продолженіи этого періода еще новыя дополненія и опредѣленія, и заключала постановленія объ убійствѣ, увѣчьи и побояхъ, кражѣ, уликахъ и свидѣтеляхъ, о долгахъ, ростахъ и уплатѣ, о завѣщаніяхъ и наслѣдствѣ, о холопахъ и наемникахъ, объ испытаніи, въ случаѣ неизвѣстности или невозможности добраться до истины, желѣзомъ и водою.

Пени или вирныя пошлины, въ пользу князя и въ пользу обиженнаго, составляли

сущность этихъ постановленій, имѣвшихъ въ виду преимущественно военное, городское населеніе.

Пени были наказаніемъ, которымъ оканчивались всякія преступленія, въ особенности высшаго сословія.

Рабству подвергались несостоятельные должники и неисправные наемники.

Предлагаемъ въ подлинникъ эту Правду, какъ она сохранилась въ спискѣ 1284 года, съ объяснительнымъ переводомъ на нынѣшній языкъ.

СОУДЪ ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМИРИЦА.

ПРАВДА РОУСЬСКАЯ.

Срав. первоначальную Русскую Правду Ярославову, с. 70—72, Правду его дѣтей, с. 96—98. Статьи съ одною звѣздочкою принадлежатъ, въ болѣе или менѣе томъ же видѣ, и первой Правдѣ: съ двумя звѣздочками—второй; съ одной и двумя—принадлежатъ всѣмъ тремъ Правдамъ. Порядокъ статей въ спискѣ Троицкомъ показанъ при основномъ въ скобкахъ, а въ переводѣ числами показывается порядокъ естественный по сущности предметовъ.

1. Ажь оубиеть мужь мужа, то мстити братуу брата, любо отцю, любо сыноу, любо брато чадоу, любо братню сынови; ожели не боудеть кто іего мстыа, то положити за головуу 80 гривень, аче боудеть Княжь мужь, или тивоуна Княжя. Ачели боудеть Роусинь, любо гридь, любо коупець, любо тивоунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, любо Словенинь, то 40 гривень положити зань.

1. Если мужъ убьетъ мужа, то мститъ брату за брата, сыну за отца, отцу за сына, или племяннику, какъ по братѣ, такъ и по сестрѣ; если же некому мститъ, то съ убійцы взыскать деньгами: * за голову мужа или тиуна Княжескаго 80 гривень. * За Русина, гридня, купца, тиуна Боярскаго, мечника, изгой, и Славянина 40 гривень.

2. По Ярославѣ же пакы съвѣкоупивъшися сынове іего: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и моужи ихъ: Къснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша оубиеніе за голову; въ коунами ся выкоупати, а ино все, якоже Ярославъ соудилъ, такоже и сынове іего оуставиша.

О оубииствь.

3. Аже кто оубиеть Князя моужа въ разбой, а головника не ищють, то вирьвноую платити, въ чѣиенже вѣрви голова лежить, то 80 гривенъ; пакы люднѣ, то 40 гривенъ.

4. Которая ли вѣрвь начнетъ платити дикоую виру, колико лѣтъ заплатятъ тоу виру, занеже безъ головника имъ платити.

Будеть ли головникъ ихъ въ вѣрви, то зане к нимъ прикладываіеть, тогоже дѣла имъ помогати головнику, любо си дикоую виру, нѣ силатити имъ въобчѣ 40 гривенъ, а головничство, а то самому головнику, а въ 40 гривенъ іемоу заплатити из дружины свою часть.

Но оже будетъ оубилъ или въ свадѣ, или въ пироу явлено, тѣ тако іемоу платити по вѣрви вынѣ, иже ся прикладываіеть вируоу.

Оже станеть безъ вины на разбой.

5. Будеть ли сталъ на разбой безъ всякой свады, то за разбойника людѣе не платятъ, нѣ выдаютъ и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ, а на разграбленіе.

6. Аже кто не вложитъся въ дикоую виру, томоу людѣе не помагають, нѣ самъ платитъ.

А се покони вирьнии.

7. А се покони вирьнии были при Ярославѣ: вирьнику взяти 7 вѣдеръ солодоу на недѣлю,

2. По кончинѣ Ярослава, соединились сыновья его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и ихъ мужи: Коснячко, Перенѣгъ и Никифоръ, и отиѣнили ищеніе смертію за убійство, и постановили, вмѣсто того, откупаться кунами, а прочее все оставили въ томъ видѣ, какъ узаконено было при Ярославѣ.

О убійствѣ.

3. Если кто убьетъ Княжескаго мужа, сдѣлавъ насильственное на него нападеніе, **и если убійца не будетъ отысканъ; то платитъ за него виру—80 гривенъ та округа, гдѣ совершилось убійство; если же убитый будетъ люднѣ, (свободный человекъ), то 40 гривенъ.

4. Если какая округа начнетъ такимъ образомъ платити дикоую виру, то платежъ сей, поелику онъ дѣлается безъ участія убійцы, можетъ быть разсроченъ на нѣсколько лѣтъ.

Если же убійца находится самъ въ оной округѣ, то, поелику онъ равномѣрно участвуетъ въ платежѣ пени, и она взаимно должна помогать ему, или же платити дикоую виру, то-есть, заплатити, съ своей стороны, общими силами 40 гривенъ, а другія 40 гривенъ пени на свою часть платитъ самому убійцѣ изъ (?) дружины.

Если кто убьетъ человекъ въ ссорѣ, или въ пьянствѣ явно, то убійца платитъ пеню также съ помощію отъ округи.

Если кто убьетъ человекъ безъ причины, разбоемъ.

6. Если кто убьетъ человекъ безъ всякой ссоры, то волостные обыватели не платятъ за убійцу, но выдаютъ его вмѣстѣ съ женою и дѣтьми на заточеніе и разграбленіе.

5. Если кто не вноситъ для дикой виры, тому и другіе не помагають, но платитъ самъ одинъ.

Опредѣленіе вирьныхъ пошлинъ.

19. ** Слѣдующія вирьныя пошлины установлены были при Ярославѣ: вирьнику получать

оже овнѣ, либо полоть, или 2 ногатѣ; а въ среду коуна, оже (въ Троицкомъ спискѣ: же) сырѣ, а въ пятницу также; а коурѣ по двою на день, а хлѣбовѣ 7 на недѣлю, а пшена 7 оубороковѣ, а горохоу 7 оубороковѣ, а соли 7 голважень: то то вирникоу съ отрокомъ; а кони 4, конемъ на ротъ соути овсь. Вирникоу 8 гривенъ, а 10 коунъ перекладная, а метелникоу 12 векши, а съсадная гривна.

О вирахъ.

8. Аже боудеть вира въ 80 гривенъ, то вирникоу 16 гривенъ, и 10 коунъ и 12 вѣкше; а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

О Княжи отроць.

9. Аже въ Княжи отроць, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то 40 гривенъ.

10. А за тиоунъ за огнищныи, и за конюшни, то 80 гривенъ.

11. А въ сельскомъ тиоунѣ въ Княжи, или в ратанинѣмъ, то 12 гривенѣ, а за рядовича 5 гривенъ, также и за боярескѣ.

О ремѣстѣвникцѣ.

12. А за ремѣстѣвника и за ремѣстѣвницю, то 12 гривне.

13. А за смерди и холопѣ 5 гривенъ; а за робоу 6 гривенъ. (Въ Тр. смердни.)

14. А за кормилица 12 гривенъ и за кормилицю, хотя си боуди холопѣ или роба.

О покльпнеи вирѣ.

15. (Изъ Тр. еп.) Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послуховѣ 7, то ти выведуть виру; пакн Варягъ или кто инъ, тогда (то два?).

А по костяхъ и по мертвецѣ не платитъ верви, аже имени не вѣдають, ни знають его.

Оже съвержеть виру.

16. А оже съвержеть виру, тѣ гривна коунъ съметная отрокоу, а кто и кльпалъ, а тому

7 ведеръ солоду на недѣлю, одного барана, или полоть, или вмѣсто того деньгами 2 ногаты; въ среду или сырѣ (сырныи день?) и въ пятницу также, по одной кунѣ, а въ прочіе дни по 2 курицы на день; также 7 хлѣбовѣ на недѣлю, 7 убороковѣ пшена, 7 убороковѣ горохоу и 7 голважень соли. Это должно итти вирникоу съ отрокомъ; да кромѣ того четыре лошади, которымъ давать овса вдоволь. Ему же 8 гривенъ, и 10 кунъ перекладныхъ; а метельнику 12 векшъ, да ссадная (?) гривна.

О вирахъ.

7. Если вира будеть въ 80 гривенъ, то вирнику брать 16 гривенъ, 10 кунъ и 12 векшъ; да предварительно ссадную гривну; за убійство 3 гривны.

О Княжескомъ служителѣ.

8. За убійство Княжескаго служителя, конюха или повара, полагается 40 гривенъ.

9. **За тиуна огнищанъ и тиуна конюшаго 80 гривенъ.

10. **За Княжескаго тиуна сельскаго или земледѣльческаго 12 гривенъ, а за простаго служителя 5 гривенъ; то же и за боярскаго.

О ремесленникцѣ.

11. За убійство ремесленника и ремесленницы взыскивать пени 12 гривенъ.

12. За простаго челоуѣка и холопа 5 гривенъ; за рабу 6 гривенъ.

13. ** За дядьку и кормилицю, хотя бы они были и рабскаго состоянія, 12 гривенъ.

О вирѣ по подозрѣнію.

14. Если будеть на кого вира по подозрѣнію, то онъ долженъ представить 7 свидѣтелей для оправданія; Варягъ или кто иной (чужестранецъ?) двоухъ.

За кости или мертвеца вервь не платитъ.

Если кто отседеть.

15. Если кто отседеть, то черезъ то устрани...

дати другою гривною, а от веры (отъ верви?) помоченаго 9 коунъ.

17. Искавше ли послуха и не налѣзоуть, а истьца начынетъ головою клепати, то ти имъ правдоу желѣзо. Также и въ всѣхъ тяжахъ, и въ татбѣ, и въ поклепѣ, оже не боудеть лица, тѣ тогда дати іемоу железо изнѣвольт до полугривны золота.

Ажели мнѣ, то на водоу, оли до двою гривною; аже мнѣ, то ротѣ ити іемоу по своѣ коуны.

Оже кто оударитъ мечемъ.

18. Аже кто оударитъ мечемъ, не вынезъ іего, или роукоятью, то 12 гривне продаже за обиду.

19. Ожели вынезъ мѣчь, а не оутнетъ, то гривною коунъ.

20. Аже кто кого оударитъ батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылѣснию, то 12 гривнѣ; не тѣрпя ли противоу тому, оударитъ мечемъ, то вины іемоу в томъ нѣтоуть.

21. Ащали оутнетъ роукою, и отпадетъ роука, или оусыхнетъ, или нога, или око, или не оутынетъ(?), тѣ польвиры, 20 гривень, а томуу за вѣкъ 10 гривень.

22. Аже пѣрьсть оутынетъ кын-любо, то 3 гривны продаже, а самому гривна коунъ.

Оже придетъ крѣвавъ моужь.

23. Оже придетъ крѣвавъ моужь на дворъ, или синь, то видока іемоу не искати, нѣ платити іемоу продажу 3 гривны.

Или не боудеть на немъ знаменія, то присяжи іемоу видать, само протавоу слова, а кто боудеть началъ, томуу платити 60 коунъ.

тотъ платитъ отроку за труды по производившемуся дѣлу гривну кунъ, да обвинитель другую, а отъ верви въ помочь 9 кунъ.

16. Если тяжущіеся, искавши свидѣтеля, не найдутъ его нигдѣ, а между тѣмъ истецъ обвиняетъ въ убійствѣ, то дѣло должно рѣшиться испытаніемъ желѣза. Такимъ же образомъ вершить и всякія тяжбы въ воровствѣ, и поклепѣ, при недостаткѣ другихъ очевидныхъ доказательствъ, если только искъ простирается до полугривны золота.

А ежели менѣе, то испытывать водою, даже до двухъ гривенъ, а менѣе—достаточно привести къ присягѣ по своимъ кунахъ.

Если кто ударитъ мечемъ.

20. Если кто кого ударитъ необнаженнымъ мечемъ или его рукояткою, то платитъ 12 гривенъ пени за обиду.

21. *Если же обнажить мечъ, но впрочемъ не ударитъ, то гривну кунъ.

22. *Если кто кого ударитъ тростию, или чашею, или рогомъ, или тупой стороною меча, то платитъ 12 гривенъ; а ежели ударенный, не стерпѣвъ обиды, самъ ударитъ обидчика мечемъ, то того въ вину ему не ставятъ.

23. *Если кто ударитъ кого по рукѣ или по ногѣ, и нога или рука отъ того отпадетъ или усохнетъ, или выколетъ глазъ: то съ такового взыскать въ половину противу пени за убійство, т. е. 20 гривенъ, да въ пользу раненаго за увѣще десять гривенъ.

24. *Ежели кто отрубить у кого какой нибудь палець, то пени 3 гривны, а раненому гривна.

Если кто придетъ окровавленный.

25. *Если кто придетъ на Княжескіи дворъ въ крови, или въ синихъ пятнахъ, то таковой не имѣетъ нужды представлять свидѣтелей, но и безъ того, получаетъ въ удовлетвореніе свое 3 гривны.

Если же на немъ не будетъ знаковъ, то долженъ представить очевидцевъ драки для точнаго объясненія дѣла, и тотъ, кто окажется начинщикомъ драки, долженъ заплатить 60 кунъ.

Ачеже и крѣвавѣ придетъ, или боудеть самъ почаль, а выстоупать послоуси, то то іемоу за платежъ, оже и били.

24. Аже оударитъ мечемъ, а не оутнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, оже лѣчебноіе; потънетъ ли на смерть, то вра.

25. Или пхнетъ моужь моужа, любо к собѣ, любо от себѣ, любо по лицу оударитъ, или жердью оударитъ, а видока два выведоуть, то 3 гривны продаже.

Оже боудеть Варягъ или Колбягъ, тѣ полная видока вывести, и идета на роту.

О челядѣхъ.

26. Аже челядникъ съкрыется, а заключють и на търгоу, а за три дни не выведоуть іего, а познаіети и третии день, тѣ свои челядникъ пояти, а оному платити 3 гривны продаже.

Оже кто всядеть на чужь конь.

27. А оже кто всядеть на чужь конь не прашавъ, то 3 гривны.

28. Аче кто конь погоубитъ, или оружіе, или портъ, а заповѣсть на търгоу, и послѣдъ познаіеть въ своіемъ городѣ, своіе іемоу лицемъ взяти, а за обядоу платити емоу 3 гривны.

29. Аже кто познаіеть своіе, что боудеть погоубилъ, или оукрадено оу него что, или конь, или портъ, или скотина, то не рци: се моіе, нѣ поиди на сводъ: кдѣ іеси възьялъ? съведитеса, кто боудеть виновать, на того татба снидеть; тгда онъ своіе възметъ, а что боудеть съ нимъ погыбло, тоже іемоу начнетъ платити.

Если же истецъ и явится на судѣ окровавленъ, но свидѣтели покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то это вмѣняется ему въ платежъ, хотя его и били.

26. Если кто поранитъ кого мечемъ, но не смертельно, то съ такового взыскать 3 гривны пени, да въ пользу раненаго и на лѣченье гривну; если же убьеть до смерти, то полная вира взыскивается.

27. *Если кто кого пихнетъ къ себѣ, или отъ себя, или заушить, или ударитъ жердью, и если то засвидѣтельствуютъ два очевидца; то взыскать съ такового три гривны пени.

Если же учинившій сіе будетъ Варягъ или Колбягъ, то истецъ долженъ вывести полное число свидѣтелей, и идти къ присягѣ.

О рабахъ.

65. *Если рабъ убѣжитъ, но побѣгъ его будетъ провозглашено на торгу, а тотъ, у кого онъ кроется, не выведетъ его чрезъ три дни послѣ того, и наконецъ это обнаружится; то господину въ семь случаевъ взять своего раба, а съ того, кто держалъ его, взыскать 3 гривны пени.

Если кто съдетъ на чужую лошадь.

52. *Если кто съдетъ на чужую лошадь безъ спросу хозяина, то съ такового взять 3 гривны.

53. *Ежели кто потеряетъ лошадь, оружіе или платье, и о томъ обнарудетъ на торгу, а послѣ опознаетъ потерянную вещь у кого нибудь изъ своихъ согражданъ, то потерявшій имѣетъ право взять ее у него лицемъ, и сверхъ того взыскать съ него 3 гривны за обиду.

54. *Ежели кто опознаетъ у кого потерянную имѣ, или украденную у него вещь, наприкладъ одежду, лошадь или другую какую скотину, то не говори ему: «это вещь моя», но спроси его: «у кого взялъ ее,» и на кого покажетъ, съ тѣмъ свести его; на комъ воровство остановится, тотъ и долженъ быть признанъ виновнымъ; тогда отыскавшій беретъ свою собственность, и вмѣстѣ получаетъ вознагражденіе за все то, что пропало съ нею.

30. Аче боудеть коневым тать, а выдати Князю на потокъ; пакы ли боудеть клѣтным тать, то 3 гриввы платити іемоу.

О с в о д ѣ.

31. А оже боудеть во единомъ городѣ то ити истцю до конца того свода.

Боудеть ли съводъ по землямъ, то ити іемоу до третьяго свода, а что боудеть лице, то тому платити третьемоу, платити коунами за лице.

А съ лицомъ ити до конца сводоу, а истцю ждати прока; а кдѣ смидеть на конечнаго, то тому все платити и продажу.

О т а т ь б ѣ.

32. Пакы ли боудеть что татебно коупилъ въ търгоу, или конь, или пѣрътъ, или скотину, то выведеть свободна моужа два, или мытника; аже начнетъ не знати оу кого коупилъ, то ити по немъ тѣмъ видокомъ на търгоу на роу, а истцю свое лице взяти; а что с нимъ погыбло, а того іемоу желѣти, а оному желѣти своихъ коуиъ, зане не знаиеть оу кого купивъ.

Познаиеть ли на долзѣ оу кого купивъ, то свое коуны възметъ, и сеому платити что оу него погыбло, а Князю продажу.

О ч е л я д и н ѣ.

33. Аже кто познаиеть челядинъ свои оукраденъ, а поиметь и, то оному вести и по коунамъ и до третьяго свода; пояти же челядинъ въ

55. Если кто уличится въ кражѣ лошади, тотъ долженъ быть выданъ Князю на поточеніе; клѣтный воръ платитъ ему 3 гриввы.

О с в о д ѣ.

56. Ежели тотъ, у кого будетъ опознана украденная вещь, станетъ показывать, что онъ получилъ ее отъ одного изъ согражданъ своихъ, и сей будетъ также показывать на другаго, въ томъ же городѣ живущаго человека: то истцу идти съ поличнымъ до конца свода, то-есть, до дѣйствительнаго вора, который уже не въ состояніи будетъ показать ни на кого другаго.

* Но ежели ссылка пойдетъ на жителей постороннихъ, то истцу взять за украденное деньги съ третьяго отвѣтчика, который, между тѣмъ, идетъ съ поличнымъ далѣе, пока наконецъ не отыщется истинный воръ, которому платитъ все и пеню.

О в о р о в с т в ѣ.

58. Если кто купитъ что-нибудь краденое, одежду ли то, или лошадь, или другую какую-нибудь скотину, и настоящій хозяинъ того объявится, то покупщикъ долженъ представить двухъ свидѣтелей, людей свободныхъ или сборщика пошлинъ, которые бы клятвенно подтвердили, что онъ купилъ у неизвѣстнаго ему человека; а истцу взять свое лицомъ; а что съ тѣмъ пропало, того взять не гдѣ, равно и купцу не на комъ взыскивать цѣны купленной имъ вещи, ибо не знаетъ у кого купилъ.

59. Если же въ послѣдствіи времени опознаетъ онъ того человека, который продалъ ему краденную вещь, то взять ему съ него свои деньги, а хозяину вещи доплатить съ него за свои убытки и кромѣ того Князю пеню.

О р а б ѣ.

78. *Ежели кто опознаетъ у кого украденнаго своего раба, то, взявъ его, вести по кунамъ на сводъ до третьяго отвѣтчика, который

челядина мѣсто, а оному дати лице, ать
идеть до конечнаго свода.

А то ієсть не скоть, не лзѣ речи: не
вѣдѣ оу кого ієсмь купилъ, нѣ по языкоу
ити до конча. А кдѣ боудеть конечнии тать,
то опять воротять челядина, а свои поиметь.
И проторъ томоуже платити.

34. Князю продаже 12 гривне въ челядинѣ
или оукрадѣше. (?)

О с в о д ѣ.

35. А и-своего города въ чюжо землю свода
нѣтоуть, нѣ такоже вывести іємоу послуухы,
любо мытника, передѣ кымже купивѣше.

То истцю личе взяти, а прока іємоу же-
лѣти, что с нимъ погыбло, а оному своихъ
коунъ желѣти.

О т а т ь б ь.

36. А оже оубьють кого оу клѣти, или оу
которой татьбы, то оубьють въ пса мѣсто;
ожели и додържать свѣта, то вести и на
Княжъ дворѣ.

Ожели оубьють и, а оуже боудоуть видѣли
людиє связана, то платити в томъ 12
гривне.

37. Аже крадетъ кто скоть въ хлѣвѣ, или
клѣть, тоже боудеть одинъ, то платити іємоу
3 гривны и по 30 коунъ; боудеть ли ихъ
много, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 коунъ
платити.

О т а т ь б ь ж е.

38. Аже крадетъ скоть на поля, или овци, или
kozy, или свинніє, 60 коунъ; боудеть ли ихъ
много, то всѣмъ по 60 кунъ.

дасть ему своего собственнаго раба, а опо-
знаннаго беретъ съ собою, и идеть съ нимъ
до окончательнаго свода.

Отвѣтчикъ не можетъ сказать: «не знаю,
у кого купилъ», ибо рабъ не скоть без-
словесный; слѣдовательно по языку его можно
дойти до дѣйствительнаго вора. Когда же
такимъ образомъ отыщется виновный, то
господинъ беретъ (сведеннаго) холопа, а взя-
таго (въ залогъ отъ третьяго отвѣтника)
возвращаетъ. Виновный же платитъ хозяину
всѣ протори или убытки.

79. **Да Князю пени 12 гривенъ за кражу
раба.

О с в о д ѣ.

57. А изъ своего города въ чужую область
свода не допускается; въ такомъ случаѣ
отвѣтчикъ обязанъ представить свидѣтелей
или сборщика пошлннѣ, въ присутствіи конхъ
купилъ онъ опознанную у него вещь.

(Когда свидѣтели подтвердятъ истину словъ
его,) то истцу взятъ вещь лицомъ, а прочихъ
убытковъ не искать; равно и покупщикъ
невозвратно лишается денегъ, заплаченныхъ
нимъ за взятую у него вещь.

О в о р о в с т в ѣ.

30. **Вора убить въ клѣти на воровствѣ,
можно какъ собаку; но если онъ продер-
жанъ будетъ до свѣта, то вести его на Кня-
жескія дворѣ.

**Если же онъ будетъ убитъ, а другіє видѣли
его связаннымъ, то въ семъ случаѣ платитъ
за убійство его 12 гривенъ.

31. **Если кто украдетъ скоть изъ хлѣва,
или въ клѣти, и будетъ одинъ, то платитъ
онъ 3 гривны и 30 кунъ; если же воровъ
будетъ много, то взыскать со всякаго по
3 гривны и 30 кунъ.

О в о р о в с т в ѣ ж е.

32. Если кто украдетъ скоть съ поля,
овець лн, или козъ, или свиней, тотъ пла-
титъ 60 кунъ; если же при кражѣ было
много, то съ каждаго взыскать по 60 кунъ.

39. Аже крадетъ гоумьно, или жито въ ямѣ. то колико ихъ боудеть крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 коунъ; а оу негоже погыбло, то оже боудеть лице, то лице поиметь, а за лѣто възметъ по полугривнѣ.

40. Паки ли лица не боудеть, а боудеть былъ Княжь конь, то платити зань 3 гривны, а за нѣхъ по двѣ гривнѣ.

А се оуроци скотоу.

41. Оже за кобылоу 60 коунъ, а за волъ гривноу, а за коровоу 40 коунъ, а за третьякоу 30 коунъ, а за лоньщиноу полъгривны, а за теля 5 коунъ, а за свинью 5 коунъ, а за порося ногата, а за овьцю 5 коунъ, а за боранъ ногата, а за жеребець, оже не въсѣдано нань, то гривна коунъ, а за жеребя 6 ногать, а за коровнѣ молоко 6 ногать.

То ти оуроци смърдомъ, оже платять Князю продажу.

*Оже боудоуть холопи татые.
Судъ Княжь.*

42. А оже боудоуть холопи татые, любо Княжи, любо боярьстии, любо чернычи; ихъже Князь продажею не казнить, зане соуть несвободни, то двоци платити истьцю за обиду.

А оже кто скста възищеть.

43. А оже кто възищеть коунъ на друзѣ, а онъ ся начеть запитати, то оже нань выводитъ послоуси, то ти поидоуть на ротоу, а онъ възмѣтъ свое коуны; занеже не даль іемоу за много лѣтъ, то платити іемоу за обиду 3 гривны.

44. Аже кто коупць купцюдасть въ коуплю коуны, или въ гостьбоу, то коупцю передъ послоухы коунъ не имати, послоуси іемоу

33. Ежели украдутъ съ гумва или изъ ямы жито, то со всякаго, кто воровалъ, възять по 3 гривны и по 30 кунъ; а тотъ, у кого было украдено, если украденное будетъ въ наличности, должень възять оное лицемъ; за пользование же вора украденнымъ възять съ него за лѣто по полугривнѣ.

34. "Если украденнаго въ наличности не окажется, и если это будетъ Княжій конь, то (доправлять съ вора) за покражу его 3 гривны, а за покражу у другихъ 2 гривны.

Пени за покражу скота.

35. "За покражу кобылы брать хозяину 60 кунъ, за быка гривну, за корову 40 кунъ, за трехлѣтнаго быка 30 кунъ, за годовика полгривны, за теленка 5 кунъ, за свинью то же, за поросенка ногату, за овцу 5 кунъ, за барана ногату, за жеребца неѣзжалаго гривну кунъ, за жеребенка 6 ногать, за коровѣ молоко 6 ногать.

Син цѣны постановляются для земледѣльцевъ, которыя они должны платити въ пеню на Князя.

*Если уличатся въ воровствѣ холопы.
Судъ Княжескій.*

50. Если будутъ пойманы въ воровствѣ холопы Княжескіе, Боярскіе или монастырскіе; то Князь не взимаеть съ нихъ пени, послѣку они не свободны, но должно платити истцю вдвое за обиду.

Если кто будетъ съ друаго требовать скота (денегъ).

102. "Если кто будетъ требовать съ другаго денегъ, и сей начеть запитаться, то истецъ должень представить свидѣтелей, при конхъ онъ давалъ деньги, и когда свидѣтели въ томъ присягнуть, то онъ беретъ съ должника свои деньги, да сверхъ того 3 гривны за обиду, (причиненную ему долговременною проволочкою).

103. Если купецъ повѣритъ купцу свои деньги для употребленія ихъ во внутреннюю ли то, или заграничную торговлю, и дол-

ненадобъ, нъ ити іемоу самому ротъ, оже ся почнетъ заперати.

О поклажаи.

45. Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то тоу послууха нетоуть; Нъ оже начнетъ болшимъ кляпати, томоу ити ротъ, оу кого то лѣжалъ товаръ, а толко іеси оу мене положилъ, занеже іемоу болого дѣлъ (въ Тр. сп. дѣяль), и хоронилъ товаръ іего.

О рѣзѣ.

46. Аже кто коуны даіеть въ рѣзѣ, или наставъ на медь, или жито въ присопъ; то послуухы емоу ставити, како ся боудеть рѣзилъ, тако іемоу іемати.

О мѣсяцннмъ рѣзѣ.

47. А мѣсяцнныи рѣзѣ, оже за мало, то имати іемоу.

Зандоуть ли ся коуны до тогоже года, то дадять іемоу коуны въ третъ, а мѣсяцнныи рѣзѣ отгрѣноуты.

Послууховъ ли не бо деть, а боудеть коунъ 3 гривны, то ити іемоу про своіе коуны ротъ.

Боудеть ли боле коунъ, то рчи іемоу тако: промиловалъ іеси, оже іеси не ставилъ по-слоуховъ.

А се оустави Володимиръ.

48. А се оуставилъ Володимиръ Всеволодичъ, по Святополче съзвавъ дружиноу свою на Берестовомъ: Ратибора, тысячького Кыіевскаго, и Проконю Бѣлогородскаго тысячького, Станислава, Пьреяславскаго тысячького, Нажира Мирослава, Иванка Чюдиновича, Ольгова моужа, и оустави люди до третьяго рѣза, оже іеметь въ рѣзѣ коуны. Аже кто

жннкъ начнетъ заператься: то въ такомъ случаѣ вступу нѣтъ нужды представлять свидѣтелей, но самъ отвѣтчикъ долженъ при-сигнуть.

О поклажѣ.

104. Ежели кто отдасть кому-нибудь подь сохраненіе свои пожитки, то въ свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Но если хозяинъ начнетъ большаго требовать, то принявшій вещи на сохраненіе долженъ утвердить клятвою, что имено столько, а не болѣе дамо ему (подь сохраненіе); ибо (кто беретъ подь сохраненіе,) тотъ благодѣтельствуеть, и хранить итѣнне другаго.

О ростѣхъ.

105. Если кто отдасть деньги въ ростъ, или медь и жито съ уговоромъ нѣкоторой наддачи; тому въ случаѣ спора представить свидѣтелей, и, согласно ихъ показанію, какая была между ими рада, взять все съ займобрателя.

О мѣсячномъ ростѣ.

106. Мѣсячныи росты позволяется единственно брать за малое время.

Если же заемъ растянется на цѣлый годъ, то займодавецъ беретъ уже третныи росты, а мѣсячныи уничтожаются.

Ежели заемъ будетъ въ три гривны, и займодавецъ свидѣтелей не представитъ, то въ такомъ случаѣ ити ему къ присягѣ.

Если же будетъ простираться свыше ссн суммы, то сказать займодавцу: «пропали твои деньги; зачѣмъ давалъ безъ свидѣтелей».

А это уставилъ Володимиръ.

107. По Святополкѣ, Володимеръ Всеволодичъ собралъ въ Берестовѣ дружиноу свою: Тысячскихъ: Ратибора Кыіевскаго, Проконю Бѣлогородскаго и Станислава Переяславскаго, Нажира Мирослава и Болрина Олегова, Іоанна Чюдиновича, и, (посоветовавшисъ съ ними), опредѣлилъ (брать третныи ростъ только) до третьяго платежа. Кто возьметъ

възміть два рѣза, тѣ то взяти іемоу исто; паки ли възметъ три рѣзы, то иста іемоу не взяті.

О р л в л ъ.

49. Аже кто іемлетъ по 10 коунъ от лѣта на гривноу, то того не отметати.

О в а к у п ъ.

50 (52). Аже закоупъ ѡбжити от господы, то ѡблѣ. Идетъ ли искати коунъ, а явлено ходитъ; или къ Князю, или къ соуднямъ ѡбжити, обиды дѣла своіего господина, нѣ про то не роботати іего, нѣ дати іемоу правдоу.

О п о с л о у ш ь с т в ѣ.

51 (59). А послушѣство на холопа не складають, но оже не боудетъ свободааго, то по воужи ти сложити на боярскаго тиоуна, а на нѣхъ не складывати.

А въ малѣ тяжіе по ноуже сложити на закоупа.

О б о р о д ѣ.

52 (60). А кто порѣвѣтъ бородоу, а выи-метъ знаменіе, а вылѣзуютъ людіе, то 12 гривнѣ продаже; аже безъ людим, а въ полкше, то нѣтоу продаже.

О в о у б ѣ.

53 (61). Оже выбьютъ зуубъ, а кровь оувидати оу него въ ртѣ, а люді вылѣзуютъ, то 12 гривнѣ продаже, а за зуубъ гривна.

О б ѣ р т и.

54 (62). Аже оукрадетъ ктѣ борть, то 12 гривнѣ продаже.

съ своего должника третній ростъ два раза, тому болѣе никакого роста не требовать, а взяти только свой капиталъ; если же занмо-давецъ возметъ три раза третные росты, то онъ лишается своего капитала.

О р о с т ѣ.

108. Если кто беретъ по 10 кунъ съ гривны на годъ, то таковыхъ ростовъ взимать не восприщается.

О н а е м н и к ѣ.

82. Ежели наемникъ уйдетъ отъ своего господа, то онъ чрезъ то дѣлается полнымъ крѣпостнымъ холопомъ. Если же онъ отлучался для отысканія денегъ, или открыто ходилъ къ Князю, или судьямъ, для прошенія на своего господина въ обидѣ, то не обращать его въ рабство, но дать ему расправу.

О с в и д ѣ т е л ь с т в ѣ.

79. Раба въ свидѣтели не призывать; но если не случится свободного гражданина, то по нуждѣ можно сослаться на боярскаго тиуна, но ни на кого болѣе.

Но въ маломъ искѣ дозволено сослаться и на наемника.

О б о р о д ѣ.

28. *Если кто вырветъ у кого клокъ бороды, такъ что вырванное мѣсто будетъ примѣтно, и если свидѣтели то подтвердятъ, то взыскать (съ обидчика) 12 гривенъ пени; но если очевидцевъ нѣтъ, которые бы утвердили истину жалобы, то пени съ отвѣтника не взыскивать.

О з у б ѣ.

29. Если кто у кого выбьетъ зубъ, такъ, что кровь будетъ видна во рту, и если это будетъ подтверждено очевидцами, то взыскать съ (обидчика) 12 гривенъ пени, да (обиженному) за зубъ гривну.

О б о р т и.

36. Кто украдетъ борть, съ того взыскать 12 гривенъ.

55 (63). Аже боудеть росѣчена земля, или на земли знаменіе, иже довлено, или сътъ, то по върви искати въ собѣ татя, любо платити продажу.

56 (64). Аже разнамснаетъ бѣртъ, то 12 гривнѣ.

57 (65). Аже можно перетнеть бортьноюу, или ролѣиноую розореть, или дворноюу тыномъ перегородити, то 12 гривнѣ продаже.

58 (66). Оже доубъ пер тнеть знаменныи или межъвыи, то 12 гривнѣ продаже.

А се наклады.

59 (67). А се наклады 12 гривноу: отрокоу двѣ гривнѣ и 20 коунъ, а самому ѣхати съ отрокомъ на двоу коню, соутѣ же на ротъ овьсь, а мясо дати овьнѣ или полъть, а инемъ кормомъ, что има чрево възметъ. Писцю 10 коунъ, перекладнаго 5 коунъ, а за мѣхъ двѣ ногатѣ.

О жени.

60 (83). Оже кто оубиетъ женоу, то тѣмъ же судомъ слудити, якоже и моужа; оже боудеть виноватъ, то полъвиры, 20 гривенъ.

61 (84). А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтоугъ, нѣ оже боудеть безъ вины оубиенъ, за холопѣ оуроку заплатити, или за робоу, а Князю 12 гривнѣ продаже.

О задницѣ.

62 (85). Аже оумреть смердъ, то задница Князю; аже боудоуть дѣчери оу него дома, то даяти часть на нѣ; аже боудоуть за моужемъ, то не дати имъ части.

О задницѣ боярѣстѣи и о дружинѣ.

63 (86). Аже въ боярѣхъ, или въ дружинѣ, то за Князя задница не идетъ; нѣ оже не боудеть сыновъ, а дѣчери възмоуть.

43. Если земля будеть разрыта, или на землѣ будуть оставлены признаки ловли, или сътъ, то округа обязана искати у себя вора, или платити пеню.

44. *Кто стешеть бортные знаки, срубитъ бортную грань или дубъ, или межевый столбъ, или запашеть между полевою, или перегородитъ дворовую, съ того взятъ 12 гривенъ пени.

Опредѣленіе накладовъ.

45. Слѣдующіе наклады или прибавки постановляются къ 12 гривнамъ: отроку брать 2 гривны и 20 кунъ; а самому (судь?) съ отрокомъ ѣхать на двухъ лошадахъ, и брать на нихъ овса, сколько онѣ могутъ съѣсть; въ пищу себѣ получать изъ мяснаго: барана или полоть и изъ другаго корма, сколько двое съѣдятъ. Писцу давать 10 кунъ, перекладнаго 5 кунъ, да за мѣхъ (?) 2 ногаты.

О жени.

17. За убійство жены тотъ же судъ, что и за убійство мужа; съ виноватаго възискати полвиры, то-есть, 20 гривенъ.

18. За раба и рабыню виры не полагаются; но кто убилъ ихъ безъвино, долженъ заплатить господину, какъ за раба, такъ и за рабу, урокъ или цѣну убитаго, да Князю 12 гривенъ пени.

О наследствѣ.

90. Когда простолоудинъ умреть бездѣтнѣ, то имѣніе его поступаетъ къ Князю; буде остались дѣчери (не замужнія), то выдѣлѣти на нихъ нѣкоторую часть; если же будутъ за мужемъ, то не имѣютъ ни малѣйшей доли въ наследствѣ.

О наследствѣ послѣ боярѣ и дружины.

91. Но имѣніе послѣ боярѣ или дружины не можетъ поступати на Князя; если они не оставили послѣ себя сыновей, то дѣчери имѣніе ихъ получаютъ.

64 (87). Аже кто оумирая роздѣлитъ домъ, на томъже стояти: паки ли безъ радуу оумреть, ть все дѣтемъ, а на самого часть дати души.

65 (88). Аже жена сядеть по мужи, то оу своихъ дѣтеи взять часть, а что на ню мужъ възложитъ, ть томуу госпожа іестъ, а заднича іен мужня ненадобѣ.

Боудоуть ли дѣти, то что първои жены, ть то възмоуть дѣти матери своіей, любо си на женоу възложилъ боудеть; обаче матери своіей възмоуть.

66 (89). Оже боудеть сестра въ дому, ть то задница ненадобѣ, въ отдадаты ю за мужъ братья, како си могууть.

А се о женѣ, оже вѣрчеться сѣдѣти по мужи.

67 (95). А іеже жена вѣрчеться сѣдѣти по мужи, а ростеряіетъ добытокъ, и поидеть за мужъ, то платити іен все дѣтемъ.

Не хотѣти ли іен дѣти начноуть ни на дворѣ, а она начнеть хотѣти всяко и сѣдѣти, то творити іен всякоу волю, а дѣтемъ не дати воле.

Нъ что іен далъ мужъ, съ тѣмъже іен сѣдѣти, или свою часть въземъши сѣдѣти же.

68 (96). А матерня часть дѣтемъ ненадобѣ; въ комоу мати дасть, томууже взяти; дасть ли всѣмъ, то все роздѣлать; безъ языка ли оумреть, то оу кого боудеть на дворе была, и кто ю къринлъ, то томуу взяти.

69 (97). Аже боудоуть двою мужю дѣти, а одной матери, а онемъ своіего.

Боудеть ли потерялъ своіего иночима что, а онѣхъ отца, а оумреть, то възворотятъ

92. Если кто, умирая, раздѣлитъ имѣніе свое, то воля его остается непремѣнною; если же умреть безъ завѣщанія, въ такомъ случаѣ отдать все дѣтямъ, съ исключеніемъ части на поминъ души.

93. Если жена захочетъ остаться вдовою по смерти мужа, то взять ей часть изъ наслѣдства; но что далъ ей мужъ при жизни, то остается неотъемлемо въ ея владѣніи; на имѣніе, оставшееся послѣ мужа, вообще она не имѣетъ никакого права.

Дѣти первой жены наслѣдуютъ ея имѣніе, или вѣно, назначенное отцемъ для нихъ матери.

94. Если останется сестра въ дому, то она не имѣетъ доли въ наслѣдствѣ; но она получаетъ приданое отъ своихъ братьевъ, по возможности, при поступленіи въ замужество.

О томъ, если жена обречется пребыть вдовою по смерти мужа.

95. Если жена, обречшись сидѣть во вдовствѣ, по смерти мужа, проживетъ имѣніе, и вступить въ брачный союзъ, то обязана возвратить дѣтямъ все (прожитое).

Если же она захочетъ жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтьми, а дѣти не захотятъ того, то въ семъ случаѣ удовлетворять волѣ матери, а не дѣтей.

И что далъ ей мужъ, или что слѣдовало получить ей на свою часть изъ имущества, (оставшагося послѣ мужа), то составляетъ ея достоиніе.

96. На материнскую часть дѣти не могутъ имѣть никакого притязанія, но кому ее назначить, тому и взять; назначить всѣмъ, — то и раздѣлить между всѣми; если жъ умреть безъ языка, то, у кого она жила, и кто ее содержалъ, тому и взять ея достоиніе.

97. Если будутъ дѣти разныхъ отцевъ, но одной матери, то каждый сынъ беретъ отцовское.

Если второй мужъ растратилъ имѣніе своего иночима, ихъ отца, и умеръ, то дѣти его

братья, навъ же и людѣе выгнать, что боудеть отецъ іего истерять иночмля; что іемоу своіего отца, то държать

70 (98). А матери которыхъ сынъ боудеть добръ, томоуже дастъ своіе; аче вси боудоутъ іей сынови лиси, а дѣчери можетъ дати, кто ю кърмитъ.

А се оурочи судебнии.

71 (99). А се оурочи соудебнии: ти виры 9 коунъ, а метельнику 9 вѣкошь; от бортовой земли 30 коунъ; а онѣхъ всѣхъ тяжъ кому помогутъ по 4 коуны, а метельнику 6 вѣкошь.

О вадници.

72 (100). Аже братья ростяжуются передъ Княземъ о задницю, то которыхъ дѣчкыи дѣти и ихъ дѣлить, то томоу взяти гривна коунъ.

Оурочи ротници.

73 (101). А се оурочи ротници: от головы 30 коунъ, а от бортовой земли 30 коунъ бес три коунъ; также и от роленной земли и от свободы 9 коунъ.

А се о коупци оже истопиться.

74 (50). Аже которыхъ коупецъ, шедъ кдѣ либо съ чюжими коунами и истопиться, либо рать възметъ, либо огонь, то не насилити іемоу, ни продати іего, нъ како почнетъ от лѣта платити, также платитъ, занеже ꙗко пагоуба от Бога іестъ, а невиновать іестъ.

Ожели пропѣются или пробѣются, (?) въ безеумии чюжь товаръ испорѣтитъ, то како либо тѣмъ, чіе то коуны: жьдоутъ ли іемоу, а своя имъ воля, или продадять ли, своя имъ воля.

должны возвратитъ оное (единоутробной) брати, согласно съ показаніемъ свидѣтелей; они владѣютъ (только) отцовскимъ имѣніемъ.

98. Что касается до матери въ семь случаѣ, то она отдаетъ имѣніе тому сыну, который былъ добръе, (не разбирая того, съ которымъ мужемъ прижитъ ею); если сыновья всѣ были злы, то она въ правѣ отдать имѣніе и дочери, которая ее содержитъ.

Пошлины судебныя.

111. Слѣдующія пошлины опредѣляются съ судовъ: изъ виры судѣ 9 кунъ, метельнику 9 векошь; съ бортовой земли 30 кунъ, а во всѣхъ прочихъ тяжбахъ съ того, кого оправдають, судѣ братъ по 4 куны, а метельнику 6 векошь.

О наслѣдствѣ.

112. Если братья станутъ между собою тягаться о наслѣдіи предъ Княземъ, то дѣтскій, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну кунъ (за трудъ).

Пошлины присяжныя.

113. Слѣдующія пошлины опредѣляются съ дѣлъ, присягою рѣшаемыхъ: отъ уголовного суда 30 кунъ, съ тяжбы о бортовой и пахатной землѣ 27 кунъ; по дѣламъ о свободѣ 9 кунъ.

О купцѣ, претерпѣвшемъ кораблекрушеніе.

109. Если какой-нибудь купецъ, взявъ чужіе (товары или) деньги, потерпитъ кораблекрушеніе, или подвергнется пожару, или будетъ ограбленъ неприятеlemъ, то (вѣритель) не въ правѣ сдѣлать ему какое-нибудь насиліе, или продать его въ рабство, но долженъ позволить ему разсрочку платежа погодно; ибо онъ не виноватъ въ несчастной утратѣ товара; власть Божія.

Но если купецъ вѣренный ему товаръ или прошьетъ, или промотаетъ, или испортитъ отъ небреженія, то онъ отдается въ полную волю вѣрителей: хотять ждуть, хотять продадуть въ рабство, ихъ воля.

О долгахъ.

75 (51). Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ иного города, или чужеземьць, а не вѣдая запоустить зань товарь, а опять начнеть не дати гости коунъ іемоу, а пьрвни дѣльбити начьноуть іемоу заивати, не дадоуче іемоу коунъ, то вести и на торгъ и продати и; отдати же пьрвѣе гостивны коуны, а домашнымъ что ся оставеть коунъ, тѣмъже ся подѣлять.

Паки же ли боудоуть Княже коуны, то Княже коуны переже взяти, а прокъ въ дѣль.

Аже кто много реза ималъ, то тому не шати.

О закупахъ.

76 (53). Оже ролѣвныи закупъ оу господина боудеть, и погоубить воискымъ (?) конь, то не платити іемоу; въ еже далъ іемоу господинъ плоугъ и бороноу, от негоже ковою іемлетъ, ть то погоубивши іемоу платити.

* Въ др. сп. свойскии.

Ожели господинъ отслеть іего на своіе орудіе, а погынетъ без него, того іемоу не платити.

О закупахъ.

77 (54). Оже изъ хлѣва выведоуть, то закупоу того не платити: нъ оже погоубить на поли, и въ дворъ не въженеть, и не затворить, кдѣ іемоу господинъ велить; или орудия своя дѣя, а того погоубить, то то іемоу платити.

78 (55). *Аже господинъ переобидить закупа, а оувѣдитъ враждоу іего, (?) (въ друг. сп. кову), или отарицю, (?) то то іемоу воротити, а за обиду платити іемоу 7 коунъ.

Паки ли принять на немъ коунъ, то опять іемоу воротити коуны, что боудеть приялъ, а за обиду платити іемоу 3 гривнѣ продаже.

О долгахъ.

110. Если кто многымъ долженъ; а купецъ, прѣхавшій изъ другаго города, или изъ другой земли, не зная про то, повѣритъ ему товаръ свой, и онъ окажется послѣ не въ состояніи заплатить сему вѣрителю за товаръ, по причинѣ требованій со стороны пьрвыхъ заимодавцевъ; въ такомъ случаѣ вести должника на торгъ и продать, и удовлетворить напередъ требованіямъ гостя, а остальное раздѣлить между прочими заимодавцами.

Также, если онъ долженъ будетъ князю, то очиститъ напередъ князія требованія, а остальное въ дѣль.

Если кто изъ нихъ взялъ уже много ростовъ, тотъ лишастся своихъ денегъ.

О наемникъ.

83. Если у господина будетъ наемный земледѣлецъ, и потеряетъ войсковую (?) лошадь, то ему не за что отвѣтствовать, а ежели утратить плугъ и борону, данныя ему господиномъ, отъ котораго онъ получаетъ плату, то онъ долженъ за сію потерю заплатить господину.

Если же сіи вещи пропали въ его отсутствіе, когда онъ посланъ былъ за господскимъ дѣломъ, то въ семъ случаѣ наемникъ не обязанъ платить.

О наемникъ.

84. Наемникъ не отвѣтствуетъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но когда растеряетъ ее въ полѣ, или не загонитъ на дворъ, или не затворитъ въ хлѣвѣ, вопреки приказанію своего господина, или утратить ее за своимъ дѣломъ, то наемникъ подлежитъ отвѣтственности.

85. Если господинъ обидитъ наемнаго слугу, не выдастъ ему полного жалованья (?),... то господинъ долженъ возратитъ ему удержанное; да кромѣ сего заплатить ему за обиду 7 куны пени.

Равнымъ образомъ, когда господинъ возьметъ и станетъ удерживать деньги наемника, то взятые деньги возратитъ, да за обиду заплатить ему 3 гривны пени.

Продать ли господинъ закоупа обья, то нанметоу свобода въ всехъ коунахъ, а господину платити за обиду 12 гривнѣ продаж.

Аже господинъ бьетъ закоупа про дѣло, то безъ вины іестъ; бьетъ ли не смысла пьянъ, безъ вины, то якоже и въ свободномъ платежъ, такоже и въ закоупѣ.

О холопъ.

79 (56). Аже холопъ обьяльни выведеть конь чинъ любо, то платити занъ 2 гривнѣ.

О закоупъ.

80 (57). О закоупѣ.—Оже оувѣдетъ что, то господинъ въ томъ; нъ оже индѣ налѣзоуть, то заплатити переднии господинъ іего, конь, или ино что боудеть взятъ, іемоу холопъ обьяльни.

Паки ли господинъ не хотѣти начнетъ платити занъ, а продаетъ и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что боудеть чюжего взятъ, а прокъ іемоу самому взяти собѣ.

А се оже холопъ оударитъ.

81 (58). Аже холопъ оударитъ свободна моужа, а оубѣжитъ въ хорожъ, а господинъ іего не выдасть, то платити занъ господину 12 гривнѣ.

А за тѣмъ аче кдѣ налѣзѣтъ оудареныи тѣ своіего истъча, ктоже іего оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ и оубити; нъ сынове іего оуставиша по отци на коуны, любо и бити розвязавше (?), или взяти гривна коунъ за сорожъ.

А се о борти.

82 (68). Аже бортъ подѣгнетъ, то 3 гривне продаж, а за дерево-полъгривнѣ.

83 (69). Аже бчелы выдереть, то 3 гривне продаж, а за медъ, оже боудоуть бчелы нелажены, то 10 коунъ; боудеть ли олекъ, то 5 коунъ.

85. Ежели господинъ продаетъ вольнаго слугу за холопа, то слуга очивщаетъ весь свой долгъ, за который онъ пошелъ въ служеніе, а продавецъ вноситъ 12 гривенъ пени.

Если господинъ бьетъ наемнаго слугу за дѣло, то въ семь вины нѣтъ; если же бьетъ его въ пьянствѣ, и безъ всякой вины, то платитъ ему какъ свободному.

О холопъ.

76. Ежели чей крѣпостной холопъ уведеть лошадь, то платитъ за то 2 гривны.

О наемникъ.

87. Если наемникъ украдетъ что-нибудь, то господинъ не отвѣтствуетъ; но если онъ будетъ пойманъ, то господину отдается на волю, хочеть ли онъ заплатити извѣстную сумму за учиненную слугою его покражу, напр. лошади, или какого-нибудь другаго предмета, и въ такомъ случаѣ наемникъ дѣлается полнымъ его холопомъ.

Если же господинъ не захочеть платити за него, то долженъ продать его, и изъ вырученныхъ денегъ заплатити за покраденное имъ, лошадь ли то будетъ, или быкъ, или товаръ, или другое что имъ унесенное, а что останется за уплатою, то взятъ собѣ.

О томъ, если холопъ ударитъ.

77. Если холопъ ударитъ свободнаго челоувѣка, и скроется въ дому, а господинъ не выдасть его, то платитъ за него господину 12 гривенъ.

Но если послѣ сего ударенный встрѣтитъ гдѣ-нибудь того, кто ударилъ его, то Ярославъ опредѣлилъ было убивать его; но дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право битъ, развязавъ (?), виновнаго холопа, или взятъ за безчестіе гривну кунъ.

О борти.

46. *Кто срубитъ бортъ, платитъ 3 гривны пени, а за дерево хозяину полъгривны.

47. За выдраніе пчель 3 гривны, а хозяину, буде медъ еще не былъ вынутъ, 10 кунъ, буде же уже вынутъ, 5 кунъ.

84 (70). Не боудеть ли татя, то по слѣдоу женоуть. Аже (не) боудеть слѣда или къ селоу, или к товароу; а не отсочать от себе слѣда, ни іедоуть на слѣдъ, или отобниются, ть тѣмъ платити татбоу и продажу.

А слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а с по-слоухы; аже погоубять слѣдъ на гостинци на велицѣ, а села не боудеть, или на поусте, кдѣже не боудеть ни села, ни люди, то не платити ни продаже, ни татьбы.

О с м ь р д ь.

85 (71). Оже смердъ моучить смерда безъ Князя слова, то 3 гривны продаже, а за моуку гривна коунъ.

86 (72). Аже огнищанина моучить, то 12 гривне продаже, а за моуку гривна.

87 (73). Аже лодью оукрадетъ, то 6 коунъ яро-даже. а лодикъ лицемъ воротити; а за морьскоую лодью 3 гривны, а за набойною 2 гривне, а за челнь 8 коунъ, а за стругъ гривна.

О п е р е в е с е х ъ.

88 (74). Аже перетнеть вѣрвь въ пере-весѣ, то 3 гривне продаже, а за вѣрвь гривна коунъ.

89 (75). Аже кто оукрадетъ въ чеіен пере-весе песь, или соколъ, или ястрябъ, то про-даже 3 гривны, а господиноу гривна.

90 (76). А за голоубъ 9 коунъ, а за коура 9 коунъ.

91 (77). А за оутовъ 30 коунъ, а за гоусъ 30 коунъ, а за лебедь 30 коунъ, а за жеравь 30 коунъ.

92 (78). А в сенѣ и въ дровѣхъ 9 коунъ, а господиноу колико боудеть возъ оукрадено, то имати іемоу по 2 ногатѣ за возъ.

О т о у м н ь.

93 (79). Аже зажьеть гоумно, то на по-токъ, и на розграбежъ домъ іего, переди пагоубоу исплатить, а въ прочи Князю пото-чети и.

Такоже оже кто дворъ зажьеть.

48. Если тать скроется, должно искать его по слѣду. Если слѣдъ приведеть къ селу, или къ какому-либо имѣнію, и если жители или хозяева не отведутъ отъ себя слѣда, не пойдутъ на слѣдъ и станутъ отбиваться, то платитъ имъ за покраденное съ пенею.

А слѣдять надлежитъ съ чужими людьми и свидѣтелями. Но буде слѣдъ кончится на большой дорогѣ, при коей не будетъ никакого селения, или на пустомъ, не застроенномъ и безлюдномъ мѣстѣ, то не платитъ ни пени, ни цѣвы украденнаго.

О п р о с т о л ю д и н ь.

88. *Ежели простелюдинъ чинить истязаніе простолюдину безъ княжескаго повелѣнія, то 3 гривны пени, да гривна битому за муку.

89. *За истязаніе же огнищанина 12 гривень пени, и гривна кунъ самому битому.

42. *Если кто украдетъ ладію, то 6 кунъ пени, съ возвращеніемъ хозяину лицемъ; за морскую ладію 3 гривны, за набойную 2, за челнь 8 кунъ, за стругъ гривна.

О п е р е в ѣ с а х ъ.

40. Если кто перерубитъ веревку въ пере-вѣсѣ, то 3 гривны пени, да за веревку (пти-целову) гривну.

37. *Кто украдетъ въ чьемъ-нибудь перевѣсѣ собаку, сокола или ястреба, платитъ пени 3 гривны, да хозяину гривну.

38. *За голубя 9 кунъ, за кура тоже.

39. *За утку, гуся, лебеда и журавля 30 кунъ.

41. *За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ, а хозяину за каждый украденный возъ по двѣ ногаты.

О т о у м н ь.

49. Зажигатель гумна выдается Князю на заточеніе, и домъ его на разграбежъ, изъ коего напередъ вознаграждается убытокъ (хозяина), а остальнымъ располагаетъ по своей волѣ Князь. Также поступать и съ зажигателемъ двора.

94 (80). А кто пакошами порежетъ конь или скотину, то продаже 12 гривне, а за пагоубоу гривною оуроку платити.

95 (81). Ты тяже все соудать послоухы свободными. Боудеть ли послоухъ холопъ, то холопоу на правдоу не вылазити.

Нъ оже хочеть истъчь, или иметь и, а река тако: по сего речи иемлю тя, нъ азъ иемлю тя, а не холопъ, и иемете и на желъзо.

Аже обвинити и, иемлетъ на немъ свое. Не обвинити ли его, а платити иемоу гривною за моукоу, за(не) по холопья речи ялъ ш.

96 (82). А желъзнаго платити 40 коунъ, а мечнику 5 коунъ, а полъгривне дѣтьчскому: то ти желъзныи оуроку, кто ся въ чемъ иемлетъ.

Оже иметь на желъзо по свободныхъ людий речи, любо запа нань боудеть, любо прохоженнѣе ночное, или кымъ любо образомъ, аже не ожжетъся, то про моуку не платити иемоу, нъ одно желъзное, кто будеть ялъ.

А се закладаюче городъ.

97 (90). А се оурочи городникоу: закладаюче городья, коуна взяти, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы, 7 коунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 оубороковъ пшена, 7 лукоунъ овса на 4 кони; имати же иемоу, довелъ городъ сруобуять, а солоду дадать иемоу одному 10 лукоунъ.

А се оуроци мостыникоу.

98 (91). А се мостыникоу оуроци: помостивъше мостъ взяти от 10 локотъ по ногатъ.

50. Если кто по злобѣ зарѣжетъ чужаго коня или другую скотину, тотъ платитъ въ казну 12 гривенъ пени, да (хозяину) за причиненный ущербъ гривну.

60. Всѣ изложенныя доселѣ тяжбы судятся по свидѣтельствамъ свободныхъ людей. Если же случится быть свидѣтелемъ холопу, то онъ не можетъ быть представленъ къ суду.

Но истецъ, если хочеть, можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба, и, сказавъ отвѣтчику: «я требую тебя къ суду по поводу свидѣтельства сего раба, впрочемъ отъ своего собственнаго лица, а не единственно по рѣчамъ холопыи», можетъ требовать отъ отвѣтчика, чтобы оправдался испытаніемъ желъза.

Если послѣдній окажется виновнымъ, то платитъ искъ. Если же явится невиннымъ, то истецъ даетъ ему за муку гривну, поелику вызвалъ его на испытаніе по поводу холопыхъ рѣчей.

61. Пошлины желъзной 40 кунъ, мечнику 5 кунъ, княжескому отроку полгривны; это называется желъзною пошлиною, взимаемою по случаю такихъ вызововъ на испытаніе желъзомъ.

Если же истецъ вызоветъ кого на желъзо по показанію свободныхъ людей, или по подозрѣнію, (?)если наприм. видѣли обвиняемаго проходящимъ ночью, или другимъ какимъ образомъ, то отвѣтчикъ, оправдавъ себя невредженіемъ отъ желъза, не беретъ ничего за муку съ истца, который платитъ только желъзное.

Пошлины для строителей городскихъ стѣнъ.

114. Стронтелю города вотъ какая плата: закладывая городни брать куну, да по окончаніи ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кунъ въ недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 убороковъ пшена, 7 лукоунъ овса на 4 лошади; что и получать ему, пока не будетъ городъ срубленъ; солоду давать ему на все время 10 лукоунъ.

Пошлины для строителей мостовъ.

115. **Стронтелю моста вотъ какая плата: по построеніи (новаго) моста, брать съ 10 локтей по ногатъ.

Аже починить моста ветхаго, то колико городень починить, то взяти іеому по коунѣ от городно.

А мостыникоу іохати самому съ отрокомъ на дву коню, взяти 4 лоукна овса на недѣлю, а ѣсти что можета.

О вадници.

99 (92). Аже боудоуть робіе дѣти оу моужа, то задницѣ имъ не имати, въ свобода имъ съ матерю.

100 (93). Аже боудоуть въ домоу дѣти малы, а не джи (дюжи?) ся боудоуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за моужь, то тркмо имъ ближеш боудоуть, томоуже дати на роуцѣ, и съ добытъкомъ и съ домоу, донелѣже възмогууть, а товаръ дати передъ людьми.

А что сѣрѣзныи товаромъ тѣмъ, ли пригостити, то то іеому собѣ, а истынн товаръ воротити имъ а прикоупъ іеому собѣ, зане кѣрмиль и печаловался.

Аже от челяди плѣдъ, или от скота, то то поимати лицемъ; что поималъ боудеть, или истерялъ, то то іеому все платити дѣтѣмъ тѣмъ.

101 (94). Ачеже и отцимъ приметъ дѣти съ задницею, то такоже іесть рядъ, а дворъ безъ дѣла отынъ всяко мыншему сынови.

О холопствѣ.

102. Холопство обьяноіе троіе: Оже коупити, хотя и до полоугривны, а послоухы поставятъ, а ногатоу дастъ передъ самѣмъ холопомъ.

103. А второе холопство: поиметь робоу безъ рядоу; поиметь ли ся съ рядомъ, то како боудеть ся рядилъ, на томъже стонтъ.

104. А се третьеіе холопство: тиоуство безъ рядоу, или привяжетъ къ собѣ ключъ безъ рядоу. Или с рядомъ, то како ся боудеть рядилъ, на томъже стонтъ.

105. А въ даче не холопъ, ни по хлѣбе роботять, ни по придатцѣ, въ оже не доходятъ

Еслижъ будетъ починенъ только старый мость, то, сколько городень будетъ починено, брать со всякой по кунѣ.

Сверхъ того давать ему съ помощникомъ двѣ лошади, на конхъ брать имъ по 4 лукна на недѣлю; а пищи, сколько съѣсть могутъ.

О наслѣдствѣ.

99. Дѣти, прижитыя съ рабоу, не имѣють участія въ наслѣдіи, но получаютъ свободу и съ матерю.

100. Если останутся въ дому дѣти малолѣтныя, которыя не въ состояніи ещѣ пецпись о себѣ, а мать выдетъ за-мужь, то отдать ихъ пр свидѣтеляхъ на руки ближайшему родственнику вмѣстѣ съ имуществомъ и домоу.

А что опекунъ присовокупитъ къ имѣнію, отдавая его въ ростъ, или пуская въ торговые обороты, то возметъ себѣ за трудъ и попеченіе, но самый капиталъ долженъ имъ возвратити.

Приплодъ же отъ рабовъ и отъ скота остается въ пользу дѣтей, которыя получаютъ его лицемъ (отъ опекуна). Если опекунъ утратитъ что-нибудь изъ принятаго имъ имѣнія, то онъ обязанъ за все то заплатить дѣтямъ.

101. Если и отчимъ возметъ дѣтей вмѣстѣ съ имуществомъ (подъ свою опеку), то при возвращеніи имѣнія поступать на тѣхъ же основаніяхъ, но дворъ отеческій всегда поступаетъ къ меньшему сыну.

О крѣпостномъ состояніи.

62. Холопство полное есть трехъ родовъ: первое, когда кто купитъ человекъ, хотя бы и за полгривны, поставитъ свидѣтелей, и отдастъ деньги (?) при самомъ холопѣ.

63. Второе, когда кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; если же сдѣлано будетъ при семъ условіе, то оно остается въ своей силѣ.

64. Третіе, когда кто безъ условія же поидеть въ тиуны или въ ключники. Если же было учинено условіе, то какъ условливался, такъ при томъ и оставаться.

81. Нидача заработной платы, ни содержаніе, ни свабженіе домашнимъ обиходомъ не дѣлають

года, то ворочати іємоу милость; отходить ли, то не виновать ієсть.

106. Аже холопъ бѣжитъ, а заповѣсть господинъ, оже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже ієсть холопъ, и дасть іємоу хлѣба, или укажетъ іємоу поуть, то платити іємоу за холопъ 5 гривень, а за робоу 6 гривень.

107. Аже кто переиметь чужоу холопъ, и дасть вѣсть господиноу ієго, то имати іємоу переіємъ гривна коунъ. Не оублюдетъ ли, то платити іємоу 4 гривны, а пятая іємоу переіема; оже боудеть роба, ть 3 гривень, а шестая на переіемъ отходить.

108. Аже кто своего холопа самъ досочитъся въ чіємъ любо (го)родѣ, а боудеть посадникъ не вѣдалъ ієго, то повѣдавшє іємоу пяти оуного отрокъ, и шедши, оувязати и, и дати іємоу вязебное 10 коунъ, а переіема нѣтоуть.

Аче оупоуститъ, собѣ іємоу пагоуба, а не платитъ в то ніктоже, тѣмъже и переіема нѣтоуть.

109. Аже кто не вѣдая чужоу холопъ оусрячетъ, или вѣсти дѣіетъ, любо държитъ оу себе, идеть от него,—то ити іємоу ротѣ, яко не вѣдалъ ієсмь, оже ієсть холопъ, а платежа въ томъ нѣтоуть.

110. Ачеже холопъ кдѣ коуны вложить, а онъ не вѣдая вдаль, то господиноу выкупати, али лишитися ієго; вѣдая ли боудеть даль, то коунъ іємоу лишитися.

111. Аже кто поуститъ холопа въ торгъ, а одолаіетъ, то выкупати ієго господину, а не лишитися ієго.

112. Аже кто крнеть (?въ Тр. сп. коупитъ) чужоу холопъ не вѣдая, то първоу госпо-

никого холопомъ; и ежели кто, нзъ таковыхъ наемниковъ, не дослуживъ года, захочеть отойти прочъ, то ему не возбраняется; только долженъ онъ въ такомъ случаѣ возвратитъ господину полученное.

66. Ежели холопъ бѣжитъ, и господинъ о побѣгѣ его заявить, и если кто, слышавъ сію явку, или зная, что холопъ бѣглый, дасть ему хлѣба или укажетъ дорогу, то платитъ господину за холопа 5 гривень, а за рабу 6.

67. Если кто переиметь чужаго холопа, и дасть о томъ знать господину, то взять ему за переіемъ гривну кунъ. Если же, поймавъ бѣглеца, не устережетъ его, то платитъ господину 4 гривны, а за рабу 5 гривень; въ первомъ случаѣ пятая, а во второмъ шестая, уступается ему за то, что онъ поймавъ бѣглаго.

68. Если кто самъ дознается, что холопъ его находится въ извѣстномъ городѣ, а между тѣмъ посадникъ не знаетъ о томъ, то, донесши о томъ посаднику, онъ имѣетъ право вытребовать у него отрока, дабы вмѣстѣ съ нимъ связать бѣглеца; за какое содѣіствіе и дасть ему 10 кунъ; но за переіемъ не платитъ ничего.

Но если преслѣдователь упуститъ раба, то жаловаться на себя самого; и никто не платитъ за то, какъ и онъ никому не отвѣчаетъ за переіемъ его.

69. Если кто по невѣдѣнію встрѣтитъ чужаго холопа, подастъ ему вѣсть, или станеть держать его у себя и бѣглець сойдетъ отъ него,—то, буде онъ присягаеть, что по невѣдѣнію поступалъ такимъ образомъ съ бѣглецомъ, освобождается отъ всякаго взыскаіія.

70. Если холопъ (обманомъ) испроситъ у кого деньги подъ именемъ вольнаго челоуѣка, то господинъ его долженъ или заплатитъ или отступить отъ него; но если вѣритель, зная, что онъ холопъ, даль ему деньги, то лишается своихъ денегъ.

71. Если кто дозволитъ своему холопу торговать, и холопъ тотъ одолаіетъ, то господинъ обязанъ платитъ за него долги, но не властенъ отъ него отступить.

72. Если кто возметъ (?) чужаго холопа не зная, то первый господинъ беретъ своего

диноу холопъ пояти, а оному коуны имати ротѣ ходивше, яко не вѣдая іесмы коупилъ. Вѣдая ли будетъ купилъ, то коунъ ему лишину быти.

113. Оже холопъ бѣгая добуудеть товаръ, то господину холопъ и долгъ, господину же и товаръ, а не лишатися іего.

114. Аже кто бѣжа, а поіемлетъ что соуздне, или товаръ, то господину платити занъ оуроукъ, что боудеть взялъ.

115. Аже холопъ крадетъ кого любо, то господину выкоупати и, любо выдати и, съ кымъ боудеть кралъ, а женѣ и дѣтемъ не надобѣ; а оже боудеуть с нимъ крали и хоронили, то всехъ выдати.

Паки ли а выкоупаіеть господинъ, аже боудеуть свободнии съ нимъ крали или хоронили, то Князю въ продаже.

Изъ предложенныхъ статей Русской Правды, какъ и изъ ниже предлагаемыхъ статей договоровъ видно, что во все продолженіе удѣльнаго періода, до Татаръ, преступленія, какъ убійство, побои, воровство, укрывательство, наказывались или оплачивались пенями по прежнему.

Статьи о купцахъ, ссудахъ, долгахъ, рѣзахъ, покровительствѣ гостямъ, которые удовлетворяются прежде туземцевъ, послѣ князя, показываютъ значительное развитіе торговли (44, 46, 47, 48, 49, 74, 75).

Статьи о закупкахъ ролейныхъ и прочихъ доказываютъ многочисленность этого класса и вновь возникшее обыкновеніе обрабатывать землю наймомъ. Примѣчательно покровительство, оказываемое закономъ наймитамъ (50, 76, 77, 78, 80).

Точно тоже должно сказать о холопахъ, челядинахъ, которымъ посвящено очевъ

холопа обратно, а послѣдній. буде присягнетъ, что купилъ его по невѣднію, получаетъ свои деньги; если же откроется, что купилъ его за-вѣдомо, то лишается своихъ денегъ.

73. Ежели холопъ, будучи въ бѣгахъ, приобрѣтетъ себѣ имѣніе, то какъ долгъ за холопа онлачиваетъ господинъ, такъ и приобрѣтеніе, сдѣланное имъ, принадлежитъ господину вмѣстѣ съ лицомъ раба.

74. Ежели холопъ, бѣжавъ, снесетъ съ собою что-либо изъ принадлежащаго сосѣду, то господинъ обязанъ заплатить (за снесенное имъ по надлежащей цѣнѣ).

75. Ежели холопъ обокралъ кого-нибудь, то господинъ обязанъ или заплатить за него, или выдать его вмѣстѣ съ другими участниками воровства, или хоронившими краденое, кромѣ ихъ женъ и дѣтей.

Если (съ холопомъ) крали и хоронили свободные люди, то съ таковыхъ, при выкупѣ господиномъ, взять пеню для Князя.

много статей, еравнительно съ другими предметами (26, 33, 34, 42, 51, 61, 79, 81, 102—115).

Общинное (артельное) начало съ круговой порукою примѣтно въ статьяхъ о дикой вирѣ, (3, 4, 6), на которую заранѣе вкладывались жители вервей, точно какъ Новгородскіе кушцы вкладывались въ Иванское купечество на торговлю воскомъ (см. ниже).

Замѣчательно въ статьяхъ о наслѣдствѣ предпочтеніе меньшаго сына, которому предоставлялся отеческій домъ, въ противоположность западнымъ маіоратамъ (101).

Наслѣдство боярское при немѣннн сыновей дѣлится между дочерьми, (63), а наслѣдство смердовъ въ такомъ случаѣ идетъ на князя (62).

Пени за убійство различаются по званію убиеннаго (1, 9, 14).

Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ статей Русской Правды, или имъ соответственныя, являются еще въ торговыхъ договоряхъ этого времени съ Нѣмцами. Мы присоединимъ къ нимъ отсюда и прочія законоположенія.

Въ договорѣ Новгородскаго князя Ярослава Володимеровича съ Нѣмецкими послами, около 1199 года, было постановлено:

3. А оже убьютъ Новгородца посла за моремъ, или Нѣмецкыи посоль Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривенъ серебра.

4. А оже убьютъ купчину Новгородца или Нѣмчина купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра.

5. А оже мужа свяжутъ безъ вины, то 12 гривенъ за соромъ старыхъ кунъ.

6. Оже ударятъ мужа оружіемъ любо коломъ, то 6 гривенъ за рану старыи.

7. Оже упухнеть, любо мятель роздреть, то 3 гривны старыи.

8. Оже пошибаетъ мужеску жену, любо дчьрь, то Князю 40 гривенъ ветхymi кунами. А женѣ или мужскоиe дчери 40 гривенъ ветхymi кунами.

9. Оже съгренеть чюжеиe женѣ повон с головы или дчьри, явится простоволоса, 6 гривенъ старыи за соромъ.

10. Оже тяжа родится бес крови, сидуется послуса и Русь и Нѣмци, то вергутъ жеребеиe; кому ся выиметь, ротѣ шдь свою правду възмутъ.

11. Оже иемати скоть Варягу на Русинѣ или Русину на Варязѣ, а ся иего заприть, то 12 муж послухы и деть ротѣ, възметъ своеиe.

16. Оже кто рабу повержеть насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна.

Паки ли соромить, собѣ свободна.

17. Оже убьютъ таль или попъ Новгороцкоиe или Нѣмецкыи Новѣгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову.

А если убьютъ Новгородца посла за моремъ, или Нѣмецкаго посла въ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривенъ серебра.

А если убьютъ купчину Новгородца (у Нѣмцевъ) или Нѣмчина купчину въ Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра.

А если свяжутъ мужа безъ вины, то 12 гривенъ за безчестье, старыхъ кунъ (денегъ).

Если ударятъ мужа оружіемъ или коломъ, то за рану 6 гривенъ старыхъ.

Если толкнетъ (кто) или разорветъ одежду (мантію, mantel, мятель), то 3 гривны старыхъ.

Если прибить (кто) мужнюю жену, или дочь, то Князю 40 гривенъ старыми кунами. А женѣ или мужней дочери 40 гривенъ старыми кунами.

Если сорветъ (кто) повойникъ съ головы у чужой жены или дочери, и (она) явится простоволосою, то 6 гривенъ старыхъ за безчестие.

Въ случаѣ спора (драки?) безъ крови, свидѣтели, Русь и Нѣмцы, бросають жребій: кому вынется, (тогъ), присягнувъ, получаетъ слѣдующее вознагражденіе.

При взысканіи денегъ Варягомъ съ Русина, или Русиниомъ съ Варяга, въ случаѣ его заперательства, (встець), въ присутствіи 12 свидѣтелей, и деть къ присягѣ, и беретъ свое.

Если кто повалитъ рабу насильно, но не обезчеститъ, то за обиду гривна.

Если обезчеститъ, то раба свободна.

Если убьютъ заложника или попа Новгородскаго, или Нѣмецкаго въ Новѣгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову.

* Начало договора, первыи двѣ статьи, (1, 2), и запредпоследнии четыре, 12—15, см. ниже.

Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича (1228) съ Ригю и Готскимъ берегомъ и проч. слѣдующія 14 статей въ началѣ, послѣ приступа, согласны совершенно съ узаконеніями Русской Правды.

1. Оже убьютъ вольнаго челоуѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра, по 4 гривны кунами или пѣнзями, а за холопа гривна серебра.

Аже кто холопа ударитъ, гривна кунъ.

Та же правда буди и въ Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и на Готскомъ березѣ.

2. Аще око выбьютъ, или руку отътнуть, или ногу, или иная которая хромота на тѣлѣ явится, 5 гривенъ серебра, а за зубъ 3 гривны серебра.

3. А кто деревомъ ударитъ челоуѣка до крови, полторы гривны серебра; аже ударитъ по лицу или за волосы иметь, или батогомъ шибеть, платитъ безъ четверти гривна серебра.

4. Аже послови пригодится пакость или попови, въ всякой обидѣ за два челоуѣка платити дань.

5. Аще кто друга ранитъ, а хромоты на тѣлѣ не будетъ, полторы гривны серебра платити.

6. Аще Рускій гость или въ Ризѣ, или на Готскомъ березѣ извинится, (будетъ виновать), никакоже его всадити въ дыбу, оже будетъ порука по нь; не будетъ ли поруки по нь, то лѣзъ всадити въ желѣза.

7. Или Нѣмецкій гость извинится, не лѣзъ его верещи въ погребъ; оже не будетъ по нь поруки, лѣзъ его всадити въ желѣза.

8. Или Нѣмецкій гость дасть холопу Княжю или боярьску, а кто задницю (наслѣдіе) его возметь, то у того Нѣмцию товаръ взяти.

9. Русину же не лѣзъ вести одинаго Русина въ послушество, ни двою. Та же правда буди Нѣмцемъ въ Смоленскѣ.

10. Русину же не лѣзъ имати Нѣмчича на желѣзо, такоже и Нѣмцию Русина; аже возлюбитъ самъ своєю волею, то его воля.

Если случится убійство, то за жизнь вольнаго челоуѣка платитъ 10 гривенъ серебра, деньгами или кунами, пѣнзями, считая оныхъ (кунъ) 4 гривны на одну гривну серебра.

Кто ударитъ холопа, платитъ гривну кунъ.

Та же пеня въ Смоленскѣ, въ Ригѣ, и на Готскомъ берегу.

За поврежденіе глаза, отсѣченіе руки, ноги, и всякое увѣчье, 5 гривенъ серебра; за вышибенный зубъ 3 гривны серебра.

За окровавленіе челоуѣка посредствомъ дерева $1\frac{1}{2}$ гривны; кто ударитъ по лицу или схватитъ челоуѣка за волосы, или ударитъ батогомъ, дасть $\frac{3}{4}$ гривны.

Пеня за обиду посла и священника должна быть двойная.

За рану, безъ знаковъ увѣчья, пеня въ полторы гривны.

Если Рускій гость провинится въ Ригѣ или на Готскомъ берегу, то нельзя посадить его въ дыбу, когда онъ представитъ поруку за себя; если поруки не будетъ, то можно заковать въ желѣза.

Если Нѣмецкій гость провинится, то нельзя бросить его въ погребъ; не будетъ у него поруки, то можно заковать его въ желѣза.

Если холопъ княжескій или боярскій умретъ, занявъ деньги у Нѣмца, то наслѣдникъ перваго—или кто взялъ его имѣніе,— платитъ долгъ.

И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны въ тяжбахъ представлять болѣе двухъ свидѣтелей изъ своихъ единоземцевъ.

Испытаніе невинности посредствомъ раскаленнаго желѣза дозволяется только въ случаѣ обоюднаго на то согласія; принужденія нѣтъ.

11. Русину же незѣ позвати Нѣмцича на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичу въ Ригѣ и на Готскомъ березѣ.

12. Или Нѣмечкый гость битися въ Руси межи собою меча или сулицами, Князю то не надобѣ и никакому Русину, а правятся сами по своему суду.

13. А иметь Русинъ Нѣмцича у своей жены, ино за соромъ 10 гривенъ серебра; такоже Русину, въ Ригѣ, и на Готскомъ берегу.

14. Аще который Нѣмцичъ учинить насиле надъ вольною женою въ Смоленскѣ, а дотолѣ было не слышати блядиѣ ей, 10 гривенъ серебра за соромъ; та же правда буди Русину и пр.

Русинъ не можетъ звать Нѣмцича на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу.

Если Нѣмецкіе гости (вздумають когда) битися между собою мечами или сулицами, то Князю до этого нѣтъ дѣла, и никакому Русину; пусть правятся своимъ судомъ.

Если Россіянинъ застанеть Нѣмца или Нѣмецъ Россіянина у своей жены, виноватый платитъ 10 гривенъ серебра за безчестіе; такъ и Русинъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу.

Если Нѣмецъ или Россіянинъ обезчеститъ дѣвицу или вдову хорошаго поведенія, то взыскать съ виновнаго 10 гривенъ серебра за безчестіе.

Окончаніе договора, см. ниже въ главѣ о торговлѣ.

Преступленія, которія имѣлись въ виду Русскою Правдою 12 вѣка, были слѣдующія:

Убийство — *душеубство*. *Головникъ* — убійца; *голова* (1, 2, 3), *кости*, *мертвецъ* (15) — убитый человекъ. *Клепать голову* (17) — взводить убійство.

Влкъ, *увльче* (4). Порвать бороду (52), выбить зубъ (53).

Ударить (81) — побой.

Разбой — самоуправство, своеволие, насиліе. *Разбойникъ* — озарникъ, виноватый въ разбоѣ (5).

Тать, *татья*, татебное, *красть*, — воръ, воровство (32, 36, 37).

Поджоги (93) гумна, двора.

Порьзати коня, скотину (94).

Свада (4) — ссора, распря, споръ.

Поклепъ, *клепать* (17) — обвиненіе по подозрѣнію, *клепать бѣльшимъ* — (45) требовать лишнее.

Сорѣмъ — безчестіе (81), оскорбленіе чести побоями и проч.

Обида (43), *пагуба* (93, 94, 108) — убытокъ, причиненіе убытка.

Побѣгъ (*холопъ бѣжитъ* — 106). Укрывательство.

Мука, *мучить* (85, 86) — бити, истязать.

Проторъ (33) — издержки, убытки.

Наказанія за эти преступленія полагались: *Вира* — пеня за убійство, которую платилъ убійца; *дикая вира*, — которую платила вервь, когда убійца неизвѣстенъ (3—8); *поклепная вира* (15) — по подозрѣнію; *полвиры*, за женщину (60).

Вывести виру (15), снять вину, оправдать.

Свернуть виру (16) — оправдаться.

Головничество (4) — плата пени за убійство.

Потокъ, *поточить* — заточеніе, заключеніе (5), *выдать на потокъ* (30, 93).

Потокомъ называлось и изгнаніе. Такъ Половцы (1079) убили Романа, а «Олга емше *поточиша* и за море Царюгороду. Мстиславъ, Великій князь Кіевскій, *поточи* (1130) Половскій князь, съ женами и съ дѣтьми въ Греки.

Разграбленіе, разграбешъ (5, 93) — конфискація, отобраніе въ казну, т. е. на князя.

Продажа (18, 31, 34) — пеня за разные преступленія. *Продать* — обложить пенею.

Жельзо, дать жельзо (17) — доказательство вины посредствомъ жельза. *Брать на жельзо. Вода* (17) — посредствомъ воды.

Покои вирные (7). *Уроки судебные* (71), *ротные* (73, *жельзные*, — повинности по дѣламъ подвергаемымъ суду, рѣшаемымъ присягою, чрезъ испытаніе жельзомъ.

Наклады (59) — надбавки къ пенямъ.

Сметная (16), плата отроку при оправданіи. *Перекладное* (7, 59). *Помоченое* (16). *Вязебное* (108). *Жельзное, жельзной урокъ* (96). *Ссадная* (7), *переди ссадная* (8) гривна(?). *Льчешное* (24).

Для опредѣленія различныхъ общественныхъ отношеній встрѣчаются въ Правдѣ 12 столѣтія слѣдующія слова:

Ряда, рядъ (64, 103) . распоряженіе; *рядиться* (46) — условливаются, договариваются.

Судъ, судить, (60) судія. *Дать правду* (50) разсудить дѣло по закону.

Тяжа (17) — судебное производство спора, дѣло; *малая тяжа* — не важная; *растяжуются* (72) — начнутъ тяжбу. *Утяжеть* — выиграть тяжбу.

Сводъ, изводъ (29), хожденіе съ поличнымъ отъ одного лица, у кого оно найдено, къ другому, чтобъ отыскать виноватаго. *Идти на сводъ. Конечный сводъ* (33).

Зипиратися (44) — отречься, отказываться.

Рота — клятва, присяга. *Идти ротъ* (17), *на роту* (32, 43) — присягать.

Задница (62, 63, 101) наследство, остающееся по смерти имѣніе.

Дать на руки (100) — сиротъ подъ опеку.

Дль, раздль (73, 101).

Долъ, одолжать (111), задолжать.

Поклажа, класть поклажамъ (45), давать на сохраненіе.

Ростъ, рьзы, — проценты, излишекъ за ссуду. Давать куны въ рѣзъ (46) — деньги въ проценты. *Сръзить* (100) — накопить процентами. Давать жито въ присопъ, наставъ на медь (46). *Рьзы мьсячные, третные* (47). Два рѣза, три рѣза (48).

Дача денегъ въ куплю и гостьбу (44).

Прикупъ (100) — барышъ, торговья выгоды во внутренней торговлѣ.

Пригостить (100) — паторговать въ иностранной торговлѣ.

Исто (48) — капиталъ.

Лице (17, 28, 31), поличное.

Взыскивать (43) — требовать.

Платить, (100, 107, 114).

Жальтъ (32, 35) — считать потеряннымъ, не искать.

Закликать, заповѣдать — на торгу объявлять о бѣгствѣ рабовъ (26), о пропажѣ (27).

Отходить (105, о холопахъ) — оставлять службу.

Выкупъ, выкупать (кунами) свою вину, убійство холопа, (110) его воровство, (115) долги, (111) убытки, имъ причиненные.

Переемъ (107, 108) — поимка, перехватъ бѣглаго.

Изъ удѣльнаго періода дошли до насъ еще слѣдующіе памятники права, относящіеся преимущественно къ дѣламъ церковнымъ, ихъ имѣніямъ и доходамъ: (см. ниже).

Грамота сына Мономахова Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю, 1125 года, на земли и судныя пошлины, (древнѣйшая изъ подлинныхъ).

Грамота сына его, Новгородскаго князя Всеволода (1127 — 1132) церкви Св. Іоанна Предтечи, имъ основанной. Въ этой грамотѣ есть статьи о торговлѣ.

Уставъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича (1137) о жалованьѣ епископу вмѣсто десятины съ даней.

Дѣла, подвѣдомыя Епископскому суду, согласно съ уставами В. К. Володимера Святаго, и сына его Ярослава:

А тяжъ епископлихъ не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ; другая тяжа, ажъ водить кто двѣ жонѣ; третья тяжа, аще кто поимется чрезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволочеть кто дѣвку, што возметь князь, съ епископомъ на полы, или посадникъ что възметь свои тяжи, то съ епископомъ на полы; а пятое ажъ ту женку, то епископу; шестая вопросъ (?), а то епископу, зелья и душегубство тяжа епископлиа; семая ажъ бьется двѣ жонѣ, то епископлиа тяжа; осьмая ажъ церковный человекъ доидеть чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведеть церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви.

Грамота и духовная Антонія Римлянина (†1147) о монастырскомъ владѣніи.

Грамота Варлаама Хутынскаго монастырю (1192) на земли и рыбныя ловли.

Уставная грамота Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, (1150 г.), объ учрежденіи епископін.

О сихъ грамотахъ см. въ отдѣленіи о церковномъ управленіи.

Торговый договоръ Новгородскаго князя Ярослава Володимеровича съ Нѣмцами, 1099 года.

Торговый договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича, 1228 года, съ Рнгою, Готскимъ берегомъ, и проч. (См. ниже въ отдѣленіи о торговлѣ).

Епископлихъ дѣлъ не судитъ никому кромѣ самаго епископа: первое дѣло — разводъ; второе — двоеженство; третье — незаконный бракъ; четвертое — похищеніе: пеню за похищеніе дѣвки беретъ Князь или посадникъ съ епископомъ пополамъ; пятое — за похищеніе замужней женщины, (пена) епископу; шестое — вопросъ (?) епископу, что касается до зелій и душегубства (чрезъ волхвованіе); седьмое — поединокъ двухъ женщинъ; осьмое вины церковнаго человека подлежатъ епископу; девятое — если кто изъ церковныхъ людей отойдетъ, безъ причиненія зла церкви.

У П Р А В Л Е Н І Е.

Князь, при вступленіи своемъ на столъ, рядился всякій разъ съ людьми, какъ ему *сидѣть, ходитъ* и ихъ *держать*: (Сидѣть, на древнемъ языкѣ, значило начальствовать; сажать кого—дѣлать кого начальникомъ; ходитъ—собирать дань; держать—управлять; вводить—назначать; выводить—отрѣшать; рядиться—договариваться.) «Се Богъ поялъ стрія твоего Вячеслава,» говорятъ бояре Ростиславу Мстиславичу, «а ты ся еси еще съ людьми Кіевъ *не утвердилъ*; а поѣди лепль въ Кіевъ, же съ людьми *утвердися*» (1154).

Взьма рядъ (Мстиславъ Изяславичъ) съ братьею, и дружиною, и съ Кіяны, занялъ столъ Кіевскій (1169).

Владимирцы приняли къ себѣ Ярополка Ростиславича, «весь *порядъ* положъше» (1175).

«Михалко (1176) ѣжа въ Суздаля, а изъ Суздаля Ростову, и створи людямъ весь *нарядъ*, утвердився крестнымъ цѣлованьемъ съ ними.»

Князь былъ вездѣ главнымъ судьеою, и Княжій дворъ—мѣстомъ суда.

При обзорѣи жизни Всеволодовой (Ярославича† 1093) сказано объ его старости: людямъ *недоходити княже правды*, начаша тиуны грабити, людей продавати (облагать пенями), сему не въдушу въ болѣзньхъ своихъ.

«Заутренюю воздавши хвалу Богу,» говоритъ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ, «и съдше думати съ дружиною, или *люди оправливати*...—И худаго смерда,» продолжаетъ онъ, ставя себя въ примѣръ, «и убогія вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти.»

«Намъ стати предъ Святославомъ,» говорятъ волхвы (ок. 1071 г.) боярину Яну, ихъ судившему.

При вступленіи на столъ Игоря Ольговича (1146): «почаша Кіяне складывати вину на тиуна на Всеволожа на Ратьшу, и на другаго тиуна Вышегородского, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ, а нынѣ... цѣлуй намъ крестъ; аще кому насъ будетъ обида, то *ты прави*.»

«Все богатство въ единъ день, мѣсяца Сентября въ 7 «(1229), говоритъ Суздальская лѣтопись,» отъяся (отъ епископа Ростовскаго Кирилла) нѣкакою тяжеою, *судившию Ярославу тако*, ту сущу ему на сонмѣ. Башеть бо Кириль богатъ зѣло, кунами и селы, и всѣмъ товаромъ, и книгами, и просто рѣщи—такъ бѣ богатъ всѣмъ, такъ ни единъ епископъ бывъ въ Кіевской области. Онъ же о всемъ о томъ вздасть Богови хвалу, пострижеса въ схиму, ... а что ся ему оста, то раздае любимымъ и нищимъ.»

Осенью и весною, князь объѣзжалъ всё свои волости, по древнему Норманскому обычаю, и, собирая дань, творилъ вездѣ судъ и правду, какъ ему Богъ на сердце полагалъ, что составляло вмѣстѣ и важнѣйшій источникъ его доходовъ.

Эти объѣзды назывались въ древности *путями*: «Всѣхъ путей, говоритъ Мономахъ, (совершилъ я) 80 и 3 великихъ, а прока неиспомню меньшихъ.»

Впослѣдствіи пути назывались чаще *полюдьями*, которыя упоминаются въ грамотѣ В. К. Мстислава Володимировича (1125), въ грамотахъ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича (1150), и въ свидѣтельствахъ лѣтописей о времени В. К. Суздальскихъ, Юрья Долгорукаго, и сына его Всеволода (1154, 1190).

Мѣсто князя по городамъ и волостямъ занимали опредѣленные имъ посадники и тиуны, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ о В. К. Всеволодѣ Ярославичѣ и Игорѣ Ольговичѣ. Это видно и изъ слѣдующаго мѣста Суздальской лѣтописи объ управленіи Ростиславичей, по кончинѣ В. К. Андрея Боголюбскаго: «сѣдѣша Ростиславичема въ княженіи земли Ростовскаго, роздаяла бѣста по городамъ посадничество Русьскимъ дѣтѣцкимъ; *ониже* многу тяготу людемъ симъ створиша *продажами и вирами*. А сама князя молода бѣста, слушаа бояръ, а бояре учахуть я на многое иманіе.»

Естественный здравый смыслъ, на степеніи своего развитія въ данное время, указанія и требованія обстоятельствъ, сообразно съ принятыми обычаями, — вотъ какія были главныя основанія для рѣшенія всѣхъ дѣлъ и споровъ между князьями: такъ рѣшались онѣ и вообще въ народѣ назначенными отъ

князя и избранными лицами. Для важныхъ общественныхъ дѣлъ въ городахъ собирались вѣча, съ починомъ князя въ однихъ случаяхъ, и въ другихъ съ починомъ народа; въ волостяхъ съ этою цѣлю собирались, какъ и теперь, мірскія сходки.

Лице князя въ городахъ и волостяхъ представляли мужи, имъ посаженные, его намѣстники, *посадники*, которые управляли народомъ, судили и радили его.

Собирателями податей, блюстителями доходовъ княжескихъ, облагателями и взыскателями пропажъ или пеней по суду за вины, были *тиуны*.

Въ Русской Правдѣ, распространенной послѣ Ярослава, упоминаются слѣдующія должностныя лица: *тиуны княжіе*, управители княжіе, *боярскіе*, т. е. исполнявшіе эту должность въ волостяхъ боярскихъ; *огнищныи* (13) — у огнищанъ; *конюшіи* — надъ конюхами (за убійство тиуна коп. полагалась высокая пеня, 80 гривенъ) *ратайныи* или *сельскіи княжіе* (11) — надъ землѣдѣльцами, сельскіе старосты, (за нихъ полагалось по 12 гривенъ.)

Тиунами назывались и вообще управители. Такъ Изяславъ Мстиславичъ (1149) послалъ «мужи своя и тивуны своего дѣла товара и своихъ дѣла стадъ, а мужи одни сами поѣхали, а другіе послали своихъ тивуновъ,» для разбирательства къ Юрью Долгорукому. Ростиславъ, по смерти дяди Вячеслава (1154) «созва тивуны и ключники».

Тиуны вообще не пользовались доброю славою, какъ-то видно, напримѣръ, изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ лѣтописей, и изъ извѣстнаго въ древности вопроса, гдѣ быти тиуну на ономъ свѣтѣ? Тоже подтверждаютъ слова Данила заточеника: «Неимѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ

княжа села: тѹнъ бо его яко искры; аще отъ огня устержешися, но отъ искры не можешъ устрещися жженія порть.»

Въ Русской Правдѣ значатся еще слѣдующія должностныя лица.

Вирники—чиновники, опредѣлявшіе (?) и взыскивавшіе виру, (1) и получавшіе за то опредѣленное вознагражденіе (7). У нихъ помощниками были изъ отроковъ или дѣтскихъ (7). (Слово *судія*, встрѣчающееся однажды, употреблено вѣроятно въ нарицательномъ смыслѣ и о носится или къ посаднику, или тѹну, вирнику).

Метельники, (7) вѣроятно были тоже, что *писцы*, упоминаемые однажды (59).

Всѣ эти лица получали запасы и пошлыны для себя со всякаго дѣла, (7, 59, 96).

Мытники (32) — собирали мыть, пошлыну съ предметовъ внутренней торговли. (Мытники встрѣчаются и въ лѣтописи).

Что касается до населенія, до народа, до сословій, то въ Правдѣ встрѣчаются слѣдующія наименованія:

Бояре, мужи княжіе, (113) за умерщвленіе полагалось 80 гривенъ, — та же непя и за тѹпа княжаго, за тѹпа огнищаго, копышаго.

Отроки, дѣтскіе, которые употреблялись въ помощь высшихъ чиновниковъ. За убійство отрока княжаго, какъ и конюха, повара, вира полагалась въ 40 гривенъ (9).

Огнищане, (13) сословіе, принадлежащее исключительно Новгороду, и замѣненное тамъ впоследствии жителями людьми, какъ будто среднее между боярами и людьми. (За убійство тѹпа огнищаго та же высшая непя, что и за боярипа, 80 гривенъ).

Купцы, (74), *юсти* (75), иноземные купцы.

Гриди (1) вѣроятно то, что послѣ дворяне, дружинники).

Мечники (1, 96) — какой-нибудь особый видъ ихъ.

Люди, людиль, (3) — такъ продолжали называться всѣ свободные люди, члены военного сословія. За убіеніе людина полагалась непя половинная въ сравненіи съ мужемъ княжимъ, или тѹномъ, то-есть 40 гривенъ.

Смерды—поселяне, земледѣльцы; упоминаются и холопы смерды (13). За убійство гривенъ. Надъ ними были старосты или 6 тѹны сельскіе.

Холопы (14, 50) — княжіе, боярскіе чернчи, (42) рабы временные, (за убійство) 5 гривенъ раба, холопы обильные, *обиль* (50, 80, 102, 103, 104) — полные.

Закупы—наймиты, наемники, ролейные (76, 77) —, кои брались воздѣлывать землю.

Рядовичи (11) (кпяжіе) и боярскіе — вѣроятно вообще служители.

Общія нарицательныя наименованія, по званіямъ и занятіямъ, встрѣчаются слѣдующія: судія (50), свободный (31, 78), мужъ (81), свободный послухъ (81), господинъ (50), (въ отношеніи къ рабамъ), госпожа (65), хозяина, роба (13, 14), робить, роботать (50), челядь, челядинъ (26) рядовичъ (11) (рядовые люди, простолюдины), кормилецъ, кормилица (14), ремесвенникъ, ремесвенница (12).

По обстоятельствамъ, въ коихъ кому случается быть: *Истець*, (35) — человекъ, который ищетъ, (истецъ или отъ исто?) жалуется. *Должбитъ*—занимодавецъ, *должну* быть (75).

Видѣкъ, послухъ, — свидѣтель-очевидецъ; послушество. Складывать послушество на кого (51) — призывать кого въ свидѣтели.

Порушникъ, принимающій виноватаго къ себѣ на поруку, на свою отвѣтственность.

Собирательныя имена мѣстностей по Русской Правдѣ:

Миръ — общество.

Верви, папоминавшія самымъ именемъ Норманское межеваніе веревкою, представляются общинами, конхъ члены какъ бы связаны были между собою, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, круговою порукою: верви обязаны были платить виру въ извѣстныхъ случаяхъ, когда въ ихъ предѣлахъ находилось мертвое тѣло (4). Члены ея вкладывались предварительно (6), и убійца, если участвовалъ въ складчинѣ, платилъ уже половину виры, а если не вкладывался, то сполна.

Торгъ. На торгу оглашались пропаша, бѣгство рабовъ, происходилъ сводъ свидѣтелей (23, 28).

Село (84) — заселенное мѣсто, селитьба.

Городъ (28) Варяго-Русскіе города были безъ всякаго сомнѣнія укрѣпленіями, крѣпостями, а такъ какъ они сряду и вмѣстѣ упоминаются съ прежними, Славянскими, то-есть Новымгородомъ, Кіевомъ, Смоленскомъ, Ростовомъ и проч., то нѣтъ никакой причины предполагать и въ нихъ послѣднихъ чтолибо другое.

Города или крѣпости были деревянные, что видно изъ самыхъ словъ выражающихъ ихъ строеніе: рубити, ставити.

(1044, 1116). Каменные имѣлъ только Новгородъ и Ладога (1116), можетъ быть Кіевъ, Переяславль.

Городъ раздѣлялся на внѣшній, окольный — *острогъ*, и внутренній, дѣтскій — *дѣтищецъ*, называвшійся такъ, вѣроятно, отъ пребыванія тамъ дѣтскихъ.

Стѣны назывались *заборолами*, и вообще городомъ.

Въ городѣ, т.-е. стѣнахъ, было по нѣскольку *воротъ*, которыя запирались, напр. Золотыя въ Кіевѣ (каменные), Жидовскія, Лядскія, Угорскія, во Владимирѣ Волинскомъ — Кіевскія, въ Галичѣ — Нѣмецкія, и проч.

Улицы встрѣчаются рано въ Кіевѣ: Пасынча бесѣда, Козары (1943): въ Полоцкѣ (1095).

Жители назывались вообще *гражданами*, (1146) людьми градскими (1096), между которыми упоминаются люди лѣпшіе, лучшіе (1141, 1156).

Въ городахъ упоминаются *торговища* (1067).

Погребъ, порубъ — въ родѣ общественной темницы.

Селитьба ближайшая къ городу называлась *предгородьемъ*.

Города окружались *валами*, кои назывались такъ же спами, приспами, переспами. При валахъ выкапывались *рвы*. *Греблею* называлась дорога черезъ ровъ, и самый ровъ. — *Гатью* искусственная дорога черезъ рѣку. О *мостѣ* искусственномъ первое извѣстіе — черезъ Двѣррь, въ Кіевѣ — устроилъ Володимѣръ Мономахъ (1115).

ТОРГОВЛЯ, КУНЫ (ДЕНЬГИ).

Русская торговля, в продолженіи Норманскаго періода, т. е. въ 9, 10 и началѣ 11 столѣтія, какъ мы видѣли, была очень обширна, производясь между странами отдаленными — Самаркандомъ, Бухарою, Бактрой, Каспійскимъ моремъ, Волгою, Уральскими горами, Скандинавіей, Германіей и Греціей. Русскіе торговали съ Арабами, Козарами, Болгарами, Везью, Югрою, Норманнами, Нѣмцами, Греками.

Во второй половинѣ 11-го столѣтія, въ 12-мъ и въ началѣ 13-го, то есть в продолженіи періода удѣльнаго, до нашествія Татаръ, торговля Русская стѣснилась нѣсколько въ своихъ предѣлахъ, потому что Арабы перестали подъ конецъ ѣздить на Сѣверъ, вслѣдствіе какихъ-то малоизвѣстныхъ переворотовъ на ихъ востокъ, Козары въ устьяхъ Волги были совершенно поражены, Болгаре ослабли: но она была еще очень значительна, и увеличилась внутри, а также вскорѣ и на Сѣверъ, со вновь образовавшеюся Ганзою. Живое торговое движеніе ясно примѣчается въ лѣтописяхъ, какъ ни разбросаны мелкія извѣстія. Кіевскіе купцы ѣздили въ Крымъ, Грецію и Константинополь, къ Половцамъ, и въ страну Залѣсскую или Суздальскую. Новгородскіе плавали по Балтійскому морю, торговали въ Даніи и Готландѣ, ходили за Уралъ, и рассыпались по всей Русской землѣ,

въ Кіевъ и Смоленскъ, Черниговъ, Переяславль и Володимерь. Смольяне, Полочане, Видбляне, торговали съ Ригою и Нѣмцами. Латины приходили въ Кіевъ, Владимиръ, въ землю Болгарскую. Жиды принимали дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, живя въ Кіевѣ, и, вѣроятно, въ другихъ городахъ. Нѣмцы пріѣзжали изъ внутренней Германіи, Галичане съ солью отъ Карпатскихъ горъ, Дунайскіе Болгаре сообщались между собою и Русью. Норманны не забывали еще своего Austurvigi, Константинополя, и древней Біарми, которую ограбили особенно въ 1222 году.

Средоточіемъ Греческой торговли былъ Кіевъ. Средоточіемъ Сѣверной торговли былъ Новгородъ.

О торговлѣ *Кіевской* в продолженіи, какъ Норманскаго, такъ и удѣльнаго періода, свидѣлствуютъ писатели—Греческіе (Константинь Багрянородный, около 950, Зонара, 1118), Сѣверные, (Адамъ Бременскій, до 1076, Саксонъ Грамматикъ, † 1204), Нѣмецкіе (Дитмаръ, около 1020), и Арабскіе (вновь найденные: Ибн-Хордадбегъ, во 2 половинѣ IX вѣка, Ибн-Даста, около 913,—Ибнъ-Фоцланъ, 922, Ибнъ-Гау-каль, послѣ 973, Якутъ, 1178—1229).

Кіевская торговля съ Греціей в продолженіи удѣльнаго періода, до Татаръ, была

такъ велика, и предметъ ея былъ такъ важенъ для князей, что они иногда принуждены были брать на себя сами, сообщая, обязанность провожать купцовъ, торговавшихъ съ Греціей, охраняя обозы отъ нападенія хищныхъ племенъ, кочевавшихъ по ихъ пути.

Купцы, торговавшіе съ Греціей, назывались Гречниками. Гречники — это, безъ всякаго сомнѣнія, Сѣверные Griskir, Grickir, какъ назывались Норманны, ѣздившіе въ Грецію. Названіе ихъ перешло послѣ и къ нашимъ Кіевскимъ купцамъ, торговавшимъ съ Греціей.

Первое извѣстіе о Греческихъ купцахъ встрѣчается подъ 1084 годомъ: Давидъ Игоревичъ, младшій внукъ Ярославъ, одинъ изъ князей, наиболѣе буйствовавшихъ въ это время, захватилъ въ Олешь (нынѣ Алешки, городъ Екатеринославской губерніи) Гречниковъ, т. е. купцовъ торговавшихъ съ Греціей, и отнял у нихъ много товара.

Подъ 1167 г. встрѣчается извѣстіе еще любопытнѣе: Кіевская лѣтопись говоритъ, что Половцы, услышавъ о несогласіяхъ князей Русскихъ между собою, начали «пакостити» Гречникамъ. Значитъ, что князья, въ мирное время, не допускали Половцевъ причинять вреда купцамъ. И въ этомъ году, впрочемъ, великій князь Кіевскій, Ростиславъ, внукъ Мономаховъ, послалъ вой для возведенія Гречниковъ, т. е. для przeprowadенія ихъ вверхъ по Днѣпру.

Но самое важное мѣсто о Греческихъ купцахъ находится подъ слѣдующимъ 1168 годомъ: тогда Ростиславъ снарядилъ цѣлую многочисленную экспедицію, для охраненія Греческихъ купцовъ, изъ Владимира, Луцка,

Бужска, Дорогобужа, Овруча, Городна, Галича и проч.

Одиннадцать князей, со всей Руси, даже отдаленная Галицкая помощь, оказались нужными для охраненія купцовъ изъ Греціи. Большихъ ополченій не бывало и для наступательной войны съ Половцами. Не ясно ли изъ этого слѣдуетъ, что обозы были огромные, и что польза отъ торговли простиралась на всю Русь, которая принимала въ ней дѣятельное участіе, такъ что князья, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, считали своей обязанностію, для собственныхъ своихъ выгодъ, ей покровительствовать. Замѣтимъ еще выраженіе, въ пользу нашего заключенія о многочисленности купцовъ и товаровъ: князья стояли *долгое время*, пока не взойли Гречникъ и Залозникъ; слѣдовательно долгое время восходили купцы; слѣдовательно ихъ было очень много. Далѣе: не можетъ быть, чтобъ это случилось только въ одномъ году; вѣрно торговое сообщеніе было обыкновенное, какъ оно было «обыкновенно» въ Норманскомъ періодѣ, и только въ лѣтописи оно попало подъ этимъ годомъ, по особенному случаю, равно какъ и слѣдующее подъ 1170 г., когда великій князь Мстиславъ Изяславичъ созвалъ также князей почти со всей Южной Руси, и возбудилъ ихъ противъ Половцевъ именно потому, что послѣдніе «изъымали» у Руси, пути: *Греческій* (т. е. Днѣпръ), *Соланскій* (т. е. тотъ, по которому Русскіе промышленники ѣздили за солью въ Крымъ, по свидѣтельству Рубруквиса) и *Залозный*.

Река (Мстиславъ Изяславичъ) тако: «братъ! пожалуйте о Русской земли и о своей отчизнѣ и дѣдинѣ, оже несутъ хрестьяны на всяко лѣто у вѣжъ свои, а съ нами роту взимающе, всегда переступающе; а уже

у насъ и *Гречскій путь изотимають, и Солный, и Залозный*, а лѣпо ны было, братье, възраче на Божію помощь... поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ *пути* и своей чести. И угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ такую мысль въ сердце, а намъ дай Богъ за крестьяпы и за Русскую землю головы своѣ сложити, и къ мученикомъ приченомъ быти и пр... И потомъ по малѣ посла Мьстиславъ по братью свою, и съѣхупишася вся братья у него Кіевѣ: Ярославъ изъ Лучьска, Володимиръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручого, Давидъ изъ Вышегорода, а Гюргевичъ Иванъ изъ Турова. И нача молвити Мьстиславъ братьи своей: се, братье, Половцемъ есме много зла створили, вѣжѣ ихъ поимали есме, дѣти ихъ поимали есме, и стада и скоть, а тѣмъ всяко пакостити *Гречнику нашему и Залознику*; а быхомъ вышли противу *Гречнику*. *И люба бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша ему братья: тако буди, то есть намъ на честь и всеѣ Рускѣй земли — и шедше станя у Канева».

Походъ былъ очень успѣшенъ, и князья воротились съ добычею и славою. Но въ слѣдствіе этого похода они почли за необходимое принять повья сильныя мѣры для охраненія Гречниковъ въ слѣдующемъ году. Опять собрались они изъ Кіева, Вышегорода, Луцка, Дорогобужа, Овруча, Турова, и пошли въ Каневъ.

Вотъ и второе ополченіе, столь же многочисленное, какъ и Ростиславово, черезъ короткое время послѣ онаго.

* Есть станція Лозовая на дорогѣ изъ Харькова въ Таганрогъ.

Подъ Каневымъ обыкновенно князья стерегли землю Русскую отъ нападеній Половцевъ, наиримѣръ въ 1192 году: «Князь Святославъ со сватомъ своимъ съ Рюрикомъ совокупившеся съ братьею, и стояше у Канева все лѣто стерегучи земли Рускѣй».

Эти извѣстія нашихъ лѣтописей поясняются и подтверждаются разительными извѣстіями Арабскихъ писателей, наиримѣръ Ибнъ-Хордадбехомъ, который у насъ былъ мало извѣстенъ, обнародованный послѣ книги Френа; онъ жилъ во 2-й половинѣ IX вѣка. Вотъ его слова: «Что касается до Русскихъ купцевъ, принадлежащихъ къ Славянамъ, то они изъ отдаленнѣйшихъ странъ Славянскихъ привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи къ берегу Румскаго моря, то есть Чернаго, гдѣ оно касается Византійскаго государства, и къ морю около Константинаполя. Тамъ даютъ они десятую часть Византійскому Императору».

Вотъ они; наши Гречники!

«Иногда они на корабляхъ ходятъ по рѣкѣ Славинъ, (то есть Волгѣ), и проѣзжаютъ по заливу Хазарской столицы (Итиля), гдѣ платятъ десятую часть тамошнему Царю. Оттуда отираются они въ Каспійское море, и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Иногда они возятъ свой товаръ на верблюдахъ до Багдада». Въ Булгарѣ, какъ и въ Итиль, Русскіе купцы имѣли цѣлыя слободы и складочные амбары, живя тамъ по долгу.

О вывозѣ мѣховъ Русскими въ другія страны повторяютъ писатели Хвѣка: неизвѣстный сочинитель Книги страпъ, Массуди, Истахри; въ XI в. Мукаддези, въ XII Идризи, и другіе. Согласно съ этими древними извѣстіями, позднѣйшій писатель Ибн-ел-атиръ (ум. въ 1233 г.) говоритъ, что послѣ пораженія

Русскихъ и Половцевъ Монголами въ 1224 году, «соединились многіе изъ важнѣйшихъ купцевъ Русскихъ и богачей (въ Корсунѣ), нагрузили, что имѣли цѣннаго, и отправились моремъ въ земля мусульманскія на нѣсколькихъ судахъ; но когда они приближались къ пристани, къ которой шли, (вѣроятно Синопу), одно судно разбилось, а люди спаслись.... остальные суда уцѣлѣли. Объ этомъ и рассказывали бывшіе на нихъ люди».

У Ибн-ел-атира есть темное извѣстіе о Русскихъ купцахъ въ Таврисѣ.

Первые западные путешественники къ Татарамъ свидѣтельствуютъ тоже:

Плано-Карпини (1246) встрѣчаетъ Русскихъ въ Орнѣ или нынѣшнемъ Азовѣ.

По словамъ Рубруквиса (1253) Русскіе торговцы прїѣзжали въ Судахъ или Сурожъ въ крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, мѣняли мѣха на шелковыя и бумажныя ткани, и пряныя коренья. Въ Крымѣ за солью прїѣзжали со всѣхъ концовъ Россіи (это нынѣшніе чумаки). За возъ соли давались двѣ бумажныя ткани, стоившія половину Константинопольскаго червонца.

Кіевляне торговали также съ *Половцами*.

Еще митрополитъ Іоаннъ (1080—1089) въ своемъ церковномъ правилѣ доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ Половцевъ, даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія оскверняться нечистыми яствами.

Отъ Половцевъ, какъ прежде Печенѣговъ, получались лошади, овцы, рогатый скотъ.

Подъ 1184 г. находимъ мы извѣстіе въ Кіевской лѣтописи, что Русскіе князья, въ походѣ своемъ противъ Половцевъ, встрѣтили гостей или купцовъ, шедшихъ изъ земли Половецкой, которые доставили имъ

свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ тогда кочевали Половцы, а именно по рѣкѣ Хоролу.

О торговлѣ солью изъ Галича есть извѣстіе у Нестора въ житіи св. Феодосія: «Егда же Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ рать зачастую за Василькову слѣпоту... не пустиша купцевъ ко Кіеву отъ *Галича* и *Перемышля*, и не бысть соли во всей Россійской землѣ».

Прохоръ, чудотворецъ Печерскій, раздавалъ тогда пенель вмѣсто соли, «вздвигая зависть отъ продающихъ соль, и створися имъ неполученіе хотѣнія своего: мнѣвшися въ ты дни всего міра богатство пріобрѣсти въ соли; и сеже бысть имъ тишина велия, иже прежде драго цѣняще, по двѣ головажни на куну, нынѣ же и по 10 не брегомъ».

Въ 1164 г. «пойде вода изъ Днѣстра велика въ болонье, и взиде оли до Выковаго болота, и потопи человекъ болѣе 300, иже бяху пошли съ солью изъ Удеча».

Изъ нашихъ городовъ видимъ мы Кіевскихъ купцовъ только во *Владимирѣ Замѣскомъ*, какъ свидѣтельствуетъ Суздальская лѣтопись подъ г. 1175, и то совершенно случайно, (см. ниже).

Какъ Кіевскіе купцы ѣздили по другимъ городамъ, такъ *Новгородскіе* и прочіе прїѣзжали въ Кіевъ.

Наконецъ, кромѣ домашнихъ купцовъ, жили въ Кіевѣ и *иноземные*, Латинскіе или Нѣмецкіе, что всего яснѣе видно изъ слѣдующаго мѣста въ лѣтописи:

1174 г. Ярославъ Луцкій, подозрѣвая Кіянъ въ измѣнѣ, будто они навели на него Святослава Всеволодовича Черниговскаго, пропродавъ (обложилъ контрибуціею) весь Кіевъ, игуменовъ и поповъ, чернцевъ и черницъ, *Латину* и *юстей* и *затворы*,

и всѣхъ Кіянъ. Подъ *затворами* нельзя раз-
умѣть ничего, кромѣ магазиновъ, амбаровъ.
(Затворами назывались иногда монастыри,
но здѣсь мѣстомъ, которое занимает это
слово — между Латинами, гостями и Кіян-
нами, послѣ уже духовенства, исключается
последнее значеніе).

Еще лучшее свидѣтельство о пребываніи
иностранныхъ купцовъ въ Кіевѣ сохрани-
лось въ Новгородской лѣтописи, что весьма
замѣчательно, указывая именно на торговое
сообщеніе, (извѣстіе принесено было, вѣро-
ятно, въ Новгородъ изъ Кіева Новгород-
скими купцами), а именно подъ 1203 годомъ:
Половцы, взявши Кіевъ на щить, дали
жизнь иноземцамъ *всякаго языка*, затворив-
шимся въ церквахъ, раздѣливъ товары съ
ними пополамъ. («1203, января 1 дня,
Рюрикъ съ Ольговици и съ погаными По-
ловци.... взяша градъ Кіевъ на щить....
а что гости *иноземца всякаго языка*, затво-
ришася въ церквахъ, и въдаша имъ животь,
а товаръ съ ними раздѣлиша наполю»).

Свидѣтельства нашихъ лѣтописей под-
тверждаются словами современника Несто-
рова, Польскаго лѣтописателя Мартина Галла,
который такъ выражается (въ предисловіи)
о своемъ отечествѣ: *Sed quia regio Polonorum
ab itinere peregrinorum est remota, et nisi
transeuntibus in Russiam pro mercimonio pau-
cis nota.* Польша дѣлалась извѣстною пре-
имущественно только потому, что чрезъ нее
преѣзжали иностранные купцы въ Русь.

Изъ Нѣмецкихъ грамотъ, мы узнаемъ, что
Регенбургъ въ 12 вѣкѣ, случалось, имѣлъ
въ Кіевѣ свои торговые дома, и что чрезъ
Енсъ (?) и Вѣну отправлялись Регенбургскіе
торговцы въ Кіевъ за покупкою мѣховыхъ
товаровъ, коихъ тогда сей городъ считался
складочнымъ мѣстомъ. Они (Ruzarii—купцы,

торговавшіе съ Русью, какъ наши Гречники
торговали съ Греціей?) платили подать при
отъѣздѣ и по возвращеніи въ отечество.

Въ началѣ 10-го столѣтія Русскіе купцы
приходили съ своими телѣгами чрезъ Богда-
мию на берега Дуная, продавать Баварцамъ
лошадей и невольниковъ.

Въ 1027 году Поляки съ Русскими до-
ходили до Сициліи.

Жиды имѣли особую улицу въ Кіевѣ,
и отличались, видно, богатствомъ: потому
что при смерти Святополка 1113 г. Кіянне
бросились грабить Жидовъ.

1124 г. «Погорѣ гора... и Жидове.»
Жидовскія ворота упоминаются подъ
1151 годомъ.

Переходимъ къ Новгороду.

Новгородъ и его область, сырая, боло-
тистая, безплодная, не изобилвала ника-
кими естественными произведеніями, напро-
тивъ она чувствовала недостатокъ въ глав-
нѣйшихъ потребностяхъ. Но Новгородцы
были посредниками всей Русской торговли
съ Сѣверомъ и Германіей. Они ѣздили
сами за море: 1130. «Идуце изъ заморія съ
Готъ (изъ заморья съ острова Готланда),
потопи людей семь, и сами истопиша и
товаръ, а друзи выльзоша, но пази, и въ
доми придоша здорови».

Въ 1134 году Новгородскіе купцы были
посажены подъ стражу въ Даніи.

Въ 1142 году, Шведскій король, въ 60 шне-
кахъ, напалъ на Новгородцевъ, возвращав-
шихся въ трехъ ладьяхъ изъ-за моря, но не
успѣлъ ничего, потерявъ даже полтора ста чело-
вѣкъ въ сраженіи и три шнеки. (Ладьи
Новгородскія, видно, были очень велики,
если онѣ могли бороться съ 60 шнеками, и,
побивши 150 человекъ, отойти безопасно).

Въ 1188 году у Новгородцевъ была важная ссора съ Варягами, т. е. съ Скандинавами, которые заточили ихъ купцовъ на островъ Готландъ. Новгородцы, по праву возмездія, поступили, кажется, также съ ихъ купцами у себя, и въ Торжкѣ, и хотя отпустили ихъ на другой годъ, но не позволили своимъ купцамъ ѣхать за море, ни отправили пословъ.

Иностранные купцы пріѣзжали въ Новгородъ, жили тамъ постоянно, имѣли свой дворъ и церковь. Въ Ярославовомъ уставѣ о мостовыхъ упоминается о цѣломъ участкѣ, заселенномъ Нѣмцами.

Св. Антошій Римлянипъ (1106 г.) нашель въ Новѣгородѣ «человѣка Греческія земля гостьбу дѣюща, ... иже умѣяше Греческимъ, Римскимъ и Русскимъ языкомъ.»

1128 г. матери отдавали иностраннымъ гостямъ въ крѣпость дѣтей во время голода. «Отець и мати чадо свое всажаше въ лодью даромъ гостемъ».

1152 г. сгорѣла Варяжская церковь.

1156 г. «Поставиша заморьстїи (купцы) церковь святыя Пятницѣ на тѣрговищи».

1201 г. «Варягы пустиша безъ мира за море... на осень придоша *Варязи* горою (вотъ, слѣдовательно, и сухопутное *сообщеніе*) на миръ, и даша имъ миръ, на всей воли своей».

1207 г. «Съвършиша цѣрковь святыя Пятница заморьскїи (купцы)».

1217 г. «Въ Варязьской божниці изгорѣ товаръ вѣсь Варязьскїй безъ числа.»

1230 г. «Купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и по болшую, а ржи 4 часть кади... по гривнѣ серебра, и даяху отци и матери дѣти свое одрепъ, изъ хлѣба, *гостемъ*».

1231 г. «Прїѣбгоша Нѣмци изъ заморїа съ житомъ и съ мукою».

Наши свидѣтельства о торговлѣ Новгородской съ Сѣверомъ подтверждаются иностранными. Исландскїя саги наполнены ими. Адамъ Бременскїй свидѣтельствуесть, что Датчане въ его время прїѣзжали въ Новгородъ въ 4 недѣли, а отъ устья Одера совершали туда путь обыкновенно въ 43 дня. Городъ Волипъ XI вѣка называетъ онъ величайшимъ изъ городовъ Европейскихъ и знаменитѣйшимъ сборнымъ мѣстомъ для варваровъ и *Грековъ* окрестныхъ, то есть нашихъ *гречниковъ*.

Въ 1157 году Свендъ, король Датскїй, при осадѣ Шлезвига, захватилъ Русскїе купеческіе корабли, и товары, на овыхъ взятыя, роздалъ своимъ ратникамъ вмѣсто жалованья.

Въ 1158 г. Бременскїе купцы явились въ устьѣ Двины, и начали съ тѣхъ поръ постоянно торговать съ Ливами и Русскими.

1161—1180 изъ заключенїя древнѣйшей Новгородской Скры видно, что съ Русью торговали между прочими городами Сестъ, Дортмундъ и Любекъ.

Въ грамотѣ епископа Кельпскаго Рейнольда (1165 г. авг. 31) есть извѣстїе, что жители городка Медебаха въ Вестфалии торговали съ Русью.

Въ 1187 г. Императоръ Фридрихъ грамотою, данною городу Любеку, освободилъ отъ пошлинъ Руссовъ, Готовъ, Норманновъ и другихъ восточныхъ обитателей, приходившихъ для торговли.

Торговья сношенїя Новгорода съ Нѣмецкими землями были такъ значительны, обширны и постоянны, что очень рано оказалось нужнымъ постановлять правила, и обязываться въ ихъ исполненїи. Около 1199 года заключенъ Новгородцами торговый договоръ съ Нѣмцами слѣдующаго содержанїа, съ ссылкой на старыи миръ:

Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцкымъ Яковомъ, и съ всѣми Новгородци, *подтвердихомъ мира старою*, с посломъ Арбудомъ, и съ всѣми Нѣмецкими сыны, и с Гты, и съ всемъ Латинскимъ языкомъ.

Послалъ яесмь посла своего Григоу на сеп правдѣ:

1. Ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю в миръ в Нѣмецкоу землю и на Гъцкъ берегъ. Также ходити Нѣмчымъ и Гтяномъ в Новгородъ безъ пакости не обидимъ никымъ же.

2. Аче боудеть соудъ князю Новгородцкму Новгородѣ или Нѣмецкмоу в Нѣмчыхъ; а в томъ миру ити гостю домовъ бес пакости; а кого Богъ поставитъ князя, а съ тѣмъ мира потвердитъ, любо ли земля безъ мируу станеть.

Слѣдующія статьи 3—11, см. ниже въ отдѣленіи

12. Оже родится тяжа в Нѣмцехъ Новгородцю, любо Нѣмчину Новгородѣ, то рубежа не творити, на другое лѣто жаловати. Оже не правять, то князю явя и людемъ, взяти свое оу госте, оже тяжа родится в Новгородѣ.

13. Оже тяжа родитъ въ иноіе земли в Рускихъ городѣхъ, то оу тѣхъ своеіе тяже прашати, искати Новгороду не надобе. А тяжа на города, а Нѣмчинъ свободъ и Новгородци.

14. Оже придетъ въ своиен лоды в Нѣмецкон домовъ, аче самъ не поидеть в ней опять мужъ, дастъ кѣрмникоу.

15. Нѣмчина не сажати в погребъ Новгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмцыхъ, нъ іемати своеіе оу виновата.

Я, князь Ярославъ Володимеричъ, разсудивъ съ посадникомъ Мирошкою, съ тысяцкимъ Яковомъ и со всѣми Новгородцами, *подтвердили старый договоръ* съ посломъ Арбудомъ, со всѣми Нѣмцами и Готами, со всѣмъ Латинскимъ языкомъ.

Посылаю посла своего Григу съ слѣдующими условіями:

1. Ходить Новгородскому послу и всякому Новгородцу въ мирное время въ Нѣмецкую землю, и на Готскій берегъ,—также и Нѣмцамъ, Готамъ, ходитъ въ Новгородъ,—безъ всякихъ притѣсненій и обидъ.

2. Если случится судъ (раздоръ) Новгородскому князю въ Новгородѣ, или Нѣмецкому въ Нѣмцахъ, то гостю ити домой безъ притѣсненія; въ случаѣ раздора, съ новымъ княземъ имѣеть быть потвержденъ тотъ же миръ.

о торговлѣ.

12. Если случится тяжба у Новгородца въ Нѣмцахъ, или у Нѣмчина въ Новгородѣ, то задержки не дѣлать, (тяжущимся) придти на другое лѣто. Въ случаѣ неудовлетворенія, по объявленіи князю и людемъ взятъ свое у гостя (?), если тяжа случится въ Новгородѣ.

13. Если тяжа случится въ инои мѣстѣ, въ другихъ Русскихъ городахъ, то тамъ и спрашивать своего рѣшенія; въ Новгородѣ искать нечего. Тяжа въ городахъ, Нѣмчинъ и Новгородцы свободны.

14. Если кто, пришедъ въ своей (?) Нѣмецкой ладѣ домой (?), не поидеть опять въ ней самъ, то поручаетъ кормнику.

15. Нѣмчина не сажать въ тюрьмѣ въ Новгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмцахъ, но взыскивать свое съ виноватаго (?).

По основаніи Риги въ 1201 г., и по совершенномъ водвореніи Нѣмцевъ въ устьяхъ Западной Двины, торговыя сношенія распространялись еще болѣе: въ лѣтописи Ливонской встрѣчается объ нихъ много свѣдѣній.

1204. Датскій король Вальдемаръ подтвердилъ грамоту Фридриха I.

1210. Рыцарь Арнольдъ ѣздилъ въ Полоцкъ, и упросилъ Полоцкаго князя позволить Латинскимъ купцамъ торговлю по прежнему.

Въ 1212 г. Рижскій епископъ заключилъ торговый договоръ съ Полоцкимъ княземъ, при посредствѣ Володимера Псковскаго, и вмѣстѣ оборонительный противъ Литовцевъ.

1213. Гросмейстеръ Волквинъ провожалъ купцевъ внизъ по Двинѣ.

Въ 1228 году заключенъ обширный торговый договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ, (см. ниже).

Касвини, писатель 14 вѣка, въ началѣ, нашедшій въ Маинцѣ много восточныхъ монетъ, удивляется, «что здѣсь, на отдаленномъ западѣ, встрѣчаются въ огромномъ количествѣ пряныя коренья, свойственныя лишь крайнему Востоку, — перецъ, имбирь, гвоздика, нарды, кость, галанга, которые вывозятся изъ Индіи. Эти произведенія привозились на Западъ чрезъ Россію еще въ XI вѣкѣ.

Переходимъ къ *внутренней* торговлѣ Новагорода.

Новгородцы послѣ древнихъ, въроятныхъ, своихъ поселеній въ Бѣжецкѣ, Волокѣ-Ламскомѣ, Торжкѣ, Ростовѣ, Муромѣ, Бѣлозерскѣ, селились съ торговыми цѣлями по рѣкамъ Вагѣ, сѣверной Двинѣ, Пинегѣ, Мезени, Печерѣ, даже до Оби.

Подъ 1096 г. пожыщенъ въ Новгородской лѣтописи рассказъ о самомъ дальнемъ сѣверовостокѣ: «Четыре года тому назадъ вотъ что я слышалъ отъ Юрты Роговича Новгородца,» говоритъ вводный свидѣтель: «я посылалъ отрока своего въ Печеру, къ людямъ, дающимъ дань Новгороду. Изъ Печеры отрокъ мой ходилъ въ Югру. Югра—народъ пѣмой, сидитъ на границѣ съ Самоядью, въ полуночныхъ странахъ. Они рассказывали моему отроку о случившемся за три предъ тѣмъ года: за лукою моря есть горы, путь къ нимъ непроходимъ—пропастями, снѣгомъ и лѣсомъ; «высота имъ яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ вличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору хотяще высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало». Оттуда говорятъ они, но пельзя понять что; они показываютъ на желѣзо, давая знаки рукою, прося желѣза. За ножъ или сѣкиру, кто дастъ имъ, они платятъ мѣхами. Мудрено доходить до тѣхъ мѣстъ, а есть еще и дальше на сѣверъ поселенія».

Подъ 1114 годомъ есть еще воспоминаніе, переданное лѣтописателю Ладожанами, «что мужи старые ходили за Югру и за Самоядь», рассказывая многое удивительное о тамошнихъ странахъ.

Въ 1193 г. Новгородцы ходили войною на Югру, которая, желая спасти свой городъ отъ осады, прислала сказать имъ, «яко копимъ серебро и соболи, и ина узорочья, а не губите своихъ смердъ и своей дани».

Новгородцы получали оттуда мѣха, морскихъ птицъ, моржевое сало, клыкы, и доставляли преимущественно желѣзные издѣлія.

Новгородскіе купцы ѣздили въ *Кіевское* княжество. Это мы видимъ изъ того, что въ 1161 году Великій князь Кіевскій Ростиславъ, разсердась на Новгородцевъ,

велѣлъ перехватить ихъ купцевъ, что были въ Кіевѣ, и посадить въ погребъ, гдѣ ихъ въ одну ночь умерло 14 человекъ, а остальные разосланы были послѣ по городамъ.

Новгородцы торговали съ *Черниговымъ*, что видно изъ предложенія князя Михаила Черниговскаго принимать къ себѣ ихъ купцевъ.

1225. «Кн. Михаилъ рече Новгородчѣмъ: не хочу у васъ княжити, иду Църнигову, *гость ко мнѣ пускайте*, а яко земля ваша, тако земля моя.»

Въ *Суздальскомъ* княжествѣ бывало ихъ множество, и безпреставно встрѣчаются въ лѣтописяхъ извѣстія, что князья, по неудовольствіямъ съ Новымъ городомъ, захватываютъ ихъ купцевъ, и не пускаютъ къ нимъ хлѣба—самое дѣйствительное средство противъ Новгорода: 1141. (въ Суздальской лѣтописи) «Новгородци не стерпяче безъ князя съдѣти, и ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣже,—и емлюще метаютъ и въ погребъ».

1148. «Ходи архіепископъ Нифонтъ.... и пріять и съ любовію Гюрги.... и *Новотържцѣ* всѣ выпроси, и гость весь цѣль».

О количествѣ Новгородскихъ купцевъ всего лучше можемъ мы судить по извѣстію о томъ, сколько князь Ярославъ, который послѣ былъ Великимъ княземъ Владимирскимъ—поссорясь съ ними, захватилъ въ Торжкѣ въ 1215 г. мужей Новгородскихъ и купцевъ—*больше двухъ тысячъ!* Каково количество, котораго бѣдшую часть составляли, безъ сомнѣнія, купцы! «Ярославъ... гость Новгородскій весь прія (въ Торжкѣ)... Посла князь Мстиславъ (сказать ему): мужъ мой и гость пусти.... Князь же Ярославъ того не любивъ.... а Новгородцѣ съзва на поле за Тържькѣ.... вси мужи и *гостьбници*, изымавъ я вся, посла иско-

вавъ по своимъ городомъ, а товары ихъ раздая и конѣ; *а бльше всѣхъ Новгородцѣ болѣ 2000.*»

О пребываніи Новгородскихъ купцевъ въ *Переяславль* (Залѣсскомъ) находимъ извѣстіе въ исторіи того же Ярослава; онъ перехватилъ тамъ Новгородскихъ купцевъ въ 1216 г.: «Ярославъ (разбитый Мстиславомъ), въбѣгъ въ Переяславль и изыма *Новгородцы* и *Смолняны*, иже бяху *зашли гостьбою* въ землю его, повелѣ въ погребы вметати ихъ, что есть Новгородцевъ, а иныхъ въ гридницу, и ту ся изодоша, а иныхъ повелѣ затворити въ тѣснѣ избѣ, и издуши ихъ полтораста, а Смолнянъ 15 мужъ затвориша кромѣ, тѣ же быша вси живы».

«Мстиславъ поиде къ Переяславу.... появило что живыхъ Новгородцѣ, и что было съ Ярославомъ въ пѣлку».

Изъ грамоты Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича (1136) мы узнаемъ объ одной важной отрасли Новгородской торговли, а именно о воскѣ. «Даю св. Великому Іоанну отъ своего велико имѣнія на строеніе церкви во вѣки вѣсъ воцаный».

Соорудивъ каменную церковь во имя св. Іоанна Предтечи на Петратинѣ дворницѣ, что на Опокахъ, и предназначивъ ей быть соборною, княжескою, онъ хотѣлъ обезпечить содержаніе какъ самой церкви, такъ и ея причта на будущее время. Съ этою цѣлію онъ, примѣнительно къ уставу св. Владимира, предоставлявшему духовному вѣдомству наблюденіе за торговыми мѣрами и вѣсами, далъ означенной церкви право держать въ притворѣ вѣсы, взвѣшивать на нихъ воскъ, и, вѣроятно, нѣкоторые другіе товары, и за то брать съ торговцевъ *вѣсця* пошлины. Мѣра пошлинъ была назначена различная: иная съ гостей Низовскихъ,

другая съ Полоцкихъ и Смоленскихъ, и еще иная съ Новоторжцевъ и Новгородцевъ. Для производства торгова отведено было во-кругъ церкви св. Иоанна Предтечи опредѣ-ленное пространство земли, гдѣ мѣста отда-ваемы были на откупъ и плата за нихъ шла въ церковь св. Иоанна. Наконецъ, за право торговать здѣсь, или точнѣе, вклю-читься въ постоянное «купецество Иванов-ское,» желавшіе должны были вносить извѣст-ную сумму, 50 гривенъ серебра, изъ которой часть отдѣлялась въ казну той же церкви.

Вотъ древнѣйшіе слѣды Русскаго обычая дѣйствовать сообща, общинами, артелями.* (Монастырскія общины и братчины пред-ставляютъ соотвѣтственное явленіе.)

Чтобы смотрѣть за правильностію вѣсовъ, собирать разными подати въ пользу церкви, хранить и употреблять ихъ соотвѣтственно назначенію, князь поставилъ ей трехъ ста-рость отъ житыхъ людей, одного тысяц-каго отъ черныхъ и двухъ старость отъ купцевъ, и повелѣлъ «ни во что Иванов-ское» не вмѣшиваться ни посаднику, ни боя-рамъ Новгородскимъ, ни самому владыкѣ. Изъ доходовъ церкви положено было еже-годное жалованье: священникамъ, діакопу, сторожатъ. Изъ тѣхъ же доходовъ еже-годно отпускаема была значительная сумма для храмоваго праздника св. Иоанна Предтечи на свѣчи и другія издержки.

«А въ Торжку» князь продолжаетъ «даю пудъ воцаный, половина св. Спасу, а поло-вина св. Великому Иоанну на Петратино дворнице.» Отсюда можно заключить, что и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Новгорода,

* Намекъ на нихъ встрѣчается еще въ слѣдую-щемъ нѣсколько позднѣйшемъ извѣстн лѣтописи Новгородцы отправились со спѣ-хомъ ко Пскову на помощь, «общины всѣ по-печатавъ».

были церкви, напримѣръ въ Торжкѣ—Спас-ская, которыя пользовались жалованьемъ княжескимъ. Такъ и Андрей Боголюбскій предоставилъ Владимирскому собору деся-той торгъ.

Иногородные купцы въ Новгородѣ на-зывались *юстями*.

По Всеволодовой грамотѣ мы видимъ *Низовскихъ, Смоленскихъ, Полоцкихъ, Новоторжскихъ* гостей, также *Тверскихъ, Блжецкихъ, Деревскихъ съ Помостья* (т. е. съ жившихъ по рѣкѣ Мстѣ).

Новгородскіе купцы принадлежали къ числу почетнѣйшихъ граждавъ, ходили послами, и участвовали въ войнахъ, усло-віяхъ съ князьями.

1137. «Имаше (на пріятеляхъ кн. Все-волода Мстиславича изъ бояръ) съ полу-торы тысячи гривень, и даша *купцемъ* крутиться на войну.»

1166. «Приде Ростиславъ изъ Кыева и позва Новгородычъ на порядъ: огнищане, гридь, *купцы* вячьшее.»

1195. «Идоша съ княземъ Ярославомъ огнищане, и гридьба, и *купцы*» (на Черни-говѣ), по вызову Великаго князя Суздаль-скаго Всеволода.

Кромѣ Новгорода производили торговлю *Псковичи, Новоторжцы, Ладожане, Ру-шане*, какъ видно изъ нѣкоторыхъ выше и ниже предложенныхъ мѣстъ, а именно: Ярославъ въ 1232 г. не пустилъ въ *Псковъ* купцевъ съ солью.

Въ 1234 г. Литва нападала на *Русу*, въ коей отбивались купцы.

О Смоленскихъ купцахъ въ Переяславлѣ встрѣчается извѣстіе въ лѣтописи по тому поводу, что Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ пораженія подъ Лишицами, захватилъ ихъ

вмѣстѣ съ Новгородцами, * пятнадцать чело-
вѣкъ; они были заключены особо, и остались
въ живыхъ.

Въ Ливонскихъ лѣтописяхъ есть извѣстiе,
что въ 1210 году нѣкто Лудольфъ изъ
Смоленска былъ посланъ въ Ригу Полоц-
кимъ княземъ къ епископу Альберту для
переговоровъ о мирѣ: безъ сомнѣнiя это
былъ купецъ, проживавшiй въ Смоленскѣ.

О торговлѣ Смоленска, вмѣстѣ съ По-
лоцкомъ и Витебскомъ, сохранилось въ
Рижскомъ архивѣ драгоцѣнное подлинное
свидѣтельство—договоръ Смоленскаго князя
Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ
берегомъ, 1228 года. Пропади этотъ до-
кументъ, что знали бы мы изъ нашихъ
лѣтописей о торговлѣ Смоленска? Рѣши-
тельно ничего. А между тѣмъ она была
такъ обширна и велика, что для содержа-
нiя ея въ законныхъ предѣлахъ потребо-
валось опредѣлить множество частныхъ,
доказывающихъ самое живое и частое со-
общенiе. Мы узнаемъ теперь, что Смолен-
скихъ купцевъ бывало множество въ Нѣ-
мецкой землѣ; что Нѣмецкихъ купцевъ
бывало множество въ Смоленскѣ; что Нѣ-
мецкiе кушцы имѣли въ Смоленскѣ церкви,
и ѣздили изъ Смоленска и *въ другiе города*;
что Полоцкъ и Витебскъ производили та-
кую же торговлю съ Нѣмцами, какъ и
Смоленскъ, и что Двина по всему своему те-
ченію была свободна. Предлагаемъ договоръ
вполнѣ :

Князь Мстиславъ Давидовицъ послалъ
свои мужи, Еремѣя поца, Пантелѣя Соть-
ского, отъ Смольнянъ въ Ригу, а изъ Риги
на Готскiй берегъ, утверживати миръ, а
розлюбье на сторону отверечи, которое было

* См. выше, с. 471.

межи Нѣмци и Смольняны; а за тотъ миръ
страдалъ (старался) Рульфъ изъ Кашля
(Касселя) и Тумашъ Михайловичъ, абы
добросердье межъ ихъ было, абы Рускимъ
купцемъ въ Ризѣ и на Готскомъ березѣ,
а Нѣмчкимъ купцемъ въ Смоленской во-
лости любо было, какъ миръ утвержденъ,
и добросердье абы въ вѣкы стояло, и князю
любо бы и всимъ Смольняномъ и Рижаномъ
и всимъ Нѣмчемъ, по Восточному морю
ходящимъ, оже такую правду въпсали, бо-
торою правдою быти Русину въ Ризѣ и
на Готскомъ березѣ, а быша тоя правды
держали и въ вѣкы.

Богъ того не дай, оже розбой по грѣ-
хомъ пригодиться межъ Нѣмци и Руси, что
за что платити, абы миръ не раздрушенъ,
абы Нѣмчицо любо было.

А се починокъ правдѣ.*

14. А како услышитъ Волоскiй тиунъ,
еже гость Нѣмчкiй прiѣхалъ въ Смольняны
на Волокъ, послати ему своего челоувѣка
вборзѣ къ Волочаномъ, ать перевезутъ Нѣ-
мчкiй гость съ товаромъ; а никтожь иметъ
имъ пакостити, занеже въ той пакости велика
пагуба бываетъ Смольняномъ отъ поганыхъ.
И Нѣмцемъ метати жеребьи, кому пойти
напередъ. Аще иный гость будетъ Рускiй,
тому пойти позади.

15. А како будетъ гость Нѣмчкiй въ
городѣ, дати имъ Княгини поставъ частины,
а тивуну Волочному рукавичъ перьстатый
Готскiй (рукавицы съ перстами или пер-
чатки).

16. А который Волочанинъ вскладываетъ
товаръ Нѣмчкiй или Смоленскiй на кола
своя чересъ Волокъ везти, а что погышетъ

* Первые 13 статей, относящихся къ праву, см.
выше, въ главѣ о законахъ, с. 455.

того товара, всимъ Волочаномъ платити. Также правда буди Русину и на Готьскомъ березѣ.

17. А како будетъ Нѣмчкый гость въ Смоленскѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безо всякїя борони (препятствїя); а како будетъ Рускый гость въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, вольножь ему продати безо всякой борони.

18. Аще который Нѣмчиць хочеть пойти съ своимъ товаромъ въ иный городъ, князю не боронити, ни Смолпяномъ; или который Русинъ всхочеть съ Готьскаго берега въ Нѣмчкую землю въ Любокъ (Любекъ), Нѣмцемъ не боронити пути того.

19. Аще который Русинъ возьметъ товаръ у Нѣмчица, а понесеть товаръ изъ двора, тый товаръ не ворочается; или который товаръ купилъ у Русина, и понесеть изъ двора, тый товаръ не ворочается.

20. Русину же не лѣзъ позвати на опцій (общїй) судъ, развѣе на Смоленскаго князя; аже возлюбитъ Нѣмчиць на оньчїй судъ, то его воля. А Нѣмчицю не лѣзъ позвати Русина въ Ригѣ или на Готьскомъ берегу на ончїй судъ: всхочеть ли Русинъ на ончїй судъ, то его воля.

21. Русину же не лѣзъ приставити Дѣчкаго, (дѣтскаго, отрока, военнаго пристава), къ Нѣмчицю въ Смоленскѣ, во преже обвѣститъ старѣйшему ихъ: оже старѣйшина его не умоливъ, то лѣзъ ему приставити. Также и Нѣмчицю въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ, не лѣзъ ему приставити дѣтскаго.

22. Оже будетъ Русину товаръ имати на Нѣмчици или въ Ригѣ, или на Готьскомъ березѣ, въ которомъ городѣ въ иномъ Нѣмчкомъ: пойти истью къ истью, и

взяти ему тая правда, которая въ томъ городѣ; а *рубезжа* (лишенїя) имъ не дѣяти; а Нѣмчицю также правда взяти въ Руси.

23. А Нѣмчицю платити вѣсцю отъ двою кауью (съ 24 пудъ) куна Смоленская.

24. Оже купити Нѣмчицю гривну золота, дати ему ногата вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

25. Или который Нѣмчиць купитъ судъ (сосудъ) серебряный, дати ему отъ гривнѣ куна вѣсцю, или продасть, не дати ему ни векши.

26. Аще купитъ Нѣмчиць гривну серебра, дати вѣсцю 2 векши, или продасть, не дати ему.

27. Оже Нѣмчинъ дастъ серебро платитъ, дати ему куна Смоленская гривень (съ гривны).

28. Аще воцный пудъ (воцаной вѣсъ или 12 пудъ) исказиться, лежитъ капъ во святїй Богородици на горѣ, а другая въ Нѣмчкой Богородици: то тымъ пудъ извѣряче, право учинити. Та же правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

29. Нѣмчицю же всякой товаръ вольно купити безъ борони въ Смоленскѣ, также и Русину вольно купити всякый товаръ безъ борони въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

30. Нѣмчицю же не надобѣ никое мыто изъ Смоленска до Ригѣ, а изъ Ригы до Смоленска; также и Русину не надобѣ мыто съ Готьскаго берега и до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленска.

31. Аще Смоленскый князь пойдетъ на войну, не надобѣ ему (Нѣмцу) вхати; оже всхочеть съ княземъ, то своя ему воля; также буди и Русину воля въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

32. Аже Русинъ или Нѣмчичъ иметъ тати у своего товара, въ томъ его воля, что хочеть учинити.

33. Русину же не дати пересуда (судной пошлины) ни въ Ригѣ, ни на Готскомъ березѣ, ни Нѣмчицю же платити пересуда въ Смоленскѣ, или у князя, или у тиуна, или урядили будутъ добрии мужи; болѣ же того не поимати ни въ Ригѣ, ни на Готскомъ березѣ. Таже правда буди Нѣмечкому гостю въ Смоленскѣ.

34. А пудъ (вѣсъ) дали Нѣмчи Волочаномъ, иже имъ товаръ возити всякому гостю, и коли исказится, а подругъ (такой же) его лежитъ въ Нѣмечкой божницѣ, а другыи ковати извѣривше тими.

35. Епископъ же Рижскый, Фолкунъ Мастеръ *Божихъ Дворянъ* (Рыцарей Христовыхъ), и вси волостели по Рижеской земли дали Двину волену отъ устья до верху по водѣ, и по берегу, всякому гостю Рижскому и Нѣмечкому ходящимъ внизъ и верхъ. Богъ того не дай, аще кого притца приметъ, или ладья уразится Руская, или Нѣмечкая, вольно ему свой товаръ привезти къ берегу безъ всякой борони. Аще будетъ въ пособленіе людий мало будетъ, а къ тому принаимати людий въ помощь; то, что будетъ сулилъ найма, черезъ то болѣ не взяти. Таже правда буди Русину въ Ризѣ и на Готскомъ березѣ, и Нѣмчицю въ Смоленской волости, и въ Польской, и въ Витебской.

А си грамота написана бысть при пошѣ Иванѣ и при мастерѣ Фулкинѣ и при Рижскихъ мужехъ, и при многихъ купчехъ Рижскаго царства, еже есть тѣхъ печать на сей грамотѣ. А се суть сему послуши (свидѣтели): Регембодъ, Тетартъ, Адамъ,

горожане на Готскомъ березѣ; Мемеберъ, Вередрикъ Домомъ изъ Люпка (Любека); Индрикъ, Тонлиеръ: таже суть изъ *Южата* (Данцига?); Кондратъ кривыи, Еганъ Книногъ: ти суть изъ Мунстера (Минстера). Берникъ и Фолкирь, ти же суть изъ *Глули* (Грепингена?). Яремъ, Брахтъ: ти же суть изъ *Дротмины* (Дортмунда). Индрикъ, Чижикъ: ти же изъ *Дряль* (Бремена?). Альбрахъ Слукъ, Берняръ Велетеръ, Алеберъ судья Рижскый: тоже суть Рижане.

Аще который Русинъ или Нѣмчицъ противитися всхочеть сей правдѣ, да тотъ противенъ Богу и сей правдѣ.

Изъ городовъ Смоленскаго княжества извѣстенъ по торговлѣ *Торонецъ*: въ лѣтописи еще подъ 1074 годомъ упоминается «богатый» купецъ Торопчанинъ, который роздалъ имѣніе свое нуждающимся, и постригся въ монастырь Феодосіевомъ, нареченный Исакиемъ.

Въ былинахъ поется о Дмитріѣ, богатомъ гостѣ *Черниговскомъ*.

Что во *Владимирѣ Суздальскій* приходили купцы: *Греческіе, Нѣмецкіе, Кіевскіе и Восточные*, — о томъ узнаемъ мы случайно изъ причитанья Кузмища Кіянина надъ трюпомъ Андреевымъ. «Иногда бо аче и *гость* приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ *Руской* земли, и аче *Латининъ*, и до всего *хрестьянства*, и до всея *погани*...» Андрей всѣмъ велѣлъ показывать богатства церквиныя.

О купцахъ во Владимирѣ, какъ части заселенія городского, есть два мѣста, подъ годами 1177 и 1206.

Низовые купцы должны были платити въ Новгородъ отъ двухъ берковецъ вощаныхъ

по гривнѣ серебра, да гривну перцу. Перець не откуда было получать Низовымъ купцамъ, кромѣ востока. Слѣдовательно восточная торговля чрезъ Астрахань и Булгарь продолжалась еще въ XIII вѣкѣ.

Въ житіи князя Глѣба Андреевича, (неизвѣстнаго по лѣтописямъ), говорится о множествѣ иностранныхъ гостей, бывшихъ во Владимірѣ при смерти сего молодого князя.

Иностранные купцы, торгуя съ Русскими, пробѣжали еще чрезъ Русскую землю въ сосѣднія страны съ тою же цѣлю, а именно:

Въ *Болгарію*, что узнаемъ мы въ извѣстіи объ умерщвленіи въ Болгарскомъ городѣ богатаго купца, который не хотѣлъ тамъ измѣнить христіанству, и былъ замученъ. 1229. «Страсть новаго мученика Христова (Аврамія), его же убиша Болгаре въ великомъ градѣ ихъ; съ бысть *иною язика не Рускаго*, хрестыанъ же сы, имѣяше имѣнье много, *идтешбу дѣя по градомъ...*» Болгаре принуждали его отречься отъ христіанской вѣры и умертвили.

Едризѣ, арабскій писатель половины XII вѣка, говорить о продолжавшейся, хотя въ меньшемъ объемѣ, торговлѣ Итія.

Норманновъ мы видимъ при взятіи *Константинополя* Латинами, которые ихъ выгнали. 1204. «Греки же Варягы изгнали изъ града, иже бяхутся остаи».

Такова была торговля внутренняя и внѣшняя Руси въ удѣльномъ періодѣ. Она находилась подъ особымъ покровительствомъ князей, что видно и по лѣтописямъ и по договорамъ, и была ограждена законами, очень подробными въ Русской Правдѣ, чѣмъ и доказывается ея значительное развитіе съ кредитомъ, (заимствомъ), процентами, (ростомъ, рѣзами, лихвою), порученіями

(комиссіями). Не только деньги давались заемъ, но и жито въ присопѣ, наставъ въ медь, скоть въ приплодѣ, (см. въ Русской Правдѣ). Деньги давались въ куплю, и въ гостьбу, т. е. въ торгъ домашній и заграничный. Рѣзы, росты (откуда нын. ростовщикъ) обыкновенные 20. Противъ рѣзоимства очень сильно вооружались проповѣдники.

Церковь также покровительствовала торговлѣ и наблюдала за ея вѣрностью: мѣрила торговля, на примѣръ, сказанная въ уставѣ Всеволода Мстиславича скалвы (вѣсы) вошаныя, пуды медовые, гривенки рублевья... на всякой годъ взвѣшивались и проч.

Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, Торопецъ, Псковъ, Руса, Ладога, Торжекъ, Владиміръ, Переяславль, Черниговъ—вотъ города, о коихъ положительныя извѣстія сохранились въ лѣтописяхъ.

Арабскія монеты 9—12 столѣтія, находящіяся во множествѣ на всемъ пространствѣ Россіи (въ губерніяхъ: Новгородской, Псковской, Тверской, Минской, Могилевской, Витебской, Смоленской, Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Тульской, Рязанской, Казанской, Саратовской, Таврической, Вятской, Пермской, Тобольской, Петербургской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, въ Финляндіи, а равно и въ восточной Швеціи, и по всему Балтійскому поморью, и нигдѣ болѣе), свидѣтельствуютъ всего вѣрнѣе и осязательнѣе объ обширности восточной торговли и мѣстахъ производства.* Онѣ находятся въ различныхъ количествахъ, вѣсомъ отъ семи пудъ, цѣною отъ семи тысячъ цѣлковыхъ (близъ Великихъ Лукъ) до нѣсколькихъ сотъ и десятковъ, (древнѣйшіе Русскіе клады). Недавно еще близъ Глазова въ Вятской

* См. въ атласѣ карту нахождения монетъ въ Россіи.

губерніи найдено 1500 серебряныхъ монетъ, изъ коихъ самыя новыя принадлежатъ къ 843—844 г. Изъ Сассанидскихъ монетъ есть 587 и 619 г. Въ Муромѣ въ прошломъ году найдено до 11 тыс. куфическихъ сер. монетъ.

Въ 1817 году считалось восточныхъ монетъ въ академическомъ Минцъ-кабинетѣ до 20 тысячъ. Теперь вѣроятно несравненно болѣе. Сколько же ихъ пропало, и находится въ частныхъ рукахъ!

Въ Швеціи было тогда извѣстно до 6 тысячъ.

Русь продавала свои товары въ Болгарѣ и Итилѣ всегда на чистыя деньги, по свидѣтельству самыхъ Арабскихъ писателей, Ибн-Дасты и Ибн-Фоцлана.

Вмѣстѣ съ арабскими монетами, шедшими преимущественно изъ Мавераннегра, (Хивы и Бухары), попадаются древнія Греческія, Римскія, Нѣмецкія, Англо-Саксонскія. Восточная торговля впрочемъ значительно уменьшилась въ продолженіи удѣльнаго періода.

Главные предметы заграничной торговли, какъ на западъ, такъ и на востокъ, были мѣха—соболи, горностая, куницы, песцы, волки, медвѣди, бобры, зайцы, рыбы зубы, поташъ, воскъ, медъ, лѣсъ, кожи, (юфть), иногда хлѣбъ; на югѣ въ особенности челядь.

Получались по прежнему: драгоценныя ткани, янтарь, сукна, (Ипское изъ Ипра во Фландріи), желѣзныя издѣлія, изъ Греціи церковныя принадлежности: иконы, сосуды, мозаика, вина, съ востока вина, пряныя коренья, благовонія.

Изъ Смоленскаго договора видно,* что въ Смоленскѣ продавалось и покупалось золото и серебро.

* См. выше, статьи 25—28.

Предметы торговли мы видимъ въ внутреннемъ оборотѣ, въ употребленіи, напримѣръ въ 1148 году:

«Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускихъ земель и отъ всихъ царскихъ земель, (т. е. Греческихъ), а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верхнихъ земель и отъ Варягъ, (т. е. сѣверныхъ, Нѣмецкихъ).

Что касается до внутренней торговли, — различіе въ климатѣ и почвѣ земли, обиліе тѣхъ или другихъ естественныхъ произведеній, по мѣстамъ были причиною происхожденія разныхъ отраслей мѣстной промышленности и мѣнновой торговли. Такъ напримѣръ Новгородъ (1141) долженъ былъ получать хлѣбъ съ юга изъ Суздаля, или даже отъ Нѣмцевъ, а Суздаль, въ случаѣ нужды, отъ Болгаръ.

Главные пути—рѣки: Волга, Ока, Днѣпръ, Донъ, Нева, и прочія, между которыми находились волоки. Два волока, между Бабиничами и Оршею, и Болгоголовичами и рѣкою Уллою, гдѣ впоследствии прорытъ Березинскій каналъ, почти до нашего времени служили путями торговыхъ сообщеній между рѣчными системами Днѣпра и Двины. На первомъ изъ этихъ волоковъ найдены въ четырехъ разныхъ мѣстахъ Халифскія и Парескія монеты, преимущественно VIII вѣка. Въ одномъ лишь кладѣ были Сассанидскія, X вѣка. Волоки дали имя городамъ Вышему Волочку, Волоку-Ламскому.

Доставлялись по мѣстамъ товары и сухимъ путемъ: напримѣръ изъ житія Θεодосіева видимъ, что онъ встрѣтилъ близъ Курска обозъ, шедшій въ Кіевъ. Послѣдую за нимъ, онъ достигъ Кіева чрезъ три недѣли, слѣд. въ день дѣлалось верстъ по 20.

Ибн-Гаукаль говоритъ, что изъ Булгара кушцы доходили до Кіева, чрезъ Мордовскую землю.

Въ городахъ вездѣ были *торговища*, т. е. торговыя площади, (кои до сихъ поръ сохранились и во всѣхъ Славянскихъ городахъ на западѣ).

Въ *Новгородѣ* искони, цѣлая сторона называлась *торговою*.

Въ *Кіевѣ* (1067). Людье Кіевстии.... створиша вѣча на *торговищи*.

Изяславъ възгна (1069) *торгъ* на гору.

Тамъ же упоминается (1146) Бабинъ торжекъ.

Упоминается *торговище* (1096) въ Вздвигени, *торгъ* (1234) въ *Русь*.

Смоленскій *торгъ* упоминается въ житіи св. Авраамія.

Пригородъ Новгородскій *Новой Торгъ*, *Торжекъ*, получилъ свое имя отсюда.

При монастыряхъ, особенно въ дни ихъ праздниковъ, происходили торги, подавшіе впоследствии поводъ къ учрежденію ярмарокъ.

По одному слову въ Русской Правдѣ (84) можно заключать объ особыхъ площадяхъ за городами, куда привозились товары: гостинница великая,—если впрочемъ оно не означаетъ большой дороги.

Предметы торговли внутренней, о коихъ значитса именно въ современныхъ памятникахъ, напр. въ Русской Правдѣ: хлѣбъ—рожь, пшеница, пшено, овесъ, сѣно, мясо, рыба, соль, воскъ, медъ, ленъ, дрова, вообще съѣстные припасы, рогатый скотъ и все нужное для одежды и обуви. (Затворники Печерскіе плели копытца и клобуки, и носили на продажу въ городъ, гдѣ покупали жито).

Внутренняя торговля была обложена *пошлинами*, о коихъ можемъ судить по уставу Всеволодову.*

* См. выше, с. 471.

Одно мѣсто и въ лѣтописи подтверждаетъ овыя: въ 1150 году, князь Борисъ Юрьевичъ принужденъ былъ бѣжать отъ Владиміра Галицкаго, напавшаго внезапно на его Бѣлгородъ. Владимірко захватилъ бы его самага, говоритъ лѣтопись Кіевская, есляръ «мытникъ» не успѣлъ разметать моста. Если былъ мытникъ, то было и мыто, *пошлина*. Селенія съ именемъ *Мытищи* указываютъ на мѣста собранія древнихъ пошлинъ, какъ *Исады*—древнихъ пристаней, а *Волоки* древнихъ промежуточныхъ пространствъ между рѣками.

Были пошлины на *перевозахъ*, на *мостахъ*, *передмѣрѣ*, (съ мѣры, помѣрное), *осмичее*, вѣснее (съ вѣсу, за вѣсъ).

Древняя Русская, и по преимуществу Новгородская, торговля, воспѣта въ современной былинѣ о богатомъ купцѣ Новгородскомъ Садкѣ, котораго имя встрѣчается и въ лѣтописи Новгородской подъ годомъ 1167: На весну заложилъ Садко Сытиничъ церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславичѣ, при архіепископѣ Иліи.

Жилъ былъ Садко, богатый гость.
Все-то у Садка по небесному:
На небѣ солнце, во теремѣ солнце,
На небѣ звѣзды, во теремѣ звѣзды,
На небѣ мѣсяць, во теремѣ мѣсяць,—
Все-то у Садка по небесному.

Потомъ Садкѣ купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыхъ мужиковъ Новгородскихъ,
И тыхъ настоятелей Новгородскихъ,
Оуму Назарьева и Луку Зиновьева.

Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися:
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силою-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодец-
ствомъ.

Умный хвастаетъ старымъ батюшккомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.

Говорятъ настоятели Новгородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
«Всѣ на почестномъ напивалися,
«Похвальбами всѣ похвалялися.
«Что же у насъ Садкѣ ничѣмъ не по-
хвастаетъ,
«Что у насъ Садкѣ ничѣмъ не похва-
ляется?»

Говоритъ Садкѣ купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
«Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалиться?
«У меня ль золота казна не тощится,
«Цвѣтно платьице не носится,
«Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать безсчетной
золотой казной:
«На свою безсчетну золоту казну
«Повыкуплю товары Новгородскіе,
«Худые товары и добрые!»

Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ выкупить Садку товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ
болѣе не было.

Ставалъ Садкѣ на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
Ираспуцалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ,

Какъ повыкупилъ товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетную золоту казну.

На другой день ставалъ Садкѣ ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распуцалъ дружину по улицамъ торго-
вымъ,

А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ привезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На ту на славу на великую Новгородскую.
Опять выкупалъ товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетную золоту казну.

На третій день ставалъ Садкѣ ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
Ираспуцалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Втройнѣ товаровъ привезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
На ту на великую на славу Новгородскую.
Какъ тутъ Садке пораздумался:

«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:

.....
«Подоспѣютъ товары заморскіе.
«Не я, видно, купецъ богатъ Новгородскій,
«Побогаче меня славный Новгородъ».

Отдавалъ онъ настоятелямъ Новгородскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

На свою безсчетную золоту казну
Построилъ Садкѣ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыхъ;
Корму онъ строилъ по гусиному,
А носъ онъ строилъ по орлиному,
Въ очи выкладывалъ по камешку,
По славному камешку по яхонту.
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новгородскіе.
Поѣхалъ Садкѣ по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.

Вспомнимъ: бѣ путь изъ Варягъ въ Греки,
и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра
волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ
Илмеръ озеро великое, изъ него же озера
потечеть Волховъ, и втечетъ въ озеро ве-
лико Невѣ, того озера видеть устье въ
море Варяжское.

Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Продавалъ товары Новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота,
чиста серебра,

Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ.
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаеть кораблики черленые,
А кораблики нейдутъ съ мѣста на синемъ
морѣ.

Говоритъ Садкѣ купецъ, богатый гость
Ко своей дружины ко хоробрыя:

«Ай же ты дружинишка хоробрая!
«Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
«А морскому царю дани не плачивали:
«Видно, царь морской отъ насъ дани
требуеть,
«Требуеть дани во сине море.
«Ай же братцы, дружина хоробрая!

«Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
«Спускайте бочку во сине море».

»

Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черныя вороны.
Говоритъ—промолвится Садко богатый гость:
«Это, братцы, жеребья на жеребья!
«Вырѣжемъ-те жеребья изъ красна золота,
«Изъ того изъ чистаго изъ серебра,
«А кинемъ-ка жеребья на верхъ воды,
«Намъ кому итти да во сине море:
«Чей жеребей на дно поидеть,
«Тому итти во сине море».

Вырѣзали жеребья изъ красна золота,
Изъ того изъ чистаго изъ серебра;

Кинули оны жеребья на верхъ воды:
Всѣ-то жеребья плвуть на верхъ воды,—
А купца Садко-то на дно идетъ.
Туть Садко купецъ, богатый гость,
Садился на дощечку на дубовую:
Пошла тая дощечка во сине море,
Приходила дощечка во сине море,
Ко царю пришла ко морскому.

Садко прибрѣлъ благосклонность мор-
скаго царя своею игрою на гуслихъ—это
прежде было его ремесло, — и получилъ
себѣ его дочь въ замужство, которая и
доставила его въ Новгородъ, а по другому
разнорѣчю онъ отказался отъ такой невѣсты.

КУНЫ (ДЕНЬГИ).

Гривна серебра въсила фунтъ, или около фунта; въ Новѣгородѣ соотвѣтствовала маркѣ, въ Кіевѣ соотвѣтствовала литрѣ.

Изъ гривны или фунта серебра выливалось въ Новѣгородѣ двѣ гривны кунъ, (денегъ). Въ гривнѣ кунъ (денегъ) было слѣдовательно полфунта или около.

Вотъ эти гривны=полуфунты и должно разумѣть подъ гривнами кунъ, которыя упоминаются въ Новгородскихъ документахъ, то есть ходячею монетою, и сохраняются въ нашихъ милиц-кабинетахъ, въсомъ отъ 40 до 48 золотниковъ.

Представимъ теперь таблицу мелкихъ денегъ, составлявшихъ гривну кунъ, по Карамзину, и переведемъ ее только съ кожи на серебро по нашему изслѣдованію.

Гривна серебра=фунтъ	сер.=20 р. с.
Гривна кунъ =полфун.	сер.=10 р. с.
— —	=20 ногать,
— —	=25 кунъ,
— —	=50 рѣзаней,
Ногата=2 ¹ / ₂ рѣзани	=50 к. с.
Купа =2 рѣзани	=40 к. с.
Рѣзань = ...	20 к. с.

Это расчетъ Новгородской гривны кунъ, денегъ, ходячей монеты, въ полфунта.

Смоленская ходячая монета была вдвое легче: въ Мстиславовомъ (Смоленскаго князя) договорѣ съ Ригю 1228 г. полагалось пени за убійство 10 гривенъ серебра, считая въ гривнѣ серебра по 4 гр. кунъ. слѣдовательно ногата равнялась 25 к. с., купа 20 к. с., рѣзань 10 к. с.

Кіевская гривна была средняя между Новгородскою и Смоленскою. Она въсила треть фунта по слѣдующему положительному показанію въ договорѣ Ольговомъ: «по Русскому закону», назначена пеня за ударъ мечемъ, или какимъ-нибудь сосудомъ, 5 литрѣ серебра, а въ Русской Правдѣ за эту вину назначалось пени 12 гривенъ: слѣдовательно 12 гривенъ равнялись пяти литрамъ серебра, а въ литрѣ было 72 зол., въ 5 литрахъ слѣдовательно 360 зол., слѣдовательно въ Кіевской гривнѣ кунъ было 30 золотниковъ, каковыя мы, говоря вообще, въ Кіевскихъ тагъ называемыхъ гривнахъ и находимъ 30—38 золотниковъ.

Слѣдовательно Кіевская ногата	40 к. с.
— — — — —	куна 30 к. с.
— — — — —	рѣзань 15 к. с.

Изъ фунта въ 96 золотн. въ Новѣгородѣ выливалось двѣ гривны кунъ, въ Кіевѣ почти три, въ Смоленскѣ четыре.

Отсюда счетъ Новгородскій, Кіевскій, Низовый, (Смоленскій, Тверской, Московскій).

Затрудненіе и замѣшательство происходитъ отъ разныхъ значеній гривны, кои трудно намъ разобрать, хоть и сами мы, теперь, употребляемъ это слово въ разныхъ значеніяхъ, но общепринятыхъ и потому легко понятныхъ: гривна серебра, гривна мѣди, гривна ассигнаціями суть различныя гривны, точно какъ и рубль серебра, рубль мѣди, рубль золота, рубль ассигнаціями различныя рубли; въ гривнѣ мѣди считается 10 копеекъ, а въ гривнѣ серебра 35, и т. п.

Гривны сперва были вѣсовыя, потомъ вѣсовыя и денежныя, потомъ однѣ денежныя, кои цѣнились сперва по вѣсу, а потомъ и курсу.

Важный вопросъ состоитъ въ томъ, съ котораго времени начинаются гривны кунъ, то-есть съ котораго времени появились у насъ слитки, денежныя гривны, въ 48, 36, 24 зол.?

Ярославъ назначилъ пени за убійство 40 гривенъ, — должно разумѣть не сорокъ, кажется, гривенъ вѣсомъ, то-есть не 40 фунтовъ, а 40 гривенъ литыхъ, ходячею монетою.

Части гривны кунъ—ногаты, куны, рѣзани, встрѣчаются въ Ярославовой Правдѣ:

онѣ были слѣдовательно частію гривны кунной, денежной, а не гривны вѣсовой, слѣдовательно гривны денежныя тогда уже существовали.

Вновь найденныя въ Нѣжинѣ монеты должны быть Кіевскія рѣзани.

Кожаныя деньги могли существовать только по мѣстамъ, для домашняго обихода, какъ существовали и существуютъ въ наше время по мѣстамъ разные условные знаки.

Еще Володимеръ говорилъ наемнымъ Варягамъ, требовавшимъ по двѣ гривны съ cadaго челоуѣка въ Кіевѣ: пождите, пока куны сберутъ. Прохожіе Варяги, разумѣется, требовали не кожи, для нихъ никуда негодной, а серебра.

Ц Ъ Н Ы, П Е Н И,

По Правдѣ Ярославичей.

(Кіевской счетъ).

Въ нижеслѣдующихъ исчисленіяхъ, какъ и выше, принимаются вездѣ круглыя числа.

	По н ѣ с л ѣ д о в а н і я м ѣ							
	а в т о р а.				Д. И. Прозоровскаго.*			
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб.	коп.	
За несправедливое убійство огнищанина.	80	25	500	—	29 ¹ / ₂	663	73 ¹ / ₂	
А въ подъѣздномъ княжи	80	25	500	—	29 ¹ / ₂	663	73 ¹ / ₂	
За княжескаго старосту.	80	25	500	—	29 ¹ / ₂	663	73 ¹ / ₂	
За конюха стараго у стада.	80	25	500	—	29 ¹ / ₂	663	73 ¹ / ₂	
За сельскаго старосту княжаго и ратайнаго.	12	4	80	—	4 ⁵ / ₈	99	56	
За рядовика княжаго.	5	1 ¹ / ₂	30	—	1 ¹⁹ / ₃₂	41	48 ¹ / ₂	
За смерда и холопа.	5	1 ¹ / ₂	30	—	1 ¹⁹ / ₃₂	41	48 ¹ / ₂	
За кормилицу рабу и кормильца.	12	4	80	—	4 ⁵ / ₈	99	56	
За княжаго коня съ пятномъ.	3	1	20	—	1 ⁵ / ₃₂	24	89	
За смердыаго.	2	2 ¹ / ₂	15	—	70 зол.	16	59 ¹ / ₂	
За кобылу. . . . . 60 рѣз.	—	—	9	—	—	9	96	
За вола. . . . . 1 1 ¹ / ₂	—	—	7	—	35 зол.	8	29 ¹ / ₂	
За корову. . . . . 40 рѣз.	—	—	6	—	—	6	64	
За третьяка. . . . . 15 кун.	—	—	4 ¹ / ₂	—	—	2	44	
За лонщину. . . . . 1 ¹ / ₂ 1 ¹ / ₂	—	—	3 ¹ / ₂	—	17 ¹ / ₂ зол.	4	14 ⁵ / ₈	
За теля. . . . . 5 рѣз.	—	—	—	75	—	—	81 ¹ / ₂	
За яря, барана. . . . . 1 ног.	—	—	—	40	—	—	41 ¹ / ₂	

* О причинахъ различія въ выводахъ, см. въ приложеніяхъ.

	По иже сѣдова іимъ автора Д. И. Прозоровскаго.					
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб. коп.
За уведение чужаго холопа, рабы, хозяину.	12	4	80	—	4 ² / ₃	99 56
За украденнаго коня или быка, за украденную клѣть, съ одного.	130р.		12	—	56 зол.	13 27 ² / ₃
Если въ десятеромъ, съ каждаго (?) по .	330р.		25	—	1 ⁵ / ₁₆	29 87
За княжую борть.	3	1	20	—	1 ² / ₃₂	24 89
За побой смерда, безъ княжаго слова. .	3	1	20	—	1 ² / ₃₂	24 89
За огнищанина, тивунина, мечника. . .	12	4	80	—	4 ² / ₃	99 56
За запаханную межу.	12	4	80	—	4 ² / ₃	99 56
За украденную ладью	30 р.	—	—	4 ¹ / ₃ —	—	4 98
да пени.	60 р.	—	—	9 —	—	9 96
За голубя и кура.	9 к.	—	—	2 70	—	1 49 ² / ₃
За утку, гуся, журавля, лебедя. . 30 р.	—	—	—	4 ¹ / ₃ —	—	4 98
да пени.	60 р.	—	—	9 —	—	9 96
За пса, ястреба, сокола.	3	1	20	—	1 ² / ₃₂	24 89
За покраденное сѣно.	9 к.	—	—	2 70	—	1 49 ² / ₃
дрова.	9 к.	—	—	2 70	—	1 49 ² / ₃
За украденную овцу, хотя въ десятеромъ, продажи по.	60 р.	—	—	9 —	—	9 96
Понмавшему.	10 р.	—	—	1 ¹ / ₃ —	—	1 66
Мечнику изъ гривны.	1 к.	—	—	— 15	—	— 16 ² / ₃
въ десятину.	15 к.	—	—	4 ¹ / ₃ —	—	2 44
князю.	3	1	20	—	1 ² / ₃₂	24 89
Изъ 12 гривенъ поимщику.	70 к.	—	—	21 —	—	11 62
въ десятину.	2 ² / ₃	—	—	15 —	70 зол.	16 59 ¹ / ₃
князю.	10	4	80	—	3 ²¹ / ₃₂	82 96 ² / ₃
Баранъ или полоть ветчины.	2 р.	—	—	30	—	— 33 ¹ / ₃
Вирнику въ недѣлю.	15 к.	—	—	4 ¹ / ₃ —	—	2 44
Вирнику(?).	60	20	400	—	21 ¹ / ₃	497 80
и 10 р. 12 векшев.	—	—	—	2 —	—	— —
Предварительно ему.	1	¹ / ₃	7	—	35 зол.	8 29 ² / ₃
За рыбу вирнику.	7 р.	—	—	10 5	—	1 16 ² / ₃
Мостовщикамъ за работу и за сван по 1 н.	—	—	—	40	—	— 41 ¹ / ₃

По Правдѣ разпространенной.

За убійство мужа или тѣна княжескаго.	80	25	500	—	29 ¹ / ₃	663	73 ¹ / ₃
Верь платитъ за убійство, если убійца не найдется.	80	25	500	—	29 ¹ / ₃	663	73 ¹ / ₃
За людина.	40	12 ¹ / ₃	250	—	14 ¹ / ₁₂	331	86 ² / ₃
Вирнику 7 вед. солода, барана, или полоть ветчины, или деньгами.	2 н.	—	—	80	—	—	83
Вирнику въ сырые и постные дни по 1 к.	—	—	—	30	—	—	16 ² / ₃
А въ скоромные по 2 курицы на день, 1 к.	—	—	—	30	—	—	16 ² / ₃
Ему же.	8	2 ¹ / ₃	50	—	2 ¹¹ / ₁₂	66	37 ¹ / ₃

		П о и з с л ѣ д о в а н і я м ь а в т о р а . Д. И. Прозоровскаго.					
		Грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб. коп.
И перекладныхъ	10 к.	—	—	3	—	—	1 66 ² / ₃
Метельнику судная		1	¹ / ₃	7	—	35 зол.	8 29 ² / ₃
и	12 в.						
Съ виры въ 80 г. вирнику		16	5	100	—	5 ³ / ₈	132 74 ² / ₃
и	10 к. 2 в.	—	—	2	—	—	—
Предварительно судная		1	¹ / ₃	7	—	35 зол.	8 29 ² / ₃
За убійство		3	1	20	—	1 ² / ₃₂	24 89
За убійство княжого отрока, конюха, повара		40	12 ¹ / ₃	250	—	14 ⁷ / ₁₂	331 86 ² / ₃
Тиуна огнищанъ и тиуна конюшаго		80	25	500	—	29 ¹ / ₈	663 73 ¹ / ₃
За сельскаго или ратайнаго		12	4	80	—	4 ³ / ₈	99 56
За рядовича		5	1 ¹ / ₂	30	—	1 ² / ₃₂	41 48 ¹ / ₃
Также и за боярскаго		5	1 ¹ / ₂	30	—	1 ² / ₃₂	41 48 ¹ / ₃
За убійство ремесвенника и ремесвенницы		12	4	80	—	4 ³ / ₈	99 56
За смерда и холопа		5	1 ¹ / ₂	30	—	1 ² / ₃₂	41 48 ¹ / ₃
За рабу		6	2	40	—	2 ³ / ₁₆	49 78
За кормильца и кормилицу		12	4	80	—	4 ³ / ₈	99 56
При снятіи виры отроку	1 к.	1	¹ / ₃	7	—	35 зол.	8 29 ² / ₃
Отъ обвинителя ему же		1	¹ / ₃	7	—	35 зол.	8 29 ² / ₃
Въ то число помоченаго	9 к.	—	—	2	70	—	1 49 ² / ₃
Испытаніе желѣзомъ за дѣло въ ¹ / ₂ г.		—	—	—	—	17 ¹ / ₂ з.	49 77 ¹ / ₃
Присяга за дѣло въ 2 г.		—	—	—	—	70 зол.	16 59 ¹ / ₃
За ударъ мечемъ и проч.		12	4	80	—	4 ³ / ₈	99 56
За обнаженіе меча	1 к.	1	¹ / ₃	7	—	35 зол.	8 29 ² / ₃
За ударъ чѣмъ-нибудь		12	4	80	—	4 ³ / ₈	99 56
За увѣче въ казну		20	6	120	—	7 ¹ / ₃₂	165 93 ¹ / ₃
Раненому		10	3 ¹ / ₂	60	—	3 ³ / ₁₆	82 96 ² / ₃
За палець въ казну		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
Раненому		1	¹ / ₃	7	—	35 зол.	8 29 ² / ₃
За побои видимыя битому		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
Безъ знаковъ	60 к.	—	—	18	—	—	9 96
За рану		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
Раненому и на леченье	к.	1	¹ / ₃	7	—	35 зол.	8 29 ² / ₃
За толчекъ или ударъ жердью		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
За скрытаго челядина продажи		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
Кто сядетъ на чужаго коня		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
За утаеннаго чужаго коня		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
Клѣтной воръ платитъ		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
За кражу челядина князю		12	4	80	—	4 ³ / ₈	99 56
За убіеніе вора связаннаго		12	4	80	—	4 ³ / ₈	99 56
Кто крадетъ скотъ въ хлѣвѣ или клѣтѣ		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
За кражу на полѣ по	60 к.	—	—	18	—	—	9 96
На гумнѣ и т. п., съ вора		3	1	20	—	1 ³ / ₃₂	24 89
и	30 к.	—	—	9	—	—	4 98

	Показанъ до в акіяхъ автора Д. И. Прозоровскаго.					
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб. коп.
За пользование въ лѣто по	1/2	1/8	3 1/2	—	17 1/2 зол.	4 41 1/2
За княжого коня	3	1	20	—	1 1/2	24 89
За простаго коня	2	2/3	15	—	70 зол.	16 59 1/2
За покражу кобылы платять смерды 60 к.	—	—	18	—	—	9 96
За быка	1	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
За корову	40 к.	—	12	—	—	6 64
За трехлѣтнаго быка	30 к.	—	9	—	—	4 98
За годовника	1/2	1/8	1 1/2	—	17 1/2 зол.	4 41 1/2
За теленка, свинью	5 к.	—	1 1/2	—	—	81 1/2
За поросенка, барана	1 н.	—	—	40	—	41 1/2
За овцу	5 п.	—	2	—	—	2 7 1/2
За жеребца неѣженаго	1 к.	1	1/3	7	35 зол.	8 29 2/3
За жеребенка	6 н.	—	—	2 1/2	—	2 49
За коровье молоко	6 н.	—	—	2 1/2	—	2 49
Уличенный должникъ платить пени	3	1	20	—	1 1/2	24 89

По Правдѣ Мономаха.

Позволяется брать рѣзу въ лѣто съгр. 10 к.	—	—	3	—	—	1 66 2/3
За клокъ вырванный бороды	12	4	80	—	4 2/3	99 56
За выбитый зубъ, продажи	12	4	80	—	4 2/3	99 56
А за зубъ	1	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
За украденный борть	12	4	80	—	4 2/3	99 56
За уничтоженіе межевыхъ и пр. знаковъ .	12	4	80	—	4 2/3	99 56
Сверхъ того отроку . . . 20 к. и в. 2.	—	—	6	—	—	—
Писцу	10 к.	—	3	—	—	1 66 2/3
Перекладнаго	5 к.	—	1 1/2	—	—	81 1/2
За мѣхъ	2 н.	—	—	80	—	83
За убійство женщины виноватой	20	6	120	—	7 1/2	165 93 1/2
За убійство холопа князю	12	4	80	—	4 2/3	99 56
Изъ виры судѣ	9 к.	—	—	2 70	—	1 49 2/3
Метельнику	9 в.	—	—	—	—	—
Съ бортной земли	30 к.	—	—	9	—	4 98
Съ оправданнаго, судѣ	4 к.	—	—	1 20	—	66 2/3
Метельнику	6 в.	—	—	—	—	—
Дѣтскому за дѣлежъ наслѣдства	к.	1	1/3	7	35 зол.	8 29 2/3
По присяжнымъ дѣламъ, отъ уголовного суда	30 к.	—	—	9	—	4 98
О бортной и пахатной землѣ	27 к.	—	—	8	—	4 40
О свободѣ	9 к.	—	—	2 70	—	1 49 2/3
Господинъ платитъ закупу за удержанное жалованье	60 к.	—	—	18	—	9 96
За удержанныя деньги, продажи	3	1	20	—	1 1/2	24 89
Продавецъ закупа за холопа платитъ продажи .	12	4	80	—	4 2/3	99 56

	Показаніи мѣ дованіи мѣ автора. Д. И. Прозоровскаго.					
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб. коп.
Холопъ платитъ за уведенную лошадь.	2	2/3	15	—	70 зол.	16 59 1/2
Господинъ платитъ за скрытаго имъ холопа, виноватаго въ побояхъ вольному мужу.	12	4	80	—	4 2/3	99 56
Встрѣченный послѣ холопъ платитъ за сорошь. . . . . к.	4	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
За срубленный борть, продажи.	3	1	20	—	1 2/3	24 89 2/3
За дерево.	1/2	1/6	3 1/2	—	17 1/2 зол.	4 14 1/6
За выдраніе пчель.	3	1	20	—	1 2/3	24 89 2/3
Если медъ не будетъ вынуть. . . . . 10 к.	—	—	3	—	—	1 66 2/3
Если медъ будетъ вынуть. . . . . 5 к.	—	—	1 1/2	—	—	81 1/2
Смердъ платитъ за побой смерда безъ кня- жескаго повелѣнія, продажи.	3	1	20	—	1 2/3	24 89 2/3
Ему за муку. . . . . к.	1	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
За побой огнищанина.	12	4	80	—	3 1/2	24 89 2/3
Ему за муку.	1	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
За кражу ладьи, если возвратится. 6 к.	—	—	1 80	—	—	99 2/3
А если не возвратится, за морскую.	3	1	20	—	1 2/3	24 89
За набойную.	2	2/3	15	—	70 зол.	16 59 1/2
За чель. . . . . 8 к.	—	—	2 40	—	—	1 33 1/3
За стругъ.	1	3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
За перерубл. веревку въ перевесъ, продажи.	3	1	20	—	1 2/3	24 89
За веревку. . . . . к.	1	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
За украденнаго въ перевесъ пса, сокола, ястреба, продажи.	3	1	20	—	1 2/3	24 89
Господину.	1	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
За голубя и кура. . . . . 9 к.	—	—	2 70	—	—	1 49 2/3
За утку, гуся, лебедя, журавля. 30 к.	—	—	9	—	—	4 98
За сѣно и дрова. . . . . 9 к.	—	—	2 70	—	—	1 49 2/3
Господину съ воза по . . . . . 2 н.	—	—	— 80	—	—	83
За зарѣзаннаго коня и др. скотину продажи.	12	4	80	—	4 2/3	99 56
За вину.	1	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
Вызванный несправедливо по холопимъ рѣчамъ на желѣзо получаетъ за муку.	1	1/3	7	—	35 зол.	8 29 2/3
Желѣзной пошлны. . . . . 40 к.	—	—	12	—	—	6 64
Мечнику. . . . . 5 к.	—	—	1 1/2	—	—	81 1/2
Дѣтскому.	1/2	1/6	3 1/2	—	17 1/2 зол.	4 14 1/6
Городнику за заложеніе города. . . . . 1 к.	—	—	— 30	—	—	16 2/3
За окончаніе. . . . . 1 н.	—	—	— 40	—	—	41 1/2
Напищу и питье, мясо и рыбу въ недѣлю 7 к.	—	—	2 10	—	—	1 16 2/3
Моствику съ 10 локтей по. . . . . 1 н.	—	—	— 40	—	—	41 1/2
Започинку стараго моста съ городни по 1 к.	—	—	— 30	—	—	16 2/3
За указаніе дороги бѣглому холопу или снаженіе пищею.	5	1 2/3	— 30	—	1 2/3	41 48 1/2

	По князьдованіямъ автора. Д. И. Прозоровскаго.					
	грив.	фунт.	руб.	коп.	фунт.	руб. коп.
За рабу.	6	2	40	—	2 ³ / ₁₆	49 78
Перенявшій бѣглаго холопа получаетъ к.	1	1/2	7	—	35 зол.	8 29 ¹ / ₂
Не удержавшій платитъ господину.	4	1 1/2	27 1/2	—	1 ¹¹ / ₁₆	33 18 ¹ / ₂
За рабу.	5	1 1/2	30	—	1 ¹¹ / ₁₆	41 48 ¹ / ₂
За помощь при поимѣ бѣглаго холопа 10 к.	—	—	3	—	—	1 66 ¹ / ₂

По уставу Всеволода Мстиславича, 1137 года.

(Новгородской счетъ).

Оброку попамъ изъ воцанаго вѣса.	8	4	80	—	6 ¹¹ / ₁₆	152 91 ¹ / ₂
дьякону.	4	2	40	—	3 ³ / ₁₆	76 45 ¹ / ₂
сторожамъ.	3	1 1/2	30	—	2 ¹ / ₂	57 34 ¹ / ₂
дьяку.	3	1 1/2	30	—	2 ¹ / ₂	57 34 ¹ / ₂
Желающій вступить въ товарищество давалъ вкладу.	50	25	500	—	42	955 72 ¹ / ₂
Изъ этого количества въ церковь.	25	12 1/2	250	—	21	477 86 ¹ / ₂
Съ 2 берковцевъ отъ Низовскаго купца. 1/2	1/2	1/2	5	—	40 ¹ / ₁₆	9 55 ¹ / ₁₆
Да гривенка перцу. -						
Отъ Полоцкаго и Смоленскаго съ берков.	2	1	20	—	1 ¹¹ / ₁₆	38 22 ¹ / ₂
Отъ Повоторжскаго.	1 1/2	1/2	15	—	1 ¹¹ / ₁₆	28 67 ¹ / ₂
У Новгородца 6 мордокъ.						
Князь получалъ въ годъ.	25	12 1/2	250	—	21	477 86 ¹ / ₂
На празднованіе назначалось.	25	12 1/2	250	—	21	477 86 ¹ / ₂
Владыкѣ за служеніе на праздникѣ.	1	1/2	10	—	80 ¹ / ₁₆	19 11 ¹ / ₂
Архимандриту... за служеніе на второй день. 1/2	1/2	1/2	5	—	40 ¹ / ₁₆	9 55 ¹ / ₁₆
Игумену... за служеніе на третій день. . 1/2	1/2	1/2	5	—	40 ¹ / ₁₆	9 55 ¹ / ₁₆

По договору Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ Ригю, 1228 года.

(Смоленской счетъ).

За убійство въ ссорѣ.	40	10	200	—	8 ¹ / ₂	191 15 ¹ / ₂
За ударъ холопу.	1	1/2	5	—	20 ¹ / ₁₆	4 77 ¹ / ₂
За всякое увѣчье.	5	1 1/2	25	—	1 ¹ / ₁₆	23 89 ¹ / ₂
За вышибенный зубъ.	3	1/2	15	—	60 ¹ / ₁₆	14 33 ¹ / ₂
За окров. деревомъ и за рану безъ увѣчья. 1 1/2	1 1/2	1/2	7 1/2	—	30 ¹ / ₁₆	7 16 ¹ / ₂
За побой.	1/2	1/16	1 1/2	—	10 ¹ / ₁₆	1 19 ¹ / ₁₆
За прелюбодѣяніе.	10	2 1/2	50	—	2 ¹ / ₁₆	47 75 ¹ / ₂
Вѣсовщику за 2 каш.	1 к.	—	—	20	—	— 9 ¹ / ₂
За гривну купленнаго золота.	1 н.	—	—	25	—	— 23 ¹ / ₂
За гривну серебра 2 в.						
За серебряной сосудъ отъ гривны. 1 к.	—	—	—	20	—	— 9 ¹ / ₂
При покупкѣ вещей на серебро съ гр. 1 к.	—	—	—	20	—	— 9 ¹ / ₂

По Новгородской летописи:

(Новгородской счетъ).

	Цѣны хлѣбныя.			а в т о р а Д. И. Прозоровскаго.		
	Грив. фунт.	руб.	коп.	Новг. денг.	фунт.	руб. коп.
1123. Купляху по ногатѣ хлѣбѣ.	—	—	50	7	—	31 ¹ / ₂
1127. Ржи осминка (1/2 четверти) по.	1/2	1/4	5	30	—	1 33 ¹ / ₂
1128. Осминка ржи по.	1	1/2	10	60	—	2 66 ² / ₃
1137. Осминка великая. . . . . 7 рѣз.	—	—	1 40	14	—	62 ² / ₃
1161. Кадка малая (то же что осминка. 7 к.	—	—	2 80	14	—	62 ² / ₃
1170. Кадъ ржи (4 четверти).	4	2	40	240	45 зол.	10 66 ² / ₃
Хлѣбѣ. . . . . 2 ногаты.	—	—	1	14	—	62 ² / ₃
Меду пудъ. . . . . 10 кунъ.	—	—	4	20	—	88 ² / ₃
1188. Хлѣбѣ по ногатѣ.	—	—	50	7	—	31 ¹ / ₂
Кадъ ржи.	6	3	60	360	67 ¹ / ₂ з.	16 —
1215. Кадъ ржи.	10	5	100	600	1 ¹ / ₁₆ ф.	26 ² / ₃
Овса.	3	1 ¹ / ₂	30	180	33 ³ / ₄ з.	8 —
Рѣпы возъ.	2	1	20	120	—	5 33 ¹ / ₂
1228. Хлѣбѣ по. . . . . 2 к.	—	—	80	180	—	17 ¹ / ₂
Кадъ ржи.	3	1 ¹ / ₂	30	—	33 ³ / ₄ з.	8 —
Пшеницы.	5	2 ¹ / ₂	50	300	56 ¹ / ₄ з.	13 ¹ / ₂
Пшена.	7	3 ¹ / ₂	70	420	78 ³ / ₄ з.	18 66 ² / ₃
1230. Хлѣбѣ по. . . . . 8 к.	—	—	3 20	16	—	71 ¹ / ₂
Кадъ ржи по.	20	10	200	1200	2 ¹ / ₁₆ ф.	53 ¹ / ₂
Въ дворахъ по.	25	12 ¹ / ₂	250	1500	2 ¹ / ₁₆ ф.	66 ² / ₃
Пшеницы.	40	20	400	2400	4 ¹ / ₁₆ ф.	106 ² / ₃
Пшена.	50	25	500	3000	5 ¹ / ₁₆ ф.	133 ¹ / ₂
Овса по.	13	6 ¹ / ₂	130	780	1 ⁶ / ₁₆ ф.	34 ² / ₃
Хлѣба по.	1	1/2	10	60	—	2 ² / ₃
1233. Соль по.	7	3 ¹ / ₂	70	420	78 ³ / ₄ з.	18 66 ² / ₃

О цѣнахъ на хлѣбъ извѣстiя есть только въ летописи Новгородской. Хлѣбъ по преимуществу въ Новгородѣ былъ значительнымъ предметомъ торговли для жителей, бѣдныхъ собственными запасами для продовольствiя. Цѣны отмѣчаются, разумѣется, самыя высокiя, вслѣдствiе неурожая и совершеннаго недостатка, въ виду голодной смерти. * Въ обыкновенное время хлѣбъ былъ дешевле, даже и въ Новгородѣ, а въ прочихъ мѣстахъ, на югѣ, безъ всякаго сравненiя.

* «Ниш простая чадъ рѣзяху люди живыя и адыху, а ниш мертвая миса и трупие обрѣзающе ѣдаху, а друзи конину, псипу, кошки. Братъ брату не съжалашеться, ни отецъ сынови, ни мати дчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломлаше хлѣба. . даяху отци и матери дѣти свои одьренъ изъ хлѣба гостемъ.»
 Это извѣстiе находится въ Новгородской летописи подъ 1230 годомъ, кажется, по ошибкѣ писца, соединившаго два года въ одномъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Сельская промышленность предопредѣлялась самою природою обитаемой страны: обширныя поля, заливныя луга, дремучіе лѣса и многоводныя рѣки, представляя обиліе естественныхъ произведеній, для удовлетворенія главныхъ потребностей чело-вѣка, пища, питья, одежды, устройства жилищъ, были источниками, побужденіями первыхъ промысловъ: земледѣлія, ското-водства, звѣроловства, рыболовства, птице-ловства и пчеловодства. Хлѣбъ, рогатый скотъ, овцы, свиньи, домашнія птицы, дичь, рыба, медъ, ленъ, лѣсъ, — вотъ произведе-нія, которыя искони добывались, разво-дился и обрабатывались нашими предками, и о которыхъ встрѣчаются положительныя свидѣтельства въ лѣтописяхъ.

Земледѣліе.

Пашенная земля называлась *ролею*. Пахать выражалось словомъ *орать*. Орали лошадьми, а не волами, какъ нынѣ въ Малороссіи. Когда въ 1103 году Мономахъ звалъ своего двоюроднаго брата, Кіевскаго Великаго князя, Святополка Изясла-вича, противъ Половцевъ, то дружина его возражала, (по Лавр. списку), «яко негодно нынѣ, веснѣ, ити хочемъ, погубити смерды и *ролею* ихъ. И рече Володимерь: дивно ми, дружино, *оже лошадей* жалуете, ею же

то ореть (смердъ), а сего чему не промыс-лите, оже то начнетъ *орати* смердъ, и при-ѣхавъ Половчинъ ударитъ и стрѣлюю, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ, иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье, (по Ип. списку: и гумно его зажжетъ), то лошади жаль, а самаго не жаль ли?»

Земледѣльческія орудія: *плугъ, рало*, упо-минаются у Нестора и въ Русской Правдѣ, *борова* въ Русской Правдѣ.

Коса и серпъ (въ Сузд. лѣтописи 1178) извѣстны съ глубокой древности.*

Жатва, сѣно сѣчи, выраженія въ пра-вилѣ Кирилла митрополита.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ такъ описы-вается уборка хлѣба иносказательно: на Немизѣ *снопы стелятъ* головами, *моло-тятъ чепи* харалужными, на *токъ* животь кладуть, *вѣютъ* душу отъ тѣла.

Въ житіи Феодосіевомъ упоминаются руч-ныя *жернова*.

Прочія орудія: мотыки, лыскари (1074), рогалии (1091), кирки.

Сѣно уп. въ Русской Правдѣ, въ Новг. лѣтописи (1145), *сѣножати*, въ грамотѣ

* См. изображеніе древняго серпа, въ атласѣ.

Ростиславовой. Въ селѣ Сѣверскаго князя Игоря Ольговича, въ 1146 г. военными противниками найдено было на гумнѣ 900 *стоювъ* (сѣна?).

Хлѣбъ сушился въ *овинахъ*, упоминаемыхъ въ уставѣ Володимера Святаго, хранился на *гумнахъ*, въ *ямахъ*, какъ значится въ Русской Правдѣ; въ житіи Св. Θεодосія говорится о *суськахъ*, въ Словѣ Дапѣиловомъ упоминаются *житницы*, въ Кіевской лѣтописи (1146 г.) *бретляницы*.

Роды хлѣба, упоминаемые въ памятникахъ: *рожь*, *жито*, (1193); *пшеница*, (1114, въ ВК.) *пшено*, измѣрившееся по Русской Правдѣ уборками (четвериками?), *просо*, (1095), *ячмень*, *солодъ* (ведрами), *овесъ* (луками), *отруби*, *ярь* (яровое); въ Новгородской лѣтописи подъ 1127 г. *вершь*, (всходы), *озимица*.

Въ церковномъ уставѣ 1051 — 1054: Аще мужъ иметъ красти *коноплю* или *ленъ* или всяко *жито*, митрополиту въ винѣ съ княземъ на полы, такожь и жонка.

Гобино—урожай, обиліе, (оттуда: угодить); *зотовизною*, вѣроятно, назывались всякіе припасы, слово, отъ котораго остался у насъ глаголь: готовить кушанье.

Мѣры хлѣба: кадъ (послѣ бочка, оковъ), содержала 4 четверти, четверть 2 осмины. Кадка малая должна быть что осминка великая, а осминка малая—четверикъ?

Въ ЖО. *бъчьвь* (оттуда бочка) полна меду.

Къ земледѣлію относятся въ Русской Правдѣ законы: Аже будетъ росѣчена земля... то платити продажу, аже *межу*... *ролейную* разореть, то 12 гривенъ продажи. Оже дубъ перетнетъ знаменщій или межъный, то 12 гривенъ продажи.

Особеннаго имени для земледѣльцевъ въ древности не было, какъ теперь крестьяне,

развѣ мужи (откуда нынѣшніе мужики). Пришлое, господствующее племя называло этихъ мужей—туземцевъ *смердами*. Впоследствии, однажды (1216) встрѣчается имя *поселей*, откуда нынѣшніе поселяне.

Въ Правдѣ значатся еще особенные батраки, которые назывались ролейными закупамъ, наймитамъ. (Это имя кажется переведеннымъ съ чужаго языка, и указываетъ на иностранное происхожденіе обычая). Закупы получали отъ хозяина особую плату, и обязывались за нее служить ему, обрабатывать землю. Ихъ, видно, было столько, что для опредѣленія ихъ отношеній понадобились многія особыя правила:

Плата, содержаніе, снабженіе нужными вещами, не давали права на личность; получавшій могъ до срока отходить, съ обязанностию возратить все полученное. За потерянный плугъ и борону закупъ долженъ платить, а если пропажа случится въ его отсутствіе по дѣламъ хозяйскимъ, то она не причитается ему въ вину. За уведенную скотину изъ хлѣва закупъ не отвѣчаетъ, но если онъ потеряетъ ее въ полѣ, не загонитъ во дворъ, не затворитъ, гдѣ хозяинъ велитъ, то долженъ платить. Ежели господинъ обидитъ закупъ и не выдастъ ему полнаго жалованья, то долженъ удовлетворить его, и заплатить 60 кунъ за обиду. Ежели возьметъ у него деньги, то долженъ возратить съ прибавленіемъ 3 гривенъ пени. Если господинъ продастъ закупъ въ крѣпость, то лишается всѣхъ денегъ ему выданныхъ, и платитъ 12 гривенъ продажи. Если господинъ побьетъ закупъ про дѣло, то безъ вины есть, а не смысла, пьяный, то платитъ, какъ за свободнаго человѣка. Закупъ за кражу, выплаченную его господиномъ, дѣлается ему

крѣпостнымъ. Бѣгство наказывалось закрѣпощеніемъ, жалобы за неплатежъ или обиду не ставились въ вину, а требовали суда.

Изъ этихъ правилъ заключить должно, что очень много было земли уже въ древнее время, которая обрабатывалась по найму. Вѣроятно свободные мужи-поселяне шли въ такіе заработки, чтобъ пользоваться покровительствомъ князя или боярина, зажиточнаго человѣка, и имѣть для себя все нужное, готовое.

Закупы были, такъ сказать, родоначальниками свободного перехода крестьянъ, который установился впоследствии (Юрьевъ день).

Въ Русской Правдѣ упоминаются сельскіе, ратайные тиуны, княжіе, боярскіе.

Въ одномъ, хотя и не ясномъ, мѣстѣ (13), говорится о холопахъ смердихъ.

Св. Ѳеодосій въ дѣтствѣ «начать на труды подвиженъ бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ великимъ смиреніемъ.»

Бояре «села вдаваюче на попеченіе имъ» (инокамъ Печерскаго монастыря).

О работѣ помощію закуповъ есть мѣсто и въ древней былицѣ объ Ильѣ Муромцѣ:

Илья Муромецъ пошелъ къ отцу на пожню;
Приходитъ на пожню,
Отецъ съ семействомъ отдыхаютъ—спягъ,
И съ работниками своими.
И онъ приходитъ, и взялъ топоры,
И началъ пожню чистить:
И столько онъ съ работниками и семействомъ

Не вачистили въ три дни,
Сколько онъ одново часа,
И развалилъ поле великое,
И топоры во пни воткнулъ,
И никому не вынять.

Сюда относится и слѣдующее мѣсто въ другой пѣснѣ:

Они тутъ-то санились на добрыхъ коней,
Они поѣхали ко славному ко городу Чернигову,
Ко своимъ *посельямъ* ко *дворянскимъ*.

Слѣды древняго земледѣлія встрѣчаются въ былинахъ, слѣды, по коимъ можно судить, какимъ уваженіемъ пользовалось въ древности это занятіе.

Молодой Вольга Святославичъ

.....
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле.
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ *ратая*;
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омъшники по камешкамъ почеркиваютъ.

.....
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край *бороздки* пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ деревья въ борозду валить.
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковыя.

Иначе поется это мѣсто:

У оратая сошка красна дерева,
А омъшники серебряные,
А присошечекъ красна золота.
У оратая сапожки на ножкахъ — зеленъ сафьянъ:

Шиломъ пяты, носы востры,
Подъ пату-пату воробей пролетитъ,
Около носа-носа ядро прокатитъ;
Кудри у молодца качаются,—
Не скатенъ жемчугъ розсыпается;
Брови чернаго соболя,
Глаза—яснаго сокола.

Вольга Святославичъ настигъ его, видѣннаго издали, уже на третій день, и пригласилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Дорогою ратай вспомнилъ объ оставлен-
ной сошкѣ:

Ан же Вольга Святославовичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

Какъ бы сошка съ земельки повыдернута,
Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнута,
И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ.

Посланная дружина ничего не могла
сдѣлать:

Оны сошку за обви вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки
повыдернуть, и проч.

Ратай долженъ былъ воротиться и рас-
порядиться своей сошкою. На вопросъ
удивленнаго Вольга Святославича, между
прочимъ, отвѣчалъ ему:

А я ржи напашу, да во *скирды* сложу,
Во *скирды* сложу, домой выволочу,
Драни надеру, да и пива наварю.
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!

Тоби было, Микулушка, пахать да орать,
Тоби было, Микулушка, крестьянствовать!

Богъ ты благословить, Илья Муромецъ,
силою своею,

Такъ и стой за вѣру Христіанскую,
И за домъ Пресвятыя Богородицы;
На бою тебѣ смерть не писана.

Бейся же со всею силою невѣрною,
И противу всея поленицы удалыя;
А сильнѣе тебя на бѣломъ свѣтѣ

Самсонъ Самойловичъ да Святогоръ Колы-
вановичъ;

Еще сильнѣе отъ *матушки сырой земли*
Микула Селяниновичъ.

Огородничество.

Объ огородахъ встрѣчаются часто извѣ-
стія въ лѣтописяхъ: 1146. Изяславъ...
взяша Игоревы товары передъ Золотыми
вороты и подъ *огороды*.

Черные Клобуки около Кіева (1151) села
пожгоша и *огороды* всѣ присѣкоша.

(Сызд. 1149, Кіев. 1172, 1175).

Печерскіе затворники, «въ оградѣ копа-
хутъ зелиннаго ради растенія».

Огородъ Святоши, насаженный имъ са-
мимъ, существовалъ еще при Еп. Симонѣ.

Надъ сыномъ *огородника* совершенно чудо
Св. Борисомъ и Глѣбомъ, какъ значится
въ современномъ свидѣтельствѣ житія.

Овоци въ Вол. лѣтописи подъ 1229 г.

Въ житіи Авраамія См. говорится, что
Игнатій, еписк. Смоленскій, скупилъ *огради*
овощныя окрестъ града, и постави церковь.

1151. Смоленскій князь Ростиславъ Мсти-
славичъ отдалъ епископу Мануилу огородъ
съ *капустникомъ*.

Изъ *овощей* упоминается въ Русской
Правдѣ *горохъ*, измѣрившійся уборками;
въ нѣкоторыхъ изводахъ говорится о *полбѣ*.

Макъ, горохъ, тыква, бобы, чеснокъ и
лукъ, извѣстны по Печерскимъ житіямъ.

Хмель извѣстенъ изъ древности.

Въ 1215 г. возъ *рпы* въ Новгородѣ
стоилъ двѣ гривны.

Огороды упом. въ патерикѣ съ древами
плодовитыми, слѣд. въ смыслѣ *садовъ*.

Подъ 1159 г. въ лѣтописи градъ срав-
нивается съ *яблоками*.

Въ 1091 и 1169 г. родилось много *плодовъ*.

Въ 1228 году Новгородскій князь Яро-
славъ Володимировичъ везъ Псковичамъ
въ коробьяхъ дары, паволоки и *овощь*,
(вѣроятно иностранные плоды).

Скотоводство.

Въ Русской Правдѣ упоминаются *кони*, (*жеребцы, кобылы*), *быки* и *коровы*, *волы*, (*третьяки, лонщипы-годовики*), *телята*, *поросята*, *овны-бараны*, *овцы*, *козы*, *свины*. *Мясо, полоть, сыръ, молоко.*

Въ лѣтописяхъ подъ г. 1141: Поима Всеволодъ города Гюргевъ—*копъ, скотъ, овцы*, и кдѣ что почюя товаръ.

Подъ 1158 г. упом. *скотъ рогатый*.

Скотина содержалась въ хлѣвахъ, хлѣвникахъ. Въ пищу ей шель овесъ, сѣно, трава.

Изъ описанія войны В. К. Изяслава Мстиславича изъ за Игоря Ольговича (1146 г.) можно заключать, какъ обширно бывало сельское хозяйство у удѣльныхъ князей: «шедше сташа въ Мелтековъ селѣ, и оттуда пославше и заграбиша Игорева и Святославя стада, въ лѣсѣ, по Рахни, кобыль стадныхъ 3000, а конь 1000; пославше же по селомъ, пожгоша жито и дворы. На гумнѣ въ Игоревѣ сельцѣ было стоговъ девятьсотъ».

1159. Мстиславъ зая товара много Изяслави дружины, и *коней* и *скота*. О стадахъ его подъ 1170 г.

Стада конскія и кобылы въ Вол. лѣтописи подъ 1225 г.

Тамъ же о борзомъ конѣ актазѣ, что подарилъ Мстиславъ Галицкій зятю Данилу.

Коневый тать выдавался князю на потокъ (поточеніе, заточеніе).

За убійство своего конюха В. К. Изяславъ наложилъ виру на Дорогобужцевъ 80 гривенъ: такъ было велико значеніе этой должности. (Срав. значеніе Конюшаго въ царскомъ періодѣ.)

У Нестора подъ 1103 г. встрѣчается *лошадь*.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ *комони*.

Въ Киев. лѣтописи *фари*, 1150 г.

Звѣроловство.

Древнѣйшая дань, которую платили Славянскіе обитатели Норманнамъ, состояла въ черныхъ *кунахъ*, (не отсюда ли произошло и имя денегъ—куны, какъ у Латинянъ *resunia* отъ *recus*?), и бѣлыхъ *сверрицахъ* или бѣлкахъ.

Пардусы или *рыси* встрѣчаются часто въ лѣтописяхъ.

Бобры въ Русской Правдѣ.

Югра говорила Новгородцамъ, что готовить для нихъ *соболей*.

Богатство князей заключалось столько же въ золотѣ и серебрѣ, какъ и въ мѣхахъ; напримѣръ въ 1067 г. во дворѣ Изяславомъ разграблено безчисленное мпожество злата и сребра, кунами и *скорю*.

Ростиславъ Смоленскій дарилъ въ 1159 году Святослава Ольговича соболями, горностаями, черными кунами, песцы, бѣлыми волки и рыбьими зубы.

Звѣроловство было любимымъ занятіемъ князей.*

Въ поученіи Мономаховомъ описывается звѣриная охота.**

Говоря объ охотѣ съ отцемъ на *всякую звѣря*, онъ упоминаетъ о дикихъ коняхъ, турахъ, оленяхъ, лосяхъ, вепряхъ, медвѣдяхъ.

Была извѣстна охота за зайцами: «Мстиславъ, 1176, поѣхалъ изъ Суздаля борво, яко и на заяцъ».

* См. выше, с. 124.

** См. ниже въ главѣ о частной жизни, с. 515.

Изображенія, относящіяся къ охотѣ въ стѣнописи Софійскаго собора, см. въ атласѣ.

У Новгородцевъ строго опредѣлены были мѣста, гдѣ ихъ князья могли пользоваться ловлею дикихъ звѣрей и птицъ.

Въ уставѣ Всеволода Мстиславича упоминается о ловѣ княжѣ.

Въ Словѣ Данииловомъ упом. о сернѣ въ тенетѣ.

Въ пѣсняхъ сохранились слѣдующіе слѣды этого занятія и промысла. Вольга Святославичъ посылалъ свою дружину ловить звѣрей:

Вейте веревочки шелковыя,
Становите веревочки по темну лѣсу,
Становите веревочки по сырой землѣ.

(Вотъ перевѣсища лѣтописи, и верви, перевѣсы, Русской Правды!)

И ловите вы куницъ и лисицъ,
Двѣхъ звѣрей и черныхъ соболей.

Дружина работала неудачно, и Вольга самъ

Поскочилъ по сырой землѣ, по темну лѣсу,

Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И двѣхъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ посакучійхъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.

Въ другомъ изводѣ этой былины такъ описываются подвиги витязя на звѣриной ловлѣ:

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется и сѣрмъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по
раменью,

А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю, спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы, любимый кусъ.
Онъ зайцамъ, лисицамъ, не брезгивалъ.

Птицеловство.

Въ Русской Правдѣ значитса: аже будетъ ростѣчена земля, или на земли знаменіе, имъ же ловлено, или сътъ, то по верви искати вора, либо платити продажу.

Аже перетнетъ вервь въ перевесѣ, то три гривны продажи, а за вервь гривпу кунъ.

За украденнаго въ перевесѣ сокола или ястреба пени три гривны.

Пруло, тенето, уп. въ житіи Феодосіе-вомъ; *ловчій нарядъ*, въ поученіи Мономаха; *тенета, кляпы*, въ Словѣ Данииловомъ.

Варлаамъ Хутынской отдалъ монастырю ловища гоголяны.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчаются: бѣлые гоголи, чернеди (дикія утки), сизые орлы, галицы (галки), кречеты, (бѣлые соколы), черные вороны, сороки, чайки, соколы, дятлы.

Тетерева въ отвѣтахъ Нифонта и грамотѣ Ростислава.

Въ Словѣ о богатомъ: раби, елени, вепреве, дичина и проч.

Игорь Святославичъ Сѣверскій въ плѣву ястребомъ ловяшетъ (1185).

О птицеловствѣ изъ пѣсень—выше упомянутый Вольга Святославичъ посылалъ дружину по лѣсамъ:

Вейте слышка шелковыя,
Становите слышка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верчъ,
Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.

Изъ домашней птицы въ Русской Правдѣ упоминаются: курия, голубь, утовъ, гусь, лебедь, жеравъ; для охоты: соколъ, ястребъ.

Пчеловодство.

(Бортничество).

Это слово происходит от борть, выдолбленное дерево для помѣщенія пчелъ; оно процвѣтало въ нашихъ странахъ съ глубокой древности. Лѣса давали обильную пищу пчеламъ, разводившимся въ дуплахъ, (бортное ухожь), и медъ, воскъ, принадлежали къ числу наиболѣе распространенныхъ произведеній: медъ для домашняго употребленія въ пищу и питье, а воскъ для иностранной торговли.

Русская Правда представляет особья постановленія для охраны этого прибыточнаго промысла:

За украденную борть назначалось 12 гривенъ пени.

Кто раззнаменаеть борть, или перетнетъ между бортную, тотъ платитъ 12 гривенъ пени.

За борть съѣченную 3 гривны пени, а за дерево полгривны.

За выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину за медъ нелаженаго улья 10 кунъ, за лаженный 5 кунъ.

Если тать скроется, то должно искать его по слѣду, но съ чужими людьми и съ свидѣтелями.

Кто не отведеть слѣда отъ своего жилища, тотъ виноватъ; но если слѣдъ кончится у «гостинца великаго» (большой дороги?), или на пустѣ, гдѣ села нѣтъ, то не платитъ ни пени, ни татьбы.

О пчеловодствѣ нашихъ Славянъ говорятъ еще древніе писатели Арабскіе, и даже знаютъ слово улей, описываютъ борти.

Рыболовство.

Принадлежитъ также къ древнѣйшимъ промысламъ, и съ учрежденіемъ постовъ по принятіи христіанства употребленіе рыбы въ пищу значительно увеличилось.

Св. Антоній Римлянинъ купилъ рыбную ловитву на потребу монастыря.

Варлаамъ Хутынской отказалъ монастырю ловища рыбныя въ Волховскомъ селѣ, на Волховци колѣ, въ селѣ на Слудицѣ.

По Смоленской грамотѣ епископу Мануилу дано въ Торончѣ урока—*неводъ*. . и *бредникъ*.

Неводъ упоминается и въ Словѣ Данила Заточеника.

Рыболовамъ Галицкимъ мѣшалъ Іоаннъ Берладникъ съ Половцами, (1159).

Въ пѣсняхъ остались также слѣды этого промысла. Вольга Святославичъ посылалъ свою дружину рыбу ловить:

Возмите топоры дроворубныя,
Стройте суденышко дубовое,
Вяжите путевья шелковыя,
Выѣзжайте вы на синее море,
Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченьку,
И дорогую рыбку осетринку.

Рыболовные охотники княжескіе жалуются:

Свѣтъ, государь, ты Владимиръ Князь!
Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ,
На твои щаски княженецкія,
Ничего мы не поймывали:
Нашли мы людей—есть молодцовъ
За триста и за пятьсотъ,
Называются дружиною Чуриловою.
Всю они бѣлую рыбацую поыволовили,
Щуки, караси поыволовили жъ,
И мелкую рыбацую поыводавили.
Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
Тебѣ, государю, приношу нѣтъ.

С о л е в а р е н і е.

Соль вываривалась въ Галичѣ и на сѣверо-востокъ Россіи, что видно изъ устава Новгородскаго князя Святослава Ольговича, (1137), по которому назначалось въ пользу духовенства пошлины отъ *чрена*, (желѣзная сковорода для варенія соли), и отъ салгы по *пузу* (какая-то мѣра для соли).

Въ былицѣ о Микулѣ Селяниновичѣ говорится:

Былъ-то онъ въ городѣ во Кіевѣ:
Вывезъ онъ соли два мѣха,
А во который мѣхъ всходитъ
Пудовъ по сороку.

Р е м е с л а.

Разсѣянное житіе, недостатокъ въ общеніяхъ, и множество другихъ препятствій, — были причиною, что жители вездѣ научились сами рано удовлетворять главныя свои потребности, не прибѣгая къ посторонней помощи.

Русской крестьянинъ съ женою изготовляетъ до сихъ поръ все нужное для своего обихода—одежду, лѣтнюю и зимнюю, обувь, посуду, орудія; женщина прядетъ ленъ и точетъ холстину, мужъ валяетъ сукно, плететъ лапти, шьетъ тулупъ изъ домашней овчины, сколачиваетъ возило.

О *ремесленникахъ и ремесленницахъ* есть особая статья въ Русской Правдѣ. За убійство пени полагается въ 12 гривенъ.

Слово ремесло почти нигдѣ не встрѣчается болѣе. Въ Словѣ о богатомъ только упоминается вращеское ремесло.

Плотники, этотъ промыселъ принадлежалъ преимущественно Новгородцамъ, у которыхъ особый конецъ въ городѣ назывался Плотенскимъ. Еще Святополковыи вои корили ихъ: а вы плотницы суши!

Изъ дерева вырѣзывались разныя вещи, напримѣръ стрѣлы:

Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колены онѣ были изъ стрость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеємъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьями сиза орла.

Улица *Лубяница* указываетъ на промыселъ тамъ лубяной.

Гончарный конецъ населенъ былъ гончарами—глиняное и горшечное искусства.

Въ лѣтописяхъ встрѣчаются гарпцы.

Каменщики. Ростовцы говорятъ о Владимирцахъ (1176): ти суть холопи наши каменщики.

Въ 1119 году заложена въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ церковь Георгія каменная, а мастеръ трудился Петръ.

Андрею Боголюбскому при построеніи Владимирскаго собора (1156) «приведе Богъ изъ всѣхъ земель мастера.»

О *стѣнѣ* подъ Выдубецкимъ монастыремъ, 1199, Кіевская лѣтопись говоритъ: «Благовѣрный Великій князь Рюрикъ Ростиславичъ... заложилъ стѣну камену подъ церковью святаго Михаила у Днѣпра, иже на Выдобычи. О ней же мнози не дерзнуша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися... изобрѣте бо подобна дѣлу и художника во своихъ си пріятелехъ, именемъ Милоуѣгъ, Петръ же по крещенію,» (который и построилъ ее съ небольшимъ въ годъ).

1194. Обновлена бысть церкви святая Богородица въ Суждали... и покрыта бысть оловомъ отъ верху до комаръ и до притворовъ, и то чюду подобно, ... а иже не ища мастеровъ отъ Нѣмецъ, но налезе мастера отъ клевереть св. Богородици и отъ своихъ, иныхъ олову льяти, иныхъ крыти, иныхъ извистью бѣляти.

О постройкахъ церковныхъ, см. ниже.

Каменные стѣны имѣли нѣкоторые города: Новгородъ, Кіевъ, Переяславль, Ладога.

При построении Печерской церкви оказалась каменная доска на алтарь, неизвѣстно кѣмъ принесенная; игуменьъ посылалъ «тамо, идѣже дѣлаются таковыя вещи, три гривны серебра, да тоя мастеръ возьметъ за свой трудъ.»

Упоминаются въ лѣтописяхъ мраморныя трюбницы послѣ Ярослава: В. К. Изяслава, сына Ярополка, и проч.

Вытесывались изъ камня кресты и разныя украшенія.*

Въ вопросахъ діакона Кирика упоминаются сосуды деревянные, глиняные, стеклянные, мѣдные, серебряные.

Кузнецы. Въ житіи Феодосія есть извѣстіе, что онъ «шедь единому отъ кузнецъ, и повелѣ ему желѣзо счепито (изъ цѣпей) сковати». *Клецци* (1114).

Даніиль Заточеникъ говоритъ: не огнь творить разжевіе желѣзу, но надыманье *млыное* (посредствомъ мѣховъ).

У него же встрѣчаются выраженія: желѣзо *варити*, камень *долотити*.

* См. Новгородскій крестъ въ атласѣ.*

Литейное искусство было извѣстно, въ чемъ удостовѣряетъ множество оставшихся крестовъ мѣдныхъ и образковъ*.

Въ 1151 году епископъ Нифонтъ обисвинцемъ св. Софію.

Серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерство было довольно распространено.

Окладъ Мстислава евангелія, дѣланный впрочемъ въ Греціи, сохранился до нашего времени (около 1125).**

Андрей Боголюбскій *вскова* на образъ Владимирской Божіей Матери болѣе 30 гривенъ золота, проче серебра.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о златѣ стремена. Въ Словѣ Даніила Заточеника о златоконныхъ трубахъ. Въ древнихъ пѣсняхъ о разныхъ золотыхъ издѣліяхъ.

Въ предисловіи къ Новгородской Софійской лѣтописи, вѣроятно около 1200 г., сказано, при сравненіи древнихъ князей и мужей ихъ съ новыми: «не жадаху, мало ми есть сто гривенъ; не кладаху на свои жены *златыя обручей*, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ, и расплодили были Русскую землю.»

Подъ 1234 г. упоминается въ Новгородской лѣтописи *серебренникъ*.

(См. въ отдѣленіи объ одеждѣ и о церковныхъ украшеніяхъ).

Были вѣроятно и *денежники*, которые чеканили монету.

Плано-Карпини видѣлъ (1245) въ Ордѣ Русскаго *золотыхъ дѣлъ мастера* Козму, который сдѣлалъ престоль для Хана.

* См. въ атласѣ.

** См. въ атласѣ.

Золотошвейное искусство было известно
искови:

Еще подь 1024 г. о Варягѣ Якунѣ, при-
шедшемъ на помощь къ В. К. Ярославу,
сказано: дуда бѣ у него золотомъ исткана.

Подь г. 1146, союзные князья ограбили
церковь Св. Вознесенія въ Путивлѣ, при-
надлежавшемъ къ владѣніямъ ихъ врага,
Святослава Ольговича Сѣверскаго: индятьбѣ
(*ѣудѣа*, одежды, покровы,) и платы слу-
жебныя, (воздухи), а все *шито золотомъ*.

Въ 1183 году. сгорѣла Владимирская
соборная церковь, и что бѣше въ ней...
портъ *шитыхъ золотомъ* и женчюгомъ,
яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ
Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ
Богородицѣ до Владычнихъ сѣней во двѣ же
верви чюдныхъ. (Кіевская лѣтопись по Ипат.
списку).

Подь 1216 г. упоминается объ опле-
чьяхъ, шитыхъ золотомъ: Ярославъ передъ
сраженіемъ подь Липицами говорить своимъ
боярамъ и первымъ своимъ людямъ: аще
и *золотомъ шито оплечье* будетъ, убій!

Въ лѣтописяхъ упоминаются: *котель-
никъ*, *опоньникъ* (1216), *кожевникъ*
(1240).

Въ житіи Θεодосіевомъ говорится о дѣ-
ланіи *полотенъ*.

Въ житіи Муромскаго князя Констан-
тина о тканіи *красна*.

Въ пѣсняхъ упоминаются *чеботные* и
портные мастера (порты—платье, одежда).

Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!

Есть у Ставра чимъ похвастати:

Есть у Ставра тридцать молодцевъ,

Тридцать молодцевъ — чеботныхъ масте-
ровъ, —

Оны шьютъ сапожки съ нова на ново;

Которы сапоги я день держу,

День держу, я другой проношу,

Снесу-то я сапожки на рыночекъ,

Князьямъ—боярамъ повыпродамъ

И возьму-то за нихъ цѣну полную.

Още есть у Ставра чимъ похвастати:

Есть у Ставра тридцать молодцевъ,

Тридцать молодцевъ—портныхъ мастеровъ,

Оны шьютъ-то кафтанцы съ нова на ново,

Который кафтанчикъ я день держу,

День держу, я другой проношу,

Снесу эти кафтанцы на рыночекъ,

Князьямъ—боярамъ повыпродамъ

И возьму за нихъ цѣну полную.

Ч А С Т Н А Я Ж И З Н Ъ .

(Большая часть сохранившихся объ ней свѣдѣній относится къ князьямъ. Безъ сомнѣнія онѣ относятся и къ боярамъ, вообще къ высшимъ сословіямъ).

Князьямъ и княжнамъ при рожденіи давалось *имя*.

Какъ Володимеръ, принявъ святое крещеніе, получилъ второе имя христіанское, Василя, такъ и сыновья его, что извѣстно положительно о нѣкоторыхъ, напримѣръ Борисъ — Романа, Глѣбъ — Давыда, Ярославъ — Георгія.

Въ потомствѣ его удерживались прежнія языческія имена, кои давались при рожденіи, и вмѣстѣ начались новыя, или христіанскія, такъ что всѣ князья, до вѣдѣнія Татарь, имѣли по *два имени*: одно такъ называемое княжее, мірское, которое употреблялось въ общежитіи, а другое христіанское.

Древнѣйшее извѣстіе о такихъ двойныхъ именахъ мы имѣемъ въ Хожденіи игумена Данила ко святымъ мѣстамъ, (въ началѣ XII вѣка), который въ Лаврѣ св. Саввы записалъ для поминовенія слѣдующія имена: Святополка-Михаила (Изяславича), Володимера-Василя (Мопомаха), Олега-Михаила (Святославича), Мстислава-Андрея (Всеволодовича, Игорева внука).

А вотъ свидѣтельства изъ лѣтописей:

1113. Преставился Князь Михаилъ, *зволый* Святополкъ.

1151. Родися у Святослава Ольговича сынъ, и нарекоша ему имя въ св. крещеніи Георгій, а *мирьски* Игорьъ.

Женщины имѣли также по два имени:

1178. Родися у Великаго Князя Всеволода дщи, и нарекоша имя ей въ святомъ крещеніи Пелагѣя, *княже* Сбыслава.

1198. Родися дщи у Ростислава Рюриковича, и нарекоша имя ей Ефросѣня, прозваніемъ Исмагдъ, еже наречеться *дорогый* камень.

Употребительныхъ именъ было очень мало, не больше двадцати.

Мірскія, княжія имена, были—Норманскія: Рюрикъ, Олегъ, Игорьъ.

Славянскія: Брячиславъ, Всеславъ, Вячеславъ, Изяславъ, Мстиславъ, Ростиславъ, Святославъ, Ярославъ, Святополкъ, Ярополкъ, Володимеръ, Володаръ, Всеволодъ.

(Станиславъ, Судиславъ, Позвиздъ, встрѣчаются по разу).

Нѣкоторые князья извѣстны были только подъ именами христіанскими, каковы въ особенности Давыдъ и Романъ, (христіанскія имена Бориса и Глѣба), Василько, Андрей, Юрій или Георгій (Дюрги, Гюрги).

Женскія Норманскія имена: Ольга (1150), Малѣридь (1167), Рогнѣда (1168).

Славянскія: Передслава (1104, 1116), Верхуслава (1137, 1187), Звънслава (1142), Болеслава (1166), Сбыслава (1178), Ярослава (1187), Всеслава (1197).

Въ каждомъ изъ родовъ, на кон раздѣлилось потомство Ярославова, были свои собственныя *любимыя* имена, напримѣръ въ Святославономъ имена Олега, Всеволода, Игоря, Святослава.

Во Всеволодовомъ имена Володимера, Мстислава, Ростислава, Изяслава.

О многихъ князьяхъ именно сказано, что имъ даны имена въ честь отца или дѣда, наприм. о Ростиславѣ Рюриковичѣ (1173), о Георгіѣ Всеволодовичѣ (1187), о Володимерѣ Всеволодовичѣ (1192), о Всеволодѣ Георгіевичѣ (1213).

Константинъ Всеволодовичъ первому своему сыну далъ имя женна отца, Василька, а второму своего, Всеволода.

Замѣчательно, что *княжизъ* именъ въ народѣ не встрѣчается, какъ будто бы онѣ были особливую собственностію княжескаго рода, и никому болѣе не позволялось имѣть оныя.

У частныхъ людей бывали также по *два имени*: изъ послѣсловія къ извѣстному Евангелію 1056 года мы видимъ, что владѣлецъ его, посадникъ Изяславовъ, *Остромиръ*, имѣлъ христіанское имя *Иосифа*.

1200. Изобрѣте бо подобна дѣлу (по строенію стѣны, подѣ Выдубицкимъ монастыремъ) и художника въ своихъ сопріятелехъ, (Кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ), именовъ *Милонъ*, *Петръ* же по крещеніи.

Князья назывались по имени своему и *отеческому*, (не говорю по отчеству, ибо это слово имѣло тогда другое значеніе), которое очень рано замѣнилось *вичемъ*: Ростиславъ, *сынъ* Володимеръ (1064), Всеславъ, *сынъ* *Брячиславъ* (1066, Володимеръ, *сынъ* *Всеволожъ*, и Олегъ, *сынъ* *Святославъ* (1076).

Бѣжа *Игоревичъ* Давидъ съ Володаремъ *Ростиславичемъ* (1081). Ярославъ *Ярополчичъ*, Ярославъ *Святополчичъ* (1102).

Бояре назывались также по имени и отчеству съ древнихъ временъ: Иванъ *Жирславичъ* (1078), Иванко *Захаричъ* (1106), Иванъ *Войтишичъ*, Петръ *Ильичъ* (1146), Петръ *Бориславичъ* (1178).

У Князей и бояръ оставались иногда *уменьшительныя имена*: Василько, Володимерко.

Уменьшительныя употреблялись и въ бранномъ значеніи, напримѣръ В. К. Рюрикъ Ростиславичъ увѣдомляетъ (1185) В. К. Всеволода Георгіевича объ измѣнѣ своего зятя: *Романко* отъ насъ отступилъ.

Уменьшительныя имена употреблялись и у бояръ: напр. *Иванко* Жирславичъ (1078).

Иногда употреблялись только отеческія имена, напр. Ростиславичи, для означенія *дѣтей*, (1180), а иногда и для всего *потомства*, напр. Олеговичи (1148).

Для отличія употреблялись иногда и *материнскія* имена, напр. 1136. Внуку Володимера Василько *Мариничъ* убиенъ бысть ту, т. е. сынъ дочери его Марины.

1187. Бяше бо Олегъ *Настасъичъ*, т. е. рожденный отъ Настасьи, наложницы Ярослава Володимеровича Галицкаго.

Воспріемниками при крещеніи бывали, вѣроятно, большею частію родственники. Мономахъ напоминаетъ двоюродному своему брату Олегу Святославичу объ его крестникѣ: «егда же убиша дѣтя мое и твое.» Также: «аще ти добро, то съ тѣмъ, али ти лихое, да то ти сѣдять *сынъ твой хрестный* съ малымъ братомъ своимъ... или хочеша того убити.»

1178. Родися у В. К. Всеволода... дчи, и крести ю *тетка* Ольга (жена Ярослава Галицкаго, брошенная мужемъ, и жившая у брата во Владимирѣ).

Князья отдавались родителями на воспитаніе *Кормильцамъ* или *дядькамъ*, то есть, къ нимъ приставлялись, съ самымъ юныхъ лѣтъ, особые знатные мужи изъ бояръ, которые за ними ходили.

(У Святослава еще мы видѣли кормильца Асмуда, 942).

1151. Когда Андрей Юрьевичъ бросился черезъ Лыбедь, въ сраженіи подъ Кіевымъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ, — двоюроднаго брата его Володимера Андреевича, бывшаго съ нимъ въ сраженіи, «не пусти *кормилецъ* его, зане молодъ бѣ въ то время».

1171. Мстиславъ Изяславичъ плѣнилъ Пука, *кормильца* Володимира, (Мстиславича).

1178. «Се приказываю дѣтя свое Володимера *Борисови Захарычу*, и со симъ даю брату Рюрикови и Давидови съ волостію на руцѣ», говоритъ умирающій Мстиславъ Ростиславичъ.

«Малу же времени минувшю, приведоша *кормильчича*, иже бѣ загналъ великий князь Романъ, невѣры ради,» то есть: пришли (въ Галичъ) сыновья кормильцевы, которыхъ изгналъ В. К. Романъ. (Вольнская лѣтопись невѣрно подъ 1202 г.).

1208. Володиславъ *кормилчичъ*, (кормильцевъ сынъ), бѣжалъ въ Угры (при избіеніи бояръ Галицкихъ Игоревичами).

Есть извѣстіе и о *кормильцахъ* подъ годами 1202, 1231.

Тамъ же княгиня (супруга Романова) совѣтъ сотвори съ Мирославомъ, съ *дядькомъ*, и на ночь бѣжа въ Ляхы. Данила же возмъ дядька передъ ся, изыде изъ града; Василька же Юрья погы съ *кормильцею* возмъ.»

1231. «Давыдови уполошнисуся, теща бо его бяше вѣрна Судиславу, *кормильчья* Нѣздиловая, матерью бо си нарѣчашеть ю, вѣща ему: яко не можешъ удержати града сего.»

Княженъ брали иногда къ себѣ на воспитаніе бабушка и дѣдушка: 1198. Взяста ю, (Евфросинію, дочь Ростислава Рюриковича и Всеславы Всеволодовны), къ *дѣду* и *бабѣ*, и тако воспитана бысть въ Кіевѣ на горахъ.

По третьему или четвертому году Князьямъ были *постриги*, принадлежавшіе къ семейнымъ праздникамъ: обрѣзывались у ребенка волосы, (что происходило въ соборѣ, чрезъ епископа), и сажался онъ потомъ на коня.

1191. Быша *постриги* у Великаго князя Всеволода, сына Георгева, внука Володимера Мономаха, сыну его Георгеви, въ градѣ Суждали; того же дни и *на конь* его *сади*, и бысть радость велика въ градѣ Суждали, (а онъ родился 1188 г.).

1194. Быша *постриги* у благовѣрнаго и христоролюбиваго князя Всеволода, сына Георгева, сыну его Ярополку, (который родился въ 1190 г.).

1212. Быша *постригы* у Костянтина, сына Всеволожа, сынома его Василку (род. 1209 г.) и Всеволоду (род. 1210 г.).

1230. Князь Михаилъ створи *постригы* сынови своему Ростиславу, Новѣгородѣ, у св. Софѣѣ, и *уя власть* архіепископъ Спиридонъ.

Князья съ молоду учились *грамоть*, вѣроятно у духовныхъ лицъ: Мстиславъ, 1096, писалъ къ отцу; Мономахъ писалъ къ Олегу, и требовалъ отъ него отвѣта.

1164. Святославъ прочте грамоту вборзѣ отъ епископа о смерти дяди.

1172. Галичане, списавше грамоту ложную, послаше къ Мстиславу Изяславичу.

При князѣ Володимерѣ Мстиславичѣ, 1169, упоминается *дьячекъ* Имормыжъ.

1213. Въ Вол. лѣтописи уп. дьякъ Василь, рекомый Молза.

О Полоцкой княжнѣ Евфросиніи: случижеса дѣвицѣ сей ученѣ быти книжному писанію, еше недостигше ей въ совершенѣ возрастъ тѣлеснаго естества.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись, —эта пословица прикладывается къ древнему воспитанію, о чемъ мы имѣемъ и любопытное замѣчаніе Мономахово: «его же умѣючи, того не забываете добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите; яко же бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ, въ томъ бо честь есть имѣхъ земель. Лѣнность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, тому ся не учить; добръ же творяще, не мозите ся лѣннити ни на что же доброе.»

Вѣроятно значительную часть воспитанія занимали слѣдующія упражненія, упоминаемыя въ пѣснѣ:

У меня за маленька да было хожено,
У меня за маленька да было боротось,

Съ за маленька* было стрѣляно.
Горятъ душа, мнѣ-ко хочется
Съ вашими стрѣльцами пострѣлятися,
Пострѣлятися во чистомъ полѣ.

Князья получали себѣ отъ родителей удѣлы очень рано.

Точно какъ Володимеръ Святый разослалъ своихъ сыновей въ самой ранней молодости по ихъ городамъ, точно такъ встречаемъ мы множество примѣровъ и въ нашемъ періодѣ:

1102. О Мстиславѣ Володимеровичѣ говорятъ Новгородцы: «сего ны далъ Всеволодь, а въскормили есмы себѣ Князь.» Мстиславъ родился въ 1076 г., а Всеволодь скончался въ 1093 г., слѣд. Новгородское княженіе Мстиславова начинается никакъ не позднѣе 13 или 14 лѣтъ.

1119. Андрей Володимеровичъ получилъ отъ отца Мономаха Владимиръ 17-ти лѣтъ.

1146. Ярославъ Всеволодовичъ посаженъ отцемъ въ Туровъ шести лѣтъ, (род. 1140).

1146. Володимеръ Андреевичъ посаженъ дядею во Владимиръ, а его черезъ пять лѣтъ еше не пускалъ кормилецъ битися въ опасномъ мѣстѣ, (1151), слѣд. вѣрно онъ сидѣлъ младенцемъ.

1154. Давидъ Ростиславичъ, 14 лѣтъ, оставленъ отцемъ въ Новѣгородѣ на столѣ, (род. 1140).

1169. Глѣбъ Георгіевичъ, получивъ отъ брата Кіевъ, отдалъ Переяславль сыну Володимеру, едва десяти лѣтъ, потому что чрезъ два года ему было только 12.

1198. Ростиславъ, сынъ Ярослава Володимерича, (род. 1190), умеръ въ Лукахъ осьми лѣтъ, гдѣ посаженъ былъ княземъ.

* Въ малолѣтствѣ, съизмаленька.

1204. Ярославъ Всеволодовичъ посланъ въ Переяславль Русскій по десятому году (род. 1191).

1208. Святославъ Всеволодовичъ отпущенъ въ Новгородъ на княженіе, пяти лѣтъ (род. 1196)..

1218. Константинъ Всеволодовичъ послалъ сыновъ своихъ на княженіе—Василька, въ Ростовъ, по девятому году (род. 1209), а Всеволода въ Ярославль по осьмому году (род. 1210), Всеволодъ былъ посланъ дядею въ Русскій Переяславль по семнадцатому году (1227).

1221. В. К. Георгій послалъ сына Всеволода по девятому году въ Новгородъ (род. 1213).

Точно также очень рано выступали они и на поприще дѣйствій, принимали участіе въ походахъ, и примѣръ Святослава, пачавшаго сраженіе съ Древлянами (945) тогда, какъ едва онъ могъ бросить копье, есть отнюдь не необыкновенный примѣръ.

Володимеръ Мономахъ свидѣтельствуешь, что онъ началъ своя пути и ловы тринадцати лѣтъ.

Володимеръ Мстиславичъ, (род. 1131), оставленный братомъ Изяславомъ въ Кіевѣ, защищалъ Игоря Олеговича отъ убійцъ съ опасностію собственной жизни (1146), пятнадцати лѣтъ, и съ тѣхъ поръ принималъ участіе во всѣхъ слѣдующихъ войнахъ, посыланъ за помощью въ Угры, и проч.

Володимеръ Андреевичъ въ 1151 г. не былъ пущенъ своимъ кормильцемъ битися черезъ Лыбедь, «зане молодъ бѣ», а онъ уже три года предъ тѣмъ участвовалъ въ походахъ, и не переставалъ дѣйствовать.

Игорь Святославичъ родился въ 1151 г., а мы видимъ его, уже осьми лѣтъ, 1159, на снемѣ въ Лутавѣ.

1159. Ярославъ Всеволодовичъ принялъ бѣжавшую княгиню Изяслава Давыдовича, проводилъ ее до Гомеля, потомъ участвовалъ въ походахъ ея мужа на Переяславль и проч. осьмнадцати лѣтъ (род. 1140).

Святославъ Ольговичъ, род. 1167, отводилъ полки назадъ изъ несостоявшагося похода на Половцевъ, шестнадцати лѣтъ, 1183 г., и потомъ въ томъ году ходилъ опять на Половцевъ.

Всеволодъ Юрьевичъ, 16 лѣтъ, (1174), ходилъ подъ Кіевъ въ рати своего брата Андрея Боголюбскаго, а двадцати долженъ уже былъ выдерживать сильную борьбу съ своимъ племянникомъ и Рязанскимъ Княземъ, Глѣбомъ, т. е. быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Олегъ Игоревичъ, (род. 1174), посланъ отцемъ, семи лѣтъ, провожать полки домой вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ, изъ несостоявшагося къ Половцамъ похода (1183).

Святославъ Игоревичъ (род. 1176), посланъ семи лѣтъ провожать Галицкаго князя Володимера Ярославича по примиреніи съ нимъ отца (1183).

Константинъ Всеволодовичъ, (род. 1185), ходилъ 14-ти лѣтъ съ отцемъ на Половцевъ (1199).

Ярославъ Всеволодовичъ участвовалъ въ походѣ на Половцевъ также по 14 году.

Володимеръ Всеволодовичъ (род. 1195) по 15 году участвовалъ съ отцемъ въ походѣ на Рязань (1207).

Иванъ Всеволодовичъ, съ 14 лѣтъ, (род. 1194), участвовалъ во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ старшихъ братьевъ.

Ростиславъ Рюриковичъ (род. 1172) ходилъ въ походъ на Галичь, четырнадцати лѣтъ, (1186).

Василько Константиновичъ, (род. 1209), посланъ былъ дядею, В. К. Георгіемъ, противъ Татаръ, въ 1224 г., четырнадцати лѣтъ.

Всеволодъ Константиновичъ (1215) посланъ на помощь къ дядѣ Ярославу въ Торжекъ, пятнадцати лѣтъ, (род. 1200), и четырнадцати уже ходилъ съ полками.

Федоръ Ярославичъ, (род. 1218), посланъ дядею, В. К. Георгіемъ, на Мордву, одиннадцати лѣтъ, (1230).

Даніилъ Романовичъ, лѣтъ девяти, былъ уже на конѣ, и не сходилъ съ него, — а осьмнадцати принималъ самое жаркое участіе въ сраженіи съ Татарами на Калкѣ.

О всѣхъ князьяхъ, которыхъ годъ рожденія записанъ, рѣшительно сказать можно, что они съ самыхъ молодыхъ лѣтъ начали принимать участіе во всѣхъ происшествіяхъ, следовательно это должно заключить и о тѣхъ, которыхъ рожденіе не записано.

Въ бракъ князья вступали въ самой ранней молодости.

1117. Андрей, сынъ Мономаховъ, женился на Тугаркановой внукѣ пятнадцати лѣтъ.

1181. Святославъ Игоревичъ, десяти лѣтъ, женатъ на дочери Рюрика Ростиславича (род. 1171).

1187. Ростиславъ Рюриковичъ, 14 лѣтъ, женатъ отцемъ на 8-лѣтней дочери В. К. Всеволода Суздальскаго, (род. 1173).

1187. Володимерь Игоревичъ, семнадцати лѣтъ, (род. 1170), привелъ изъ По-

ловець Кончаковну, и съ дѣтатемъ, и обвѣчанъ.

1196. Константинъ Всеволодовичъ женатъ былъ отцемъ десяти лѣтъ (род. 1186).

1205. Ярославъ Всеволодичъ женился пятнадцати лѣтъ (род. 1191).

1227. Василько Константиновичъ (род. 1209), семнадцати лѣтъ, на дочери Михаила Черниговскаго (1227).

1229. Всеволодъ Константиновичъ (род. 1210), девятнадцати лѣтъ, на дочери Олега Святославича Курскаго.

1230. Всеволодъ Игоревичъ семнадцати лѣтъ (род. 1213),

1233. Федоръ Ярославичъ, четырнадцати лѣтъ, (род. 1219), среди приготовленій къ свадьбѣ, скончался.

Браки устраивались преимущественно родителями жениха и невесты, — кромѣ особенныхъ случаевъ; по крайней мѣрѣ въ выраженія, встрѣчающіяся при записанныхъ бракахъ, это показываютъ:

1102. *Ведена* бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

1107. *Поля* Володимерь за Юрья (Долгорукаго) Осеневу внуку, а Олегъ *поля* за сына... Гиргеневу внуку, мѣсяца генваря 12 день.

1142. Всеволодъ (Ольговичъ) *отда* дщерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава.

1143. Всеволодъ (Ольговичъ) *ожени* сына своего Святослава Василковною, Полотскаго князя.

1148. Ростиславъ Смоленскій *проси* дщери у Святослава Ольговича за Романа, сына своего, и *ведена* бысть Новгороду... января въ 9 день.

1155. *Ожени* Гюрги (Володимировичъ) сына своего Глѣба, въ Руси, Изяславною Давыдовича.

1189. Князь Великій Всеволодъ *отда* дочь свою Верхуславу Бѣлугороду за Рюриковича Ростислава, м. іюлія въ 30 день.

1206. Великій князь Всеволодъ *ожени* сына своего Ярослава, и приведоша за нь Юрьевну Кончаковича.

1211. Великій князь Всеволодъ *ожени* сына своего Георгія Всеволожвою Киевскаго князя.

1227. *Ожени* Великій князь Гюрги, сыпъ Всеволожъ, сыновца своего Василка Константиновича, и *поятъ* за нь Михайловну, Черниговскаго князя.

Замѣчательно, что о Новгородцахъ, въ отношеніи къ ихъ Князьямъ, употребляются выраженія, какъ о родителяхъ:

1155. *Ожениша* Новгородци Мстислава Гюргевица, и *пояша* за нь *Петровну Михалковича*.

Собственный выборъ, (когда родителей не было въ живыхъ), выражался слѣдующимъ образомъ:

1094. *Поя* Святополкъ себѣ жену, дочь Тугорканю, князя Половецкаго.

1175. *Оженися* Ярополкъ Ростиславичъ, князь Володимерскій, пославъ Смоленску, *поя* за ся княгиню Всеславлю, дочь князя Витебскаго.

1215. *Оженися* Володимеръ, сынъ Всеволожъ, въ Переяславлі Русскомъ, Глѣбовною, Черниговскаго князя.

1232. *Оженися* князь Володимеръ Константиновичъ.

Къ особеннымъ случаямъ должно отнести слѣдующіе:

1116. Ярополкъ жену *поломи* себѣ Ясыню.

1153. Изяславъ *повель* жену себѣ изъ Обезъ.

Браки первыхъ поколѣній послѣ Ярослава совершались преимущественно съ *иностранными владѣтельными* домами, а именно—королей Угорскихъ и Польскихъ, царей Греческихъ и князей Германскихъ, хановъ Половецкихъ.*

А потомъ, какъ законы о родствѣ стали то позволять, князья брали себѣ женъ, *дома*, другъ отъ друга.

Изъ частныхъ лицъ извѣстны только нѣсколько браковъ съ *Новгородками*:

1122. (Н.) Оженися Мстиславъ (Володимировичъ) Киевъ, *поя* Дмитровну, Новѣгородъ, Завидиця.

1123. Оженися Всеволодъ, сынъ Мстиславль, Новѣгородъ.

1155. В. К. повель Дюрги Мстиславу, сынови своему, Новѣгородъ, женитися Петровною Михалковича, и оженися.

1176. (Н.) Оженися князь Мстиславъ (Ростиславичъ) Новѣгородъ, и *поя* у Якуна дочь у Мирославиця.

Свадебные пиры отличались пышностью и роскошью: Князья созывались издалека, родственные и союзные. За невѣстами посылались многочисленные поѣзды.

1144. (Сл.) Изяславъ *отда* дочь свою Полотску за Борисовича за Роговолода, и Всеволодъ, князь Киевскій, *приде* съ женою, и со всѣми бояры, и съ Кыяны, Переяславлю, на свадьбу.

* См. выше, с. 404 и 405 (по ошибкамъ 494 и 495).

Самое подробное описание относится къ браку дочери Великаго князя Суздальскаго, Всеволода Юрьевича, Верхуславны съ Ростиславомъ сыномъ Великаго Князя Кіевскаго Рюрика Ростиславича.

1187. Посла князь Рюрикъ Глѣба князя, шюрина своего, съ женою, Славна *тысяцкою* съ женою, Чюрыву съ женою, многи бояре съ женами, ко Юрьевичу къ Великому Всеволоду въ Суждаль, по Верхуславу, за Ростислава. А на Боришь день отда Верхуславу, дщерь свою, Великій князь Всеволодъ, и да по ней многое множество, безъ числа, злата и сребра, а *сваты* подарил великими дарами, и съ великою честью отпусти; ѣха же по милоѣ своей дочери до трехъ становъ, и плакася по ней отецъ и мати: занеже бѣ мила има, и млада сущи осми лѣтъ; и тако многи дарами давъ и отпусти въ Русь, съ великою любовью, за князя Ростислава. Посла же съ нею сестричича своего Якова съ женою, и ины бояры съ женами: приведоша же ю въ Бѣль-городъ на Офросѣньинъ день, а завтра Богослова, а вѣнчана у святыхъ Апостолъ, у деревянной церкви, блаженнымъ епископомъ Максимомъ. Створи же Рюрикъ Ростиславу велми силну свадьбу, акаже нѣсть бывала въ Руси, и быша на свадьбѣ князи мнози, за 20 князей; сносѣ же своей далъ многи дарами и городъ Брягичъ; Якова же свата и съ бояры отпусти ко Всеволоду въ Суждаль, съ великою честью, и дарами многими одаривъ.

Сваты, тысяцкіе, поѣзды, дарами, приданое, представляютъ сходство съ обрядами, которые сохранились до сихъ поръ въ нашихъ селахъ, и слѣдующая пѣсня какъ будто пѣлася въ Суздали или Кіевѣ.

Повелѣлъ мнѣ сударь — батюшко,
Повелѣла моя матушка:
«Подойди, дите любимое,
«Ко столу да ко дубовому,
«Поклони свою головушку,
«Покори свое сердечушко
«Этимъ гостямъ незнакомымъ,
«Господину честну тысяцку,
«Княжаямъ—брюдгамъ боярынямъ,
«Всему кругу молодецкому,
«Поѣзду да княженецкому,
«Молоду князю въ особину;
«Называй его по имени,
«Звеличай его по изотчины,
«Не кори его отечества:
«Онъ честнаго отца—матери,
«Роду—племени почтеннаго.»

Съ терема на теремъ красная дѣвица шла
Желтыя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели:
Желтыя кудри—(Ростиславъ) молодецъ,
Русая коса—душа (Верхуслава).
На улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Доброй молодецъ у дѣвицы *выспрашиваетъ*:

«Ты скажи—скажи, красна дѣвица!
«Кто тебѣ изъ роду милъ?»
—Милъ мнѣ милешенекъ
Батюшко родной.—
«Дѣвица красная—душа!
«Эта не правда твоя, не истинная:
«Свое сердце тѣшишь, а мое гнѣвишь.»

На улицѣ дождикъ накрапываетъ,
У красной дѣвицы перстень съ руки *выпадаетъ*,
Доброй молодецъ у дѣвицы *выспрашиваетъ*:

«Ты скажи, скажи правду всю,
«Кто тебѣ изъ роду милъ, душа дѣвица?
—Милъ мнѣ милешенекъ доброй молодецъ.—

«Красная дѣвица-душа!
«Это правда твоя, это истинная:
«Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.»

Присоединимъ прочія описанія свадебъ.

1194. Заутра же въ понедѣльникъ, приде ему вѣсть отъ *сватовъ*, иже идяхуть понимати внуку Святославѣ Глѣбовны Офимьи за царевича. Святославъ же посла противу има мужи Киевскыя.

1196. (Ник.) В. К. Всеволодъ жени сына своего князя Константина у князя Мстислава Романовича... ту суну и самому князю... и со княгинею своею и з дѣтми, и Рязанскому князю Роману..., и съ нимъ братія его князь Всеволодъ... и Владимиръ с сыномъ своимъ Глѣбомъ, и князь Муромскій Володимеръ, и Давыдъ, и Юрьи, съ мужи своими, и бысть радость и любовь велія въ городъ Володимери.

Есть еще любопытное описаніе приготовленій къ княжеской свадьбѣ въ Новгородской лѣтописи, по поводу смерти старшаго Ярослава сына Θεодора, который внезапно среди сихъ приготовленій скончался: 1233. Еще младъ, и кто не пожалуетъ сего, — сватба пристроена, меды изварены, (въ Т. посычены), невѣста приведена, князи позваны, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе.

Совершеніе брака не мѣшало принимать участіе *немедленно* въ войнѣ, если обстоятельства того требовали. Такъ въ 1144 г. начался Галицкой походъ тотчасъ послѣ свадьбы въ Переяславлѣ.* Василько Константиновичъ, женившись по осмнадцатому году (1227), на другой же годъ (1228) ходилъ войною на Мордву; Ярославъ Всеволодовичъ, женившись пятнадцати лѣтъ, ходилъ вскорѣ по приглашенію, въ Галичь, и дѣйствовалъ въ происше-

ствіяхъ на югѣ, принималъ участіе въ Рязанскомъ походѣ отца, и проч.

Объ *отношеніяхъ* мужа къ женѣ приводимъ наставленіе Володимера Мономаха дѣтямъ: «Жену же свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.»

Княгини пользовались всѣми правами, имъ принадлежавшими, имѣли особые удѣлы, и были предметомъ любви и уваженія.

Какъ ни скудны наши лѣтописи извѣстіями этого рода, но мы все-таки можемъ указать нѣсколько, въ подтвержденіе своего положенія, именно: Когда князья явились подъ Киевомъ, вслѣдствіе ослѣпленія Василькова, и грозили войною, вдова Всеволода съ митрополитомъ вышла изъ города просить ихъ о пощадѣ; Мономахъ «преклонися на молбу княгиницу, чтящеть ю, *аки матерь*, отца ради своего... и послуша ея, *аки матере*.»

1180. Святославъ (Всеволодовичъ) ходящеть ловы дѣя... и тогда сдумавъ съ *княгинею своею* и съ Кочкаремъ, милостивкомъ своимъ, и не повѣдъ сего мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своя, и абіе устремися Святославъ на рать...»

1194. Сего же болми охудѣваюци силъ и отемняюци языкъ, и возбнувъ, и рече ко *княгини своей*: коли будетъ, рче, св. Макковѣй. Она же: въ понедѣльникъ. Князь же рче: о не дождочю я того... Княгини же усмотрѣвши, яко ино виднѣе видѣ пѣвако князь, нача прошати, и проч.

Напомнимъ объ отношеніяхъ В. К. Ростислава Мстиславича къ сестрѣ Рогнѣдѣ (1168), В. К. Рюрика Ростиславича къ снохѣ Верхулавѣ (1187), В. К. Всеволода Георгіевича къ сестрѣ Ольгѣ, и проч.

* См. выше, с. 505.

Браки бывали иногда не безъ грѣха, — впрочемъ, судя по безпристрастію, и вообще по духу нашихъ лѣтописей, не скрывающихъ съ умысла ничего предосудительнаго, нельзя предполагать, чтобъ нарушенія были часты. Изъ лѣтописей мы узнаемъ только о неправильности жизни въ этомъ отношеніи Ярослава Святополковича, который 1117 отослалъ отъ себя жену свою, Мономахову внуку; Романа Галицкаго, который поступилъ также 1197 съ женою своею, дочерью В. К. Рюрика Ростиславича, и хотѣлъ постричь ее, — и накопецъ двухъ Галицкихъ князей, а именно знаменитаго Ярослава Галицкаго, и преимущественно сына его Володимера.

Объ Ярославѣ сказано, въ Киевской лѣтописи, подъ 1173 годомъ:

Выбѣже княгиня Ярославля изъ Галича въ Лахи, съ сыномъ съ Володимеромъ, и мнози бояре съ нею. Вскорѣ они были вызваны назадъ: поѣди вборзѣ, отца ти есмы взяли, и пріятель его, Чаргову чады, избилъ, а се твой ворогъ Настаска. Галичане же накладше огонь, сожгоша ю, а сына ея въ заточеніе послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиницу въ правду, — и тако уладившеса.

Неудовольствія однако продолжались, и Ярославъ умирая завѣщалъ—было свой столъ Олегу, рожденному отъ Настасьи.

О Володимерѣ сказано 1188: мужи Галичскіи не добро живутъ съ княземъ своимъ про его насилье, зане гдѣ улюбивъ жену, или чью дочерь, поимашеть насильемъ.... поя у попа жену, и постави собѣ жену, и родися у нея два сына.

Романъ Волинскій, въ непрерывной распрѣ съ своимъ тестемъ, В. К. Рюрикомъ

Ростиславичемъ, нача отпущати его дочь. Неизвѣстно, что съ нею сталося, а Романъ вскорѣ взялъ себѣ другую жену, впрочемъ можетъ быть вслѣдствіе ея смерти.

У Ярослава Всеволодовича, тесть, Мстиславъ Новгородскій, взялъ къ себѣ его жену (1216), неизвѣстно по какой причинѣ и не отпустилъ ея, несмотря на его просьбы.

У Святополка-Михаила былъ, по извѣстіямъ лѣтописи, сынъ, рожденный отъ наложницы.

Кажется, не будетъ смѣло утверждать по малому количеству этихъ записанныхъ нарушеній, что бракъ между князьями соблюдался строго и свято, въ общемъ образѣ жизни.

На радостяхъ о рожденіи дѣтей, князья ставили церкви:

1127. Заложилъ церковь камену св. Иоанна во имя сына своего (Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ).

1173. Родися (у Рюрика Ростиславича) сынъ... Михайль-Ростиславъ... въ Лучинѣ... и поставиша на томъ мѣстѣ церковь, св. Михаила, гдѣ ся родилъ.

Родины праздновались также пиромъ, равно какъ и постриги, о которыхъ извѣстія представлены выше. Предложимъ одно по Никоновскому Сборнику:

1196. Быша постриги у.... В. К. Всеволода.... сыну его Володимеру...., ту супцу.... епископу Ивану, и ту супцу князю Рязанскому Роману, и з братъею своею, и с мужи своими, и быша въ радости, и въ веселіи, и въ любви, и въ соединеніи вѣчнѣмъ, и тако разидошася во свояси.

Праздновались также именины.

1097. Не ходи отъ именинъ моихъ, просить Святополкъ несчастнаго Василька. Да аще не хочешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посядимъ вси съ Давыдомъ.

Праздновались церковные праздники: Пасха, Рождество Христово, и проч.

1084. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на *Великъ день*.

1096. Подожди *Святокъ*, приглашаетъ Святополкъ Василька Ростиславича, прѣзжавшаго, 4 ноября, помолиться въ Выдобицѣ.

1159. Начаша Ростислава звати лествю у братчину (Полочаве) къ св. Богородици старѣй на *Петровъ день*.

Братчинами назывались преимущественно монастырскіе торжественные обѣды.

Кромѣ семейныхъ пировъ бывали роскошныя угощенія *по случаю освященія церквей*:

1072. Пренесоша... св. Бориса и Глѣба (Ярославичи) и отпѣвше литургію, *обѣдаша* братья, на скупъ, каждо съ бояры своими.

1115. Обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть *учреженіе велико*, (по случаю основанія новой церкви св. Бориса и Глѣба), и накормиша убогихъ и странныя по три дни.

1184. Священа бысть ц. св. Василья..., и созва (В. К. Святославъ Всеволодовичъ) на пиръ отъ св. митрополита Никифора, ины епископы, игумены и весь святительскій чинъ, и *Кіяны*, и *быша весели*, и отпусти ѣ, и разошася во свояси.

1200. Пріѣха В. К. Рюрикъ со княгинею, и со сынома... и съ дочерью... и со свохою, и постави кутью у св. Михайла, и молятву принесе... и створи

пиръ не малъ, и трапезу со приготовленіемъ, и накорми игумены, и со калугеры всеми... и подари вся яже отъ первыхъ и до послѣднихъ, не токмо ту суцая, но и прилучившаяся тогда... и возвесели духовно о пришедшей въ дѣло таково царской мысли его.

1218. Великое торжество было во Владимірѣ по случаю припесенія Полоцкимъ епископомъ мощей Логина сотника для В. К. Константина.

Въ Ростовѣ при освященіи церкви св. Бориса и Глѣба, В. К. Константинъ *сотвори пиръ и учреди люди*, и проч.

На всѣхъ подобныхъ праздникахъ угощались обыкновенно убогіе и странныя (1115)

Володимеровъ прекрасный обычай разсылать на возахъ по улицамъ пищу и питье больнымъ и бѣднымъ исполнялся и другими князьми, напримѣръ, по извѣстію, сохранившемуся въ КИ. и В. К. Андреемъ Боголюбскимъ: 1175. Веляшетъ по вся дни возити по городу брашно и питье различное, больнымъ и нищимъ на потребу.

По случаю княжескихъ *създовъ* и *свиданій* происходили роскошныя пиры, съ конми соединялось богатое одариванье.

1147. Приславъ Гюрги и рече: приди ко мнѣ, брате, въ Московъ. Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтятемъ своимъ Олгомъ, въ малѣ дружинѣ, пойма съ собою Володимера Святославича. Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ. И пріѣха по немъ отецъ его Святославъ, и тако любезно цѣловастася, въ день пяттокъ, на похвалу св. Богородицы, и тако быша весели. Наутрѣи же повелѣ Гюрги устроить *обѣдъ силенъ*, (первый Московскій славный обѣдъ!), и створи честь велику

имѣ, и да Святославу *дары* многы, съ любовію, и сынови его Олгови и Володимеру Святославичу, и мужѣ Святославѣ *учреди*, и тако отпусти и.

1149. Изяславъ же позва (пришедшихъ къ нему въ помощь Угровъ и Ляховъ) къ собѣ на *обѣдѣ*, и тако обѣдавши быша весели, великою честью учествивъ ѣ, и дарми многыми *дарова* ѣ, и тако поѣхаша кождо въ своя товары.

1151. Вячеславъ... позва сына своего Изяслава къ собѣ на обѣдѣ, и *Кіаны вст*, и королевы мужи и Угры, съ ихъ дружиною, и пребыша у велицѣ любви. Вячеславъ же и Изяславъ велику честь створиста Угромъ; Вячеславъ же отъ себе, а Изяславъ же отъ себе, и *дарми* многыми одариста и, и сосуды и порты и козовми и паволоками, и всякими дарми.

1160. Снимася Ростиславъ съ Святославомъ Ольговичемъ Моровійскѣ, и мая въ 4 день. Бысть же съѣздъ ею на великую любовь. Тогда же Ростиславъ позва Святослава къ собѣ на *обѣдѣ*. Святославъ же ѣха къ нему безо всякаго извѣта, и бысть же радость въ тѣ день межю има и *дарове* мнози: да бо Ростиславъ Святославу соболами, и горностайми, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы: на заутріе же позва Святославъ Ростислава къ собѣ на обѣдѣ... да Святославъ Ольговичъ Ростиславу пардусъ и два коня борза у ковану сѣдлу.

1193. Ростиславъ испросися у отца ко строеви своему, ко Смоленьску, съ сайгаты... Всеволодъ, тесть его, позва и (Ростислава) къ собѣ. Ростиславъ же ѣха к оцтю своему въ Суждаль, со сайгаты: тесть же его державъ у себе зиму сую и

одаривъ дарьми многими, и со честью великою, зятя своего и дчерь свою, отпусти во свояси.

1229. Благоразумный князь Юрги призва (братьевъ и племянниковъ, на него вознегодовавшихъ) на снемъ въ Суздаль, и исправивше все нелюбе между собою, и поклонившася Юрию вси... цѣловаша крестъ... и праздновавша Рождество Пресв. Богородицы у епископа Митрофана, бывше *весели* и *одарены* съ мужи своими, и разѣхашася.

Бывали угощенія общія, въ коихъ весь городъ принималъ участіе, наиримѣрь:

1148. Изяславъ съ сыномъ Ярославомъ посласта подвойскѣи и биричѣ по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдѣ, *отъ мала и до велика*; и тако обѣдавши, веселишася радостью великою и честью, разошася въ свои дома.

1150. Изяславъ отъ святоѣ Софьи поѣха, и съ братьею, на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на *обѣдѣ*, и Кіаны, и ту обѣдавъ съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли, и пребыша у велицѣ весельи; тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ *играхуть*, на Ярославли дворѣ, многое множество. Кіане же дивяхутся Угромъ множеству, и кметства ихъ, и комонемъ ихъ.

1195. Позва и Рюрикъ на обѣдѣ, Давыдъ же пріѣха ко Рюрикови на *обѣдѣ*, и быша въ любви велици и во весельи мнози, и даривъ *дары* многими и отпусти и. И оттолѣ позва сыновецъ его Ростиславъ Рюриковичъ къ собѣ на обѣдѣ къ Бѣлугороду... Ростиславъ одаривъ *дары* многими и отпусти и. Давыдъ же позва великого князя Рюрика на обѣдѣ къ собѣ, брата своего, и дѣти его, и ту пребыша въ *весельи* и въ любви велицѣ, и одаривъ

Давыдъ брата своего Рюрика *дарми* многими и отпусти и; потомъ же Давыдъ позва монастырѣ всѣ на *обѣдъ*, бысть съ ними весель, и милостыню силну раздава имъ и нищимъ, и отпусти и; потомъ же позва Давыдъ Чернѣи Клобуци вси, и ту попишася у него вси *Чернѣи Клобуци*, и одаривъ ихъ *дарми* многими и отпусти ихъ. *Кыяне* же почаша звати Давыда на пиръ, и ту подаваючи ему честь велику и дары многи; Давыдъ же позва *Кыяне* къ собѣ на обѣдъ, и ту бысть съ ними въ *весельи* мнозѣ и во любви велици, и отпусти ихъ.

Преимущественно, кажется, отличались расположеніемъ къ такимъ угощеніямъ Изяславъ Мстиславичъ и Рюрикъ Ростиславичъ. См. выше, подъ г. 1148, 1150, 1151, 1195.

Дары были данію въ вѣкоторомъ смыслѣ, какъ мы видѣли прежде, но вмѣстѣ служили и знакомъ почтенія, уваженія, а также и пріязни, равно какъ и залогомъ ходатайства, напримѣръ

1123. Послѣ неудачной попытки Ярослава Святославича подъ Владимиромъ помогавшіе ему «Угры же, и Ляхове, и Володарь, и Василько, разидошася, а къ Володимеру съ молбою и *дарми* послана посла.»

1128. Всеволодъ (Ольговичъ) «пача ся молити Мстиславу (Володимеровичу), и бояры его подбучивая и *дары дая*, моляшеться имъ», чтобъ они убѣдили великаго князя не помогать дядѣ его Ярославу.

1159. Установи людье Ростиславъ (въ Полоцкѣ, по укрощеніи мятежа), и одаривъ многими *дарми*, и води я къ хресту.

Впрочемъ вообще князья любили *пировать* съ своею дружиною. Пировать называлось пить. Одно это выраженіе показываетъ, что знаменитое изреченіе Володимера святаго не утратило своего значенія: «Руси есть веселіе пити.»

Въ особенную похвалу внуку его Всеволоду говорится о воздержаніи его отъ пьянства и похоти.

Мономахъ въ своемъ Поученіи намекаетъ на то же.

1065. Единою *пьющу* Ростиславу съ дружиною.

1115. Князья обѣдаша у Олега и *пиша* (при пренесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба).

1143. Скопишася братья вся и безбожнѣи Ляхове, и *пиша* у Всеволода, и тако разидошася.

1150. Въ то время (при нападеніи Изяслава Мстиславича) Борисъ (Георгіевичъ) *пьяшетъ* въ Бѣлѣгородѣ на съвѣнци съ дружиною своею и съ попы Бѣлогородскими.

1151. Мстиславу, . . ставшю у Сапогыпя, а Угре сташа около его. Тогда выслалъ ему башеть Володимеръ Андреевичъ *питье* изъ Дорогобужа много и Угромъ. Мстиславу же *пьючи* съ Угр.ы...

1153. *Пивъ* Гюрги (Володимеровичъ) въ (у) осменика у Петрила, въ тѣ день на ночь разболѣся.

1154. Сы noci былъ *весель* съ своею дружиною, (В. К. Вячеславъ Володимеровичъ), и шель спать здоровъ; якоже легль, такъ болѣ того не всталъ.

1188. Князюцу Володимеру въ Галичской земли, и бѣ бо любезнивъ *питію* многому (т. е. пированью).

1217. Глѣбъ Володимеровичъ съ братомъ позва (братьевъ) къ себѣ, яко на

честь *пиренья*, въ свой шатеръ... скры (людей своихъ вооруженныхъ) близъ шатра, въ немъ же бѣ имъ *пити*,... и яко начаша *пити* и *веселитися*...

Принадлежностію княжескихъ пировъ были пѣсни, пляска, и гудьба, если не музыка.

Въ Несторовомъ описаніи Святославова пира (Ярославича) читается: яко вниде (Феодосій) во храмъ, идѣже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многія играючи передъ нимъ, овы *гуслыныя* гласы исцущающе, другыя же *органныя* гласы поюще, и инѣмъ *заморьскыя тиски* гласницимъ, и такъ всимъ играющимъ и веселящимся, яко же обычай есть предъ княземъ... Блаженный вскрай его сѣдя и долу никъ, и яко мало восклонився, рече къ тому: то будетъ ли еще на онѣмъ свѣтѣ тоже, ту абіе онъ... умилися, и мало прослезися, повелѣ тѣмъ престати.

Въ Словѣ о богатомъ описывается пиръ «съ *гуслыми* и *свирльми*, веселіе многое,... смѣхословци, *плясанія*, *воплеве*, *цѣсни*...»

Слово о полку Игоревѣ срдѣтельствуеть, что были особые пѣвцы,—въ родѣ сѣверныхъ скадьдовъ,—которые на такихъ пирахъ воспѣвали славу князей.

«Боянъ бо въцѣй, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мышію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подѣ облакъ. Помнишеть бо рѣчь первыхъ время уسوبнѣ, тогда пуцашеть десять соколовъ на стадо лебедей—который дотечаше, та преди пѣснь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ поляки Късожьскими, красному Роману Святославичю. Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей

пуцаше, но своя въцѣя персты на живыя струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря...»

Въ былинахъ эти пѣвцы изображаются еще живѣе. Приведемъ нѣкоторыя мѣста, соединяя подобныя изъ разныхъ пѣсень.

Во славномъ во Новѣградѣ

Какъ былъ Садкѣ купецъ, богатый гость,
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты,
По пирамъ ходилъ—игралъ Садкѣ.
Садка день не зовуть на почестенъ пиръ,
Другой не зовуть на почестенъ пиръ,
И третій не зовуть на почестенъ пиръ.
Потомъ Садке соскучился....

Онъ мастеръ Ставеръ въ гусли играть,
Игръ играть и напѣвокъ напѣвать
Про старыя времена и про нынѣшны,
И про всѣ времена досюлешны.

...Пошелъ Добрынюшка Микитинецъ
Къ князю Владимиру на почестенъ пиръ.
Сокручивается въ платы скоморошныя,
Идетъ въ теремъ златоверхватый
По ступенчикамъ идетъ по валичнымъ,
Ступенчикигибаются, весь теремъ шатается.
Говоритъ Владимиръ князь стольно-Кіевскій:
Скоморошье мѣсто на запечѣ.

А Добрыня скочилъ на печку на муравленую,
Онъ натигивалъ въ гуселькахъ, налаживалъ
Двѣнадцать струночекъ золоченыхъ,

И зыгрывалъ онъ въ гуслицы яровчаты,
Выигрывалъ хорошенько изъ Царя-града,
А изъ Царяграда до Іерусалима,
Изъ Еросалима къ той землѣ Сорочинскія.
Третій разъ сталъ поигрывать
Все свое похоженьице разсказывать.

На пиру вгроки всё приумолкнули,
Всё скоморохи прислушались:
Этакой игры на свѣтѣ не слышано,
И на бѣломъ игры не вѣдано.

Всѣ народы приближались,
И Добрынюшкѣ поклонялись.

Тая-то игра прилюбилася
Всему кругу молодецкому
Всему поѣзду княженецкому.

Князю игра-та по уму пришла,
Самъ говорилъ таково слово:
Ай жа ты дѣтина (молода) скоморошина!
Опускайся со печки муравлены,
Выбирай себѣ мѣсто, гдѣ тебѣ любое.

Ставалъ Владимиръ князь на рѣзвы ножки,
Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
Подносилъ къ молодой скоморошинѣ.

Въ былинѣ о Чурилѣ Пленковичѣ указы-
вается еще на слѣдующее занятіе скомо-
роховъ:

И возговоритъ княгиня Опраксія:
Ай же ты, солнышко Владимиръ князь!
Положи-тко Чурилу въ постельнички,
Чтобы сталъ онъ перину пуховую,
И складалъ бы зголовнице высокое,
И сидѣлъ бы у зголовница высокаго,
Игралъ бы въ гусельшки вробчаты,
И спотѣшалъ бы князя Владимира.—

Во вступленіи къ Волынской лѣтописи
встрѣчается слѣдующее, не совсѣмъ ясное
мѣсто о подобномъ обычаѣ у Половцевъ:
«По смерти же Володимеръ оставшу у
сырчана единому *удю* же Ореви, посла
и въ Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть,
а воротися, брате, поиди въ землю свою;
молви же ему моя словеса, пой же ему
пѣсни Половецкія.

Есть древній слѣдъ тостовъ или здравицъ.

1065. Княже, хочу *на тя пити*,
говоритъ катапанъ Греческій Ростиславу
Володимиричу въ Тмудоракани. Оному же
рекше: пій....

Посты однакожъ строго наблюдались.
Крѣпкимъ тому доказательствомъ служить,
какое страшное смятеніе произошло во всемъ
православномъ мѣрѣ, (1164), вслѣдствіе
ученія Владимирскаго Епископа Леона.

«Нѣсти мясь въ господьскыя праздники,
въ среды и въ пятки, ни на Рождество
Господне, ни на Крещенье. И бысть тяжа
про то велика предъ княземъ Андреемъ,
предо всѣми людьми, и упрѣ его (Леона)
владыка Феодоръ. Онъ же иде на испра-
вленіе Царюгороду.»

Всѣ наши князья сочли обязанностію
снарядить особыя посольства въ Констан-
тинополь, чтобы тамъ удостовѣриться въ
истинномъ ученіи. Побѣда осталась на ихъ
сторонѣ.

Черезъ четыре года воями Великаго князя
Андрея Суздальскаго взятъ былъ Кіевъ,
(1169), «его же не было никогда же,»
и лѣтописецъ Суздальскій торжественно
приписываетъ это несчастіе новому ученію,
которое раздѣлялъ Кіевскій митрополитъ.

Вообще образъ жизни князей, ихъ *време-*
провождение было вотъ какое въ дни мира:

Вставали они рано по утру, со свѣтомъ.
Первое къ церкви, — говоритъ Мономахъ, —
да не застанетъ васъ солнце въ постели,
такъ бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и
всѣ добріи мужи свершеніи. Заутренюю
огдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю
всходящю и узрѣвше солнце, и прославити
Бога съ радостью.

По праздникамъ князя присутствовали при богослуженіи.

1125. О Мономахъ сказано:

Жалостливъ же баше отинудъ, и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церковь внидашеть, и слыша пѣнье, и абье слезы испущашеть, и тако молбы ко владыцѣ Христу со слезами воспущаше.

Смоленскій князь Давыдъ Ростиславичъ ежедневно посѣщаль церковь (1199).

Съ Володимеркомъ Галицкимъ (1152) случился ударъ, какъ онъ шелъ отъ вечерни.

Андрей Боголюбскій къ заутрени въ ночь входяшеть въ церковь и свѣщи вжигивашеть самъ.

1169. Великій князь Ростиславъ по вся недѣли (впродолженіе Великаго поста) причащеніе имаше, слезами омывая лице свое и въздыханіемъ частымъ смиряя себе, и стонаніе отъ сердца своего испущая, всимъ видящимъ его въ толицы смиренны стояща, и тако не можаху удержатися отъ слезъ.

Службу слушали, вѣроятно, на *полатахъ*, въ домовыхъ церквахъ своихъ:

1152. Якоже съѣха Петръ (посолъ В. К. Изяслава Мстиславича) съ княжа двора, и Володимеръ (Галицкій) поиде къ божницѣ, ко святому Спасу на вечернюю, и якоже бы на переходѣхъ до божвици; и ту виде Петра ѣдуща, и поругася ему... и то рекъ иде на *полати*, и отпѣвше вечернюю, и проч.

(Такія палаты, кажется, мы видимъ при церкви въ Боголюбовѣ монастырѣ близъ Владимира, гдѣ В. К. Андрей слушалъ божественную службу).

* См. въ атласѣ.

За тѣмъ слѣдоваль завтракъ.

Да *заутрокай*, брате, говорить Святополкъ приглашенному Васильку, и общася Василко *заутрокаати*.

1095. На утрія въ недѣлю, заутрени суще годинѣ, пристрой Ратиборъ отроки въ оружи, истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего по Итлареву чадь... зоветь вы князь Володимеръ, рекль тако: обувшеса, въ теплѣ избѣ *заутрокаши* у Ратибора, пріѣдите ко мнѣ.

Послѣ завтрака князь садился думать съ дружиною, или людей оправливать, какъ то видно изъ поученія Мономахова:

Тоже и худаго смерда и убогья вдовицы не даль есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго порядка и службы самъ есмь призираль.

О Володимерѣ Ярославичѣ Галицкомъ, въ предосужденіе его, сказано, что онъ думы не любяшеть съ мужми своими.

Вмѣсто думы и суда, иногда, Мономахъ предлагаетъ дѣтямъ:

Или на ловъ ѣхати или поѣздити.

Охота, за звѣрями и птицами, была любимымъ занятіемъ въ древности. Предлагаемая мѣста: объ охотѣ, напомнимъ прежде объ охотѣ Олега и Люта Свѣнелдича изъ Норманскаго періода.

Всего яснѣе княжеская охота видна изъ описанія Мономахова:

Конь дикихъ своими руками связаль есмь, въ пуцахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по рови ѣздя ималь есмь своими руками тѣ же кони дикіѣ: тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топталъ, а другой рогама болъ, вепрь ми на бедрѣ мечъ отялъ, медвѣдь ми у колѣна

подклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра, и конь со мною поверже: и Богъ неврежена мя съблюде, и съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и рупцѣ и возѣ свои вередихъ.

1191... Всеволоду *ловы* дѣющю звѣрныя за Вышегородомъ, заматавшимъ тенета, и кличаномъ кликнувшимъ....

1144. Вшедшу Володимеру въ Тисмяничу на *ловы*.

1180. Давыдъ Ростиславичъ по Днѣпру въ лодяхъ, *ловы дѣя*, а Святославъ ходяшеть по Черниговской сторонѣ, *ловы дѣя* противу Давыдови.

1190. (Святославъ съ Рюрикомъ) идоста на *ловы* по Днѣпру въ лодяхъ, на устья Тесмени, и ту ловы дѣявша, и обловншася множествомъ звѣрей: и тако наглумистася, и во любви пребыста и во весельи, по вся дни.

1193. (Ростиславъ Рюриковичъ) ѣха съ *лововъ* отъ Чернобыля въ Торцький вборзѣ, не повѣдая отцю, а по дружину свою посла.

1185. (Игорь Олеговичъ Сѣверскій въ плѣну у Половцевъ), гдѣ хочеть ту вѣдѣшеть, и *ястребомъ* ловяшеть, а своихъ *слугъ* съ 5 съ 6 съ нимъ вѣдѣшеть.

Это мѣсто словомъ *вѣдѣшеть* напоминаетъ еще Мономахово извѣстіе: «Или на ловъ ѣхать, или *польздити*.»

Что значить *польздьство*?

Военныя игры, чтобъ не сказать рыцарскія упражненія.

1161. В. К. Ростиславъ предложилъ союзнику своему Черниговскому князю, Святославу Ольговичу, прислать сына въ Кіевъ для знакомства. Святославъ отпустилъ Олега:

«И бысть у него по два дни на обѣдѣ; третій же день вѣдуцю Ольгови изъ товаръ на *польздьство*.

Подъ 1150 г. *Вздити*—выражено другимъ словомъ: Угры, отобѣдавъ у В. К. Изяслава, послѣ обѣда, «на фарехъ и скокахъ *играхуть* на Ярославли дворѣ».

Слѣдующее мѣсто изъ пѣсни относится вѣроятно къ военнымъ играмъ:

Кто изъ васъ гораздъ стрѣлять изъ луку
изъ каленаго,
Прострѣлить бы стрѣлочка коленая
По тому острею по ножовому,
Чтобы прокатилася стрѣлочка каленая
На двѣ стороны вѣсомъ равна,
И попала бы въ колечко серебряное.—

Въ полуденъе былъ обѣдъ:

1096. Мстиславу сѣдящю на *обѣдѣ*.

1146. Игорь (Ольговичъ) ѣха на *обѣдѣ*....
И ту бѣхуть (Изяславъ Мст. и Володимеръ Дав.) стали *обѣдати*.

1149. Святославъ (Ольговичъ) позва и (Юрья Долгорукаго) къ собѣ на *обѣдѣ*.

Послѣ полуденья спали.

«Спанье есть отъ Бога присужено полудне,—говоритъ Мономахъ,—отъ чина бо почиваееть и звѣрь и птицы и человеки.»
Посему онъ совѣтуетъ дѣтямъ это отдохновение по исполненіи утреннихъ дѣлъ.

1097. Приде Святоша и Путята., Давыдовымъ, воемъ облажащимъ градъ, въ полуденъе Давыдови спящю.

День передъ вечеромъ оканчивался *ужино*мъ.

Иде Василко поклонитися къ святому Михаилу въ монастырь, и *ужина* ту... вечеру же бывшую приде въ товаръ свой.

Сну предшествовала *молитва*.

Не грѣшите ни одну же ночь, (то-есть, не пропускайте ни одной ночи), аще можете поклониться до земли; али вы ся начнете немочи, а трижды, а того не забываете не лѣнитеся; тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человекъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человекъ избываетъ.

Молитву творить совѣтуетъ Мономахъ и въ продолженіи дня:

Аще и на кони ѣздяче, не будетъ ни съ кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а Господи помилуй зовѣте безпрестанно втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпцю.

Князья любили бесѣдовать съ духовными лицами.

Святославъ Ярославичъ приказывалъ умолкать своему пиру, лишъ покажется въ дверяхъ св. Феодосій, котораго всякое посѣщеніе считалъ онъ особеннымъ для себя счастіемъ.

1093. Всеволодъ... въздавъ честь епископомъ и пресвитеромъ, излиха же любяше черноризци, подающе требованье имъ.

То же рассказывается о Глѣбѣ Святославичѣ (†1078), о В. К. Ростиславѣ Мстиславичѣ (†1168), Глѣбѣ Георгіевичѣ (†1171), Андрѣ Боголюбскомъ (†1174) и проч.

Строили церкви и основывали монастыри, уступая имъ часть своихъ доходовъ, на примѣръ Ярославъ Изяславичъ вда всю жизнь свою Небольскую волость и Деревьскую, и Лучьскую и около Кіева. Глѣбъ же вда въ животъ своемъ, съ княгинею, 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота.*

* См. ниже, въ главѣ о церкви.

Наконецъ, должно замѣтить, что хозяйственное управленіе своими домашними дѣлами, селами, дворами, стадами и проч., счеты и расчеты съ тиунами, занимало у князей много времени.

О баняхъ, упоминаемыхъ еще въ преданіи о св. Апостолѣ Андрѣ, встрѣчается извѣстіе въ Волынской лѣтописи, подъ 1205 г. Бенедиктъ, посланный Андреемъ, королемъ Угорскимъ, въ Галичь, «я (захватилъ) Романа въ бани мыющася.»

Въ Густынской лѣтописи подъ 1205 г. рассказывается, что Рускіе князи бишася со Литвою и Ятвяги, и побѣдиша ихъ, и уставивша на нихъ дань *лыка и кошницы* и *вѣники* до бани: не имяху бо серебра, ни иного чего красного.

Такова была ихъ жизнь во время мира, но война съ ея подвигами и опасностями, удачами и неудачами, добычею и славою, составляла любимое ихъ занятіе съ молодыхъ ногтей до глубокой старости. Мы говоримъ—война, повинувся употребленію, но собственно это была не война, а какакто борьба, въ родѣ мирныхъ кулачныхъ боевъ, по большей части безъ ненависти и злобы, безъ долговременной мести, которыхъ почти нѣтъ слѣдовъ въ нашихъ лѣтописяхъ, кромѣ двухъ-трехъ частныхъ случаевъ кои могутъ назваться исключеніями.

Крайности сходятся. Князья, воевавъ между собою, изъ за владѣній, думали о монашеской жизни. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, Никола Святоша Давидовичъ, съ браннаго поля, становится сторожемъ передъ воротами монастырскими, и подчиняетъ себя всѣмъ требованіямъ строгаго монастырскаго устава.

Вскорѣ послѣ него многіе князья передъ смертію привнимають схиму, думавъ объ ней заранѣе, напримѣръ:

1146. Плъненный и больной Игорь Ольговичъ говоритъ своему счастливому сопернику, Изяславу Мстиславичу:

Братъ! се боленъ есмь велми, а прошю у тебе постриженія, была бо ми *мысль на постриженіе еще въ княженіи своемъ*, нынѣ же у нужи сей.... не чаю собѣ живота. Онъ же сжаливъ си и рече: аще была ти мысль на постриженіе, въ томъ еси воленъ, но язъ ты и безъ таче выпускаю, болѣсти дѣля твоей....—Повелѣ ся постричи Еюимью епископу, потомъ Богъ отда ему немощи, и приведоша Кіеву въ монастырь св. Феодора, и призва игумена и братью, свершивъ же ся обѣщаль, пострижеса.... въ скиму.

1168. Не могу здѣ лечи, говорятъ В. К. Ростиславъ сестрѣ, (уговаривавшей его «лечи Смоленскѣ въ своемъ ему зданьи»), повезите мя Кіеву; аще мя Богъ отъиметь на пути, то положите мя въ отни благословенья у св. Феодора; аще ми Богъ отдасть болѣзнь сію, молитвами пречистые и св. отца нашего Феодосья.... то *постригуся* въ Печерскомъ монастырѣ.

Егда бо отходя житя сего маловременнаго молвяше.... отцю своему духовному: Тобѣ воздати слово о томъ Богу, занеже възборони ми отъ постриженія. Молвяше бо Ростиславъ часто то слово къ игумену Печерскому Поликарпу: тогда, игумене, взяхъ мысль отъ постриженія, егда же приде ми вѣсть изъ Чернигова о Святославли смерти Олговича. Молвяше же и то всегда къ игумену: постави ми, игумене, келью добру, бояся напрасныя смерти, а что си о мнѣ Богъ устроить и ваша молитва.

1194. В. К. Святославъ Всеволодовичъ, умирая, «веля ся постричи въ черньци».

1197. Преставися князь Смоленскій Давыдъ, сынъ Ростиславичъ... пріимъ мнишскій чинъ, его же желаше,» о коемъ думалъ еще и прежде: «... Моляся помышляше въ сердцѣ своемъ, дабы мя Богъ сподобилъ мнишскому чину, и свободился быхъ отъ многоятежнаго житя и маловременнаго свѣта сего».

1228. Самъ удалой Мстиславъ Мстиславичъ принялъ предъ смертію схиму.

Женщины привержены были къ церкви, разумѣется, еще болѣе, напримѣръ—внуки Ярославовы, дочери Всеволода, пошли въ монашество очень рано:

1086. Всеволодъ заложилъ церковь св. Андрея, и сотвори у церкви тоя монастырь, в немъ же пострижеса и дщи его дѣвою, именемъ Янька... и совокупи черноризицы многи, и пребываше съ ними по монастырскому чину.

1106. Пострижеса Еупракси, Всеволожа дщи, (вдова Нѣмецкаго императора Генриха IV), м. декабря въ 6 день.

Княгини, вдовы, постригались вслѣдъ за мужьями своими, напримѣръ:

1197. Видивши княгини его (Давыда Ростиславича Смоленскаго) пріимши мнишскій чинъ, и пострижеса и сама княгини его.

Назовемъ еще славную своими добродѣтелями въ древности княгиню, супругу В. К. Суздальскаго Всеволода Георгіевича, Марію, родомъ Ясыню.

1206. Пострижеса В. К. Всеволожа вѣ мнишескій чинъ, въ монастыри св. Богородицѣ, юже бѣ сама создала, и нарекоша ей имя Марія, въ то же имя крещена бысть прежде.

Въ лѣтописяхъ встрѣчаются слѣды *присчитаній* надъ покойниками.

По Андрѣ Боголюбскомъ:

1175. Поча весь народъ (во Владимирѣ) плача молвити: «уже ли Кіеву поѣха, господине, въ ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ бѣше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ, а река: хочю создати церковь такую же, акаже ворота си золота, да будетъ память всему отечеству моему».

1179. По Мстиславѣ Ростиславичѣ:

Новгородцы «молваху плачущесе: уже не можемъ, господине, поѣхати на иную землю, поганыхъ поработити въ область Новгородскую: ты бо много молвяшеть, господине нашъ, хотя на всѣ стороны поганыя; добро бы нынѣ, господине, съ тобою умерти створшему толикую свободу Новгородцемъ отъ поганыхъ, яко же и дѣдъ твой Мстиславъ свободилъ ны бѣше отъ всѣхъ обидъ; ты же бѣше, господине мой, сему поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда свсего; нынѣ же, господине, уже къ тому не можемъ тебе узрѣти, уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всимъ остахомъ».

1180. По Смоленскомъ князѣ Романѣ Ростиславичѣ:

«Княгини его безпрестани плакаше, предстоящи у гроба, сиче вопіюща: царю мой благый, кроткій, смиренный, правдивый! воистину тебѣ наречено имя Романъ, всею добродѣтелию сый подобенъ ему, многія досады прія отъ Смольянъ, и не виде тя, господине, никому же противу ихъ злу ни котораго зла воздающа, но на Божѣ вся покладывая провожаше».

Князья погребались очень скоро, обыкновенно на другой день по кончинѣ, напримѣръ:

1115. Преставился Олегъ Святославичъ августа въ 1 день, а во 2 погребенъ бысть у св. Спаса.

1093. Всеволодъ Ярославичъ преставился апрѣля въ 13 день, а погребенъ въ 14 день.

1113. Преставился апрѣля въ 16 день Святополкъ за Вышгородомъ, и положиша и въ церкви св. Михаила, иже бѣ самъ создалъ.

1132. Преставился Мъстиславъ (Володимировичъ) апрѣля въ 15, празной недѣли въ пятокъ, положенъ бысть у церкви св. Феодора, а Ярополкъ выиде въ Кіевъ въ 17 день, въ недѣлю.

1141. Андрей Володимировичъ умеръ января 22, а похороненъ 23.

1158. Преставился Гюрги м. мая въ 15 въ среду въ ночь, а завтра въ четвергъ положиша у монастыря св. Спаса.

Тѣла князей полагаемы бывали обыкновенно при церквахъ, подлѣ родителей, напримѣръ:

1093. Всеволодъ положенъ бысть во гробъ, въ величѣй церкви св. Софьи. «Да ляжеша, идѣже азъ лягу, у гроба моего,» говорилъ ему отецъ Ярославъ.

1125. Мономахъ положенъ бытъ у св. Софьи, у отца своего.

1154. Вячеслава положиша у св. Софьи, идѣже лежитъ Ярославъ, прадѣдъ его, и Володимеръ, отецъ его.

1133. Мстиславъ... положенъ бысть у церкви св. Феодора, юже бѣ самъ создалъ.

1154. Изяславъ (Мстиславичъ) въ церкви св. Феодора въ огни ему монастырь.

1168. Ростиславъ Мстиславичъ... вложень бысть въ гробу у св. Феодора, въ отни ему монастырь.

Раки или гроба часто упоминаются жраморные, напримѣръ:

1078. Для В. К. Изяслава, 1086, для Ярополка Изяславича.

Тѣла князей, умершихъ въ удаленіи, привозились и погребались въ ихъ отчинныхъ городахъ.

1076. Тѣло Святослава Ярославича, скончавшагося въ Кіевѣ, отвезено было въ Черниговъ.

1077. Глѣбъ, сынъ его, убитый въ Заволочѣ, погребень былъ въ Черниговѣ.

1086. Тѣло Ярополка Изяславича, убитого около Звънигорода, ноября въ 22 д., привезено было въ Кіевъ, декабря 5.

1168. Тѣло В. К. Ростислава, скончавшагося близъ Смоленска, марта 14, привезено было въ Кіевъ, и погребено 21.

По кончинѣ князя, у его гроба ставилось копіе.

1152. Ярославъ Володимировичъ Галицкій, воротивъ, по случаю внезапной смерти отца, посла отъ В. К. Изяслава Мстиславича, говорить ему:

Богъ отца моего понялъ... полкъ его и дружина его у мене суть... развѣ *одино копіе поставлено у гроба его.*

За гробомъ при выносѣ слѣдовала дружина, и былъ несомъ *стягъ* (знамя) умершаго князя, и ведень его *конь*:

1171. Игуменъ Поликарпъ объявилъ Вышегородскому князю Давыду Ростиславичу, по случаю принесенія тѣла Володи-

мера Андреевича, изъ Дорогобужа, для погребенія въ Кіевѣ: княже! се дружина его не ѣдутъ съ нимъ, а пусти своеѣ дружины нѣсколько, *не кто ни конь доведетъ, ни стягъ донесетъ.* Давыдъ рече: того стягъ и честь съ душою испла.

1175. Когда тѣло князя Андрея Боголюбскаго понесено было изъ Боголюбова во Владимиръ для погребенія, то жители вышли къ нему на встрѣчу, и бысть по малъ времени, и почла *выступати стягъ отъ Боголюбого.*

По смерти надѣвалось особое скорбное платье, трауръ.

1152. Умеръ князь Володимерь Галицкій, передъ смертію отправившій Кіевскаго посла. Ярославъ, сынъ, велѣлъ воротить его, и прѣхъ на княжъ дворъ, и ту снудоша противу ему съ сѣней слугы княжи вси въ *чернихъ мятлихъ*... взиде на сѣни, и видѣ Ярослава на отни мѣстѣ въ *черни мятли* и въ клобуцѣ.

Платье умершаго князя *выпѣшивалось* въ церкви на память:

1237. Татарове... иконы обобраша... и кресты честные и ссуды священныя... и *порты* блаженныхъ первыхъ князей, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на *память* себѣ, то все положиша себѣ въ полонъ.

Судя по этому мѣсту, можно и въ другомъ, нижеслѣдующемъ, подъ портами разумѣть также княжескія одежды.

1183. Сгорѣ (во Владимирѣ)... сборная церкви святая Богородица Златоверхая... и что баше внѣ и вну... *портъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, яже вѣшали на*

празникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до Владычнихъ сѣней во двѣ верви чудныхъ.

По случаю кончины князя *раздавалась милостыня и устраивалось* поминовеніе.

1113. Преставился князь. . . . Святополкъ. . . . положиша въ церкви св. Михаила. . . . Княгини же его много раздѣли богатство монастыремъ и попомъ и убогимъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко такая милости никтоже можетъ творити.

1154. При кончишѣ В. К. Вячеслава Володимировича, «Ростиславъ, спрятавъ тѣло его и ѣха на Ярославль дворъ, и съзва мужи отца своего Вячеслави, и тивуны и ключники, каза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро, и снесъ все, и нача раздавати по монастыремъ, и по церквамъ, и по затворомъ, и нищимъ, и тако раздая все, а себѣ ни прія ничто. . . . а прокъ имѣнія да, чѣмъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, *чимъ свѣцію и просфору его побдѣти*».

Извѣстіе подъ 1158 г.: По княжи животѣ княгини (вдова Ярополка Изяславича), вда сто гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота, а по своемъ животѣ вда княгини пять сель и съ челядью, и все *да и до нова*.

Милостыня начиналась иногда и передъ смертію.

(Ярославъ Володимировичъ Галицкій), 1187, ко преставленію своему, въ болѣзни тяжцѣ, познася худъ, и созва мужи своя, и всю Галичкую землю, позва же и сборы вся и монастырѣ, и нищія, и сильныя и худыя, и тако глаголаша плачася ко всѣмъ: отци и братья и сынове! се уже отхожю свѣта сего суетнаго, и иду ко Творцю своему, а сгрѣшихъ паче всихъ, якоже инъ никто же сгрѣши, а отци и братья! простите и отдайте. И тако плакашеться по три дни, передо всеми сборы и передо всеми людьми, и *повель раздавати имѣніе. . . . свое монастыремъ и нищимъ, и тако даваше по всему Галичю по три дня, и не могла раздавати.*

И И Щ А,

Хлѣбъ изъ ржаной муки пекся кислый на квасу (дрожди). Въ Несторовомъ житіи Θεодосія читается: «бѣсы овогда муку рассыпающе, иногда же поставленный квасъ, на устроение *хлѣбомъ*, разливаху».

Вотъ еще какія тамъ встрѣчаются слова и выраженія, относящіяся къ пицѣ и ея приготовленію: нища, ядь, брашно; жито, мука, отруби. Молоть жито. Огонь свѣчи. Мѣшать, мѣсить тѣсто, печь хлѣбы. Хлѣбъ сухой, хлѣбъ ржаной, хлѣбы чисты, съ макомъ и медомъ; хлѣбцы, укрухъ хлѣба, коврижки.

Масло деревянное, изъ льнапаго сѣмепп. Корчага масла. Бить масло.

Сочиво. Зеліе вареное, безъ масла.

По вопросамъ Кирика «въ чистую недѣлю достоинъ медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говѣніе бѣльцемъ».

Соль мѣрилась головажнями, по Русской Правдѣ. 1233 г. въ Новгородѣ соль продавалась по 7 гривенъ берковецъ.

Въ случаѣ голода въ народѣ употреблялась лебеда.

Въ Русской Правдѣ говорится о кормѣ, о хлѣбахъ, о солодѣ, о мясѣ, о рыбѣ, о домашнихъ птицахъ.

Мясо, рыба, дичь, домашнія птицы употреблялись въ пищу, какъ видно въ Словѣ XII вѣка о богачѣ и нищемъ:

Предлагаемъ описаніе егороскопнаго обѣда. «На обѣдѣ же его служба бѣ многа, сосуди златомъ сковани и серебромъ, брашно многое (различно): тетеря, гуси, жеравіе и ряби, голуби, кури, зайци и елени, (вепреве, дичина, чамри (?), тѣртове (?), печени, крѣпанія, (?) шемълизи, (?) пирове, (?) пѣтъкы), множество *сокачии* (поваровъ), работающе и дѣлающе съ потомъ; инии мнози текуще, и на перстѣхъ *блюда* носяще, иии же махающе съ боязнію; иии же серебряныя умывальница держаще, иии же укропница дѣмуще, иии *сткляница* съ виномъ носяще, (чашѣ серебряныя великыя позлащены, *кубци* и *котъли*...)*

«Егда *веселишися* многими брашны,» говоритъ Даніилъ Заточеникъ, «а мене помяни *сухъ хлѣбъ* ядущъ, или *пѣши сладкое питіе*, а мене помяни теплу воду пьющи».

Въ житіи Θεодосіевомъ разсказывается, какъ Великій князь Изяславъ удивлялся сладости простыхъ монастырскихъ брашенъ, между тѣмъ какъ *дороня*, изготовленныя его рабами, не приходятся такъ ему по вкусу. Святой отшельникъ приписывалъ это различіе способу изготовленія: въ монастырѣ съ молитвою, а у князя съ бранью и ссорами.

* Продолженіе см. на слѣдующей страницѣ о питъѣ.

Въ древнихъ пѣсняхъ встрѣчаются безпрестанныя упоминанія о почестныхъ пирахъ краснаго солнышка князя Владимира.

Вотъ разсказъ объ угощеніи Добрыни Никитича матерью Дюка Степановича:

Брала за бѣлы руки,
Повела въ полаты бѣлокаменны,
Садяла за тѣ столы дубовые, за яства
сахарныя (медвяныя),
Подносила ему колачики крупичаты,
.....
Колачикъ ѣсть, другой хочется,
Другой ѣсть—по третьемъ душа горить.
Ѣшь молодець до сыти, пей до любви.

П И Т Ь Е.

Въ Русской Правдѣ питье называется вообще *волокою*.

Обыкновенные напитки *квась*, *медъ*, (скандин. *miadr*) *вино*, *олуй*.

1146. Дворъ Святославль раздѣли (В. К. Изяславъ Мстиславичъ)... въ погребѣхъ было 500 берковьсковъ *меду*, а *вина* 80 корчагъ.

1151. Мстиславу... ставшу у Сапогыня, а Угре стапа около его. Тогда выслалъ ему Володимерь Андреевичъ *питье* изъ Дорогобужа много и Угромъ... пьоче... пьяни.

Олуй (1226) напитокъ, Норманскій вынѣшній Англійскій оел.

1233. Свадьба была пристроена, *меды изварены* (насычены) для князя Феодора Ярославича, — въ Новѣгородѣ.

Въ Словѣ о богатомъ: питье же много: медъ и квась, медъ чистый пѣпьяный, (съ перцемъ), питія обношная.

Корчага вина упоминается и въ житіи Феодосія. Тамъ же *викля*, сосудъ, для вина.

При убіеніи Андрея Боголюбскаго говорится о *медушѣ*, гдѣ заговорщики для

ободренія напились (1175), бретьяницы, (1146) можетъ быть отъ борть, слѣдовательно тоже, что медуши?

Въ пѣсняхъ упоминаются часто *меды стоялые*, *питьица медвяныя*, *вино зелено*.

Изъ посуды упоминаются *сосуды серебряныя и золотыя* (1152), *блюда*, *чашы*, *кубки*, *котлы*, *сткляницы* (въ Словѣ о богатомъ). *Чашы* встрѣчаются и въ лѣтописи В. (1230). *Горницы* (1217), горшки.

Въ пѣсняхъ слышатся *чары*, *стоны* зелена вина, *меду ярого*, *пива пьянаго*.

Дюкъ Степановичъ хвастается:

У насъ вина пьютъ виноградныя,
Чарочку пьешь, а по другой душа горить:
У васъ вина-ты хлѣбныя,
Меды-ты у васъ кислыя,
А у насъ меды-ты стоялыя.
У васъ все не по нашему:
У насъ столы кости слоновыя,
Скатерти у насъ на столахъ шелковыя,
А по угламъ висятъ кисти золоченыя,

О Д Е Ж Д А.

Общепотребительное слово было *порты*, (оттуда портной, портомойное, въ пѣсняхъ портомойницы), — одежда, платье.

Въ Русской Правдѣ: аче кто конь погубить, или оружие, или *портъ*.. (27).. аже кто познаетъ свое.. или конь, или *портъ* и проч.

1183. Погорѣло во Владимирѣ множество *портъ* шитыхъ золотомъ и женчюгомъ, аже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицъ, а отъ Богородицъ до владычнихъ сѣвнй, во двѣ же верви чюдныхъ.

1216. Предъ Липецкой битвой, Ярославъ Всеволодовичъ, увѣренный въ побѣдъ,

распоряжался такъ: «се пришелъ бы товаръ въ руки, вамъ же буди кони, брони, *порты*, а человекъ оже кто иметь живаго, то самъ будетъ убитъ; аще и *золотомъ* што оплечье будетъ, убий».

Княжеская одежда всего лучше представляется въ рисунокъ, приложенномъ къ Святославу Сборнику, и въ житіи св. Бориса и Глѣба.*

Исчислимъ прежде всего древнія материн: *Наволоки* Норманскаго періода встрѣчаются еще и въ XII вѣкѣ: 1115. Мономахъ, (чтобъ разсѣять толпу при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба) повелѣ метати *наволоки*, *фофуды* и орничѣ.

Фофуды (оттуда *фуфайка*) теплая одежда. *Орничѣ* — опушки, отъ греческаго слова *орна*, *limbus*.

1146. Присла Юрій (Долгорукій) дары многи Святославу (Ольговичу) *наволокою* и скорою, и женѣ его, и дружину его одари по велику.

1164. Греческій царь прислалъ къ Ростиславу дары многи, *оксамиты* и *наволоки*, и вся узорочья разноличная.

Въ Словѣ о богачѣ: Ты облачишися въ *наволоцѣ* и кунахъ, а убогій руба (оттуда рубаха, рублище), не имѣеть на тѣлеси.

Тъ богатъ въ *баирѣ* и *наволоцѣ* хожаше. Готовятъ же ему (богачу) и одръ *перикъ наволочитыхъ*.

Наволоки встрѣчаются и въ древнихъ пѣсняхъ.

Въ Несторовомъ житіи св. Бориса и Глѣба упоминается о *баиряницѣ*—порфирѣ.

1168. Снялъ быхъ вѣнецъ и *баиряницу*, говорить умирающій Ростиславъ.

* См. въ атласѣ.

Аксамитъ—родъ парчи.

1175. Кіянинъ Козма упрекаетъ ключника Анбала: «помнишь ли, жидовине, въ которыхъ *портыхъ* пришелъ бѣшеть. Ты нынѣ въ *оксамитѣ* стоиши, а князь нагъ лежитъ.» Анбаль бросилъ ему коверъ.¹

Въ Словѣ о полку Игоревѣ упоминаются дорогіе *аксамиты*. (Эта ткань употреблялась и для церковныхъ принадлежностей).

Въ древнихъ пѣсняхъ поется объ *аксамитѣ*, о *скарлатѣ-сукнѣ*, о *смуромъ сукнѣ*, о *крашенинѣ*.

Камочка, камочка моя
Мелкотравчатая, узорчатая!
Не давайся развертываться
Ни атласу, ни бархату,
Ни тому что аксамиту на золотѣ.

—
На старомъ шубочка соболя была,
Подъ дорогимъ подѣ зеленомъ подѣ
самтомъ.

—
Голой шапѣ Давыдъ Поповичъ
Приходилъ ко ласкову князю Владимиру,
Принесъ *сукно смурое*,
Да крашенину:

По свидѣтельству Рубруквиса, русскія женщины носили горнастаевыя платья, или дѣлали опушки и накладки изъ горнастаевъ снизу до колѣнъ.

Ярославна причитаеть въ СПИ: полечю зегзицею по Дунаеву, омочю *бебрянъ ружавъ* въ Каялѣ рѣцѣ.

—
Теперь приведемъ названія одеждъ, кои встрѣчаются въ памятникахъ:

Корзно, епанча, верхняя одежда.

1015. Святополкъ нача даяти овѣмъ *корзня*, а другимъ кунами.

1147. Огну и (Игоря Ольговича) *корзномъ* (Володимеръ Мстиславичъ).

Кочь, также верхняя одежда: полукафтанье. * 1240. Михаилъ Черниговскій съема съ себе *кочь* свой и верзе къ нимъ, (Татарамъ) В.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ есть мѣсто: *ортъмами* (?) и *япончицами* (спанчи?) и *кожузи* (тулупы) начаша (Русскіе) мосты мостити по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ (у Половцевъ).

Въ Несторовомъ житіи Θεодосія говорится объ *одеждѣ боярской*: облече въ одежду славну, свѣтлу, якоже е лѣпо бояромъ.

Мятель, (оттуда прозваніе Мятлевыхъ) мантия, mantel.

1152. Снидоша слуги княжи въ *чернихъ мятлихъ*... Видя Ярослава (Галицкаго, Володимеркова сына) сѣдяща на отни мѣстѣ, въ *черни мятли* и въ *клобуцѣ*.

Касательно одежды духовенства, въ правилѣ м. Іоанна говорится о *ризахъ* различныхъ и *шелковыхъ*.

Шапочка архіеп. Никиты опушена горностаемъ.**

Въ отвѣтахъ Нифонта встрѣчаются слѣдующія выраженія объ одеждѣ:

Студенія ради іереемъ можно облачиться въ *порты* исподни, — отъ *кожъ* животныхъ, ихъ же ѣдятъ, и не сѣдныхъ, — нѣтуть бѣды ходити, хотя въ *медвѣжинѣ*.

Въ житіи Θεодосіевомъ упоминается *одежда* чистая, свѣтлая, худая, заплатаная; *свита* власяная, вотолина, (изъ грубой ряднины), козлиная.

Тамъ же: *Копытцы* плетуше (вѣроятно что нибудь въ родѣ стелекъ, подкладокъ подъ подошвы), и *клобуки*.

* Исландское kot (t=д), restorale, thorax. въ нѣм. kotze, кафтанъ, бурка (не отсюда ли коцевейка?).
** См. въ атласѣ.

Сорочица, сорочка, рубашка.

Подъ 1097 г. о Васильковой сорочкѣ: вѣша попадѣи опрати.

(*Праги*, стирать, мыть, отсюда прачка).

1216. Князь Юрьи прибѣже въ Володимеръ о полуднѣ, на четвертомъ кови, а трехъ удушилъ, въ первой *сорочицѣ*, *подкладъ* и тѣй вывергль (по Тр. списку).

Въ древнихъ пѣсняхъ упоминается объ рубашечкахъ, чулочкахъ, сапожкахъ, лапоткахъ, чеботахъ, платьицахъ, пуговкахъ, петелькахъ, поясахъ, — шапки, шляпы, копаки земли греческой, подсумка, войлоки, сукно единцовое, особое *платье скомо-рошеское*.

О Б У В Ъ.

Сапоги, лапти, черевья, чеботы

1095. Обувшеса.

1216. Новгородцы, сѣдше съ конь, и *порты*... *сапогъ*, сметавше, боси, поскочиша.

СД. Луче бо ми видѣти нога своя въ *лычницы*, (лапти изъ лыкъ), нежели въ *червленѣ сапогъ* въ боярствѣ дворѣ.

Несторъ пишетъ въ житіи Исаакія: Егда же приспѣша зима, стояша *въ прабошняхъ*, *въ черевьяхъ* протоптанныхъ, яко примерзныцета позѣ его къ камени въ церкви.

1229. Сиде умирающимъ (Уграмъ) инѣи же выступахуть изъ *подошвъ* аки изъ *черви*.

Рукавицы перстатыя, перчатки, упоминаются въ Смоленскомъ договорѣ 1228 г.

Постель упоминается въ поученіи Мономаховомъ, въ лѣтописи подъ 1189 годомъ.

Въ Словѣ о богатомъ: Богатъ красенъ несмысленъ, той яко *поволоचितое зилове* соломы наткано.

Тамъ же упоминаются *перини*, *одръ слошовъ*.

1168. И бѣ видѣти слезы его (умирающаго В. К. Ростислава Мстиславича) лежачи на *скрамяю* его (подушка), яко жемчужья зерна.

Подушка упомин. въ житіи Святоши.

Даніилъ Заточеникъ жалуется: егда ляжеша на мягкихъ постеляхъ подь собольими *одьялы*, а мене помани, господине, подь единымъ *платномъ* лежаще зимою умирающе.

Паполома упоминается въ Словѣ о полку Игоревѣ, покрывало.

Ковры въ лѣтописяхъ подь 1097, 1175 г.

Полясъ усянъ у Кирилла Туровскаго.

Поволочкикъ, скатерти, убрूसя, упоминаются въ грамотѣ Ростиславовой 1150 г.

Понява, понявица, въ Сузд. лѣтописи подь 1207 г. Женщина взя тѣло Василька, (убитаго Татарами), и *понявицею* обить, рекше саваномъ.

Вотъ какъ описывается богатый нарядъ юноши, который собрался странствовать:

У батюшки, у матушки, жилъ молодець,
Одинакій сынъ во друкушкѣ (въ нѣгѣ)
Блѣ сладко, и носилъ *красно*, работалъ
легко.

Захотѣлося дородню добру молодцу
Сходить на чужую дальнюю сторонушку,
Людей посмотрѣть и себя показать.
Срывается во путь во дороженьку;
Шубоньку сшилъ онъ собѣ *куньюю*,
По подолу *острочилъ* чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и околъ вѣрота
Строчилъ шубоньку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубонькѣ онъ сдѣлалъ выше
головы:

Спереду-то не видать лица румянаго,
И сзади не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ *собо-*
линую,

Дорогихъ-то соболей заморскіихъ;
Кушачекъ онъ опоясалъ семишелковый,

Перчаточки на рукахъ съ чистымъ
серебромъ;
Сапожки-то на ноженькахъ сафьянныя:

Къ свѣдѣніямъ о древней одеждѣ можно присоединить и слѣдующія мѣста изъ пѣсень:

Добрыня Никитичъ сажался подь окошечко
косящетою,

Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое..

Какъ изъ далеча далеча чиста поля,

Отъ матушки отъ Сорочи отъ рѣки,

Идетъ съ поля толпа-сто молодець:

Кони подь нима одношерстные,

Узды на нихъ одномѣдныя,

Кафтанчики на молодцахъ *скурлатъ-сукна*,

Источенкамы (?) подпоясанныя,

Сапожки на ножкахъ *велекъ-сафьянъ*,

Носы по носъ шиломъ, *паты* востры,

Око носовъ-носовъ лицо покати,

Подь пята-пята воробышко летить,

Воробышко летить, перепуркиваетъ.

Калѣка переходя по приказанію Ильи Муромца

...Скидывалъ *подсумки* рытаго бархата,
И скидывалъ онъ *зуню* сорочинскую,
И разувалъ онъ *лапотки* шелковые,
И втыкнулъ онъ *клюшку* волжанку (изъ
дерева иволги)

Во матушку сыру землю, —

И уходила та *клюшка* до *коковочки*;
(загнутый верхній конецъ).

И скидывалъ онъ *шляпу греческую*,

И одѣвалъ онъ *платье* богатырское,

Сажался на добра коня...

Строчечка одна строчена чистымъ
серебромъ,

Другая строчена краснымъ золотомъ;

Въ *пугови* воплетано по доброму по
молодцу

Въ *петелки* воплетано по красной по
дѣвущкѣ:

Какъ застегнутся, такъ обоймутся,

А растегнутся, и поцѣлуются.

Молода Настасья Микулична
Скорешенько бѣжала на широкій дворъ
Въ одной тонкой *рубашечкѣ* безъ пояса,
Въ однихъ тонкихъ *чулочикахъ* безъ
чеботовъ.

А у матушки нижняя одежда дорогой камки,
Верхняя одежда золотой парчи,
На головушкѣ шляпа изъ крупнаго
жемчуга,

Спереди положенъ камень самоцвѣтный,
Лапотки на ножкахъ плетеные,
Плетеные изъ шелковъ да шамаханскихъ,
А въ носики вставлено по славному по
каменю по яхонту.

Къ украшенію одежды принадлежали золотыя и серебряныя вещи:

1147. Бюче же Михаила, (во время Киевскаго мятежа), отторгоша *хрестъ* на немъ, и съ *цепми*, а въ немъ гривна золота.

1213. Убиша Михаила Скулу, (въ Галичѣ), главу его сусѣкоша, трои *цепи* сняше золоты.

Не кладоху на свои жены *златыхъ обручей*, (древніе бояре), но хожаше жены ихъ въ *серебрѣ*, говоритъ Новгородскій лѣтописатель во введеніи къ лѣтописи (ок. 1200 г.).

Серп. 1150. Жители Мнчска емлюче серебро изъ ушью, сливаюче серебро, даяхуть Володимеру, (Галицкому, — какъ контрибуцію).

Богатство состояло въ золотѣ, серебрѣ, мѣди, желѣзѣ, мѣхахъ, портахъ, паволокахъ.

1065. Дверъ князь (Изяслава Святославича) разграбиша: безчисленное множество золота и сребра, кунами и скорою.

1075. Святославъ Ярославичъ показывалъ пѣмекимъ посламъ «богатство свое... безчисленное множество золота и сребра и паволокъ».

1147. Идоста на Игореве селце, идѣже бѣше устроилъ дворъ добръ; бѣ же ту готовизни много въ бретьяницахъ и въ погребехъ вина и медове, и что тяжкого товара всякого, до желѣза, и до мѣди, не тягли бяхуть отъ множества всего вывозити.

1175. Повдоша на сѣни (убійцы Андреєвы), и выимаша золото и камень дорогое и жемчюгъ и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣнія.

Движимое имущество называлось вообще товаромъ 1141, 1152.

Бѣше дворъ князь въѣ города... и ту бѣ *товаръ* въ немъ много.

Вотъ описаніе жизни богатаго: Тѣ богатыи на земли живяши, и въ *багрѣ* (въ *паволоцѣ*) хожаше, кони его тучни бѣша, *иноходи* златомъ и тварьми украшени, *сѣдла* его позлащена, раби его предтекуще мнози, въ брачинѣ и въ *гривнахъ златыхъ*, а друзіи позади въ *обручицѣ*, и въ *монистехъ*, и отинудъ рещи въ велицѣ славѣ излазя (далѣе слѣдуетъ описаніе его обѣда, см. выше). Готовяще ему и одръ слоновъ съ прѣтыканами понявами, свильнами, мякками (настѣланъ перинѣ паволочитыхъ). Возлежашу же ему и немогущю уснути, друзіи нозѣ ему глядятъ, ини по лядвіямъ тѣшатъ его (ини по плечема чишуть, ини бають ему, и коцюпять), ини гудуть ему.

Повозы (экипажи).

Самое обыкновенное слово: *кола*, колеса.

1146. На *колицѣ* и на *саньцѣ*.

1147. Съ *колѣ*.

1164. Многи человекы свимаху съ дровъ (послѣ страшнаго наводненія) и *кола*.

Сами какія-то употреблялись и лѣтомъ, напримѣръ, мая 2 при перенесеніи мощей

св. Бориса и Глѣба, какъ и прежде привезеніи тѣла св. Володимера, іюля 15.

Возила встрѣчаются подъ 1115 годомъ.

Возъ. 1156. Всадивъ я (жену и мать) Володимеръ Мстиславичъ, на возы, везе я.

Повозъ, подвода, 1152, 1209 (Н.).

Телеги упоминаются только въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Ж И Л И Щ А.

Хоромы, храмъ, клѣти, домъ, дворъ, истопка, изба-изба, теремъ, дворъ княжъ, сѣни, — вотъ названія относящіяся къ жилищамъ.

Дворъ княжъ, въ Кіевѣ, (1067, 1096, 1097), въ Переяславлѣ (1098), дворъ Брячиславль, дворъ Коснячковъ (1067), Мстиславль дворъ, Глѣбовъ дворъ (1147).

Дворы огораживались тыномъ (заборомъ). Если кто между дворную тыномъ перегородитъ, то платитъ пени 12 гривепъ, по Русской Правды (57).

Подъ 1147 г. уп. *ворота*, подъ 1175 *двери*. Почаша бити въ двери (убійцы Андрея) и выломаша *двери*. (Также въ Вол. лѣтописи подъ 1204).

1216. *Бяше плетеномъ* оплетено то мѣсто, (подъ Липицами, передъ сраженіемъ, Т.) насовано *коля*.

1151. Верхъ (у божницы) *бяше нарубленъ* деревомъ.

Хоромы упоминаются въ Русской Правдѣ, и въ лѣтописяхъ:

1228. Сгорѣша *хоромы* княжи.

1129. Бысть вода велика, *хоромы* снесе.

Храмина, 1229.

Слнница. *Слнн*. (Антресоли, верхнее жилье).

1067. Изяславу сѣдаци *на слннхъ*, изъ оконца зряцю.

1146. И сѣдшимъ братьѣмъ всей у Всеволода (Ольговича въ Кіевѣ) *на слннхъ*.

1147. Затвори ворота, а Игоря пусти на *слнн*... Людіе вшедше во дворъ, узрѣста Игоря на *слннхъ*, и разбиша *слнн* о немъ, и сомчавше его съ *слней* убиша.

1150. Вячеславъ сѣдаци *на слннници*, и мнози начаша молвити кн. Изяславу: ими н.

1150. Подсѣчемъ подъ нимъ *слнн*.

1152. Петръ пріѣха на княжъ дворъ, и ту сндоша противу ему съ *слней*... слугы... взиде на *слнн*, и видѣ Ярослава сѣдаци на отни мѣстѣ.

1175. И бѣжаше съ *слннй*, шедше въ медушу, и пиша вино... поидоша на *слнн*.

Андрей избитый иде *подъ слнн*. Убійцы услышали его голось... рече одинъ: стоя видѣхъ князя яко идуща съ *слннй* доловъ... Сѣдаци ему подъ *столпомъ* *всходнымъ* (убійцы нашли и убили его).

Въ пѣсняхъ упоминаются сѣбныя дѣвушки.

1093. Изымавъ слы всажа и въ *истобку*, И. в *ыстбу* Х. в *ызбу* Р. Т. 1102. *Изба*.

1095. Възлѣзше на *истобку*, прокопа и верхъ, и тако Олбегъ Ратиборичъ прима лукъ, и наложивъ стрѣлу, удари Итлара въ сердце.

1097. Идоша въ *истобку*, (Н. Л.) въ *грядницу* (И.), въ *комору* (Р. Т.).

Клѣти упоминаются въ Русской Правдѣ: Аже убіють кого у клѣти (36), аже кто крадетъ клѣтъ (37), и въ лѣтописи: 1143. Розноси (бурею), хоромы и товаръ и *клѣти*, и жито изъ *гумень*.

Клѣтью назывался вѣроятно прежде амбаръ, магазинъ, кладовая, и также холдная горница.

Горенка 1152. Несоша и (Володимерка Галицкаго, внезапно пораженнаго ударомъ), въ *горенку*, и вложиша и въ *укропъ*.

Ложница, спальня (1175).

Одрины 1200. Н. Новгородцы засташа (Лотыголу) въ *одринахъ*.

Поиребъ. 1067. Пойдемъ, высадимъ дружинну свою изъ *поиреба*, говорятъ возмущившіеся Кіевляне. Приде половина отъ *поиреба*,... отворивше *поиребъ*.

Порубъ. 1067. Людіе высъкоша Всеслава изъ *поруба*. 1146. Повелъ надъ нимъ *порубъ* розимати, и тако выйша изъ *поруба* (князя Игоря Ольговича).

Медуша. 1175. *Бретьяница*, (1146). См. выше.

1230. Паде *переводъ* съ *кровлею* трехъ *комаръ*, въ Переяславль Русскомъ.

Снемше *доску* съ печи, 1197, слуги Давида Игоревича, ослѣпивши Василька.

Уже доски безъ кнеса (безъ князя) въ моемъ теремѣ златоверхіемъ—въ пѣсняхъ.

Изъ домашней утвари упоминаются въ лѣтописяхъ только:

Столецъ, стулъ, въ родѣ табуретки, судя по древнимъ рисункамъ, *ларецъ*, *носилицы* (1175).

Выберемъ изъ разныхъ былинь и пѣсень мѣста о жилищахъ и утвари, приводя ихъ въ нѣкоторый порядокъ.

Добрыня Никитичъ, посланный княземъ Володимеркомъ освидѣтельствовать Дюково богатство.

...Доѣзжаетъ Индѣи богатыя,
До того Волынъ-города до Галича,
До того до Дюкова поселънца.

Увидѣлъ кругомъ двора *булатній тынь*,
Наведено мѣдью яровицкою,

Столбики были точеные,
А *маковки* были золоченыя,
Двери-то были рѣшатчатая,
Подворотеньки были серебряныя.
И поѣхалъ Добрыня на широкій дворъ:
По этому широкому двору
Разостланы сукна одинцовыя.
Соходилъ Добрыня со добра коня,
Зашелъ во *грѣдню* во *столовую*:
Всѣ *окошечки* скутаны,
Вкладены въ стѣны камни драгоценныя.

На томъ дворѣ на Чуриловомъ,
Стояло теремовъ де до семидесяти,
Во которыхъ теремахъ Чурила самъ живетъ,
Трои сѣни у Чурила де касерчатая,
Трои сѣни у Чурила де рѣшетчатая
Трои сѣни у Чурила де стекольчатая.

Построены терема высокіе,
Просѣчены окошка косявчатая,
И поставлены колоды бѣлодубовыя,
Наличники положены серебряныя.

Во сѣни ведеть (Пленчище Сорожаннѣ)
во рѣшатчатая,
Во другія ведеть частоберчатая,
Во третья ведеть во стекольчатая,
И въ теремы ведеть златоверхіе.
И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце,—и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори,—и въ теремѣ зори:
Все въ терему по небесному.

Хорошо теремы изукрашены:
Полъ-середа изъ одного серебра,
Печки-то были все муравленныя,
Потики-то были все серебряныя,
Потолокъ у Чурила изъ черныхъ сѣболей,
На стѣны сукна навиваны,
На сукна стекла навиваны.
Все въ терему по небесному:
Вся небесная луна понаведена была,
Инь всякія утѣхи несказанныя.

У васъ все не по нашему:
Я подѣхалъ ко подѣваду княжемецкому,
Ко тому столбу точеному, къ кольцу
луженному;
У насъ столбикъ точеные, верхи и кольца
золоченые.

У васъ все не по нашему:
Дорожки не разчищены,
Желтымъ пескомъ не засыпаны,
Ковры да сукна не подосланы;
У насъ дорожки-ты разчищены,
Желтымъ пескомъ призасыпаны,
И сукна-ты подосланы, сукна одинцовыи,
А по крыльцамъ и по ступенькамъ ковры
все шелковыи,
Тѣхъ шелковъ шемаханскіихъ,
А по обѣ стороны разсажены—сады
виноградные.

У васъ все не по нашему
И мы пришли на княжей дворъ,
У васъ ворота-ты сосновыя,
А на дворѣ хотъ медвѣдь ногу мома;
У насъ ворота кости слоновыя,
А въ воротахъ столбы-ты золоченыи,
Дворы-ты у насъ убраны,
Ковры и сукна-ты подосланы,
Ковры-ты шелковыи,
Сукна одинцовыи.
Конюхи и дворники по двору гуляютъ,
Въ бабки и шашки играютъ.

У васъ все да не по нашему:
Мы шли въ палаты бѣлокаменны,
У васъ ступени изъ чернаго камня,
А порученки у васъ точеныя;
А у насъ ступеньки кости слоновыя,
И подосланы ковры-ты шелковыи,
Порученки точеныя, и вовсе золоченыя.

И пришли-то мы во гриднѣ во столовыя:
У васъ мосты (полы?) сосновыи,
Стѣны и потолки у васъ не росписаны,
Столы у васъ дубовыи,
Скатерти забраныя;
У насъ во гриднѣхъ во столовыихъ
Мосты-ты все кленовыи,
Стѣны—потолки всѣ росписаны,

У васъ все не по нашему:
У васъ печки-то кирпичныя,
А помальца-то сосновыя,

(Печки биты и глиняны,
А подкии кирпичныя,
А помелечко мочальное
Въ лаханъ обмакиваютъ).

У насъ печки-ты изразцовыя, карнизы
золоченыя,

Подкии мѣдныя.

У насъ помальца-ты мочать въ меды
стоялыя,

У васъ все не по нашему:
Какъ идетъ-то Владимиръ князь ко церкви-
то соборныя,
По дорожкѣ у васъ сукна-ты не сланыя,
А у князя сапожки на ножкахъ сафьянныя;
А у насъ-то матушка моя поѣдетъ во
церковь-то соборную,

Впереди идутъ лопатники,
Во слѣдъ идутъ метельщики,
Още идутъ постельщики:
Лопатники дорожку разгребаютъ,
А метельщики песочкомъ посыпаютъ,
А по ступенькамъ стелютъ ковры-ты
шелковыи,

Тѣхъ шелковъ шемаханскіихъ.

И тутъ няньки напередъ идутъ,
А служанки подъ руки ведутъ....

В О В Н Н О Е Д Ъ Л О .

Все войско называлось *воями*. Это было самое обыкновенное, общее, древнее имя, например:

1093. Святополкъ поча собрати *воль*, хотя на (Половцевъ). И рѣша ему мужи смыслени: не кушайся противу имъ, яко мало имаши *вои*. Онъ же рече: имѣю отрокъ своихъ 800. (Однако рѣшился просить помощи у Володимери). Володимеръ же собра *вои* свои.

1096. Олегъ... (въ Смоленскѣ) поимъ *вои*... бысть же вѣсть Изяславу... посла по *воль* Суздали и Ростову, и по Бѣлозерци, и собра *вои* многы... надѣяся на множество *вои*.

Изъ этихъ мѣстъ мы видимъ, что *вои* — было собирательное имя, подъ которымъ разумѣлись собственно *вои*, низшее военное сословіе, и дружина, то-есть бояре и отроки.

Кромѣ общаго значенія, *вои* имѣли частное, означая низшее военное сословіе, въ противоположность дружинѣ, напримеръ:

1136. Ярополкъ (В. К. Кіевскій) съ *дружиною* своей и братьею, ни *вой* своихъ сождавше, ни нарядившеса гораздо...

Чаще назывались *вои* по имени обитаемыхъ ими городовъ, Кіане, Владимирцы, Суздаляцы, Звънигородцы и проч.

Случалось — иногда *воями* назывались даже одни бояре, одни отроки, напримеръ въ мѣстѣ приведенномъ выше о 1093 г.

Иногда все войско называлось также дружиною, (хотя дружина имѣла определенное частное значеніе, что показано выше), напримеръ:

1066. Святославъ собравъ дружины нѣколико, изыдѣ. Узрѣша Половцы идущъ *полкъ*, приетройшася противу.

1096. (Изяславъ Володимеровичъ, ожидая нападенія Олега Святославича, послалъ за *воями* въ Суздаль, Ростовъ и Бѣлоозеро, а послѣ, по его смерти, о братѣ его Мстиславѣ сказано): къ Мстиславу собрашася *дружина*... Новгородци, и Ростовци, и Бѣлозерци.

Мстиславъ исполнивъ *дружину*...

Наконецъ войско называлось *полкомъ*, ратью.

1096. Олегъ поиде къ нимъ *полкомъ*.

Брани велицѣ бывши и мноземъ падающимъ отъ обою *полку*.

1150. Изяславъ възѣха на дворъ на Ярославль своимъ *полкомъ*.

1195. Побѣди Межька Романа, и избиша въ *полку* его Руси много.

О значеніи рати. См. ниже.

Воями начальствовали *воевода*.

Воевода, въ этомъ періодѣ, — имя нарицательное, общее, какъ нынѣ предводитель, вождь, военачальникъ: воевода — всякой, кто ведетъ вой.

1067. Начаша людіе (въ Кіевѣ, на вѣчѣ во время мятежа противъ Изяслава Ярославича) говорити на *воеводу* на Коснячка.

1172. Коснятинъ же... баше *воевода* съ Галичаны (присланный въ помощь къ Мстиславу Изяславичу).

1172. СЛ. Борису Жидиславичу *воеводу* въ то время (въ походѣ противъ Болгаръ) нарядъ весь держащю...

1173. Андрей посла сына Мстислава со всею дружиною, и со всеми полкы... и Бориса Жидиславичу *воеводу* же своего... къ великому Новугороду.

1174. СЛ. Князь Андрей посла сына... и со всею дружиною, и съ *воеводою* Борисомъ Жидиславичемъ... къ Вышегороду.

1187. Преставися Галичскій князь Ярославъ... самъ не ходяшетъ съ полкы своими, но посылашетъ я съ *воеводами*.

1228. СЛ. В. К. Гюрги посла на Мордву Василька Константиновича и своего мужа Еремѣя Глѣбовича *воеводствомъ* съ полкомъ.

1231. *Воеводство* держащю тысяща Киевская Іоанну Славновичу...

1237. В. Убиша (Татары) у Всеволода (Юрьева сына, подъ Москвою) *воеводу* его Еремѣя... Поидоша къ Москвѣ и взяша... и *воеводу* убиша Филиппа Наньку.

Воеводство преимущественно принадлежало тысяцкимъ.

Война называлась *ратью*.

1064. Всеславъ *рать почалъ*, т. е. началъ войну.

1093. Поидита противу поганымъ, либо съ миромъ, либо *ратью*, т. е. войною.

Володимеръ хотяше мира, Святополкъ... *рати*, т. е. войны.

1187. Бѣ князь крѣпокъ на *рати* (т.-е. на войнѣ) Володимеръ Глѣбовичъ.

Иногда въ словѣ *рать* съ понятіемъ о войнѣ сливается понятіе о войскѣ.

1150. *Рать* идетъ изъ Галича, а другая отъ Чернигова, то ты мнѣ Кіевъ даешъ, говоритъ Вячеславъ племяннику своему Изяславу Мстиславичу.

А иногда *рать* значитъ именно войско:

1162. Начашася просити Чернїи Клобуци у Мстислава напередъ, ать соглядаемъ, княже, велика ли *рать*... устерегоша *рать*, и пригнаша къ Изяславу, и повѣдаше ему *рать* велику.

Непріятель назывался *ратнымъ*.

1093. Предашася *ратнымъ*, т.-е. непріятелямъ.

1096. Наши погнаша въ слѣдъ *ратныхъ*, т.-е. непріятелей.

1183. Перевродися на *ратную* сторону Двѣпра, т.-е. непріятельскую.

1135. *Заратшася* Ольговичи, т. е. сдѣлались непріятелями, начали войну.

1180. Всеволодъ... *заратися* съ Болгары.

Въ слѣдующемъ мѣстѣ *ратные* употреблены въ смыслѣ военныхъ.

1151. *Ратни* наши вси на конихъ, (говорять Черные Клобуки).

Слово *война* употреблялось въ лѣтописяхъ очень рѣдко, чуть ли не одинъ разъ:

1158. Мнози пѣши придоша съ тоѣ *войны*.

Есть два-три мѣста, гдѣ война названа еще *полкомъ*, какъ напримѣръ:

ДМ. Отца налѣзохъ съ *полку*, т.-е. съ войны пришедше.... (Мономахъ, къ Переяславль).

Приготовленія къ войнѣ выражались преимущественно словомъ *доспѣвать* — собираться, приготовляться, спѣшить.

1146. Володимерь нача *доспѣвати*, яко взяти городъ.

Се брате, стрый мой идетъ на мя, *доспѣвай* (сбирайся).

1149. Изяславъ ти уже *доспѣваетъ*, т.-е. собирается.

1152. Отце! приславъ еси ко мнѣ про обиду Галицкого князя, а язъ ти здѣ *доспѣваю*, а ты *доспѣвай* же, (т.-е. собирайся, приготовляйся), говоритъ король Венгерскій шуряну своему, В. К. Изяславу Мстиславичу.

1195. Съдѣлъ есмь *доспѣвъ*, жда отъ тебе вѣсти, говоритъ Рюрикъ Ростиславичъ В. К. Всеволоду, т.-е. приготовившись.

Иносказательное употребительное выраженіе о началѣ военныхъ дѣйствій княземъ было: *всплѣ на коня*, напримѣръ:

1149. Изяславъ.... поча ся слати въ Угры.... и въ Ляхы.... и къ Чехомъ.... а бяша *всплѣ на коня сами*... пойти къ Киеву.

1194. *Не всплѣ на конь* — нынѣ же абы не стряпа *всплѣ на конь*, зоветъ В. К. Рюрикъ Ростиславичъ Суздальскаго В. К. Всеволода Юрьевича.

Вооруженіе вирожденіи удѣльнаго періода оставалось тоже, какое мы видѣли въ Норманскомъ: мечъ, копье, лукъ со стрѣлами, сабля, сулица, рогатина, ножъ, топоръ, оскѣпъ, броня, щитъ, шлемъ.

Оружіе—общее слово.

1071. Янъ поиде самъ безъ *оружья*... повелѣ (отрокамъ) взяти *оружье*.

1195. Пристрои отроки въ *оружьи*, т.-е. вооружилъ.

Мечъ. 1149. Андрей вынзе *мечъ* свой.

1151. Единъ... вынза *мечъ* свой, и нача сѣчи по шелому (Изяслава Мстиславича).

Копье. 1078. Изяславу, стоящу въ цѣшцихъ, прѣхавъ единъ, ударн *и копьемъ* за плече.

1151. Андрей Дюргевичъ взяма *копье*, и бѣха напередъ сѣхаса переже всѣхъ, и наломн *копье* свое.

Лукъ со стрѣлами. 1095. Ратнборичъ приима *лукъ* свой, и наложивъ *стрѣлу*, ударн.

Идутъ... трн богатыря могучнхъ,
И несутъ тугн лукъ разрывчатый,
Подносятъ къ Добрынюшку Микитинцу:
Молодой Добрынюшка Микитинець
Принимаетъ этотъ лукъ одной рукой,
Одной рукой, ручкой правою;
Сталъ Добрынюшка онъ стрѣлочки накла-

дывать,
Сталъ Добрынюшка тетивочки натягивать;
Сталъ тугн лукъ разрывчатый покраки-

вать,
Шелковыя тетивочки полопывать.
Онъ порозорвалъ этотъ лукъ и весь
повыломалъ.

Потомъ онъ шелъ въ полаты бѣлокаменны,
Надѣвалъ онъ платя дорожныя,
Кладывалъ тѣ *луки* во *налучники*,
Калены стрѣлы во *колчана*,
Вязалъ онъ крѣпки палицы на бедро свое.

Сабля. 1086. *Саблю* съ коня (Нерадецъ) прободе...Ярополкъ выторгну изъ себе *саблю*.

1162. Воиборъ Негечевичъ сѣче по главѣ (Изяслава Давыдовича) *саблюю*.

1175. Сѣкоша и (Андрея) мечи и *саблями*, и копійныя язвы даша ему.

Сулица. 1231. ВИ. *Сулицы* его кровавъ суши и оскепищу (древку?), изсѣчену (у Василька Романовича).

Рогатина. 1149. Единъ отъ Нѣмчичъ хотѣ просунути *рогатину* (Андрея Боголюбскаго).

Ножь. 1097. Торчинъ, держа *ножь*, хотя ударити (Василька).

Вверже въ ны *ножь*, говорятъ Мономахъ объ ослѣпителѣ Василька, т. -е. подаль поводъ къ междоусобию.

1237. Козляне *ножи* рѣзались съ ними (съ Татарами).

Топоръ, топорецъ. 1071. Яневи идущо съ топорцемъ (на волхвовъ)... единъ грѣшися Яня *топоромъ*, Янъ же оборота *топоръ* удари и *тыльемъ*, (обухомъ).

1216. Бѣ у него (Мстислава Мстиславича) *топоръ* съ *наворозою* на руцѣ, (въ сраженіи подъ Липицами).

Кій. 1216. Т. Они (изъ Суздальцевъ, подъ Липицами), вергше *кій*, а дни *топоръ*.

Оскльнъ, проскльнъ. 1071. Янъ повелѣ бити я (волхвовъ) и потергати браты его. Симаже тепенома и брадѣ его поторгонъ *проскльномъ*.

1123. Пободоста (Ярослава Ярополчича) *оскепомъ* (Ляхи подъ Владимиромъ).

Палица. Подъ г. 1114 г. упоминается *палица* при описаніи первобытныхъ временъ. Прежде *палицами* и каменіемъ бьхуся.

Брони. 1111. Оболочишася въ *бронь*.

1143. Налѣзоша *бронь* у болотѣ, (за-несенныя бурей).

1158. Изволочивше въ *бронь* подъ портѣ (надѣвши брони подъ платье—Полочане).

Шлемъ. 1151. *Шлемъ* спаде съ него (съ Андрея Боголюбскаго).

На шлемѣ бывали изображенія, напримѣръ у В. К. Изяслава Мстиславича:

1151. Бѣ же на шеломѣ написанъ святыи мученикъ Пантелеймонъ златъ, удари и мечемъ, и тако вшибеся шеломъ до лба.

Щитъ. 1151. *Щитъ* на немъ оторгоша (объ Андреѣ Боголюбскомъ).

Слѣдовательно щитъ привязывался или прикрѣплялся какъ-нибудь къ доспѣхамъ.

(Не называлася ли *прильбицею* передняя часть шлема надъ лбомъ, какъ бы козырекъ).

1169. Володиславъ замысли стягъ взяти Михалковъ, (съ котораго сорвана была челка), и наткнути на нь *прильбицу*.

Оружіе вообще, кажется, не носилося при себѣ, а употреблялось только въ нужныхъ случаяхъ, напримѣръ:

1071. Бояринъ Янъ поиде самъ *безъ оружья*, и рѣша ему отроки его: не ходи *безъ оружья*, осоромятъ тя; онъ же повелѣ *взяти оружья* отрокамъ.

Оружіе хранилось у Князя.

1067. Дай, княже, *оружье* и кони, и еще бьемся съ ними, (говорятъ Кіяне В. К. Изяславу, желая итти на Половцевъ).

Оружіе возилось за воями на возахъ.

ДМ. Оружье *услами* бяхомъ *напередъ*.

На ночь войны отлагали оружіе, по крайней мѣрѣ иногда:

1207. СЛ. Выходяще ночью (осажденные Проняне) крадяху воду. То слышавъ князь Всеволодъ повелѣ *стреци въ оружья* день и ночь около града.

Если эта мѣра была необыкновенная, то значитъ, обыкновенно, ночью, не соблюдалось всѣхъ мѣръ осторожности.

Осадныя орудія: *таракъ*, *порокы*, *праца*.

1231. ВИ. Лють бо бѣ бой у Чернигова, оже и *таракъ* нань поставиша, меташа бы *каменемъ* полтора перестрѣла, а камень якоже можаху 4 мужа сильнѣи подыяти.

1233. ВИ. Угры воротишася къ Галичю, (отъ Перемиля), и *порокы* пометаша.

1237. ВИ. Испедше изъ града (Козляне), и сѣкоша *праца* ихъ (Татарскія).

Камни вообще употреблялись осажденными издавна для обороны, хотя именъ метательныхъ орудій и не встрѣчается въ лѣтописяхъ раньше вышеозначенныхъ.

1219. ВИ. Бѣ градъ (т.-е. укрѣпленіе) сотворенъ на церкви (въ Галичѣ); онѣмъ же стрѣляющимъ, и *каменіе* метущимъ на гражаны.

Говоря объ оружїи, въ заключеніе, приведемъ извѣстіе о *живомъ огнѣ*.

1184. Бяше обрѣлъ (Половецкой князь Кончакъ) мужа таковаго Бесерменина, иже стрѣляше *живымъ огнемъ*. — ... И онаго Бесерменина яша, у него же бяшетъ *живый огонь*, то и того къ Святославу (Всеволодовичу, Великому Князю Кіевскому), приведоша со *устроеньемъ*.

Вои состояли изъ конныхъ и пѣшихъ.

1059. Ярославичи поидоша (противъ Торковъ) на *конихъ* и въ лодіяхъ.

1151. Кіане всими своими силами, и на *коняхъ* и *пѣши*, (противъ Юрья), и тако сташа.

1152. Вышедшимъ *пѣшцемъ* изъ города (изъ Чернигова) стрѣляться.

Пѣшци видивше полкы не смѣша выити изъ города.

Встрѣчается въ лѣтописяхъ имя *сѣдельниковъ*.

1170. Братя вси пожаловаша на Мьстислава, оже утаився ихъ пусти на воропѣ *сѣдельники* своѣ и кощѣѣ, ночь, заложився отай... Все здрави быша, развѣ бо изъ всѣхъ полковъ два убѣена быста: Ксвятинѣ Васильевичъ и *сѣдельникъ* Ярославъ Изяславича.

1172. Глѣбъ пусти Половцѣ въ вѣжѣ, и сташа за Васильевомъ у *сѣдельниковъ*, сжидающе дружины своея... Половци совокупившеся съ *сѣдельники* бишася съ ними.

Венгерскіе конники названы однажды *фаревниками*. 1229. Оставившю ему (королю Угорскому) люди за собою оружіи многи и *фаревники* (конь—фарь 1150).

Кони, или, покрайней мѣрѣ, запасъ коней содержался у князя:

1067. Кіане, желая ийти на Половецѣв, говорятъ В. К. Изяславу: дай, княже, оружіе и *кони*.

1185. Бяхуть бо у нихъ *кони* тучни вельми (у воевъ Игоря Святославича Сѣверскаго).

Кони милостныя (?). 1175. Выимаша... до всего любимаго имѣнія, и вскладше на *милостныхъ конь*, послаша до свѣта прочь (заговорщики; по убїеніи В. К. Андрея).

Кони сумныя. 1208. ВИ. Изяславъ бися... и отыаша отъ него *коня сумныя*.

Кони поводныя и товарныя.

1152. Бѣ (у) короля 70 и 3 полци проче Изяславлихъ полковъ и проче *поводныхъ коней* и *товарныхъ*.

1185. Посла Игорь къ Лаврови, конюшаго своего, река ему: переѣду на ону сторону Тора (?), съ *конемъ поводнымъ*.

Изъ конской збури упоминаются:

Сьдла. 1216. Аже нынѣшніи полци,
право наверхемъ ихъ *сьдлы*. Т.

1149. Ятъ бо бѣ двѣма копіема подѣ нимѣ
конь, а третьимъ въ передній *лукъ сьдельный*.

Стремень. 1152. Подлѣ твой *стремень*
вѣждю, посылаеть сказать В. К. Изяславу
Мстиславичу. Галицкій Ярославъ.

1240. ВИ. Галичаномъ текущимъ у
стремени его (боярина Доброслава)....

Поводь. 1172. Берендѣевъ япа коня
(Глѣбова, Юрьевича,) за *поводь*.

Подкладъ. 1216. Князь Юрьи... *прибѣже*...
на четвертомъ кони... *подкладъ* и той вы-
вергль.

Приведемъ мѣста изъ глѣсеи о збури:

Выводилъ (Добрыня) добра коня на широ-
кій дворъ,

Сталъ онъ сѣдлатъ добра коня,

Кладалъ онъ *потмички* на потнички,

Войлочки на войлочки,

На верехъ кладалъ ковано сѣдло Чер-
каское,

(Обсажено есть сѣдельшко тое камешкомъ
Дорогимъ камешкомъ самоцвѣтнымъ).

Затягивалъ двѣнадцатю *подпруами* бога-
тырскими,

Натягивалъ тринадцату продольную,

Подпруги тѣ были чистаго сѣребра,

Пряжки-шпильки краснаго золота,

Стремена булата заморскаго,

Шелкъ-то былъ да Шемахатный:

Шелкъ-то не трется да не рвется,

Булатъ не ржавѣеть,

Красно золото не мидиеть (не мѣдится)

Чисто серебро не зелениеть, (не желѣ-
зится).

Срочена была *попона* въ три строчки;

Перва строка была красна золота,

Другая строка чиста сѣребра,

Третья *мльдю-казаркою*,

Которая мѣдъ подороже злата и сѣребра,

Подороже скатнаго жемчуга.

Бывали сраженія и на водѣ.

1150. Начаша *ся бити* по Двѣпру
у *насадъхъ*... исхитрилъ Изяславъ *лоды*
дивно: бѣша бо въ нихъ *чребци* невидимы—
только *весла* видити, а человекъ бѣшетъ не
видити, бѣхуть бо лоды покрыты досками,
и борци стояше горѣ въ броняхъ и стрѣ-
ляюще, а *корьмника* два бѣста, единъ на
носъ, а другій на *кормь*, аможе хотя
хуть, тамо пойдяхуть, не обращающе лодий...
Блѣхуться сѣздычеса въ *насадъхъ* о бродѣ.

1160. *Блѣхуться* съ ними о рѣку Десну
крѣпко, они на конихъ, а ини въ *насадъхъ*
вѣздыче.

1180. Ту... (на устьѣ Цѣвцы) оставиша
всѣ *насады* и *галль* и Бѣлозерскій полгъ.
Прибѣгоша (Болгаре) къ Волгѣ, и воскакаша
во *вчань*, и ту абіе испровергоша учанъ,
и тако потопоша болѣ тысячи ихъ.

Въ Русской Правдѣ упоминаются: лодья
морская, набойная, стругъ, челнъ, ужи—
канаты, гужи.

Въ повѣсти о взятіи Царяграда мачта
называется *шиною*, рея — *райною*.

1159. Упоминаются кубары.

За того ли моря, моря за Турецкаго,
Съ-подѣ того ли то дуба, дуба сыраго,
Изъ подѣ того ли вяза, вяза чернаго,
Изъ подѣ той-то было березы кудреватя,
Изъ подѣ того креста Леванидова,
Изъ за того ли было острова Кодольскаго,
Той-то земли Веденецкія,
Плыло-выплывало три корабля,
Три корабля да три черные.
Всѣмъ корабли изокрашены:
Носъ да корма по звѣриному (по туриному)

была,

А бока-тѣ были по туриному, (по лосиному),
Якори-кодолы все сѣребреные, (булатные),
(У якорей колечики сѣребряные
У колечиковъ кодолы семи шелковъ)

Тонкіе парусы дорогой (крупчатой) камки,
Дорогой камочки кручатая (хручатая),
Еще было на карабляхъ черненыхъ,
Вмѣсто рукъ (руля) было бѣлое повѣ-
шеное,—

По дороге по заюшку (соболу) заморскому,
Вмѣсто личика повѣшено

По дорогой лисицы по заморскія;
Вмѣсто оцей (глазъ) было вращено (вста-
влено)

По дороге по соколу заморскому пролет-
ному; (по заморскому камени по яхонту).

Вмѣсто бровъ было повѣшено

По дороге по соболу заморскому;

Вмѣсто лба было вращено

По дороге камешку самоцвѣтному;

Вмѣсто кудрей было повѣшено

По дороге бобру по заморскому.

Еще было на кораблѣ черненыемъ—

Подѣланы чердачки помуравлены,
Въ чердачкахъ были бесѣдочки сидѣльныя,
Обиты были лисицами-кунницами заморскими
И черными соболями заморскими.*

Въ походѣ вой располагались товарами.

Товары—станѣ. 1097. Ужина ту (Ва-
силько), а *товары* своя постави на Рудицѣ.

Вечеру же бывшу приде въ *товарь* свой.

... Повелѣлъ *товаромъ* поити впереди....

1116. Мономахъ нача ставити исьбу
у *товара* своего.

1150. Глѣбъ стояше выше Пересопницы
товары (станомъ).

Вячеславъ, Изяславъ, стага *товары*
передъ Золотыми вороты.

Слово *станы* употреблялось сначала рѣдко:

1180. Всеволодъ посла въ *станы* его,
и много взяша.

1195. Вн. Возвратишася (Угры) во
колымагы свои, рекше во *станы*.

* См. изображеніе корабля, морскаго судна, въ
атласѣ.

Товарище—мѣсто товаровъ, стана.

1159. (Изяславъ Давыдовичъ) всѣдше
на конь, гна до товарищъ ихъ, и видѣ
товарища горяща и ворота ся опять.

1066. 1152. *Шатерь*.

1149. Поставиша ему *шатерь* особно,
и ту повелѣ Изяславъ (В. К.) Ростиславу
(Юрьевичу).... ити въ *шатерь*.

1216. Видоста въ *шатерь* съ братьею
(Ярославъ Всеволодовичъ).

За войскомъ слѣдовалъ обозъ—*возы*.

1146. Изяславъ Давыдовичъ, выпросяся
у братьевъ, пошелъ на Святослава Ольго-
вича на коняхъ *безъ возъ*.

1150. Володимеръ стояше у Бельза, и
ту услышавъ, оже король уже вшедъ въ
гору, и ту поверга *возы* свои, а самъ гна
съ дружиною своею Перемышлю.

1170. Ярослава Всеволодовича оставиша
(князья, побѣхавшіе, за Половцами) у *возъ*.

1176. (Всеволодъ) пусти *возы* на ту сто-
рону рѣкы, идѣже Глѣбъ (Рязанскій) стояше.

Повозы—подводы. 1151. *Повозы* да ему
(Святославъ Ольговичъ—Юрю).

О коняхъ *поводныхъ* и товарныхъ, см.
выше, с. 534.

Предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій вою-
ющіе посылали *сторожей*.

1096. Олегъ... помышляше Новгородъ
перейти, и посла брата... въ *сторожь*.

—Мстиславъ же сдумавъ съ Новогородци,
и послаша Добрыню Рагуиловича предъ
собою въ *сторожь*. Ярославъ стояше на
Медвѣдицѣ въ *сторожицѣ*, и побѣже...
и повѣда... яко *сторожь* изымани. Мсти-
славъ... не постави *сторожевъ*....

1150. Пустиста *сторожи* передь собою (Володимеръ Галицкій и Андрей Юрьевичъ).

1152. И ту узрѣшася *сторожеве* обои Вячславли, Изяславѣ и Гюргеви.

1216. Т. Изьмаша *сторожевъ* Ярославлыхъ 30 и 3, а 73 ихъ убиша, а нѣи убѣжаша въ Тверь.

Языки. 1152. Яша Половци *языкъ*, и приведоша къ Гюргеви.

1173. Стрѣте Половцѣ, вже ту ловяшеть *языка*, изьима ѣ.

1185. Сторожеви приѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ (кн. Игорь Сѣверскій) *языка* ловить.

Зажитники. Собрание припасовъ для продовольствія поручалось *зажитникамъ*.

1146. Ту прибѣгоша *зажитници*, (къ Изяславу Давыдовичу), яша бо у нихъ Берендичѣ 3 мужѣ.

1152. Володимеръ (Галицкій) изьоима *зажитники* королевѣ.

1159. Яли бяху въ *зажиты* Козьму Сновидича съ отрокомъ.

1216. Бѣдаху (вои Мстиславовы) въ *зажиты* не боящеся.

Внезапное нападеніе, врасплохъ, называлось *изьономъ*, *изьъдомъ*.

ДМ. *Изълахомъ* городъ (Минскъ).

1125. СЛ. Наворониша.... (Половцы) *изьономъ* къ Барочю и ко Броню княжю.

1128. Всеволодъ я стрья своего Ярослава, *изълахъ* и.

1150. Изяславъ.... поѣха отъ Луческа Пересопници, и ту *изъла* Глѣба.

1195. Ольговичи поѣхавши къ Смоленску *изъвъдомъ*.

Воропъ—приступъ. Пустить на воропъ—значило устремиться на опустошеніе, разореніе.

1093. Половцы пустиша на *воропъ* между Кіевымъ и Вышегородомъ.

1128. В. К. Мстиславъ велѣлъ посланнымъ своимъ въ одинъ день пустити всѣмъ на *воропъ*—въ Полоцкомъ княжествѣ.

1172. Иде (Мстиславъ Изяславичъ) Вышегороду, и пустиша на *воропъ* (приступъ), и бишася крѣпко изъ града.

1184. Рюрикъ (Ростивл.) и Святославъ (Всевол.) отрядиста Володимера Глѣбовича. Врядиша въ *наворопъ*... *наворопници*, перешедше Хороль и проч.

1190. Половци.... хотѣша пустити на *воропъ* по землѣ, и яша *языкъ* въ *воропильцѣ*.

Полки. Въ правильномъ сраженіи вои были раздѣлены на полки, или отряды, такъ что полкъ, означая иногда, какъ мы видѣли, все войско, имѣлъ и частное значеніе, то-есть: означалъ извѣстную часть войска, отдѣленіе, *полкъ*, въ собственномъ, въ родѣ вынѣшняго, смыслѣ.

1151. Изяславъ вѣха въ свой *полкъ*, и посла по *всімъ* своимъ *полкомъ*, река: зрите же на мой *полкъ*, а како вы поидеть мой *полкъ*, такожде и вы поидите—и тако полци поидоша къ собѣ (т.-е. другъ на друга).... Яко же и еще *полкомъ* идущимъ къ собѣ.

1152. Бѣже у короля *полковъ* 70 и 3, проче Изяславлыхъ *полковъ*, и проче поводныхъ коней и товарныхъ.

1169. Галицкихъ *полковъ* пять да (Мстиславу Изяславу) Ярославъ.

1174. Бяхуть бо ратнии на *полкы* стояще, (подъ Вышегородомъ).

1185. И ти изрядиша *полковъ* шесть: Игоревъ *полкъ* (Сѣверскаго) середъ, а по праву брата его Всеволожь, а по лѣву Святославль сыновця его... а третій *полкъ* на переди же, стрѣльци же бѣхуть отъ всѣхъ князій выведены.

Мѣсто о числѣ стяговъ Ярослава и Юрья Всеволодовыхъ въ сраженіи подъ Липицами, можетъ также служить подтвержденіемъ раздѣленія воевъ на полки.*

При раздѣленіи воевъ на полки, передъ сраженіемъ, можетъ быть происходило и распредѣленіе между ими дружины, т.-е. бояръ и отроковъ, которые находились кажется во всякомъ полку.

1151. Изяславъ повелѣ изрядити *дружину изъ полковъ*, а полковъ не рушати.

Не значить ли это, что Изяславъ вызвалъ бояръ и отроковъ изъ полковъ, приказавъ, чтобъ полки, оставались въ своемъ опредѣленномъ на тотъ разъ видѣ, хотя и безъ бояръ и отроковъ. Слово рушати показывается здѣсь, кажется что полки были непостоянные, а подвижные, т.-е. назначались, устраивались, передъ самымъ сраженіемъ. Исполниться — приготовиться ко сраженію, стать во фронтъ.

1124. Всеволодь ста *исполнився*.

1146. Утрѣи же день *исполнишася* (Давидовичи) и поидоша къ вратамъ Курьскимъ, во Новѣгородъ Сѣверскомъ.

Еще принадлежатъ сюда выраженія: *рядить, пристроиваться*.

1160. Володимеръ ста *изрядивъ* полки.

1136. И ту *пристроившася*, (Всеволодь Ольговичь), дождала ихъ (В. К. Ярополка).

Въ Новѣгородѣ велося очень долго выраженіе: *крутиться* на войну, (1137).

* См. ниже, с. 538.

Вои имѣли *стяги*—знамена.

1093. Нашимъ ставшимъ межи валома поставиша *стяги* свои... и Половцы... поставиша *стяги* свои.

1096. И вдасть Мстиславъ *стягъ* Володимеръ Половчину, и вдавъ ему нѣшцы, и напя *стягъ* Володимеръ, и узрѣ Олегъ *стягъ* Володимеръ, и ужасъ нападе на нь. И видѣ Олегъ, яко поиде *стягъ* Володимеръ, нача заходити въ тыль его... побѣже.

1146. Гдѣ узримъ *стягъ твой*, (говорять Кіице Изяславу Мстиславичу), ту и мы съ тобою готови есмъ.

1149. *Стягъ* его (Андрея Боголюбскаго) видяхуть не *възволоченъ*: не величаву бо ему суццо на ратный чинъ.

1153. Изяславъ постави *стяги* Галичскія, и поидоша Галичапе подъ своя *стяги*.

1172. Стрѣльци сняшася обои, и бысть съча зла, и потяша *стяговника* нашего, и *челку стяговую* сторгоша съ стяга.

Володиславъ же замысли взяти *стягъ* Михалковъ, и натъче (надкиву, натисну), на нь *прилбичю*.

Изъ этихъ мѣстъ мы видимъ, что у всякаго князя былъ свой *стягъ*, свое знамя, 1096, 1136, 1146, и проч.

(Эти знамена служили, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вмѣсто западныхъ *гербовъ*).

Знаменосецъ назывался *стяговникомъ*, 1169.

Стягъ для сраженія былъ устанавливаемъ, т.-е. утверждаемъ, кажется, въ землю, 1093, 1097, 1107, 1153, 1105, 1216.

Стягъ поднимался, *възвѣщивался*, и распускался въ началѣ сраженія, см. выше подъ г. 1149 и 1176, что служило знакомъ какой-то торжественности.

Замѣтимъ выраженіе: *напять*, (напаяить), 1096.

Челка—хвостъ волосяной, который навѣшивался на стягахъ.

При полкахъ были *трубы* и *бубны*.

1151. Въ Дюрги (у Юрья) *съ бубны* въ полку и *съ трубы вострубиша*... Также и у Изяслава, и у Ростислава, почаша *бити съ бубны и съ трубы трубити*, полци же начаша доспѣвати.

1216. Т. *Вострубиша* въ Константиновыхъ полкахъ. Бяше бо у князя Юрья стяговъ 13, а *трубъ и бубновъ* 60; молвахуть бо и про Ярослава стяговъ у него 17, а *трубъ и бубновъ* 40.

Въ правильномъ сраженіи вой раздѣлялись на крылья.

1095. Мстиславъ вдавъ (Половчину) Куную пѣшці и постави и на правомъ *крыль*.*

Большой полкъ, столько славный въ средней Исторіи, примѣчается уже и теперь.

1172. Глѣбъ... хотѣ на нѣ самъ ити, и Берендѣевъ яша коня за поводъ, рекуще: княже, не ѣздъ, тобѣ льно ѣздити въ *великѣ полку*,... а нынѣ пошли брата.

1183. Володимерь Глѣбовичъ посла ко Игореву, прося у него ѣздити на *передѣ* полкомъ своимъ: Князи бо Русціи далѣ бяхуть на *передѣ* ѣздити въ Русской земли. Игорь же не да ему того; Володимерь же разгнѣвався и возвратися.

Были заступы, какъ бы ешелоны, ширинги, ряды.

1096. Угри исполчишася на *заступы*. Алтунопа пригна къ *заступу*.

Непосредственное, ближайшее приготовленіе къ сраженію выражалось преимущественно словомъ: *пристроиваться*.

1067. Узрѣша Половци идущѣ полкъ *пристроиша* противу, сташа полки (въ творит. падежѣ), т.-е. стали во фронтъ, выстроились.

Сраженіе называлось очень часто *полкомъ*. ДМ. Дивно ли, оже мужъ умерлъ въ *полку* ти, (нишетъ Мономахъ о сынѣ Изяславѣ, убитомъ на сраженіи).

1103. Убиша ту въ *полку* князій 20.

1139. Отци наши... братья... сынови на *полку*, они изомани, а друзіи избѣени.

1162. Володаръ не да ему *полку* въ дне, но ночь выступи на нь изъ города... онѣхъ избиша, а другыя руками изоммаша.

Откуда и мѣсто сраженія—полка, называлось *полчищемъ*.

1136. Тысячкый съ бояры ихъ переже гнаша по Половчихъ, избиша ѣ и воротишася опять на *полчище*.

Сраженіе во время самаго дѣйствія называлось *боемъ*, *сѣчею*, *бранью*, 1078, 1093, 1097, 1099, 1137, 1153, 1172. Сѣча *зла*, брань *мота*, *крѣпка*. *Билися крѣпко*, 1069, 1136, 1140, 1146, и проч.

Иногда сопротивные полки стояли долго, одни противъ другихъ, безъ дѣйствій, выжидая благопріятнаго случая для нападенія.

1096. Не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олега, стояста противу себѣ четыре дня.

Ждали подкрѣпленія. Присоединеніе подкрѣпленія выражалось особенно глаголомъ *притянути*.

1150. Вячеславъ полкъ къ нему *не притягъ*.

1160. Бяше бо Володимерь въ тѣ день *притягъ* съ полкомъ своимъ.

* См выше, с. 537, о полкахъ подъ 1183 г.

1177. Давыдъ же (Ростиславичъ) *не притягль.*

Утягнуть—успѣть.

1132. Кіянъ тогда много побяша Лятва, *не стягли* бо бяху съ княземъ, но послѣди идяху по немъ особъ.

1136. *Не утягшимъ* перевезтися (Кіянамъ).

Иногда уклонялись отъ сраженія, ставя преграды, строя временныя укрѣпленія или *тверди*, уничтожая средства сообщенія.

1152. Володимерко выступиися назадъ, *за твердь* ста.

1216. ЛТ. Ярославли мужи *учиниша твердь*, а пути отъ Новагорода *засъкоша*, и реку Тверцу.

—Надѣяше бо ся на *твердь*, бяше бо *плетнемъ* оплетено то мѣсто, и насовано *колья*.

1161. Загорожено бяше *столпиемъ* отъ горы оли и до Днѣпра, въ Кіевѣ.

Обыкновенный глаголь для выраженія преградъ по пути: *заложиться*.

1180. Давыдъ же *заложися* ночью, и бѣжа Смоленську.

Дѣлали разныя движенія.

1149. Гюрги, *оборотя* полки своя... поидоша въ товары своя... —Друзіи рекоша: бѣжать ти уже. Изяславу же то любо бысть. И поиде по нихъ.—...*Возвортишася* опять, и поидоша полки своими противу имъ.

1150. Угада Изяславъ... поити черезъ ночь къ Мичьску, и нача велѣти всимъ воємъ своимъ *оми* великыи *класти*, и тако, накладше, огни, а сами поидоша черезъ ночь къ Мичьску.

Призывъ къ сраженію встрѣчается еще иногда древній:

Потянемъ, 1067, 1221.

Стремительное начало сраженія, или вообще дѣйствія, выражалось глаголомъ: *поткнуть*—ударить, напасть, двинуться.

1149. Невѣдущимъ мысли брата своего Андрея, яко хочеть *ткнуть* на пѣщѣ.

1151. Изяславъ... положи совѣтъ одною всимъ *поткнуть* на нь, и *поткоша* на нь вси, и тако вбодоша ѣ въ Лыбедь.

А употреблялось и *ударить*:

1067. *Удариша* въ коней.

1096. Володимеръ хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаше, но *удариша* въ конѣ къ сопротивнымъ.

Ввертльсья.

1183. Узрѣша помочныя полкы... абіе поскочиша, Русь же *ввертльсья* въ нь, и нача ѣ съчи.

Обыкновенное начало сраженія выражалось глаголомъ: *сступиться*.

1097. *Сступишася* полци. *Сшибошася*.

1111. Бывшу *соступу*.

1136. 1146. Бывшио *сступленію* обѣма полкома.

1111. *Сразившемася* челома, полкома.

Но всего чаще, безъ особенныхъ случаевъ и обстоятельствъ, сраженія были начинаемы *стрѣльцами*.

1097. *Стрѣляющимъ* межю собою, идяху стрѣлы акы дождь.

1146. Идоша *стрѣлци* изъ товаръ къ граду, и ту бишася много. Съѣхашася... пустиша *стрѣль* свои ко граду.

Стрѣльцы часто перестрѣливались черезъ рѣки, напримѣръ черезъ Ушу, 1150.

Черезъ Лыбедь 1151.

1180. Дѣвъ недѣли бяхуса обои обѣ рѣку ту (Влену).

1185. *Перестрѣль*—пространство пролетаемое стрѣлою.

Впродолженіи сраженія противники старались больше всего зайти другъ другу въ *тылъ*, въ *бокъ*.

1096. *Заведъ* Кунуй пѣщъ.

1096. Видъ Олегъ, яко поиде стягъ Володимеръ нача заходити въ *тылъ* его, и побоявся побѣже.

1231. Давилу *завъзавишу въ тылъ* имъ, в бодуцимъ ъ.

Обращалось также особенное вниманіе на то, чтобъ пресѣчь дорогу, предупредить, что выражалось глаголами: *завъзавать*, *завъзавать*.

1144. *Заступиша* (Берладника) отъ града (Галича), т.-е. отрѣзали дорогу.

1047. Нача (Изяславъ Мстиславичъ) думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ, съ дружиною и съ Черными Клобуки, куда бы имъ (Половцамъ) пойти *перекы* къ нимъ къ Сулѣ, идѣ же стоять. То рекше поидоша имъ *перекы*, не *переступиоша* ихъ до Всеволожа.

1185. Гада Игорьъ (Сѣверскій) съ дружиною, куда бы *перепъхати* полки Святославль... хотѣ ѣхати полемъ перекъ, возлѣ Сулу.

Бывали предложенія сражаться въ открытомъ полѣ.

1180. Святославъ Всеволодовичъ говоритъ Всеволоду Юрьевичу: но же еси умыслилъ на мя зло... да не далече ти мене искати, отступи далѣ отъ рѣчки тоѣ, дай ми путь, ать ближе къ тобѣ переѣду, ать насъ розсудитъ Богъ; мѣ ли путь не даси, а язъ тобѣ дамъ, ты переѣди на сю сторону, а здѣ насъ Богъ розсудитъ.

1211. Т. Посласта князя (Мстиславъ Новгородскій и прочіе) къ князю Юрю...

мира просяще; или не даси мира, да отступите далѣ на ровню мѣсто, а мы на ваши стороны поидемъ; или мы отступимъ на Липици, а вы на наши станы.

Побѣда выражалась глаголами: *побѣдить* 1071, *одольтъ*, 1066, 1167, 1137.

Прочія выраженія, сюда относящіяся:

1093. Налегше на Святополка, *взломша* полкъ его.

1136. Полки *взмятены*.

1150. Весь полкъ Изяславль *изцѣль*.

Необходимость уступить выражалась словомъ: *нестерпѣть*.

1093. Не *терпяче* ратныхъ противленія.

1147. Глѣбъ не *терпя* противу стати поскочи.

Не *стерпя* быти (въ Городцѣ), бѣжа къ Чернигову (Юрій Володимировичъ).

Бѣгство выражалось глаголомъ *поскочить*—бѣжать.

1048. Глѣбъ... не *терпя* противу стати *поскочи*.

1149. Бысть леть въ Переяславчехъ... и *поскочиша*.

—Побѣже *перескокъ* отъ Гюргя изъ полка.

Поскокъ значилъ и просто движеніе впередъ.

1051. Подъ Ростиславомъ на первомъ *поскокъ* летѣ, (упалъ), подъ нимъ конь.

Преслѣдованіе выражалось слѣдующими оборотами:

1093. Наши *погнаша* вслѣдъ ратныхъ.

1096. Мстиславъ не бѣ ту, по *завналъ* бѣ съ передними въ слѣдъ полка Олега.

1231. Данилови *гонящу* по Половцѣхъ.

1175. *Заюмры*.

Замѣтимъ ещё употребительный глаголѣ:
бодоти—колоть.

1123. *Пободоста* и оскепомъ.

1146. *Вбодоша* ѣ во врата острожная.

1173. Мстиславъ въѣха въ ворота, и *пободъ* мужей нѣсколько, возвратися опять къ своимъ.

Отступленіе выражалось такъ:

1964. Ростиславъ *отступи* кромѣ изъ града (т. е. оставилъ, вышелъ изъ Тмутароканя).

Половци начаша *отыматися* прочь.

По окончаніи брани вои разсылались на *покормъ*.

(Вспомнимъ Болеслава, короля Польскаго: 1018. Рече... разведе дружину мою по городомъ на *покормъ*, и бысть тако).

1096. Мстиславъ распусти дружину *по селомъ*.

1150. Изяславъ послалъ быше Угры на *покормъ* Устилугъ.

Оборонительныя мѣры. Запирались въ городъ, съ *засадю* (гарнизонъ).

1066. Мвняне *затворишася* въ градъ.

1078. Черниговци *затворишася* въ градъ.

1159. Вошла баше *засада* Ярославля въ городъ (Ушицу) и начашася бити крѣпко *засадници* изъ города.

1093. Половци... *оступиша* Торційскій градъ.—Половцемъ *осядъщемъ* Торцьскій.

Воемъ *облежацимъ* градъ.

1097. Святополкъ *оступи* (Дорогобужъ).

Оступиша Святошу въ градъ (Луцкъ).

Осажденные дѣлали вылазки.

1144. Выѣздяче изъ города (Галича) *бьяхуся* крѣпко, мнози падаху отъ обоихъ.

1146. По зорямъ *бишася* до поздноѣ вечернѣ (подъ Звънигородомъ).

Города брались съ приступа.

1097. Взята (Ростиславичи) городъ (Всеволожь) *копьемъ*.

Или — осажденные принуждаемы были сдаться голодомъ.

1093. Изнемогати начаша людье въ (Торческомъ) водною *жажею* и *голодомъ*.

1275. Володимерцы, не терпяше *града*, рѣша Михалку: мирися, либо промышлай собѣ.

Жители взятаго приступомъ города брались въ плѣнъ—*на щитъ*.

1066. (Ярославичи) взяша Мвнескъ, и съкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша *на щитъ*.

1050. Дайте ми серебро.... пагы ли я възму вы *на щитъ*, говоритъ Володимерко Галицкій Мичанамъ.

1159. Изяславъ Давыдовичъ взя городъ княгининъ *на щитъ* Святославлеѣ.

1177. (Глѣбъ Рязанскій) села пожже боярскій, и жены и дѣти и товаръ да поганымъ *на щитъ*.

1185. Взяхъ *на щитъ* городъ Глѣбовъ у Переяславля... (расскаывается въ плѣну Игорьъ Сѣверскій): тогда бо не мало зла подъяша безвини хрестьяни отлучаеми отецъ отъ роженій своихъ.... все смятено пленомъ и пр.

Плѣнные назывались колодниками.

1111. *Колодниковъ* много изымаша руками (у Половцевъ).

1192. Бяхуть бо у нихъ *колодници* отъ Черныхъ Клобуковъ.

1193. *Колодникъ* много изымаша.

Ополоншася.

Ц Е Р К О В Ъ,

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ.

Христианская вѣра, отъ кончины Ярослава, распространялась далѣе и далѣе по обширнымъ областямъ его державы. Послѣ сосѣднихъ съ Кіевомъ странъ, обитаемыхъ племенами Славянскими, она проникала на дальній сѣверъ и востокъ, гдѣ Русскіе были окружены племенами Финскими. Успѣхи ея на этомъ пути могли быть, разумѣется, только постепенными; не говоря о другихъ естественныхъ препятствіяхъ, самое приготовленіе способныхъ священно-служителей, устройство церквей и снабженіе ихъ всѣми принадлежностями, сопряжено было съ великими затрудненіями, и требовало много времени.

Изъ Ростова первый епископъ *Теодоръ*, присланный еще св. Володимеромъ, вмѣстѣ съ сыномъ его Борисомъ, и построившій въ 992 году, церковь дубовую, дивную и великую, (которая сгорѣла въ 1160 году), принужденъ былъ бѣжать. Онъ водворился въ Суздаль, гдѣ видно дѣло обращенія было усильнѣе.

Преемникъ его *Иларіонъ* не былъ счастливей его въ Ростовѣ.

Св. *Леонтій*, ученикъ св. Антонія Печерскаго, нашелъ также сильное сопротивленіе въ здѣшнихъ язычникахъ: онъ былъ выгнанъ изъ города, и поселился за городомъ близъ ручья Брутовицы. Сюда сталъ онъ призывать дѣтей, кормилъ и ласкалъ ихъ, училъ началамъ св. вѣры и крестилъ. Крестились вмѣстѣ съ дѣтьми и взрослые. Прошло нѣсколько времени. « Укрѣпясь

силою крестною, постомъ и бдѣніемъ, онъ возвратился въ соборный свой храмъ. Здѣсь продолжалъ онъ святое дѣло—учить дѣтей и проповѣдывать о пустотѣ и нечестіи идолослуженія. Язычники рѣшились убить его, и толпою собрались къ собору. Святитель въ полномъ облаченіи, сопровождаемый духовенствомъ, явился предъ ними съ крестомъ въ рукахъ, и укротилъ ихъ ярость. Многіе приняли тогда христианство. Новржда въ большинствѣ не прекращалась. Св. Леонтій былъ убитъ среди новаго возмущенія, вѣроятно около 1074 года. Первый Ростовскій священномученикъ, по выраженію св. Симона, жизнеописателя Печерскаго, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, ... и се третій гражданинъ небесный бысть Русскаго міра съ онѣма Варягома, (Теодоромъ и Иоанномъ, убитыми при Володимерѣ), вѣпчався отъ Христа. »

Преемнику Леонтія *Исайя*, также Печерскому подвижнику, оставалось еще много трудовъ. Въ церковной службѣ ему поется: «Разжигаемый любовію Божіею, болѣе чѣмъ огнемъ, ты, отче, обходилъ города и села въ Ростовской и Суздальской области, разорялъ идольскія капища, созидалъ церкви и научилъ народы пѣть: слава силъ твоей, Господи!» (пѣс. 4). «Благодатію Св. Духа ты до конца истребилъ оставшееся въ Русской (Ростовской) землѣ идольское нечестіе, и явился крѣпкимъ поборникомъ православія» (пѣс. 3).

Онъ скончался около 1090 года.

Извѣстенъ еще Ростовскій проповѣдникъ *Авраамій*, жившій во время Мономаха, который сокрушилъ тростію каменный идолъ Велеса. Житіе его говоритъ, что онъ въ юности, ревнуя о жизни духовной, оставилъ домъ, родителей, принявъ инокство, и поселился у озера Неро, въ хижинѣ имъ поставленной. Здѣсь скорбѣвшій объ идолослуженіи, которое продолжалось въ Чудскомъ концѣ Ростова, имѣлъ онъ видѣніе, ободрившее его совершить свой подвигъ. На мѣстѣ сокрушеннаго идола онъ основалъ монастырь Богоявленскій, до нынѣ существующій.*

Есть извѣстіе, что вѣсколько жителей Ростовскихъ, не хотѣвшихъ принять христіанство, выселились куда-то на берегъ Волги.

Обращеніе *Вятичей*, сосѣднихъ съ Курской областію, въ нынѣшней Орловской губерніи должно относить къ первой трети XII столѣтія. Несторъ, описавъ языческія обыкновения древнихъ Славянъ Русскихъ, прибавляетъ: се же творять Вятичи нынѣ, т.-е. въ началѣ XI и началѣ XII столѣтія. У Вятичей проповѣдывалъ св. *Кукша*. Св. Симонъ въ посланіи къ Поликарпу говоритъ, что онъ свелъ дождь, изсушилъ озеро и сотворилъ много чудесъ. Онъ былъ усѣченъ язычниками, и во многихъ мукахъ скончался съ ученикомъ своимъ Никономъ, что въ Кіевскихъ пещерахъ прозрѣлъ св. Пименъ постникъ, которой, ставъ среди церкви, возгласилъ, по Печерскому сказанію братъ нашъ Кукша предается смерти, — и съ этими словами самъ скончался.

Муромъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ преимущественно ревности перваго послѣ Глѣба своего князя Константина, который, идучи

* Изображеніе креста Аврааміева см. въ атласѣ.

сюда на княженіе, присылалъ сперва сына Михаила — онъ былъ убитъ. Константинъ взялъ городъ и поставилъ церковь св. Благовѣщенія. Тамъ похоронилъ онъ убитаго своего сына Михаила съ христіанскими обрядами. «Невѣрніи же люди, «сказано въ житіи, весьма подпопленномъ,» видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву въ зинкъ на востокъ лицомъ, *могилы верхъ холмомъ не сыпаху*, но равно съ землею, *ни тризница*, ни дани (по др. сп. дымы), *ни битвы*, *ни кожскроенія*, *ни лицедранія*, ни плача безмѣрнаго, не творяху. И о томъ безуміи ругающеса и смѣющеса вопрошаху христіаны: что не по ихъ обычаю погребеніе?»

По описаніи дѣйствій князя на пользу христіанства, житіе сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о современныхъ языческихъ суевѣріяхъ въ Муромѣ: «Гдѣ *рѣкамъ* и *озерамъ* требы кладущіи? Гдѣ дуплинамъ древянымъ вѣтви убрисцами *обвѣшающіи* и симъ поклоняющіися? Гдѣ кладеземъ и поникамъ поклоняющіися, очныя ради немощи умывающесе, и сребреницы въ ня поверзающен? Гдѣ *кони закалающен* по мертвыхъ, и *ременная плетенія* древолозная съ ними въ землю поконовающен, и битвы и *кроенія* и лицъ *настреканія* и *дранія* творящен? Гдѣ *свѣрлія* и горкая согрѣшенія восклицаящен?.. Идѣже бо въ Муромстѣи странѣ пройдеши, нигдѣ не услышиши проклятыхъ многобожныхъ именъ, ни *Перуна*, ни *Ждабога*, ни *Мокоса*, имъ же поганіи требы творяху».*

* Въ Муромскихъ курганахъ IX и X в., разрытыхъ въ недавнее время найдены остатки коней, изображенія змѣй, сожженные кости звѣрей и птицъ, идоловъ изъ глины.

Жители упорствовали и умышляли противъ своего князя. Однажды толпы собрались съ дубинами передъ его жилищемъ. Князь съ семьею своею, — говоритъ житіе, — съ духовными и нѣсколькими изъ добрыхъ слугъ сталъ на молитву. За тѣмъ одинъ явился, съ иконою Богоматери на рукахъ, къ волновавшейся толпѣ. Бунтовщики поражены были ужасомъ, и вмѣсто угрозъ выражали мольбу просвѣтитъ ихъ св. крещеніемъ. Обрадованный князь воздалъ благодареніе Господу и Пречистой Матери, назначилъ день, когда всѣ непросвѣщенные должны явиться на рѣку Оку. «Священники мазаху ихъ хризмою чело, очи, уста, ноздри, уши. И надѣша на нихъ вѣнцы червленые на главы ихъ обязаша; на нихъ же крестъ и бѣлы ризы и ногавицы и сапоги, и даша всѣмъ свѣщи горящи въ руцѣ, и повелѣша ити въ церковь».

Къ 1147 году принадлежитъ обращеніе *Володы* св. Герасимомъ, пришельцемъ изъ Кіева. Онъ основалъ обитель у ручья Кайсарова, приобрѣвши землю отъ одного купца, котораго родъ, (*Патышевыхъ*), пресѣкъ только въ наше время.

На берега *Сѣверной Двины* принесли святое ученіе Новгородцы, и имѣли уже свои монастыри въ XII столѣтіи.

Въ 1174 году нѣкоторые изъ нихъ поселились на *Вяткѣ*, и принесли туда христіанство.

Къ *Кареламъ* (въ южной Финляндіи) Ярославъ Всеволодовичъ отправилъ въ 1227 году священниковъ.

Прибалтійская Чудь просвѣщаема была христіанствомъ изъ Новгорода и Пскова, о чемъ есть слѣды и въ лѣтописяхъ Ливонскихъ.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСТВА.

Такъ распространялась христіанская вѣра, но языческія вѣрованія долго еще по мѣстамъ были живы. Первая наша лѣтопись, подъ г. 1067, свидѣтельствуетъ о томъ, вставляя слѣдующія слова въ заимствованное изъ древняго Златоструя осужденіе своего времени: «Се бо не поганьски ли живемъ... аще бо кто усрящеть черноризца, то возвращается, — ли единиць, ли свинью... се бо по дьяволу наученю кобъ сію держать, друзіи же и закиханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ».

Древній, неизвѣстный проповѣдникъ говорить въ одномъ своемъ словѣ, что ревнитель христіанской вѣры не можетъ терпѣть христіанъ двувѣрныхъ; они христіане, но вѣрують въ *Перуна, Хорса, Мокошь, Сима, Рекла, Вилы*, которыхъ числомъ несчастные невѣжды полагають тридцать. Все это считаютъ они богами и богинями, и кладуть имъ жертвы, ломають корован, рѣжутъ куръ; они молятся огню и зовуть его *Сворожницею*; и чеснокъ считаютъ за бога, и когда у кого бываетъ пиръ, кладуть его въ ведра, въ чаши, и такъ пьютъ. Не одни *невьжи*, но и *вьжи* это дѣлають, попы и книжники; если и не творять того книжники и вѣжи, то пьютъ и ѣдятъ сіе моленное брашно; если же не пьютъ и не ѣдятъ, то видять дѣянія ихъ злыя, если же не видять, то слышать и не хотять поучать».

И вонѣ, говоритъ другой древній ревнитель, по украинамъ молятся ему проклятому богу Перуну и Хорсу и Мокоши и Вилу, и то творять отай, сего немогутъ ся лишити проклятаго ставленья, и вторыя трапезы нареченныя роду (?) и рожаницамъ (дѣвамъ жизни и судьбы, паргамъ)?

Давидъ Заточеникъ въ своемъ словѣ говорить: дѣти бѣгаютъ рода, а господь пьянаго человѣка.

Сказанія о волхвахъ, разсѣянные въ лѣтописи, до позднѣйшаго времени, представляютъ также слѣды древняго язычества. Сообщимъ ихъ сполна:

1071. Волхвъ пришелъ въ Кіевъ и разсказывалъ людямъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, и земли переимѣнятся: Греческая станетъ тамъ, гдѣ есть Русская, а Русская, гдѣ Греческая, — такъ измѣнятся и прочія. Глупые вѣрили, а умные говорили, что бѣсъ имъ играетъ на пагубу ему. Такъ и случилось, замѣчаетъ лѣтописатель: въ одну ночь онъ пропалъ безъ вѣсти.

По поводу этого извѣстія лѣтописатель разсказываетъ слѣдующее: Былъ голодъ въ Ростовской области. Два волхва, идя по Волгѣ, отъ Ярославля, обвиняли женщинъ, что онѣ скрываютъ у себя обилье. ... Жители приводили къ нимъ женъ, матерей, сестеръ. Волхвы прорѣзывали у женщинъ «въ мечтѣ» за плечемъ, и вынимали жито, рыбу, медъ; несчастныя были убиваемы, и ихъ имѣніе доставалось убійцамъ. Такимъ образомъ пришли они на Бѣлоозеро въ сопровожденіи человѣкъ трехъ сотъ. Тамъ собиралъ дань отъ Святослава Янъ, сынъ Вышатины. Бѣлозерцы сообщили ему, что два кудесника избили уже многихъ женщинъ по Волгѣ и Шекснѣ. Янъ спросилъ, чьи они смерды, и узнавъ, что они принадлежатъ къ области его князя, послалъ къ ихъ спутникамъ требовать ихъ выдачи. Тѣ не послушались. Янъ хотѣлъ идти къ нимъ самъ безъ оружья, но отроки его остановили: не ходи безъ оружья — осрамить тебя. Онъ велѣлъ 12 отрокамъ своимъ взять съ собою оружье, и пошелъ вмѣстѣ съ

ними къ лѣсу, держа топорецъ въ рукѣ. Шайка исполнилась. На встрѣчу выступили три человѣка и сказали Яну: что идешь на смерть, неходи! Янъ велѣлъ убить ихъ, и двинулся впередъ къ прочимъ. Тѣ бросились на Яна: одинъ промахнулся топоромъ, Янъ оборотя топоръ ударилъ его тыльемъ, и велѣлъ отрокамъ съечь ихъ. Всѣ разбѣжались. Въ схваткѣ убитъ былъ попинъ Яневъ. Янъ, воротившись въ городъ, сказалъ Бѣлозерцамъ: «поймайте волхвовъ, если не поймаете, то не уйду отъ васъ за лѣто.» Бѣлозерцы поймали и привели волхвовъ къ Яну. Между ними произошло состязаніе. «За что погубили вы столько людей?» — За то, что онѣ держали гобино. «Ложь это, Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, человѣкъ имѣетъ кости и жилы, и нѣтъ въ немъ больше ничего.» Волхвы сказали: мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ. «Какъ? Богъ мыся въ мовницѣ, и вспотѣвъ отерся ветошкой, которую бросилъ съ неба на землю. Сатана заспорилъ съ нимъ, кому сотворить изъ ней человѣка, и сотворилъ человѣка дяволь, а Богъ вложилъ въ него душу: потому и идетъ тѣло человѣка по смерти въ землю, а душа къ Богу. «По истинѣ прельстилъ васъ бѣсъ,» сказалъ Янъ, «какому Богу вы вѣруете?» Антихристу. «Гдѣ онъ?» Сидитъ въ безднѣ. «Какой же это Богъ, если сидитъ въ безднѣ? Это бѣсъ, а Богъ есть на небеси. Бѣсъ сверженъ оттуда за величанье, и сидитъ во безднѣ, ожидая когда придетъ Богъ, и велитъ связать его съ слугами его, и ввергнуть во тьму кромѣшную. Вы же примите муку отъ меня здѣсь, а по смерти тамъ.» Боги повѣдаютъ намъ, что ты не можешь сдѣлать съ нами ничего.» Лгутъ вамъ боги,» сказалъ Янъ. Волхвы сказали: намъ стать передъ Святославомъ, а ты не

можешь сдѣлать съ нами ничего. Янъ велѣлъ бить ихъ, и драть бороду. «Ну что говорятъ вамъ теперь боги,» спросилъ Янъ. Стати передъ Святославомъ. Янъ велѣлъ вложить имъ въ ротъ рубль, и привязавъ къ упругу пустить по рѣкѣ въ ладѣ, а самъ поплылъ за ними въ устье Шексны. Онъ спросилъ ихъ опять: «что говорятъ вамъ боги?» Не быть намъ живыми отъ тебя. «Вотъ это правду говорятъ они вамъ,» подтвердилъ Янъ. Но если тыпустишь насъ, сказали они, то много добра тебѣ будетъ; а если погубишь, то примешь зло и многу печаль. «Если я пушувасъ, то зло будетъ мнѣ отъ Бога,» — и обратясь къ перевозчикамъ спросилъ, не убить ли кто ими изъ родныхъ. Одинъ назвалъ мать, другой сестру, третій рожанье. «Мстите же за своихъ.» Перевозчики убили волхвовъ и повѣсили на дубѣ. Въ ту же ночь медвѣдъ пожралъ ихъ тѣла.

Подъ этимъ же годомъ рассказываетъ лѣтописатель: Пришелъ одинъ Новгородецъ въ Чудь, и попросилъ у кудесника волхванья. Тотъ началъ призывать бѣсовъ въ хранину. Новгородецъ сядѣлъ на порогѣ, кудесникъ же упалъ оцѣпенѣвшій: шибемъ бѣсъ. Вставъ спросилъ кудесникъ Новгородца: «боги несмѣютъ придти—у тебя есть что-то, чего они боятся.» Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ есть крестъ, вышелъ и положилъ его въ сторонѣ. Позваннѣе вновь бѣсы объяснили, за тѣмъ онъ пришелъ. Новгородецъ спросилъ послѣ, почему они боятся креста. «То—есть знаменье небснаго Бога, котораго наши боги боятся». Онъ спросилъ: какіе у васъ боги, и гдѣ они живутъ? «Въ бездвахъ: суть же образомъ черны, крылатыя, съ хвостами, восходятъ и подъ небо слушая ангеловъ. Кто умираетъ изъ нашихъ людей, того ангелы возносятъ на небо,

а кто умираетъ изъ нашихъ, тотъ несется къ нашимъ богамъ въ бездну». Такъ и есть, заключаетъ лѣтописатель, грѣшники въ адъ ждуть муки вѣчныя, а праведники водворяются съ ангелами въ небесномъ жилищѣ.

Несторъ, рассказавъ этотъ случай, заключаетъ свои разсужденія о волхваніи такъ: Паче же женами бѣсовская волхвенья бывають... тако въ си роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовскими кознями.

При Глѣбѣ явился волхвъ въ Новѣгородѣ, и прельстилъ чуть ли не весь городъ, «творяся яко Богъ,» хуля вѣру христіанскую, говоря о себѣ: все знаю, и вызываяся перейти Волховъ передъ всѣмъ народомъ. Сдѣлался мятежъ въ городѣ, хотѣли убить Епископа. Епископъ облекся въ ризы, и, съ крестомъ въ рукѣ, ставъ предъ нимъ сказалъ: кто вѣритъ волхву, иди къ нему; кто вѣруетъ, тотъ иди ко кресту. Князь Глѣбъ съ дружиною стали около епископа, а всѣ люди пошли за волхва. Глѣбъ спрятавъ топоръ подъ *скутомъ*, и подошелъ къ волхву. Знаешь ли, что случится завтра поутру и нынѣ вечеромъ, спросилъ онъ волхва. «Все знаю,» отвѣчалъ тотъ. А что будетъ теперь, продолжалъ спрашивать Глѣбъ. «Чудеса великія сотворю». Глѣбъ вынулъ топоръ и ударилъ его. Волхвъ упалъ мертвый и народъ разошелся.

Въ 1091 г. явился волхвъ въ Ростовѣ, но вскорѣ погибъ.

1227. Новгородцы сожгоша волхвы четыре, творяхуть е потворы дѣюще, а Богъ вѣсть, и сожгоша ихъ на Ярославли дворѣ.

Нынѣ употребительныя слова волшебникъ, волшебство, остались памятникомъ древнихъ волхвовъ.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Митрополиты, епископы, епархіи, настолованіе, рукоположеніе, власть митрополита, соборы, участіе князей и народа въ назначеніяхъ, особенности Новгородскія, примѣчательные епископы, отношенія духовенства къ свѣтской власти, содержаніе духовенства, десятины, пошлыны, благотворительныя учрежденія духовенства.

Церковь Русская управлялась митрополитами, присылаемыми изъ Константинополя. Ярославъ избралъ самъ митрополита — священника Берестовскаго, Иларіона, въ 1051 году, можетъ быть вслѣдствіе недавнихъ распрій съ Греціей, или намѣренія приобрести независимость. Но послѣ опять митрополитами насылались изъ Константинополя Греки, кромѣ избраннаго при В. К. Изяславѣ 1147 г. Русскаго, Клима, Смолятича, что подало поводъ послѣ къ распрѣ князей и епископовъ.*

Митрополиты руководствовались греческою Кормчею, обращаясь въ важныхъ случаяхъ къ патріарху, или къ созванію собора.

Изъ Кіевскихъ митрополитовъ примѣчательнѣйшіе были послѣ Иларіона: *Іоаннъ II*, поставленный около 1080 года. Несторъ прославляетъ его слѣдующими словами: мужъ хитръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же и кротокъ, и молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя, и сякаго не бысть преже въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ.

* См. выше, с. 181, и ниже, въ слѣд. столпцѣ.

Св. Ефремъ, (около 1092—1097), изъ Русскихъ, любимецъ В. К. Изяслава, постриженникъ Феодосіева Печерскаго монастыря, для котораго въ Константинополѣ списалъ уставъ Студійскій. Бывъ епископомъ въ Переяславлѣ, онъ построилъ тамъ многія церкви, «украсивъ всякою красотою,» заложилъ городъ каменный, и строеніе банное, учредилъ больницы и страннопріемницы. Въ Суздаль также остались памятники его благочестивой ревности.*

Никсифоръ, Грекъ, (1104), извѣстенъ своими посланіями къ Володимеру Мономаху, — о постѣ, о вѣрѣ Латинской, — въ коихъ является пастыремъ просвѣщеннымъ, попечительнымъ о спасеніи душъ, готовымъ говорить правду князьямъ, и ревностнымъ къ охраненію православія.

Климентъ, Смолятичъ, избранный по желанію В. К. Изяслава Мстиславича, въ 1147 г., соборомъ русскихъ епископовъ, и посвященный, вмѣсто патріарха, по мысли Черниговскаго епископа Онуфрія, главою Св. Климента, папы Римскаго, хранившеюся въ Софійскомъ соборѣ. Нѣкоторые епископы,

* См. ниже.

напримѣръ Нифонтъ Новгородскій, не признавали сего избранія, равно и князья, напримѣръ Юрій Долгорукій, и онъ принужденъ былъ по обстоятельствамъ оставить кафедру, которой уже и не занималъ болѣе. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что онъ подвизался въ затворѣ, и былъ такой книжникъ и философъ, какого прежде въ Россіи не бывало.

Послѣ Климентова избранія Кіевская церковь опять подчинилась вполнѣ Константинопольскому патріарху, который впрочемъ общался В. К. Ростиславу (1162) не присылать въ Кіевъ митрополита безъ согласія Великаго Князя.

Помощниками митрополита Кіевского были епископы.

Кромѣ древнѣйшихъ епарій: Новгородской, Ростовской, Черниговской, Бѣлгородской, Владимирской на Волини, во 2 половинѣ 11 вѣка сдѣлались извѣстными: Тмутаранская, около 1068, Переяславская и Юрьевская на Роси въ 1072. Въ 12 вѣкѣ: Полоцкая около 1105 г., Туровская въ 1114 г., Смоленская въ 1137 г. Галицкая въ 1157 г., Рязанская около 1207 г., Владимирская на Клязьмѣ въ 1215 г., и Угровская, передъ нашествіемъ Татаръ.

Замѣчательнъ обрядъ *настолюванія* новопоставленныхъ епископовъ и митрополитовъ, совершавшійся тогда у насъ по примѣру церкви Греческой: чрезъ нѣсколько дней послѣ рукоположенія епископа или прибытія митрополита изъ Греціи, новый святитель возводимъ былъ другими святыми, во время литургіи, по прочтеніи Евангелія на столѣ, или кафедре, стоящую среди церкви, и торжественно приѣтствованъ возглашеніемъ его епархіи и

цѣлованіемъ. Такъ митрополитъ Иларіонъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ, по рукоположеніи, былъ *настолюванъ*: о митрополитѣ Никифорѣ замѣчено, что онъ прибылъ на Русь 6 Декабря, а 18 того же мѣсяца *на столѣ посаженъ*; о Черниговскомъ епископѣ Теоکتистѣ сказано, что онъ поставленъ во епископы Января 12, а *посажень на столѣ* 19.

Рукоположеніе, большею частію, совершалось въ Кіевѣ, а послѣ, иногда и въ новой великокняжеской столицѣ — Владимірѣ на Клязьмѣ; и для участія въ рукоположеніи обыкновенно приглашаемы были окрестные іерархи.

Власти митрополита подчинялись епископы. Онъ иногда самъ непосредственно избиралъ епископовъ, иногда только утверждалъ избранныхъ князьями и людьми.

Нѣкоторыя посвященія сопровождалась великою торжественностью, напримѣръ Суздальскаго епископа Кирилла II, при князѣ Володимерѣ (Рюриковичѣ) и сынѣ его Ростиславѣ, воеводство тогда держащу Кіевской тысячи Іоанну Славновичу. Были въ то время въ Кіевѣ и многіе другіе князья на сомнѣ: Михаилъ, князь Черниговскій, и сынъ его Ростиславъ, Мстиславичъ Мстиславъ, Ярославъ, Изяславъ и Ростиславъ Борисовичъ, и многіе другіе. Съ митрополитомъ Кирилломъ священнодѣйствовали: Порфирій Черниговскій, Олекса Полоцкій, епископы Бѣлгородскій и Юрьевскій, архимандритъ Печерскій Аннудинъ, игумены Спасскій, Андреевскій, Фодоровскій, Васильевскій, Воскресевскій, Кирилловскій, изъ Чернигова игумень мученичeskій. По посвященіи былъ великій праздникъ въ монастырѣ: *ѣша и пиша... много множество людей*

призалиха зъло, ихже не бѣ мощи и счести». Дома встрѣченъ онъ былъ торжественно, «и бысть радость велика во градѣ Ростовѣ.»

Митрополитъ пользовался правомъ суда и расправы надъ епископами: такъ, митрополитъ Климентъ Смолятичъ вытребовалъ (1149) въ Кіевѣ, и заключилъ въ Печерскій монастырь, Новгородскаго епископа Нифонта, который не хотѣлъ повиноваться ему, и поминать его въ церковныхъ молитвахъ, а митрополитъ Константинъ (1163) на время лишилъ епископіи Ростовскаго епископа Нестора по доносу на него «отъ своихъ домашнихъ,» но потомъ возвратилъ ему епархію, увидѣвъ его невинность и заключивъ въ темницу самыхъ доносчиковъ.

Послѣ епископовъ, власть митрополита простиралась и на все духовенство: тотъ же митрополитъ Константинъ, какъ только прибылъ въ Кіевъ, лишилъ-было сана всѣхъ, рукоположенныхъ Климентомъ, но вскорѣ разрѣшилъ священнослуженіе пресвитерамъ и діаконамъ, а митрополитъ Константинъ II писалъ посланіе къ игуменамъ и священникамъ епархіи Ростовской, чтобы они не повиновались своему епископу Θεодору, пока онъ не придетъ въ Кіевъ, и не приметъ благословенія у первосвятителя Русской церкви.

Соборы, бывшихъ у насъ, въ настоящій періодъ, по важнѣйшимъ дѣламъ церковнымъ, извѣстно четыре, которые всѣ происходили въ Кіевѣ. Первый созванъ былъ въ 1147 г. Великимъ Княземъ Изяславомъ для избранія и рукоположенія митрополита Климента. Второй собирався около 1160 г. по случаю изгнанія изъ епархіи княземъ Андреемъ Боголюбскимъ Ростов-

скаго епископа Нестора: соборъ разсмотрѣлъ всѣ обвиненія, какія взводилъ князь на этого епископа, и призналъ его совершенно невиннымъ. Третій (1168) имѣлъ цѣлю рѣшить волновавшіе тогда церковныя споры о постѣ въ среду и пятокъ, когда въ эти дни случится великій праздникъ, хотя вслѣдствіе сильнаго разногласія въ мнѣніяхъ между членами не рѣшилъ ничего. На четвертомъ (1169) былъ судимъ и осужденъ на смерть Ростовскій епископъ Θεодоръ, какъ нераскаянный еретикъ и злодѣй.*

Впрочемъ, кромѣ этихъ четырехъ, вѣроятно, были и другіе соборы: по крайней мѣрѣ, въ лѣтописи не разъ упоминаются епископы, собранные въ Кіевѣ.

Участіе князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ постоянно обнаруживалось при избраніи епископовъ. Если въ какой-либо епархіи умиралъ епископъ или оставялъ каеедру, мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ кандидата, отправлялъ его въ Кіевъ къ В. К. Кіевскому и митрополиту, и просилъ о рукоположеніи. Такое избраніе, согласное съ древними обычаями церкви, считалось законнымъ. Если же митрополитъ самъ, безъ сношенія съ мѣстнымъ княземъ, поставялъ куда-либо епископа, то избраніе могло оспариваться. Въ 1183 г., когда скончался Ростовскій епископъ Леонъ, митрополитъ Никифоръ поставилъ въ Ростовъ епископомъ Николая Грека, но Великій Князь Владимірскій и Суздальскій, Всеволодъ Юрьевичъ, не принялъ его, говоря: «не избираша сего людіе земли нашей,» и послалъ въ Кіевъ просить князя Святослава и митрополита, чтобы въ Ростовъ поставленъ былъ

* См. ниже.

епископомъ смиренный игумень Спасскаго монастыря на Берестовъ Лука. Митрополитъ, съ своей стороны, не хотѣлъ уступить; но «неволею великою Всеволода и Святославлею» поставилъ Луку епископомъ въ землю Суздальскую, назначивъ Николаю другую епархію, Полоцкую. Лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ: «вѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мэдѣ, но его же Богъ позоветъ и Св. Богородица, князь восхочетъ и люде», — указывая тѣмъ на общее правило, какого держались тогда искони при избраніи епископовъ.

Вслѣдствіе такого близкаго участія князей въ избраніи епископовъ и говорится въ лѣтописяхъ, что, напримѣръ, Кіевскій князь Рюрикъ «постави епископомъ въ Бѣлгородъ отца своего духовнаго, Выдубицкаго игумена Адріана;» Суздальскій князь Всеволодъ «посла на епископство въ Русскій Переяславль Павла (1198),» и проч.

Въ Новгородѣ, гдѣ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшало народное вѣче, и избраніе епископа совершалось вѣчемъ. Въ 1156 году, когда скончался Новгородскій епископъ Нифонтъ, собрались, говорить мѣстная лѣтопись, жители всего города, и изволили поставить (т. е. избрать) себѣ епископомъ мужа богоизбраннаго Аркадія; они пошли всѣмъ народомъ, взяли его изъ монастыря отъ Св. Богородицы, — князь Мстиславъ Юрьевичъ, весь клиръ св. Софіи, и всѣ городскіе священники, игумены и чернецы, ввели его въ дворъ св. Софіи, и поручили ему епископію. Точно также, по смерти архіепископа Іліи (1186), Новгородцы, сдѣлавъ съ княземъ своимъ Мстиславомъ, и съ игуменами и съ священниками, изволили поставить себѣ епископомъ брата Іліи

Гавріила. Въ 1193 г., по смерти архіепископа Гавріила, Новгородцы вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ, игуменами, Софійскимъ духовенствомъ и всѣми священниками, гадали между собою: одни желали избрать на епископію Митрофана, другіе Мартирія, третьи какого-то Гричина (мірское имя, или передѣланное изъ Григорія), и была между ними распря. Тогда положили на святой трапезѣ (въ Софійскомъ соборѣ) три жребіи, и послали съ вѣча слѣпца, чтобы онъ взялъ жребій того, кого Богъ дастъ, и вынулся Божіею милостію жребій Мартирія. Немедленно послали за нимъ, привели его изъ Русы и посадили во дворъ св. Софіи.

Кромѣ того, въ дѣлѣ избранія епископовъ у Новгородцевъ замѣчаются и другія особенности. Тогда какъ въ прочихъ епархіяхъ во епископы избирались почти исключительно настоятели обителей, Новгородцы часто избирали себѣ владыкъ изъ простыхъ иноковъ, даже изъ бѣлаго духовенства. Такъ Ілья и братъ его Григорій избраны были изъ священниковъ приходскихъ Новгородскихъ церквей, Спиридонъ изъ іеродіаконовъ Юрьевскаго монастыря, а Антоній и Арсеній изъ простыхъ черноризцевъ Хугыня монастыря. Князь Михаилъ, предлагая Новгородцамъ въ 1229 году избрать новаго владыку, соотвѣтственно ихъ обычаю, выразился: «поищите себѣ такого мужа, въ пощѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ чернцѣхъ ли». Тотчасъ по избраніи новаго епископа, Новгородцы вводили его во дворъ св. Софіи, и предоставляли ему управлять епархію, а сами отправляли пословъ къ митрополиту съ просьбою поставить имъ избраннаго владыку. Когда митрополитъ изъявлялъ свое согласіе, и присылалъ за

новозбраннымъ съ великою честию: этотъ послѣдній торжественно ѡхаль въ Кіевѣ со свитою, и принималъ тамъ рукоположеніе. Случалось, что избранный во епископа управлялъ Новгородскою епархіею до своего посвященія довольно долго, дожидаясь, пока «будеть отъ митрополита позваніе:» напримеръ Аркадій управлялъ около двухъ лѣтъ, Ілія и Митрофанъ по стольку же, а Арсеній, возведенный на владычнныя «сѣни» изъ чернецовъ Хутыня монастыря, хотя правилъ епархіею два года, но посвященія вовсе не дождался: потому что, по происшествіи двухъ лѣтъ, былъ изгнанъ Новгородцами въ ту же обитель.

Принимая такое полное участіе въ избраніи для себя архипастырей, князья, а по мѣстамъ и народъ, иногда присвоили себѣ право и удалять ихъ съ кафедры прежде суда надъ ними церковнаго, или даже вовсе безъ этого суда. Въ 1157 г. изгнанъ былъ изъ своей епархіи Ростовскій епископъ Несторъ за то, что не разрѣшалъ поста въ среду и пятокъ для праздниковъ Господскихъ, кромѣ Рождества Христова и Богоявленія, и еще за какія-то другія вины, которыя возводилъ на него князь Андрей Боголюбскій. Кіевскій митрополитъ Феодоръ разсмотрѣлъ дѣло Нестора соборнѣ и совершенно оправдалъ его: но Боголюбскій не хотѣлъ принять избраннаго епископа, и Несторъ долженъ былъ искать себѣ защиты у Царградскаго патріарха. Патріархъ также нашелъ его невиннымъ, и неоднократно просилъ Боголюбскаго о принятіи его: но не видно и послѣ этого, чтобы Несторъ былъ принятъ.

Въ 1159 г. Ростовцы и Суздальцы, съ согласія князя своего, Андрея Боголюбскаго, изгнали отъ себя епископа Леона за то,

что онъ, будучи поставленъ въ Ростовъ незаконно, еще при жизни Нестора, безъ нужды умножалъ число церквей и грабилъ духовныхъ. Черезъ нѣсколько времени Боголюбскій принялъ Леона, но въ 1164 г. изгналъ опять. Вскорѣ возвратилъ его снова, впрочемъ только въ Ростовъ, а не въ Суздаль; но черезъ четыре мѣсяца изгналъ въ третій разъ: потому что Леонъ не соглашался разрѣшать постъ въ среду и пятокъ ни для какихъ господскихъ праздниковъ.

Въ 1168 г. Черниговскій князь Святославъ изгналъ также изъ епархіи епископа своего Антонія, будучи недоволенъ тѣмъ, что Антоній строго возбранялъ ему разрѣшать постъ среды и пятка для праздниковъ господскихъ кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія.

Такимъ образомъ и въ церковныхъ дѣлахъ мы видимъ ту же неопредѣленность, какъ и въ гражданскихъ, — по крайней возможности, обычай, уклоняясь отъ правилъ, соображаютъ съ обстоятельствами и современными требованіями.

Въ дѣлахъ, собственно гражданскихъ, епископы зависѣли отъ князей. Такъ, когда въ 1208 году Великій Князь Всеволодъ Владимірскій, огорченный непокорностію Рязанцевъ, повелѣлъ ихъ городъ сжечь, а самихъ всѣхъ отвезти въ свою столицу, онъ плѣнилъ и епископа ихъ Арсенія, который содержался во Владимірѣ четыре года, пока не былъ отпущенъ со всѣми Рязанцами.

Въ 1229 г. Ростовскій епископъ Кириллъ, вслѣдствіе княжескаго суда, происходившаго на «сонѣ», лишился всего своего богатства.

Но болѣе всѣхъ позволяли себѣ власти по отношенію къ своимъ владыкамъ—Новгородцы. Въ 1212 г. они прогнѣвались за что-то на архіепископа Митрофана, и не давъ ему оправдаться, удалили его въ Торопецъ, а себѣ избрали новаго владыку, Хутынскаго чернеца Антонія. Черезъ шесть лѣтъ Митрофанъ возвратился въ Новгородъ, и Новгородцы проводили его въ Благовѣщенскій монастырь, а въ слѣдующемъ (1219) году, когда Антоній поѣхалъ въ Торжокъ, ввели Митрофана въ дворъ владычній и посадили снова на кафедрѣ, пославъ сказать Антонію: «иди себѣ, куда хочешь.» Антоній однакожь пришелъ въ Новгородъ, и остановился въ Спаскомъ Передичкомъ монастырѣ. Не зная, что дѣлать, Новгородцы отправили обонхъ архіепископовъ на судъ къ митрополиту. Митрополитъ порѣшилъ тѣмъ, что Митрофана возвратилъ въ Новгородъ, а Антонію далъ Перемышльскую епархію. По смерти Митрофана (1223), Новгородцы избрали себѣ владыкою Хутынскаго чернеца Арсенія, но чрезъ два года съ радостію припяли прежняго своего архіепископа Антонія, пришедшаго изъ Перемышля, и Арсеній долженъ былъ оставить свое мѣсто. Когда Антоній, лишившись употребленія языка, добровольно отказался отъ кафедры (1228), и заключился въ Хутынскомъ монастырѣ, Арсенію снова предоставлено было управленіе епархіею. Но вскорѣ, по случаю безпрестанныхъ дождей, опустошавшихъ поля, народъ возсталъ на Арсенія, и составилъ противъ него вѣче, говоря: это за то мы страдаемъ, что онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынь, а самъ несправедливо занялъ владычній престолъ, подкупивъ князя. Съ шумомъ ворвались безразсудные въ архіерейскій домъ, выгнали изъ него Арсенія,

и едва не умертвили, такъ что онъ съ трудомъ спасся въ Софійскомъ соборѣ. На другой день извлекли архіепископа Антонія, больнаго и нѣмаго, изъ Хутыня монастыря и посадили на святительской кафедрѣ, давъ ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ. Уже князь Михайлъ Черниговскій, прибывшій (1229) управлять Новгородцами, убѣждалъ ихъ избрать новаго владыку, вмѣсто больнаго и изнемогшаго старца.

Участіе князей и народа обнаруживалось также въ открытіи новыхъ епархій, напримеръ, Рязанской, Смоленской и иногда въ установленіи праздниковъ, — напримеръ, 18 Іюля, въ память явленія Богоматери Андрею Боголюбскому, и 1 Августа, по случаю побѣды его надъ Болгарами, — въ избраніи игуменовъ, перемѣщеніи ихъ и удаленіи отъ должности.

Изъ епископовъ примѣчательнѣйшіе были въ Новгородѣ: *Лука Жидята*, — первый изъ Русскихъ епископовъ, (1036), — при которомъ строился и освященъ былъ Софійскій соборъ (въ 1051). Будучи оклеветанъ слугою своимъ Дудикомъ, онъ вызванъ былъ на судъ митрополита въ Кіевъ, и содержался тамъ три года. По оправданіи пріѣзжалъ въ другой разъ въ Кіевъ, и на пути скончался (вѣроятно 1058 г., Октября 15). Послѣ него остался поученіе.*

Св. Никита, изъ Печерскихъ затворниковъ,** прославился святостію своей жизни. (1096 — 1107). Новгородская лѣтопись приписываетъ его молитвамъ низведеніе дождя во время засухи, и прекращеніе одного губительнаго пожара.

* См. ниже. ** Тамже.

Св. Нифонтъ, также изъ Печерскихъ затворниковъ (1130), отличался знаніемъ церковныхъ законовъ и строгостію правилъ; не хотѣлъ вѣнчать Новгородскаго князя Святослава Ольговича,* и запретилъ подвѣдомому духовенству; не соглашался на избраніе митрополитомъ Климента мимо воли патріаршей, за что послѣ (1149) посаженъ былъ В. К. Изяславомъ Мстиславичемъ въ Печерскій монастырь, гдѣ и оставался до прибытія Юрѣва, который отпустилъ его въ Новгородъ. Отсюда отправился опъ опять въ Кіевъ для встрѣчи новаго митрополита, заперомъ тамъ, и скончался. Лѣтописецъ Новгородскій прославляетъ его, осуждая хулителей: «который епископъ тако украси святую Софію, притворы исписа, кивоть сотвори, и всю извпу украси, а Плесковъ святаго Спаса церковь созда камяну. другую въ Ладозѣ святаго Климента. Мню бо, яко нехотя, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утѣху гроба его, отведе и Кіеву, и тамо преставися и положиша и въ Печерскимъ монастырѣ у Святѣи Богородицы въ печерѣ.»

Сохранились отвѣты его, по поводу разныхъ церковныхъ недоумѣній, domestiку Кирику.**

Св. Илія (Іоаннъ) родился въ Новгородѣ, гдѣ служилъ сначала священникомъ при церкви св. Власія; его молитвамъ приписывается спасеніе Новгорода отъ рати Андрея Боголюбскаго.*** Ему и брату его *Газрилу*, бывшему преемникомъ, принадлежить основаніе многихъ церквей въ Новгородѣ.

Во Владимірѣ Волыскомъ, святыи Стефанъ, ученикъ и сотрудникъ св. Θεодосія, назначавшаго быть ему его преемникомъ

* См. выше, 310. ** Антимянсь его см. въ атласѣ.
*** См. выше, с. 317.

въ Печерскомъ монастырѣ, рукоположенный въ 1091 году.

Въ Ростовѣ, св. *Леонтій*, котораго дѣятельность мы видѣли выше въ описаніи разпространенія христіанской вѣры.*

Св. Исаія, Кіевлянинъ, наъ Печерскихъ иконовъ, продолжавшій съ успѣхомъ дѣло св. Леонтія.**

Пахомій (†1218). «Съ бѣ агвя, а не волкъ, не бѣ бо хитая отъ чужихъ домовъ богатства, ни собирая его, ни тѣмъ хваляся, но паче обличаше грабителя и мздоимца, поревновавъ нраву Златоустаго, и переходя отъ дѣла въ дѣло уншее... не согбенѣ руцѣ имѣя на вданье ихъ, но отверженѣ отинудь».

Кирилль I, оставившій въ 1229 г. по болѣзни епископію. Это былъ богатѣйшій изъ Ростовскихъ епископовъ, купами и селами, книгами и всякимъ товаромъ. По суду князя Ярослава, *случившагося* на сонмѣ въ Ростовѣ, опъ лишился всего своего имѣнія, нѣкакою тяжёю. Что же? Опъ ни мало не огорчился, воздалъ хвалу Богу, и все остальное роздалъ любимымъ и нищимъ, а самъ принялъ схиму.

Кирилль II Опъ прежде служилъ архимандритомъ въ Рождественскомъ монастырѣ въ Владимірѣ. Ростовскіе князья—Василько, Всеволодъ и Владиміръ, послали просить своего дядю В. К. Георгія и владыку Митрофана, чтобъ опъ отпустилъ Кирилла на епископство въ Ростовъ, на что и послѣдовало согласіе (1230). Князья и княгини, бояре и всѣ мужи Ростовскіе, духовенство и всѣ граждане отъ мала и до велика, вышли къ нему на встрѣчу, и ввели его

* См. выше, с. 543. ** Тамъ же.

въ соборную церковь Святыя Богородицы. Лѣтописи прославляютъ единогласно этого епископа, свидѣтельствуя, что онъ былъ достойный настояникъ и намѣстникъ святыхъ Леонтія, Исаія и Нестора, «не оста ничимъ же прежнихъ епископъ, слѣдуя правомъ ихъ и ученію, не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа». Князья и вельможи, всѣхъ возрастовъ, не только простые люди, но попы и игумены, приходившіе изъ окрестныхъ городовъ, дивились, «послушающе ученя его яже отъ святыхъ книгъ, со страхомъ и покореньемъ.»

Этотъ епископъ прославлялся еще украшеніемъ соборной церкви Ростовской.

Св. Кирилль Туровскій, родился и воспитывался въ Туровѣ, на рѣкѣ Припети, отъ богатыхъ родителей. Съ молодыхъ лѣтъ пристрастился къ книжному ученію, и поступилъ въ монастырь. Тамъ вскорѣ прославился онъ духовными добродѣтелями, и по просьбѣ князя и жителей города со столпа, гдѣ подвизался въ постѣ и молитвахъ, возведенъ былъ на епископскую кафедру. На кафедрѣ проповѣдми заслужилъ имя Россійскаго Златоуста.* Около 1182 года, оставивъ служеніе, уединился.

Св. Симонъ, первый епископъ *Владимирскій*, поставленъ въ 1115 г., и скончался въ 1126 году, извѣстенъ посланіемъ къ иноку Поликарпу, въ коемъ заключаются извѣстія о нѣкоторыхъ Печерскихъ угодникахъ.**

Духовенство не принимало у насъ участія въ управленіи и вообще въ свѣтскихъ дѣлахъ: митрополитъ и епископы были въ строгомъ смыслѣ только учителями и блюстителями вѣры и благочестія. Только

ходатайство за обвиненныхъ и умиротвореніе противниковъ принимали они на себя предъ князьями, и голосъ ихъ всегда имѣлъ значеніе и силу.

Такъ духовенство ходатайствовало за Василька (1097).* Такъ митрополитъ Николай уговорилъ Мономаха помириться съ Святополкомъ (1097).** Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галичскому двоюроднаго брата его, митрополитъ говорилъ Юрію; грѣхъ тебѣ цѣловать крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а ты ему хочешь выдать его на убійство. И Юрій послушался (1157).*** Князь! мы Богомъ поставлены въ Русской землѣ, чтобъ удерживать васъ отъ кровопролитія, говорилъ митрополитъ Великому Князю Рюрику, и предотвратилъ войну съ Великимъ Княземъ Всеволодомъ Суздальскимъ (1195).****

Иногда сами князья отдавали себя на судъ духовныхъ лицъ.

Касательно содержанія—кафедры святительскія пользовались: а) *десятиною* или *недвижимымъ имѣніемъ*. Володимеръ назначилъ построенному имъ Богородничному храму *десятину*, изъ своихъ доходовъ. Митрополитъ Кирилль писалъ, что князья выполняли уставъ Володимера о десятинѣ, даже дѣлали болѣе—«*къ тому и много приложили... и волости дали со всеми прибытки*». Извѣстны по лѣтописи населенныя помѣстья Кіевской десятинной церкви. Грамоты Новгородскаго князя Святослава и Смоленскаго Ростислава показываютъ, что завѣщаніе Володимера о десятинѣ отнесено было ко всѣмъ кафедрамъ епископовъ, но съ примѣненіемъ къ средствамъ того или другаго края. Князь Святославъ, находя,

* См. ниже. ** См. ниже.

* См. выше, с. 113. ** с. 115 *** с. 178. **** с. 201.

что сборъ десятины произведеніями земли затруднителенъ и для князя и для епископа, опредѣлили вмѣсто того для каѳедры Новгородскаго епископа постоянный денежный окладъ, равный десятой части доходовъ князя. Другіе князья замѣняли ту же десятину частію денежнымъ окладомъ, частію же угодами. О каѳедральной Владимирской церкви сказано, что Боголюбивый князь Андрей надѣлялъ ее лучшими помѣстьями, отдалъ ей пошлину съ десятаго торгова и княжескихъ стадъ.

Въ пользу епископовъ опредѣлены были *судныя пошлины*, какъ пеня съ виновнаго и вознагражденіе за трудъ судъ.

По памятникамъ видно, что назначена еще плата съ новопоставляемыхъ духовныхъ лицъ и съ церквей.

Эти доходы митрополитъ и епископы употребляли не для себя однихъ. Митрополитъ Кириллъ писалъ, что имущество каѳедры идетъ на содержаніе клира, каѳедрального храма и дома, на содержаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ и вдовъ, въ пособіе потерпѣвшихъ отъ пожара и несправедливаго суда, на возобно-

вленіе церквей и монастырей. Такъ домъ епископа былъ домою прирѣвня всякой нищеты.

По Несторову житію пр. Феодосія видимъ, что для Печерской обители еще при жизни пр. Феодосія пожертвованы были помѣстья. То же дѣлано было и для другихъ обителей. Обители съ своей стороны, какъ и епископы, обращали часть пожертвованій въ пользу людей нуждавшихся. Такъ пр. Феодосій отдѣлялъ десятую часть доходовъ на содержаніе больныхъ и бѣдныхъ, и сверхъ того каждую субботу посылалъ возъ хлѣбовъ заключеннымъ въ темницахъ.

Приходскіе храмы обезпечиваемы были отчасти пожертвованіями своихъ строителей и благотворителей, какъ напр. для Вышгородскаго храма назначена была десятина. Ярославъ, строя по городамъ и селамъ храмы, давалъ священникамъ *отъ имѣнія своего урокъ*.

Общимъ же источникомъ содержанія причту были добровольныя пожертвованія прихожанъ, какъ это было съ первыхъ временъ христіанства. Кромѣ того священникамъ дозволялось обращать въ свою пользу доходъ отъ продажи ладова и церковнаго вина.

Б О Г О С Л У Ж Е Н І Е .

Св. таинства, службы, обрядъ погребенія, церковныя правила, — митрополита Иоанна къ Іакову черноризцу, отвѣты на вопросы діакона Кирика, постановленіе Новог. архіепископа Іліи, — богослужебныя книги, праздники, 9 мая, святцы, пасхалія, лѣтосчисленіе церковное и гражданское, посты, кресты, церковное пѣніе, зрамы, изъ украшенія, иконы, мощи, церковныя вещи, монастыри,

Обращаясь къ священнодѣйствіямъ церкви, остановимся прежде всего на важнѣйшихъ изъ нихъ, св. таинствахъ.

Крещеніе совершалось тогда у насъ чрезъ троекратное погруженіе. «Они, «говорить преп. Феодосій о Латинявахъ,» крещаются

въ едино погруженіе, а мы въ три». Крещаемыхъ называли непременно именами Святыхъ, а не какими-либо другими, вопреки обычаю тѣхъ же Латинянь, хотя оставался еще обычай, особенно между князьями, кромѣ христіанскаго имени, давать дѣтямъ и народныя названія. Крещеніе совершалось преимущественно въ 40 день, какъ и въ Греціи того времени.

Вслѣдъ за крещеніемъ совершалось таинство *Муропомазанія*: «мы крещающагося мажемъ муромъ и масломъ, а они крещающемуся сыплютъ соль въ уста,» говоритъ о Латинянахъ преп. Феодосій, и повторяютъ нѣкоторые другіе наши писатели. Совершать муропомазаніе предоставлялось не однимъ епископамъ, какъ было уже у западныхъ христіанъ, но и священникамъ. Въ житіи просвѣтителя Муромцевъ, князя Константина, хотя и по позднѣйшему изводу, повѣствуется, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ жители Муромъ крестились въ Окѣ, епископы и священницы мазаху хризмою чело, очи, уста, ноздри и уши крестившихся, и, надѣвши вѣнцы червленныя на главы ихъ, обязаша кресты и возложиша на нихъ бѣлыя ризы, и даша всѣмъ свѣци горящія въ руцѣ».

О таинствѣ *покаянія* ясно свидѣтельствуется извѣстное посланіе черноризца Іакова къ Великому князю Изяславу, гдѣ Іаковъ, какъ духовный отецъ, разрѣшаетъ своего духовнаго сына отъ всѣхъ грѣховъ, имъ исповѣданныхъ, и преподаетъ ему различныя наставленія. Митрополитъ Никифоръ въ словѣ на недѣлю сыропустную объясняетъ самыя условія истиннаго покаянія, убѣждаетъ приносить чистосердечную исповѣдь предъ отцами духовными и испол-

нять налагаемыя отъ нихъ епитиміи. Относительно кающихся, правила русскіхъ пастырей отличались благоразумной снисходительностію. Если человекъ кается и грѣховъ у него много, какъ поступить спрашивалъ Кирикъ. Святитель Іоаннъ не велѣлъ тогда же налагать епитиміи, но назначить что нибудь малое, да обучится; потомъ по не многу прибавлять, безъ излишняго отягченія.

Таинство *Евхаристіи* совершаемо было у насъ на хлѣбъ квасномъ и на винѣ, растворенномъ водою. Все похожее на Латинскія индульгенціи, воспрещалось строго.

Кириллъ спрашивалъ епископа Нифонта, можно ли служить на одной просфорѣ. Нифонтъ отвѣчалъ: если это будетъ далеко въ селѣ, а взять другой просфоры негдѣ—достойтъ служить; если же будетъ близко торгъ, гдѣ можно кушитъ, то не достойтъ.

Давая наставленія о заупокойной литургіи, тотъ же Святитель говоритъ: всегда же служи на трехъ просфорахъ, одна великая, отъ нея отдѣлай агнецъ—здѣсь мертвый не поминается, а тѣ двѣ за упокой.

Относительно другихъ просфоръ въ древнихъ служебникахъ нѣтъ счета, и не видно опредѣленнаго положенія объ ихъ числѣ.

О совершеніи таинства *священства*, т. е. рукоположенія и постановленія на священныя степени епископа, пресвитера и діакона, многократно упоминаетъ пр. Несторъ въ своей лѣтописи и житіи св. Феодосія.

Таинство *брака*, т. е. благословеніе церкви и вѣнчаніе считалось необходимымъ для всѣхъ брачующихся, и такъ какъ нѣкоторые простые люди вступали въ браки безъ благословенія церковнаго и вѣнчанія,

предоставляя это только боярамъ и князьямъ: то пастыри церкви принимали мѣры для вразумленія невѣждъ.

Прекрасно обыкновеніе Русскаго христіанства того времени, замѣчаетъ пр. Филаретъ Черниговскій, приобщаться св. таинъ брачующимся.

. Наконецъ сохранилось свидѣтельство и о таинствѣ *елѣосвященія*, что оно совершалось въ нашей церкви. Если кто, повѣтствуетъ лѣтописецъ, приносилъ въ монастырь большое дитя, какимъ бы недугомъ оно ни было одержимо, или и взрослый человекъ, одержимый какимъ-либо недугомъ, приходилъ въ монастырь къ блаженному Θεодосію, то онъ повелѣвалъ пресвитеру Даміану творить молитву надъ болящимъ, и тотчасъ, какъ Даміанъ совершалъ молитву и помазывалъ масломъ святымъ, приходившіе исцѣлялись.

Обычай *погребать* умершихъ при церквяхъ, начавшійся у насъ еще прежде, продолжался и въ настоящій періодъ. Почти всѣ князья, о смерти которыхъ упоминаетъ лѣтопись, погребены были въ церквяхъ. Даже простые міряне удостоивались этой чести: такъ благочестивая супруга Кіевского посадника Яна, по имени Марія, бывшая духовною дочерію преп. Θεодосія, положена была по смерти своей въ великой Печерской церкви на лѣвой сторонѣ, противъ гроба самаго Θεодосія.

Разрѣшительную молитву по свидѣтельству еп. Симона, начали полагать въ руки умершихъ, со времени погребенія Варяга Шимона, участвовавшего въ построеніи Печерской церкви, и просившаго о томъ преп. Θεодосія.

Касательно церковныхъ *службъ* — изъ отвѣтовъ Русскихъ пастырей Нифонта, Саввы и Іоанна видимъ, что тогда извѣстны были литургіи Златоустаго и Василія Великаго, также чипъ преждеосвященной литургіи.

Изъ другихъ священнодѣйствій, древнія свидѣтельства упоминаютъ о вечернѣ, навечернѣ, полунощницѣ, утрени, часахъ, и вообще о всѣхъ службахъ всѣдневныхъ; еще объ освященіи церкви, которое иногда совершалось очень торжественно самимъ митрополитомъ и даже соборомъ епископовъ по чину, сходному съ настоящимъ.

Изъ *богослужбныхъ книгъ*, кромѣ переведенныхъ еще при св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, употреблялись и вновь переводимыя, напримѣръ службы избраннымъ святымъ, писанныя Θεофаномъ Никейскимъ (857) и Іосифомъ Пѣснопѣвцемъ (887), триодъ Θεодора и Іосифа Студитовъ. До насъ дошло нѣсколько памятниковъ этого рода, изъ 11 и 12 вѣка, какъ-то стихирарь, октоихъ, служебникъ, праздничныя минея, тропари праздниковъ, стихиры и каноны великихъ праздниковъ, начиная съ Благовѣщенія.

Въ концѣ 11 вѣка упоминается и Русскій творецъ каноповъ, Григорій, который написалъ, вѣроятно, службу пр. Θεодосію, также св. Борису и Глѣбу.

Что касается до *праздниковъ* — Русскою церковью приняты были всѣ праздники Греческой, — и установлено нѣсколько своихъ.

Самымъ радостнымъ изъ своихъ былъ праздникъ св. Стратотерцевъ, Бориса и Глѣба, коихъ мощи найдены были нетлѣнными, и положены въ построенномъ В. К. Ярославомъ Вышегородскомъ храмѣ. Мая 2,

1072 года онъ были перенесены торже- ственно В. К. Изяславомъ съ братьями,* и въ 1113 г. Мономахомъ съ Ольговичами 14 августа, во вновь построенную камен- ную церковь.**

Въ 1108 г. митрополитомъ Никифоромъ вписано въ синодикъ имя пр. Θεодосія, котораго мощи открыты лѣтописателемъ Несторомъ.

Въ 1164 г. при копаніи ровъ для но- вой соборной церкви въ Ростовѣ, по волѣ В. К. Андрея Боголюбскаго, обрѣтены мощи святителей Леоптія и Исаіи.

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ пр. Филаретъ, что въ 11 вѣкѣ уже ублажалась память равноапостольнаго князя Володимира, и бабы его В. К. Ольги, но неизвѣстно, когда и къмъ были установлены эти празднества.

Изъ Славянскихъ святыхъ, кромѣ перво- учителей св. Кирилла и Меѳодія чествова- лись дни Чешскаго князя Вячеслава, и бабы его Людмилы.

Праздновался Покровъ Богоматери, ви- дѣнный Болгаринномъ св. Андреемъ въ Кон- стантинополѣ.

Празднованіе Кресту Христову, или, какъ говорятъ въ просторѣчій, первому Спасу, 1 августа, подтверждено по случаю побѣды въ тотъ день, В. К. Андреемъ Боголюб- скимъ надъ Болгарами, и Императоромъ Мануиломъ надъ Арабами. Прежде въ Греціи праздновалось поклоненіе Честному Древу, 31 іюля.

Мѣстно чтилась память св. Антонія, убиеннаго князя Игоря, Новгородскаго епископа Никиты и проч.

* См. выше, с. 102. ** См. выше, с. 128.

О святыхъ отцахъ и святыхъ жеплахъ, причтенныхъ къ лику святыхъ въ продолже- ніи періода 1054—1240, см. ниже.

Кромѣ праздниковъ, явившихся по случаю перенесенія или открытія св. мощей въ па- шемъ отечествѣ, установленъ тогда у насъ праздникъ 9-го Мая, въ память перенесенія св. мощей святителя Николая изъ Миръ- Ликійскихъ въ городъ Баръ. Древнія наши лѣтописи совершенно молчатъ объ этомъ событіи; позднѣйшія говорятъ только о перенесеніи мощей, не упоминая объ уста- новленіи праздника. Но сохранилось слово па перенесеніе мощей святителя Николая, сказанное у насъ однимъ изъ современни- ковъ событія, и свидѣтельствующее, что къ концу XI или въ началѣ XII вѣка, праздникъ этотъ уже существовалъ въ Рус- ской церкви, какъ дѣйствительно онъ и означенъ въ мѣсяцословѣ при Евангеліи 1144 года.

Почему въ нашей церкви былъ онъ установленъ, — главными побужденіями могли быть: а) глубокое уваженіе къ свя- тителю Николаю, издавна господствовавшее на всемъ востокѣ, и изъ Греціи пере- шедшее въ Россію; б) еще болѣе—вѣсть о многочисленныхъ чудесахъ, какими со- провождалось перенесеніе мощей въ Апу- лійскій городъ Баръ, гдѣ жили еще христіане православиаго исповѣданія, под- вѣдомые Цареградскому патриарху, хотя находились уже и латиняне; в) наконецъ, то важное обстоятельство, что, во время самаго перенесенія мощей святителя Николая, онъ и въ Кіевѣ совершилъ разныя чудеса, и, между прочимъ, чудо падъ утопшимъ въ Днѣпрѣ младенцемъ, сдѣлавшееся извѣ- стнымъ митрополиту, и поразившее изумле-

ніем всѣхъ жителей.* Первосвятители наши еще прежде усталили своею властію нѣсколько мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи, не существовавшихъ на востокѣ: такъ точно могли уставить и настоящій, хотя въ Греціи онъ не былъ. Пр. Филаретъ приписываетъ установленіе праздника митрополиту Ефрему, около 1092 г.

Послѣ церковныхъ уставовъ, Володимерова и Ярославова, руководствомъ служили въ продолженіи этого періода слѣдующія, частныя установленія, возникавшія вслѣдствія вопросовъ.

Церковное правило митрополита Іоанна къ Іакову черноризцу, въ отвѣтъ на его вопросы: 1) о дѣлахъ вѣры, священнодѣйствія и церковной святынѣ; 2) іерархіи и вообще духовенства; 3) о дѣлахъ брачныхъ, семейныхъ и домашнихъ; 4) объ отношеніяхъ православныхъ къ латынѣямъ, евреямъ и язычникамъ.

Отвѣты Новгородскаго епископа Нифонта († 1156) и другихъ духовныхъ лицъ на вопросы domestика Кирика, преимущественно о богослуженіи.

Въ запискахъ Кирика три части: въ первой самой обширной, содержатся вопросы его и отвѣты на нихъ преимущественно Нифонта, епископа Новгородскаго, и отчасти какого-то Кліма, вѣроятно, Клімента Смолятича, тогдашняго митрополита Кіевскаго, игумена Аркадія, бывшаго преемникомъ Нифонта на епископской кафедрѣ,

* Описаніе чуда, см. ниже, с 572.

игумены неизвѣстнаго монастыря Маріиы и какого-то епископскаго чернца Луки—Евдокима.

Во второй части помѣщены отвѣты неизвѣстнаго епископа Саввы въ 24 главахъ или правилахъ.

Въ третьей—отвѣты Новгородскаго владыки Іліи, преемника Аркадіева, въ 28 правилахъ.

Предлагая свои вопросы современнымъ пастырямъ, Кирикъ нѣсколько разъ приводитъ правила и древнихъ св. Отцевъ, вошедшія въ составъ Кормчей, именно: Тимофея Александрійскаго, св. Василя Великаго и св. Іоанна Постника, и тѣмъ показываетъ, что Кормчая книга тогда у насъ употреблялась; ссылается также на правила нашихъ древнихъ пастырей — митрополита Георгія и преп. Θεодосія Печерскаго, и еще на какія-то заповѣди неизвѣстнаго происхожденія, о которыхъ Нифонтъ замѣтилъ, что ихъ слѣдовало бы сжечь.

Постановленіе Новгородскаго архіепископа Іліи, касательно двухъ особенныхъ случаевъ при совершеніи Евхаристіи.

Вопросы Кириковы показываютъ, какое строгое вниманіе обращалось на всѣ случаи, касавшіеся до богослуженія, и вообще церковныхъ постановленій, до какой тонкости доходили въ ихъ наблюденіи, и съ какою строгостію судились всѣ уклоненія.

(Это служить въ нѣкоторомъ отношеніи объясненіемъ происхожденія раскола въ позднѣйшее время, когда духовное управленіе коснулось даже буквы только священнослуженія.)

С В Я Т Ц И

ПО ОСТРОМИРОВУ ЕВАНГЕЛІЮ.

(Сборникъ церковный. Начинается отъ мѣсяца Сентября, до мѣсяца августа, рекомаго Зарева).

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

1. Св. Симеона Столпника, и св. 40 женъ черницъ, и св. Амона (Аммуна), и св. муч. Итала (Амеала), и покой (преставленіе) Исуса Навина, и новое лѣто и начатокъ Индикту.
2. Св. Маманта.*
—Св. Іоанна и Павла, епископовъ въ градѣ Константиѣ.
3. Св. святителя Аѳанасія въ Никомидіи, св. мцы Василисы.
4. Св. муч. Вавилы, Ерміони, младенцевъ, и св. Романа и св. Моисея пророка.
5. Св. прор. Захарія.
6. Св. Евдоксія (Евдоксін?).
7. Св. мч. Созонта при Максиміанѣ цари и св. мц. Харити.
8. Рождество св. Богородицы.
9. Св. Іоакима и Анны.
10. Поклоненіе св. и честному Кресту.
11. Св. муч. Діодора, и св. мц. Феодоры и поклоненіе св. и честному Кресту.
12. Св. мч. Автонома епископа.
13. Св. мч. Симеона, по плоти южика (сродника) Господня, архіеп. Іерусалимскаго.
14. Воздвиженіе св. Креста.
15. Св. мч. Никиты и св. Акакія.
16. Св. мц. Евфиміи.
17. Св. Харлампія и Пантелеонта и дружины его, (ихъ).
18. Св. мч. Симеона, архіеп. Іерусалимскаго, прѣп. отца нашего и чудотворца Евменія, еп. Готунска (Гортинскаго).
19. Св. мц. Сусанны, и св. мч. Трофима и Дородомедонта (Доримедонта) и Саввата.
20. Св. мч. Евстація, и жены его Теописіи, и чадъ его Теописста и Агапія.
21. Св. мч. Исака, еп. Кипрскаго, и Симеона, южика Господня, и священіе св. Мины и св. мч. Феодора въ Пергіи Памфилсѣй.
22. Св. мч. Приска, Мартина и Николы, и св. мч. Фоки.
23. Новое лѣто, и зачатіе Іоанна Крестителя.
24. Св. мц. Феклы.
25. Св. мч. Романа и св. мцы Іи.
26. Преставленіе св. Іоанна Евангелиста и богословца въ отоцѣ (островѣ) Патмѣ и св. мц. Рипсиміи и дружины ея.
27. Св. мч. Калистрата и дружины его, числомъ 500 и 60, при Діоклитьянѣ царѣ.
28. Св. мчч. Калунтина, Алфія, Александра, Зосимы, Никона, Харитона.
29. Св. мчч. Трофима и Дорумедонта.
30. Св. Гргорія въ Арменіи.

* Въ подлинникѣ имена святыхъ вездѣ почти поставлены въ дательномъ падежѣ: память св. Маманту пам. св. Іоанну и Павлу и т. д. Мы замѣнили дательный падежъ родительнымъ: Маманта, Іоанна, Павла и т. д.

Правописаніе здѣсь употреблено нынѣшнее, кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ; въ скобкахъ помѣщены необходимыя объясненія; наиболѣе употребительныя слова напечатаны мѣстами сокращенно, напр. Св. Святѣй, Муч. Мч. Мучениковъ, Ап. Апостоль, Еп. Епископъ, Предт. Предтеча, Еванг. Евангелистъ, Ц. Царь.

О К Т Я Б Р Ъ.

1. Св. ап. Анавін, еп. Дамаскаго, и св. Домнина, и Арее (Ареея?) и Романа.
2. Св. Кириана и (I)уствны.
3. Св. Діонисія Ареопагита.
4. Св. мчч. Домета и Діогена, и св. священномч. Петра, капетуля ихъ (Капетолійскаго), и св. Богородицы и св. Іеротѣя. Сей бѣ на погребеніи св. Богородицы.
5. Св. Иранды и св. Мамелхиты.
6. Св. ап. Фомы.
7. Св. мчч. Сергія и Вакха.
8. Преп. Пелаген, (въ) Тарсѣ Киликія (Тарсійской), при Діоклигьянѣ цари, и другыя Пелагін въ Антиохіи, при Нумеріанѣ цари, юже Златоустый похвалами почте.
9. Авра(а)ма и Лота, и св. Анны и Елисаеон и дружины ихъ.
10. Св. мч. Евлампіа и Евлампіи. при Максиміянѣ цари въ Никомидійсцѣ градѣ.
11. Св. отецъ нашихъ, патріархъ Царяграда: Нектарія, Арсака, Атика и Сисина, и св. мц. Зинанды и Феовилы, (Филониллы), сестры ея.
12. Св. мч. Тараха, Прова, Андроника, при Діоклитьянѣ цари яти бывше.
13. Св. мчч. Папила, Карпа, Анавла и дружины ею, (ихъ), и св. мч. Трофима.
14. Св. мч. (Н)азарія, Герваса, Протаса и Келса, при Неронѣ цари, въ Римѣ.
15. Св. мч. Лукіяна.
16. Св. мч. Лонгина сотника, бывша при страсти Христовѣ.
17. Священіе (храма?) Богородицы въ мѣстѣ, рѣкомѣ Рай, и архангела Уриила, и св. мчч. Леонта, Доменты, Теронта.
18. Св. ап. и евангелиста Луки.
19. Св. мч. Мносона, еп. Кипрскаго и юже съ нимъ 120 святыхъ, въ Персидѣ, при Саворѣ цари.
20. Св. мчч. и чудотв. Аремы и Аверкія, при Уліанѣ преступникѣ.
21. Преп. Иларіона.
22. Св. мчч. Иракля, Елисаеон, и Θεодотія, и Гликеріи и св. Богородицы.

23. Св. ап. Іакова, брата Господня.
24. Св. Прокла, еп. Константины града и св. мч. Ареы.
25. Св. мч. Маркіяна и Мартирія и св. Нутарія (нотаріевъ).
26. Св. Димитра, и Васіана и Артемидора.
27. Св. мц. Капетулины и Перотвды (Еротиды), рабы ея, при Діоклитьянѣ цари.
28. Преп. Аврамія и дружины его, исповѣдникъ святыхъ 73.
29. Св. мчч. и апп. Петра и Павла, Іоанна Крестителя, Іосифа патріарха, Козмы и Даміана, Трофима.
30. Св. мч. Кириака патріарха, и Зиновія епископа, и Зиновіи, сестры его, и Астерія.
31. Св. мч. Пантелеонта, Иракля и Епимаха.

Н О Я Б Р Ъ.

1. Св. безмездниковъ Козмы и Даміана.
4. Св. мч. Порфира.
5. Св. мч. Галактіона и Домнина и Еписиміи. Священіе (храма) св. Θεодора, въ Споракии.
6. Св. Павла исповѣдника.
7. Св. мчч. 33, юже въ Мелетини.
8. Сонмъ (соборъ) архангела Михаила въ Арваднѣхъ.
11. Св. мчч. Минны.
13. Покой (преставленіе) Іоанна Златоустаго, архіеп. Константины града.
14. Св. ап. Филиппа.
15. Св. исповѣдниковъ: Гурія, Самона и Авива.
16. Св. ап. и евангелиста Маттея.
17. Св. Григора чудотворца.
18. Св. мч. Платона.
20. Св. Маннина, и Генадія и св. Григора, новаго чудотворца.
21. Внесеніе св. Богородицы, егда внесена бысть въ церковь Господню, 3-мъ лѣтомъ сущи, и св. Іуліяни.
25. Св. мч. Клименты Румѣхъ (Римскаго), и Петра въ Александрии и мч. Меркурія.
27. Св. мчч. Козмы и Даміана, отъ Аравіи и другихъ многихъ.

28. Св. мч. Іеринарха (Иринарха) и благо-
вѣр. цц. Константина и Маврикіяна и чадъ ихъ.
30. Св. ап. Андрея.

Д Е К А Б Р Ъ.

- (4?) Св. мц. Варвары и (І)уліяніи, преп.
отца нашего Іоанна, Мансура преевритера.
5. Св. мч. Аверкія и св. наставника Савы.
6. Св. отца нашего Николы.
— Нед. 2 прежь Рождества Христова, св.
праотець.

13. Св. мчч. Евстрата, Евксента (Авксен-
тія), Евгена, Мардара и Ореста.

14. Св. мчч. Турса (Тирса—Фирса), Левкія
и Калиника, Филимона, и Аполлонія и дру-
жныи ихъ.

15. Св. отца нашего Елевтерія.

16. Св. 3-хъ отрокъ, Ананія, Азарія, Ми-
саила, иже въ Вавилонѣ угасиша пещь огнен-
ну, и Данила пророка.

18. Священіе церкви св. Богородицы, су-
щія близъ великія церкви въ Халкопратіяхъ.

19. Св. мчч. Евтиха, Фоки, и Ермона и
Генифата (Бонифатія?).

Недѣля предъ Рождествомъ Христовымъ.

Память св. отц. Авраама, Исаака и Іакова.

20. Св. святителя Игнатія.

22. Св. мц. Анастасіи.

25. Св. 10 мчч., иже въ Критѣ, при Декіи ц.

25. Св. мц. Евгенія.

—Рождество Христово.

26. Наутріе по Рождествѣ Христовѣ.

27. Св. первомуч. Стефана.

28. Св. о. н. архіеп. бывша Феодора.

29. Св. младенецъ.

—Нед. прежь Епифаніи.

30. Св. мц. Анастасіи Солуняныни, при
Максиміянѣ царі.

31. Св. мч. Селвестра папежа.

Г Е Н В А Р Ъ (просинець).

1. Обрѣзаніе Господа нашего Іисуса Хри-
ста, и память отца нашего Василія, архіеп.
бывша въ Кесаріи Кападокіи.

2. Св. Аполинаріи, и преп. отца Григора
чудотворца въ Акритѣ (Критѣ), и навечеріе
св. Богоявленія.

6. Священіе Епифаніемъ (Богоявленіе).

7. Соборъ св. Іоанна Крестителя.

8. Св. Григора, еп. Мусіи.

10. Св. отца нашего Іоанна и преп. отца
нашего Григора, еп. Нисска.

14. Св. отецъ нашихъ и мч., избѣнныхъ на
Синайскѣи горѣ, Феодула, Нила, Іоанна, и
память св. Аввадѣ.

16. Цѣлованіе и поклонаніе веригамъ св.
ап. Петра.

17. Преп. Антонія.

18. Св. Аванасія, и Кирила и Александра.

20. Преп. Евенмія.

22. Св. ап. Тимофея и Анастасія.

24. Св. мч. Климента.

25. Св. Григорія Феолога.

26. Св. Поликарпа еп., и св. Ксенофонта
и жены его, и обонхъ сыновеи ея, и Оркада
(Аркадія), Іоанна.

27. Возвращеніе мощей св. Іоанна Злато-
устаго.

28. Преп. Ефрема.

29. Игнатія Богоносца.

—Преп. Іакова затворника.

30. Обрѣтеніе мощей честныхъ св. Климен-
та, папежа Римска, 4-го по апостолѣ Петрѣ.

31. Св. мчч. аввы Кира (и) Іоанна.

Ф Е В Р А Л Ъ.

1. Св. мч. Трифона.

2. Срѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа.

3. Св. Симеона, примша Господа.

14. Преп. Авксента чудотворца, и преп.
отца нашего Константина Философа, наре-
ченнаго въ чернечество именемъ Кирила.

16. Св. мч. Памфила и внѣхъ многъ.

20. Св. мч. Поликарпа еп. Змиринска.

24. Обрѣтеніе главы св. Іоанна прор. и
предтечи и крестителя.

М А Р Т Ъ.

(9) Св. мученикъ 40.

17. Св. Алекса, наричемаго человекъ Бо-
жія, и великаго труса.

18. Св. отца Кирила, архіеп. и муч.

22. Св. Фомы, новаго архіеп. Царяграда.

24. Св. 50 мученикъ въ Кесаріи.

25. Благовѣщеніе св. Богородицы.

А П Р Ъ Л Ъ.

6. Страсть св. 120 и пам. священнаго отца нашего Евтиха, архіеп. Костянтина града.
11. Мч. Антипы, еп. Перрамска.
22. Преп. Θεодора Сикеотскаго.
23. Св. мч. Георгія.
25. Ап. и еванг. Марка.
26. Св. мч. и еп. Василия въ Амасонѣ.
30. Св. ап. Іякова, брата св. Іоанна еванг.

М А Й.

1. Св. прор. Іереміа.
2. Св. мч. Есперія и Зосіи (Зои), жены его, и чадъ ея: Киріяка и Θεодола. — Аванасія.
4. Св. Афродисія Гаимидя.
6. Св. Дмитра, Днакта (Данакта?).
8. Св. ап. и еванг. Іоанна Θεолога.
11. Св. Генетлія и многихъ (съ нимъ), и св. мч. Мокія.
12. Св. Епифана, еп. Кипра.
14. Св. Сидора и св. Пахома.
21. Св. Василия, Константина и Елены, матери его.
22. Св. Василиска.

І Ю Н Ъ.

1. Св. мч. Ермила, Стратоника, Іюстина философа.
2. Св. отца нашего Никифора.
4. Св. о. н. Митрофана, архіеп. Царяграда.
5. Св. мч. Маркіана.
6. Св. 5 дѣвъ: Марѣы, Маріи, Θεеклы, Зинаиды и Еммоніи.
11. Св. ап. Вареоломеа и Варнавы.
14. Св. прор. Елисея.
15. Св. Вита и Медоста, пестуна его.
18. Св. мч. Леонтія.
24. Рождество Іоанна предт. и крестителя.
25. Св. Февроніи.
27. Преп. Сампсона.
28. Обрѣтеніе мощемъ св. Кира и Іоанна.
29. Ап. Петра и Павла.
30. Апостоловъ 12.

І Ю Л Ъ.

1. Св. безмездникъ Козмы и Даміана.
2. Положеніе ризы св. Богор. во Влахернѣ.
7. Св. Евстаѳія, Поликарпа.
8. Св. Прокопія.
11. Соборъ св. Евфиміи.
14. Св. ап. Акилы, Иларія.
15. Св. Киріака и Улиты, матери его.
16. Св. отецъ 630, иже въ Халкидонѣ.
20. Св. прор. Ілїи и Елисея.
22. Св. мучносныя Маріи Магдалины.
23. Св. Аполлинаря, архіеп. Равенскаго.
25. Успеніе св. Анны, матери Богородицины, и св. Евпраксіи (и) Олумпы (Олимпіады?).
26. Св. Симеона въ Мандрѣ.
27. Св. Пантелеимона.
29. Св. мч. Каллиника.
31. Блаж. Едекима (Евдокима), и Θεодосія царя и священіе церкви св. Богородицы. — Поклоненіе чести. дровъ.

А В Г У С Т Ъ.

1. Св. Маккавеевъ.
2. Св. 7-ми дѣтей, иже въ Ефесѣ.
5. Св. Іасы.
6. Преображеніе Господа нашего І. Христа.
7. Св. Варвары во Влахернѣ.
9. Св. Константина патріарха.
10. Св. Лаврентія.
14. Св. Маркела. — Навечеріе пресв. Богородицы.
15. Преставленіе св. Богородицы.
16. Св. Діомидя.
18. Св. Флора и Лавра.
20. Св. ап. Фадея.
21. Самойла пророка.
22. Св. мч. Агаѳоника.
23. Св. Калиника патріарха.
24. Св. о. н. Калиника, патріарха Царяграда.
25. Св. ап. Тита.
29. Усѣкновеніе св. Іоанна предтечи и крестителя.
30. Св. Ермогена и дружины его, и св. о. н. архіеп. Царяграда, Александра.
31. Положеніе честнаго пояса св. Богородицы въ Халкопратіи.

Изъ этихъ Святцевъ мы получаемъ древнѣйшее свидѣтельство—во первыхъ,—что были Славянскія названія мѣсяцевъ, которыя полнѣе показаны въ евангеліи 1144 года, хранящемся въ Синодальной библіотекѣ, а именно:

- Генварь—Просвинецъ.
- Февраль—Свчонь.
- Мартъ — Сухій.
- Апрѣль—Березозоль.
- Май—Травный.
- Іюнь—Изокъ (птица кака-то пѣвчая).
- Іюль—Червень.
- Августъ — Заревъ.
- Сентябрь—Рюень (Ревунъ?).
- Октябрь — Листопадъ.
- Ноябрь — Грудень.
- Декабрь — Студеный.

Во вторыхъ, что церковный годъ, индиктъ, начинался у насъ, какъ въ Греціи, съ Сентября, а гражданскій съ Марта, какъ у Норманновъ, что видно изъ всѣхъ лѣтописей, (сочинявшихся, слѣдовательно, съ свѣтскимъ или княжескимъ участіемъ), напр.:

Несторъ подъ 6612 (1104) годомъ описываетъ происшествія Іюля, Августа, Декабря, и послѣ Декабря говоритъ: *Сего же мѣсяца исходяща*, посла Святополкъ Путятю на Мѣнескъ и проч., въ се же лѣто бысть знаменье.... стояше солнце въ крузѣ.... также знаменье и въ лунѣ,... мѣсяца Февраля въ 4, 5 и 6 день.

Въ *Кіевской* лѣтописи: 1112. *Исходящу сему мѣсяцу*, поставиша Феоктиста епископомъ Чернигову, игумена Печерскаго, *Генваря* въ 12 день.

1171. *Тою же мѣсяца исходяща*, преставися князь Володимѣръ Андреевичъ, м. Генваря въ 28 день.

Въ *Суздальской* лѣтописи: 1203. *Тою же мѣсяца исходяща*, Февраля въ 16, приходи Романъ къ Вручеву на Рюрика.

1237. Ваяша (Татары) городовъ 14, опрочъ слободъ и погостовъ въ одинъ мѣсяць Февраль, кончевающуся 45-му лѣту (6745).

Въ *Новгородской* лѣтописи: Въ лѣто 6645 (1137) *настануцу* въ 7 Марта, индикта лѣто 15, бѣжа Константинъ посадникъ къ Всеволоду.

Въ лѣто 6705 (1197) приде князь изъ Чернигова Новугороду Ярополкъ Ярославичъ на Вербницу, *настануцу мѣсяца Мартомъ мѣсяцемъ*.

Такъ точно во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ, то есть—Несторовой, Кіевской, Суздальской, Новгородской, происшествія описываются по такому порядку мѣсяцевъ:

- У *Нестора*: 1076.... Декабрь, Январь.
- 1104... Іюль, Августъ, Декабрь... Февраль.
- 1106... Іюнь... Декабрь, Февраль.
- 1107... Май..., Августъ... Янв., Февр.

Въ *Кіевской* лѣтописи: 1112. Май... Ноябрь, Январь, Февраль.

- 1146... Августъ... Январь, Февраль.
- 1173... Октябрь... Янв., Февр., (Мартъ).

Въ *Суздальской*: 1113... Май... Ноябрь, Январь.

- 1124... Іюнь, Августъ... Февраль.
- 1146 .. Іюль, Августъ... Январь.
- 1196. Мартъ, Май, Октябрь, Ноябрь, Январь.

1127. Мартъ, Май... Сент... Янв., Февр.

Въ *Новгородской*... 1134... Августъ, Декабрь, Январь, Февраль.

- 1154. Мартъ, Апрѣль... Ноябрь, Январь.
- 1199. Августъ.. Январь.
- 1120. Мартъ... Февраль.

По сему мѣсяцы Январь и Февраль Мартовскаго года должны причисляться всегда уже къ слѣдующему Январскому году, на примѣръ: Всеволодъ вышелъ противъ Половцевъ 1061 (Мартовскаго) года, въ Февраль, — должно считать въ 1062 Январскомъ году, такъ и въ г. 1065, 1076, 1104, 1106, 1107 и проч.

Годъ же отъ С. М. переводится на годъ отъ Р. Х., по вычетъ числа 5508, т. е. времени, протекшаго, по счисленію Греческому, отъ С. М. до Р. Х.

Пасхалія древняя, наука узнавать день Пасхи, которою занимался много діаконъ и домашникъ Кирикъ, ученый человекъ того времени,* сохраняется неизмѣнно, — предлагаемъ краткое о ней свѣдѣніе по пышному календарю.

Въ 324 году на первомъ Вселенскомъ соборѣ, въ Никее, Св. отцы постановили правиломъ, чтобы христіане праздновали Пасху послѣ еврейской пасхи, потому что Христосъ воскресъ послѣ нея — въ тотъ воскресный день, который будетъ первымъ послѣ весенняго полнолунія и еврейской пасхи; если же это полнолуніе случится въ воскресенье, то пасху должно праздновать черезъ семь дней послѣ него; если въ субботу, то на восьмой день. Весеннее равноденствіе въ 325 году было 21 Марта: по этому положено было чтобъ, Пасха праздновалась 22 Марта.

Первый воскресный день послѣ весенняго полнолунія и еврейской пасхи можетъ случиться въ разныя числа двухъ первыхъ весеннихъ мѣсяцевъ, въ промежутокъ отъ 22 Марта до 25 Апрѣля, потому и нужно опредѣлить, въ какое именно число придется день

* См. выше, с. 360. Тамже ниже.

Пасхи въ данномъ году, что показываетъ Пасхалія, пользуясь слѣдующими опредѣленіями: *Вруць-лѣто* означаетъ, въ какой день недѣли приходится 1-е Сентября, т. е. начало индикта или пятнадцатилѣтія. (Константинь великій началъ лѣтосчисленіе индиктами, то есть пятнадцатилѣтіями, вмѣсто Олимпіады). *Вруць-лѣто* обозначается первыми семью буквами церковной азбуки, по числу семи дней недѣли: А значитъ понедѣльникъ, Б вторникъ, и проч. *Вруць-лѣтныя* буквы три года сряду идутъ по порядку, а въ четвертый, высокосный, одна буква пропускается, и за нее ставится слѣдующая.

Черезъ семь высокосныхъ годовъ, т. е. черезъ 28 лѣтъ, порядокъ возобновляется: числа мѣсяцевъ приходятся опять въ тѣ же дни, какъ были за 28 лѣтъ. Этотъ 28-лѣтній срокъ называется въ Пасхаліи *кругомъ солнца*.

Кругъ луны есть 19-лѣтній срокъ времени, по прошествіи котораго всѣ измѣненія луны, четверти и полнолунія, приходятся опять въ однѣ и тѣ дни и года.

Основаніе есть число, которое показываетъ, сколько дней прошло отъ новолунія до 1 Марта — перваго весенняго мѣсяца.

Епакта есть число Марта или Апрѣля, показывающее 21-й день луны или конецъ еврейской пасхи.

Ключъ границъ показываетъ самый день Пасхи.

Такъ какъ въ промежуткѣ отъ 22 Марта до 25 Апрѣля — времени, въ которое бываетъ Пасха, проходитъ 35 дней, то ключъ границъ и обозначается 39-ю буквами церковной азбуки.

Періодъ времени, состоящій изъ 532 лѣтъ, послѣ котораго дни Пасхи, со всѣми подвижными праздниками, возвращаются въ тѣ же числа мѣсяцевъ и въ томъ же порядкѣ, въ какомъ слѣдовали въ предшествующихъ годахъ, называется пасхальнымъ кругомъ или *великимъ индиктіономъ*. Началомъ этого круга полагается годъ С. М.: первый великій индиктіонъ кончился слѣдовательно 532 годомъ.*

Исчислимъ нѣкоторыя изъ древнихъ народныхъ названій для извѣстныхъ праздниковъ и дней, изъ которыхъ нѣкоторые продолжаютъ до нынѣ.

1185. Великъ день, 1160. Пасха честная—нынѣ Свѣтлое воскресенье.

1159, 1162. Порознаа, празднаа недѣля—Святая недѣля.

Русальная недѣля—отъ седмицы св. отецъ до Троицына дня:

1170. Володимеру бысть болѣзнь крѣпка, еуже скончался Мая въ 10, русальное недѣли въ понедѣльникъ (Троицынъ день былъ тогда Мая 16).

1176. Придоша Половци на Русьскую землю Русальное недѣлю.

1195. Приде (Давидъ Ростиславичъ) въ Вышегородъ въ среду Русальное недѣли.

Суббота пятикостная—передъ Троицею.

1159, 1160, 1174. Петровъ день.

1231. Госпожинъ день—(испожинки), день Успенія.

1175. Недѣля мясопустная—какъ нынѣ.

1153. Ставровъ день, Филипповъ день; разболѣся Изяславъ Мстиславичъ на Ставровъ день (?)... и преставися на ночь, на Филипповъ день.

* Нынѣшнимъ 1870 годомъ продолжается по греческому счисленію 14 индиктіонъ.

1092. Отъ Филиппова дня до мясопуста.

1173. Масленая недѣля.

1178. Чистая недѣля—первая великаго поста.

1175, 1193. Ѳедорова недѣля.

1170. Средохрестная недѣля.

Воскресенье называлось недѣлею, и отъ того первый день послѣ недѣли, или воскресенья, понедѣльникомъ.

Что касается до древнихъ *постовъ*, какіе содержала церковь восточная, тѣ, безъ всякаго сомнѣнія, содержала тогда и церковь Русская, какъ свидѣтельствуя сохранившіеся мѣсяцесловы къ соблюденію праздниковъ и постовъ убѣждалъ своихъ слушателей преп. Ѳеодосій; въ частности, онъ говоритъ о постѣ въ среду и пятокъ, и о св. Четырдесятницѣ, которую называетъ десятиною, приносимую нами Богу изъ дней года. А митрополитъ Никифоръ по случаю четырдесятницы написалъ извѣстное посланіе къ Великому князю Володимеру Мономаху и поученіе къ народу.

Постъ въ среду и пятокъ былъ у насъ отмѣняемъ, если въ эти дни случался какой-либо Господскій или Богородичный праздникъ.

Впрочемъ пренія о томъ происходили самыя жаркія, въ коихъ и князья принимали участіе (Андрей Боголюбскій 1162 г.), и такъ называемая ересь Леонтиніанская, запрещающая разрѣшеніе, была осуждена патриархомъ въ Константинополь, въ присутствіи Русскихъ пословъ.

Другіе, какъ епископъ Владимирскій Ѳеодоръ, и Печерскій архимандритъ Поликарпъ, разрѣшали постъ въ продолженіе пятидесятницы, даже для всѣхъ значительныхъ праздниковъ.

Кресты. Св. крестъ употреблялся у насъ тогда, какъ и прежде, во всѣхъ своихъ видахъ. Крестъ преп. Марка гробокопателя, (конца XI в.), доселѣ хранящійся въ его пещерѣ, и видимый всѣми богомольцами, есть крестъ четвероконечный;* кресты на сводѣ недавно найденной въ Кіевѣ пещеры, въ которой, какъ полагаютъ, подвизались преп. Теофилъ и Иоаннъ, (въ концѣ XI вѣка), суть четвероконечные и осьмиконечные; крестъ, начертанный въ извѣстномъ сборникѣ словъ св. Григорія Богослова, (XI в.), въ концѣ послѣдняго слова, — шестиконечный; крестъ изъ Животворящаго древа, присланный по преданію въ началѣ XII вѣка Великому князю, Володимеру Мономаху, изъ Константинополя, и донинѣ хранящійся въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, — осьмиконечный; крестъ, начертанный, въ числѣ другихъ священныхъ изображеній, на окладѣ Евангелія, писаннаго въ началѣ XII вѣка, для Новгородскаго князя Мстислава Володимировича, — шестиконечный. Также крестъ св. княжны Евфросиніи, устроенный въ 1161 г. Кресты на монетахъ св. Володимера, на гробницѣ Ярослава, четвероконечные. Кресты на сосудахъ преп. Антонія Римлянина — всѣ пять четвероконечные; также крестъ, устроенный въ 1224 году въ Юрьевѣ-Польскомъ; каменный крестъ преп. Антонія Римлянина, находящійся при его гробницѣ, — шестиконечный. Кресты, (четыре), найденные въ развалинахъ Кіевской Феодоровской церкви, основанной въ 1128 году, — четвероконечные. (впрочемъ они могутъ быть относимы и къ послѣдующему времени).

Не можемъ при этомъ не замѣтить, что въ то время, какъ у насъ православные изо-

* См. его изображеніе въ атласѣ.

бражали на себѣ крестное знаменіе тремя перстами, и пастыри Церкви крестообразно благословляли православныхъ перстосложеніемъ именованнымъ. Доказательствами первой мысли служатъ мощи нѣкоторыхъ угодниковъ Кіево-Печерскихъ, подвизавшихся въ XI и въ первой половинѣ XII вѣка. Правыя руки преп. Иліи Муромца и Иосифа многоболѣзненнаго имѣютъ три первые перста соединенными, хотя не равно, но вмѣстѣ, а два послѣдніе — безымянный и мизинецъ — пригнутыми къ ладони. У руки преп. Спиридова три первые перста сложены даже совершенно ровно, а два послѣдніе пригнуты. Подобное же перстосложеніе представляютъ руки преп. Алипія иноконисца и Пимена многоболѣзненнаго. Очевидно, что всѣ эти угодники скончались съ тѣмъ самымъ перстосложеніемъ, какимъ они хотѣли ознаменовать себя въ минуту смерти. Имепословно благословляющими изображены св. Василій Великій въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года, и св. Иоаннъ Златоустъ въ Служебникѣ преп. Антонія Римлянина (ум. 1147 г.). Такое же изображеніе благословляющей руки можно видѣть въ нотномъ стихирарѣ XI — XII вѣковъ, въ публичной библиотекѣ, на бармахъ и скиптрѣ, приписываемыхъ Великому князю Володимеру Мономаху въ Московской оружейной палатѣ, и на одномъ изъ сосудовъ преп. Антонія Римлянина, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Освятить себя крестнымъ знаменіемъ — принадлежитъ къ древнѣйшимъ обычаямъ.

Церковное пѣніе получило въ Россіи значительное усовершенствованіе. Около 1051 года переселились въ Кіевъ изъ Царяграда три греческіе пѣвца съ своими

семействами, и отъ этихъ пѣвцовъ началось въ Русской землѣ, по выраженію Степенной книги, *ангело-подобное пѣніе*, то есть: *изрядное осмогласіе*, пѣніе на восемь гласовъ церковныхъ; трисоставное сладкогласованіе, какъ догадываются, пѣніе трехголосное, въ которомъ прибавлялись верхніе и нижніе тоны; и *самое красное дѣмественное пѣніе*, пѣніе собственно гармоническое, цѣлымъ хоромъ расположенное на нѣсколько голосовъ, - и происшедшее подъ управленіемъ, такъ называемыхъ доместиковъ (регентовъ).

Еще прежде 1074 года мы видимъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ доместика Стефана, а около 1134 г. въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ—доместика Кирика, которые, слѣдовательно, управляли ликами (хорами) пѣвчихъ въ своихъ обителяхъ. Естественно предположить, что такіе же доместики и хоры существовали при митрополитѣ и епископахъ или при соборныхъ церквахъ каждой епархіи. Въ Кіевѣ къ концу XI и въ началѣ XII в. извѣстенъ былъ дворъ доместиковъ за Десятиною церковію, гдѣ, должно быть, доместики жили и обучали Русскихъ церковному пѣнію.

Около 1130 года пришли изъ Греціи къ Великому князю Метиславу (ум. 1132 г.) еще три гораздые пѣвца, которые, вѣроятно, также обучали Русскихъ пѣнію, и изъ которыхъ одинъ, Мануилъ, поставленъ въ 1137 г. епископомъ на Смоленскую епархію.

Достойно замѣчанія, что нѣкоторыя краткія молитвы и стили у насъ пѣлись тогда по-гречески. Многочисленныя толпы народа, при двоекратномъ торжественномъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба (въ 1073 и 1115 г.), единогласно зывали: *киріе*

елейсонъ. Звенигородцы въ 1146 году освободившись отъ враговъ также зывали: *киріе елейсонъ*.

Извѣстенъ также у насъ искони древній болгарскій напѣвъ.

Греческія ноты Дамаскина состояли изъ буквъ, поставленныхъ прямо, бокомъ, лежа. Послѣ изъ нихъ составились крюки съ опредѣленнымъ значеніемъ, которыя перешли къ намъ, удержавъ греческія названія, и были у насъ по нуждѣ разпространяемы.

Самые замѣчательныя храмы сооружены были тогда у насъ, какъ и прежде, князьями. Такъ послѣ св. Володимера и Ярослава, Великій князь Всеволодъ построилъ каменную церковь св. Архистратига Михаила (1069 г.) въ Выдубицкомъ монастырѣ, такуюже церковь св. апостола Андрея (1086) въ Кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ. Великій князь Святослава воздвигъ (1108) каменную церковь во имя своего ангела Архистратига Михаила въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, которая существуетъ донинѣ. Володимеръ Мономахъ соорудилъ каменные церкви: св. Богородицы въ Ростовѣ (прежде 1078), совершенно подобную по высотѣ, долготѣ и широтѣ, великой Кіево-Печерской церкви, въ память чудеснаго исцѣленія своего при заложеніи сей послѣдней; св. Богородицы въ Переяславлѣ (1098 г.) на княжемъ дворѣ; св. Богородицы соборную въ Смоленскѣ (1111 г.); св. муч. Бориса и Глѣба на р. Алтѣ (1117 г.); св. Спаса во Владимірѣ на Клязьмѣ (ок. 1116) г.). Послѣдняя впрочемъ была, кажется, деревянная.

Удѣльный князь Черниговскій, Олегъ Святославичъ, соорудилъ каменную церковь въ Вышгородѣ во имя св. мучен. Бориса и

Глѣба, куда въ 1115 году и перенесены ихъ мощи. Братъ Олеговъ, Давидъ Свято-славичъ, (ум. 1123), соорудилъ церковь св. муч. Бориса и Глѣба въ Черниговѣ.

Мстиславъ Владимировичъ построилъ двѣ каменные церкви въ Новгородѣ: Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы на Городищѣ (1103 г.), и св. Николая на княжемъ дворѣ (1113 г.), которыя существуютъ донинѣ, — и двѣ каменные въ Киевѣ: св. Феодора (1129 г.) и св. Богородицы, называемой Пирогощей, въ 1131 году.

Братъ Мстислава, Юрій Володимировичъ Долгорукій, будучи еще удѣльнымъ княземъ въ Суздаль (съ 1113 г.), создалъ въ этомъ городѣ церковь Богоматери, совершенно по образцу великой Киево-Печерской церкви.

Сынъ Мстислава, Всеволодъ-Гавриилъ, построилъ двѣ каменные церкви въ Новгородѣ: св. Иоанна Предтечи на Петратинѣ дворѣ, на Опокахъ, во имя ангела сына своего (въ 1127 г.), и Успенія Пресвятыя Богородицы на торговищѣ (въ 1135 .году); каменную церковь во Псковѣ во имя св. Троицы — соборную (прежде 1138 г.): первыя двѣ церкви существуютъ доселѣ.

Изъ пастырей церкви лѣтопись упоминаетъ о митрополитѣ Ефремѣ, который, имѣя мѣстопробываніе въ Переяславлѣ, украсилъ его многими зданіями церковными и другими, обнесъ каменною стѣною, и, между прочимъ, построилъ въ немъ три каменные церкви: великолѣпную Михайловскую соборную (около 1089 г.), потомъ церковь св. мученика Феодора на городскихъ воротахъ, подобно тому, какъ и на Киевскихъ золотыхъ воротахъ была церковь св. Благовѣщенія, — наконецъ, церковь св.

апостола Андрея Первозваннаго. Позднѣйшія лѣтописи присовокупляютъ о зданіяхъ митрополита Ефрема и въ другихъ городахъ и волостяхъ митрополичьихъ, т. е. бывшихъ въ его владѣніи.

По примѣру князей и пастырей строили церкви и частныя лица: нѣкто Воигость построилъ въ Новгородѣ каменную церковь св. Феодора Тирона, (1115 г.), въ Земляномъ валу, между улицами Щирковою и Розважею, а какой-то Ирожнетъ построилъ въ томъ же городѣ каменную церковь св. Николая Чудотворца (1135 г.), на Яковлевой улицѣ, и проч.

Главные церкви отличались великолѣпиемъ, богатствомъ и красотою. Первое мѣсто, по мнѣнію современниковъ, принадлежало великой «небеси подобной» церкви Киево-Печерской.* Верхи ея блистали золотомъ, внутри — стѣны покрыты живописью, а весь олтарь украшенъ мозаичными изображеніями.

Сообщимъ описаніе нѣкоторыхъ церквей по лѣтописямъ, изъ котораго видно и появленіе современниковъ объ украшеніяхъ.

Церковь преславу св. Богородица Рожества... камену... созда (В. К. Андрей) въ Боголюбомъ, и удиви паче всихъ церквей, подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый созда... украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и каменемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ безцѣннымъ, и устрои ѣ различными цатами, и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви баше

* См ниже.

золота; и украсивъ ю, и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣнными: тако и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше не могутъ сказать изрядныя красоты ея— златомъ и фиципомъ и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, съ каменя драгими, и репидіи многоцѣнными, кандѣлы различными, изъ дву церкви отъ верха и до долу; и по стѣнамъ и по столпамъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, башеть же и сѣнь златомъ украшена отъ верха и до дейсуса, и всею добродѣтелью церковною исполнена, измечтана всею хитростью.»

«Князь Андрей бѣ городъ Володимеръ сильно устроилъ, къ нему же ворота золотая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камещу сборную св. Богородица, пречюдну вельми, и всеми различными виды украси ю отъ злата и сребра, и пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя трои золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемчюгомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многими поникандѣлы, золотыми и серебряными, просвѣти церковь, а онѣбокъ отъ злата и сребра устрои; а служебныхъ сосудъ и рипидій, и всего строенья церковнаго златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, вельми много; а тріе ерусалими велми велиции, иже отъ злата чѣста, отъ каменя многоцѣнна устрои, и всеми видами и устроениемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ Святаѣ Святыхъ. И въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ ерхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ златомъ устрои, каменьемъ усвѣти, и столпъ позлати, изовну церкви,

и по комаромъ же поткы (птахи) золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви, и по комаромъ около.» (КН. подъ 1175 г.) «Приведе ему (В. К. Андрею) Богъ изъ всѣхъ земль мастера» (СЛ. подъ 1160 г.).

А вотъ описаніе Ростовской соборной церкви. «Бысть украшеніе ея чюдно зѣло, якоже не бысть о прежбывшихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ въ или будетъ. Леонтій убо святой, священный епископъ, то просвѣти святымъ крещеньемъ градъ Ростовъ, се же священный епископъ Кириллъ украси святую церковь Святыя Богородица иконами многоцѣнными, ихже нѣсть мощи и сказати, и съ предпопы, рекше пелены; причини же и кивота два многоцѣнна, и индитью (*ἐνδύτια* верхняя престольная одежда,) многоцѣнну доспѣ на святѣй трапезѣ, ссуди же и рипидьи, ино много множество всякихъ узорочей; причини же двери церковныя прекрасны, яже наричются Златыя, суцаѣ на полуденной странѣ; паче же наипаче внесе въ святую церковь кресты честныя, многы мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступленье и покровъ и утверженье граду Ростову, и христоролюбцю князю Василкови, и княгинѣ его, и сынови его Борису, и всѣмъ вѣроу приходящимъ въ святую церковь.»

Церкви строились: о 13 верхахъ, напр. деревянная Софійская въ Новгородѣ, (поставленная епископомъ Иоакимомъ), безъ сомнѣнія съ мыслію о Спасителѣ и 12 апостолахъ. Вышегородская деревянная съ 5 верхами, т. е. въ знаменіе главы Христа и 4 его евангелистовъ. Церковь св. Георгія въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, Суздальской соборъ Всеволодовъ, о 3 верхахъ,

въ честь св. Троицы. Богородичная десяти-
ная церковь въ Кіевѣ была съ 15 главами.

Иконописцы первые пріѣхали также изъ Греціи. Ученикомъ ихъ былъ Кіевопечерскій инокъ Алипій. Прославились въ особенности семь его картинъ, написанныхъ по заказу одного богатаго Кіевлянина, которыя чудомъ сохранились во время пожара. Володимѣръ Мономахъ отослалъ одну изъ нихъ, Пресвятой Богородицы, въ Ростовскую церковь, имъ сооруженную.

Въ Греціи покупались также иконы, напр. святымъ Варлаамомъ.

Извѣстнѣйшія *иконы*, сохранившіяся до нашего времени, хога, вѣроятно, и подношенные суть слѣдующія:

Икона Божіей Матери *Кіево-Печерская*, принесенная въ 1073 году изъ Константинополя каменноздателями.*

Икона Божіей Матери *Смоленская*, известная подъ именемъ Одигитріи или Путеводительницы, писанная, какъ говоритъ преданіе, евангелистомъ Лукою, прислана Черниговскому князю Всеволоду Ярославичу, слѣд. около 1077 года, и перенесена сыномъ его Володимѣромъ Мономахомъ въ Смоленскій храмъ Успенія, имъ сооруженный.

Икона Божіей Матери *Владимирская*, писанная также по преданію евангелистомъ Лукою, принесена изъ Царяграда въ Кіевъ около 1031 года. Нѣсколько времени находилась она въ женскомъ Вышгородскомъ монастырѣ, и въ 1155 году перенесена княземъ Андреемъ Боголюбскимъ во Владимиръ на Клязьмѣ, а оттуда въ Москву

* См. въ атласѣ

предъ нашествіемъ Тамерлана въ 1395 году, и находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.*

Икона Божіей Матери *Елецкая*, явившаяся на ели близъ Чернигова, гдѣ тогда же основанъ былъ монастырь.

Икона Божіей Матери, достопамятная тѣмъ, что молился предъ своею мученическою кончиною (1146 г.) В. К. Игорь Ольговичъ, въ Кіевскомъ Фодоровскомъ монастырѣ; нынѣ находится въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ придѣлѣ св. Стефана, въ олтарѣ, надъ жертвенникомъ.**

Икона святителя *Николая*, именуемаго *Мокрыми*: она въ первый разъ сдѣлалась извѣстною по одному чуду, случившемуся какъ говоритъ преданіе, во дни Великаго князя Всеволода I (1178—1093): когда, по случаю наступившаго праздника св. мучениковъ Бориса и Глѣба, православные христіане спѣшили со всѣхъ сторонъ въ Вышгородъ, отправился туда же по Днѣпру на лодкѣ одинъ богатый Кіевлянинъ вмѣстѣ съ женою своею и младенцемъ сыномъ. На возвратномъ пути изъ Вышгорода мать какъ-то задремала, и уронила младенца въ рѣку, который немедленно утонулъ. Огорченные родители стали призывать на помощь св. Николая, и въ крайней горести прибыли въ свое жилище. Въ ту же ночь предъ заутренею пономари Кіево-Софійскаго собора, пришедши отпирать церковь, услышали изъ нея крикъ младенца и потомъ нашли въ ней самаго младенца, мокраго, который лежалъ предъ иконою святителя Николая. Немедленно дали объ этомъ знать митрополиту, а митрополитъ

* См. въ атласѣ .

** См. въ атласѣ.

велѣлъ объявить по всему городу. Родители младенца вскорѣ нашлись, и узнали въ немъ своего утопшаго сына къ общему изумленію. Съ того времени икона, предъ которою найденъ мокрый младенецъ, стала называться иконою Николая Мокраго. Нынѣ она находится въ придѣлѣ Кіево-Софійскаго собора, устроенномъ на хорахъ во имя святителя Николая.*

Икона святителя *Николая*, явившаяся около 1113 года близъ Новгорода, въ одномъ потокѣ на островѣ Липно, находящемся на Ильменѣ озерѣ. Новгородскій князь Мстиславъ Володимировичъ, получившій чудесное исцѣленіе отъ этой иконы, основалъ на мѣстѣ явленія ея монастырь, называвшійся Липенскимъ, и въ самомъ Новгородѣ на княжемъ дворѣ заложилъ въ 1113 г. каменную церковь во имя св. Чудотворца Николая, гдѣ икона сохраняется доселѣ.

Икона, извѣстная подъ названіемъ: *Предста Царица* или «Царь Царемъ» писана, какъ увѣряетъ преданіе, Алипіемъ, первымъ русскимъ иконописцомъ: нынѣ находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Шесть мусійныхъ иконъ преп. *Антонія Римлянина*, сохраняющіяся въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ: три изъ нихъ изображаютъ Господа Вседержителя, а три другія — Распятіе Господне.

Новгородская икона Знаменія Божіей Матери, коей Новгородцы приписывали свое спасеніе отъ рати Андрея Боголюбскаго.**

Мозаическія изображенія, уцѣлѣвшія отъ временъ Великаго князя Святополка-Миха-

ила въ олтарѣ Кіево-Михайловскаго соборнаго храма. Здѣсь надъ горнимъ мѣстомъ представлена Тайная Вечеря точно также, какъ и въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Святія *мощи* были по временамъ приносимы изъ Греціи. Св. Володимеръ принесъ изъ Корсуна мощи Св. Климента и ученика его Фива. Зодчіе, пришедшіе изъ Константинополя (1073 г.) для сооруженія Великой Кіево-Печерской церкви, принесли съ собою мощи семи св. мучениковъ: Артемія, Полиевкта, Леонтія, Акакія, Ареобы, Іакова и Феодора. Мощи положены были въ разныхъ мѣстахъ подъ стѣнами церкви, въ основаніе ея, а надъ мощами по стѣнамъ изображены были самые лики этихъ угодниковъ.

Дочь Греческаго Императора Алексія Комнина, по имени Варвара, бывшая въ супружествѣ за Великимъ княземъ Кіевскимъ Святополкомъ-Михайломъ, принесла изъ Цареграда мощи своего ангела, св. Великомученицы Варвары, которыя положены были въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, въ церкви, сооруженной Святополкомъ (въ 1108 году), гдѣ открыто почиваютъ и доселѣ.

Въ 1218 году принесены были Великому князю Константину Владимірскому части мощей св. Логина Сотника и св. Маріи Магдалины.

Изъ священныхъ сосудовъ того времени, сохранились *сосуды* преп. Антонія Римлянина, именно: а) двѣ чаши, одна частію изъ оникса, частію изъ серебра и золота съ драгоценными камнями; другая изъ яшмы, также съ золотыми и другими драгоценными

* См. въ атласѣ.

** См. въ атласѣ.

украшеніями; б) дискось изъ яшмы, оправленный въ золото; в) серебряная вѣздница, г) лжица изъ агата съ серебрянымъ стеблемъ, д) мѣдное паникадило.

Кромѣ того, изъ церковныхъ вещей упоминаются: сосуды серебряные, индити и служебные платы (вѣроятно — воздухи), шитые золотомъ, паникадила, кадильницы и каѣфи (сосуды съ ручками для кажденія), колокола и *била*, употреблявшіеся преимущественно въ монастыряхъ.

Относительно *колоколовъ* въ житіи преп. Автоія Римлянина повѣствуется, что когда онъ чудесно прибылъ (1106) въ Новгородъ ночью, въ это время начали звонить къ заутрени, и онъ услышалъ великій звонъ по городу: доказательство, что въ Новгородѣ уже многія, если не всѣ церкви, имѣли колокола.

Изъ священныхъ *одеждъ* чудесно уцѣлѣло полное облаченіе св. Никиты, епископа Новгородскаго, (ум. 1108 года), которое 450 лѣтъ находилось на гѣлѣ погребеннаго въ землѣ Святителя, а по открытіи мощей его (въ 1558 г.), уже около 300 лѣтъ соблюдается въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Это облаченіе состоитъ изъ фелони, епитрахили, поручъ и палицы — штофныхъ кофейнаго цвѣта, изъ пояса гаруснаго — тканаго, бѣлаго омофора и синей градетуровой шапочки, опушенной горностаемъ. Тамъ же хранится и посохъ святителя Никиты, сдѣланный изъ трехъ тонкихъ тросточекъ неизвѣстнаго дерева съ костяными яблоками.

Первыми училищами христіанской вѣры и новой жизни сдѣлались *монастыри*.

Преданіе говоритъ, что со введеніемъ ея и «монастыреви на горахъ сташа, черноризцы явишася». Первый митрополитъ Михаилъ поставилъ монастырь во имя своего ангела, Архистратига *Михаила*, не подалеку отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Перунъ, а иноки, прибывшіе съ нимъ, другой, близъ Вышгорода, на высокой горѣ, которая до сихъ поръ называется *Спащиной* или *Бѣлымъ Спасомъ*. Есть извѣстіе и о монастырѣ при Десятинной церкви, учрежденномъ св. Володимеромъ.

Изъ Ярославовыхъ монастырей достойнѣйшіе суть: *Георіевскій*, во имя его ангела, и *Ирининскій*, во имя ангела его супруги.

Старшіе сыновья Ярославовы, и ихъ дѣти, старались, каждый, основать свой монастырь въ Кіевѣ: Изяславъ, во имя своего ангела, — *Дмитріевскій* (около 1062 г.), Святославъ — *Симеоновскій* (1073—1077). *Выдубицкій* — основанъ В. К. Всеволодомъ Ярославичемъ (1069) на томъ мѣстѣ, гдѣ будто бы выдыбалъ (выплывалъ) на берегъ идолъ Перунъ, когда плылъ по Днѣпру, свергнутый съ горы Кіевской, по приказанію св. Володимера. Этотъ монастырь назывался и *Всеволожимъ*.

Сынъ Изяслава Святополкъ — Михаилъ (1108) построилъ *Златоверхо-Михайловскій*. Другой сынъ, Ярополкъ, построилъ въ Дмитріевскомъ монастырѣ церковь св. *Петра*, въ которой и былъ погребенъ въ 1086 году.

Дочь Всеволодова Янка учредила монастырь, начатый (1086) ея отцемъ, *Андреевскій*, женскій, гдѣ и постриглась.

Тамъ же постриглась и сестра ея, Евпраксія, бывшая Императрица Германская, по возвращеніи въ отечество.

Андреевскій монастырь назывался тогда *Янчиньмъ*.

Сынъ Мономаховъ Мстиславъ основалъ (1128) монастырь *Федоровскій*, Всеволодъ Ольговичъ до (1146 г.) *Кирилловскій*.

Извѣстны были еще въ это время монастыри: *Стефанецъ* на Кловѣ, основанный (около 1078) нареченнымъ преемникомъ св. Феоносія Стефаномъ, и *Германецъ* (до 1072 года), основанный Печерскимъ отцемъ, который послѣ былъ Новгородскимъ епископомъ.

Послѣ Кіева по количеству монастырей первое мѣсто занималъ Новгородъ, гдѣ прославились слѣдующіе:

Монастырь *Антонія Римлянина*, (1117).

Юрьевъ, принадлежащій къ Ярославову времени, а исторически засвидѣтельствованное основаніе его при князѣ Новгородскомъ Мстиславѣ Володимировичѣ и сынѣ его Всеволодѣ должно разумѣть уже о каменномъ зданіи (1119). Игуменъ Кириакъ и князь Всеволодъ Мстиславичъ построили каменную церковь во имя св. Георгія, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличили самый монастырь, умножили число братіи.

Хутыинскій, основанный богатымъ Новгородцемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ, который въ иночествѣ принялъ имя Варлаама (+ 1193).

Древнѣйшій же монастырь здѣсь преданіе полагаетъ на холмѣ, близъ истока рѣки Волхова изъ озера Ильменя, гдѣ стоялъ истуканъ Перуновъ. Этотъ монастырь до сихъ поръ называется *Перынемъ* или *Перыинскимъ*.

Число монастырей Новгородскихъ возрасло до 20, изъ коихъ одиннадцать было мужскихъ и десять женскихъ, стоявшихъ крѣпостями около города.

Во Псковѣ примѣчательны два монастыря: Спасскій Завеличскій и Спасскій Мирожскій, основанные Новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ (1154).

Начало *Валаамскаго* монастыря, св. Сергія и Германа, относятъ нѣкоторые ко времени Ярославову.

Къ древнѣйшимъ монастырямъ принадлежитъ также *Авраамьевскій* въ Ростовѣ, и *Новоторжскій*, св. Ефрема въ Торжкѣ, въ Новгородской области.

Въ Черниговѣ—*Успенскій-Елецкій*, основанный Черниговскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ на Болдиной горѣ, съ церковію Успенія Пресвятыя Богородицы, по случаю явленія въ 1060 г. на ели иконы Богоматери, и *Ильинскій-Троицкій*, построенный въ 1069 году тѣмъ же княземъ въ одной верстѣ отъ Успенскаго близъ пещеры, которую ископалъ себѣ здѣсь преп. Антоній Печерскій, когда находился въ Черниговѣ;

Во Владимірѣ на Воляни—*Святогорскій*, въ которомъ скончался (прежде 1074 г.) преп. Варлаамъ, первый игуменъ Кіево-Печерскій и Дмитріевскій.

Въ Тмуторокани—*Богородицкій*, основанный (прежде 1062 г.) преп. Никономъ Кіево-Печерскимъ.

Въ Муромѣ—*Спасскій*, упоминаемый въ 1096 году.

Близъ Смоленска на Смядинѣ—*Борисоглыбскій*, (упомин. въ 1138 году), въ

которомъ въ 1145 году построена каменная церковь во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба.

Въ Олонецкомъ краѣ въ 43 верстахъ отъ Коргополя — *Челмигорскій*, основанный преп. Кирилломъ въ XI вѣкѣ; и въ Великомъ Устюгѣ — *Глѣденскій-Троицкій*, существовавшій въ началѣ XII вѣка.

Во Владимирѣ на Клязьмѣ — *Георгиевскій*, основанный въ 1129 г. Георгіемъ Володимировичемъ Долгорукимъ.

Со второй половины XII столѣтія умножились монастыри и въ сѣверо-восточной Россіи: В. К. Юрій основалъ (до 1153 г.) монастырь въ четырехъ верстахъ отъ Суздаля на берегахъ Нерли, въ селеніи Кидекшѣ, гдѣ было когда-то становище князей Бориса и Глѣба по дорогѣ изъ Ростова и Муромъ въ Кіевъ, — *Борисоглѣбскій*.

Сынъ его Андрей построилъ монастырь *Боголюбскій*, на мѣстѣ, гдѣ ему явилась во снѣ Божія Матерь, при его прибытіи изъ Кіева въ 1155 году. Это было любимое его мѣстопребываніе, почему и получилъ онъ прозваніе Боголюбскаго.

Другой монастырь, имъ основанный, былъ *Покровскій*, при устьѣ Нерли, отъ коего осталась до нынѣ одна церковь.

Во Владимирѣ основанъ (1192) В. К. Всеволодомъ, на высокомъ берегу Клязьмы, монастырь во имя *Рождества* Пресвятой Богородицы мужской, и супругою его Марією въ 1200—1202 *Успенскій* женскій, гдѣ въ 1206 г. она и постриглась.

Упомянется въ лѣтописяхъ и еще нѣсколько монастырей, неизвѣстно кѣмъ основанныхъ.

ПЕЧЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Средоточіемъ духовной жизни, всеучилищемъ благочестія, и разсадникомъ христіанской вѣры, сдѣлалась вскорѣ эта святая обитель.

Сюда стекались избранники, живо проникнутые духомъ новаго ученія, желавшіе спасти душу презрѣніемъ благъ земныхъ, умерщвленіемъ плоти, устремленіемъ мыслей къ Богу и молитвою о грѣхахъ. Здѣсь, вдали отъ міра, въ глубинѣ земли, эти великіе подвигоположники богомудрствовали, и трудились надъ своимъ тѣломъ и душой; отсюда думали они достигнуть скорѣе и вѣрнѣе другаго міра, открывшагося ихъ восторженному воображенію, и внити въ царство небесное.

Чего стоило жить имъ въ пещерахъ, во тьмѣ, безъ движенія, не видя по долгу неба, не слыша человѣческаго голоса! Сколько было нужно твердости и постоянства, чтобы не ослабѣть, Богъ знаетъ, а устами человѣческимъ исповѣдать нельзя, говорить одинъ изъ подвижниковъ. И все переносили они во славу Божию; съ удовольствіемъ и радостію, видя передъ собою вѣнцы небесые, и поцирая всѣ тернія дѣйствительности.

Это были свѣтила, сіявшія на всю Русь, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, и иноки разсылаемые отсюда на всѣ вновь основываемыя архіерейскія каѳедры, дѣлались главными насадителями Слова Божія во всѣхъ областяхъ Русскихъ.

Вотъ какъ онъ, принятый въ монастырь 17 лѣтъ, описываетъ образъ жизни первыхъ подвижниковъ: одни были постники крѣпкіе, другіе — неутомимы на

бдѣніи, на колѣнопреклоненіи, иныя на пощеніи черезъ день и черезъ два дня. Пища ихъ была — хлѣбъ ржаной и вода. Въ субботу и воскресеньѣ позволялось сочиво, иными употреблялась въ пищу сырая зелень. Все дѣлали они своими руками, носили работу въ городъ и покупали жито; всякій на ночь бралъ свою долю и мололъ своими руками. Лишь ударятъ въ било, они собирались въ церковь и совершали утреннее пѣніе, потомъ расходились каждый къ своему дѣлу, копали въ огородѣ, носили дрова изъ лѣсу, до часовъ и святой литургіи. И такъ проводили они все время.

Любовь царствовала между ними: меньшіе вкорялись старшимъ, и принимали ихъ вельніи безъ прекословія; старшіе обращались съ ними какъ съ возлюбленными чадами. Удалялся братъ изъ монастыря, всѣ скорбѣли, ходили за нимъ, призывали и просили игумена о принятіи. Если случалось кому нибудь изъ братіи впасть въ прегрѣшенія, прочіе утѣшали его, и раздѣляли между собою его наказаніе.

Много есть монастырей, заключаетъ Несторъ, основанныхъ царями, князьями и боярами, отъ богатства, отъ силы, отъ сокровищъ, но не таковы они, какъ тѣ, которые основаны на слезахъ, на молитвахъ, на постѣ, на бдѣніи. Въ Печерскомъ монастырѣ не было ни золота, ни серебра, но слезами и молитвами приобрѣлося все.

Святые Печерскіе затворники представляли такимъ образомъ совершенную противоположность съ бранными дѣателями жизни гражданской, вишней. Какъ Рюрики, Олеги, Володимеры, Ярославы, Мстиславы, были ея основателями, такъ Антоніи, Феодосіи, Никоны, Варлаамы,

погруженные въ размысленіи о Богѣ, о вѣчности, о царствіи небесномъ, проповѣдывавшіе словомъ и дѣломъ святое ученіе, были основателями жизни духовной, внутренней, представляли народу высшіе идеалы, имѣли вліяніе на него своими совѣтами, молитвами, примѣрами, напоминали безпрестанно о суетѣ мірской, о жизни загробной, о правилахъ добродѣтели, преподанныхъ Спасителемъ, — что завѣщали и отдаленному потомству. Они представляютъ другую, свѣтлую сторону Русской жизни, и составляютъ лучшее достояніе отечественной Исторіи.

Постараемся теперь изобразить ихъ подвиги, руководствуясь сказаніями современниковъ: Нестора, Симона и Поликарпа, которые, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ, увлекаются преданіемъ, недостаточно провѣреннымъ, но изображаютъ вѣрно удивительный образъ жизни святыхъ отшельниковъ, ихъ образъ мыслей и дѣйствій, — желанія, нужды и взгляды современниковъ и тѣмъ дополняютъ картину современной имъ Исторіи.

Св. Антоній, житель города Любеча,* воспламенившись новымъ ученіемъ, пожелалъ увидѣть Святую землю, и отправился въ путь далекій и трудный. Онъ посѣтилъ мѣста проповѣди, чудесъ и страданій Спасителя, обошелъ всѣ монастыри въ Палестинѣ, и наконецъ достигъ Аѳона, около котораго жило много Славянъ. Святая гора съ сонмомъ спасающихся отшельниковъ поразила его воображеніе: онъ нашелъ наслажденіе въ тамошнемъ иноческомъ житіи, и упросилъ

* Нынѣ мѣстечко на Днѣпрѣ, въ 40 верстахъ отъ Чернягова.

одного игумена возложить на него мнишескій образъ. Тотъ постригъ его, нарекъ по имени отца иноковъ *Антоніемъ*,* и научилъ уставу. Ступай въ Русь, сказалъ святой старецъ новому иноку, и будь надъ тобой благословеніе Святой горы; многіе чернцы имуть отъ тебя быти. Антоній повиновался. На Руси не пожелалъ онъ водвориться ни въ одномъ изъ повооснованныхъ монастырей. Онъ началъ ходить по горамъ и дебрямъ — и полюбилась ему гора, въ коей Иларіонъ, священникъ Берестовскій, ископалъ пещеру, и куда приходилъ къ уединенію молиться Богу. По назначеніи его митрополитомъ въ 1051 году, пещера его осталась пустою.

Антоній помолился со слезами: Господи! утверди меня здѣсь, и да приложится къ этому мѣсту благословеніе Святыя горы и игумена, что меня постригъ.

Онъ поселился тамъ моляся Богу, ядый сухой хлѣбъ, пія одну воду, и то мѣрою, черезъ день или два, иногда по недѣлямъ, копая пещеру, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, пребывая всегда въ трудахъ, молитвахъ, бдѣніи.

Добрые люди провѣдали объ отшельникѣ, и стали носить ему все нужное, приходя за наставленіями, совѣтами, благословеніемъ. Молва о его святости распространялась болѣе и болѣе, увѣдана бысть всѣми, и чтиль сталъ повелику Антоній. Бывали и больные, которымъ давалъ онъ отъ своей яди, вмѣсто врачевнаго зелья, и они исцѣлялись его молитвами. По кончинѣ Великаго князя Ярослава, сынъ

* Мірское имя ему было по нѣкоторымъ извѣстіямъ Антипа.

его Изяславъ, приходилъ къ Антонію съ дружиною, прося благословенія и молитвы.

Напльсь скоро и послѣдователи его житію, возбужденные его примѣромъ, и пожелавшіе жить и молиться съ нимъ вмѣстѣ: священникъ Никонъ, благочестивый юноша Феодосій и другіе, числомъ до 12.

Братія ископали вмѣстѣ пещеру великую, близъ Антоніевой, устроивъ каждый для себя особую келью, и общую церковь и трапезу, что и теперь цѣлы подъ старымъ монастыремъ, (нынѣ дальнія пещеры), по сторонамъ длиннаго подземнаго хода.

Въ 1067 году Половцы вторгнулись въ Русскую землю. Князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, рѣшились сразиться съ ними на рѣкѣ Альтѣ, и просили благословенія у Антонія. Онъ предсказалъ имъ пораженіе. Симонъ или Симонъ, одинъ изъ Варяжскихъ витязей, пришедшій на службу въ Русь, павъ къ ногамъ старца, молилъ о спасеніи. Блаженный успокоилъ его, сказавъ, что онъ останется живъ, и впоследствии похоронится въ церкви, которая здѣсь будетъ построена, что и исполнилось.*

Вступленіе въ монашество сына перваго Изяславова боярина, Іоанна, внука знаменитаго Вышаты, который ходилъ подъ Царьградъ въ послѣдній разъ, — подъ именемъ Варлаама, — и Ефрема княжого ключника,** навлекли впоследствии на пещеры гнѣвъ Великаго князя, который грозился раскопать пещеры, но буря вскорѣ миновала.***

* См. ниже, въ преданіи о построеніи церкви Печерской.

** См. ниже.

*** См. ниже, въ житіяхъ Никона и Варлаама.

Антоній, однакожь нетерпя мятежа и мольбы, желавшій посвятить себя совершенному уединенію, безъ малѣйшаго общества, вскорѣ оставилъ общество, сказавъ: Богъ совокупилъ васъ, братія! Буди на васъ благословеніе, первое отъ Бога, второе отъ Святой горы; живите себѣ, и поставлю вамъ игумена, а самъ пойду въ гору.

Игуменомъ нарекъ Антоній Варлаама, пріобрѣтшаго себѣ великую славу, несмотря на свою молодость, подвигами благочестія и праведною жизнію, а самъ выкопалъ себѣ другую пещеру подъ новымъ монастыремъ, (ближнія пещеры), и заключился въ пей, не выходя никуда, постясь и моляся, бесѣдуя съ Богомъ.

Братія прибавлялось. Они не могли уже помѣщаться въ пещерѣ, и вздумали поставить церковь на горѣ надъ пещерою; пришли къ Антонію и просили его благословенія. Антоній одобрилъ ихъ намѣреніе, и они поставили малую церковь Св. Успенія, а вскорѣ должны были подумать и о построеніи монастыря съ келіями, потому что число желавшихъ дѣлать съ ними труды и подвиги увеличивалось безрестанно. Они сотворили совѣтъ съ игуменомъ, и опять пришли къ св. Антонію. Святой отшельникъ былъ очень радъ такому скорому преслѣванію его братства, молитвами Святыя Богородицы и сущихъ отецъ, иже въ Святой горѣ, послалъ къ князю Изяславу—просить у него всей горы надъ пещерою, что тотъ съ удовольствіемъ и исполнилъ. Игуменъ и братія заложили церковь обширную, огородили монастырь тыномъ, поставили келіи, совершили церковь и украсили ее иконами.

Изяславъ взялъ однакоже Варлаама изъ Печерской обители, и опредѣлилъ игуменомъ въ новый монастырь, имъ созданный въ честь своего ангела, св. Димитрія, желая возвеличить свое зданіе.

Братія просили себѣ новаго игумена у святаго Антонія, который считался общимъ отцемъ и сращенно-начальникомъ.

Кто больше между вами, отвѣчалъ святой старецъ, Θεодосія кроткаго, смиреннаго, послушнаго, — и онъ поставленъ былъ игуменомъ.

Новое несчастіе постигло вскорѣ юный монастырь. Въ Кіевѣ произошло смятеніе. Половцы опустошили землю Русскую; Изяславъ былъ изгнанъ возмущившимися Кіевлянами, которые посадили на своемъ столѣ Полоцкаго Всеслава, сидѣвшаго дотолѣ въ темницѣ: князь бѣжалъ, но вскорѣ воротился съ Польскою помощію, и жестоко наказалъ людей, участвовавшихъ въ его изгнаніи. По какимъ-то поводамъ онъ заподозрилъ святаго Антонія въ расположеніи къ прогнанному теперь Всеславу. Святославъ, князь Черниговскій, прислалъ за нимъ ночью спасти отъ братняго гнѣва.

Великій Никонъ еще прежде удалился въ Тмуторакань вмѣстѣ съ другимъ братомъ Болгаринномъ, Ефремъ — въ Константинополь.

Св. Антоній водворился въ Черниговѣ, ископалъ себѣ пещеру въ Болдиныхъ горахъ, и Печерскій монастырь лишился на нѣкоторое время своего первоначальника.

Онъ однакоже, бывъ упрошенъ послѣ В. К. Изяславомъ возвратиться, и поселился въ прежней своей пещерѣ, ведя прежнюю

святую жизнь, служа брати и всѣмъ приходящимъ къ нему съ своими нуждами.

Въ житіи Исаакія (см. ниже) значится, что онъ носилъ пищу затворившемуся Исаакію въ продолженіи семи лѣтъ.

Скончался онъ въ глубокой старости въ 1073 году. Мощи его въ ближнихъ пещерахъ почиваютъ подъ спудомъ, подлѣ пещерской его церкви, гдѣ онъ совершалъ богослуженіе, и гдѣ до сихъ поръ приносится безкровная жертва.

Житіе, его, о которомъ нѣсколько разъ упоминаетъ Симонъ въ посланіи къ Поликарпу, къ сожалѣнію и удивленію, не дошло до насъ, между тѣмъ какъ Θεодосіево мы имѣемъ въ многочисленныхъ спискахъ, начинающа съ XI вѣка.

Никонъ былъ первымъ сподвижникомъ Святаго Антонія. Онъ пришелъ къ нему уже священникомъ и монахомъ. Ему святой Антоній поручалъ постригать вновь приходившихъ. Такъ постригъ онъ Св. Θεодосія, Варлаама и Ефрема.

Постриженіе двухъ послѣднихъ, близкихъ къ Великому князю Изяславу, навлекло гнѣвъ его на отшельниковъ, и онъ велѣлъ призвать къ себѣ кого нибудь изъ пещеры. Приведенъ былъ великій Никонъ. «Ты его постригъ?» спросилъ раздраженный князь. Я, отвѣчалъ безстрашный отшельникъ. «Какъ смѣлъ ты постригать безъ моего повелѣнія?» Я постригъ его по повелѣнію Царя небеснаго Иисуса Христа, отвѣчалъ Никонъ. «Отведи его назадъ домой, не то я велю раскопать вашу пещеру, и разошлю васъ всѣхъ по темницамъ,» сказалъ Великій князь. Дѣлай что хочешь, а я не могу отводить воиновъ отъ службы Царю небесному.

За духовные подвиги свои онъ получилъ въ пещерѣ прозваніе великаго.

Никонъ однакоже рѣшился вскорѣ удалиться изъ пещеры, и жить особо. Въмѣстѣ съ инокомъ Греческаго монастыря св. Мины, пошелъ онъ искать себѣ другаго уединеннаго мѣста. Дошедъ до моря, они разлучились: Болгаринъ отошелъ къ Константинолю, и вблизи поселился на островѣ, гдѣ и скончался, оставивъ острову свое имя (болгаровъ или по другимъ спискамъ боляровъ), а Никонъ поселился на островѣ Тматораканскомъ, гдѣ и основалъ монастырь, по образцу Печерскому цѣлый еще во времена Нестора.

Жители, по умерщвленіи князя ихъ Ростислава Володимировича (1066), просили Никона отправиться къ князю Черниговскому Святославу за его сыномъ Глѣбомъ. Никонъ исполнилъ ихъ желаніе, отправился въ Кіевъ. Онъ посѣтилъ пещеру, и Несторъ рассказываетъ съ умиленіемъ о свиданіи его съ Θεодосіемъ. Они упали другъ другу въ ноги, обнялись и долго плакали. Θεодосій, уже игумень, просилъ Никона не разлучаться, пока они оба останутся во плоти. Никонъ обѣщался возвратиться къ нему по исполненіи порученія, и дѣйствительно, проводивъ Глѣба въ Тматоракань, и учредивъ свой монастырь, пришелъ онъ опять въ пещеру.

Θеодосій любилъ Никона, какъ отца, поручалъ ему наблюденіе на время своего отсутствія, и поучать братію. Часто проводили они время вмѣстѣ въ трудахъ: Θεодосій прядъ нити, нужныя для переплета книгъ, а Никонъ переплеталъ книги. Никонъ ушелъ однакожъ опять изъ монастыря съ двумя иноками, вслѣдствіе

неудовольствія, возникшаго у Великаго князя Святослава съ Θεодосіемъ.

Уже по кончинѣ Θεодосіевой, въ игуменство Стефаново, онъ возвратился, и былъ признанъ отъ братіи игуменомъ. Виродженіи своего игуменства онъ старался сохранять порядокъ, заведенный Св. Антоніемъ и Θεодосіемъ.

При Никонѣ великомъ Печерская церковь украшена была иконами и мозаикою. Онъ скончался въ 1088 году, въ маститой старости. Память его празднуется 23 Марта.

Св. Θεодосій родился въ Василевѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

Отецъ его, принадлежавшій, вѣроятно, къ военному сословію, вскорѣ переведенъ былъ Княземъ на жительство въ Курскъ. Въ этомъ городѣ Θεодосій провелъ свое дѣтство и юность.

Съ малыхъ лѣтъ полюбилъ онъ ходить въ церковь и слушать божественную службу. Рано началъ учиться грамотѣ, и въ короткое время выучился читать и писать такъ, что всѣ дивились его понятливости, не меньше какъ и благонавію: особенно отличался онъ покорностію, не только предъ учителемъ, но и предъ товарищами; въ дѣтскихъ играхъ не принималъ никогда никакого участія, терпѣть не могъ нарядныхъ одеждъ, и всего болѣе занимался чтеніемъ Священнаго Писанія. Съ лѣтами увеличивалась въ немъ набожность: всякій день ходилъ онъ въ церковь, и думалъ только о томъ, какъ спасти душу свою, подражая въ жизни святымъ угодникамъ Божіимъ. По смерти отца, когда онъ остался тринадцати лѣтъ, началъ ходить на поле, и тамъ, въ рублицѣ, работать

вмѣстѣ съ рабами, не смотря на запрещенія матери. Она была женщина крутого нрава, и при томъ крѣпкая и сильная; издали, по голосу, ее нельзя было различить съ мущиною; часто она была своего сына за эти занятія. Больше всего занимала молодого человека мысль побывать въ Святой землѣ, и поклониться мѣстамъ, прославленнымъ подвигами и страданіями Спасителя.

Шли паломники. Θεодосій упросилъ ихъ взять его съ собою въ Палестину. Тѣ обѣщались, и, оставляя Курскъ, дали ему знать о томъ наканунѣ. Ночью, когда всѣ въ домѣ спали, Θεодосій собрался, вышелъ изъ города, и вскорѣ присоединился къ богомольному обществу. Мать, проснувшись, была вмѣ себя отъ гнѣва, и, узнавъ чрезъ три дня, куда онъ скрылся, поспѣшила вслѣдъ за бѣглецомъ, и вскорѣ его настигла. Избивъ его, привела назадъ связаннаго, и заперла въ клѣти. Юноша радовался своему униженію. Чрезъ два дня мать выпустила его изъ клѣти, но заковала ноги въ желѣзо, въ предупрежденіе новаго бѣгства. Впрочемъ, не смотря на свою жестокость, она любила его больше всѣхъ дѣтей своихъ, и чрезъ нѣсколько времени сняла оковы, прося убѣдительно, со слезами, чтобы онъ не оставлялъ ея болѣе.

Θеодосій находилъ себѣ одно утѣшеніе въ церкви. Литургія не совершалась иногда за немнѣніемъ просфоръ. Молодой человекъ выучился самъ печь просфоры, покупалъ жито, мололъ своими руками, и приносилъ просфоры въ церковь. Изъ полученныхъ за нихъ денегъ часть шла на новую покупку жита, а остальные раздавались нищимъ. Сверстники смѣялись надъ

такимъ занятіемъ, мать запрещала, но онъ привелъ ее въ удивленіе, какъ замѣчаетъ жизнеописатель, премудростію своего отвѣта, сказавъ: по слову Христа Спасителя, сіе есть тѣло Его, за ны ломимое, — мнѣ ли не радоваться, сподобясь приготовить хлѣбъ, претворяемый въ святую плоть Христову.

Мать однакоже мѣшала ему безпрестанно, такъ или иначе, слѣдовать влеченію своего сердца, и онъ рѣшился наконецъ уйти отъ нея; отошелъ въ сосѣдній городъ, къ священнику, но опять былъ найденъ и возвращенъ въ Курскъ.

Посадникъ полюбилъ его за смиреніе и опредѣлилъ его жить къ своей церкви, велѣлъ надѣть на него чистую одежду, но Феодосію она была въ тягость, онъ тотчасъ отдалъ ее нищимъ, другую — также, что повторилось нѣсколько разъ. Случился праздникъ. У посадника обѣдали городскія почетныя лица. Матери хотѣлось, чтобъ ея сынъ показался въ людяхъ прилично, она пришла одѣть его сама, и увидѣла сорочку его всю въ крови: благочестивый юноша носилъ вериги. Мать насильно сняла съ него желѣзную цѣпь, которая вгрызлась въ тѣло его и причинила язвы, точившія кровь.

Чтобъ положить навсегда конецъ тягостной борьбѣ, Феодосій рѣшился постричься. Однажды, какъ мать отъѣхала на село, онъ выбѣжалъ изъ дома, прямо за городъ, чтобъ идти въ Кіевъ, и водвориться въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Но онъ не зналъ дороги. Къ счастью случилось идти обозу съ купцами туда же. Провѣдавъ это, онъ пошелъ вслѣдъ за ними издали, и останавливался близъ ихъ почлеговъ: но наученный прежними неудачными опытами,

онъ не открывъ никому цѣли своего путешествія. Такъ чрезъ три недѣли достигнулъ онъ благополучно Кіева, куда издавна рвалась душа его.

Новое затрудненіе! Ни въ одномъ монастырѣ не хотѣли принять его: гдѣ по молодости, гдѣ по бѣдности, гдѣ по разнымъ другимъ причинамъ. Услышавъ о пещерѣ Святаго Антонія, онъ окрылатъль духомъ, и явился къ затворнику прося оставить при себѣ. Ты молодъ, сказалъ ему старецъ, а здѣсь мѣсто тѣсно, пещера скорбна, перенесешь ли ты всѣ лишенія? Феодосій отвѣчалъ со смиреніемъ: Богъ привелъ меня къ твоей святости, спаситиися тобою веля, отче святыи. Что повелишь мнѣ сотворити, то и сотворю. И Антоній, прозрѣвъ въ немъ будущаго великаго подвижника и создателя святыя церкви Печерскія, приказалъ великому Никону принять Феодосія, и облечь его въ святой мнишескій образъ.

И юноша, достигнувъ цѣли своихъ желаній, въ тишинѣ и уединеніи, вдали отъ міра, на свободѣ, предаясь, съ восторгомъ сердечнымъ, благочестивымъ упражненіямъ и подвигамъ, проводя ночи въ бдѣніи и прославленіи Бога, препобѣждая сонную тягость, трудясь плотію, воздерживаясь отъ богопротивныхъ помысловъ, устремляя мысленно взоры въ небо, и занимаясь чтеніемъ Священнаго Писанія. Самъ Святыи Антоній и великій Никонъ дивились его трудамъ въ такой юности, и прославляли о немъ Бога.

Но мать нашла его здѣсь. Искавъ долго по всѣмъ сосѣднимъ мѣстамъ, и обѣщавъ большую награду тому, кто извѣститъ ее о пребываніи ея сына, она провѣдала наконецъ, что Феодосій, года еще за четыре,

ходилъ по монастырямъ Кіевскимъ, и просилъ о постриженіи; тотчасъ отправилась она въ Кіевъ, обошла всѣ монастыри, разспрашивала—но напрасно: его не было нигдѣ. Наконецъ, по долгихъ тщетныхъ исканіяхъ, узнала она, что сынъ ея укрывается въ пещерѣ Антоніевой. Какъ достать его оттуда? Лестію послала она просить старца, чтобъ онъ сподобилъ благословить ее: много путь гнавши, я хочу только поклониться ему и насладиться его бесѣдою. Антоній вышелъ. Жена говорила много, и наконецъ обратилась къ настоящей причинѣ своего посѣщенія: молю тя, отче, повѣдай мнѣ, гдѣ сынъ мой; я мучусь неизвѣстностію. Старецъ, простъ бывъ умогъ, не разумѣлъ лести ея, и отвѣчалъ, что сыпъ ея живъ, и что ей печалиться объ немъ нечего.— Такъ я хочу видѣть его, отче, воскликнула хитрая жена. Столько прогнала я пути; неужели же я ворочусь домой, не увидѣвъ его? Приходи завтра, успокоилъ ее добродушный пустынный. Сыпъ твой не хочетъ никого видѣть, но я упрошу его выйти къ тебѣ поутру.

Антоній передалъ свой разговоръ блаженному Θεодосію, которому было очень прискорбно узпать, что онъ не могъ утаиться отъ поисковъ. Старецъ убѣждалъ его видѣться на другой день съ матерью, но Θεодосій объявилъ рѣшительно, что къ ней не выйдетъ. Наставникъ долженъ былъ сообщить матери объ его отказѣ. Та не могла болѣе притворяться, и перемѣнивъ рѣчь, не съ смиреніемъ, а съ гнѣвомъ, начала упрекать старца: «ты взялъ моего сына, и укрывъ въ своей пещерѣ! Выведи мнѣ его. Я умру, если не увижу его; покажи мнѣ его, не то я погублю себя передъ вашими дверями.

Антоній въ великой горести отошелъ къ Θεодосію, и молилъ его показаться. Тому тяжело было ослушаться болѣе старца, и онъ вышелъ къ несчастной. Но кого она увидѣла! Прежній ли это былъ прекрасный юноша? Гдѣ свѣтлыя очи, гдѣ алыя ланиты, гдѣ длинныя шелковыя кудри, гдѣ бѣлое тѣло, гдѣ красота? Блѣдный, худой, истомленный, съ поникшею головою, съ тусклыми очами, безъ кровинки въ лицѣ,—однѣ кости, обтянутыя кожею,—вотъ въ какомъ жалостномъ видѣ ненаглядный сынъ явился передъ нетерпѣливою матерью. Она бросилась къ нему на шею, сжала его въ своихъ горячихъ объятіяхъ, и долго не выпускала, обливаясь горькими слезами, не въ силахъ произнесть ни слова. Пойдемъ домой, сынъ мой, начала она наконецъ, опомнившись, увѣщавать юношу. Ты будешь жить, какъ тебѣ угодно для спасенія души твоей, только чтобъ былъ ты на глазахъ моихъ: не могу вынести разлуки съ тобою. А когда я умру, тогда ты похоронишь мое тѣло, и воротишься въ свою пещеру.

Если ты хочешь всегда видѣть меня, постригись въ какомъ нибудь Кіевскомъ монастырѣ, сказалъ ей Θεодосій, тогда найдешь ты и меня, и царствіе небесное. Мать не соглашалась. Нѣсколько дней сряду уговаривали они другъ друга, безъ успѣха. Θεодосій, оставаясь одинъ, укрывался въ пещеру, и молился Богу неотступно о спасеніи души матери своей, и Богъ услышалъ теплую молитву праведника.

Мать пришла къ нему и наконецъ объявила: будь по твоему желанію! я рѣшилась. Θεодосій обрадовался, сообщилъ свою радость Антонію, и оба вмѣстѣ прославили Бога, обращающаго сердца къ покаянію.

Старецъ преподавалъ наставленіе новой послушницѣ, — извѣстилъ объ ея желаніи Книгию, — и мать Ѳеодосія постриглась въ женскомъ монастырѣ Св. Николая. Сама она пересказала всѣ сіи подробности брату, именемъ Ѳеодору, который былъ келаремъ при Ѳеодосіѣ, и сообщилъ ихъ жизнеописателю его Нестору.

Послѣдняя мірская печаль у Ѳеодосія миновалась, и онъ устремился еще съ большею ревностію на своемъ тѣсномъ пути, прилагая труды къ трудамъ и подвиги къ подвигамъ. Когда братіи около преподобнаго Антонія умножилось, они ископали пещеру обширную въ крутомъ Днѣпровскомъ берегу, и устроили въ ней церковь и кельи, которыя цѣлы до нашего времени, и привлекаютъ къ себѣ богомольцевъ со всей Россіи (1056). Ѳеодосій наложилъ на себя новое послушаніе: служить всѣмъ безъ исключенія; крѣпкій и сильный, онъ работалъ не зная отдыха, кололъ дрова, носилъ воду, мололъ муку. Всякому иноку выдавалось свечера жито для помолу на завтрашнюю пищу. Ѳеодосій ночью, когда братія предавалась сну, собиралъ всѣ доли, и, измолвъ собственными руками, клалъ каждому его часть въ извѣстное мѣсто. Остальное время ночи проводилъ въ славословіи. Спалъ онъ очень мало, и никто не видалъ его лежащаго на ребрахъ. Когда одолѣвала его усталость, онъ прислонялся къ столу, и подремавъ мало, принимался опять за свои занятія. Иногда выходилъ изъ пещеры, стоялъ на горѣ, раздѣваясь до пояса, и открывая свое тѣло комарамъ и оводамъ, которые летали въ лѣсу надъ рѣкою тучами. Злая насѣкомая терзала его, кровь текла ручьями, а онъ, неподвижный, прядъ волиу и пѣлъ псалмы, пока ударять въ било;

тогда первый приходилъ въ церковь и становился на свое мѣсто, а выходилъ изъ нея послѣдній. На тѣло свое сверху для прикрытія накидывалъ онъ ветхую шерстяную свиту, а подъ исподомъ носилъ всегда власяницу, свитую изъ самыхъ жесткихъ щетинныхъ волосъ, коими безпрестанно уязвлялся. Такъ изнурялъ онъ плоть свою, и такъ боролся съ ея требованіями. Всѣ иноки, даже самые старые и строгіе, удивлялись его терпѣнію и твердости.

За всѣ сіи подвиги Антоній удостоилъ его пресвитерскаго сана, а вскорѣ, по удаленіи Варлаамовъ, нарекъ Игуменомъ (1057).

Новое званіе открыло новое поприще для подвиговъ его смиренія и показало въ новомъ блескѣ его добродѣтели; показало, на какую степень высоты онъ поставилъ уже душу свою. Любовь, любовь и любовь дышала во всѣхъ его дѣйствіяхъ и поученіяхъ и привлекала къ нему сердца.

Никогда не сердился онъ, и никто не видалъ въ его глазахъ ни малѣйшаго гнѣвнаго воспламененія, никогда не былъ онъ пасмуренъ, тихое веселіе выражалось постоянно на спокойномъ лицѣ его.

Число братій увеличивалось съ каждымъ днемъ: Ѳеодосій, помня, какъ тяжело было ему самому слышать отказъ, по прибытіи въ Кіевъ, принималъ всякаго, хотя и невдругъ, а искусивъ предварительно въ службахъ и послушаніяхъ. «Къ нему пришелъ и я худой, недостойный, меньшій всѣхъ въ монастырѣ отца нашего Ѳеодосія, и припалъ онъ меня на 18 году», говоритъ незабвенный Несторъ, которому Богъ судилъ послѣ описать его жизнь, судьбы монастыря и всея Руси.

Когда братіи умножилось до ста, Θεодосіи долженъ былъ озаботиться о построении новой церкви и новыхъ келліи (1062), и началъ искать черническаго правила. Получивъ уставъ Студійскаго монастыря изъ Царяграда, (около 1068 г.), учредилъ онъ у себя всѣ пѣнія, молитвы и стоянія, весь рядъ церковный, какъ поклоны держати и чтенія почитати и проч.

У него переняли и другіе монастыри Русскіе, для которыхъ Печерскій монастырь сдѣлался образцомъ и примѣромъ.

Самъ Θεодосіи жилъ, по прежнему, въ непрерывномъ бдѣніи, кельиопреклоненіи, молитвословіи, чтѣ, однакожъ, старался скрывать всегда отъ братіи. Ночью, услышавъ, что кто нибудь подходитъ къ его кельѣ, за благословеніемъ къ утреннему пѣнію, онъ никогда не отвѣчалъ на первый вызовъ, молчалъ долго, давая разумѣть, что спитъ и не слышитъ прихода, и уже послѣ втораго и третьяго вопроса «благослови отче» отвѣчалъ онъ какъ бы просыпаясь: «Господь Іисусъ Христосъ благословить тя, чадо». Но кто подходилъ тихо, и останавливался одалъ предъ его кельей, тотъ слышалъ всегда его глубокія воздыханія и ушаченные земные поклоны.

Труды его также шли обыкновеннымъ порядкомъ: по прежнему ходилъ онъ на работу прежде всѣхъ, мѣсилъ тѣсто, пекъ хлѣбы, рубилъ дрова, повторяя съ веселымъ видомъ слова Спасителя: кто хочетъ быть начальникомъ, тотъ будь всѣмъ слуга. Однажды не достало дровъ. Келарь Θεодоръ, сообщившій всѣ эти подробности Нестору, пришелъ сказать Игумену: вели наколоть дровъ кому нибудь, у кого пѣтъ дѣла. У меня пѣтъ дѣла, отвѣчалъ Θεодосіи,

взялся за топоръ и началъ колоть. Братія послѣ обѣда увидѣла его за работою, принажились всѣ и заготовили топлива на долго. Въ другой разъ попадобилась въ поварихъ вода для варева, а принести было пекому. Тотъ же келарь Θεодоръ приходитъ къ Θεодосію и сказываесть. Игуменъ всталъ, поспѣшилъ къ колодезю, и пата-скалъ воды.

Случилось ему быть у Князя Изяслава за какимъ-то дѣломъ. Князь находился далеко за гѣродомъ, и, продержавъ Θεодосіа поздно вечеромъ, —чтобъ дать ему возможность отдохнуть, велѣлъ отвезти въ монастырь на возу. Дорогою отрокъ, правившій конемъ, сказалъ своему сѣдоку: сядь-ко ты самъ на коня, а я усталъ, —пусти меня лечь: ты живешь всегда въ праздности, такъ можешь и потрудиться немного. Θεодосіи тотчасъ послушался и сѣлъ на коня. Когда одолѣвала его дремота, онъ слезлъ, и шелъ подлѣ коня, ведя его подлѣ узды, а потомъ, уставши, опять садился. Между тѣмъ начало разсвѣтать Θεодосіи разбудилъ отрока: ну теперь ты отдохнулъ, садись же на коня. Бояре собирались къ Князю, и, встрѣчаясь, кланялись Игумену. Отрокъ, видя общео уваженію къ своему сѣдоку, испугался, а когда у воротъ монастырскихъ, вся братія вышла къ нему на встрѣчу, былъ уже внѣ себя отъ страха. Θεодосіи взялъ его за руку, привелъ за трапезу, велѣлъ накормить и надѣлать гуцами. Все это рассказывалъ послѣ онъ самъ великому Никопу.

Ветхое рубище Θεодосіа, за которое осуждали его многіе, говоритъ Несторъ, сіяло на немъ какъ честная багряница Царская въ глазахъ благоговѣйной братіи и

православнаго народа, приходившаго къ нему съ своими нуждами, какъ къ своему наставнику и утѣшителю, земному ангелу и небесному человѣку.

Единственное удовольствіе, которое онъ, кажется, позволялъ себѣ иногда, было подвизаться вмѣстѣ съ великимъ Никономъ, котораго онъ любилъ горячо и чтилъ какъ отца, пріявъ отъ него и мнишескій образъ: Никонъ связывалъ книги, а Феодосій приготавливалъ для него нити.

Сохранилось еще извѣстіе о совокупныхъ трудахъ его съ инокомъ Ларіономъ, который былъ хитръ книгамъ: въ то время, какъ тотъ переписывалъ, Феодосій пряталъ руками волну, а устами тихо воспѣвалъ псалмы.

Видѣть иногда ночью передъ собою живое существо, другаго брата, въ одинакихъ трудахъ, было уже для сихъ строгихъ отшельниковъ наслажденіемъ, которое позволялъ себѣ они рѣшались только изрѣдка. Посѣщалъ иногда Феодосій знаменитаго боярина Яна и жену его Марію, любя ихъ много за благочестивую жизнь. Выходилъ также препираться съ жидами, желая получить отъ нихъ смерть.

Никого, теплый на любовь, не отпущалъ онъ безъ помощи. Сострадательное его сердце внушило ему благую мысль построить для убогихъ особый домъ подлѣ монастыря, съ церковью Св. Стефана. Тамъ велѣлъ онъ пребывать слѣпымъ, хромымъ, трудноватымъ и нищимъ, подавая имъ отъ монастыря десятую часть на содержаніе. Это былъ первый страннопріимный домъ въ Россіи, или, лучше сказать, первая наша богадельня.

Всякую субботу посылалъ Игуменъ возѣ хлѣбовъ въ погребъ, гдѣ содержались узники.

Однажды привели къ нему разбойниковъ, хотѣвшихъ обокрасть монастырское село, связанныхъ по рукамъ и ногамъ. Онъ жалился надъ ними, велѣлъ ихъ накормить и напоить: далъ имъ всякаго добра, и своей бесѣдой такъ умилилъ ихъ сердца, что они, говорятъ, оставили свой промыселъ.

Всѣ обиженные находили въ немъ своего заступника. Вдова встрѣтила его идущаго по монастырскому двору въ обыкновенномъ его рубищѣ, и спросила, гдѣ Игуменъ. На что тебѣ его? отвѣчалъ Феодосій, это человѣкъ грѣшный. Я не знаю, грѣшный онъ, или нѣтъ, отвѣчала женщина, а знаю, что онъ избавляетъ многихъ отъ скорби. Миѣ надо попросить его, чтобъ онъ заступился за меня передъ судьбою, — и рассказала, въ чемъ состояла ея обида. Ступай съ Богомъ домой, я передамъ Игумену твое дѣло, сказалъ ей Феодосій, отпуская, а самъ пошелъ къ судѣ, и убѣдилъ его удовлетворить вдову.

Принимая живое участіе въ людскихъ горестяхъ, онъ училъ переносить ихъ безъ ропота, терпѣть все во славу Божию, укрѣплялъ примѣрами святыхъ угодниковъ, — и несчастные отходили отъ него утѣшенными, радуясь имѣть и слушать такого боговдохновеннаго наставника.

О братіи своей заботился онъ болѣе всего. Ночью обходилъ онъ всѣ келліи. Если слышалъ когѣ творящаго молитву, то останавливался и благодарилъ Бога. Къ бесѣдовавшимъ вдвоемъ или втроемъ онъ стучалъ обыкновенно въ дверь, и удалялся тихо. Черезъ нѣсколько времени, познавъ виноватыхъ вмѣстѣ съ прочими, онъ начиналъ

для испытанія говорить издалека о подобныхъ случаяхъ: съ легкимъ сердцемъ кто, тотъ уразумѣвалъ свою вину, и просилъ немедля прощенія, а омраченный слагалъ ее мысленно на другаго, и осуждался послѣ на эпитимию.

Объ оставившихъ монастырь, Θεодосій печалился и молился Богу, чтобъ всякое заблудшееся овча возвратилося опять къ избранному стаду. Такихъ принималъ съ радостію, и увѣщавалъ стоять впредь крѣпче, не поддаваться соблазнамъ. Ему хотѣлось, чтобъ всѣ ему вѣрныя, по слову Евангелія, спаслися.

У себя не держа ничего, такъ училъ и другихъ. Если, ходя по кельямъ, онъ находилъ что у братіи изъ брашенъ, одеждъ или инаго имѣнія, то бросалъ тотчасъ лишнее въ огонь. Мы отреклися міру, говорилъ онъ, такъ на что же намъ имѣніе! Какъ можно припосить молитву чисту, если есть сокровище въ кельѣ! Что говоритъ Господь: идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше! Или: безумне, въ сію ночь душу истяжутъ твою, а яже собра, кому будутъ!

Онъ старался особенно водворить въ себя и въ своихъ учениковъ надежду на всегдашнюю помощь Божію и не заботиться, по слову Евангельскому, о завтрашнемъ днѣ, что ямы и что піемы.

Однажды, рассказываетъ Несторъ, приспѣвшу празднику Св. Успенія, не стало въ монастырѣ деревяннаго масла. Строитель разсудилъ сбить масло изъ льнянаго сѣмени, и спросилъ Θεодосія. Тотъ согласился. Когда масло было сбито, строитель увидѣлъ вдругъ мышъ на днѣ сосуда, и пошелъ донестъ Игумену: я накрылъ сосудъ-отъ,

и не могу понять откуда заползла гадина. Божіе указаніе, сказалъ Θεодосій. Намъ надо было положиться на вышнюю помощь. Вылей масло на землю. Потерпимъ. — И въ самомъ дѣлѣ вечеромъ кто-то отъ богатыхъ прислалъ братіи цѣлую корчагу деревяннаго масла. Всѣ кадила были наполнены, и на утрій день сотворися праздникъ велиій.

Въ другой разъ доложили Θεодосію о недостаткѣ припасовъ. Подождите мало, отвѣчалъ онъ, и если не получите ничего, сварите пшено, и поставьте братіи съ медомъ. Прошло нѣсколько времени, — вдругъ везуть на дворъ отъ одного боярина два воза всякихъ брашенъ: хлѣба, рыбы, сыра, пшена, меда. Θεодосій сказалъ келарю: видишь, братъ, что Господь о насъ печется. Сотвори же нынѣ обѣдъ великъ: се убо посѣщеніе Божіе есть. Возвеселимся съ братією. — Братія была угощена, а онъ все-таки веселился духовно, ѣлъ черствый хлѣбъ, пилъ воду и хлѣбалъ зелье, вареное безъ масла.

Самъ послушный, онъ училъ и другихъ послушанію: въ день Св. Димитрія Θεодосій пошелъ съ братією въ монастырь сего святаго къ празднику. На встрѣчу ему, еще въ монастырѣ, принесъ кто-то хлѣбовъ очень бѣлыхъ. Игуменъ велѣлъ предложить ихъ оставшимся инокамъ. А келарь подумалъ: нѣтъ, я подамъ лучше завтра эти хлѣбы всей братіи, а нынѣ остающіеся поѣдятъ и монастырскаго хлѣба. Такъ и сдѣлалъ. Θεодосій замѣтилъ на другой день за трапезою чужіе хлѣбы. Откуда эти хлѣбы, спросилъ онъ келаря, который и сказалъ ему о своемъ распоряженіи. Θεодосій велѣлъ ихъ собрать и бросить въ рѣку, какъ пред-

меть ослушанія, а на келаря наложилъ эпитимію, не веля ничему быть безъ благословенія.

Предъ наступленіемъ Великаго поста, папаничъ Масляной педѣли, Θεодосіи имѣлъ обыкновеніе уединяться въ пещеру на всю четырехдесятиницу, простясь съ братьею и преподавъ наставленіе, какъ проводить постное время въ молитвахъ пощныхъ и дневныхъ, какъ блюстися отъ помысловъ скверныхъ, кои называлъ бѣсовскимъ пасьяніемъ, — какъ воздерживаться отъ излишняго вкушенія брашна, ибо въ яденья и питіи многомъ возрастаютъ помыслы, говорилъ онъ, а помысламъ возрастниимъ сотворается грѣхъ. «Противьтесь всѣмъ силами пронырствамъ діаволиимъ, наказывалъ онъ братіи, будьте бодры на пѣніе церковное, на преданья отеческая и на чтенія кнѣжная, а болѣе всего старайтесь имѣть въ устахъ псалтирь Давидовъ, имъ же прогоняется бѣсовское уныніе, и такъ имѣла любовь ко всѣмъ меньшимъ и послушаніе къ старшимъ, въ воздержаніи и смиреніи проводите постъ.» Игумень бралъ съ собою въ пещеру мало коврижекъ хлѣба, затворялся изнутри, а спаружи дверь засыпалася землею. Если случалась до него крайняя нужда, то говорили съ нимъ чрезъ оконце, и то только въ субботу или воскресенье.

У святыхъ отшельниковъ, живущихъ въ тишинѣ, ничѣмъ не возмущаемой, свободныхъ отъ вѣшнихъ впечатлѣній, устремляющихъ все свое вниманіе, всѣ силы своей души на размышленіе о грѣхахъ и удаленіе отъ искушеній, бываетъ обыкновенно самая тяжелая, самая жестокая борьба съ злыми духами, которые мѣшаютъ имъ въ благочестивыхъ занятіяхъ. Вдругъ иногда

поднимается шумъ и крикъ, рассказывалъ о себѣ самъ Θεодосіи, множество колесницъ скачетъ въ тѣсной пещерѣ. Коня бросаются прямо къ лицу. Земля трясется подъ ногами. Гора обваливается на голову. Θεодосіи стоитъ твердо, не ображаетъ никуда взоромъ, поетъ псалмы — и все пропадаетъ. Въ другой разъ слышатся гусли и сонели, органы и бубны, раздается музыка и пѣніе, громче и громче, сладкіе голоса приближаются къ самому уху — Θεодосіи крѣпится, творитъ молитву, и все утихаеетъ. Но вотъ сомкнулъ онъ глаза, и опять слышится то же громозвучіе, и опять запѣваеетъ онъ тихимъ голосомъ: да воскреснетъ Богъ и расточаетъ враги его, — и враги расточаются. Однажды начинаеетъ онъ класть земные поклоны, — вдругъ огромный чернѣйшій пестъ подвернулся ему подъ ноги, и не даетъ ему доклониться до земли. Θεодосіи хочетъ ударить его, — тотъ исчезаетъ. Ужась попала на меня, рассказывалъ онъ, и я хотѣлъ бѣжать, но укрѣпился, участилъ колынопреклоненія, и бодрость возвратилась.

Въ послѣдствіи Θεодосіи такъ окрѣпъ въ подобныхъ борьбахъ, что бѣсы перестали уже беспокоить его, и скрывались отовсюду, по рассказамъ братіи, гдѣ бы онъ ни являлся съ своею святою молитвою.

Одного шюка, именемъ Ларіона, того самаго, который занимался переписываніемъ книгъ, бѣсы измучили. Легъ онъ однажды отдохнуть, какъ вдругъ наскочило ихъ множество, такъ что вся келлія наполнилась ими: одни припились таскать его за волосы, другіе схватили стѣну и хотѣли обрушить ее на него. Несчастный не могъ вытерпѣть и пришелъ къ Игумену проситься въ другую келлію. Нѣтъ, пѣтъ,

отвѣчалъ Θεодосіи, не отходи, чтобы бѣсы не похвалялись о тебѣ, и не взяли бы больше власти надъ тобою. Оставайся и молись. Не могу, отвѣчалъ Ларіонъ, такъ много бѣсовъ! Тогда Θεодосіи перекрестилъ его и сказалъ: или, отселъ они не будутъ тебѣ на костити. Ларіонъ повѣрилъ, помолился и успулъ сладкимъ спомъ: никто не смѣлъ къ нему прикоснуться.

Слава о святой жизни Θεодосія распространилась по всей Русской землѣ: его называли земнымъ ангеломъ и небеснымъ человекомъ. Князя, бояре и все люди искали его бесѣды, и приходили къ нему за благословеніемъ, просили у него совѣтовъ или утѣшеній. Кіевскій Князь Изяславъ посѣщалъ его часто, Черниговскій Святославъ завидовалъ брату, что онъ имѣеть такого свѣтлыника въ своей области, какъ рассказывали многіе Черниговскіе монахи, Переяславскій Всеволодъ и его приближенные награждали монастырь безпрерывно вкладами.

Изяславъ оказывалъ великое уваженіе преподобному Θεодосію. Однажды пріѣхалъ онъ съ немногими отроками, и слѣзъ съ коня у воротъ, а на конѣ никогда не вѣзжалъ онъ на монастырскій дворъ. Привратникъ не пускалъ, говоря, что не велѣно отирать веротъ до вечерни. Я Князь, сказалъ Изяславъ, меня ли ты непустишь? Не велѣно пускать и Князя. Если хочешь, подожди до вечерни. Изяславъ кослалъ его къ Пугмену, а самъ остался у воротъ и дождался отвѣта, пока Θεодосіи вышелъ и его принялъ, объяснивъ причину монастырскаго правила.

Изяславъ часто оставался за трапезою, и вкушая простыхъ монастырскихъ бра-

шенъ, говорилъ: отче, всехъ благихъ міра сего исполнился домъ мой, рабы мои изготовляютъ мнѣ всякія дорогія яства, но онѣ не приходятъ мнѣ такъ по вкусу, какъ твои; никогда у себя не ѣмъ я такъ сладко, какъ здѣсь. Отъ чего это происходитъ? Θεодосіи, желая «увѣрнить Князя на любовь Божию», отвѣчалъ: если хочешь знать, такъ вотъ отъ чего: когда у насъ братія задумаютъ что стряпать, хлѣбъ печь или варить сочиво, то возмутъ сперва благословеніе отъ Пугмена, потомъ положить три поклона передъ олтаремъ, зажгутъ свѣчу отъ святаго престола, и разведутъ ею огонь. Вся служба совершается съ молитвою и благословеніемъ Божиимъ, а твои рабы работа ссорятся, бранятся, клянутся, приставники ихъ бьютъ, и все происходитъ съ грѣхомъ. Изяславъ, выслушавъ, сказалъ: по истинѣ, отче, такъ есть, какъ ты говоришь.

Между тѣмъ произошло смятеніе въ братьяхъ. Меньшіе, Святославъ и Всеволодъ, выгнали старшаго Изяслава, который въ другой разъ принужденъ былъ скитаться по чужимъ странамъ, напрасно ища помощи, (1169). Овладевъ Кіевомъ, побѣдители прислали звать Св. Θεодосія къ себѣ на обѣдъ. Не пойдя на пиршество Изяслава, иіобщитися вашего брата: оно исполнено крови и убійства, — сказалъ онъ посланному, и присоединялъ еще многое въ укоризну Князьямъ, веля передать имъ все. Они не смѣли прогнѣваться на Θεодосія, зная его свята человека, но не послушались его рѣчей; и онъ началъ обличать Святослава, какъ несправедно возставшаго на старшаго брата, иногда посылалъ къ нему письма, иногда поручалъ боярамъ пересказывать свои упреки изустно. Наконецъ

написалъ къ нему длинное посланіе, заключающая его словами: гласъ крови брата твоего вопіетъ на тя къ Богу, какъ Авелева на Каина. Святославъ, прочтя посланіе, пришелъ въ пейство, «какъ левъ рыкнулъ на праведнаго», ударилъ хартіей о землю, — и промчалась молва, что быть Θεодосію осуждену на заточеніе. Братія поражены были горестію, и обратились всѣ молить преподобнаго, чтобъ онъ оставилъ Князя въ покоѣ. Самъ великій Никонъ со страху рѣшился уйти въ Тмутораканскій свой монастырь, какъ ни убѣждалъ его Θεодосій не разлучаться съ нимъ до копчины. Болре приходили многіе, рассказывали о княжемъ гнѣвѣ, и просили не противиться ему: «онъ ушлетъ тебя на поточенье». Θεодосій оставался твердымъ. «Чего же лучше, братія, говорилъ онъ. Не о чемъ скорбѣть мнѣ: у меня нѣтъ ни дѣтей, ни семьи, ни богатства. Я готовъ на поточеніе.» Ему даже очень хотѣлось поточену быти. И началъ онъ укорять Святослава еще болѣе о братоненавидѣніи, не велѣлъ у себя въ монастырѣ на эктеніяхъ поминать его имени, какъ сѣдшаго черезъ законъ на Кіевскомъ столѣ, а велѣлъ поминать только имя Изяслава, законнаго Князя. Святославъ, какъ ни былъ разгнѣванъ на Θεодосіа, не осмѣливался причинить ему ни малѣйшаго зла, въ страхъ предъ его добродѣтелями. Θεодосій, много молимъ отъ братіи и бояръ, наипаче же разумѣвъ, что не успѣетъ ничто же укоризнами, размыслилъ лучше убѣждать иначе Князя, чтобъ онъ возвратилъ брату его область, — позволилъ поминать и его имя на эктеніяхъ, лишь только послѣ Изяславова.

Святославъ, узнавъ объ умиловивленіи Θεодосіа, обрадовался, потому что очень желалъ бесѣдовать съ нимъ и насытиться

духовныхъ словесъ его. Тотчасъ послалъ онъ къ Θεодосію спросить, позволить ли ему придти въ монастырь или нѣтъ. Θεодосій позволилъ, и Святославъ, обрадованный, явился съ своими боярами. Игуменъ съ братією, вышедъ изъ церкви, встрѣтилъ его и поклонился по обычаю, а Князь сказалъ ему: се, отче, не смѣлъ придти къ тебѣ, думая, что ты гнѣваешься, и можетъ быть не пустишь меня въ монастырь. А Θεодосій отвѣчалъ: что успѣетъ гнѣвъ нашъ еже на державу вашу. Подобааетъ намъ обличать и глаголатъ вамъ потребное на спасеніе души, а вамъ лѣпо есть того послушати. Они пошли въ церковь, и по молитвѣ съѣли. Θεодосій много говорилъ отъ святыхъ книгъ, и потомъ старался показать Князю, какъ любилъ его братъ, а Князь износилъ многія вины на него, за кои не хотѣлъ сотворить съ нимъ міра. По многой бесѣдѣ Святославъ отиде въ домъ свой, благодаря Бога, что сподобился бесѣдовать съ такимъ мужемъ. И съ тѣхъ поръ часто приходилъ къ нему насыщаться духовнаго того брашна, которое было для него слаще медвенаго сота.

И Θεодосій посѣщалъ его, всегда напоминая о страхѣ Божиемъ и братней любви. Однажды пришелъ къ нему святой мужъ, какъ въ палатѣ его пировался пиръ: раздавались шумныя клики и радостныя плески; кто игралъ на гусяхъ, кто на органахъ, кто пѣлъ пѣсни, пляска во всемъ размахѣ, какъ есть обычай передъ Княземъ. Θεодосій взглянулъ, остановился у дверей, и съѣлъ, поникнувъ очами долу. Вдругъ шумная толпа увидѣла святаго мужа въ его ветхой одеждѣ, сидящаго вдали въ глубокой задумчивости, — и внезапно все умолкло по знаку Княжескому. Θεодосій приподнял тогда голову и произнесъ тихимъ голосомъ: а будетъ ли такъ,

чадца, на томъ свѣтъ! У Князя показались слезы, онъ прекратилъ празднество. И послѣ всегда прекращалъ онъ свои игры, когда показывался Игуменъ въ его жилищѣ. Если случалось ему впередъ узнать, что идетъ Св. Ѳеодосій, онъ выходилъ встрѣчать за дверями. Отче, говорилъ ему Святославъ, истинно говорю тебѣ, что еслибъ отца возвѣстили мнѣ возставшаго отъ мертвыхъ, я не обрадовался бы ему столько, сколько радуюсь всегда твоему приходу; его не боялся, его не сомнѣвался я столько, какъ твоей преподобной души.—Если ты боишься меня столько, отвѣчалъ ему Ѳеодосій, такъ сотвори волю мою, и возврати брату столь его отца. И Святославъ умолкалъ, не зная, что отвѣчать ему. Такъ разжжено было сердце у него на брата, что имени его не могъ онъ слышать равнодушно.

Между тѣмъ Ѳеодосій съ братією, по благословенію святаго Антонія, который былъ еще живъ и пребывалъ въ своей пещерѣ въ совершенномъ уединеніи, моляся и постясь, рѣшился поставить каменную церковь и обнести монастырь оградою. Лишь только въ народъ стало извѣстно о такомъ намѣреніи, со всѣхъ сторонъ собралось множество людей на помощь. Приѣхалъ Князь Святославъ, и по молитвѣ началъ первый копаніе; за нимъ принялись всѣ: кто возилъ землю, кто стругалъ бревна, кто носилъ воду. Игуменъ участвовалъ во всѣхъ работахъ вмѣстѣ съ братьями. Дѣло пошло успѣшно, основанье наполнялось, выходило уже изъ земли. Но не привелъ Богъ увидѣть великій храмъ Успенія Божіей Матери, ни Ѳеодосію, ни Антонію, ни Святославу. Всѣ трое скончались въ продолженіи одного года, одинъ за другимъ:

сперва Антоній, потомъ Ѳеодосій, и вскорѣ Святославъ.

Ѳеодосій, проведя время великаго поста по обыкновенію въ пещерѣ, отпраздновалъ потомъ съ братією день Свѣтлаго воскресенья, и запомогъ. Пять дней продолжалася его болѣзнь — на шестой, почувствовавъ себя очень дурно, ввечеру, велѣлъ положить себя на сани и подвезть къ церкви, а братію созвать, гдѣ бы кто ни былъ. Собрались всѣ, ипоки, приставники и тѣпы, и всѣ монастырскія слуги. Ѳеодосій преподалъ имъ наставленіе въ послѣдній разъ, завѣщавая каждому оставаться въ порученной ему службѣ, исполнять ее со всякимъ прилежаніемъ и страхомъ Божіимъ, въ покорности любви. Потомъ долго со слезами говорилъ о спасеніи души, о братолюбіи, о богоугодномъ житіи, — и въ заключеніе спросилъ: братья моя, и отцы мои, и чада моя! смерть меня постигаетъ. Кого наречъ вамъ игумена? — Кого тебѣ угодно, отвѣчали они рыдая. И онъ назначилъ Іакова Пресвитера. Братія переговорили между собою, и стали просить у него Стефана Демественника: «онъ твой ученикъ, служилъ тебѣ и взросъ подъ твоей рукой, его памъ дай, а Іаковъ,» сказали они, «не здѣсь постриженъ.» Ѳеодосій, выговоря имъ за желаніе исполнить свою волю, а не Божію, благословилъ Стефана, и сказалъ ему: чадо, се предаю ти монастырь, блюди его со опасеніемъ, и держи все, какъ устроилъ я въ службѣ, не измѣняй преданія монастырскаго и устава, но твори все по закону и чину. Отъ умолкъ. Братья взяли его, и, отнеся въ келью, положили на одрѣ. Три дня лежалъ онъ почти безъ чувства, не могій повести и глазами. На шестой день пришелъ къ нему

Князь Святославъ съ сыномъ Глѣбомъ. Я отхожу отъ свѣта, сказалъ ему Θεодосіи, отдаю монастырь подъ твое покровительство, не дай въ обиду Игумена Стефана. Князь облобызалъ его, и обѣщался исполнить все по его волѣ. На седьмой день, изнемогая совершенно, призвалъ Игумень братію, и сказалъ имъ: если по моемъ отшествіи монастырь обиловать будетъ черноризцами и всеми потребами, то вѣдайте, что Богъ пріять меня, а если вы оскудѣвать начнете, то значить, что я не угодилъ Ему. Братья всѣ плакали и говорили: отче, молися за насъ Богу; мы знаемъ, что Богъ не презритъ твоей молитвы. Θεодосіи велѣлъ положить тѣло свое въ пещерѣ, гдѣ совершилъ труды свои многіе, и похоронить почію. Потомъ перецѣловалъ ихъ всѣхъ поодиначкѣ, простился и отпустилъ. Братъ, служившій ему, сталъ у двери и смотрѣлъ черезъ скважину; онъ увидѣлъ, что Θεодосіи поднялся съ одра, усталъ на колѣна предъ образомъ Божіей Матери, долго молился со слезами, и потомъ поднялся съ веселымъ лицомъ, легъ на своей одрѣ, и сложилъ руки крестомъ. Братія собрались къ нему снова и сидѣли всю ночь надъ умирающимъ. На 8 день, во 2 субботу по пасхѣ, въ часъ второй днѣ, мѣсяца Мая въ 3 число, индикта въ 11 лѣто, отъ Р. X. 1074, отъ С. М. 6582, предалъ душу свою въ рудѣ Божіи.

По наступленіи вечера братья взяли честное тѣло его, и поя молитвы, псалмы и пѣсни духовныя, со свѣщами въ рукахъ, хвала и слава Бога, отнесли его въ пещеру, въ указанное имъ мѣсто.

Церковь Печерская довершена была по кончинѣ его черезъ три года преемникомъ

его Игуменомъ Стефаномъ, а освящена въ 1089 г. митрополитомъ Іоанномъ, Всеволоду Князю державшу столѣ Кіевскіи.

На другой годъ (1090) по освященіи церкви Печерской, Игумень и черноризцы, сотворше совѣтъ, рѣшили: не добро отцу нашему Θεодосію лежать не въ церкви своей, что самъ основалъ, — и выбрали мѣсто, гдѣ положить его мощи.

Предъ праздникомъ Успенія Божіи Матери, за три днѣ, Игумень призвалъ къ себѣ инока Нестора лѣтописателя. «Пойдемъ въ пещеру къ Θεодосію,» сказалъ онъ мнѣ, такъ рассказываетъ самъ Несторъ. «Я пошелъ съ нимъ, и мы осматривали вмѣстѣ пещеру, назнаменовали мѣсто, гдѣ былъ погребенъ Θεодосіи. Игумень велѣлъ мнѣ откопать его съ кѣмъ нибудь изъ братіи втайнѣ. Я приготовилъ лопаты, чѣмъ копать. Во вторникъ вечеромъ, не вѣдущу никому же, пришелъ я въ пещеру съ товарищемъ. Мы прогѣли псалмы, и я началъ копать, усталъ и передать товарищу; мы копали до полупочи и не могли доконаться. Я началъ тужить, не ошибаемся ли мы, копая на иномъ мѣстѣ, взялъ однако же лопату и принялся снова за работу; а другъ легъ отдохнуть передъ пещерою. Между тѣмъ ударили въ било. Братъ закричалъ ко мнѣ: ударили въ било! А я въ самый тотъ мигъ коснулся мощей, и закричалъ ему: пашель, прокопаль! И взялъ меня ужась, я началъ молиться: Господи помилуй, Господи помилуй! Потомъ послалъ извѣстить Игумена, который тотчасъ и пришелъ съ двумя братьями. Мы окопали много и влезли въ яму: Θεодосіи лежалъ цѣлый и невредимый; волосы только притясли къ головѣ. На другой день собрались епископы,

игумены со всѣхъ монастырей съ черноризцами, благовѣрные люди, и, взявъ мощи Св. Θεодосія, съ горящими свѣщами и куреньями, положили въ притворѣ церковномъ съ правой стороны, въ четвергъ, мѣсяца Августа въ 14 число, въ часть 1 дня, Индикта въ 14 лѣто, — и отпраздновали день тотъ свѣтло.

Долго по преставленіи Св. Θεодосія братія ни о чемъ не говорили болѣе, какъ о блаженномъ своемъ наставникѣ, которому всѣ они преданы были душою, и котораго любили сердечно. Повторялись всѣ рѣчи, припоминались его поступки. Нѣкоторымъ изъ нихъ являлся онъ во снѣ. Многіе случаи, оставшіеся при жизни въ неизвѣстности, — иногда по его именнымъ приказаніямъ, — переходили теперь изъ устъ въ уста. Какъ о жизни, такъ и о кончинѣ его открывались новыя обстоятельства. Князь Святославъ рассказывалъ, что въ самый часъ кончины пр. Θεодосія онъ видѣлъ огненный столпъ надъ монастыремъ, почему и уразумѣлъ, что представляется Св. Θεодосій. Замѣчали, что ко времени пренесенія его тѣла въ пещеру, народу собралось множество къ святымъ воротамъ, хотя не было ни кому повѣстки, и дожидалось выносу, видя и ходя около воротъ; много было и бояръ, — но братія, въ силу его приказанія погребсти его тѣло въ тишинѣ, пережидали, заперши ворота, — и вдругъ пролился дождь, такъ что народъ долженъ былъ разойтись, и завѣщаніе могло быть исполнено въ точности, солнцу воссіявшу.

Такъ точно, при обрѣтеніи Несторомъ мощей его, два брата, сидѣвшіе въ своихъ келліяхъ, и смотрѣвшіе на пещеру, увидѣли вдругъ надъ нею три столпа радужныхъ,

которые спустились оттуда надъ церковь. А Стефанъ, перешедшій передъ тѣмъ игуменомъ въ другой монастырь, увидѣлъ черезъ поле надъ пещерою зарю великую, и подумалъ, что переносить уже тѣло Θεодосія, о чемъ извѣщено было предварительно. Ему стало жаль, что это происходитъ безъ него; онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ братомъ Климентомъ, видя передъ собою безпрестанно зарю, а какъ подъѣхалъ къ пещерѣ, гдѣ копалъ Несторъ, такъ ничего не стало уже видно.

Чудный свѣтъ надъ монастыремъ многіе видали часто ночью и прежде.

Одинъ бояринъ, проходя полемъ, верстахъ въ 15 отъ монастыря, увидѣлъ вдругъ Печерскую церковь на облакахъ, и погналъ къ ней съ своими отроками, — а какъ подъѣхалъ, то она уже снизошла на землю, и стала на свое мѣсто.

Другой видѣлъ свѣтъ около монастыря, а въ свѣтѣ передъ церковью Θεодосій молился съ воздѣтыми къ небу руками.

Да, заключаетъ Несторъ, монастырь казался всему народу небомъ, гдѣ паче солнца сіялъ Св. Θεодосій добрыми своими дѣлами, а звѣздами около него были его ученики.

Изъ бесѣдъ и совѣщаній между иноками оказалось яснымъ, что Θεодосій еще при жизни своей удостоился благодати Божіей:

Однажды пришелъ Св. Θεодосій къ любимому имъ боярину Яну и его супругѣ Маріи, и бесѣдовалъ о смертномъ часѣ, о царствіи небесномъ для праведниковъ, о мукѣ для грѣшниковъ. Яневая сказала: гдѣ-то придется мнѣ лечь? Θεодосій отвѣчалъ: ты ляжешь тамъ, гдѣ лягу я. И дѣйствительно,

Марія, скончавшаяся чрезъ 18 лѣтъ послѣ Св. Θεодосія, положена была въ церкви Св. Богородицы, противъ гроба Θεодосіева на лѣвой сторонѣ.

Одинъ бояринъ, отправляясь въ походъ, произнесъ обѣтъ принести двѣ гривны золота въ монастырь Θεодосіевъ, на вѣнецъ Божіей Матери, если останется въ живыхъ послѣ войны. Онъ спасся, не смотря на общее пораженіе, возвратился домой невредимъ, — и позабылъ о своемъ обѣтѣ. Уснулъ онъ однажды въ полдень въ своей горницѣ. Вдругъ слышитъ страшный голосъ, его зовущій: Клименте! Онъ всталъ и увидѣлъ надъ своей кроватію икону Божіей Матери: что же ты не исполнилъ обѣта, произнесла она. Климентъ бросился съ своимъ даромъ тотчасъ къ Св. Θεодосію, а чрезъ нѣсколько времени вздумалъ приложить еще Евангеліе, не говоря о томъ никому. Лишь только показался онъ въ монастырь, какъ Θεодосій встрѣтилъ его словами: Ну — вынимай же Евангеліе изъ-за пазухи.

Огласились и многія чудеса Θεодосія: Пришелъ однажды строитель допестъ ему, что хлѣба нѣтъ въ монастырѣ. Θεодосій велѣлъ посмотрѣть въ житницѣ. Тамъ нѣтъ ничего, отвѣчалъ инокъ, я и сусѣкъ подмель. Къ углу только пригрѣбъ я пригоршни три отрубей, либо четыре. — Поди же, и вѣруй, что отъ сихъ пригоршней можетъ умножиться жито. И въ самомъ дѣлѣ, строитель, подойдя къ житницѣ, увидѣлъ ее ужъ полнехоньку, такъ что и жито пересыпалось въ закормѣ черезъ стѣпу на землю.

Князь Изяславъ просидѣлъ однажды поздно въ монастырѣ, заслушавшись сладкихъ рѣчей Θεодосія. Наступилъ вечеръ. Князь остался на вечернее славословіе.

Полился дождь. Вхвать было нельзя. Игуменъ велѣлъ приготовить ужинъ для Князя. Ключарь отвѣчалъ, что у нихъ нѣтъ меду. Θεодосій спросилъ: нѣтъ ли хоть мало. Ничего, отвѣчалъ ключникъ, я и бочку опрокинулъ. Посмотри истѣе, сказалъ Θεодосій. — Говорю тебѣ, честный отецъ, что я и бочку опрокинулъ. — Иди же по глаголу моему, во имя Господа нашего Иисуса Христа, и обращеши все на потребу. Экономъ удалился и нашель бочку полную меду. Онъ воротился со страхомъ возвѣстилъ Игумену. Молчи, подавай Князю и братіи. Это благословеніе Божіе.

И обитель его никогда не оскудѣвала, никогда не было въ ней ни въ чемъ недостатка. Экономъ Евдокимъ пришелъ сказать Θεодосію, когда тотъ трудился въ кельѣ съ Ларіономъ, что на завтра нѣтъ хлѣба для братіи. Θεодосій отвѣчалъ: теперь пасть только вечеръ, утро далеко; потерпи моляся Богу. Можетъ быть Онъ попечется объ насъ. Прошло еще нѣсколько часовъ. Экономъ приходитъ съ прежнимъ напоминаніемъ: хлѣба нѣтъ. Не будетъ, отвѣчалъ Θεодосій, такъ сходишь завтра на торгъ, и купишь заемъ, а мы отдадимъ послѣ, Богу благодарю. Но лишь только вышелъ экономъ, какъ является въ келью какой-то юноша, и не говоря ни слова кладетъ гривну злата на столъ. Θεодосій позвалъ тотчасъ эконома, и отдалъ ему злато, а кто былъ юноша, не могли добратся никакъ. Привратникъ божился, что ворота были заперты, и не проходилъ передъ его глазами никто.

Въ вербную пятницу, послѣ тягостныхъ трудовъ великаго поста, Θεодосій велѣлъ испечь для братіи бѣлыхъ хлѣбовъ по

установленному обычаю. Келарю почему-то не захотѣлось исполнить этого приказанія, и онъ отвѣчалъ, что нѣтъ такой муки. Братія шла уже къ скудному обѣду, какъ вдругъ увидѣли всѣ, что на дворѣ везутъ цѣлый возъ бѣлыхъ хлѣбовъ отъ какого-то доброхотнаго дателя. А когда чрезъ два дня келарь сталъ печь хлѣбы изъ той муки, коей сказалъ не быть, и началъ мѣсить тѣсто, то вдругъ оказалась въ немъ жаба.

Пришелъ священникъ изъ города просить вина для совершенія литургіи. Θεодосій призвалъ келаря и велѣлъ дать. Тотъ отвѣчалъ, что у нихъ самихъ мало, и едва достанетъ обѣдни на двѣ, либо на три. Вылей все, возразилъ Θεодосій, а намъ Богъ дастъ. Келарь все-таки ослушался, и оставилъ себѣ на завтрашній день. Священникъ принесъ показать, сколько ему налито. Вылей все, повторилъ Θεодосій, и о завтрашнемъ днѣ не пекись. И въ самомъ дѣлѣ, когда кончилась трапеза, взѣхало на дворѣ два воза съ корчагами вина, что ключница Всеволодова приносила въ даръ Печерскому монастырю.

Такъ и по кончинѣ его, на поляхъ монастырскихъ всегда былъ урожай и въ стадахъ приплодокъ, по замѣчанію всей братіи. Какъ всего прибывало, такъ все и сохранялось въ цѣлости. Обитель Θεодосіева, при жизни его и по смерти, была безопасна отъ всякаго злаго обстоянія. Θεодосій ежедневно и еженощно обходилъ монастырь съ молитвою, и враги не могли переступить чрезъ святую ограду.

Однажды ночью злые люди хотѣли украсть имѣніе, сокрытое на полатахъ. Дворъ былъ разгороженъ по случаю построекъ. Воры приходятъ прямо къ церкви.

Тамъ слышится пѣніе. Они ушли въ лѣсъ, и, переждавъ нѣсколько времени, воротились, но пѣніе все еще продолжается. Они назадъ, пробыли еще сколько-то въ лѣсу, и опять къ церкви, полагая, что теперь навѣрное кончилась служба, но нѣтъ: все тѣ же голоса слышатся, и видится свѣтъ, и чуется страхъ. Нѣсколько разъ подходили они такимъ образомъ, пока наконецъ въ самомъ дѣлѣ собрались монахи пѣть заутреню. Перебьемъ же ихъ и возьмемъ все, закричали злодѣи, разсердяся, что были останавливаемы морокомъ. Бросились, но, о чудо! церковь со всѣми сущими въ ней поднялась на воздухъ, такъ что стрѣлами до нея дострѣлить было нельзя. Воры убѣжали, и уже послѣ нѣкоторые, покаясь, пришли къ Θεодосію и рассказали о чудѣ. Инокі же, ничего не сознавая прежде, теперь только поняли, что то служили и пѣли ангелы, которые охраняли обитель, — и возблагодарили Бога.

А въ другой разъ разбойники, хотѣвшіе ограбить монастырское село, увидѣли около него стѣпу столь высокую, что перелѣзть черезъ нее не было никакой возможности.

Не только разбойники, но и бѣсы трепетали присутствія Θεодосія: однажды начали они пакости дѣлать въ поварнѣ, разсыпали муку, проливали воду, били посуду. Θεодосій, пришедъ туда, затворилъ двери, остался тамъ всю ночь на молитвѣ, — и бѣсы пропали. Такъ же точно изгналъ онъ ихъ въ другой разъ и изъ хлѣва, по рассказамъ приставниковъ.

Все это рассказывалось, узнавалось, открывалось, — новыя чудеса увеличивали вѣру къ почившему Θεодосію.

Одинъ бояринъ убоился поточеву быти отъ Князя за какую-то вину; прибѣгнувъ съ молитвою къ Св. Ѳеодосію, и увидѣлъ его во свѣ, предрекающаго, что Князь отложитъ гнѣвъ свой, что и случилось.

Человѣкъ нѣкій, отходя въ путь, принесъ иноку Конону лунке серебра на сбереженіе. Другой увидѣлъ и укралъ. Кононъ, скорбя о подозрѣніи, на него падавшемъ, молилъ Бога открыть похитителя. Св. Ѳеодосій во снѣ указалъ ему мѣсто, гдѣ серебро было спрятано, и тотъ, проснувшись, нашель все сполна, и оправдался.

Крылошанинъ храма Св. Софїи занемогъ, огнемъ жегомый, помолился, — и увидѣлъ Св. Ѳеодосіа, подающаго ему посохъ, и велящаго идти. Проснувшись, онъ выздоровѣлъ и пришелъ въ монастырь разсказать братіи о своемъ исцѣленіи.

Въ уваженіе всѣхъ сихъ чудесъ и явленій, Ѳеоктистъ, игуменъ Печерскій, обратился къ Великому Князю Святополку, чрезъ 25 лѣтъ по кончинѣ Ѳеодосіа, просить его, чтобъ онъ велѣлъ вписать святаго въ синодикъ. Князь былъ радъ, и велѣлъ исполнить то по всѣмъ епископіямъ.

Такимъ образомъ епископы съ 1103 года начали поминать Св. Ѳеодосіа на всѣхъ соборахъ, — и православный Русскій народъ, стекаясь ежегодно толпами со всѣхъ сторонъ къ Кіевскимъ пещерамъ, ублажаетъ Святаго Ѳеодосіа вмѣстѣ съ наставникомъ его Святыхъ Антоніемъ, какъ ревностныхъ своихъ ходатаевъ и молитвенниковъ предъ престоломъ Вышняго о земномъ благоденствіи Отчества.

Вмѣстѣ со славою Святыхъ Антоніа и Ѳеодосіа распространялась слава и о монастырѣ, ими основанномъ, — онъ сдѣлался предметомъ общаго благоговѣнія.

Церковь Печерская почиталась Божиимъ созданіемъ. .

Еще Несторъ разсказалъ объ одномъ чудесномъ явленіи, ознаменовавшемъ ея основаніе; по его извѣстію весь народъ услышалъ однажды гласъ безчисленныхъ людей поющихъ въ монастырѣ. Всѣ встали съ ложъ своихъ, и вышли на высокое мѣсто, откуда слышно было гнѣіе. Свѣтъ сіялъ надъ монастыремъ Ѳеодосіа. Черноризцы выходили изъ ветхой церкви, неся икону Пресвятой Богородицы, съ горящими свѣчами—впереди игуменъ, св. Ѳеодосій. Всѣ они дойдя до того мѣста, гдѣ послѣ построена была церковь, возвратились въ свои келліи.

Въ другой разъ виденъ былъ пламень, исходящій отъ ветхой церкви, и упиравшійся другимъ концемъ на мѣсто новой.

Впродолженіи времени открывались еще разныя подробности, переходившія изъ устъ въ уста, и Симонъ, епископъ Владимірскій, жившій въ началѣ XII вѣка, составилъ изъ нихъ сказаніе, которое мы сообщимъ здѣсь, чтобъ познакомить съ духомъ того времени, и представить доказательства славы, кою пользовалась въ древности Печерская обитель.

Первое благовѣстіе о Печерской церкви дано свыше, вдали отъ Русской земли, въ дикихъ пустыняхъ холодной Скандинавіи.

Варягъ Шимонъ, принужденный дядею Якуномъ лѣпымъ, что помогалъ Великому князю Ярославу, въ Лиственской битвѣ, противъ брата его Мстислава, оставить

родину, рѣшился искать счастья тамъ же, гдѣ искали и многіе изъ его соотечественниковъ. Задумавъ ѣхать въ Гольмгардъ, онъ взялъ съ собою изъ отческаго дома золотой вѣнецъ и поясъ, въ 50 гривепъ золота, съ Распятія, написаннаго по заказу отца его вапнымъ писаніемъ. «Неси въ уготованное мѣсто, гдѣ созиждется церковь отъ преподобнаго. Тому отдай чтобъ повѣсялъ передъ жертвенникомъ,» раздался голосъ, лишь прикоснулся Симонъ руками къ образу, и онъ со страху упалъ за мертво.

Плывъ по морю, во время бури, когда плаватели отчаялись живота, Симонъ увидѣлъ на воздухѣ церковь, и услышалъ, что эту церковь намѣренъ строить преподобный. Ему велѣно измѣрить зданіе золотымъ поясомъ, и оказалось въ немъ 20 локтей въ ширину, 30 въ длину, и 50 въ вышину. Буря утихла, и Симонъ съ своими товарищами благополучно прибылъ послѣ въ Кіевъ, все еще непонимая, о какой церкви онъ слышитъ въ другой разъ, какой преподобный хочетъ ее ставить, и гдѣ она будетъ поставлена.

Ярославичи, собравшись войною на Половцевъ, (1067), пришли за благословеніемъ къ св. Антонію. Симонъ служилъ тогда въ дружинѣ Всеволодовой. Преподобный со слезами предрекъ имъ поражение. Симонъ палъ къ нему въ ноги, и просилъ сохранену быти отъ смерти. Антоній ободрилъ его, сказавъ, что хотя многіе убіены и потоплены будутъ, но онъ спасется, и тѣло его впослѣдствіи будетъ положено въ имѣющей здѣсь создатися церкви.

Тогда только Симону блеснула мысль, что вѣрно объ этой церкви слышалъ онъ у себя дома, и ее видѣлъ на морѣ.

И онъ увидѣлъ ее еще разъ, лежа въ ранахъ, истекающій кровью, на берегу Альты, гдѣ разбиты были Половцами Русскіе вои, по предреченію Антонія: онъ обратился взорами къ небу, и такъ представилась ему на воздухѣ опять эта знакомая церковь, великая и красная. «Господи,» воскликнулъ онъ, «избавь меня отъ лютой смерти»... И вдругъ почувствовалъ онъ себя лучше, кровь перестала течь изъ ранъ, и онъ вскорѣ нашелъ въ себѣ столько силы, что могъ подняться и пойти за помощью.

Тогда-то, выздоровѣвъ, онъ принесъ св. Антонію золотой поясъ и вѣнецъ, и рассказалъ о своихъ видѣніяхъ: «Се мѣра и основа, а вѣнецъ повѣсьте надъ святою трапезою.»

Старецъ восхвалилъ Бога, и передалъ игумену Феодосію богатое приношеніе Шимона.

И вотъ черезъ нѣсколько времени являются къ нимъ четыре мужа знатныхъ, и спрашиваютъ: гдѣ хотите строить церковь? Тѣ отвѣчаютъ: Господь наречетъ мѣсто. Незнакомцы возразили: Дали вы намъ столько золота, а мѣста не знаете, гдѣ строить церковь.

Преподобные не могли ничего понять, созвали братію и спросили Грековъ: скажите намъ истину, что все это значить.

«Мы спали по домамъ. Рано, восходящу солнцу, пришли къ намъ благообразные мужи и сказали: царица зоветъ васъ въ Влахерну. Мы взяли съ собою родныхъ и ближнихъ, которымъ была та же рѣчь, и отъ тѣхъ же згатаевъ, и обрѣлися всѣ вмѣстѣ во Влахернѣ. Увидѣли царицу со множествомъ воевъ, и поклонились ей. Она сказала: хочу возградить себѣ церковь въ Русской землѣ, въ Кіевѣ, возьмите себѣ золота на четыре лѣта. Мы поклонились и отвѣчали: о госпоже Царица! отсылаешь

насъ въ чужую сторону, къ кому же тамъ прійдти?—Посылаю предъ вами Антонія и Θεодосія.»

«За чѣмъ же ты даешь намъ злата на четыре года: вели имъ пецися о насъ, что ясти и что пити, а насъ вознаградишь послѣ сама. Царица сказала: сей Антоній, благословивъ, отыдетъ свѣта сего на вѣчный покой, а Θεодосій послѣдуетъ за нимъ на другой годъ. Возмите злата,—послѣ вы получите, чего никто не можетъ дать, о чемъ ухо ничье не слыхало, и что на сердце человеку не входило. Я приду сама видѣть церковь. И велѣла намъ выйдти на ясно. Мы вышли, и увидѣли церковь на воздухъ великую и красную. Воротаясь мы спросили: въ какое имя церковь?—Въ свое имя хочу наречи церковь.—Мы не смѣли спросить объ ея имени, но она сама сказала: Богородицына будетъ церковь,—и дала намъ икону намѣстную, и мощи святыхъ мучениковъ, что положить въ основаніе.»

Слушавшіе всѣ прославили Бога. Антоній отвѣчалъ: о чада! великой благодати Христосъ васъ сподобилъ; Его воли вы свершители. Звали васъ—ангели, а Царица во Влахернѣ — сама чувствениѣ явившаяся вамъ, Пресвятая чистая и непорочная Богородица и Приснодѣва Марія, а иже воины ей предстояли — то суть безплотныя силы ангельскія. Наше подобіе и золота подаяніе Господь вѣсть якоже сотвори. Благословенъ приходъ вашъ—добру спутницю имѣете, сію честну икону Госпожину. Да дастъ она вамъ якоже общалася, еже ухо не слыше и на сердце не възиде. Никто можетъ того, кромѣ Ея и Сына Ея Господа Исуса Христа, Его же поясъ и вѣнецъ здѣ отъ Варягъ принесенъ.

Греки поклонились со страхомъ, и просили показать мѣсто. Антоній сказалъ: пребудемъ три дня молящися, и Господь укажетъ намъ мѣсто.

Въ ту же ночь явился ему Господь глаголя: обрѣлъ еси благодать предо Мною. Антоній сказалъ: Если обрѣлъ благодать, то пусть по всей землѣ будетъ роса, а на мѣстѣ, идѣже великой быти церкви, да будетъ суша.

Почутру обрѣтено было мѣсто сухо, гдѣ находится нынѣ церковь, а вся земля кругомъ орошена была роскою.

Въ другую ночь Антоній молился, да будетъ по всей землѣ суша, а на святомъ мѣстѣ роса. И было такъ.

Въ третій день святой Антоній измѣрилъ златымъ поясомъ ширину и долготу, и воздвигъ руцѣ возопилъ гласомъ великимъ: Послушалъ мене, Господи, водою, днесъ послушай мене огнемъ, да разумѣютъ вси, яко Ты еси хотяи сему.

И спаде огонь съ небесе, и пожже вся дрова и терніе, и росу полиза, и долину сотвори, якоже ровомъ подобно, гдѣ быти основанію церкви. Всѣ предстоявшіе пали ницѣ, какъ мертвые. Князь Всеволодъ случился тутъ вмѣстѣ съ больнымъ сыномъ Володимеромъ, который былъ обложенъ поясомъ и выздоровѣлъ.

Чудеса не прекратились еще: когда выведены были стѣны, явились писцы изъ Грекъ, и осмотрѣвъ церковь, начали споръ съ игуменомъ: поставте нашихъ рядцевъ; они показывали намъ церковь малую, а это великая,—вотъ ихъ золото; мы воротимся въ Царьградъ. Игумень Никонъ спросилъ: Кто съ вами рядился? Они отвѣчали: Антоній и Θεодосій.—О чада! не можемъ вамъ ихъ

поставить. Десять лѣтъ уже какъ они скончались, и молятся о насъ на небесахъ.

Греки смутились и привели многихъ другихъ гостей, съ которыми прѣхали: вотъ мы рядилися предъ ними, и получили золото изъ рукъ Антонія и Θεодосія, а вы не хотите показать ихъ. Если ихъ нѣтъ въ живыхъ, покажите образа. Игуменъ вынесъ образа. Греки и Обезы признали—точно это они! Тогда рассказали слѣдующее:

Приплывъ въ Каневъ изъ Олешья, мы увидѣли великую церковь въ высотѣ, и узнавъ, что это Печерская церковь, которую взяли расписывать, разсердились, и хотѣли бѣжать назадъ домой въ Царьградъ. На Днѣпрѣ поднялася буря, и мы очутились подъ Триполемъ: ладья неслася взводу, (вверхъ по водѣ), какъ будто поднимала ее какая сила. Наконецъ мы остановили ее съ великою нуждою, и цѣлый день думали, что будетъ, удивляясь, какъ могли мы въ одну ночь, не гребуци, проплыть столько, что другіе не могутъ въ трое сутокъ. На слѣдующую ночь мы увидѣли эту чудную икону, которая намъ возгласила: что, человѣци, мятетеся всуе, не покоряясь волѣ Моей и волѣ Сына Моего! Она угрозила намъ смертію, если мы не оставимъ своего намѣренія, и обѣщала великія награды за повиновеніе. Поутру мы однакожъ принялись грести внизъ по рѣкѣ, а насъ несло вверхъ, и мы предались воли Божій. Ночью увидѣли мы во свѣ Божью Матерь, которая не велѣла намъ противиться волѣ ея, —мы покорились, и ладья пристала скоро къ подошвѣ вашей горы монастырской.

Мастера и писцы, кончивъ свою работу, остались жить въ монастырѣ, приняли мнишескій образъ, и положены въ особомъ притворѣ. Суть и свиты ихъ на полатахъ, и

книги ихъ греческія, блюдами на полатахъ, въ память такового чуда, говоритъ св. Стефанъ.

Доска каменная для престола принесена и поставлена на мѣстѣ неизвѣстно кѣмъ, послѣ того какъ строители отчаялись найти подобную, и рѣшались поставить деревянную, къ прискорбію игумена и братіи. Они долго искали, кто принесъ имъ такой даръ, посылали съ золотомъ въ каменоломни, но нигдѣ по водѣ и по суху не нашлись слѣды тѣхъ стопъ, что привезли святую трапезу на предложеніе пречистаго тѣла и святыя крови.

Освященіе церкви сопровождалось повыми чудесами. Всѣ сосѣдніе епископы: Іоаннъ Черниговскій, Исаія Ростовскій, Лука Бѣлогородскій, Антоній Юрьевскій, явились къ великому празднеству, невѣдомо кѣмъ приглашенные. Антоній, епископъ Юрьевскій, прежде большой, выздоровѣлъ по услышаніи гласа. Митрополитъ удивился, увидѣвъ ихъ собраніе, какъ древле собраніе апостоловъ при успеніи Божіей Матери.

Когда, обойдя три раза, священныи соборъ воскликнулъ: возмите врата князи ваша, —и некому было отпѣть: кто есть сей царь славы, — въ церкви никого не было — послѣдовало долгое молчаніе. —Вдругъ извнутри раздалось сладкое пѣніе: кто есть сей Царь славы.

И всѣ ужаснулись, уразумѣвъ, что ангелы довершили священное славословіе.

Въ княженіе Всеволода Ярославича, при игуменѣ Никонѣ, совершилось новое чудо въ церкви страшное: когда мастера начали выкладывать алтарь мусіею, образъ Божіей Матери вообразился самъ собою, и просвѣтился паче солнца. Всѣ предстоявшіе, не могуще зрѣти, пали ницъ. Опомившись хотѣли взглянуть, и вдругъ вылетѣлъ голубъ бѣлый изъ устъ Богорицы, полетѣлъ къ

Спасову образу, и тамъ скрылся. Предстоящіе озирались кругомъ, думая, не вылетѣлъ ли голубь изъ церкви, какъ вдругъ излетѣлъ онъ опять изъ устъ Спасовыхъ, началъ носиться по всей церкви, садясь къ кому на голову, къ кому на плечо, кому на руки, и наконецъ отлетѣлъ, и скрылся за мѣстною Богородичною иконою. Приставили лѣстницу, чтобъ взять его оттуда, — искали, и не находили, какъ вдругъ, онъ самъ вылетѣлъ и поднялся къверху. Снизу раздался крикъ: ловите, ловите его, — а голубь влетѣлъ опять въ уста Спасова образа, изъ коихъ вылетѣлъ, и паки свѣтъ осіялъ ихъ паче солнца. Падши ницъ, всѣ предстоящіе поклонились Господу.

«Какая церковь въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ ознаменовалася такими чудесами!» восклицаетъ Симонъ, епископъ Володимирскій, сохранившій намъ всѣ сіи преданія, «пройдите всѣ книги, и вы нигдѣ не найдете подобныхъ чудесъ: По небесному гласу измѣрена ея высота, длина и ширина поясомъ Господа Иисуса Христа, Сына Божія. Богородица дала злато на построение. Мастера присланы изъ Греціи. Писцы привезены въ ладѣ вверхъ по рѣкѣ. Иногда являлся столпъ огненный на ея мѣстѣ отъ неба до земли, иногда облако, иногда дуга; часто являлась надъ церковью икона, носимая ангелами. Многожды церковь была видима до построения. Огнемъ и росю означено мѣсто, и низпослано свыше благословение.

О слѣдующемъ времени преп. Симонъ рассказываетъ касательно Печерской церкви еще вотъ какой случай: Были два боярина: Иванъ и Сергій. Случилось имъ придти въ Печерскую церковь. Они увидѣли свѣтъ чуденъ на иконѣ Богородичной, и заклю-

чили между собою союзъ духовнаго братства. Черезъ нѣсколько времени Иванъ, имѣвшій сына Захарію, пяти лѣтъ, занемогъ. Онъ призвалъ игумена Никона, и отдалъ ему все имѣніе для маломощныхъ, а сыновнюю часть, тысячу гривенъ серебра и сто гривенъ золота, отдалъ на руки вмѣстѣ съ сыномъ нареченному брату своему Сергію. Сынъ пришедъ въ возрастъ, спросилъ у него своего имѣнія. Сергій отвѣчалъ, что отецъ отдалъ все Богу, «у него и проси, а у меня нѣтъ ничего; я не долженъ ни тебѣ, ни твоему отцу, ни одного золотишка. Отецъ виноватъ, раздавъ все имѣніе въ милостыню, и оставивъ тебя въ нищетѣ.» Сынъ соглашался на половину. Сергій разругалъ и отца и сына. Ну дай хоть третью, десятую долю. «Ничего.» Такъ поди же и поклянись предъ иконою Божіей Матери, гдѣ ты взялъ братство съ отцемъ. Сергій пошелъ, поклялся, хотѣлъ приложиться, и не могъ. Какъ бы пораженный бросился онъ къ дверямъ восклицая: «о святіи Антоній и Θεодосій, не велите этому ангелу немилостивому убивать меня. Прогоните бѣсовъ, которымъ я преданъ. Возмите золото мое, запечатанное въ кѣтви.» Послали за имѣніемъ, и нашли въ указанномъ мѣстѣ двѣ тысячи-гривенъ серебра и двѣсти золота. И бысть страхъ на всѣхъ, и съ тѣхъ поръ не позволено клясться этою иконою. Захарія отдалъ все игумену Іоанну, постригся, и скончался въ монастырѣ. На это золото и серебро поставлена церковь Іоанна Предтечи, на полатахъ, въ честь жертвователей, Ивана и Захаріи.

Предложивъ житія святыхъ основателей Печерскаго монастыря, Антонія, Никона и Θεодосія, приступаемъ къ житіямъ прочихъ Печерскихъ затворниковъ.

Варлаамъ. Часто приходилъ бесѣдовать къ Св. Антонію и Феодосію сынъ перваго боярина Изяславова Яна, (Іоанна) и внукъ того Вышаты, что плавалъ подъ Царьградъ въ послѣдній разъ съ Володимеромъ, сыномъ Ярославовымъ. Коснулась его благодать, сердце загорѣлось желаніемъ спастися, и онъ рѣшился оставить свѣтъ, отца и мать, жену, богатство. — «Мнѣ хочется жить съ вами,» сказала онъ однажды Антонію, и принять мнишескій образъ. «Доброе дѣло,» отвѣчалъ пустынникъ, «по смотри, чтобъ не захотѣлось тебѣ послѣ воротиться опять въ міръ. Тогда хуже будетъ.» Чѣмъ болѣе отсовѣтовалъ Антоній, тѣмъ сильнѣе ощущалъ молодой человѣкъ желаніе. На другой день, въ свѣтлой и славной одеждѣ боярской, въ толпѣ многочисленныхъ отроковъ, подѣхалъ онъ къ пещерѣ Антоніевой. За нимъ вели множество коней, навьюченныхъ всякимъ богатствомъ. Затворники вышли на встрѣчу къ посѣтителямъ, и поклонились до земли. Молодой человѣкъ слезъ съ коня, скинулъ съ себя дорогое убранство, и положилъ къ ногамъ Антоніевымъ: «вотъ прелести міра сего,» сказалъ онъ, «дѣлай съ ними, что угодно. Я хочу жить съ тобою въ уединеніи и бѣдности,» — и поклонился предъ нимъ въ землю. Антоній боялся принять его. А если отецъ твой съ воинами придетъ къ намъ, и уведетъ тебя, а намъ помочь нечѣмъ, — и ты явишься предъ Богомъ яко отъетникъ и ложь. — «Хоть бы онъ мучить меня сталъ, не возвращусь въ міръ, ты только постриги меня скорѣе.» — И Антоній велѣлъ Никону постричь, при чемъ и нареченъ онъ былъ Варлаамомъ. Отецъ Варлаамовъ пожаловался князю Изяславу. Князь, услышавъ, что въ

тоже время и ключникъ его постриженъ,* восплилъ гнѣвомъ и велѣлъ привести къ себѣ Никона. «Ты его постригъ?» спросилъ онъ. Я, отвѣчалъ пустынникъ. «Отведи его назадъ домой, не то я велю раскопать вапу пещеру, а тебя со всѣми товарищами ушло въ заточеніе.» Что угодно тебѣ, то и дѣлай, а мнѣ нельзя отъ Царя небеснаго отводить Его воинновъ.» — Новая обитель между тѣмъ была въ величайшемъ страхѣ. Антоній собрался уйдти въ другую сторону. Прочіе братія поднялись вслѣдъ за нимъ. Насилу уже Изяславова жена, Ляховица родомъ, могла уговорить своего мужа, рассказавъ, сколько зла причинилось у нихъ въ Польшѣ отъ того, что оттуда выгнаны были когда-то монахи, — и онъ отпустилъ Никона, а прочихъ велѣлъ воротить.

Тогда бояринъ Янъ, увидя, что ничего не сдѣлано княземъ по его желанію, рѣшился управиться самъ. Взявъ своихъ отроковъ, онъ поспѣшилъ въ пещеру, вытащилъ своего сына, сорвалъ съ него черную расу, клубукъ, и велѣлъ одѣть по-боярски. Варлаамъ скинулъ въ свою очередь дорогія одежды. Отецъ велѣлъ связать ему руки, одѣть снова и отвезть домой. Дорогою онъ увидѣлъ разсѣлину калъну, сбросилъ туда свою одежду, и началъ топтать въ грязи. Дома отецъ велѣлъ посадить его съ собою за трапезу. Онъ не прикасался ни къ какой пищѣ, и сидѣлъ потупивъ глаза. Отецъ отпустилъ его въ свой покой, и велѣлъ молодой женѣ его нарядиться, и всѣми силами прельщать его; молодой инокъ сѣлъ въ уголь, отворачиваясь отъ нея, и моляся Богу избавить его отъ искушенія. Три дня потомъ не вставалъ онъ съ мѣста, въ

* См. ниже, въ житіи Ефрема, с. 602.

своей кльти, не одѣвался, не ѣлъ и не пилъ ничего. А Антоній и Θεодосій съ прочею братією между тѣмъ молились за него Богу — и бояринъ сжалился накопецъ надъ своимъ сыномъ, испугавшись, чтобъ онъ не умеръ съ голода и холода, — поцѣловалъ и отпустилъ. Жена, отецъ и мать, провожали его, рыдая; рабы и рабыни плакали о немъ, какъ о мертвомъ. А онъ, какъ птица, вырвавшись изъ силковъ, или серна, освободясь отъ тенетъ, побѣжалъ опрометью, неоглядываясь, изъ отеческаго дома въ свою темную пещеру. Инокѣ, увидѣвъ его, обрадовались и прославили Бога, услышавшаго ихъ молитву.

Водворившись въ пещерѣ съ Св. Антоніемъ, Θεодосіемъ, Никономъ, онъ вскорѣ до такой степени успѣлъ въ духовной жизни, что нареченъ былъ отъ Св. Антонія игуменомъ при умноженіи братіи. Великій князь Изяславъ, основавъ монастырь Дмитріевскій, въ честь своего ангела, послалъ туда игуменомъ Варлаама. Варлаамъ ходилъ оттуда въ Іерусалимъ, и, посѣтивъ всѣ святыя мѣста, возвратился въ свой монастырь. Потомъ отправился онъ въ другой разъ въ Константинополь, обошелъ всѣ тамошніе монастыри, и искупилъ все нужное для своего монастыря, но на возвратномъ пути, предпринятомъ по сухому пути, занемогъ отчаянно, и скончался въ Святогорскомъ монастырѣ близъ Владимира-Волынскаго, Ноября 19, вѣроятно 1065 года. Онъ заповѣдалъ своимъ спутникамъ отнести тѣло его въ монастырь къ Св. Θεодосію, и передать туда всѣ вещи, искупленные имъ въ Константинополь, что и было ими исполнено. Тѣло Варлаамова положено на правой сторонѣ церкви. Память его празднуется.

Ефремъ, каженникъ, управлялъ всѣмъ домомъ В. К. Изяслава, и былъ любимъ имъ больше всѣхъ.

Онъ, также, услажденный бесѣдами святыхъ отшельниковъ, рѣшился жить съ ними, и былъ постриженъ Никономъ, несмотря на гнѣвъ государевъ. Изъ пещеры чрезъ мѣсяць времени онъ ушелъ въ Константинополь, и водворился въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Святый Θεодосій присылалъ къ нему за спискомъ Студійскаго устава, который и былъ имъ списанъ для Кіевскаго монастыря.

Послѣ по возвращеніи онъ былъ назначенъ епископомъ въ Переяславль, гдѣ оставилъ много памятниковъ своего благочестія, просвѣщенія и любви къ ближнему. Несторъ въ лѣтописи рассказываетъ, какъ онъ украсилъ Переяславль церковными и прочими зданіями, обвелъ каменными стѣнами, окончивъ церковь Св. Михаила, основалъ церковь Св. Θεодора на городскихъ воротахъ, другую по близости Св. Андрея. Имъ построено нѣсколько церквей и въ Суздаль съ главами.

Онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ другими епископами при торжественномъ пренесеніи мощей Св. Θεодосія изъ пещеры въ каменную церковь, 1091 года Августа 14 дня, въ четвергъ.

Степенная книга говоритъ объ учрежденіи имъ больницъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ безмездно пользовались больные. Ему приписываютъ банное строеніе — подъ коимъ одни разумѣютъ крещальни, другіе купальни, а иныя церковныя главы, коихъ прежде, будто, на Руси не бывало!

Стефанъ. Онъ служилъ domestикомъ или уставщикомъ по крылосу во время игуменства Θεодосіева, который поручалъ ему часто говорить поученія братіи, вмѣсто себя. Предъ кончиною блаженнаго игумена братія просила его наречь Стефана ему преемникомъ, вмѣсто Іакова мпиха, котораго онъ указывалъ, ибо-де Іаковъ не у насъ постриженъ, «Стефанъ выросъ подъ твоєю рукою,» говорили они, «и послужилъ тебѣ: его намъ дай.» Θεодосій согласился, хотя съ укоризною: я назначалъ по Божьему повелѣнію, а вы хотите сотворить свою волю. — За симъ Стефанъ получилъ его наставленія.*

Стефанъ управлялъ Печерскою обителью пять лѣтъ, окончилъ строеніемъ Печерскій храмъ, котораго основаніе до земли положево было Св. Θεодосіемъ, — къ Іюлю 11 1075 г. Такъ какъ храмъ отстоялъ отъ древняго монастыря почти на двѣсти сажень, то новый игумень построилъ деревянныя келліи-около него, и перевелъ въ нихъ братію. Въ дрепемъ оставлены не многіе иноки для погребенія умирающихъ, и для совершенія заупокойныхъ литургій. На дворѣ между монастырями, дрепимъ и новымъ, устроенъ былъ пріемъ странниковъ. Все обнесено было деревянною стѣною. Незвѣстно, за что братія вознегодовала впослѣдствіи на своего избранныка, и онъ принужденъ былъ оставить игуменство и монастырь. Онъ основалъ тогда новый монастырь, близъ любимой обители, на другомъ отрогѣ Печерской горы, на Кловѣ, въ честь Св. Богородицы Влахернской, которая столько прославилась при созданіи Печерскаго храма. Въ 1091 г. Св. Стефанъ былъ епископомъ Владимиро-Волынскимъ, и присутствовалъ при перенесеніи мощей Св. Θεодосія изъ пещеры въ Лавру. Скончался 27 Апрѣля 1094 года.

* См. выше, с. 591.

Даміанъ, великій постникъ и воздержникъ, до смерти своей не ѣлъ и не пилъ ничего, кромѣ хлѣба съ водою. Мало спавъ ночью, онъ съ прилежаніемъ читалъ книги, и старался подражать житію и смиренію преп. Θεодосія, котораго любилъ всѣмъ сердцемъ. Θεодосій отсылалъ къ нему обыкновенно больныхъ дѣтей, что приносились въ монастырь, и вообще всѣхъ приходящихъ лечиться отъ разныхъ недуговъ. Даміанъ читалъ падъ ними молитвы, помазывалъ масломъ, и многіе исцѣлялись. Предъ кончиною онъ молился со слезами Богу, чтобъ не отлучалъ его на томъ свѣтѣ отъ наставника и отца его, преподобнаго Θεодосія, — и вдругъ видитъ его предъ одромъ своимъ. Θεодосій палъ на грудь къ Даміану, и, любезно цѣловавъ, сказалъ ему: объ чемъ ты молишься, то совершится, послалъ меня Господь сказать тебѣ: ты причтешься со святыми, и когда я умру, то приду къ тебѣ, и мы останемся вмѣстѣ. Съ этими словами онъ сдѣлался невидимымъ. Даміанъ уразумѣлъ, что это было явленіе отъ Бога, и послалъ за блаженнымъ Θεодосіемъ. Когда тотъ пришелъ, то спросилъ его съ веселымъ лицомъ: будетъ ли такъ, отче, какъ ты обѣщался? Θεодосій отвѣчалъ, что не знаетъ, о какомъ обѣщаніи онъ говорить. Даміанъ рассказалъ ему происшедшее. Тогда Θεодосій прослезился, уразумѣвъ видѣніе, и сказалъ ему: братъ Даміанъ, что обѣщалъ тебѣ ангелъ, явися въ моемъ образѣ, то будетъ тебѣ, — яже грѣшный какъ могу быть общникомъ славы, уготованной праведникамъ? Даміанъ обрадовался, перещеловалъ созванную братію, и предалъ съ миромъ душу свою пришедшимъ за нею ангеламъ. Память его празднуется Октября 5.

Иеремія, старецъ великій, помнившій Володимерово крещеніе Русской земли. Сему дарованъ былъ даръ отъ Бога знать будущее и читать въ мысляхъ человѣческихъ. Онъ обличалъ многихъ втайнѣ и училъ блюстись отъ діавола. Задумаетъ братъ какой оставить монастырь, онъ объявлялъ скрытное намѣреніе, предсказывалъ доброе и худое, — и все сбывалось. Помнивъ крещеніе Володимерово и живя при Θεодосіѣ, онъ скончался вѣроятно около 1070 г., слѣдовательно ему было 90 лѣтъ.

Матвѣй отличался даромъ прозорливости. Однажды, рассказывалъ онъ, стою я въ церкви на своемъ мѣстѣ, взглянулъ на братію, поющую по обѣимъ сторонамъ на крылосахъ, и вижу: бѣсъ въ образѣ Ляха, въ людѣ, ходитъ вокругъ съ цвѣтами, что называется лѣпокъ, — полныя полы, — и бросаетъ въ монаховъ: къ кому цвѣтокъ прильнетъ, тотъ, постоявъ немного, уходитъ изъ церкви подъ какимъ нибудь предлогомъ въ келью, и ложится спать; а отъ кого цвѣтокъ отскакивалъ, тотъ стоитъ крѣпко, до окончанія утрени. Въ другой разъ послѣ заутрени прислалъ Матвѣй отдохнуть подъ биломъ, а келья его была далеко отъ церкви. Вдругъ видитъ онъ толпу, идущую изъ монастырскихъ воротъ, а по срединѣ одинъ ѣдетъ на свиньѣ. — Куда вы? — спросилъ ихъ старецъ. — За Михалемъ Толбековичемъ, отвѣчалъ бѣсъ, сидѣвшій на свиньѣ. Пришедши въ свою келью, Матвѣй послалъ келейника спросить, въ кельѣ ли Михаилъ, и узналъ, что онъ дѣйствительно ушелъ со столпья по заутрени. Много видѣній онъ имѣлъ, и скончался въ старости маститой, уже послѣ Θεодосія и Стефана, при преп. Никонѣ, вѣроятно въ 1088 году. Память его празднуется 5 Октября.

Исаакій. Это былъ богатый купецъ Торопецкій, именемъ Чернь. Задумавъ идти въ монахи, онъ роздалъ имѣніе свое нуждавшимся и въ монастыри. Антоній принялъ его и нарекъ Исаакіемъ.

Онъ возимѣлъ житіе крѣпкое, и надѣлъ на себя власяницу, потомъ велѣлъ купить козла и, снявъ съ него шкуру, покрылся ею, — волосами вверхъ, — которая на немъ и высохла. Онъ водворился въ пещерѣ въ самой тѣсной кельѣ, въ 4 локтя, и безпрестанно молился тамъ со слезами: лядю ему была просфора, и та черезъ день, да немного воды. Пищу приносилъ ему самъ Антоній, и подавалъ черезъ малое оконце, въ которое едва пролезть могла рука. Такъ провелъ онъ семь лѣтъ, не выходя на свѣтъ Божій, неложась спать на ребра, а засыпая по малу сидя.

Однажды, наставшу вечеру, началъ онъ кланяться и пѣть исалмы до полуночья; по обычаю; потрудясь прислалъ на сѣдалѣ своемъ и погасилъ свѣчу. Вдругъ возсіялъ свѣтъ въ пещерѣ какъ отъ солнца, и явились предъ нимъ двое юношей, прекрасныхъ, свѣтозарныхъ, и прорекли ему: Христось идетъ къ тебѣ, падъ поклонися ему. Онъ падъ поклонился, позабывъ положить на себя крестное знаменіе, и бѣсы воскликнули: нашъ еси Исаакій! Вся кельица и вся улица пещерская наполнилась бѣсами. Возмите сопѣли, бубны и гусли, сказалъ одинъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христось, пусть попляшетъ намъ Исаакій. И ударили всѣ въ сопѣли, бубны и гусли, и начали играть. Наругавшись имъ, оставили его утомленнаго, еле жива, и исчезли.

Заутра Антоній принесъ для него хлѣба къ оконцу, по обычаю, и произнесъ: благослови

Господи! отче Исаакіе! Отвѣта не было. Антоній подумалъ: се уже преставился, — послалъ за Θεодосіемъ и братією. Откопали устье, вынесли Исаакія, какъ мертваго, и положили предъ пещерою. Здѣсь увидѣли, что онъ живъ, и Θεодосій приписалъ его состояніе бѣсовскому дѣйству. Тѣло его положено на одръ, и Антоній служилъ ему.

По удаленіи Антонія къ Святославу въ Черниговъ, вслѣдствіе гнѣва Изяславова, Θεодосій взялъ Исаакія къ себѣ въ келью. Два года лежалъ онъ здѣсь разслабленный, не могій повернуться на бокъ, ни встать, ни сѣсть, черви заводились нѣсколько разъ подъ нимъ отъ мокроты и сырости. Глухъ и нѣмъ былъ Исаакій два года, не вкушалъ ни хлѣба ни воды, никакого брашна или овоща; Θεодосій омывалъ и опряталъ его своими руками, творилъ молитву надъ нимъ день и ночь. На третье лѣто онъ проглаголялъ и началъ слышать, и на ноги поднялся, и пошелъ, какъ младенецъ. Ни какъ не хотѣлъ онъ идти въ церковь, и только насильно приводили его туда. Θεодосій началъ водить его сперва въ трапезницу, и сажалъ отдѣльно отъ братіи. Положите хлѣбъ передъ нимъ, велѣлъ игуменъ, но не кладите ему въ руки: пусть самъ ѣстъ. Недѣлю онъ не прикасался, а потомъ началъ, оглядываясь, прикушивать хлѣба, и выучился пить.

Исаакій возложилъ на себя потомъ опять воздержаніе жестокое. По кончинѣ уже Θεодосія, при Стефанѣ, Исаакій сказалъ: ты прельстилъ меня дьяволъ сидящаго на единомъ мѣстѣ, такъ я не хочу заперяться въ пещерѣ, а хочу побѣдить тебя ходя въ монастырѣ. Онъ надѣлъ на себя власяницу, а сверху нея

свиту витолянну, пришелъ помогать поварамъ, — и между тѣмъ началъ юродствовать. Къ заутрени приходилъ прежде всѣхъ, и стоялъ крѣпко, недвижимо; зимою во время лютыхъ морозовъ онъ ходилъ въ прабошняхъ и черевьяхъ протоптанныхъ, такъ что ноги примерзали у него къ камню, но онъ стоялъ твердо до тѣхъ поръ, какъ оканчивалась заутрени. По заутрени ходилъ въ поварницу, и приготавливалъ огонь, воду, дрова, пока соберутся прочіе повара. Однажды поваръ, тоже именемъ Исаакій, думая посмѣяться надъ нимъ, сказалъ: вонъ сидитъ воронъ черный, поди возми его. Исаакій поклонился повару, пошелъ, и взявъ ворона въ руки принесъ. Всѣ ужаснулись, и повѣдали чудо игумену и братіи, которые всѣ начали чтить его особенно. Но Исаакію не хотѣлось славы человѣческой: онъ началъ пакостить то игумену, то братіи, то мірскимъ человѣкамъ, ходя по міру и юродствуя, даже до побоевъ. Онъ поселился въ прежней пещерѣ Антоніевой, собиралъ къ себѣ молодыхъ людей, одѣвалъ ихъ въ монашеское платье, и получалъ за то раны отъ ихъ родителей, и упреки отъ игумена Никона: раны, наготу, студѣнь, днемъ и ночью, онъ все сносилъ терпѣливо. Затопилъ онъ однажды печь въ истобкѣ у пещеры, разгорѣлась она, и начало выкидывать пламя утлизнами: заложить ему было нечѣмъ, и онъ сталъ босыми ногами на пламя, пока оно не погасло. Много рассказываютъ о немъ, а иное видѣлъ я самъ, говоритъ Несторъ: совершенную власть пріобрѣлъ онъ надъ бѣсами, какъ надъ мухами, и ни во что ставилъ ихъ прецѣнья и мечтанья. Часто приставали они къ нему и твердили: ты нашъ, ты поклонился намъ и нашему старѣйшинѣ. Онъ крестился, и

бѣсы исчезали. Иногда представлялись ему народомъ цѣлымъ они и кричали: раскопаемъ пещеру, загребемъ его; другіе кричали: бѣги, Исаакій, хотятъ загresti тебя! Иногда показывался въ пещерѣ лютый звѣрь, медвѣдь, иногда приползали зміи, жабы, мыши и всякій гадъ. Исаакій крестился, творилъ молитву, и все исчезало. Ну, Исаакій, ты побѣдилъ насъ, сказали они ему наконецъ, не могли ничего сдѣлать съ нимъ. Тря года, по его разсказу, продолжалась эта лютая брань. Наконецъ онъ успокоился; пощеніе, воздержаніе, бдѣнія стали исправлять по прежнему. Въ этихъ подвигахъ онъ провелъ лѣтъ 20 послѣ своего исцѣленія. Наконецъ заперомъ, и выпесенъ больной въ монастырь, гдѣ на осьмой день скончался, и погребенъ игуменомъ Іоанномъ съ братією, не прежде 1090 года. Память его празднуется 14 Февраля.*

Моисей Уришъ. Это былъ братъ Георгія, отрока Борисова, который былъ убитъ вмѣстѣ съ своимъ кляземъ, за золотую гривну, повѣшенную на его шеѣ. Онъ одинъ тогда спасся и бѣжалъ къ Передславѣ, сестрѣ Ярослава (1015). Послѣ разныхъ превратностей, Болеславъ храбрый, король Польскій, приходитъ на помощь къ зятю своему Смятополку, которому доставилъ снова столъ Кіевскій, побѣдивъ Ярослава, и воротился въ Ляхи (1019). Онъ увелъ съ собою обѣихъ сестеръ Ярославовыхъ и всѣхъ бояръ, а съ ними и Моисея, окованнаго желѣзомъ, подъ крѣпкою стражею. Моисей былъ красавецъ собою, и въ Польшѣ влюбилась въ

него одна знатная женщина, молодая и прекрасная, и приступила къ нему съ предложеніями. Плѣннику, общала ему власть, богатство, почести. Моисей, дѣвственникъ отъ рожденія, никакъ не соглашался: не буди мнѣ погубити труда своего пяти лѣтъ, что я несу въ этихъ узахъ, терпя муки, чтобъ избавиться отъ вѣчныхъ мукъ. Влюбленная, она выкупила своего любимца за тысячу гривенъ серебра. Онъ облеченъ былъ въ многоцѣпныя ризы, сладкія брашна предлагались ему въ снѣдъ, ласкамъ жепскимъ не было конца, а преподобный прилежалъ посту и молитвѣ. Онъ предпочиталъ сухой хлѣбъ и воду, съ чистотою, сладкимъ брашнамъ и вину, со скверною. Іосифъ вырвался изъ руки своей прелестницы, оставивъ въ ея рукахъ сорочку, Моисей—всю одежду. Жепщина предалась ярости. Отъ лести перешла къ казнямъ. Велѣла морить его голодомъ. Нѣкоторые слуги смилостивились и подавали ему пищу, другіе уговаривали его смягчиться и исполнить желаніе ихъ госпожи: зачѣмъ ты не жепнишься? Она молода, прекрасна собою, жила съ мужемъ только одно лѣто. Никакой князь не погнушается ею, а ты, плѣнникъ, и не хочешь быть ея господиномъ. Изъ чего же ты мучишься? И Авраамъ былъ жепать и Псаакъ, и Іаковъ. Іосифъ, отказавшись отъ жены Пентсѣрія, также женился, и получилъ царство. «Не падо мнѣ Египетскаго царства,» отвѣчалъ Моисей совѣтникамъ, не падо мнѣ чести въ ляхской землѣ, я ищю небеснаго царства, и хочу пати въ монахи, ежели избавлюсь отъ этого плѣна. Жена, не могли ума приложить, что дѣлать, въ своей страсти, истощивъ всѣ средства, и лести, и угрозу, велѣла посадить его на коня и водить по всѣмъ селамъ и городамъ

* Житія Даміана, Іереміа, Матвѣя и Исаакія, описаны Несторомъ въ лѣтописи. Большая часть слѣдующихъ—Симономъ и Поликарпомъ, которые означаются буквами С. и П. Остальныя житія составлены по другимъ источникамъ.

своимъ. «Это все твое,» говорила она ему, а жителямъ: «вотъ вашъ господинъ, а мнѣ мужъ. «Всѣ встрѣчные кланяйтесь ему.» Блаженный былъ глухъ и нѣмъ. «Я не отпущу тебя живаго,» твердила княгиня, «я предамъ тебя мукамъ и велю казнить тебя, если ты не исполнишь моего желанія.» Не боюсь ничего, отвѣчалъ воздержникъ, и, воспользуясь случайною встрѣчею съ однимъ священникомъ, шедшимъ со Святой горы, принялъ отъ него монашескій образъ. Княгиня въ гнѣвъ велѣла растянуть его по землѣ, и бить палками. Кровію обогрѣлась земля. Слуги уговаривали блаженнаго изъ всѣхъ силъ. Ничто не помогало. Княгиня обратилась къ Болеславу, и просила его погредства. Король самъ старался убѣдить юношу. Онъ оставался твердымъ. Тогда Болеславъ отдалъ его въ полную власть княгини. Она велѣла положить его къ себѣ на ложе, истощала всѣ ласки, сжимая въ своихъ объятіяхъ; онъ оставался какъ будто мертвый. Тогда раздраженная женщина велѣла изувѣчить его, и лишить мужскаго образа. Блаженный претерпѣлъ все съ радостію, хваля и славя Бога. Король вслѣдствіе этого случая велѣлъ изгнать всѣхъ чернецовъ изъ своихъ владѣній. Но Богъ не оставилъ его безъ наказанія. Въ одну ночь онъ умеръ скоропостижно, и произошелъ мятежъ во всей землѣ Ляшеской (1027). (Супруга Изяславова, дочь Болеслава, напомнила объ этомъ событіи мужу, когда тотъ, прогнавшисъ на Печерскую обитель, за постриженіе Варлаама и Ефрема, хотѣлъ раззорить ее), * Люди, возставшіе въ Польшѣ, избіяли епископовъ своихъ и бояръ. Тогда и княгиня была убита. Моисей, оправившисъ

отъ ранъ пришелъ въ Печерскій монастырь, и водворился тамъ. Господь даровалъ ему власть надъ страстями. Одинъ братъ просилъ у него помощи. Онъ ударилъ его своимъ посохомъ въ лоно, (по причинѣ ранъ онъ не могъ ходить безъ посоха), и внезапно помертвѣли у просившаго члены.*

Никита, желая славы отъ человѣкъ, просилъ позволенія у игумена Никона затвориться. Никонъ сказалъ ему, что онъ молодъ: «праздность для тебя вредна, лучше тебѣ поработать на братію; ты видѣлъ самъ, какъ братъ Исаакій прельщенъ былъ въ затворѣ; богатію только могъ онъ спастися, и ею творить онъ теперь чудеса.» Нѣтъ, отвѣчалъ Никита, я никогда не соблазнюсь такою вещію. Я прошу у Бога, чтобъ онъ подалъ мнѣ дары чудотворенія. «Выше силы прошеніе твое,» возразилъ игумень, «смотри, чтобъ ты возшедь не упалъ. Наше смиреніе велитъ служить тебѣ на братію, и ты увѣнчаешься за послушаніе.» Юноша не послушался глаголовъ старца, но сдѣлалъ, что захотѣлъ, заложилъ за собою дверь и остался не выходя. И вскорѣ прельстилъ его діаволь! Вдругъ во время своего пѣнія онъ слышитъ гласъ, молящійся съ нимъ, и обоняетъ благоуханіе неизрѣченное. Никита пересталъ пѣть и думалъ: это ангель молился со мною, это Духа Святаго благоуханіе. И началъ онъ

* См. выше, с. 601.

* Если, слѣдуя патерикамъ и прологамъ, Моисей жилъ въ монастырѣ десять лѣтъ, пять лѣтъ въ плѣну, и шесть лѣтъ страдалъ за чистоту, то онъ умеръ въ 1037 году; въ какой же пещерѣ онъ жилъ, когда самъ Антоній пришелъ туда послѣ 1051, и основалъ свою обитель? Мы думаемъ что онъ жилъ въ Вардзской пещерѣ, прежде выкопанной, а въ житіи Печерскій монастырь поставленъ вѣроятно по ошибкѣ, или онъ пришелъ въ монастырь гораздо поздиѣ:

молиться прилежно: Господи явись ты мнѣ Самъ разумно, да вижу Тебя. Послышался голосъ: не явлюся, — ты молодъ, — чтобъ ты вознесиши не упалъ. Затворникъ отвѣчаетъ со слезами: нѣтъ, нѣтъ, не прельщуся я, наученный своимъ игуменомъ, и исполню все, что ты мнѣ повелиши. Бѣсъ же пріимъ власть на юномъ сказалъ: невозможно человѣку во плоти видѣть меня. И вотъ посылаю тебѣ ангела — пусть онъ остается съ тобою, а ты волю его твори. И вдругъ явился предъ нимъ бѣсъ въ образѣ ангельскомъ. Монахъ поклонился ему. Не молишь, сказалъ ему бѣсъ, а читай книги: въ книгахъ ты будешь бесѣдовать съ Богомъ, и изъ книгъ будешь приходившимъ подавать полезные совѣты, а я буду молиться своему творцу о твоёмъ спасеніи. Никита пересталъ молиться, и предался чтенію и поученію. Вида, какъ бѣсъ безпрестанно молится объ немъ, онъ радовался ангельской за себя молитвѣ, бесѣдовалъ съ приходившими и началъ пророчествовать. Слава о немъ распространилась, и всѣ дивились совершенію его предсказаній. Никита послалъ сказать князю Изяславу: убить князь Глѣбъ Святославичъ въ Заволочѣ. Пошли скорѣе сына твоего Святополка на столъ Новгородскій. Какъ онъ сказалъ, такъ и исполнилось: чрезъ нѣсколько времени стала извѣстною смерть Глѣба. Затворникъ просылалъ пророкомъ; его слушались князья и бояре; бѣсъ, не имѣвшій силы узнавать будущее, зналъ прошедшее, и внушалъ Никитѣ, который рассказывалъ приходившимъ. Книгами ветхаго завета никто не могъ состязаться съ Никитою: онъ зналъ ихъ всѣ наизусть; бытія, исхода, левитъ, числъ, судей и царствъ, всѣ пророчества и прочія книги, но Евангелія, Апостола, книгъ свя-

тыхъ, преданныхъ намъ въ благодати на утвержденіе и исправленіе, Никита не хотѣлъ ни читать, ни видѣть, ни слышать объ нихъ и бесѣдовать. Всѣ догадались что онъ прельщенъ отъ врага. Преподобные мужи не могли оставить такого дѣла безъ своего участія. Они всѣ собрались и пришли къ Никитѣ: Никонъ игумень, Иоаннъ, бывшій по немъ игуменомъ, Пимень постникъ, Матфій прозорливецъ, Исаакій святой, печерникъ, Агапитъ лечецъ, Григорій чудотворецъ, Никола, бывшій послѣ епископомъ въ Тмуторакани, Нестеръ, написавшій лѣтоисецъ, Григорій творецъ каноновъ, Феоктистъ, бывшій послѣ епископомъ въ Черниговѣ, Онисифоръ прозорливецъ. Они всѣ вмѣстѣ совершили молитвы, и изгнали бѣса, который сталъ ему не видимъ. Отцы стали спрашивать Никиту о Ветхомъ Заветѣ. Онъ поклялся, что никогда не читалъ книгъ, кои звалъ прежде наизусть. Онъ не могъ произнести ни единого слова, и не понималъ даже азбуки, такъ что святыя отцы должны были учить его грамотѣ.

Послѣ этого удивительнаго событія Никита началъ житіе чистое, смиренное и послушное. О воздержаніи и говорить нечего. Онъ вознесся своими добродѣтелями, и былъ поставленъ Епископомъ Новугорода, гдѣ молитвами своими сводилъ дождь съ неба, погасилъ пожаръ въ городѣ, и нынѣ причисленъ къ лику святыхъ. Память празднуется Января 30.

Алимпій отданъ былъ родителями учиться къ мастерамъ иконописцамъ пришедшимъ изъ Царя-града при игуменѣ Никонѣ. Бывъ свидѣтелемъ чуда, — летавшаго святаго Духа въ церкви, — Алимпій пріимъ иноческій

образъ. Изучившись искусству живописанія онъ трудился неусыпно, писалъ иконы и обновлялъ обветшавшія даромъ и въ пользу нищихъ.

Принесенъ былъ въ монастырь больной, прокаженный. Игуменъ велѣлъ напоить его губою изъ кладязя Святаго Феодосія, и омочить голову и лице. Больной не увѣровалъ, и вскипѣлъ по всему тѣлу гноемъ. Плача и сѣтуя воротился онъ въ домъ, и вздумалъ идти черезъ нѣсколько времени къ Святому Алимпію, и исповѣдаться во грѣхъ своемъ. Инокъ похвалилъ его за раскаяніе, взялъ вашицу, и замазалъ ему струпы шаровными вапами, украсилъ лице на первое подобіе, потомъ повелъ въ церковь, приобщилъ святыхъ таинъ, и велѣлъ умыться святою водою— всѣ струпы мгновенно спали, и больной исцѣлился.

Нѣкто христоробецъ, изъ города Кіева поставилъ церковь, и поручилъ двумъ чернецамъ заказать у Алимпія деисусъ и двѣ мѣстныя иконы, предлагая плату, какую угодно. Черницы взяли куны и не передали ничего Алимпію. Строитель спросилъ черезъ нѣсколько времени, готовы ли иконы, а черницы отвѣчали, что Алимпій еще требуетъ злата. Получили, истратили, и опять стали просить. Строитель давалъ съ радостію говоря, что готовъ дать въ десятеро больше, лишь бы получить молитвы и дѣло рукъ Алимпіевыхъ. Ему хотѣлось только увидѣть иконы. Черницы сказали, что Алимпій иконъ писать не хочетъ. Строитель пришелъ въ монастырь тягаться. Игуменъ спросилъ Алимпія о причинѣ неправды. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, объ чемъ его спрашиваютъ. Игуменъ сказалъ, что онъ взялъ три цѣны за пять иконъ, — и велѣлъ позвать чернецевъ,

и принести иконныя доски; черницы утверждали, что Алимпій взялъ цѣну, а иконъ не написалъ. На принесенныхъ же доскахъ явились иконы весьма хитро написанныя. Богомъ написаны иконы, воскликнули всѣ предстоявшіе. Черницы, обличенныя въ кражѣ, были изгнаны изъ монастыря. Случилось сгорѣть церкви, въ коей поставлены были тѣ иконы. Иконы однѣ остались цѣлы. Князь Володимеръ, услышавъ о такомъ чудѣ, послалъ икону Божіей Матери въ Ростовъ въ созданную имъ тамъ церковь. Епископъ Симонъ въ посланіи своемъ къ Акивдину свидѣтельствуесть, что во время Ростовскаго пожара также икона эта среди пламени осталась невредимою, даже неопаленною.

Григорій пришелъ къ Св. Феодосію, и отъ него наученъ житію чернеческому, въ особенности нестяжанію, смиренію и послушанію. Молитвѣ прилежалъ онъ наиболѣе, и приобрѣлъ побѣду надъ не чистыми духами. По всякомъ пѣвнѣ онъ творилъ обыкновенно запретительныя молитвы. Далече отъ него сущіе, они вопили: о Григорій, ты гонишь насъ своею молитвою. Тогда старый врагъ, не могли ничѣмъ житію его сиону (препопу) сотворити, наустилъ злыхъ людей обокрасть его, а у него ничего не было, кромѣ книгъ.

Въ одну ночь пришли къ нему воры, и остановились выжидая, когда Григорій пойдетъ къ заутрени. Григорій очутилъ ихъ приходъ: онъ никогда не спалъ ночью, но пѣлъ и молился безпрестанно, стоя по среди пѣкелѣн.—Господи, обратился онъ къ Богу, подай сонъ рабомъ твоимъ, утрудившимся врагу угрожающе, — и погрузились они въ глубокій сонъ, спали безпробудно пять дней и пять ночей. Тогда Григорій созвалъ братію, и

разбудилъ спавшихъ: «долго-ли вамъ спать здѣсь на сторожѣ, собираясь обокрасть меня? Расходитесь по домамъ.» Проснувшись, они не могли приподняться, потому что замерли отъ голода. Григорій накормилъ и отпустилъ ихъ. Властитель градскій (посадникъ), узнавъ о происшедшемъ, опредѣлили татямъ наказаніе. Григорію стало жаль, что изъ-за него они подвергаются мукамъ. Онъ пошелъ къ посаднику, и далъ ему книгъ, а татямъ испросилъ отпущеніе. Тогда покаявшись оставили они свои первыя дѣла, и предали себя въ распоряженіе Печерскаго монастыря. Нѣсколько книгъ Григорій продалъ, чтобъ не вводитъ никого въ искушеніе. Былъ у него при келии огородецъ земляный и нѣсколько деревъ плодовыхъ. Пришли другіе воры, обобрали все что можно было взять, и взваливъ себѣ на плеча хотѣли унести, но не могли двинуться съ мѣста, и стояли два дня, какъ вкопанные, угнетенные бременемъ. Григорій, воскликнули они наконецъ, виноваты, каемся, и больше грѣшить не будемъ. Услышавъ крикъ пришли чернецы, но не могли свести ихъ съ мѣста. Когда вы пришли, спросили ихъ. «Вотъ уже два дня и двѣ noci мы стоимъ здѣсь.» Какъ же мы не видали васъ, ходя здѣсь часто? «И мы сами не видали васъ, а то попросили-бъ отпустить. Изнемогли уже мы начали кричать. Попросите о насъ Григорія.» Григорій пришелъ и сказалъ имъ: всю свою жизнь провели вы въ праздности, похищая чужіе труды: такъ стойте и здѣсь до смерти безъ всякаго дѣла; но если вы обѣщаетесь работать и помогать другимъ, то я васъ отпущу. Они поклонились. Григорій произнесъ: благословенъ Господь Богъ нашъ—и они двинулись съ мѣста, остались служить Печерскому монастырю, воздѣлывая огороды.

Потомство ихъ живетъ, я думаю, до сихъ поръ тамъ, говоритъ Поликарпъ.

Пришли три неизвѣстныхъ челоуѣка къ Григорію, намѣреваясь наругаться надъ нимъ: «вотъ другъ нашъ» сказали они, «осужденный на смерть. Постарайся избавить его отъ бѣды, дай чѣмъ откупиться откупиться отъ смерти.» Григорій возскорбѣлъ и сказалъ: горе челоуѣку сему, яко прииде часъ гибели его. «Если ты дашь что, отче,» возразили они, «то онъ не умретъ.» Имъ хотѣлось получить что нибудь и раздѣлить между собою. Григорій сказалъ: я дамъ, а онъ все-таки умретъ,—и спросилъ ихъ, на какую смерть онъ осужденъ. Тѣ отвѣчали: быть повѣшену на деревѣ. Григорій подтвердилъ: да, онъ будетъ повѣшенъ на деревѣ,—слѣзъ въ погребъ, гдѣ обыкновенно молился, чтобъ умъ не слыхалъ ничего земнаго, а очи не видали никакой суеты, вынесъ оттуда остальные свои книги, и отдалъ приходшимъ, чтобъ искупить отъ казни осужденнаго. Они взяли книги, и ушли, смѣясь между собою. На ночь же вздумали они опять придти къ Григорію, и обобрать плодовые деревья. Пришли, и заперли ишока въ погребѣ. Тотъ, которому Григорій сказалъ быть повѣшену, взлѣзъ на дерево и началъ обрывать яблоки. Вѣтвь обломилась, за которую онъ держался, и онъ упалъ. Лета запылся онъ полою за другую вѣтвь и удавился ожерельемъ. А прочіе двое между тѣмъ испугавшись бѣжали. Помочь было некому: Григорій былъ запертъ въ погребѣ, а братія находились въ церкви. Вышедши изъ церкви, они увидѣли челоуѣка висящаго, удушеннаго, и ужаснулись. Отыскали Григорія. Вышедъ изъ погреба, онъ велѣлъ снать мертваго, и сказалъ друзьямъ его, сюдажъ приведеннымъ: вотъ какъ сбылась ваша мысль.

Богъ поруганъ не бываетъ. Если бы вы не заперли меня, я пришелъ бы и снялъ его съ дерева, и онъ бы не умеръ. Ругатели пали къ ногамъ его и просили прощенья. Григорій назначилъ имъ работы.

А вотъ какъ онъ скончался: Князь Ростиславъ Всеволодовичъ, отправляясь въ походъ на Половцевъ, захватилъ въ монастырь за благословеніемъ съ своими отроками. Григорій спускался въ то время съ горы къ Двѣпру за водою. Отроки начали ругаться надъ нимъ, наносяще словеса срамная. Инокъ сказалъ имъ: о дѣти мои, вамъ бы нужно было плакать о своей гибели, и каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ, молитвы за себя просить, потому что постигнулъ васъ судъ,—всѣ вы погибнете въ водѣ и съ княземъ вашимъ,—а вы злое творите! Князь, вмѣнявъ его пророчество въ пустошь, закричалъ на него съ гнѣвомъ: мнѣ ли ты пророчишь гибель отъ воды, мнѣ, умѣющему плавать,— и велѣлъ ему связать руки и ноги, навязать камень на шею, и бросить въ рѣку. Два дня искали его братія и не нашли. На третій день пришли въ его келлію, чтобъ забрать его вещи, и увидѣли его мертваго въ келліи, связаннаго съ камнемъ на шеѣ; а лицо было свѣтло, какъ у живаго;—вся одежда его была еще мокра. Никто не приносилъ его, и двери были заперты. Братія вынесли тѣло и погребли честно въ пещерѣ. Многія лѣта оставалось оно цѣлымъ и нетлѣннымъ.

Ростиславъ въ ярости не покался въ грѣхъ, не пошелъ въ монастырь, и не принялъ благословенія. На сраженіи подъ Триполемъ Русскіе вои были разбиты, и несчастный сынъ Всеволодовъ, въ бѣгствѣ, переплывая рѣку, утонулъ со всѣми своими, по слову блаженнаго Григорія. Память 8 Января. П.

Агапитъ, Кіевлянинъ, постриженный при Антоніѣ, былъ часто свидѣтелемъ, какъ больные приносимые къ святому отшельнику, были изцѣляемы отъ его яди, подъ видомъ врачебнаго зелія. Ревнуя своему учителю, онъ началъ ходить самъ за больною братією. Если случится кому занемочь, Агапитъ служилъ ему, поднималъ и клалъ его, выносилъ на своихъ рукахъ; продолжится долго болѣзнь,—преподобный не оставлялъ больнаго, и молился объ немъ безпрестанно, до тѣхъ поръ пока тотъ выздоравливалъ. Богъ послалъ ему даръ исцѣленія и въ монастырь получилъ онъ прозвание: Лѣбчець. Изъ города, когда распространилась молва объ его чудесномъ дарованіи, приносимы къ нему были часто больные, и получали исцѣленіе. Славился тогда въ Кіевѣ врачеваньемъ одинъ армянинъ, который, взглянувъ на больнаго, предсказывалъ ему вѣрно исходъ болѣзни, назначалъ даже день и часъ смерти. И никогда неизмѣнялось слово его, никогда не вставалъ такой больной. Такъ назначилъ онъ умереть черезъ восемь дней первому боярину Князя Всеволода. Блаженный Агапитъ далъ ему отъ своей яди, помолился, и бояринъ выздоровѣлъ. Слово промчалось объ Агапитѣ по всей Русской землѣ. Армянинъ исполнился зависти: онъ послалъ одного осужденнаго на смерть, давъ ему смертнаго зелія, чтобъ тотъ умеръ предъ глазами Агапита. Блаженный подалъ ему монастырской яди, помолился, и преступникъ избавился отъ смерти его молитвою. Армянинъ, посредствомъ своихъ тоже вѣрниковъ, хотеть уморить монаха смертнымъ зелиемъ: тотъ пьетъ, и остается безъ вреда. Занемогъ Князь Володимиръ Всеволодовичъ Мономахъ въ Черниговѣ. Армянинъ лечилъ его, но

безъ всякой пользы. Болѣзнь усиливалась, и онъ видимо приближался къ концу. Тогда послалъ онъ къ игумену Ивану съ просьбою прислать къ нему Агапита. Игумень велѣлъ иноку идти въ Черниговъ. Нѣтъ, отвѣчалъ блаженный, если я пойду къ князю, то долженъ буду и ко всѣмъ ходить: не могу я для человѣческой славы отойти отъ вратъ монастырскихъ: я произнесъ обѣтъ оставаться здѣсь до послѣдняго издыханія; если ты изгонишь меня, я отойду въ другую сторону, и возвращусь сюда, когда минуетъ это дѣло. Посоль княжій, увидя, что иннокъ никакъ не соглашается идти, просилъ его, чтобъ далъ по крайней мѣрѣ зелья. По приказанію игумена онъ далъ зелья отъ своей яди, и князь, вкусивъ отъ нея, тотчасъ выздоровѣлъ.

Впослѣдствіи времени Володимеръ, пришедъ въ Кіевъ, посѣтилъ монастырь печерскій, и желалъ почтить монаха, даровавшаго ему здравіе. До тѣхъ поръ князь никогда не видалъ его. Много богатства приготовлено было для награды, но Агапите скрылся, и князь долженъ былъ передать все принесенное игумену. Послѣ прислалъ онъ еще къ блаженному одного изъ своихъ бояръ со многими дарами: тотъ засталъ его въ кельѣ, и положилъ предъ нимъ гостинцы. Инокъ отвѣчалъ: сынъ мой, никогда ни отъ кого я не брать ничего, теперь ли лишуся мзды своея ради злата. Бояринъ отвѣчалъ: пославшій меня знаетъ, что ты не требуешь ничего; но ради меня, утѣшь сына своего, которому даровалъ здравіе. Возьми это и раздай нищимъ. «Съ радостію принимаю,» отвѣчалъ схимникъ, «для тебя; скажи же пославшему, чтобъ все чужое онъ раздавалъ требующимъ. Для того и избавилъ его Господь отъ смерти. Я же, безъ помощи Божіей, не успѣлъ бы ничего.

Ослушаніе можетъ навлечь такое же страданіе.» Съ этими словами Агапите вынесъ изъ келліи все принесенное, и бросилъ за воротами, а самъ скрылся. Бояринъ увидѣлъ свои дары, собралъ ихъ и передалъ игумену, а князю разсказалъ о происшедшемъ. Князь въ исполненіи слова блаженнаго, сталъ раздавать свое имѣніе просящимъ и требующимъ.

Занемогъ наконецъ и самъ Агапите. Армянинъ пришелъ навѣстить его, и завелъ рѣчь съ нимъ о врачебной хитрости: какимъ зельемъ, спросилъ его, лечится сей недугъ. «Тѣмъ, которымъ Богъ подаетъ здравіе.» Армянинъ посмѣялся его невѣжеству, назвалъ его предъ своими неумѣтелемъ, и потомъ взявъ за руку, сказалъ, что онъ умретъ на третій день. Это истина, а если же не умретъ, и измѣнится слово мое, то я самъ постригусь въ монахи. Агапите услышалъ съ радостію этотъ обѣтъ, и сказалъ ему: «Это ли твоего врачеванія разумъ, что ты смерть мнѣ предвѣщаешь, а помощи подать не можешь: если ты хитръ гораздо, то дай мнѣ животь; но на это у тебя нѣтъ силы, — такъ нечего тебѣ осуждать меня и на смерть черезъ три дни: меня извѣстилъ Господь Богъ, что я умру въ третій мѣсяць.» Армянинъ стоялъ на своемъ: потому что преподабный изболѣлъ ужасно, и не могъ двинуться собою. Между тѣмъ принесенъ былъ больной изъ Кіева. Агапите всталъ, какъ будто и не былъ боленъ, взялъ зелье и показалъ армянину. Тотъ отвѣчалъ: это не изъ нашихъ зелій, должно быть принесено изъ Александріи. Агапите посмѣялся его невѣжеству, далъ больному своего зелья, и отпустилъ его здраваго. «Сынъ мой,» сказалъ онъ Армянину, «не жалуйся что мы накор-

мать тебя не можемъ: у насъ бѣдныхъ нѣтъ ничего. Покушай моего зеля?» Армянинъ отвѣчалъ, что въ этомъ мѣсяцѣ у нихъ постъ три дня. «Кто же ты таковъ?» спросилъ его Агапий, «и какой ты вѣры?» Развѣ ты не слыхалъ, что я армянинъ. «Какъ же ты смѣлъ придти ко мнѣ и осквернить мою келью, и держать меня за руку. Изыди отъ меня нечестивый.» Черезъ три мѣсяца блаженный скончался по краткой болѣзни. Армянинъ пришелъ и просилъ постриженія, рассказывая, что ему явился Агапий, и напомнилъ произнесенный имъ обѣтъ. Я увѣренъ, сказалъ новообращенный, что онъ могъ бы жить во вѣкъ, еслибъ захотѣлъ. Я думалъ, что онъ умретъ на третій день, а онъ возразилъ мнѣ—на третій мѣсяць; еслибъ я сказалъ на третій мѣсяць, то онъ прожилъ бы три года. Онъ живъ и по смерти. Господь, взявъ его, даровалъ ему вѣчный животъ; вѣрно по своей волѣ онъ оставилъ насъ, желая небеснаго царства. Армянинъ постригся въ Печерскомъ монастырѣ, и скончалъ животъ свой въ добромъ исповѣданіи. Память празднуется 1 Юня. П.

Германъ, еп. Новгородскій, хиротонисанъ въ 1018 г., и преставился въ Кіевѣ въ 1096. Ему приписывается основаніе монастыря въ Кіевѣ (Германечъ) Спасскаго.

Евстратій, Кіевлянинъ, богатый чело-вѣкъ, роздалъ все свое имѣніе бѣднымъ, и пришелъ къ Антонію, прося его пострижи. Онъ паложилъ на себя строгій постъ, и постился 40 дней, пребывая въ монастырѣ, отъ чего и прозванъ постникомъ. Половцы половили его со многими другими монастырскими людьми (1096). Въ плѣну про-

данъ онъ былъ Херсонскому жида, и принуждаемъ оставить вѣру Христову. Онъ не соглашался и наставлялъ товарищей бѣдствія крѣпиться, не смотря на голодъ и жажду. Всѣ послушались его и перемерли, кто чрезъ три дня, кто чрезъ четыре, а крѣпчайшіе чрезъ недѣлю, числомъ 30 отъ монастырской челяди, и 20 изъ Кіева. Черезъ 14 дней остался одинъ Евстратій постникъ съ молодыхъ ногтею. Жидъ, почитая его виною своихъ убытковъ, воспылялъ гнѣвомъ, и при наступленіи Пасхи Христовой, велѣлъ пригвоздить его ко кресту. Висѣвшій, Евстратій, былъ живъ 15 дней. Жиды приступали къ нему веля вкусить отъ ихъ пищи. Онъ неумолчно славословилъ Господа, и произносилъ проклятіе убійцамъ. Жидовинъ, услышавъ, что распятый поноситъ его, взялъ кошь и пронзилъ его, и такъ блаженный предалъ душу свою.

Симонъ сообщаетъ преданіе о видѣніи: явилась колесница огненная, запряженная конями огненными. Душа преподобнаго понеслася, и гласъ послышался по гречески: «сеи добрый града небеснаго житель, —» почему и прозванъ былъ протракторомъ.

Въ тотъ самый день послѣдовало гоненіе на Жидовъ, поселенныхъ въ царствѣ Корсунскомъ за вѣроломство одного изъ нихъ, служившаго царю епархомъ. Мучитель Евстратіевъ былъ повѣшенъ.

Тѣло блаженнаго, брошенное въ море, производило многія чудеса. Нѣкоторые жиды, пораженные этими чудесами, приняли святое крещеніе. Привезенное въ Кіевъ вѣрующими, оно почиваетъ въ пещерахъ Св. Антонія. Память празднуется Марта 28. П.

Никонъ. Онъ взятъ былъ также въ плѣнъ Половцами. Пришелъ послѣ къ нимъ единъ отъ великихъ града, и хотѣлъ его выкупить. Никонъ не согласился. Кіевлянинъ, возвратившись, сообщилъ извѣстіе о немъ его роднымъ, которые отправились къ Половцамъ сами съ имѣніемъ многимъ. Никонъ отказался также: «Если бъ Господь хотѣлъ свобода меня имѣть, то не предалъ бы въ руки врагамъ. Благая воспріялъ я отъ него, злыхъ ли не потерплю.» Родные ушли съ укоризнами. Половцы, видя свои лишеныя, начали мучить инока, впродолженіи трехъ лѣтъ, клали на огонь, рѣзали ножами, оставляли нагаго въ оковахъ лежать на солнцѣ, не давали ѣсть по два и по три дня, зимою держали на снѣгу, требуя выкупа. Никонъ сказаалъ имъ, что избавится туне отъ рукъ ихъ, пріявъ извѣщеніе, и на третій день будетъ въ своемъ монастырѣ. Половчинъ подумалъ, что онъ бѣжать хочетъ, подрѣзалъ ему лыстья, и велѣлъ стеречь крѣпко. На третій день, дѣйствительно, Половцамъ собесѣдующимъ, въ оружіи, Никонъ внезапно невидимъ сталъ, и послышался гласъ: хвалите Господа съ небесъ. Блаженный пренесенъ былъ въ Печерскую церковь, во время священнослуженія, при пѣвнн причастиаго стиха. Собравшіеся спрашивали, когда онъ пришелъ. Никонъ хотѣлъ скрыть чудо, но кровь капала еще изъ надрѣзанныхъ лыстовъ, на рукахъ и ногахъ висѣли желѣзы, изъ ранъ точился гной. Онъ долженъ былъ открыть истину, но не хотѣлъ снять съ себя оковъ, пока наконецъ игумень не убѣдилъ его: «если бъ Богъ хотѣлъ имѣть тебя въ нуждѣ, то не извелъ бы изъ рабства.» Желѣзо было употреблено на укрѣпленіе олтара церковнаго.

Черезъ нѣсколько времени пришелъ въ Кіевъ договариваться тотъ Половчинъ о мирѣ, что держалъ Никона у себя въ плѣну. Увидѣвъ его въ монастырѣ, онъ удивился, и рассказалъ монахамъ все происходившее.—Онъ не возвратился уже на родину, а пріялъ въ Кіевѣ святое крещеніе со всѣмъ родомъ своимъ, и потомъ постригся въ монахи. Въ монастырѣ онъ началъ служить своему бывшему плѣннику, и по смерти оба они положены вмѣстѣ въ одномъ притворѣ.

Этотъ Половчинъ рассказывалъ еще, что, дома, находясь при смерти, больной, онъ велѣлъ было женѣ и дѣтямъ распять своего плѣнника, а тотъ, прозря его обращеніе, помолился о немъ, и исцѣлилъ его отъ болѣзни.

Никонъ прозывался сухимъ, потому что весь изсохъ отъ истеченія крови, и сгнилъ отъ ранъ.

Память его празднуется 11 Декабря.* П.

Теодоръ, оставивъ все мірское, и раздавъ свое богатство нищимъ, пришелъ въ монастырь. Повелѣніемъ игумена ему опредѣлено жить въ пещерѣ Варяжской. Тамъ жилъ онъ много лѣтъ во всякомъ воздержаніи. Вдругъ врагъ внушилъ ему стуженіе имѣнія ради розданнаго. На него напалъ страхъ, что станется съ нимъ, если проживетъ онъ долго, и ему не по силамъ будетъ довольствоваться монастырской пищею—чѣмъ ему тогда содержаться? И сталъ онъ раскаяваться, зачѣмъ роздалъ свое имѣніе. Нѣкто, другъ его, именемъ Василій, всячески старался удерживать его отъ ропота, чтобъ не погубилъ мзды

* Кончину его преподоб. Филаретъ полагаетъ около 1181 года.

своей, и предлагалъ ему все, что самъ имѣеть, рассказывая о случаяхъ страшнаго наказанія за раскаяніе въ милостыню. Феодоръ благодарилъ его за совѣты, почувствовалъ свой грѣхъ, и старался забыть свои опасенія. Съ тѣхъ поръ подружился онъ еще болѣе съ Василиемъ, и добръ спѣющему въ заповѣдяхъ Господнихъ, и къ тому угодная совершающую, велика язва бысть діаволу, который придумалъ новое прельщеніе. Василию случилось отлучиться по приказанію игумена, врагъ принялъ его образъ, и завелъ сначала съ Феодоромъ разговоръ душеспасительный: «какъ спѣешь ты, пересталъ ли сожалѣть о своемъ имѣніи, или еще пакости творить тебѣ врагъ приноситъ памяти прошедшее?» Феодоръ отвѣчалъ, что, благодаря его наставленію и молитвамъ, онъ спокоенъ теперь духомъ, и не слушается бѣсовскихъ шептаній. Но въ отвѣтъ своимъ онъ не упомянулъ имени Божія, и діаволъ, примѣ дерзновеніе нанъ, подалъ ему совѣтъ для большаго себѣ утвержденія просить у Бога злата и сребра, чтобъ раздавать въ милостыню. И видитъ потомъ во снѣ Феодоръ, что ангелъ свѣтлый и чистый указываетъ ему мѣсто сокровища. Сонъ этотъ возвращался къ нему нѣсколько разъ. Черезъ нѣсколько времени нашелъ онъ показанное мѣсто, началъ копать, и досталъ множество злата, серебра и сосудовъ многочисленныхъ. Бѣсъ пришелъ тогда къ Феодору въ образъ брата, и спросилъ его, гдѣ сокровища имъ найденныя, о которыхъ я слышалъ отъ являшагося. Такъ спрашивалъ его въ явѣ, а втайнѣ влагалъ помышленіе не открывать мѣста, взять злато, и отойти въ иную страну. Бѣсъ продолжалъ: «ты можешь поступить теперь съ богатствомъ, куда угодно.» Печерникъ отвѣчалъ: я про-

силь богатства у Бога, чтобъ роздать все въ милостыню, для того лишь и далъ мнѣ его Богъ. «Смотри братъ Феодоръ, чтобъ врагъ опять не возмутилъ твоей души: не лучше ли тебѣ отойти въ другую сторону, закупить сель, — вездѣ можно спастись, и избѣгнуть бѣсовскихъ козней, а послѣ смерти завѣщать на память по усмотрѣнію.» Феодоръ возразилъ, что онъ произнесъ обѣтъ остаться на всю жизнь въ монастырѣ, и ему стыдно бѣгуномъ явиться. Можно исполнить все совѣтуемое здѣсь. «Нѣтъ,» говоритъ бѣсъ, «здѣсь ты не можешь утаить сокровища, оно огласится, и будетъ у тебя отнято. Послушайся меня, если бы то не было угодно Богу, то не далъ бы онъ тебѣ ничего, ни мнѣ извѣстилъ.» Тогда печерникъ повѣрилъ, и началъ готовить возы и ларцы, чтобъ оставить монастырь и идти, куда укажетъ бѣсъ.

Въ это время воротился Василій по исполненіи порученій игумена, и пришелъ навѣстить брата. «Какъ ты живешь,» спросилъ его. Феодоръ удивился такому вопросу, потому что видѣлъ его вчера и третьяго дня, и внималъ его наставленія. Что это такое — бѣсовское привидѣніе. Переставъ смущать мою душу говоря нынѣ одно, а завтра другое: чему же мнѣ вѣрить, — и прогналъ его съ сердцемъ. Василій ушелъ. А бѣсъ явился и сказалъ: «врагъ погубилъ тебѣ умъ; не помяну досады, что нанесъ мнѣ ночью, и пришелъ сказать тебѣ еще: нынѣ же ступай изъ монастыря, забравъ все свое.» При наступленіи утра пришелъ къ нему Василій въ сопровожденіи трехъ иноковъ, которые засвидѣтельствовали Феодору, что три мѣсяца былъ онъ въ отсутствіи. Явно дѣло стало, что все прежнее было діавольское дѣйство. Иноки посовѣтовали

Θεодору, чтобъ онъ заставилъ придущаго сотворить молитву. «Вотъ ты и увидишь, что это бѣсъ.» Отцы прочли запретительныя молитвы и ушли, утвердивъ печерника. Бѣсъ не смѣлъ болѣе показаться къ Θεодору, который всѣхъ приходившихъ къ нему заставлялъ молиться. Онъ ископалъ глубокую яму, положилъ туда всѣ найденныя сокровища, и засыпалъ землею. Самъ же обрекъ себя на работу, поставилъ въ пещерѣ жернова, бралъ пшеницу изъ сусѣка, и молотъ своими руками, проводя ночи безъ сна, въ трудѣ и молитвѣ. Поутру относилъ муку въ сусѣкъ, и бралъ новое жито, въ облегченіе рабамъ. Безпрестанно молился онъ, чтобъ Богъ отнял у него память сребролюбія, — и Господь освободилъ его отъ этой страсти, такъ что и мысль о сребрѣ или золотѣ не приходила ему въ голову. Послалъ къ нему келаръ жита, привезеннаго изъ села, многое множество, веля ссыпачъ у себя въ сосуды, чтобъ не ходить всякій день въ сусѣкъ. Θεодоръ молился, поя псалтирь наизусть, и уставши прилежъ отдохнуть. Вдругъ загремѣлъ громъ, и начали молотъ сами жернова. Разумѣвъ бѣсовское дѣйствіе, блаженный всталъ и сотворилъ молитву, запрещая бѣсу дѣйствія. Бѣсъ же не слушался. Тогда Θεодоръ сказалъ: такъ мели же до конца, поработай и ты на святую братію. Изрекши повелѣніе онъ сталъ на молитву. Бѣсъ не смѣлъ уже ослушаться, и измолотъ все жито до свѣта. Θεодоръ возвѣстилъ келарю, чтобъ прислалъ за мукою. Тотъ удивился, какъ можно въ одну ночь перемолотъ столько жита.

Θεодоръ вздумалъ поставить себѣ келлію на старомъ дворѣ, а Василій поселиться въ пещерѣ. Монастырь былъ тогда сожженъ,

и привезено было по Днѣпру много лѣсу плотами для церкви и для келлій. Наняты извозники возить лѣсъ на гору. Θεодоръ не хотѣлъ быть другимъ въ тягость и началъ самъ на себѣ носить дрова. Бѣсы, на зло ему, начали скидывать съ горы все имъ приносимое, желая прогнать блаженнаго. Θεодоръ сказалъ: Господь Богъ нашъ, повелѣвшій вамъ въ свинія вѣнти, велитъ вы, мною, работъ своимъ, весь лѣсъ снизу перенести на верхъ. Въ ту же ночь перетаскали бѣсы весь лѣсъ отъ Днѣпра на гору, такъ что внизу не осталось ни полѣна, и возники, вставъ поутру, изумились не нашедъ ничего на берегу, а на горѣ все уложено было по порядку, куда что принадлежитъ, для крыши, для помоста, и прочее. Всѣ удивились такому чуду ради святыхъ Антонія и Θεодосія; а бѣсы возъярились, уничижаемые и посрамляемые Святыми угодниками: они возбудили извозниковъ, которые начали просить за провозъ съ блаженнаго: мы не знаемъ какую козию велѣлъ ты этому дереву на горѣ быти; — и неправедный судія присудилъ Θεодора удовлетворить извозниковъ: пусть помогутъ бѣсы, что тебѣ служить.

Былъ у князя одинъ бояринъ, свирѣпый и злобный. Бѣсъ явился къ нему подъ видомъ Василя, ему знакомаго, и сообщилъ, что Θεодоръ, занимавшій прежде мою-де, пещеру, нашелъ тамъ множество золота и серебра и сосудовъ многоцѣнныхъ. Онъ хотѣлъ бѣжать съ своею находкою, но я удержалъ его, и вотъ онъ нынѣ юродствуетъ: заставляеть бѣсовъ муку молотъ, дрова съ берега носить, а сокровища до времени скрываетъ, чтобъ украдкою уйти отъ меня, куда задумалъ. Бояринъ повелъ мнимаго Василя къ князю Мстиславу Святополковичу,

которому тотъ и повѣрилъ свой разсказъ, еще съ прибавленіями: спросите и все получите; если не будетъ отдавать, погрозите ранами и муками, призовите меня въ свидѣтели, и я укажу самое мѣсто.

На другой день князь выѣхалъ въ монастырь со многими людьми, какъ будто на войну или охоту, вынялъ преподобнаго Феодора, и привезъ его къ себѣ на домъ. Здѣсь началъ разспрашивать его о сокровищѣ съ ласкою: «открой мнѣ,» говорилъ онъ, «и мы подѣлимся съ тобою. Ты будешь отецъ мнѣ и моему отцу.» Святополкъ былъ тогда въ Туровѣ. Феодоръ отвѣчалъ, что это правда, и что сокровище лежитъ до сихъ поръ въ пещерѣ. Князь спросилъ: «много ли золота, отче, и серебра, и къмъ оно положено туда, какъ слышно!» Писано въ житіи Святаго отца нашего Антонія о поклажѣ Варяжской; такъ должно быть и есть, ибо сосуды всѣ латинскіе, и пещера зовется до сихъ поръ Варяжскою. Золота и серебра безъ числа много. Князь сказалъ: «дай мнѣ сыну твоему, а себѣ оставь сколько хочешь.» Вы сему работаете, а мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ Феодоръ, я сказалъ тебѣ все, и больше ничего не знаю: я позабылъ, гдѣ закопалъ сокровище. Князь запылялъ гнѣвомъ: «заключите въ оковы чернеца, по рукамъ и ногамъ, не давайте ему три дня ни хлѣба ни воды.» Черезъ три дня повторился тотъ же отвѣтъ: не знаю, гдѣ скрытъ. Князь велѣлъ мучить Феодора, такъ что власяница намочилась кровію; потомъ повѣсить въ дымъ велицѣ, и привязать, и наконецъ развести подъ нимъ огонь. Всѣ удивились терпѣнію мужа, пребывавшаго въ пламени, какъ въ росѣ, огонь не коснулся его власяницы, и одинъ изъ позо-

ратаевъ донесъ князю о чудѣ. Князь испугаясь и сказалъ иноку: «напрасно ты губишь себя, удерживая сокровище, которое принадлежитъ намъ.» Феодоръ отвѣчалъ: молитвою брата моего Василя спасенъ я былъ тогда, когда нашелъ сокровище, Господь взялъ отъ меня память сребролюбія, и я забылъ куда положилъ найденное.

Приведенъ былъ изъ монастыря насильно Василій. Мстиславъ сказалъ ему: «я все сдѣлалъ сему злему, что ты велѣлъ мнѣ; теперь тебя хочу я имѣть отцемъ себѣ. Скажи гдѣ зарыто сокровище?» Что явелъ тебѣ, спросилъ Василій. Князь разсказалъ, что у него было съ Феодоромъ. Нѣтъ, это козни діавола, который прельстилъ тебя, оболгалъ святаго мужа и меня. Отъ роду я не видалъ тебя, и пятнадцать лѣтъ не выходилъ изъ пещеры. Предстояшіе свидѣтельствовали, что при нихъ онъ разсказывалъ князю о скрытомъ сокровищѣ. Василій сказалъ: всѣхъ васъ прельстилъ бѣсъ, я не видывалъ никогда ни васъ, ни вашего князя. Князь, разсердившись, велѣлъ и Василя предать тѣмъ же мукамъ. Шумный отъ вина онъ взялъ стрѣлу, и пустилъ ее самъ въ Василя. На ночь велѣлъ онъ обоихъ иноковъ заключить порознь, а на утро возобновить пытки. Но въ ночь они оба скончались о Господѣ. Братія, узнавъ объ ихъ кончинѣ, пришли, взяли ихъ тѣла, и погребли честно въ пещерѣ Варяжской, гдѣ они подвизались впродолженіи своей жизни. Кривая власяница, которую огонь постыдился предать тлѣнію, съ нихъ не была снята, и я думаю, говорить Епископъ Симонъ, что она до сихъ поръ цѣла.

Не много спустя самъ Мстиславъ, на войнѣ съ Давидомъ Игоревичемъ, былъ застрѣленъ во Владимирѣ подъ назуху тою стрѣлою,

которою онъ поразилъ Василя, и передъ смертью сознался: «умираю за святаго мужа.»

Марко и Теофилъ. Марко жилъ всегда въ пещерѣ и ископалъ тамъ многія мѣста, вынося землю днемъ и ночью на своихъ плечахъ; онъ ископалъ много могилъ и для погребенія братіи безъ всякаго вознагражденія. Кто самъ давалъ ему что, то отдавалъ онъ преимущимъ.

При немъ Теоносій перенесенъ былъ изъ пещеры въ великую церковь.

Однажды изнемогъ онъ отъ труда копая, и оставилъ мѣсто узкое и недостаточно расширенное. Между тѣмъ случилось умереть единому отъ братій, и принесену быть туда для погребенія. Едва съ трудомъ можно было уложить покойника. Монахи возроптали, не имѣвъ возможности опрять его и возліять на него масло по причинѣ тѣсноты. Печерникъ поклонился имъ смиренно, прося прощенія въ томъ, что не успѣлъ кончить могилы. Они стали кричать на него еще больше. Тогда Марко сказалъ покойнику: «братъ, тѣсно тебѣ, покрѣпись, и взявъ масло возлей на себя.» Мертвый протянулъ руку, и приподнявшись немного, взялъ масло, и возлія на себя крестомъ, на лице и на перси, опрятался предъ всѣми и почилъ. Монахи объаты были ужасомъ.

Умеръ другой инокъ; другъ его пришелъ въ пещеру осмотрѣть мѣсто, гдѣ положить любимаго, и спросилъ Марка. Тотъ отвѣчалъ: «иди, братъ, и скажи умершему, чтобъ онъ подождалъ до утра, пока я приготовлю ему мѣсто.» Отче Марко, возразилъ пришедшій, я уже отеръ губою трутъ: кому же велишь ты мнѣ говорить.

Марко: «ты видишь, что могила не готова, поди и скажи покойнику—говорить тебѣ грѣшный Марко, чтобъ ты пожилъ еще дель и умеръ поутру, пока я откопаю могилу въ положеніе, и пришлою за тобою.» Посланный воротился въ монастырь. Братія совершали обычное пѣніе. Онъ подошелъ къ покойнику и сказалъ: Марко велѣлъ тебѣ сказать, что мѣста нѣтъ: пожди до утра. Всѣ удивились такому слову, но мертвый прозрѣлъ, и духъ его воротился въ тѣло; онъ прожилъ весь день и ночь, имѣя открытые глаза, и не произнося ни единого слова. Поутру приходившій братъ пошелъ опять въ пещеру, и Марко велѣлъ ему сказать ожившему: «мѣсто готово для пріятія тѣла твоего, оставь временный животъ свой, и преиди на вѣчный, отдай свой духъ, а тѣло ляжетъ со святыми отцами.» Такъ передалъ посланный ожившему, и въ тотъ же мигъ смежились его очи, предъ всѣми братіями, пришедшими посѣтить его.

Были два брата въ монастырѣ, соединенные въ юности узами дружбы. Они просили Марка уготовать имъ одно мѣсто общее, гдѣбъ они могли быть положены вмѣстѣ, когда Богу будетъ угодно призвать ихъ къ Себѣ. Черезъ нѣсколько времени старѣйшій братъ Теофилъ долженъ былъ куда-то отлучиться; меньшей въ его отсутствіе разболѣлся, умеръ и былъ положенъ въ уготованномъ мѣстѣ. Теофилъ, возвратившись, хотѣлъ поклониться его гробу, и пошелъ въ пещеру вмѣстѣ съ нѣкоторыми приглашенными братіями. Увидѣвъ брата, положеннаго на высшемъ мѣстѣ, разсердился, и выговорилъ Марку, зачѣмъ меньшаго брата положилъ на его мѣстѣ. Печерникъ, мужъ смиренный, поклонился ему, и попросилъ у него прощенія, а потомъ,

обратись къ умершему, назвавъ его по имени и сказалъ: «встань, братъ, и уступи мѣсто старшему брату, а самъ лягь на низшемъ мѣстѣ.» Въ тотъ же мигъ мертвый всталъ и легъ въ указанномъ мѣстѣ, предъ всѣми присутствовавшими, и бысть видѣти чудо грозно и полно ужаста. Тогда братъ, негодовавшій и роптавшій на блаженнаго, припадъ къ стопамъ его, сказалъ: отче, согрѣшилъ, подвигнувъ брата съ мѣста, молю тебя—вели ему лечь на прежнее мѣсто. Марко отвѣчалъ: «Господь отгялъ вражду между нами, и се сотворилъ прещенія твоего ради, чтобъ ты во вѣкъ не сохранилъ зла на меня. Мертвеца возставлять—Божье дѣло, а я человекъ грѣшенъ: я не могу сказать умершему: встань и лягь опять на высшемъ мѣстѣ. Тѣло бездушное показало любовь свою къ тебѣ, предоставляя тебѣ старѣйшинство. Ты въ сей часъ положенъ бы былъ здѣсь, но ты не готовъ,—иди и попей о своей душѣ. Черезъ короткое время ты будешь принесенъ сюда.» Теофиль огорчился и испугался страшныхъ ради словесъ Марковыхъ, чтобъ не умереть тутъ же, недоидя до монастыря.

Возвратясь въ свою келью, онъ облился горькими слезами, роздалъ все свое имѣнiе до послѣдней сорочки, оставивъ себѣ свиту и единую маптию. Безпрестанно ожидалъ онъ себѣ дня и часа смертнаго; никто не могъ его утѣшить и удержать отъ горькаго плача, никто не могъ принудить—вкусить отъ пищи. Дню наставшу онъ говорилъ: не знаю, доживу ли до вечера; приходила ночь, онъ говорилъ плачущій: доживу ли я до свѣта: блаженный Марко сказалъ мнѣ, что вскорѣ я умереть долженъ. Такъ молился онъ Богу со слезами, чтобъ даровалъ ему время

покаянiя. Въ такомъ ожиданiи, не ѣвши и не пивши, среди слезъ и молитвы, такъ изнурилъ онъ плоть свою, что можно было сосчитать его составы. Кто ни хотѣлъ утѣшить его, тотъ подвигалъ только на большой плачь и большое рыданiе. Теофиль ослѣпъ наконецъ отъ слезъ, и продолжалъ свою праведную жизнь, угождая Богу великимъ воздержанiемъ. Передъ кончиною прислалъ за нимъ Марко. «Братъ,» сказалъ ему печерникъ, «прости меня, я огорчилъ тебя на многое время, вотъ пришла и моя смерть. Помолись обо мнѣ. Если я приму дерзновение у Господа, не забуду тебя, да сподобитъ насъ Богъ тамъ увидѣться, и обрѣстися вмѣстѣ съ отцами нашими, Антонiемъ и Θεодосiемъ.» Теофиль отвѣчалъ ему съ плачемъ: отче Марко, зачѣмъ оставляешь ты меня, или возми съ собою, или даруй мнѣ прозрѣнiе. Марко сказалъ: «не тужи, ты ослѣпъ очами тѣлесными, но прозрѣлъ душевными на разумъ; я былъ виною твоего ослѣпленiя, желая пользу сотворить душѣ твоей, высокiй твой разумъ привести на смиренiе; сердца сокрушенна и смиренна Богъ не уничтожитъ.» Теофиль продолжалъ просить или смерти или прозрѣнiя. «Не пужно тебѣ видѣть этого временнаго свѣта,» сказалъ Марко, «проси Бога, чтобъ далъ тебѣ тамъ узрѣть славу его, смерти не желай, она придетъ, если бы и не захотѣлъ когда. Вотъ тебѣ знаменiе твоего отшествiя: ты прозришь за три дня до кончины.»

Марко скончался, и былъ положенъ въ пещерѣ, которую ископалъ самъ. Теофиль началъ плакать еще сильнѣе по разлукѣ съ отцемъ. Былъ у него сосудъ, и онъ ставилъ его передъ собою, когда на молитвѣ показывались у него слезы. Весь

сосудъ наполнился слезъ его, въ ожиданіи кончины, предсказанной Маркомъ, кончины о Бозѣ, какъ онъ сталъ надѣяться по слову блаженнаго. И стали слезы его быть пріятны Богу. Вдругъ является предъ нимъ какое-то прекрасное существо и говоритъ ему: что ты хвалишься о тщетѣ слезной, вотъ сосудъ, больше твоего, исполненный благоуханія, яко миро добровонное. Здѣсь твои же слезы, излитыя на молитвѣ къ Богу, отертыя ризою или убрусцемъ, и упавшія на землю отъ твоихъ очей. Онъ всѣ собраны по повелѣнію Божію, и я послалъ подать тебѣ радость, чтобъ отошелъ ты въ землю съ веселіемъ. Блаженни плачущіи, яко тѣи утѣшатся. Сія рекъ невидимъ бысть.

Ееофилъ призвалъ игумена, повѣдалъ ему явленіе ангельское, и показалъ два сосуда съ слезами; одинъ, исполненный ароматовъ, велѣлъ онъ излить на тѣло свое. Когда онъ скончался, тѣло его было положено близъ Маркова, и помазано изъ сосуда ангельскаго; вся пещера исполнилась тогда благоуханія. Слезный сосудъ излитъ надъ нимъ, да съявѣтъ слезами радостію пожнеть.

Память его празднуется Декабря 29. П.

Прохоръ черноризецъ. Великій князь Святополкъ Изяславичъ, княжа въ Кіевѣ, много сотворилъ насилія, искоренилъ немало домовъ безъ вины, отнялъ имѣнія, за что и попустилъ Богъ непріателямъ имѣть надъ нимъ силу. Къ набѣгамъ Половецкимъ присоединились усобицы, и наконецъ голодъ. Вслѣдствіе чего скудота распространилась по всей Русской землѣ.

Въ тѣ дни пришелъ изъ Смоленска къ игумену Іоанну человекъ нѣкій,

котораго тотъ постригъ, и наименовалъ Прохоромъ.

Этотъ Прохоръ сдѣлался славенъ своимъ воздержаніемъ: онъ не вкушалъ даже хлѣба, не употреблялъ никакого овоща, но собиралъ лебеду, растиралъ своими руками, и пекъ изъ нея себѣ хлѣбъ. Питьемъ была вода. Обыкновенно онъ заготавливалъ себѣ лебеды на годъ, обѣщаясь всю свою жизнь не ѣсть хлѣба, отъ чего и былъ прозванъ лебедникомъ. Напештивъ враговъ онъ не боялся, потому что онъ, какъ птица, не имѣлъ ни житницы, ни села, ничего, кромѣ лебеды. Онъ всегда былъ веселъ, всегда радовался, ходилъ по полямъ непаханнымъ, и приносилъ на своихъ плечахъ въ монастырь свою жатву, несѣянную пищу, готовилъ себѣ кормлю. Когда распространился по землѣ голодъ, Прохоръ еще прележнѣе сталъ ходить по полямъ, и собирать лебеду для себя и для домашнихъ. Много труда прибавилось ему тогда. Онъ растиралъ лебеду своими руками, пекъ хлѣбы и раздавалъ умиравшимъ отъ голода. Съ радостію принимали изъ рукъ его эти черные хлѣбы. Какъ будто бы съ медомъ казались они имъ. Настоящему хлѣбу не были такъ рады, какъ этому печеню: свѣтелъ, чистъ и сладокъ былъ этотъ хлѣбъ. Одинъ изъ братіи хотѣлъ украсть у него хлѣба, но краденый хлѣбъ оказывался горькимъ безъ мѣры: невозможно куска было проглотить. —Нѣсколько разъ повторилось это явленіе. Стыдно было ему признаться предъ святымъ мужемъ, а между тѣмъ онъ умеръ съ голода, и открылся игумену Іоанну. Игуменъ не повѣрилъ, и велѣлъ другому брату сдѣлать тоже. Такъ случилось и съ другимъ. Игуменъ послалъ къ Прохору попросить одного хлѣба, а другой велѣлъ

украсть. Краденый оказался землею, и горькимъ, какъ полынь, а принятый изъ рукъ Прохора сладокъ, какъ медъ. Чудо ославилось, и много алчныхъ было насыщено преподобнымъ.

Во время войны за ослѣпленіе Василька, когда Галицкіе князья не пустили гостей изъ Галича и ладей изъ Перемышля, — не стало соли во всей Русской земли, и люди томились безъ хлѣба и соли. Прохоръ собралъ тогда золу изъ всѣхъ келій, никому несвѣдущу, и зола обращалась у него въ чистую соль. Не только въ монастырѣ не было недостатка въ соли, но и приходящіе получали отъ него столько, сколько угодно, безъ всякой платы. Чѣмъ больше раздавалъ онъ, тѣмъ количество ея у него умножалось. Купцы вознегодовали, надѣясь своею солью приобрѣсти себѣ богатство, залучить къ себѣ всѣ деньги: прежде давали они только по двѣ головажни за куну, а теперь и десяти отъ нихъ никто не бралъ. Они пожаловались Святополку на Прохора за свои убытки. Святополкъ самъ вздумалъ торговать солью, и велѣлъ отнять ее у Прохора. Соль привезли, но она оказалась золою. Князь велѣлъ беречь ее три дня. Посмотрѣли чрезъ три дня, и опять увидѣли ту же золу. А бѣдныя, приходившіе просить соли у Прохора, горько сожалѣли, что соль у него была отнята. Соль мою высыплютъ вои у князя, а вы подбирайте ее, велѣлъ имъ Прохоръ. Такъ дѣйствительно и случилось: черезъ три дня князь велѣлъ выбросить воиамъ золу, и она очутилась солью въ рукахъ бѣдныхъ жителей, подобравшихъ ее. Князь ужаснулся предъ этимъ явленіемъ, совершившимся въ глазахъ всего города. Онъ велѣлъ разыскать дѣло, и услышалъ подробности о чудесахъ Прохора съ лебе-

дою и золою, устыдился своихъ дѣйствій, и отправился въ монастырь принести покаяніе игумену Іоанну, котораго гналъ прежде. Святополкъ даже заточалъ его въ Туровъ, въ гнѣвъ за его обличенія въ корыстолюбіи, и уже только вслѣдствіе ходатайства Володимера Мономаха возвратилъ на его мѣсто. Теперь онъ совершенно измѣнился, и началъ имѣть любовь великую къ Печерскому монастырю, святымъ отцамъ Антонію и Феодосію, и особенно почитать и блажить Прохора. Прохоръ взялъ съ него слово не творить болѣе насилія никому. Если по Божіей волѣ, сказалъ князь иноку, я умру прежде тебя, то ты своими руками положи меня въ гробъ, да симъ беззлобіе твое на мнѣ явится; если ты скончаешься прежде меня, то я приду въ монастырь, и на плечахъ своихъ отнесу тебя въ пещеру, да проститъ меня Господь Богъ о сотворенномъ грѣхѣ.

Прохоръ занемогъ и послалъ звать къ себѣ Святополка, собиравшагося на войну: приди, исполни свое слово, и положи меня во гробъ, да примешь отданіе отъ Господа. Больше пользы получишь ты, пришедъ ко мнѣ, чѣмъ идучи на войну. Святополкъ распустилъ вои и пришелъ къ умирающему иноку. Тотъ поучилъ много князя о милостынѣ, о будущемъ судѣ, о вѣчной жизни, о безконечной мукѣ, произнесъ ему прощеніе и благословеніе, перецѣловалъ всѣхъ его спутниковъ, поднялъ руки къ верху, и испустилъ духъ. Князь взялъ тѣло, положилъ во гробъ, и отнесъ на своихъ плечахъ въ пещеру. По погребеніи отправился на войну, и одержалъ великую побѣду надъ Половцами, какъ предрекалъ блаженный. Съ тѣхъ поръ Святополкъ всегда, отправляясь на войну или на охоту, приходилъ

въ Печерскій монастырь поклониться Пресвятой Богородицѣ и святому Θεодосію, и ходилъ въ пещеру къ святымъ Антонію и Прохору, о чудесахъ котораго любилъ всегда рассказывать. П.

Пименъ былъ боленъ отъ рожденія, и ради сего недуга остался чистымъ отъ всякія скверны. Многажды просилъ онъ у отца и матери позволенія постричься въ монахи, но они не соглашались, желая имѣть его при себѣ наследникомъ. Наконецъ, когда не осталось никакой надежды къ его выздоровленію, они рѣшились отнести его въ Печерскій монастырь. Тамъ поручили они его молитвамъ святыхъ отцевъ, и святые отцы много трудились, молясь за больного, но тщетно; не ихъ была услышана молитва, а больного, который просилъ продолженія болѣзни, для того, чтобъ выздоровѣвшій не былъ взятъ онъ изъ монастыря родителями, которые не покидали его и въ кельѣ. Больше всего молился онъ о постриженіи.

Въ одну ночь явились у него въ кельи нѣсколько юношей свѣтлозарныхъ, неся съ собою евангеліе, свиту, мантию, куколь, и все нужное для постриженія, и спросили его: хочешь ли—мы пострижемъ тебя. *Пименъ* отвѣчалъ: съ радостію. Они начали спрашивать его по уставу, пропѣли всѣ гласы, совершили весь обрядъ, и облекли въ схиму. Потомъ перецѣловали его, и, наименовавъ *Пименомъ*, подали ему свѣчу. Сорокъ дней не погаснетъ эта свѣча, сказали они ему. Съ сими словами они отошли, и положили снятые волосы на гробъ святаго *Θеодосія*. Братія по кельямъ слышали пѣніе, и, разбудивъ спавшихъ около, пошли къ больному: они поду-

мали, что игуменъ постригаетъ больного, либо что уже скончался онъ. Отецъ *Пименовъ*, мать, и ихъ рабы, спали всѣ на своихъ мѣстахъ. Вмѣстѣ вошли они къ *Пимену* въ его келью. Келья наполнена была благоуханія. Самъ онъ встрѣтилъ ихъ веселый и радостный, облеченный въ одежду мнишескую, державшій въ рукѣ свѣчу. Что съ тобою сдѣлалось, спрашивали они, мы слышали пѣніе, кто постригъ тебя, родители ничего не знаютъ. «Я думалъ,» отвѣчалъ онъ, «что меня постригъ игуменъ съ братією, и далъ мнѣ имя *Пимена*. Они всѣ пѣли,—вотъ и свѣча, мнѣ данная, которая должна горѣть до сорока дней, а волосы мои отнесены въ церковь.» Ипоки пошли и нашли церковь запертою, разбудили пономаря, и спросили его, кто входилъ въ церковь послѣ вечеренъ. Пономарь отвѣчалъ, что не входилъ никто, и ключи у полатника. Когда отперта была церковь, они увидѣли волосы въ убрूसѣ на гробѣ *Св. Θεодосія*, искали постригшихъ, и никого не оказалось.

Тогда ясно братіи стало, что это Божій промыслъ, что Богъ присылалъ ангеловъ Своихъ или святыхъ сотворить постриженіе. Смотрѣвше же умно о бывшемъ, они рассуждали—вмѣнить ли оное въ уставное постриженіе? Свидѣтельство было на лицо предъ всѣми: церковь заперта; волосы оказались на гробѣ святаго *Θеодосія*; свѣча, которой недоставать должно было на ночь, до сихъ поръ не сгорѣла. Они показали *Пимену* чинъ постриженія, и спросили его, все ли по оному было исправлено. *Пименъ* отвѣчалъ: «зачѣмъ вы искушаете меня, исполнивъ сами все по написанію сихъ книгъ.» Отцы рѣшили, чтобъ постриженія ему не творить. Довѣдетъ тебѣ

благодать, Пимене, сказали они, отъ Бога дарованный образъ, и нареченное имя. Пимень объявилъ имъ тогда, что получилъ откровеніе, пребывать въ болѣзни, и выздороветь только предъ кончиною, понести тогда одръ своими руками. «Помолись обо мнѣ, отче,» сказалъ Пимень игумену, «да подасть мнѣ Богъ терпѣніе.»

Нѣсколько лѣтъ пролежалъ Пимень въ своей тяжкой болѣзни, прислужники гнушались имъ, и часто оставляли гладна и жадна на два и на три дня. Онъ все терпѣлъ съ радостію и благодарилъ Бога. Случилось быть принесену въ монастырь такому же больному и быть пострижену. Черницы, приставленные на службу, отнесли его въ келлію къ Пимену, чтобъ ходить за ними обоими вмѣстѣ, но часто оставляли ихъ безъ всякаго призора, въ совершенномъ забвеніи. Пимень сказалъ этому больному: «братъ, служащіе гнушаются нами, не вынося смрада, отъ язвъ нашихъ исходящаго: станешь ли ты ходить за мною, если Богъ тебя возстановитъ?» Больной обѣщался служить съ усердіемъ до смерти. «Господь отъемлетъ болѣзнь твою,» сказалъ Пимень, «исполниже свой обѣтъ, служи мнѣ и прочимъ больнымъ. На нерадивыхъ же о службѣ мнѣ насылаетъ Господь болѣзнь смертную, да ею наказанные спасутся.» Тѣ и были поражены дѣйствительно болѣзнями. Испѣленный же служилъ нѣсколько времени, и потомъ началъ также уклоняться отъ Пимена, по причинѣ смрада отъ него исходящаго, и оставлялъ его алчна и жадна. Однажды лежалъ этотъ прислужникъ въ особой хранинѣ, вдругъ загорѣлось у него внутри, и не могъ онъ приподняться три дня. Выйдя изъ терпѣнія онъ закричалъ: помилуите меня Бога ради, я умираю отъ жажды.

Братія объявила о томъ Пимену. Пимень сказалъ: «что посѣтетъ человекъ, то и пожнетъ. Онъ оставилъ меня гладна и жадна, солгалъ Богу, — и вотъ, повеся ту же скорбь, попалъ самъ въ такое же положеніе. Но Богъ не велитъ платить зломъ за зло: скажите ему, что зоветъ его Пимень, и чтобъ онъ пришелъ сюда.» И больной пришелъ къ нему безъ чуждой помощи. «Маловѣръ,» сказалъ ему Пимень, «се цѣль еси, къ тому не согрѣшай; развѣ ты не знаешь, что одинакую мзду приѣмлютъ и болящій и служащій. Что есть въ этой темной и смрадной хранинѣ? Здѣсь скорбь и туга и недугъ, вмалѣ, — а тамъ радость и веселіе, нѣсть ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная. Для того я и терплю, братъ. Богъ, исцѣлившій мною тебя отъ твоего недуга, могъ бы возставить и меня, но я не хочу. Претерпѣвый до конца, той спасется.»

Пимень пролежалъ въ страшной своей болѣзни двадцать лѣтъ. Во время преставленія его три столпа явились надъ трапезницею, и оттуда прешли на верхъ церкви, о чемъ писано и въ лѣтописцѣ. Въ тотъ день Пимень выздоровѣлъ, обошелъ всѣ келліи, кланялся въ землю всѣмъ инокамъ, и просилъ прощенія, по вѣдая свою кончину. Болящимъ же отъ братіи онъ говорилъ, чтобъ они возставши провожали его, — и словамъ его уступала болѣзнь: они всѣ, здоровые, пошли за нимъ въ церковь. Онъ причастился, и взявъ одръ понесъ къ пещерѣ, въ которой никогда не бывалъ. Поклонился гробу Св. Антонія и указалъ, гдѣ хотѣлъ положенъ быти. Здѣсь найдете вы два тѣла мертва, сказалъ онъ, одного въ схимѣ, который много разъ хотѣлъ постриженія, но не

получилъ отъ васъ желаемаго нищеты своей ради. Богъ даровалъ ему схиму по его достоинству, а на вашей душѣ грѣхъ. Другой братъ положенъ здѣсь вами въ схимѣ, но онъ не хотѣлъ ея въ животоѣ своемъ, и спросилъ только отходящій, почему и взята она у него. Онъ забылъ, что не мертвые восхваляютъ Тя, Господи, но мы живые благословимъ Его. Третій братъ, — его схима блюдется, нетлѣнная, ему на обличеніе и осужденіе, — здѣсь положенъ отъ давнихъ лѣтъ за его грѣхи: онъ повиненъ суду, если святые Антоній и Θεодосій не умолятъ за него Господа. Объяснивъ все братія, Пименъ заключилъ: «постригшіе пришли за мною, и хотятъ взять меня къ себѣ. Съ сими словами онъ легъ и скончался о Господѣ».

Братія откопали назначенное мѣсто, и нашли тамъ дѣйствительно трехъ иноковъ, лежавшихъ въ томъ видѣ, какъ объявилъ Пименъ: одинъ истлѣлъ совершенно, а схима его цѣла. Изъ двухъ новоумершихъ — съ положеннаго въ схимѣ она была снята, и положена на того, кто былъ непостриженъ. Со страхомъ и трепетомъ разошлись иноки, прославляя Бога, сотворшаго сія чудеса. П.

Кукша и Никонъ, ученикъ его, умерщвлены Вятчанами, во время ихъ проповѣди.* Память ихъ празднуется 27-го Августа. «О Кукша мученикъ, правило для священниковъ, украшеніе постникамъ и преподобнымъ,» говоритъ въ восторгъ Мелентій Сиринъ, сочинитель каноновъ Печерскимъ угодникамъ, «ты какъ апостоль скончался среди проповѣди евангельской съ ученикомъ твоимъ; наставъ и меня твоими молитвами на путь спасенія.» П.

* См. выше, с. 544.

Несторъ. Принять былъ въ монастырь Св. Θεодосіемъ, 17 лѣтъ, постриженъ Стефаномъ, (который послѣ сдѣлался игуменомъ). Въ 1091 году ему поручено было въ тайнѣ откопать мощи Св. Θεодосія, что онъ и исполнилъ.* Несторъ писалъ лѣтопись, почему и называется лѣтописателемъ въ сочиненіяхъ Симона и Поликарпа, житіе Свят. Бориса и Глѣба и житіе Свят. Θεодосія.** Память его празднуется Ноября 27.

Теоктистъ, еписк. Черниговскій. Онъ былъ въ числѣ старцевъ, которыхъ молитвою испѣленъ пр. Никита.*** Въ 1103 г. онъ былъ посвященъ игуменомъ обители, послѣ кончины Іоанна. Въ 1108 г. онъ построилъ каменную трапезницу въ монастырѣ на иждивеніи князя Глѣба. Въ томъ же году, по его ходатайству, имя Св. Θεодосія внесено было въ синодики святыхъ Русской церкви. Въ 1113 г. онъ былъ посвященъ въ епископа Черниговскаго. Въ 1115 г. находился при перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба. Князь Давидъ Святославичъ былъ его истиннымъ другомъ. Они скончались въ одно время, одинъ послѣ другаго, 1 и 6 Августа, 1123 года.

Тимовой, игуменъ Печерскій. О немъ извѣстно только, что онъ, бывъ игуменомъ Печерской обители послѣ Прохора, и предъ Пименомъ, обложилъ золотомъ и серебромъ раку преп. Θεодосія на присланные изъ Суздаля отъ тысяцкаго Георгія, сына Шимонова, 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота.

* См. выше, с. 592.

** См. ниже.

*** См. выше, 608.

Святоша, (въ міръ Святославъ, въ крещеніи Панкратій, въ монашествѣ Николай, сынъ Давыда Святославича, племянникъ знаменитаго Олега), принималъ участіе въ междоусобіяхъ, вслѣдствіе ослѣпленія Василька (1099), но въ 1107 г. оставилъ мірскую жизнь, пришелъ въ монастырь, и постригся Февраля 17. Сначала онъ опредѣлился на поварню, работалъ три года, кололъ дрова, носилъ на плечахъ воду изъ рѣки. Братья его, Изяславъ и Володимѣръ, насилу уговорили его оставить эту тяжелую работу. Онъ упросилъ ихъ однакожь, чтобъ позволили ему еще годъ варить яглы* на братію, потомъ поставленъ онъ былъ привратникомъ, и три года простоялъ у воротъ, не отходя ни на шагъ никуда кромѣ церкви; затѣмъ служилъ братіи за трапезою, и наконецъ уже по истеченіи всѣхъ сихъ послушаній, по рѣшенію игумена, получилъ онъ особую келлію, около которой развелъ себѣ собственными руками огородъ. Во все время чернечества никто не видалъ его праздна. Всегда было у него что нибудь въ рукахъ. Одежда на немъ была его рукодѣлья, доходы свои онъ употреблялъ на общественныя нужды и подаванія, а самъ довольствовался общимъ монашескимъ содержаніемъ. По словамъ пр. Симона можно заключить, что церковь на вратахъ во имя Св. Троицы, и больничная церковь Св. Николая, построены Святошею, и дѣйствительно по новѣйшимъ изысканіямъ постройка вратъ оказывается древнею. Съ устъ его никогда не сходила Иисусова молитва: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.

* Яглы—родъ безцвѣтныхъ растеній, близкій къ яхамъ (Даль). Преосв. Филаретъ говоритъ о пшенной кашницѣ.

Онъ пѣлъ или произносилъ ее среди всѣхъ своихъ занятій, къ числу которыхъ принадлежало чтеніе. «Книгъ его много у васъ до сихъ поръ,» пишетъ пр. Симонъ къ Поликарпу. Онъ поручилъ какому-то иноку Феодосію перевести съ Греческаго языка на Русскій посланіе Римскаго Папы Леонтія, противъ еретика Евтихія, о единствѣ божества и чelовѣчества въ Христѣ. Переводчикъ, вѣроятно, Болгаринъ, прославляетъ въ посвященіи смиреніе князя Николая, который «не всхотѣ отецъ своихъ свѣтѣй власти отцвитающія, ... но Маріину благу и богохвальную часть избра, ... на предняя спѣя паче и паче, ... *себѣ же и инѣмъ понужаеши*. .... начати и свершити дѣло драго и изящно, и еще и выше моего видѣнія... яко учившимся отъ младъ ноготъ Омирьскимъ и риторьскимъ книгамъ, таково есть дѣло, еже *отъ Рима твоея вѣры ради* къ намъ прииде.»

(Послѣднія слова показываютъ, кажется, что сочиненіе выписано для князя изъ Рима).

.... «Азь же свѣдѣй моего ученія немощь... бояся же и злаго преслушанія... обаче съ въздыханіемъ и страхомъ начахъ вышняя моего ума вещи. еже отъ Греческаго Словенскы преложити. Вѣдеже господине мой, Киръ-Николае, яко викако же достойно твоего чаянія предложеніе, обаче ни суть *моя мысли дѣянія*, но *твоя*, — очисти я, теплыя вѣры плодове. Призываю же рабъ твой инокъ Феодосій моего патріарха молитвы ... идеи безмолвія не имый на ясность,» и проч.

Служилъ при немъ прежде, во время мірской его жизни, лѣтець родомъ Сиріанинъ, по имени Петръ. Онъ пришелъ—было съ нимъ вмѣстѣ въ монастырь, но увидѣвъ

его многотрудную жизнь, въ поварнѣ и у воротъ, оставилъ его, и поселился въ Кіевѣ, врачуя приходящихъ. Между тѣмъ посѣщаль онъ часто своего Князя въ монастырѣ, и старался убѣдить его, чтобъ пересталъ губить плоть свою, и заботился болѣе о своемъ здоровьѣ. „Богъ не требуетъ“; говорилъ онъ, «труда черезъ силу, а только чистаго сердца. Ты не привыкъ къ такой нуждѣ, подобно нужному холопу*. Братья твои Изяславъ и Володимеръ велику укоризпу творять себѣ твоею нищетою: какъ—отъ славы, отъ чести и богатства, избрать такое убожество, морить себѣ тѣло неподобною пищею? отъ сладкія яди ты чувствовалъ иногда болѣзнь: какъ же переносить тебѣ это суровое зелье и сухой хлѣбъ? ты скоро лишишься (гонзнешь) живота, и я не въ силахъ буду помочь тебѣ. Утѣшь братьевъ, утѣшь бояръ твоихъ,— которые надѣялись велицы быти тобою. Дома великіе сотворше, они сидятъ теперь тамъ въ уныніи и считаютъ тебя изумѣвшимъ. Который князь жилъ по твоему— блаженный-ли отецъ твой Давидъ, дѣдъ-ли твой Святославъ, или кто изъ бояръ, кромѣ одного Варлаама, что здѣсь постригся. Повѣрь, если не послушаешься меня, то умрешь прежде срока.» Часто говорилъ Сиріанинъ подобныя рѣчи, сидя съ княземъ у воротъ или въ поварнѣ, полученный братьями. Ничто не могло убѣдить блаженнаго. «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ, «братъ Петръ, много я думалъ, и рѣшился не падить своей плоти, чтобъ склещаемая (стѣсняемая) трудомъ смирилася, и чтобъ страсти утекли:

* Въ нѣкоторыхъ спискахъ: конскому холопу, въ другихъ сѣтному. Сѣтнѣй можетъ быть значить скорбнѣй. Срав. сѣтовать. Или: сѣтнѣй— заключеннѣй, отъ сѣта.

страсти пынѣшняго времени не пригодны для будущей славы. Благодарю Бога, что Онъ освободилъ меня отъ мірской работы, и сотворилъ слугою рабамъ своимъ, блаженнымъ черноризцамъ. Братья мои пусть заботятся о себѣ, и пользуются моею властію; неси каждый свое бремя. Я оставилъ жену, дѣтей, домъ, власть, братію, друзей, рабовъ, села, да буду жизни вѣчныя наслѣдникъ. Ты, врачу, велишь воздерживаться отъ брашенъ, и я обнищаль Бога ради, да Того пріобрѣщу. Умереть Христа ради для меня прибытокъ. Ты говоришь, что я сижу на смѣтницѣ; нѣтъ— я царствую. Ты говоришь, что ни одинъ Князь не дѣлалъ того; ну чтожъ, я буду предвожею; кто захочетъ, тотъ мнѣ послѣдуетъ!»

Князь занемогалъ послѣ нѣсколько разъ, огненнымъ жженіемъ или теплою кручинною(?), по выздоравливалъ прежде прибытія врача, и не употреблялъ приготовленныхъ имъ зелей.

Занемогъ однажды и самъ врачъ. Святоша послалъ сказать ему, чтобъ не принималъ «зелья: въ такомъ случаѣ выздоровѣетъ скоро; если же приметъ, то долго будетъ страдать.» Но Сиріанинъ схитрилъ и не послушался; желая избавиться отъ болѣзни онъ вкусилъ врачебное раствореніе, и едва не лишился жизни. Только молитва преподобнаго спасла его.

Въ другой разъ опять онъ занемогъ, и Князь послалъ сказать ему, что онъ выздоровѣетъ на третій день, если не будетъ лечиться. Такъ и было.

Передъ смертію своей, Святоша призвалъ своего врача, сказавъ, что умереть черезъ три мѣсяца, и совѣтовалъ ему постричься.

Сиріанинъ спрашивалъ у него объ его болѣзни. «Кто предвѣщалъ тебѣ смерть? Если я не вылечу тебя, то пусть голова моя пойдетъ за твою голову, и душа моя за твою душу.» Князь повелъ его въ пещеру, гдѣ ископалъ гробъ себѣ, и спросилъ: «кому изъ насъ пріятнѣе и желаннѣе это мѣсто?» Сиріанинъ умиленный воскликнулъ: «пусти меня прежде, и положи меня въ этомъ гробу, а самъ поживи еще и помолись обо мнѣ. Я увѣренъ, что ты это можешь.» Преподобный отвѣчалъ: «держай, чадо, и приготовляйся къ смерти.» Сиріанинъ постригся, приобщился Святыхъ Таинъ, провелъ въ слезахъ днемъ и ночью три мѣсяца, и опочилъ о Господѣ.

Князь же Святоша прожилъ еще тридцать лѣтъ въ монастырѣ, и скончался, окт. 14, вѣроятно въ 1143 году, судя по Степенной книгѣ, въ которой сказано, что врачъ Сиріанинъ умеръ на 6-мъ году пребывания Святошина въ монастырѣ. Это очень вѣроятно, ибо по лѣтописямъ Святоша былъ живъ въ 1142 году: Великій Князь Всеволодъ Ольговичъ посылалъ его къ братьямъ своимъ убѣждать ихъ къ миру.

На погребеніе его собрался весь городъ. Братъ Изяславъ выпросилъ у Игумена себѣ на благословеніе крестецъ съ его параманта, возглавницу (подушку), и колбицу (колодку, скамейку?), «на ней же кланяшеся.» За что и далъ три гривны золота. Этотъ Изяславъ разболѣлся однажды такъ, что всѣ отчаялись въ его жизни, жена, дѣти, бояре, присѣяще его одру. Вдругъ онъ очнулся, и спросилъ себѣ воды изъ печерскаго колодца, и опять опѣмѣлъ. Игуменъ прислалъ ему воды съ гроба Св. Θεодосія, вмѣстѣ съ власяницею его брата. Прежде нежели воротились посланные съ

водою и власяницею, Изяславъ промовилъ: идите за городъ во срѣтеніе преподобному Антонію и Николѣ. Когда посланные вошли въ его горницу, Изяславъ воскликнулъ: Князь Никола, Никола-Святоша. Его наполни водою, одѣли въ власяницу, и онъ выздоровѣлъ. Послѣ онъ носилъ всегда эту власяницу на себѣ во время болѣзни и на войнѣ. Въ послѣдній же разъ, согрѣшивъ, не смѣлъ онъ надѣть на себя власяницу, и былъ убитъ на сраженіи въ 1161 году, завѣщавъ предъ тѣмъ похоронить себя въ ней.—«Много и иного рассказываютъ объ этомъ мужѣ, князѣ Святошѣ,» заключаетъ свое повѣствованіе Епископъ Симонъ.

Дочь его была за Всеволодомъ-Гавриломъ, княземъ Псковскимъ, причтеннымъ къ лику святыхъ.

Изъ волостей его въ Черниговскомъ княжествѣ преданіе называетъ: Навозъ и Пакуль, по Днѣпру, отданныя послѣ Печерской Лаврѣ.

Спиридонъ. По происхожденію былъ селянинъ. Игуменъ Пименъ опредѣлилъ его вмѣстѣ съ братомъ *Никодимомъ* печь просфоры. Тридцать лѣтъ прослужили они въ пекленицѣ честно и непорочно, съ великимъ говѣніемъ совершая свое дѣло. Спиридонъ выучилъ псалтирь наизусть, и пѣлъ безпрестанно, среди всѣхъ своихъ занятій, рубивши дрова, мѣся тѣсто. Однажды случился у нихъ пожаръ. Мантией онъ закрылъ устье печи, а со свитою, завязавши рукава, побѣжалъ къ колодезю, и наливши въ нее воды, воротился тушить огонь. Братія, собравшаяся на крикъ, удивилась, видя, какъ вода не проливалась изъ свиты, и какъ мантия не прикоснулась огню.

Память Спиридона и Никодима, почитающихся въ Антоніевой пещерѣ, празднуется 31 Октября. Они подвизались, вѣроятно, около 1148 г. П.

Онисифоръ, священникъ, обладалъ даромъ прозорливости: онъ видѣлъ на лицѣ всякаго человѣка его грѣхи, и преподавалъ ему свои наставленія. Былъ у него сынъ духовный, чернецъ, который на виду старался подражать его житію, но втайнѣ предавался всякой похоти. Вдругъ, здоровый, онъ умеръ, и никто не могъ приблизиться къ его тѣлу: такой начало оно испускать смрадъ. Нельзя было даже совершить надъ нимъ обычныхъ пѣснопѣній. Священнослужители, вставши вдаль, исполнили обрядъ. Когда тѣло отнесено было въ пещеру, то звѣри отбѣгали отъ нея. Св. Антоній явился во снѣ Онисифору съ великимъ прещеніемъ, зачѣмъ осквернилъ святое мѣсто, положивъ туда грѣшника. Проснувшись Онисифоръ обратился къ Богу съ молитвою, и вмѣстѣ ропотомъ, почему отъ него были скрыты дѣла покойника. Въ назиданіе всѣмъ согрѣшающимъ и некающимся, да, видя, покаются, сказалъ ему внезапно явившійся ангель, и, сказавъ, исчезнулъ. Священникъ сообщилъ о видѣннѣ игумену. На другую ночь оно повторилось: изверзи тѣло псомъ на съѣденіе, недостойно оно лежать здѣсь. Священникъ обратился съ молитвою къ Богу, и услышалъ гласъ: если хочешь, то помоги ему. На совѣтъ братія съ игуменомъ положено было привести людей, хотя насильно, которые вынесли бы тѣло, и бросили его въ воду. Тогда явился священнику еще Антоній и сказалъ: умилостивила меня душа брата сего, — я обѣщаль помилованіе

всѣмъ, здѣсь положеннымъ, несмотря ни на какіе грѣхи, и Господь благоволилъ внять моей молитвѣ. Онисифоръ передалъ опять все виденное и слышанное игумену Пимену. Сей сотворилъ молитву и услышалъ, что молитва его принята ради Св. Антонія, и иже съ нимъ. И се ти знаменіе: измѣненіе смрада на благовоніе. Инокіи отправились въ пещеру, и она дѣйствительно была уже наполнена благовоніемъ.

Вотъ почему, говоритъ епископъ Симонъ, я скорблю и плачу, желая быть положеннымъ въ блаженной той персти.

Память Свитаго Онисифора празднуется Ноября 9. С.

Нифонтъ, епископъ Новгородскій. Мѣское имя его было Никита. Родился онъ близъ Кіева отъ благочестивыхъ и зажиточныхъ родителей. По смерти ихъ роздалъ имѣніе бѣднымъ и поступилъ въ Печерскій монастырь. Онъ путешествовалъ вѣроятно по Востоку. Въ 1130 г. посвященъ въ епископа Новгородскаго.* Есть грамота ему отъ патріарха Николая Муцалона (1147—1152): «о Св. Духѣ сыну и сослужителю смиренія нашего доброму пастырю разумныхъ овецъ, господину епископу Повгорода, Нифонту, желаемъ радоватися о Господѣ. Слышали мы о твоємъ невинномъ страданіи, какое терпишь ты для Бога, за митрополита Клиента, безъ нашего благословенія, самовластно, восхитившаго Кіевскую митрополию; слышали, что ты осуждаешь такую дерзость его, не хочешь служить съ нимъ святительски, не поминаешь его въ священной службѣ, и много перепесъ отъ него досадъ и оскорбленій. Но ты, святой отецъ, потерпи еще за правду, для Господа,

* О дѣйствіяхъ его тамъ, см. выше, с. 533.

и не ослабѣвай предъ тѣмъ аспидомъ и его совѣтниками, дабы быть причтеннымъ къ лику святыхъ, пострадавшихъ за православіе; покажи примѣръ терпѣнія святителямъ, которые имѣютъ быть въ землѣ Русской, и всему народу. — Миръ тебѣ отче! Благословеніе смиренія нашего да будетъ надъ тобою, страдалецъ Христовъ во вѣки. Аминь.»

Св. Нифонтъ скончался въ Києвѣ, 21 Апрѣля, 1156 г. Празднованіе ему установлено митрополитомъ Макаріемъ.

Іоаннъ пребылъ въ тѣснѣйшемъ затворѣ тридцать лѣтъ, удручая тѣло многими постомъ, пося желѣза по всему тѣлу.

Часто приходилъ къ нему одинъ изъ братій, смущаемый отъ дѣтства тѣлесною похотью, просить его о молитвѣ, да пошлетъ Господь ослабу страстямъ его. Блаженный велѣлъ ему крѣпиться и мужаться. Мочи мнѣ нѣтъ, отвѣчалъ инокъ, если ты не подашь мнѣ помощи, я уйду. «Нѣтъ, лучше оставайся здѣсь. Здѣсь ты далеко отъ пропасти, и если повлечетъ къ ней врагъ, то Господь изведетъ тебя отъ рова страсти и отъ брвенія тинна, и поставитъ на камени возѣ твоемъ. Послушай; что было со мною. И я отъ юности, томимъ на блудъ, пострадалъ много. Чего уже ни дѣлалъ я для своего спасенія: по два и по три дня я не принималъ никакой пищи, иногда даже по недѣлѣ; ночи проводилъ безъ сна, жаждою изнурялъ себя, тяжкія желѣза носилъ на себѣ. Три года провелъ я въ такомъ злостраданіи и не обрѣлъ себѣ покоя. Наконецъ вздумалъ я пойдти къ гробу Святаго Антонія. Цѣлый день и цѣлую ночь молился я тамъ, и услышалъ голосъ: Іоаннъ, тебѣ надо затвориться, чтобъ

певиднѣншемъ и молчаніемъ упразднилась брань. Богъ поможетъ тебѣ молитвами своихъ преподобныхъ. Съ тѣхъ поръ я вселился здѣсь, въ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ, живу уже 30 лѣтъ, и только недавно обрѣлъ покой. Все прежнее время боролся страстно съ помыслами тѣлесными, — и не зналъ уже что и дѣлать: вздумалъ жити нагъ, и возложить на себя тяжкую броню, желѣзнымъ холодомъ истончаемый. Но особенно послужила мнѣ во благо мысль — выкопать яму до плечъ достающую. При наступленіи великаго поста я влѣзъ въ яму, и осыпалъ себя землею оставя на свободѣ только руки и голову. Такъ, злѣтнѣаемый, провелъ я весь постъ, немогши двигнуть ни единымъ составомъ. Но и тутъ стремленіе плоти и разженіе тѣлесъ не прекращалось; къ тому же и врагъ дьяволъ творилъ мнѣ пострахи, хотя изгнать меня оттуда. Я ощутилъ его дѣйствія: ноги мои издну возгорѣлись, всѣ жилы скорчились, кости трескотали, и пламя приближалось къ утробѣ моей — я радовался душою, что огонь сотворитъ меня чиста, свободна отъ всякія скверны. Я рѣшился сгорѣть лучше въ томъ огнѣ, нежели выйдти изъ ямы. Вдругъ вижу я, — страшный и лютый змѣй, дышущій пламенемъ, сыплющій искры, идетъ на меня, какъ будто хочеть пожрать меня, и это повторялося нѣсколько разъ. Наступила ночь Воскресенія Христова. Змѣй напалъ на меня, голову мою и руки мои вложилъ къ себѣ въ пасть, волосы на головѣ и бородѣ опалилися, — вотъ посмотри ихъ и теперь, — въ гортани у него. Я возопилъ изъ глубины своего сердца: Господи Боже мой, за что ты меня оставилъ? Спаси меня грѣшнаго безутѣшнаго, избави мя отъ усть врага моего, се бо

яко левъ рыкаетъ, хотя мя поглотити... Я кончилъ молитву, блеснула молнія, змій исчезъ. Свѣтъ божественный осіялъ меня и услышалъ я гласъ: Иоаннъ, помощь ти бысть. Я поклонился и сказалъ: зачѣмъ же Ты оставлялъ меня такъ долго злѣ мучиму быти. И услышалъ отвѣтъ: противу силы терпѣнія твоего на тя наведохъ, да изженъ будешь какъ золото,—не попускаетъ Богъ напасти челоуѣку черезъ силу. Молись мертвецу, существу противъ тебя, да облегчитъ твою брань плотскую. Онъ выше Иосифа, и можетъ помогать страждущимъ такую страстью. Я не зналъ сначала, о комъ слышался голосъ, и воскликнулъ только: Господи помилуй! Послѣ узналъ, что подлѣ меня погребено тѣло Моисѣя Угрина. Свѣтъ неизреченный пришелъ на меня, и въ немъ до сихъ поръ я пребываю, не спрашивая свѣчи ни днемъ ни ночью. Всѣ достойные насыщаются такого свѣта. Это надежда онаго свѣта. Приходящіе ко мнѣ видятъ его ночью. Братъ, помолись преподобному Моисѣю, и онъ тебѣ поможетъ.»

Иоаннъ далъ кость отъ мощей его больному приложить къ своему тѣлу, и въ ту же минуту исчезла его похоть—оба возблагодарили Бога.

Св. Иоаннъ скончался не прежде 1160. Кончина его послѣдовала Іюля 18. П.

Еразмъ. Онъ употребилъ все свое имѣніе на благолѣпіе церковное, и обѣднявъ подвергся пренебреженію: съ горя онъ началъ вести жизнь безчинную, наконецъ занемогъ, лишился языка и зрѣнія, и чуть дышалъ. На десятый день пришли къ нему братія. Горе душъ брата нашего за безчинную жизнь,—и вотъ душа его мятися не можетъ изыти! Вдругъ Еразмъ всталъ,

какъ будто и не былъ боленъ. Точно, братія моя, грѣшенъ я, и не каялся, но вотъ явились мнѣ святые Антоній и Феодосій, и сказали мнѣ, что умолили Бога дать мнѣ время на покаяніе, за усердіе мое къ украшенію храма Божія. Я увидѣлъ и Божию Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукѣ. Она изрекла: вставъ, покайся, и прими ангельскій образъ; въ третій день я возму тебя чистаго на небо.

Еразмъ рассказалъ видѣніе, исповѣдалъ предъ всѣми грѣхи свои, пошелъ въ церковь, и облекся въ святую схиму.

На третій день онъ скончался.

Память празднуется Апрѣля 24.

Симонъ видѣлъ очевидцевъ умиравшаго Еразма, и потому кончину его должно полагать около 1160 г. С.

Св. *Аванасій.* Съ нимъ совершилось чудо особаго рода по смерти: онъ умеръ; два брата отерши и увивши тѣло его, отошли. Покойникъ, по своей бѣдности, оставался цѣлый день непогребенный. Ночью является кто-то къ игумену, и говоритъ, что челоуѣкъ Божій остается другой день безъ погребенія. Игумень съ братією идетъ въ его келью, и находятъ его сидящаго и плачущаго. Всѣ ужаснулись оживленію, и приступили съ вопросами къ Аванасію. «Слушайтесь, кайтесь и молитесь,» отвѣчалъ онъ, «чтобъ здѣсь скончаться и погребену быти. Больше ничего не спрашивайте у меня—не возносите и простите меня.» Съ этими словами онъ ушелъ къ себѣ въ пещеру, затворивъ за собою двери, и прожилъ тамъ 12 лѣтъ, не произнося ни единого слова, не выдавъ ни разу солнечнаго свѣта, не выходявъ на чистый воз-

духъ, вкушавъ помалу хлѣба, и то черезъ день, обливаясь слезами день и ночь. Предъ кончиною онъ призвалъ къ себѣ братію, и повторилъ имъ прежнее наставленіе: «слушайтесь, кайтесь, молитесь.»

Одинъ изъ братій именемъ Вавила, лежалъ боля лядвеями. Вдругъ онъ видитъ предъ собою Аѳанасія, который говоритъ ему: приди, и исцѣлю тебя. Больной хотѣлъ разспросить его, но онъ сталъ невидимъ. Братія уразумѣли, что покойникъ угодилъ Богу, и принесли къ его тѣлу больного, который тутъ же и былъ исцѣленъ. Такъ, рассказывалъ мнѣ самъ Вавила, говоритъ пр. Симонъ.

Память Св. Аѳанасія празднуется Декабря 2. Скончался, вѣроятно, около 1176 г. С.

Поликarpъ, инокъ и послѣ игуменъ Печерскій, любимецъ В. К. Ростислава Мстиславича, котораго онъ отговаривалъ отъ постриженія: «Князь,» говорилъ онъ, «Господь требуетъ отъ тебя иныхъ подвиговъ: наблюдай правду въ судѣ и оберегай Русскую землю; впрочемъ предоставь себя волѣ Божіей.» Поликarpъ разрѣшилъ у себя постъ среды и пятницы для Господнихъ праздниковъ, слѣдуя митр. Никифору, но митр. Константинъ возсталъ противъ него. Созванъ соборъ, и Печерскій игуменъ осужденъ на заключеніе. Кіевляне, послѣ, самое разореніе Кіева, въ 1169 году, приписывали наказаніямъ за митрополичью неправду. Въ Февралѣ 1170 г. перенесли онъ тѣло В. К. Володимера Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ, слѣд. былъ уже опять на службѣ. Въ 1174 г. встрѣчалъ онъ новаго Великаго князя. Скончался въ глубокой старости, Іюля 24 1184 г. Мощи его почиваютъ въ Антоіевоі пещерѣ.

Анастасій діаконъ, у Кальнофойскаго называется братомъ пресвитера Тита. Скончался около 1190 г., память чтится 22 Января. Мощи его почиваютъ въ Антоіевоі пещерѣ.

Евагріи, дякъ, и *Титъ*, попинъ, были связаны между собою тѣснѣйшею дружбою. Дьяволь возмутилъ ихъ, и они поссорились между собою такъ, что не могли видѣть другъ друга. Братія просили ихъ примириться, но они и слышать не хотѣли о мирѣ: если Евагріи стоялъ, а Титъ проходилъ съ кадильницею, то онъ убѣгалъ ладова; если же онъ оставался на мѣстѣ, то Титъ не кадилъ ему. Долго такимъ образомъ пребывали они во мракѣ гнѣвномъ: Титъ служба не бралъ прощенія, Евагріи принималъ святое причащеніе, питая гнѣвъ. Завемогъ Титъ и приблизился къ смерти: онъ послалъ къ брату просить прощенія Бога ради, но Евагріи жестокосердый изрекъ проклятіе. Иноки, видя Тита умирающаго, потащили къ нему Евагріа насильно, чтобъ далъ прощеніе брату. Титъ, увидавъ его, поднялся, и палъ къ нему въ ноги, обливаясь слезами: прости меня, отче, и благослови. Евагріи отвернулся и сказалъ: нѣтъ тебѣ прощенія ни въ семь вѣкъ, ни въ будущемъ, вырвался изъ руки старцевъ, упалъ и умеръ. Старцы не могли сложить ему рукъ, ни свести усть. А больной всталъ, какъ будто не былъ и боленъ. Мы ужаснулись, рассказывали они, внезапной смерти одного и другому исцѣленію другаго, съ плачемъ похоронили Евагріа, съ открытыми очами и устами, и распростертыми руками; Тита же спрашивали, какъ все это содѣлалось. Я видѣлъ ангеловъ, отвѣчалъ онъ, отступившихъ отъ меня и плачущихъ о душѣ моеі. Бѣсы же

радовались гнѣву моему. Тогда я началъ молить брата, да прощень буду, и когда велѣлъ позвать его къ себѣ, увидѣлъ ангела немилостиваго, держащаго пламенное копіе. Когда Евагрій отказался отъ прощенія, ангель ударилъ его копьемъ, и онъ упалъ мертвый, а мнѣ подавъ руку, и я всталъ. Слушая это повѣствованіе мы убоились и поминали слова Господни: оставите, оставится вамъ, и всякъ гнѣваяся на брата, безумно, повиненъ есть суду.

Память Тита празднуется Февраля 27. Кончина была вѣроятно около 1190 г. С.

Арева, родомъ Полочанинъ, былъ очень богатъ, но не подавалъ никогда ничего бѣднымъ, ни единой векши, ни куска хлѣба. Онъ былъ одержимъ скупостію, яко гладомъ, и самому уморятися. Однажды ночью пришли къ нему воры и украли все. Арева хотѣлъ лишить себя жизни, потомъ началъ искать на невиноватыхъ людяхъ. Инокѣ просили его прекратить тяжбу. Но онъ не послушался, досаждая всѣмъ жестокими словами. Вдругъ онъ занемогъ, — и не переставалъ роптать. И видитъ онъ сонъ ангеловъ и полкъ бѣсовъ, пришедшихъ къ нему. Они начали состязаться о похищенномъ богатствѣ. Ангелы говорили: окаянный человѣче, если быты возблагодарилъ Бога за свое лишеніе, то это вмѣнилось бы тебѣ въ заслугу: милостыня — доброе дѣло, но благодарность за взятое насильно выше еще милостыни. — «Я воскликнулъ тогда,» такъ рассказывалъ онъ самъ братіи, «Господи помилуй, Господи помилуй, согрѣшилъ я, Твое бо есть все, не жалѣю ничего.» Внезапно бѣсы исчезли; ангелы возрадовались, и вписали въ милостыню погибшее серебро.

Арева совершенно переъмѣнился въ расположеніи своего ума и нрава, и безпрестанно повторялъ: Господь даде, Господь отъя.

Такъ какъ бл. Симонъ жилъ съ Аревою въ Печ. монастырѣ до 1205 г., то кончину Св. Аревы должно полагать около 1190 г. Память празднуется Октября 24. С.

Досифей, архимандритъ, первый принесъ въ Россію съ Св. горы Аѳонской чинъ пѣнія дванадцати псалмовъ, и написалъ отвѣтъ на предложенные ему вопросы о жизни Аѳонскихъ иноковъ, не вполне уцѣлѣвшій въ рукописяхъ. Неизвѣстно, когда принято имъ имя *Феодосія*, въ малой ли или великой схимѣ, только въ назидательномъ повѣствованіи его о жизни аѳонцевъ по спискамъ онъ называется то Досифеемъ, то Феодосіемъ. Скончался Августа 28, 1118 г.

Симонъ, епископъ Владимирскій. Началъ свою духовную жизнь въ Печерской обители. Въ 1206 г. онъ былъ игуменомъ Владимирскаго Рождественскаго монастыря, и духовникомъ В. К. Маріи. Въ 1214 г. посвященъ въ епископа Владимирскаго, по желанію В. К. Георгія Всеволодовича. Въ 1217 г. этотъ князь былъ свергнутъ съ Владимирскаго стола, и получилъ себѣ въ удѣлъ городокъ Радилонъ, куда за нимъ послѣдовалъ и Симонъ, возвратившійся на свою кафедру вмѣстѣ съ нимъ по смерти Константиновой. Въ Сентябрѣ 1218 года блаж. Симонъ, въ присутствіи В. К. Георгія, освящалъ новый храмъ въ томъ монастырѣ, гдѣ былъ онъ игуменомъ. Князь Георгій любилъ блаж. Симона, который такъ много оказывалъ преданности къ нему въ горькое время: онъ объявилъ готовность свою открыть для друга его Поликарпа особую епископію

въ Суздаль. Но блаж. Симонъ, не находя того полезнымъ для Поликарпа, отклонилъ Князя отъ его намѣренія. Дочь В. К. Всеволода, Верхуслава, съ 1189 г. супруга Князя Ростислава Рюриковича, была духовною дочерью блаж. Симона, и также готова была на всякія жертвы изъ уваженія къ досточтимому Епископу. Но Симонъ твердо шелъ путемъ духовной жизни, не увлекаясь счастьемъ и не поблажая самолюбію. Въ 1225 г. освящалъ онъ соборный храмъ въ Суздаль, построенный имъ, вмѣстѣ съ Княземъ, на мѣсто древняго разрушившагося собора. Въ Маѣ 1226 г., чувствуя близость кончины своей, облекся онъ въ схиму, и 22 Мая «блаженный, милостивый и учительный Епископъ» скончался. Онъ погребенъ былъ во Владимирскомъ соборѣ, но въ послѣдствіи мощи его перенесены въ Кіевскія пещеры, гдѣ онъ и нынѣ покоятся. Сочиненія его: посланіе къ Поликарпу съ описаніемъ житія нѣкоторыхъ Печерскихъ затворниковъ, и описаніе основанія церкви Печерской.*

Акиндилъ архимандритъ. Въ 1231 г. онъ былъ на посвященіи Ростовскаго епископа Кирилла. Блаж. Симонъ епископъ называетъ его «мужемъ святымъ.» О ревности его къ жизни духовной свидѣлствуетъ то, что приказалъ онъ благочестивому и наблюдательному Поликарпу описать жизнь Печерскихъ подвижниковъ, въ память и назиданіе черноризцамъ. Онъ былъ игуменомъ 1219—1234.

Лукианъ, пресвитеръ, претерпѣлъ мученическую смерть при нашествіи Батя въ 1239 году.

Изъ святыхъ отцовъ, подвизавшихся въ ближней пещерѣ, извѣстны по порядку времени еще слѣдующіе: преп. Григорій иконописецъ (ск. 1105 г.), преп. Исаія чудотворецъ (сконч. 1115 г.), *Теохтистъ*, епик. Черниговскій (сконч. 1123 г.), препод. Нектарій, Савва, Сильвестръ, Симонъ, Онуфрій молчаливый, Анатолій, Теофанъ постникъ, Макарій, Авраамій затворникъ, Илія Муромецъ (Ок. 1, 1188 г.?) и преп. мученикъ Анастасій діаконъ (ск. 1190 г.).

Всѣ эти угодники Божіи подвизались въ ближней пещерѣ въ 1100 годахъ.

За тѣмъ: Симеонъ, епископъ Переяславскій, (ск. 1239 г.), Меркурій, епископъ Смоленскій (ск. 1232 г.), преп. Лука, экономъ Печерскій, Алексѣй затворникъ, Сергій послушливый, затворники: Элладій, Онисимъ, Сисой, Теофанъ, препод. *Евстафій*, — пресвитеры: *Ефремъ*, *Мелетій*, *Сераніонъ*, *Филаретъ*, *Петръ*, препод. *Іоаннъ* постникъ, *Іеремія* затворникъ, *Меладій*, *Первій* и *Сераніонъ*, епик. Владимирскій, подвизались въ 1200 годахъ.

Они всѣ почти почиваютъ въ ближней пещерѣ своими нетлѣнными мощами.* Имена ихъ сохранились въ старыхъ памятникахъ Печерскаго монастыря, въ лѣтописныхъ сказаніяхъ, на надгробныхъ доскахъ. На этихъ доскахъ сохранились преимущественно имена святыхъ отцовъ, почивающихъ въ дальнихъ пещерахъ. Досками, какъ видно, въ старину прикрывались углубленія въ стѣнахъ, въ которыхъ почивали мощи, лежавшія сначала на доскахъ, а не въ гробахъ, какъ теперь. На боковыхъ доскахъ обыкновенно изображались лики почивающихъ угодниковъ въ

* Имена отцевъ, не находящихся въ пещерахъ, означены курсивомъ.

* См. выше, с. 596, 660 и проч.

лежащемъ положеніи, а сверху имена и самое краткое сказаніе о ихъ жизни. Въ срединѣ же досокъ дѣлалось обыкновенно отверстіе, чрезъ которое и прикладывались богомольцы къ святымъ мощамъ. Съ такихъ-то надгробныхъ досокъ, которыхъ дошло до насъ только шесть, списывались надписи, изъ коихъ и составилось самое краткое сказаніе о жизни и подвигахъ святыхъ отцовъ дальнихъ пещеръ. По этому сказанію, вмѣстѣ съ другими извѣстными источниками, вотъ имена отцовъ, подвизавшихся въ дальнихъ пещерахъ, по порядку времени: Въ 1100 годахъ *Амфилохий*, епископъ Владимирскій, (жилъ около 1122), игуменъ Печерскій *Тимофей* (жилъ около 1131 г.) и преп. Пимень постникъ (скопч. около 1141 г.). Въ 1200 годахъ: священномученикъ Лукіанъ (жилъ около 1239 г.), игуменъ Печерскій *Досифей* (жилъ около 1218 г.), игуменъ Акиндинъ II (жилъ около 1235 г.), препод. Павелъ послушливый, Сисой, схимникъ, и Евлогій, и затворники: Памво, *Исидоръ*, Лаврентій Пафпутій, Аванасій, Софроній, Анатолій, Пюръ, Кассіанъ, Теодоръ молчаливый и Аммонъ.*

Всѣхъ мощей въ Антоніевой пещерѣ 71, въ затворѣ 9; въ Θεодосіевой 33, въ затворѣ 13.** Общая память ихъ празднуется 28 Августа.

Игумены Печерскіе послѣ Св. Θεодосія.

Стефанъ, 1073—1078

Никонъ, 1078—1088.

Іоаннъ, 1088—1103.

* Курсивомъ напечатаны имена отцевъ, коихъ мощей нѣтъ въ пещерахъ.

** См. описаніе Лавры, митрополита Евгенія, с. 89, 90 и проч.

Θеоктистъ, 1103—1112.
Прохоръ, 1113—1124.
Тимоѳей, 1124—1132.
Пимень, 1132—1141.
Θеодосій II, 1142—1142.
Акиндинъ I, 1156—1157.

Архимандриты:

Акиндинъ I, 1157—1163.
Поликарпъ, 1164—1182.
Василій (священникъ), 1182— ?
Θеодосій III?— 1203.
Акиндинъ II, 1203— ?
Поликарпъ II, ? —ок. 1240—.

Кромѣ Печерскихъ отшельниковъ прославились святою жизнію, въ продолженіи удѣльнаго періода:

Іоакимъ Корсунянинъ, изъ священниковъ, приведенныхъ Св. Володимеромъ. Онъ былъ епископомъ Новгородскимъ, (993), разорилъ жертвенники, и съѣкъ Перуна, брошеннаго въ Волхвы. Для обузданія язычниковъ присланы при немъ Добрыня и Путята съ воями, оставившіе будто бы пословицу: Добрыня крести огнемъ, а Путята мечемъ. Въ училищѣ Ярослава, собравшаго отъ старостъ и пресвитеровъ лѣтей триста, и повелѣвшаго учить ихъ книгамъ, Іоакимъ опредѣлилъ учителемъ нѣкоего Ефрема, о которомъ свидѣтельствуется одинъ изъ древнихъ лѣтописателей; построилъ храмъ деревянный Св. Софіи, Премудрости Божіей, съ 13 главами, на берегу Волхова, на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ Новгородецъ Сотко создалъ каменную церковь Св. Бириса и Глѣба, «конецъ Пискупль улицъ,» невдалекѣ отъ Софійскаго собора, основаннаго княземъ Володимеромъ.

При кафедральномъ храмѣ еп. Іоакимъ устроилъ монастырь, который назывался Десятиннымъ и Софійскимъ. На мѣстѣ низверженія Перуна освящена имъ церковь 995 г. Рождества Богородицы. Кромѣ того построилъ онъ церковь во имя своего ангела—Іоакима и Анны. Здѣсь онъ былъ и погребенъ въ 1039 году.

Въ концѣ 17 вѣка мощи его перенесены въ каменный Софійскій соборъ, гдѣ изображенъ онъ въ алтарѣ на стѣпѣ, между первыми Новгородскими святителями.

Подъ его именемъ извѣстна еще лѣтопись, найденная Татищевымъ, впрочемъ сомнительная и недостоверная.

Ефремъ Новоторжскій, Угринъ, братъ Георгія и Моисея. Они всѣ трое пришли изъ отечества, вѣроятно вслѣдствіе гоненія короля Стефана на православную вѣру, первоначально тамъ принятую, и вступили въ службу Ростовскаго князя Бориса. Георгій пошелъ съ нимъ на Печенѣговъ, по повелѣнію отца его Св. Володимера, и былъ убитъ вмѣстѣ съ нимъ посланцами Святополка.* Ефремъ, остававшійся въ Ростовѣ, по мнѣнію преп. Филарета, хотѣлъ отыскать тѣло его на мѣстѣ убійства, и, пришедъ на берегъ Альты, нашелъ голову по особенному признаку, принялъ впочество и удалился на берега Тверцы, на мѣсто, которое, вѣроятно, понравилось ему по пути изъ Ростова. Здѣсь, въ Новомъ Торгу, построилъ онъ странноприимный домъ. Когда открылись мощи святыхъ князей, Ефремъ создалъ каменный храмъ во имя св. мучениковъ, и при немъ монастырь. Преподобный Ефремъ

* См. выше, с. 54.

достигъ высокой духовной силы и мирно почилъ въ глубокой старости, Января 28, 1053 года. По его завѣщанію съ нимъ положена во гробъ голова брата его Георгія. Древнее житіе было цѣло въ обители еще въ началѣ 14 столѣтія, захвачено въ 1315 году, во время междоусобія, Тверскимъ княземъ, и сгорѣло въ Твери.

Лука Жидята, епископъ Новгородскій, котораго мощи обрѣтены въ 1558 году. Память чтится мѣстно 10 Февраля съ другими святителями.*

Леонтій, епископъ Ростовскій.** Древнее, краткое житіе его писано около 1165 г., при открытіи мощей (оно называется кн. Андрея Боголюбскаго «нашимъ княземъ, повелѣвающимъ въ Ростовѣ»). Мощи открыты 23 Мая, 1164 года.

Іоаннъ II, митр. Кіевскій, прославленный Несторомъ,*** написалъ правило церковное въ отвѣтъ на вопросы Іакова мпиха.****

Авраамій Ростовскій, въ мѣрѣ Аверкій. Духовные подвиги его начались, по изслѣдованію преосв. Филарета, около 1073 г. и продолжались лѣтъ 30. Скончался въ началѣ XII-го вѣка. Память празднуется Октября 29.

Мощи открыты при В. К. Всеволодѣ Георгіевичѣ (1176—1212).

При мощахъ его хранится архимандричья шапка, не высокая, съ горностаевой опушкою, и мѣдный крестъ, часть того жезла, которымъ Авраамій сокрушилъ Велеса.***** Древнее житіе писано не позже XII вѣка.

* См. выше, с. 553.

** См. ниже, с. 513

*** См. выше, с. 518.

**** См. выше, с. 560.

***** См. выше, с. 544.

Антоній Римлянинъ. Родился, какъ самъ онъ рассказывалъ ученику своему Андрею, написавшему первоначально житіе его, въ Римѣ, отъ богатыхъ и православныхъ родителей. На 19 году принялъ постриженіе. Вслѣдствіе воздвигнутаго на православныхъ гоненія, удалился изъ Рима, прибылъ чудесно, какъ говоритъ преданіе, въ Новгородъ, въ 1106 году, во время епископства Св. Никиты; поставилъ церковь въ честь Рождества Богоматери, въ 3 верстахъ отъ города, на берегу Волхова, такъ какъ въ этотъ день ступилъ онъ на берегъ, — и купилъ землю: «вотъ трудъ, госпожа моя Пресвятая Богородица, надъ которымъ трудился я на этомъ мѣстѣ: купилъ я землю въ домъ пречистой у Симеона и Прокоція, сыновей посадника Іоанна, а далъ 100 рублей.» Каменный храмъ основанъ въ 1117 году, освященъ въ 1119, и росписанъ въ 1125. Въ храмѣ устроилъ онъ себѣ моленную, гдѣ нынѣ небольшая круглая церковь; по древнимъ описаніямъ мѣсто это называется Антоновою божницею. Въ храмѣ сохраняются доселѣ мусійныя иконы его на мѣдныхъ доскахъ, съ латинскими надписями, и каменный крестъ. Двѣ чаши—въ Успенскомъ соборѣ. Одинъ служебникъ—въ Синодальной библіотекѣ. По древнему житію преподобный употреблялъ доходы монастырскія не только на братію, но и на пропитаніе нищихъ, несчастныхъ, сиротъ и вдовъ. Въ духовной грамотѣ написалъ онъ: «вотъ я Антоній, самъ худой между мнѣхами, вышелъ на это мѣсто, не получивъ имѣнія ни отъ князя, ни отъ епископа, а только принявъ благословеніе отъ епископа Никиты; работая на чужой землѣ, не давалъ я покоя себѣ и огорчалъ братію и сиротъ, христіанъ здѣшнихъ.» Сиротами называетъ пре-

подобный поселянъ, жившихъ на монастырской землѣ, и за то работавшихъ на обитель. «Объявляю и то, что когда съѣлъ я на этомъ мѣстѣ, подаль за землю итогоу 70 гривенъ, да за село Волховское 100 гривенъ.»

Антоніевымъ ученикомъ былъ знаменитый домостикъ Кириль.

Ковчина Антоніева послѣдовала Августа 3, 1147 года. Мощи открыты въ 1597 году, но чтимъ онъ былъ мѣстно едвали не съ XIII вѣка.

Мартинъ, старецъ, служившій поваромъ въ Туровскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ при епископахъ: Симеонѣ, Игнатіѣ, Іоакимѣ, (1144—1146) и Георгіѣ. Преданіе говоритъ объ его праведной жизни и видѣніи имъ Св. Бориса и Глѣба, приходившихъ утолить его жажду. Память о немъ по прологу совершается 27 Іюня.

Авраамій Мирожскій. Извѣстенъ только какъ основатель Мирожскаго монастыря и церкви, доселѣ сохранившейся въ цѣлости, изъ плитняка. Въ олтарѣ открыты недавно фрески XII вѣка. Скончался 24 Сентября, 1158 года, когда и чтится мѣстно его память. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ.

Аркадій, епископъ Новгородскій, основалъ въ 1153 году церковь и монастырь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода.

Въ 1157 году онъ былъ посвященъ въ епископы.

Скончался 19 Сентября 1162 года.*

* Въ стихирарѣ, писанномъ по его распоряженію, читается дважды Иисусу.

Герасимъ Вологодскій, родился въ Кіевѣ, и тамъ былъ постриженъ въ монашество. Въ 1147 году пришелъ онъ изъ Кіева на рѣку Вологду, и у ручья Кайсарова основалъ обитель съ храмомъ Св. Троицы. Тогда былъ здѣсь глухой лѣсъ, и въ лѣсу посадъ съ храмомъ Воскресенія, а на Лѣнливой площади малый торжекъ. Торговый человекъ, по прозванію Пятышевъ, не хотѣлъ сначала уступить ему земли подъ монастырь, и, получивъ упрекъ отъ преподобнаго, согласился. Родъ Пятышевыхъ прекратился въ наше время.* Св. Герасимъ проповѣдывалъ здѣсь христіанство въ продолженіи всей своей жизни, и скончался 4 Марта, 1178 года. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Троицкомъ храмѣ его обители, нынѣ упраздненной.

Кириллъ, Епископъ Туровскій, родился въ Туровѣ отъ богатыхъ родителей. Отказавшись отъ наслѣдства, онъ принялъ монашество въ Тур.-Борисоглѣбскомъ монастырѣ, гдѣ подвизался блаженный Мартинъ**. Онъ заключилъ себя на столпъ. Многіе, видя его святую жизнь, приходили къ нему за совѣтами, и онъ тогда уже, «многа божественная писанія изложи». По смерти Туровскаго Епископа, по общему желанію, возведенъ былъ на эту степень. Въ 1162 г. присутствовалъ на соборѣ, осудившемъ преступнаго Владимірскаго епископа Феодора, котораго «отъ божественныхъ писаній ересь обличилъ». Пастырь своей съ ревностію предлагалъ поученія въ храмѣ, и эти поученія столько прославили его, что В. К. Андрей Боголюбскій пожелалъ

* Я видѣлъ послѣдняго представителя въ Вологдѣ въ 1841 году, вмѣстѣ съ преосв. Иннокентіемъ.

** См. выше, с. 666.

читать ихъ, и читалъ съ уваженіемъ. Въ 1182 г. онъ оставилъ каеедру, по любви къ уединенію, и остальное время своей жизни проводилъ въ молитвѣ, впрочемъ не долго: онъ скончался 28 Апрѣля, 1183 года, оставивъ намъ драгоценные памятники своего духовнаго просвѣщенія*.

Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, прежде чѣмъ возведенъ былъ на степень архипастыря, священствовалъ у священномученика Власія на Волосовой улицѣ, на Софійской сторонѣ, тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ кумиръ Волоса. Затѣмъ принялъ онъ иночество съ именемъ Іліи. Жизнь его была примѣромъ благочестія, и доставила ему извѣстность. Въ 1163 году умеръ епископъ Аркадій. На его мѣсто «княземъ, соборомъ черноризцевъ и священниковъ, и всѣмъ народомъ,» возведенъ Ілія во дворъ епископа. Въ санъ архипастыря посвященъ онъ въ Кіевѣ м. Іоанномъ 28 Марта 1165 г. и возвратился въ Новгородъ Мая 11-го. Въ томъ же году Новгородцы отправили въ Кіевъ игумена Діонисія ходатайствовать предъ митр. Іоанномъ, дабы архипастырь ихъ почтенъ былъ саномъ архіепископа, и просьба ихъ была исполнена. Такъ Св. Ілія, 10 епископъ великаго Новгорода, сдѣлался первымъ его архіепископомъ.

Въ 1169 году рать В. К. Андрея Боголюбскаго осадилъ Новгородъ.** На третью ночь, говоритъ преданіе, когда блаженный архіепископъ молился предъ образомъ Спасителя, слышитъ онъ голосъ: «иди во храмъ Спаса, что на Іліиной улицѣ, возми оттуда икову Богоматери, носи на стѣну города,

* См. ниже.

** См. выше, с. 317.

и узришь спасеніе.» Съ наступленіемъ дня архіепископъ послалъ за иконою архидіакона своего съ клирошанами: но икона не двинулась съ мѣста. Съ соборомъ духовенства отправился онъ самъ, и послѣ молебствія икона «Свобода» перенесена была на городскую стѣну. Народъ молился съ воплемъ и слезами. Осаждавшіе пустили цѣлую тучу стрѣлъ на городъ и въ молящихся. Икона чудесно отвратилась отъ непріятелей, и обратилась къ городу. Святитель увидѣлъ слезы, текшія изъ очей Богоматери; капли падали на фелонь его. На Суздальцевъ внезапно напалъ страхъ; въ общей суматохѣ они поражали другъ друга. И Новгородцы, выступивъ изъ города, стремительно ударили на нихъ: однихъ били, другихъ гнали въ бѣгство, третьихъ брали въ плѣнъ. Святитель установилъ праздникъ въ честь чудодѣйствовавшей иконы.

Въ 1172 году онъ ѣздилъ во Владимиръ склонять къ миру В. К. Андрея, въ чемъ и успѣлъ.

Благотворительная любовь архипастыря къ бѣдности, къ которому обращались за помощію люди всякаго званія и пола, дала поводъ клеветѣ. Поднялись толки о нецѣломудріи архипастыря. Народъ возволновался, — собрался у дома архипастыря, и произнесъ рѣшеніе выгнать архіепископа съ безчестіемъ изъ города. Сказано и сдѣлаво. Святителя повлекли къ великому мосту, спустили на Волховъ, — на плотъ безвесельный, и предоставили быстротѣ волнъ нести, куда имъ угодно, недостойнаго, по ихъ мнѣнію, пастыря. Но правда Божія вступилась за св. пастыря. Плотъ, вмѣсто того, чтобы быть унесеннымъ по теченію рѣки, пошелъ къ Юрьеву монастырю. Мирная обитель встрѣтила вышедшаго на берегъ

архипастыря. Новгородцы пришли въ себя, — увидѣли и дерзость и легкомысліе свое, и съ смиреніемъ просили святителя простить ихъ. Неалобивый святитель просилъ Господа простить имъ грѣхи ихъ. Въ память сего событія поставленъ былъ у Юрьева монастыря каменный столпъ. И лѣтопись замѣтила подъ 1176 г. «шелъ Волховъ противъ теченія до пяти дней.»

Архіепископу Іоанну принадлежитъ основаніе многихъ церквей въ Новгородѣ.

Не за долго до кончины онъ отказался отъ каеодры, назначилъ себѣ въ преемника брата Гавріила, и, принявъ схиму съ именемъ Іоанна, скончался 7 Сентября, 1186 года.

Святительская мантия его еще цѣла — васильковаго цвѣта и матеріи, похожей на рытый бархатъ, съ атласными источниками бѣлаго и краснаго цвѣта, съ скрижалыми красными, — хранится въ Софійской ризницѣ.

Никита Переяславскій. Уроженецъ Переяславля, онъ завѣдывалъ сборомъ податей въ княженіе В. К. Юрія Долгорукаго, былъ безпощаденъ, грабилъ бѣдныхъ, тѣснилъ слабыхъ, и между тѣмъ роскошествовалъ въ связи съ знатію. Однажды рано взошелъ онъ въ церковь, и услышалъ проповѣдь пророка: «измыйтися, и чисты будите.» Проповѣдь поразила Никиту: она такъ потрясла его душу, что цѣлую ночь провелъ онъ безъ сна, волнуемый мыслями о прошлой жизни своей. На утро пошелъ онъ къ друзьямъ своимъ и, желая развлечься, пригласилъ ихъ къ себѣ на веселую бесѣду. Накупивъ нужное для стола, приказалъ женѣ приготовить обѣдъ. Та принялась за свое дѣло. Но когда стала варить, то сперва увидѣла кровь на верху воды, потомъ выплывала изъ-

подъ нея то рука, то голова. Она пришла въ ужасъ, и не знала что дѣлать. Сказала мужу, и тотъ увидѣлъ то же самое. Совѣсть грѣшника пробудилась до самой глубины своей. Никита понялъ, что его промыслъ—тоже что грабежъ и смертоубійство. Горе мнѣ, много согрѣшившему, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, и не промолвивъ болѣе ни слова, вышелъ изъ дома съ мольбою къ Господу: настави мя, Господи, на путь Твой.

Въ глубокой скорби о грѣхахъ, Никита явился въ монастырь вм. Никиты, что отъ Переяславля въ 3-хъ верстахъ, и, павъ къ ногамъ игумена, омывалъ полъ слезами своими. «Что за скорбь у тебя, сынъ мой, скажи мнѣ?» спрашивалъ игуменъ. Никита рассказалъ всѣ грѣхи свои и бывшее видѣніе, и умолялъ принять его въ обитель. «Можешь-ли ты вдругъ подчиниться послушанію, столько лѣтъ проживъ на своей волѣ?» сказалъ игуменъ. Готовъ выполнять все, что повелишь, отче, отвѣчалъ Никита. «Пробудь же три дня при вратахъ монастыря и исповѣдай грѣхи свои,» сказалъ настоятель. Въ глубокомъ раскаяніи съль Никита при вратахъ монастыря, и всѣмъ входящимъ и исходящимъ исповѣдалъ грѣхи своей жизни. Потомъ, за обителью снявъ съ себя одежду, съль нагой въ тростниковое болото. Спустя три дня игуменъ послалъ посмотреть, что дѣлаетъ Никита. Братъ, не найдя его у воротъ, нашель его лежащимъ въ тростникѣ; пауки и мошки осыпали его, а иныя ползали по землѣ, и кровь текла изъ тѣла, изъязвленнаго ими. Братъ рассказалъ игумену о томъ, что видѣлъ. Игуменъ и братія пошли, и нашли Никиту въ положеніи изумительномъ. «Что это ты дѣлаешь, сынъ мой?» сказалъ игуменъ. Онъ едва могъ

проговорить отъ изнеможенія: «спаси, отче, погибающую душу.» Игуменъ велѣлъ принести власяную одежду, и одѣлъ его: взявъ за правую руку ввелъ въ монастырь, и учинилъ достойнымъ обѣтованій, принадлежащихъ ангельскому образу. Никита въ тѣсной келліи проводилъ ночи въ молитвѣ, въ пѣніи псалмовъ, въ чтеніи житія святыхъ. По благословенію игумена онъ возложилъ на себя тяжелыя вериги. По ночамъ выходя изъ обители, выкопалъ два колодца,—одинъ близъ монастыря Св. муч. Бориса и Глѣба, другой, близъ потока студенаго.* Разгораясь въ любви къ св. жизни, построилъ онъ себѣ столпъ, и прокопалъ небольшой проходъ подъ церковь, которымъ ходилъ на общественную молитву, никѣмъ невидимый; мало и того—подвижникъ носилъ на головѣ каменную шапку.**

Душа блаженнаго Никиты день отъ дня очищалась молитвами, и благодать Божія до того проникла наконецъ въ ея сосуды, что обнаруживалась въ чудесныхъ явленіяхъ. Юный князь Михаилъ, сынъ Всеволода князя Черниговскаго, страдалъ тяжкимъ недугомъ. Услышавъ, что въ Переяславлѣ есть святой старецъ Никита, еще при жизни удостоенный дара исцѣленій,

* О Борисоглѣбскомъ Переяславскомъ монастырѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1153 годомъ. Онъ находился на берегу Переяславскаго озера, невдале отъ Никитскаго монастыря, и назывался Борисоглѣбскимъ на горѣ. Безъ сомнѣнія его-то остатки недавно открыты на Александровской горѣ, лежащей въ 300 сажняхъ отъ городища,—гдѣ былъ древній Переяславль. Найдены основанія церкви и келліи, плита съ именемъ инока Максима 1512 года.

** Каменная шапка до 1733 г. оставалась въ обители, и ее вмѣстѣ съ веригами послали на себѣ богомольцы, обходя вокругъ столпа преподоби.

больной съ вѣрою прибылъ къ нему; преподобный показалъ ему жезлъ свой, и больной, опершись на него, сталъ здоровъ. Признательный князь Мая 16, 1186 года, велѣлъ поставить въ память милости Божіей каменный столпъ на томъ мѣстѣ, гдѣ получилъ исцѣленіе, и памятникъ стоитъ доселѣ.

Блаженный Никита, нѣкогда преступникъ, возлагавшій руку свою на чужую собственность, умерщвленъ былъ руками жадными до корысти: родственники преподобнаго, приходившіе для принятія благословенія, прельстясь блестящими веригами, которыя приняли они за серебрянныя, умертвили св. столпника. Совершивъ преступленіе ночью, убійцы унесли съ собою вериги, но, увидѣвъ свою ошибку, бросили ихъ въ Волгу.

Мощи пр. Никиты обрѣтены нетлѣнными при м. Фотіѣ, и при Никитскомъ игуменѣ Данилѣ, и прославились множествомъ чудесъ. Нынѣ св. мощи почиваютъ подъ спудомъ, въ каменномъ храмѣ Св. Никиты, гдѣ построены придѣлы во имя столпника въ 1564 году.

Варлаамъ Хутынский. По вкладной пр. Варлаама видно, что онъ былъ сынъ богатыхъ родителей, и отъ нихъ получалъ богатое наслѣдство. По синодикамъ, родители его—Михаилъ и Анна. По твердому мѣстному преданію они жили въ Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, въ прежнемъ Неревскомъ концѣ. Здѣсь родился и проводилъ юные годы свои Алексѣй Михайловичъ, будущій великій подвижникъ Варлаамъ. Это мѣсто впоследствии отличено было каменнымъ крестомъ, а потомъ часовнею. Въ грамотѣ патр. Никона читаемъ: «устроена часовня 1645 г. на Дославной улицѣ, гдѣ прежде

того стоялъ каменный крестъ, и въ древнее время жилъ чудотворецъ Варлаамъ».

Алексѣй Михайловичъ еще при жизни родителей занимался не земнымъ, а небеснымъ, постился и молился. Въ домъ родителей пришли странники, и изъ числа ихъ инокъ Порфирій особенно возбудилъ въ душѣ Алексія горячую ревность къ подвигамъ. Алексій удалился послѣ того въ Лисичій монастырь, гдѣ нашли себя вѣчный покой и родители его. Недовольствуясь монастырскою жизнію, Алексій, въ иночествѣ Варлаамъ, рѣшился подвергнуть себя болѣе строгимъ подвигамъ въ уединеніи.

Уединенный холмъ въ лѣсу, на берегу Волхова въ 10 верстахъ отъ Новгорода, понравился пустышнику. И точно, Хутынский холмъ—самое красивое мѣсто изъ всѣхъ окрестностей Новгорода; съ холма, даже при чащѣ лѣсной, видны окрестности на дальнее разстояніе.—Въ народномъ мнѣніи впрочемъ не высоко стояла эта мѣстность: *Хутынь*—худынь, худое мѣсто, мѣсто нечистой силы, тутъ же болото *Видынь*, гдѣ видятся нечистые.

Преподобный поставилъ себя на Хутынь келію, и сталъ подвизаться въ постѣ и молитвахъ.—Какъ строга была пустынная жизнь его, показываютъ памятники, доселѣ цѣлые. Во власяницѣ его 19 фунтовъ, въ веригахъ 8 фунтовъ. Итакъ 26 фунтовъ тяжести постоянно было на тѣлѣ его, и жесткая власяница постоянно терзала тѣло его.

Вскорѣ явились къ нему благочестивые люди, готовые раздѣлять его подвиги. Онъ поставилъ небольшой деревянный храмъ Преображенія Господня, и при храмѣ нѣсколько келій. Варлаамъ самъ копалъ землю

и отправлялъ другія работы: еще цѣль колодезь, выкопанный имъ вблизи келліи, которая построена была также его руками.

Осталась его грамота: «я Варлаамъ далъ св. Спасу землю, огородъ, рыбныя и гоголивыя ловли и пожни: 1) рель (поемный лугъ) противъ села за Волховомъ, 2) на Волховцѣ рыбную ловлю, называемую Коля, 3) ловлю Корь, 4) ловлю Лозу, 5) землю Вольмину и землю на островѣ съ нивами. Всю ту землю я отдалъ св. Спасу съ челядью (поселянами), и скотомъ. Поселяне же 1) одинъ молодой человекъ съ женою, 2) Власій, 3) дѣвка Февронья съ двумя сыновьями, 4) Недачь. Къ тому шесть лошадей и корова. Еще я далъ св. Спасу другое село на Слудницѣ, въ которомъ церковь св. Георгія, съ пашнями и сѣнокосами, рыбными ловлями, и со всѣмъ, что въ немъ есть. — Все это я, Варлаамъ, сынъ Михайловъ, далъ св. Спасу. Если же кто, по наученію діавола и злыхъ людей, захочетъ отнять что либо изъ пашень ли, изъ сѣнокосовъ ли, изъ ловлей ли: да будетъ ему противникомъ св. Спасъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ».

Въ обители преподобнаго поныгѣ цѣль крестъ изъ серебристой мѣди съ надписью: «Царь славы Исъ Хс.», — памятникъ уваженія преподобнаго къ родителю. Этотъ крестъ уже извѣстенъ былъ по описанію чуда 1460 г. Цѣлы также священническая риза преподобнаго изъ мухояра, кофейнаго цвѣта, подризникъ, поручи и служебникъ.

Пр. Варлаамъ далъ для обителей свой уставъ: но къ сожалѣнію драгоценный уставъ святаго не сохранился для нашего времени во всей цѣлости. Извѣстно, что уставомъ его предписано было раздавать милостыню бѣднымъ, и всѣхъ странныхъ кормить и поить.

Разъ шелъ онъ въ Новгородъ къ владыкѣ. На мосту народъ готовъ былъ сбросить въ Волховъ уличеннаго преступника. — Преподобный, взглянувъ на бѣднаго осужденнаго, сказалъ народу: «онъ загладитъ вины свои въ Хутынѣ, отдайте мнѣ его». И народъ отдалъ уважаемому пустыннику. — Въ другое время точно такая же случилась встрѣча съ Варлаамомъ; въ этотъ разъ даже просили преподобнаго спасти осужденнаго отъ смерти: но онъ молча прошелъ мимо. — Что это значить? Отъ чего одного спасъ, а другому не хотѣлъ оказать той же милости? спросили его изумленные ученики. «Господь всѣмъ хочетъ спасенія,» сказалъ преподобный. «Первый осужденный осужденъ былъ по правдѣ: но ему кающемуся Господь далъ время очиститься покаяніемъ, и онъ совершаетъ покаяніе въ обители. Послѣдній осужденъ несправедливо; но за невинное страданіе получилъ онъ вѣнецъ праведника, тогда какъ иначе земная лестъ могла испортить душу его».

Князь Ярославъ прибылъ въ пустыню къ преподобному. «Будь здоровъ, добрый князь и съ сыномъ твоимъ», сказалъ преподобный при первой встрѣчѣ. Князь изумился, но потомъ узналъ, что у него родился сынъ. По просьбѣ князя преподобный крестилъ новорожденнаго. Признательный князь далъ обители преподобнаго земли. Это было въ 1190 г.

Монастырскіе рыболовы, вытянувъ удачную тону, скрыли большаго осетра, и принесли обители только мелкую рыбу. Преподобный съ улыбкой сказалъ имъ: «вы принесли ко мнѣ дѣтей, гдѣ же мать ихъ»? Смущенные рыбаки исповѣдали грѣхъ свой.

Благоговѣнный селянинъ по усердію доставлялъ обители все нужное, и неожиданно лишился единственнаго сына. Онъ привезъ мертваго въ обитель, и преподобный возвратилъ его отцу живымъ.

Въ другое время плыли люди по Волхову, и одинъ упалъ изъ лодки въ воду; его вытащили бездыханнаго и принесли къ Варлааму. Преподобный помолился, и утопленникъ ожилъ.

Одинъ опытъ прозорливости преподобнаго запечатлѣнъ общественною хвалою Богу. Преподобному случилось быть у архіепископа, и святитель, (это былъ блаж. Григорій, братъ великаго Іоанна), отпуская его послѣ бесѣды, сказалъ, чтобы побывалъ у него старецъ спустя недѣлю. «Если Господу угодно,» отвѣчалъ преподобный «въ пятницу первой недѣли поста св. апостоловъ пріѣду къ твоей святынѣ на саняхъ». — Архіепископъ удивился этому, но не потребовалъ объясненія. — Въ почъ предъ назначенною пятницею выпалъ глубокій снѣгъ, и былъ сильный морозъ. Преподобный прибылъ къ владыкѣ на саняхъ. — Архипастырь скорбѣлъ о томъ, что морозъ можетъ повредить хлѣбу. «Не скорби, святой владыка,» сказалъ преподобный: «надобно благодарить Господа за милость, — морозъ истребилъ червей, которые погубили бы хлѣбъ въ корнѣ, а снѣгъ только напоитъ жаждущую землю.» Дѣйствительно, на другой день жаръ дневной растопилъ снѣгъ, и вода напоила сухую землю, а при корняхъ ржи найдены погибшіе отъ мороза черви; въ слѣдствіе того и другаго былъ такой урожай хлѣбовъ, какаго давно не видали.

Въ благодарную память объ этомъ событіи, въ пятницу на первой недѣлѣ Пет-

рова поста, совершается крестный ходъ изъ Новгорода въ Хутынъ монастырь.

Къ послѣднему году жизни преподобнаго относится построеніе каменнаго храма въ обители. — При освященіи храма въ славу Спасителя, Варлаамъ почтенъ былъ саномъ игумена. Чувствуя близость кончины своей, назначилъ ученика своего Антонія въ преемника себѣ, и мирно почилъ 6-го Ноября, 1192 года.

Первый храмъ во имя Варлаама Хутынскаго въ Новгородѣ упоминается въ 1410 году. Мощи его, говоритъ древнее житіе, видѣлъ петлѣнными Архіепископъ Евфимій (1429—1458).

Разсказываютъ, что Іоаннъ Грозный хотѣлъ открыть мощи, но едва только начали, по его приказанію, поднимать каменную доску и копать землю, какъ изъ гроба чудотворца вырвался дымъ, и за дымомъ пламень, опалившій стѣны. — Царь въ ужасѣ бросился вонъ изъ храма со всею свитою, такъ что выронилъ въ монастырь и трость свою. Трость эта понынѣ цѣла въ обители; цѣла и обожженная пламенемъ дверь.

Григорій, архіепископъ Новгородскій, въ міру Гавріиль, родной братъ Св. Іоанна архіепископа, вмѣстѣ съ нимъ подвизался въ 1179 г., при построеніи на озерѣ Мячинѣ Благовѣщенскаго монастыря, употребляя на то и свою собственность. Назначенный ему преемникомъ, принялъ съ иночествомъ имя *Григорія*, и въ 1187 году посвященъ былъ въ архіепископа Новгородскаго. Въ лѣтописи замѣчено совершенное имъ освященіе каменнаго храма въ Аркадіевомъ монастырѣ. Каменный крестъ съ надписью,

воставленный при основаніи сего храма, доселъ еще цѣль. — Блаженный Григорій управлялъ Новгородскою паствою шесть лѣтъ, напоминая ей своими добродѣтелями великаго брата. Онъ скончался 24 Мая 1193 года, и погребенъ вблизи его въ Софійскомъ соборѣ; мощи его обрѣтены въ 1558 году и почиваютъ подъ ракою, на которой изображенъ святитель во весь ростъ.

Мартирій, архіеп. Новгородскій, прославился построеніемъ многихъ церквей въ Новѣгородѣ. Въ 1199 г., вслѣдствіе сильныхъ неудовольствій В. К. Всеволода на Новгородъ, блаженный пастырь долженъ былъ отправиться съ посадникомъ и лучшими людьми во Владимиръ. Изнуренный лѣтами и трудами, «рабъ Божій архіепископъ Мартирій» скончался на дорогѣ на берегу озера Селигера, 24-го Августа. Св. тѣло его привезли въ Новгородъ, и положили въ притворѣ Св. Софій, который потомъ назывался Мартиріевою папертію и златою папертію.

Авраамій Смоленскій родился въ Смоленскѣ отъ богатыхъ и благочестивыхъ родителей; по сказанію ученика его Ефрема. По смерти ихъ роздалъ наслѣдство по монастырямъ, церквамъ и бѣднымъ, ходилъ въ рубищѣ, и поступилъ въ монастырь Св. Богородицы, въ пяти верстахъ отъ Смоленска, на мѣстѣ называемомъ Селище. Здѣсь, облеченный въ иночество, проходилъ онъ разныя послушанія, и трудился отъ всей души, читалъ отеческія сочиненія, особенно Златоустаго и Ефрема Сирина, также житія святыхъ отцевъ восточныхъ: Антонія, Евиміа, Саввы, Θεодосія,

Θеодосія Печерскаго и другихъ, стараясь по возможности усвоить душѣ своей мысли ихъ и чувства. Какъ трудолюбивая пчела, собирая отовсюду душеспасительныя писанія, иныя списывалъ самъ, другія поручалъ списывать писцамъ. — Жизнь земная, — думалъ и говорилъ онъ, — война; а для войны нужны оружія, нужны познанія опытныхъ: такъ для брани духовной нужно учиться многому у опытныхъ св. мужей, нужно отъ нихъ узнать, какое духовное оружіе полезно въ какомъ случаѣ; — отъ нихъ же можемъ хорошо узнать и враговъ нашихъ. Блаженный усердно трудился и въ келліи по своему доброму изволенію, трудился и по монастырю, исполняя съ точностію поручаемыя ему дѣла. Видя добродѣтельную жизнь Авраамія, игуменъ убѣдилъ его (1197 г.) принять санъ священства. Въ санѣ священства преподобный каждый день совершалъ служеніе, и всегда съ глубокимъ благоговѣніемъ. Игуменъ, зная его обширныя познанія и даръ слова, поручилъ ему должность духовника, и дозволилъ принимать къ себѣ желающихъ слушать наставленія его. Это было при князѣ Мстиславѣ Романовичѣ, когда уже болѣе 30 лѣтъ преп. Авраамій подвизался въ обители.

Но вотъ настали для блаженнаго Авраамія искушенія, преимущественно отъ своей братіи. Смотра съ завистию на то, что познанія и краспорѣчіе его привлекали къ нему многихъ, какъ иноковъ, такъ и мірянъ, нѣкоторые стали выдумывать разныя клеветы на преподобнаго, и написали ему разныя огорченія; пять лѣтъ терпѣлъ онъ всѣ неспріятности, не преставая назидать приходившихъ къ нему. Наконецъ возсталъ противъ него и игуменъ. Блаженный уступилъ — мѣсто враждѣ, и оставилъ обитель.

Изгнанный праведникъ перешелъ въ городъ, и сталъ жить въ бѣдномъ монастырѣ Св. Креста. Здѣсь еще болѣе народъ сталъ стекаться къ Авраамію. Многіе приносили ему пожертвованія, которыя употреблялъ онъ въ пользу монастыря и храма, или же раздавалъ нищимъ; онъ украсилъ храмъ Божій иконами, завѣсами, свѣчами. Самъ онъ написалъ двѣ иконы: на одной изобразилъ страшный судъ, — на другой мытарства. На этихъ иконахъ онъ часто останавливалъ вниманіе свое и другихъ, возбуждая къ покаянію.

Онъ проводилъ такую строгую жизнь, что отъ поста и трудовъ былъ крайне сухъ и блѣденъ. Вина онъ совсѣмъ не вкушалъ и воду пилъ въ мѣру, — не любилъ дорогихъ одеждъ, а одѣвался въ худыя. Совершая самъ съ благоговѣніемъ литургію, онъ не терпѣлъ того, чтобы предстоящіе разговаривали во время литургіи, и строго внушалъ стоять въ храмѣ со страхомъ Божиимъ. Онъ усердно предлагалъ наставленія, въ храмѣ и въ кельи. «Уста его не умолкали для великихъ и малыхъ людей, для рабовъ и свободныхъ, для ремесленниковъ и другихъ, приходившихъ то на церковное пѣніе, то для бесѣды.... Когда облакался онъ въ священническія одежды: то походилъ на великаго Василія, украшенный такою же черною брадою, но съ главою безвласою.»

На Авраамія поднялось городское духовенство, огорчавшееся тѣмъ, что онъ привлекалъ къ себѣ множество духовныхъ чадъ. Начали распускать слухи, что Авраамій, то еретикъ, — читаетъ «голубинныя книги,» — то живетъ нечисто, прикрывая темныя дѣла наружною святостію; наконецъ подняли такое волненіе въ городѣ, что знать город-

ская явилась къ епископу Игнатію, и просила подвергнуть Авраамія суду. Злость противъ Авраамія до того была велика, что иные требовали сжечь его на кострѣ; другіе настаивали, чтобы Авраамія водить по улицамъ съ побоями и потомъ бросить въ воду.

Посланы были слуги—привести Авраамія на судъ. Авраамій стоялъ на молитвѣ, они схватили его, и двухъ учениковъ его, и потащили съ безчестіемъ и бранью къ епископу. Одинъ благочестивый инокъ, Лука Прусинъ, старался образумить притѣснителей праведника. Но его не слушали. На судѣ епископа, совершавшемся въ присутствіи Князя и вельможъ, всѣ обвиненія оказались клеветою. Но духовенство требовало осужденія. Князь и вельможи говорили, что не видятъ они вины въ Аврааміѣ; епископъ, для общаго покоя, повелѣлъ Авраамію удалиться въ Богородичный монастырь, запретивъ ему бесѣдовать съ людьми и совершать священнослуженіе.

Благочестивый Смоленскій священникъ Лазарь, тотъ самый, который послѣ Игнатія былъ епископомъ, пришелъ къ епископу Игнатію и сказалъ: «городъ строго будетъ наказанъ, если не раскается въ своей несправедливости противъ Авраамія.» И точно, скоро наступила страшная засуха въ странѣ Смоленской. Напрасно совершались молебствія о дождѣ съ крестнымъ ходомъ во кругъ города, — дождя небыло. Блаженный Игнатій чувствовалъ, что онъ оказалъ слабость, сдѣлавъ уступку проискамъ злобы. Онъ послалъ сказать врагамъ Авраамія, чтобы пришли въ себя и перестали поносить Авраамія. По ихъ милости онъ находился

подъ такую строгою опалю, что мечники стерегли на дорогахъ и не пускали никого къ нему, а иныхъ и грабили. Одинъ благоговѣйный священникъ, явсь къ епископу, сказалъ: мы молились Богу, и не были услышаны—не отъ того ли это, что невинному Авраамію запрещено священнодѣйствовать? Тогда епископъ, призвавъ къ себѣ Авраамію, разрѣшилъ ему священнослуженіе, просилъ у него прощенія себѣ и городу и молитвъ его о дождѣ. Угодникъ Божій съ глубокимъ смиреніемъ называлъ себя грѣшникомъ, недостойнымъ милости Божіей, но обязаннымъ исполнить волю святителя. Возвращаясь въ обитель, дорогою молился онъ въ душѣ о дождѣ, и еще не дошелъ до обители, какъ сильный дождь наполнилъ жаждущую землю. Всѣ увидѣли въ этомъ силу молитвъ праведника, всѣ признали невинность Авраамія, и стали высоко уважать его.

Блаженный святитель Игнатій, построивъ близъ города новый монастырь въ честь положенія ризы Богоматери, «почтительно,» чрезъ протопопа Георгія, пригласилъ къ себѣ блажен. Авраамія, и поручилъ ему настоятельство въ новой обители. Преподобный скоро украсилъ новый храмъ иконами и утварію. По прежнему стали стекаться къ преподобному бояре и простолюдины, богатые и бѣдные, чтобы пользоваться наставленіями его. Много было желавшихъ поступить въ Аврааміеву обитель; но преподобной принималъ ихъ весьма разборчиво и послѣ испытаній, такъ что у него было только 17 братій. Авраамій пережилъ духовнаго друга своего епископа Игнатія. Послѣ его смерти онъ еще болѣе прежняго сталъ готовиться къ исходу изъ сей жизни, молился день и

ночь о томъ, дабы не быть осужденнымъ на судъ Божіемъ, и внушалъ братіи помнить о смерти.

Авраамій скончался не позже 1220, а ученикъ его Ефремъ не прежде 1238 г.

Служба «на память препод. отца нашего Авраамія Смоленскаго чудотворца и ученика его Ефрема» молить преподобныхъ: «моли-теса Христови даровати православнымъ людемъ избавленіе *отъ поганскихъ плънней...* молитте милостиво, да насъ избавитъ отъ *Агарянскихъ обстояній.*» Очевидно, эта служба составлена была подъ гнетомъ языческаго татарскаго ига. Потому нѣтъ сомнѣнія, что если не прежде, то въ концѣ 13 вѣка въ Смоленскѣ уже чтили память преп. Авраамія и ученика его.

Въ 1608 году Смольяне писали, что обѣщались они Господу и угодникамъ Меркурію, Авраамію и Ефрему, стоять за домъ Богоматери до смерти. Мощи преп. Авраамія почиваютъ въ каменномъ храмѣ обители его, гдѣ посвященъ ему престолъ.

Антоній Дымскій былъ преемникомъ Св. Варлаама Хутынскаго. Варлаамъ близкій къ кончинѣ своей сказалъ ученикамъ своимъ: «блюстителемъ вашимъ по душѣ и тѣлу назначаю вамъ игумена Антонія, который возвратился изъ Царяграда и св. мѣсть, и въ этотъ самый часъ уже не далеко отъ насъ.» Въ слѣдъ за тѣмъ сказали, что Антоній уже въ монастырѣ, и святыи съ радостію вручилъ вошедшему Антонию свое стадо. Это было въ 1192 году. Неизвѣстно, какъ долго оставался настоятелемъ Хутынской обители Антоній; но въ 1230 г. уже и другой игумень Хутынской Арсеній переведенъ былъ на игуменство въ Юрьевъ

монастырь. Преп. Антоній, отказавшись отъ управления Хутынской обители, основалъ свой монастырь, на берегу озера Дымскаго, что въ 15 верстахъ отъ города Тихвина. На иконахъ преп. Антоній держитъ хартію съ словами: «се удалихся, бѣгая водворихся въ пустыни.» Еще и нынѣ обитель его окружена лѣсами. Площадь, на которой стоитъ она, поднята какъ холмъ надъ окрестностію; при подошвѣ ея тихое, темное озеро, и кругомъ, въ необозримую даль, идутъ лѣса, нынѣ по мѣстамъ исчезающія. Надъ рукою преподобнаго лежитъ желѣзная шляпа его. Въ ней 15 фунтовъ вѣсу; широкія поля ея прибиты къ тульѣ толстыми гвоздями; шляпки гвоздей, рубцы окраинъ, должны были врѣзываться въ покровы головные, останавливаясь только на твердыхъ черепныхъ костяхъ, а тяжесть шляпы усиливала боль язвъ. Преп. Антоній, кромѣ Дымской пустынной обители, основалъ еще Вырдемскую пустынь.

Достигнувъ 67 лѣтъ въ трудахъ и подвигахъ, блаженный Антоній почилъ 24 Іюня 1224 года. Мощи преподобнаго обрѣтены нетлѣнными въ 1330 году, и съ того времени прославленные чудесами стояли открыто въ храмѣ обители, а въ 1409 г. предъ нашествіемъ Едигея сокрыты въ землѣ. Память преподобнаго читается 17 Января, — вѣроятно это день первоначальнаго обрѣтенія мощей, — а 24 Іюня, въ день кончины его, бываетъ крестный ходъ на озеро. Въ обители посвященъ ему храмъ.

Антоній Архіепископъ Новгородскій. Въ 1211 г. богатый Новгородецъ, Добрыня Андрейковичъ, по благочестивому расположенію души, путешествовалъ въ Константинополь, и, возвратясь съ востока, по-

стригся въ Хутынѣ монастырѣ съ именемъ *Антонія*. Въ это самое время Новгородцы вознегодовали за что-то на Архіепископа Митрофана, котораго сами они избрали въ 1201 году на мѣсто почившаго Мартирія. Они обратились къ Антонію. Антоній отличался благочестіемъ и образованностію, о которой свидѣтельствуетъ описаніе его путешествія въ Константинополь. Онъ построилъ нѣсколько церквей. Во время отлучки его въ Торжекъ, Новгородцы приняли опять Митрофана, а Антонію послали сказать: иди куда хочешь. Образумясь однакожь они отправили обоихъ Архіепископовъ къ Митрополиту въ Кіевъ. М. Матѣѣй назначилъ Митрофана въ Новгородъ, а Антонію далъ Перемышльскую епархію. Митрофанъ чрезъ три года скончался, и Новгородцы ввели на Архіепископскій дворъ Хутынскаго Епископа Арсенія. Между тѣмъ въ 1225 с. Антоній прибылъ изъ Перемышля, и Новгородцы рады были своему хотѣнію. Спустя три года, Антоній, сильно заболѣвъ, добровольно (1228 г.) удалился въ Хутынѣ монастырь; Арсеній снова началъ управлять дѣлами епархіи. Съ половины Августа до 6 Декабря (1228 г.) шли проливные дожди, опустошившіе поля. Народъ взволновался, и приписалъ непогоду тому, что Арсеній купилъ себѣ мѣсто у князя Ярослава, и выгнѣсилъ Антонія. Арсеній былъ вытасченъ изъ Архіепископскаго дома, и едва не умерщвленъ. Арсеній убѣжалъ въ Хутынѣ, а Антонія, противъ воли, привели въ Архіепископскій домъ, и дали ему въ пособіе для судебныхъ дѣлъ двухъ свѣтскихъ чиновниковъ. Но Антоній вскорѣ занемогъ отчаянно, и совсѣмъ онѣмѣлъ, лежалъ болѣе 2 лѣтъ въ разслабленіи въ Хутынскомъ уеди-

неніи, и, страданіями очищенный «преставился 8 Октября 1231 года. «Душа его,» говоритъ лѣтопись, «взошла на небо, а мощи его съ честію положены были въ притворѣ святой Софіи»..

Въ Софійскомъ Соборѣ хранится крестъ шестиконечный, въ которомъ положена часть Животворящаго древа, въ видѣ четвероконечнаго креста, съ надписью: «Господи, помози рабу своему Антону, Архіепископу Новгородскому, давшему крестъ Святой Софіи». Этотъ крестъ употребляется при торжественномъ освященіи воды, въ день Богоявленія.

Св. мученикъ Меркурій родился гдѣ-то на западѣ, вѣроятно въ Моравіи, отъ родителей благородныхъ и православныхъ. Какимъ образомъ онъ попалъ въ Русскую землю, неизвѣстно. Высокій ростомъ, мужественный и сильный, онъ былъ воинъ въ полномъ смыслѣ слова, но велъ жизнь подвижника, былъ строгій постникъ, проводилъ ночи въ молитвѣ—и хранилъ дѣвственную чистоту. Православную вѣру не только исповѣдывалъ на словахъ, но готовъ былъ умереть за нее. Въ 1238 году полчища Татаръ приблизились къ Смоленску, разоряя все на пути, и нагло ругаясь надъ святынями христіанства. Они остановились за 25 верстъ отъ города, на мѣстѣ, называвшемся Долгомостье: это мѣсто извѣстно и по нынѣ подъ тѣмъ же именемъ, и множествомъ могилъ указываетъ на кровопролитную битву, здѣсь бывшую. Татарами начальствовалъ великанъ могучій и сильный. Меркурій горѣлъ желаніемъ положить жизнь свою за Св. вѣру, но такъ, чтобы изъ того вышло какъ можно болѣе славы для Св. вѣры, и болѣе позора для

нечестія. Онъ молился о томъ пламенно. Въ Смоленскомъ соборѣ, гдѣ стояла чудотворная икона Богоматери, благоговѣйный пономарь ночью во время молитвы услышалъ голосъ: иди къ рабу моему Меркурію на Подолье,—среди двора увидишь ты его, и скажи ему тихо: Меркурій! иди въ бронѣ военной, Владычица зоветъ тебя. Пономарь пошелъ на Подолье, и вотъ среди двора видитъ онъ—стоитъ воинъ съ воздѣтыми къ небу руками. Тихо объявилъ ему небесную волю пономарь, и оба пошли они въ храмъ. Здѣсь Меркурію сказано, чтобы отправился на Долгомостье, и сразился съ великаномъ,—ему обѣщана небесная помощь. Меркурій сѣлъ на коня и поспѣшилъ на указанное мѣсто. Онъ прошелъ военную стражу, незамѣченный никѣмъ, и среди непріятельскаго стапа увидѣлъ великана. Оградясь крестнымъ знаменіемъ, призвавъ на помощь Вызвавшую его на подвигъ, Меркурій убилъ гордаго мурзу, и съ нимъ много другихъ татаръ. Озлобленные враги поднялись противъ города, и сынъ великана убилъ Св. Меркурія. Мученикъ предъ смертію молился за городъ, и кочевники, устрашенные смертію лучшихъ воиновъ изъ своей рати, поспѣшили удалиться отъ предѣловъ Смоленскихъ. Благодарные жители Смоленска благоговѣйно похоронили тѣло Меркурія въ Смоленскомъ соборѣ. Это было Ноября 24, 1238 г. Надъ мѣстомъ погребенія воина вѣры повѣшено было его оружіе. Желѣзный шлемъ и желѣзная обувь его, простотою отдѣлки указывающія на свою древность, хранятся нынѣ въ соборной ризницѣ. Въ 16 столѣтіи Смольняне еще знали *мѣсто крови*, гдѣ умерщвленъ былъ Св. Меркурій,—за городомъ, въ полѣ. Въ службѣ ему

поется «какъ столпъ и твердую стѣну даровалъ тебя, Меркурій, сему городу Христось; здѣсь нынѣ источаешь ты струю исцѣлений, и помогаешь побѣждать поганыхъ». Мощи Св. Меркурія почиваютъ въ Смоленскомъ Авраміевомъ монастырѣ, гдѣ во имя его есть и храмъ, освященный въ 1775 году.

Константинъ Косинскій обучался духовной жизни подъ руководствомъ преп. Варлаама, и преемника его преп. Антоніи. Около 1220 г. оставилъ онъ Хутынъ монастырь, и въ 3 верстахъ отъ старой Русы, на уединенномъ островѣ, основалъ свою обитель во имя Св. Николая. Обитель сія называлась Косиною отъ того, что рѣки Полисть и Снѣжная, омывающія островъ, образуютъ косу. Въ рукописныхъ святцахъ замѣчено, что «преп. Константинъ, ученикъ Варлаама Хутынскаго, игуменъ монастыря, иже за Русою, преставился Іюля въ 29 д.», но годъ кончины не показанъ. Здѣсь же преп. Константинъ названъ чудотворцемъ.

Симеонъ, Епископъ Переяславскій, умерщвленъ при нападеніи Татаръ на Переяславль въ 1839 г.

Изъ мірянъ къ лику Святыхъ причтены:

Въ Новгородѣ: супруга В. К. Ярослава Ингигерда, въ крещеніи Ирина, въ монашествѣ *Анна*. (Скончалась 1050).

Сынъ ихъ, *Володимѣръ Ярославичъ*. (Скончался 1051).

Память его вмѣстѣ съ матерью празднуется 4 Октября, вѣроятно какъ строителя Софійской церкви.

Владимиро-Волынскій князь *Ярополкъ*-Петръ, «многы бѣды примѣ, безъ вины

изгонимъ отъ братья своя, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую пріять: но вѣчній жизни и покою сподобися. Такъ быше блаженный съ князь тихъ, кротокъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая свѣтѣй Богородици отъ всего овоего имѣнья, по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! пріими молитву мою, и даждь ми смерть, якоже двѣма братама моима, Борису и Глѣбу, отъ чюжоу руку, да омыю грѣхы вся своєю кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражи. Его же прошенья не лиши его благій Богъ, воспрія благая она, иже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце челоуѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его.»

Онъ былъ убитъ на дорогѣ изъ Владимира въ Звенигородъ нѣкимъ Нерадцемъ, Ноября 22, 1086 г.*. Тѣло его было привезено въ Кіевъ, и положено въ мраморной ракъ, въ церкви Св. Петра, которую онъ началъ строить.

Дочь его была за Полоцкимъ княземъ, Глѣбомъ Всеславичемъ, имѣла великую любовь къ Св. Богородицѣ и къ Препод. Θεодосію, ревнуя отцу своему Ярополку. Всѣ они, — Ярополкъ, его дочь и ея мужъ, осыпали дарами Печерскій монастырь.

Анна (Янка), дочь В. К. Всеволода Ярославича, обрела себя на дѣвство, и поступила въ монастырь, основанный отцемъ ея при церкви Св. Андрея, странствовала въ Константинополь для знакомства съ женскими монастырями, и привезла оттуда Митрополита, преемника Іоанну II, (се навѣе пришелъ).**

* См. выше с. 107, 253.

** См. выше с. 108.

Сестра ея, бывшая замужемъ за Императоромъ Германскимъ, Генрихомъ IV, Императрица Евпраксія, поступила къ ней въ монастырь († 1109).

26 лѣтъ провела Анна по строгимъ иноческимъ правиламъ, и скончалась 3 Ноября 1112 года.

Константинъ, князь Муромскій. По общему мнѣнію—это есть имя меньшаго Святослава сына, Ярослава, который при отцѣ получилъ Муромъ, и послѣ лишенъ былъ княжества Черниговскаго, когда получилъ на него право, племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ.*

В. К. Мстиславъ-Феодоръ Володимировичъ поставленъ въ числѣ Святыхъ еще въ прологѣ XII вѣка. Ему принадлежитъ древнѣйшая грамота изъ дошедшихъ до насъ, давняя Юрьеву монастырю, 1125 г. Для него написано было Евангеліе, въ Благовѣщенскую церковь на Городищѣ, также дошедшее до насъ, (хранится въ Архангельскомъ соборѣ) для котораго богатый окладъ устроенъ въ Константинополѣ. Мстиславъ основалъ много церквей и нѣсколько монастырей въ Новѣгородѣ и Кіевѣ, изъ которыхъ знаменитѣйшіе: Юрьевъ въ Новѣгородѣ и Феодоровскій въ Кіевѣ, гдѣ былъ погребенъ, и гдѣ погребались многіе потомки его, называвшіе этотъ монастырь отчимъ, вотчимъ.**

Всеволодъ - Гавріилъ, Князь Новгородскій и Псковскій, старшій сынъ Мстиславовъ.*** Основалъ по приказанію отца мона-

стырь Юрьевъ въ Новѣгородѣ, церковь Св. Іоанна на оупѣ, которой далъ большія преимущества,* и Святаго Климента. Изгнанный Новгородцами и принятый Псковичами, онъ основалъ во Псковѣ каменный соборный храмъ Св. Троицы, и вскорѣ скончался 11 Февраля 1138 г.—Мощи его обрѣтены въ 1192 г., и почиваютъ въ Троицкомъ соборѣ. Тамъ же показываютъ и мечъ его съ надписью: *homoget meum nemini dabo.*

В. К. Игорь Ольговичъ, убитый Кіевлянами, вслѣдствіе распри съ Ізяславомъ Мстиславичемъ, котораго они желали имѣть вмѣсто Игоря (1146).**

В. К. Ростиславъ Мстиславичъ, учредитель Смоленской епископіи въ 1137 г., основалъ въ Смоленскѣ церкви Св. Бориса и Глѣба, на мѣстѣ кончины Св. Глѣба, и Св. Петра и Павла, до нынѣ цѣлую. Онъ убѣдилъ Константинопольскій соборъ принять за правило, чтобъ митрополиты въ Россіи назначались не иначе, какъ съ согласія Великихъ Князей Кіевскихъ. Часто выражалъ онъ Печерскому игумену свое желаніе вступить въ монашество. Скончался Марта 14, 1168 г.***

Евфросинія, княжна Полоцкая, дочь меньшаго Всеслава сына, Святослава, мірски Предслава, по 12 году, удалилась въ монастырь тетки ея, супруги старшаго Всеслава сына, Романа: здѣсь постриглась въ монахини, и въ затворѣ занималась

* См. выше с. 471.

** См. выше с. 143 и проч. Икона, предъ коею онъ молился въ послѣдній часъ, сохраняется въ Лаврскомъ соборѣ. Снимокъ см. въ атласѣ.

*** См. о дѣяніяхъ его выше, с. 181.

* См. выше с. 135. О житіи его, крайне поврежденномъ переписчиками, говорено выше с. 344.

** О дѣяніяхъ Мстислава см. выше с. 136 и проч.

*** См. выше с. 309.

переписываніемъ книгъ, а получаемую плату раздавала нищимъ. При дядѣ Князѣ Борисѣ (1119 — 1128) основала свой монастырь, куда поступила, во время гоненія на Полоцкихъ князей, двоюродная сестра ея, дочь К. Бориса; она принесла къ преподобной всѣ дорогія вещи, припасенныя для брака, постриглась и наречена Евпраксіей. Около 1160 г. Евфросинія построила каменный храмъ Спасителю въ своей обители, вмѣсто деревяннаго, доселѣ цѣлый, и извѣстный въ народѣ подъ именемъ Спасѣ-Юрьевичи, (вѣроятно по участію, которое принималъ въ построеніи Князь Юрій?). Для этого храма преподобная приготовила драгоценный напрестольный крестъ, сохранившійся до нашего времени. Надпись на немъ говорить: «честное древо бесцѣнно есть; а кованье его, злато и серебро и камень, жънчугъ, въ 100 гривень, а др... 40 гривень.» Въ храмѣ пр. Евфросиніи, по сторонамъ хоровъ, цѣлы еще двѣ тѣсныя келліи, — въ одной изъ нихъ жила преподобная. Отсюда слушала она богослуженіе, а сквозь небольшое окно, пробитое въ стѣнѣ, открывались ея взору обширныя поля и видъ города. Она пожелала имѣть одну изъ трехъ иконъ, писанныхъ по преданію Св. Лукою, которая находилась въ Ефесѣ. Императоръ Мануиль, по родству, (сестра ея была за мужемъ за сыномъ И. Алексѣя Комнина), прислалъ ей эту икону, которая доселѣ хранится въ Торопецкомъ соборномъ храмѣ, гдѣ поставила ее въ 1239 г. дочь Полоцкаго князя Брючислава, при вступленіи въ бракъ съ Александромъ Невскимъ.

Близъ своей обители княжна построила храмъ Богоматери, и при немъ основала общежитіе иноковъ.

Въ преклонныхъ уже лѣтахъ она рѣшилась, въ исполненіе давняго намѣренія, посѣтить святыя мѣста.

Вѣривъ обитель сестръ своей Градиславѣ - Евдокии, преподобная отправилась на востокъ въ сопровожденіи кн. Давида, уже знакомаго съ востокомъ; съ нею отправилась и родственница Звенислава-Евпраксія. На пути своемъ она встрѣтилась съ императоромъ Мануиломъ, шедшимъ противъ Венгровъ; потомъ въ Константинополѣ была обласкана патр. Лукою. Она посѣтила св. Софію, поклонилась святынямъ и въ другихъ мѣстахъ восточной столицы, и продолжала путь въ Іерусалимъ. Здѣсь, остановясь въ Русскомъ монастырѣ Пресвятой Богородицы, святая княжна ходила на поклоненіе Живоносному гробу Господню, и поставила надъ нимъ лампаду. Потомъ обошла разныя мѣста, ознаменованныя жизнію Спасителя, и въ Русскомъ монастырѣ занемогла. Послѣ 24 дней болѣзни предала духъ свой Господу, 23 Мая 1173 года.

Тѣло ея погребено было въ обители преп. Феодосія въ Іерусалимѣ, и оттуда перенесено въ Кіевскія пещеры, вѣроятно около 1187 года.

Великій Князь Андрей Боголюбскій.
Строгий блюститель правды въ своихъ владѣніяхъ, благотворитель убогихъ и нищихъ, строитель многихъ церквей и монастырей, ревностный христіанинъ; убитъ онъ своими приближенными въ 1174 году, Іюня 29.*
Мощи его почиваютъ въ Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ, посвященномъ его имени; обрѣтены нетлѣнными 15 Октября, 1702 года.

* О гражданскихъ дѣяніяхъ его, см. выше с. 343.

Князь Глѣбъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, неизвѣстный впрочемъ по лѣтописямъ, отличался благочестіемъ и праведною жизнію скончался 20 лѣтъ, и по смерти прославился многими чудесами, какъ говорить мѣстное преданіе. Мощи его открыты 31 Ноября, 1702 года.*

Князь Мстиславъ Ростиславичъ Новгородскій, сконч. 14 Іюня, 1180 года. Память его чтится мѣстно.**

Илья Муромецъ. По словамъ Кальнофойскаго онъ жилъ за 450 лѣтъ до его времени, т. е. около 1188 г., и по народному назывался Чеботкомъ, а что это былъ витязь времени св. Володимера, объ этомъ нѣтъ историческихъ свидѣтельствъ.

Давидъ и Евфросинія, Муромскіе чудотворцы, въ монашествѣ: *Петръ и Февронія*. Давидъ былъ второй сынъ князя Юрія Владимировича Муромскаго. Завялъ столю по смерти брата Володимера въ 1203 году. За нѣсколько времени до того онъ подвергся болѣзни: тѣло его покрыто было струпами. — Славившаяся умомъ своимъ дочь «древолазца», бортника, излѣчила его мазью, — оставался только одинъ струпу, котораго не коснулась мазь. По разговорамъ и поступкамъ дѣвушки князь призналъ высокія качества ума и сердца въ дочери бортника, и далъ слово на ней жениться; но потомъ нашель не приличнымъ для князя супружество съ простою дѣвушкою.

* Меньшой сынъ Андреевъ, по имени Глѣбъ, княжилъ въ Новгородѣ, былъ выгнанъ оттуда, и явился въ Грузіи мужемъ знаменитой Тамары, см. выше, с. 356.

** См. объ его дѣйствіяхъ выше, с. 319.

Болѣзнь возобновилась. Евфросинія вновь вылѣчила князя, и признательный князь выполнилъ тогда свое слово, сочетался съ нею бракомъ. — Когда же послѣ брата вступилъ онъ на престолъ, Муромская знать, конечно подстрекаемая младшимъ братомъ и племянникомъ, объявила: или пусть отпуститъ отъ себя супругу, оскорбляющую своимъ происхожденіемъ знатныхъ женъ, или же оставитъ Муромъ.

Князь согласился отказаться отъ княжества. Онъ остался послѣ того съ небогатыми средствами къ жизни, и печальныя мысли невольно приходили ему на умъ. Но умная княгиня говорила ему: «не печалься князь, — милостивый Богъ не оставитъ насъ въ нищетѣ.» Въ Муромѣ скоро открылись раздоры непримиримые, искатели власти схватились за мечи, и многіе изъ вельможъ потеряли жизнь. Бояре Муромскіе принуждены были просить князя Давида и княгиню Евфросинію возвратиться въ Муромъ.

Въ 1207 году В. К. Всеволодъ за услуги, имъ оказанныя, далъ ему Рязанскій городъ Пронскъ. Давидъ уступилъ его Рязанскимъ князьямъ при первомъ ихъ вызовѣ. Супруги вели жизнь праведную. Одинъ женатый возмущался нечистыми мыслями, смотря на прекрасную княгиню. Почерпни воды изъ рѣки съ этой стороны судна, сказала княгиня, (это было во время плаванія по р. Окѣ), тотъ почерпнулъ; испытай, какова? Тотъ исполнилъ приказаніе. — Почерпни воды съ другой стороны судна, и испытай также, сказала княгиня. И когда тотъ выполнилъ волю ея, она спросила: находишь ли разность между тою и другою водою? Никакой, отвѣчалъ тотъ. Святая сказала тогда: «точно такъ одинаково естество

женское; напрасно ты, оставляя свою жену, думаешь о чужой.» Когда князь и княгиня достигли старости, то въ одно время облеклись въ иноческое одѣяніе, одинъ съ именемъ Петра, другая, съ именемъ Февроніи. По пасхальной недѣлѣ 1228 г. умеръ сынъ кн. Давида, потомъ на той же недѣлѣ преставился самъ князь-инокъ, а въ одинъ день съ нимъ почилъ и блаженная Февронія. Князь и княгиня, согласно съ завѣщаніемъ, положены были въ одномъ гробѣ.

Въ началѣ 16 вѣка «по всѣмъ странамъ прошла вѣсть, что въ городѣ Муромѣ явились славные чудотворцы, дарующіе исцѣленіе приходящимъ къ нимъ.»—Соборомъ 1547 года положено мѣстно праздновать память кн. Петра и Февроніи; тогда же написана и служба имъ.—Въ послѣдствіи празднованіе стало повсемѣстнымъ, вѣроятно вскорѣ послѣ того, какъ царь Іоаннъ Васильевичъ, на походѣ противъ Казани, въ 1552 году благоговѣнно «поклонился въ Муромѣ сродникамъ своимъ, великимъ чудотворцамъ кн. Петру и кн. Февроніи.»

Теодоръ, сынъ В. К. Ярослава Всеволодовича, родился въ 1219 г., участвовалъ въ разныхъ походахъ его по достиженіи

зрѣлаго возраста. Отецъ избралъ ему невѣсту. Приготовленія всѣ были сдѣланы для свадьбы, какъ онъ внезапно скончался Іюня 5, 1233 г. Тѣло юнаго князя положено было въ Юрьевѣ монастырѣ.

Въ 1614 году во время нашествія Шведовъ, ругавшихся надъ всѣмъ святымъ, гробъ свят. князя былъ вынутъ, и открытъ нагими солдатами Шведскими. По извѣстію 1634 года, «Нѣмцы въ церкви великомученика Георгія, въ монастырѣ, ищущи поклажи, обрѣли челоуѣка цѣла и ненарушена въ княжескомъ одѣяніи, и вынявъ изъ гробницы, яко жива, поставили у церковной стѣны. Митрополитъ Исидоръ, услышавъ о томъ, выпросилъ у Делгардія дозволеніе перенести гробъ въ Новгородскій Софійскій соборъ; въ это время не только оказались нетлѣнными мощи дѣвственнаго князя, но онѣ источили исцѣленія.» Св. мощи съ того времени покоятся открыто при входѣ въ придѣлъ св. Предтечи.

О В. К. *Георгіи* Всеволодовичѣ, погибшемъ въ сраженіи при Сятѣ, и племянникъ его *Василькъ* Ростиславичѣ Ростовскомъ, нехотѣвшемъ покориться Татарскимъ обычаямъ, (1237) см. ниже.

ГРАМОТНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ.

Христіанская вѣра сдѣлалась вмѣстѣ и источникомъ нашего образованія, источникомъ единственнымъ, въ противоположность съ Западными народами, которые, кромѣ христіанской вѣры, получили въ наслѣдство себѣ, еще прежде ея введенія, Греческое и римское образованіе, сильное и многостороннее. Они пропитались этимъ образованіемъ, и оно дало ихъ новымъ вѣрованіямъ свой особый характеръ, что и было причиною отличій первоначальнаго Римскаго католичества отъ Греческаго, и еще болѣе отъ Русскаго православія.

Второе отличіе въ образованіи Русскаго народа отъ Западныхъ народовъ состоитъ въ томъ, что мы получили съ самаго начала Священное писаніе и все богослуженіе на родномъ понятномъ языкѣ.

Священное писаніе и богослуженіе на родномъ, понятномъ языкѣ—вотъ что было краеугольнымъ камнемъ нашего образованія. Еще современникъ св. Феодосія, мнихъ Іаковъ, глубокомысленно замѣтилъ: «пріиша святое крещеніе, *готово и муще святое писаніе*, и книги переведены съ Греческаго языка на Русскій.»

Вотъ великое благодѣяніе, которое Богу угодно было ниспослать Россіи при самомъ началѣ ея исторіи, и которое сторицею

вознаграждаетъ другія наши невыгоды, неудобства или недостатки.

Безсмертные Славянскіе первоучители, Кирилль и Меодій, и ихъ преемники, обогатили Славянскій языкъ сокровищами Слова Божія. Всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта *исполнь* были переведены ими.

Константинъ, въ монашествѣ *Кирилль* (827—869), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меодіемъ, перевелъ сначала избранныя мѣста изъ *Евангелія* (или такъ называемое Евангеліе *апракось*, расположенное по церковнымъ праздникамъ, начиная съ Пасхи), и *Апостола*, потомъ всѣ книги необходимыя для церковнаго богослуженія: *Псалтирь*, *Служебникъ*, *Требникъ*, *Часословъ*, *Октоихъ*, или *осмогласникъ*, *Минею общую*, содержащую въ себѣ возслѣдованія праздникамъ Богородицы, Предтечи, и общія цѣлымъ чинамъ святыхъ, *Паремейникъ* или собраніе чтеній изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и наконецъ *Уставъ* или общій чинъ православнаго богослуженія *.

* Изъ дошедшихъ до насъ списковъ, кромѣ множества отрывковъ, древнѣйшіе суть слѣдующіе: 1096 и 1097. Списки мѣсячной минеи: Октябрь (127 л.) Господи, помози рабу своему Григорию. Ноябрь (174 л.) Господи, помози рабу своему Михаилу.

Хранятся въ типогр. бібліотекѣ въ Москвѣ.

Кириллу же приписывают: дошедшее до насъ *Написаніе о правѣ вѣры*, въ которомъ онъ, согласно съ православною церковію, исповѣдуетъ ученіе о Пресвятой Троицѣ, также догматы о воплощеніи Сына Божія и иконопочитанія; * Слово о злыхъ дусяхъ, съ именемъ Св. Кирилла, обращено къ Славянамъ язычникамъ, и нападаетъ на ихъ суевѣрія; ** Сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, составленное очевидцемъ, *** и молитву о покаяніи, исходѣ души и за всѣхъ христіанъ. ****

До 1100. Мѣсячная мина за май. Путята псалъ Въ Новг. соборѣ. (134 л.)

Триодъ постная, судя по почерку и правописанію XI вѣка (130 л.) въ Софійскомъ соборѣ. Многие стихи съ крюковыми нотами.

До 1147 г. Служебникъ, приписываемый св. Антонію Римлянину.

1157. Стихирарь мѣсячный. Въ Синод. библіотекѣ. (190 л.)

До 1163. Стихирарь враздничный, (113 л.) въ Соф. библіотекѣ.

Послѣ 1192 Служебникъ (литургія Іоанна Златоустаго, Василия Великаго и преждеосвященныхъ даровъ (29 л.) въ Синод. библіотекѣ.

Кондакаръ нотный, принадл. Нижегородскому Благовѣщенскому монастырю, съ нотными знаками азбучными и крюковыми.

До 1200. Церковный уставъ съ кондакаремъ (136 л.) Михалъ псалъ Микудѣ (подпись глаголическими буквами).

Множество кондакарей, стихирарей, триодей служебныхъ миней, каноникъ (въ библ. Синодальной, Софійской, Петербургской Публичной, Типографской).

До 1226 г. Триодъ Савина. Азъ поинѣ грѣшный Саве, а мирьскы Грьцикъ. написахъ книги сіи святыма Царьми Костянтинъ и Олены (въ Новѣгородѣ).

* Сохранилось въ Болгарской рукописи 1348 г. въ Синод. библіотекѣ.

** Найдено кн. Оболенскимъ, и напечатано въ Москвитинѣ 1844. № 1.

*** См. Кирилло-Меоодіевскій сборникъ, с. 319.

**** Пр. Филарета обзоръ духовной литературы, с. 6 Вся молитва написана на 31 страницѣ.

«Осмь частей граматикія переложи» съ Еврейскаго на Греческій языкъ, свидѣтельствуеъ біографъ его свят. Климентъ. Этотъ переводъ нынѣ неизвѣстенъ, какъ и сочиненіе его: Споръ съ раввинами, переведенный св. Меоодіемъ на Славянскій языкъ.

Св. Меоодій (†885) участвовалъ съ младшимъ братомъ своимъ въ переводѣ чтеній изъ Евангелія съ Апостоломъ, Псалтири и книгъ богослужебныхъ, а по смерти брата перевелъ шестьдесятъ уставныхъ или каноническихкихъ книгъ Св. писанія, кромѣ Маккавеевъ. До насъ, къ сожалѣнію, не дошло вполне великое дѣло Меоодіево. *

Біографъ Меоодія ему же приписываетъ переводъ *Номоканона*, древнѣйшаго собранія церковныхъ законовъ, и отеческихъ

* Древнѣйшіе списки Евангелія, до насъ дошедшіе, суть слѣдующіе: Евангеліе апракосъ, писанное для Новгородскаго посадника Остромира, 1056 года. діакономъ Григоріемъ (Въ Пет. библіотекѣ)

Мстиславово Евангеліе, до 1117 г. писанное Алексю, сыномъ Лазаря пресвитера, для Новгородскаго князя Мстислава Володимировича, въ церковь Благовѣщенія. имъ основанную, хранится въ Архангельскомъ Московскомъ соборѣ.

Юрьевское евангеліе, послѣ 1119 г. написанное для Новгородскаго Юрьева монастыря, (Феодоръ Угриньчъ псалъ). Въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря.

Четвероевангеліе 1144 года, въ Синод. библіот.

1164. Евангеліе Семіоново, или Добрилово, писанное дякомъ св. Апостолъ Костантиномъ, а мирьскы Добрило .. Семіону понови Св. Іоанна Предтечи.

Милитино евангеліе 1215 г.: въ Господнее лѣто написахъ евангеліе и апостоль... Дъмъка поць . поведѣніемъ Милитинимъ Лукиницимъ (въ Новѣгородѣ). Хранится въ Пет. библіотекѣ.

Изъ Ветхаго Заѣта списокъ Псалтири сохранился изъ XI вѣка. Пророчества были извѣстны въ 1047 году. Патокнижіе списывалось въ 1136 году. Книги Навина, Судей, Руен, есть въ спискѣ, около 1200 года.

книгъ, содержащихъ въ себѣ житія святыхъ Вселенской церкви.*

Первоначальный переводъ Библии былъ сдѣланъ съ списковъ церкви Константинопольской, которые, какъ извѣстно, отличались отъ текста библейскихъ списковъ, распространенныхъ въ церкви западной и въ Александріи.**

Разнообразныя чтенія въ дошедшихъ до насъ спискахъ служатъ доказательствомъ, что переводы священныхъ книгъ у насъ издревле рассматривались, изучались и исправлялись по подлинникамъ. Слѣдовательно были у насъ уже люди, способные къ такому дѣлу.***

Преемники Св. Кирилла и Меѳодія.

Св. Климентъ, ученикъ Кирилла и Меѳодія, епископъ Величскій, въ землѣ *Дривичей* и Сакулатовъ, родомъ Болгаринъ, скончавшійся въ 916 году, по словамъ біографа ученика его, писалъ «языкомъ простымъ и яснымъ» поученія; похвальныя слова Богоматери «на всѣ Ея торжественныя дни» и похвалы Крестителю; житія святыхъ, и перевелъ Цвѣтную Тріодь. До нынѣ отысканы у насъ по рукописямъ слѣдующія сочиненія Св. Климента епископа: поученія на воскресный день, на день апостола или мученика,

* Зиновій монахъ, ученикъ Максима Грека, въ 52 словѣ своемъ на ересь Феодосія Косаго пишетъ: видѣхъ въ правилѣхъ древняго перевода книги; преписаны же быша при Ярославѣ князѣ, Владимировѣ сынѣ, и при Епископѣ Іоакимѣ, въ началѣ крещенія нашей земли.

** См. въ Православномъ обозрѣніи 1869 г. статью Г. Сольскаго.

*** Эти разнорѣчія служатъ живымъ упрекомъ послѣдующимъ такъ называемымъ старо, или, лучше, нововѣрамъ, которые возмущались исправленіями Патріарха Никона.

на день святаго, на Преображеніе Господне, похвальныя слова: на Успеніе Богоматери, Іоанну Крестителю, на день Св. Захаріи, отца Крестителява, Свят. Лазарю, великому Дмитрію, Архистратигамъ, Св. Клименту папѣ Римскому, Св. Кириллу Славянскому, «славнымъ учителямъ Славянъ, переложившимъ Новый и Ветхій законъ на Славянскій языкъ, блаженному Кириллу и Меѳодію»: два житія—одно Св. Кирилла, перваго учителя Славянскаго, другое Св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго.

Симеонъ, первый царь Болгарскій, «киноголобець» знаменитый покровитель просвѣщенія (+927 г.), составилъ выборъ изъ словъ Златоустаго на Славянскомъ языкѣ, назвавъ его Златоустуемъ; въ его выборѣ 136 словъ Златоустаго.

Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, или иначе, «строитель церковный Болгарскія земли» при князѣ Симеонѣ. Онъ составилъ Шестодневъ изъ сочиненій Василія Великаго, Северіана Гевальскаго и Іоанна Златоустаго, съ прибавленіемъ своихъ размышленій о созданіи міра. Перевелъ Богословіе Дамаскина, или книгу Небеса, Діалектику его, Грамматику. Послѣднюю переводилъ онъ такъ, что не только объяснялъ правила Славянскими примѣрами, но и самыя правила иногда измѣнялъ по духу Славянскаго языка. Онъ же, безъ сомнѣнія, перевелъ мелкія статьи Дамаскина. Извѣстны четыре слова Іоанна Экзарха.

Константинъ, епископъ Болгарскій, одинъ изъ учениковъ Свят. Меѳодія и соотрудникъ Экзарха. Онъ составилъ недѣльныя поученія, выбравъ ихъ изъ Златоуста (37 словъ) и Исидора Пелус: (5 словъ), съ прибавленіемъ своихъ вступленій и заключеній, при чемъ помѣстилъ одно свое слово.

Преложилъ четыре слова Свят. Аванасія противъ Аріянь, ученикъ сынъ Меѳодіевъ, архіепископа Моравскаго, по свидѣтельствѣ черноризца Тудора, написавшаго книги Аванасія въ 907 году.

Тому же переводчику Аванасьевыхъ трудовъ должно приписать переводъ Аванасіевой жизни, Свят. Антонія, и Свят. Панкратія. «Не собою дерзнухомъ на дѣло сіе, толь велико суще, но принуждени отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскія земли.»

Наконецъ едва ли не тому же трудолюбивому пастырю и ревнителю къ званію народнаго наставника принадлежитъ и переводъ оглашеній Св. Кирилла.

Григорій, «пресвитеръ и мнихъ, всѣхъ церковникъ Болгарскихъ церквей,» т. е. старшій іеромонахъ и судья, «повелѣніемъ книголюбца князя Семіона, истинѣ же рещи боголюбца,» перевелъ хронику Іоанна Малалы. Хронику Малалы Григорій дополнялъ событіями церковно-библейской исторіи, помѣстивъ въ ней исторію Александра Македонскаго, вставку изъ Флавія и проч.

Черноризецъ *Храбръ* извѣстенъ изслѣдованіемъ, «о писменехъ» или о Славянской азбукѣ, изображенной Кирилломъ и Меѳодіемъ. Онъ пишетъ: «Святый Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, тѣ писмена сътвори и книги преложи, и Меѳодій братъ его. *Суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ.*» Слѣдовательно Храбръ былъ ихъ современникомъ.

Козма, пресвитеръ Болгарскій, написалъ книгу на *новоявившуюся ересь Боумиловъ*.

Нѣкоторые митрополиты, прѣвзжавшіе изъ Греціи, были люди ученые и любознательные, которые привозили съ собою книги, имѣли, по необходимости, переводчиковъ, и старались о распространеніи образованія между своей частью, напимѣръ Георгій, Іоаннъ II, Никифоръ и пр.

Вѣроятно были между ними Болгары (напр. Іоаннъ II,*) которые были еще полезнѣе въ этомъ отношеніи для Руси, знакомые съ твореніями Греческихъ отцевъ, непрерывно переводившихся въ Болгарію.

Такимъ образомъ всѣ труды Славянскихъ первоучителей и ихъ преемниковъ дошли къ намъ очень рано, разпространялись въ народъ и были продолжаемы.

Связь съ Греціей и Болгаріей поддерживалась путешествіями ко святымъ мѣстамъ и на Аѳонъ, котораго слава тогда начиналась, со времени основанія великой Лавры преподобнымъ Аванасіемъ (961). Эти путешествія начались уже рано: новые христіане, умиленные ученіемъ Спасителя, горѣли желаніемъ видѣть мѣста, гдѣ Онъ родился, училъ, творилъ чудеса, пострадалъ и принялъ крестную смерть, искупая грѣхи человѣческіе. Не смотря ни на какія препятствія и затрудненія, они стремились туда во множествѣ, получали тамъ благія дѣла впечатлѣнія, знакомились съ жизнью

* Этого митрополита Іоанна считаютъ Грекомъ. Но какинъ образомъ о Грекѣ могъ бы Несторъ такъ отозваться: 1089 «Бысть Іоаннъ мужъ хитръ книгами и ученю, милостивъ, ... рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя...» Могъ ли Грекъ прославиться своимъ краспорѣчіемъ между Русскими, не зная Русскаго языка? Прибавимъ, что правило м. Іоанна мы имѣемъ только на Русскомъ языкѣ. Болгаринъ могъ знать Греческій и Русскій языки въ одинаковой степени.

другихъ народовъ, преимущественно съ Славянами, умножали свои свѣдѣнія, и приносили ихъ въ отечество.

Первое извѣстіе мы имѣемъ о преподобномъ *Антоніи*, которому Аѳонъ подаль мысль объ учрежденіи монашества на Руси.

Въ житіи Св. *Феодосія* упоминаются *странники*, возвращавшіеся изъ Палестины, которые разказами своими о чудесахъ, тамъ видѣнныхъ, возбудили въ немъ святыи огонь.

Св. *Ефрему* поручалъ Печерскій игумень Св. *Феодосіи* достать въ Константинополь Студійскій уставъ для своей обители.

Св. *Варлаамъ* (около 1060 года) ходилъ въ Иерусалимъ, и потомъ въ другой разъ въ Константинополь, гдѣ искупилъ нужныя для своего монастыря вещи.

Игумень *Даниилъ* обошелъ (ок. 1115 г.) всѣ святыя мѣста, и оставилъ ихъ описаніе, которое, разумѣется, содѣйствовало въ свое время къ возбужденію желанія у читателей послѣдовать его примѣру. Онъ встрѣтилъ тамъ уже многихъ своихъ соотечественниковъ: «мнѣ же худому Богъ послухъ есть, Св. Гробъ Господень и вся дружина, Рустіи сынове, приключивыйсь въ тотъ день Новгородстѣи, Кіапе: Изяславъ Ивановичъ, Городиславъ Михайловичъ, Кашкича два, и иніи мнози.»

Назовемъ *Янку*, дочь В. К. Всеволода, которая ходила въ Константинополь въ 1093 г., и привела оттуда митрополита Іоанна III.

Евфросинію, княжну Полоцкую. Она ходила къ Святымъ мѣстамъ около 1173 г.

Изъ вопросовъ Кирика видно, что число богомольцевъ Иерусалимскихъ въ его время,

(около 1136 года) умножилось до такой степени, что нужно было духовному начальству ихъ останавливать.

Нѣкоторые Русскіе оставались на Аѳонѣ, гдѣ былъ предоставленъ имъ особый монастырь Св. Пантелеймона, существовавшій несомнѣнно по крайней мѣрѣ съ XII столѣтія, а преданіе относитъ его даже ко времени Св. Владимира.*

Первые русскіе христіане, устремившіеся читать Священное писаніе, не довольны были однимъ его текстомъ, но искали толкованія, и на первыхъ порахъ уже имѣли важнѣйшія сочиненія этого рода, которыя дошли до насъ въ значительномъ количествѣ списковъ, что доказываетъ ихъ значительное распространеніе въ народѣ.

О толкованіяхъ пророчествъ мы имѣемъ подлинное свидѣтельство, что онѣ были уже въ Новгородѣ въ первой половинѣ XI столѣтія (1046), изъ слѣдующей приписки, повторенной во всѣхъ новѣйшихъ спискахъ: «Слава тебѣ Господи, Царю небесный, яко сподоби мя написати книги си, ис Куриловицѣ, князю Володимеру, Новгородѣ княжащю, сынови Ярославлю болшему. Почахъ ѣ писати въ лѣто 6555, мѣсяца мая въ 14, а кончахъ того же лѣта, мѣсяца Декабря въ 19, азъ погъ Упирь Ляхый. Тѣмъ же молю всѣхъ прочитати пророчество се: велика бо чудеса написаша намъ сіи пророци в сихъ книгахъ. Здравь же, княже, буди, въ вѣкъ живи.»

* Стефанъ Новогородецъ (ок. 1350) нашелъ въ Студійскомъ монастырѣ Новогородецѣ Івана и Добрилу, которые жили тамъ «списавши отъ книгъ Святаго писанія, зане убо искусни были зѣло книжному списанію.» Вѣроятно и прежде были тамъ такіе писатели.

Толковые *псалтири* принадлежат также къ глубокой древности: известъ отрывокъ XI вѣка; (сохранилось 16 листовъ: 14 въ публ. библиотекъ, а 2 въ академій наукъ).

Бесѣды (13) Св. *Григорія, папы Римскаго*, (377 л.), остались въ спискѣ XI в., въ Петерб. публ. библиотекъ.

Изъ XII вѣка есть полный списокъ съ толкованіями Св. Аѳанасія Александрійскаго, и такой же съ толкованіями *Феодорита*. (270 л.). Тамъ же.

Шестодневъ *Іоанна, Экзарха Болгарскаго*, заключающій толкованіе важнѣйшей части пятикнижія *Моисеева*, повѣствованія о сотвореніи міра, имѣемъ въ спискѣ XII вѣка.

Толкованія на всѣ четыре Евангелія *Феофилакта*, архіепископа Болгарскаго, сдѣланы известными вскорѣ по ихъ сочиненіи въ XII вѣкѣ.

Изъ первой четверти XIII вѣка (1220 г.) дошелъ до насъ толковый Апостоль (240 л. въ Синодал. библиотекѣ).

Были известны даже и нѣкоторыя книги апокрифическія, напримѣръ: хожденіе Богородицы по мукамъ.

Кромѣ этихъ толкованій были у насъ въ обращеніи сочиненія отцевъ церкви: — *Василія Великаго*, (правила, слова), *Григорія Богослова*, *Іоанна Лествичника*, *Кирилла Александрійскаго*, *Анастасія Синаита*, *Меѳодія Тирск.*, *Ефрема Сирина*, *Кирилла Иерусалимскаго*. Особенно предки наши любили *Златоустаго*.

Преподобный *Феодосій*, если самъ не поучалъ братію въ церкви, то поручалъ великому *Никону* или *Стефану* домашнику. «Отъ книгъ почитающе, поученіе творити брати.» Въ числѣ сихъ книгъ были, безъ

сомнѣній, огласительныя поученія монахамъ преп. *Феодора Студита*, котораго уставъ былъ правиломъ въ Печерской обители.

Черноризецъ *Іаковъ* упоминаетъ о книгахъ Св. *Іоанна Дамаскина*, рекомыхъ *Увѣріе*, т. е. о православной вѣрѣ, переведенныхъ въ Хвѣкѣ *Іоанномъ Экзархомъ* (сохранились въ спискѣ XII вѣка).

Напомнимъ о сборникахъ В. К. *Святослава Ярославича*: первый—1073 года (написанъ *Іоанномъ*). Сборникъ составленъ Грекомъ, и потомъ переведенъ на Славянскій языкъ для Болгарскаго князя *Симеона*. Въ немъ заключаются разныя разсужденія богословскаго, правоучительнаго, философскаго, и частію церковно-историческаго содержанія, извлеченныя изъ твореній *Василія Великаго*, *Іоанна Златоустаго*, *Григорія Богослова* и другихъ. Большую часть книги занимаютъ *Анастасіевы отвѣты* съ приложеніями (въ Синод. библиотекѣ).

Второй Сборникъ 1076 года (кончашаяся книги сія рукою грѣшнаго *Іоанна*, избрано изъ многогъ книгъ князьихъ). По содержанію сходенъ отчасти съ Сборникомъ 1073 г., но богатъ болѣе статьями правоучительнаго содержанія, (хранится въ Петерб. библиотекѣ).

1095. *Діоптра Филиппа* пустынника, написанная по Гречески для Смоленскаго инока *Каллиника*, и тогда же переведенная на Славянскій языкъ (сохран. въ спискѣ 1306 года, въ Чудовѣ монастырѣ).

Изъ XII столѣтія дошли до насъ еще слѣдующія сочиненія:

До 1100 года: *Пандекты Антиоха*.

До 1142 г. Слово о *Халкидонскомъ соборѣ* и *епистолия* ко *Льву*, папѣ Римскому, о божественности *Іисуса Христа*.

До 1199. Пчела, сборникъ извлеченій изъ Священнаго писанія, отцевъ церкви и древнихъ Греческихъ писателей.

До 1200. Сборникъ воскресныхъ поученій, извлеченныхъ Константиномъ, пресвитеромъ Болгарскимъ, изъ твореній Св. Иоанна Златоустаго, (264 л. въ Синод. библиотекъ).

Златоструй, собраніе учительныхъ словъ изъ твореній Св. Иоанна Златоустаго, (въ Петерб. публ. библиотекъ, л. 128).

Сборникъ поученій изъ произведеній Иоанна Златоустаго, Василя Великаго, Ефрема Сирина, Исидора Пилусіота, Антіоха, (въ Троицкой Лаврѣ).

1219. Житіе Нифонта, (175 л. въ Синод. библиотекъ).

До 1240 г. Книги Бытійскыя, рекомыя Палѣя. Обзорніе событій отъ сотворенія міра до Христіанства и до погибели Жидовства.

Были извѣстны житія святыхъ, переведенныя, вѣроятно, съ Греческаго языка.

Всѣ эти сочиненія были въ общемъ употребленіи, и у писателей того времени мы находимъ ссылки непрерывныя.

Св. Иларіонъ говорилъ: мы пишемъ не для незнающихъ, а для насыщающихся съ избыткомъ книжною мудростію. Въ его словъ приводятся мѣста изъ Ветхаго Завѣта: изъ книгъ бытія, судей, псалмовъ, прококовъ, Исуса, сына Сирахова.

Св. Никита зналъ всѣ книги Ветхаго Завѣта наизусть: «бытіе, исходъ, левити, числа, судіи, царства, и всѣ пророчества по чину и вся книги жидовскія.»

Іаковъ мнихъ упоминаетъ о житіи Чешскаго князя Вячеслава, которое читалъ Св.

Борисъ предъ кончиною, о страданіяхъ Св. Никиты, мученицы Варвары.

Преп. Несторъ ссылается въ житіи Св. Бориса и Глѣба на житіи св. Плакиды и Романа Сладкопѣвца, въ житіи св. Θεодосія на Патерикъ скитскій, и дѣлаетъ намеки на житіи великихъ подвижниковъ древней церкви: Антонія, Θεодосія, Саввы, Евфимія; въ лѣтописи приводитъ мѣста изъ многихъ книгъ Священнаго писанія, изъ слова Меодія Патарскаго.

Володимеру Мопомаху извѣстны были сочиненія Василя Великаго.

Кирикъ domestikъ ссылается на правила Тимоѳея Александрійскаго, Василя Великаго и Иоанна Постника.

Св. Симонъ ссылается на Лѣствицу Иоанна Лѣствичника, на творенія Ефрема Сирина.

Даніиль Заточеникъ говоритъ: «азъ, бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ поучался, но былъ яко падающая пчела по различнымъ цвѣтамъ, и совокупляя, яко медвѣнный сотъ, такъ и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную.»

О *Кириллѣ, епископѣ Ростовскомъ*, въ Суздальской лѣтописи сказано, по поводу его посвященія (1231):

«Всѣ приходящая удивлеса, князи же и вельможѣ, всякъ возрастъ града Ростова, нетокмо же простыця, но и попы и игумены и весь черноризскій чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ святую соборную церковь, ово *послушающе ученья его, еже отъ святыхъ книгъ*, ово же хотяще видѣти украшенья святыя церкви.»

Авраамій Смоленскій любилъ читать отеческія писанія, и въ особенности Златоустаго и Ефрема Сирина.

Книжное ученіе ставилось высоко, и почиталось однимъ изъ главныхъ средствъ для спасенія души. Наши отцы учили, согласно съ словомъ великаго первоучителя Славянскаго, св. Кирилла, который сказалъ въ предисловіи къ переводу св. Евангелія, по одному Сербскому списку:

«Проглашь св. Евангелія, какъ прорекли о немъ пророки: Христосъ грядеть собрать языки свѣтъ бо есть всему міру. Они сказали: слѣпые прозрять, глухіе услышатъ слово *буквое*, и Бога познають, какъ должно. И такъ услышите Славяне всѣ: даръ сей данъ отъ Бога... Внушите нынѣ отъ своего ума, слышите Славянской народъ весь, слышите: слово отъ Бога пришло, слово, которое питаеть души человѣческія, слово, которое крѣпитъ сердца и умы, слово, уготовляющее къ богопознанію. Безъ свѣта не будетъ радости оку видѣть твореніе Божіе: такъ и всякой душѣ безсловесной, не видящей Божія закона... Душа *безбуквое* мертва является въ человѣкахъ.»

Св. *Феодосій* завѣщавалъ братіи читать книги, и поручалъ это чтеніе своимъ приближеннымъ.

Приведемъ драгоценныя слова *Нестора* лѣтописателя о пользѣ ученія книжнаго:

Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; книгами бо кажемъ и учимъ есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ кнѣжныхъ; се бо суть рѣки, напаяюща вселенную, се суть исходница мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаемъ есмы, си суть узда воздержанью.... Аще бо пощещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи великую пользу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуетъ съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и Евангельская ученья, житія святыхъ отецъ, воспріемлетъ душа великую пользу.

Въ *Пчелѣ* (1199), одномъ изъ древнихъ нашихъ сборниковъ, сказано о книгахъ:

«Умъ безъ книгъ, акы птица опѣшена. Якожь она вълетати не можетъ, такоже и умъ недомыслится съвершена разума безъ книгъ. Свѣтъ дневной есть слово книжное, его жъ лишився безумный, акы во тьмѣ ходитъ и погибнетъ во вѣки.»

Св. *Кириллъ Туровскій*: того ради молю вы—потщитесь *прилежно почитати* святыя книги, да ся Божіихъ насытивши словесъ, и будущаго вѣка неизрѣченныхъ благъ значеніе стяжете....

«Аще бо міра сего властели иже въ житейскихъ вещахъ труждаются, прилежно требуютъ *книжнаго почитанія*: кольми паче намъ подобаеть учиться въ нихъ, и всѣмъ сердцемъ взыскати свѣдѣнія словесъ Божіихъ о спасеніи душъ нашихъ писанныхъ.»

«Книги Священнаго писанія сдѣлались,» по вѣрному замѣчанію,* «силою умственно и нравственно возсозидающею и возрождающею древле-Русскій народъ.» Въ нихъ искали своего утѣшенія и укрѣпленія своей вѣрѣ люди, принимавшіе христіанскую вѣру; по нимъ воспитывались люди, просвѣщенные крещеніемъ и преданные вѣрѣ; съ нихъ должны были начинать свое образованіе люди, желавшіе учиться грамотѣ... Самое высшее образованіе состояло въ изученіи книгъ Священнаго писанія, книгъ церковно-богослужебныхъ и нравоучительныхъ. Вслѣдствіе чего, въ устахъ современниковъ, заслуживалъ особенную похвалу тотъ, кто изучалъ книги Св. писанія, и зналъ ихъ на память. Самое служеніе книжному дѣлу, — списаніе и распространеніе священныхъ книгъ, — считалось дѣломъ богоугоднымъ,

* Православное обозрѣніе, 1869, мѣсяць Октябрь. Статья Г. Сольскаго.

святѣмъ, приличнымъ монашескому служенію, и достойнымъ занятіемъ каждаго чловека, ревновавшаго о распространеніи и пользѣ просвѣщенія и образованія. Древніе сказатели съ особенной любовію останавливаются на разсказѣ о томъ, какъ князья, иноки и просвѣщенные іерархи, трудились въ списываніи и дѣланіи книгъ. Такое значеніе книги Священнаго писанія имѣли въ дѣлѣ воспитанія и образованія древле Русскаго народа.»

Монастыри, бывъ училищами благочестія и основами духовной жизни, заключали въ себѣ и источники образованія. Печерскій и въ этомъ отношеніи занималъ первое мѣсто.

Мы видѣли, что самъ препод. Θεодосій, оставившій нѣсколько поученій* былъ охотникомъ до книгъ: инокъ Иларіонъ, по свидѣтельству Нестора, день и ночь переписывалъ у него книги. Другъ его Никонъ переплеталъ ихъ иногда, между тѣмъ, какъ Θεодосій пѣлъ псалмы или прѣялъ волну. Умирая онъ заповѣдывалъ братіи бодрю быти на пѣнье церковное и на преданія отеческія и *почитанья книжная*.

Книги мастеровъ Греческихъ, строившихъ и живописавшихъ церкви, цѣлы были еще въ Симоново время. Точно тоже говорится и о Святошинныхъ книгахъ. Святоша поручилъ какому-то Θεодосію, знакомому съ Омировыми и риторскими рѣчами, *перевести* для него знаменитое сочиненіе палы Леонтія о божественности Ісуса Христа, противъ ереси Евтихіа.

У преподобнаго Григорія все богатство состояло во множествѣ *книжъ*.

* См. ниже, с. 675 и проч.

Св. Никита зналъ почти наизусть весь Ветхій Заветъ.

Св. Даміанъ не спалъ по цѣлымъ ночамъ, прилежно читая *книги*, и опять учащая молитву.

Іаковъ мнихъ, нареченный отъ Св. Θεодосіа преемникомъ его, прославился своими сочиненіями.*

Несторъ лѣтописатель еще болѣе.**

Послѣ Нестора упомянемъ о грамотѣхъ Печерскихъ, епископахъ Нифонтѣ и Симоновѣ, черноризцѣ Поликарпѣ.

Изъ Печерскаго монастыря разносилось образованіе по областямъ Русскимъ съ епископами, назначаемыми изъ иноковъ, и всякая новая епархія дѣлалась новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь гимназій, и новая церковь народнымъ училищемъ. Вотъ почему строеніе церковей, учрежденіе монастырей, столь тщательно записанное нашими лѣтописателями, должно занимать мѣсто и въ исторіи.

Въ богослужебныхъ книгахъ, въ томъ, что изъ нихъ пѣлось и читалось въ церкви, начивая съ «Господи помилуй,» было для народа много новаго, любопытнаго, назидательнаго, а языкъ ихъ былъ для него тогда гораздо ближе и понятнѣе, чѣмъ теперь.

Епископы вездѣ должны были заводить училища, чтобъ имѣть достаточное число священнослужителей, невозможныхъ безъ грамоты, — по примѣру Св. Владимира, который поималъ у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное, — и Ярослава, который приказывалъ попамъ учить людей, и собралъ отъ пресвитеровъ и старость въ Новгородѣ дѣтей триста.

* См. ниже. ** См. ниже.

Въ житіи Θεодосіевоу мы видѣли Курское училище: «даться велѣ на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учителей... и вскоры извыче вся граматикія, покореніе же и повиновеніе кто исповѣсть.»

Въ *Новгородѣ* упоминается подъ г. 1026 *Евремъ*, ученикъ епископа Іоакима, который «ны учаще,» говоритъ тамошній лѣтописецъ. «Сей, поучивъ люди лѣтъ 5, святительству же несподобися.»

Въ житіи св. Авраамія *Смоленскаго* говорится, что когда онъ пришелъ въ-возрасть, родители его даста и книгамъ учить, и что онъ «неунываше, яко же прочая дѣти, но скорымъ прилежаніемъ извыче, сему же на игры со ивѣми не исхождаше.»

О преподобной Евфросиніи, княжнѣ *Полоцкой*, говоритъ преданіе: случижеса дѣвицѣ сей *учень быти* книжному писанію, еще недостигши ей въ совершенъ возрастъ.

Многіе князья покровительствовали ученію, уважали книжную мудрость, и любили бесѣдовать съ духовными лицами о спасеніи души, что въ особенности съ чувствомъ отивчается лѣтописателями. Назовемъ Святослава, который высоко чтилъ пр. Θεодосія, и для котораго написаны были два сборника 1073 и 1076 года. Хотя послѣсловіе, въ коемъ говорится объ его клятвѣхъ, наполненныхъ книгами, есть переводъ съ послѣсловія, обращеннаго къ Болгарскому царю Симеону, однако оно, видно, могло быть прилагаемо хоть сколько нибудь и къ нему.

Изъ князей назовемъ еще Всеволода, изумѣявшаго пять языковъ, Давида Святославича, Святопу, Мономаха, Андрея Бого-

любскаго, который божественному ученію зѣло прилежаше, Ростислава Мстиславича, Константина Всеволодовича, Янку, дочь В. К. Всеволода Ярославича, Евфросинію Полоцкую, Марію, супругу В. К. Всеволода Суздальскаго, Верхуславу, дочь его.

Благодаря всѣмъ симъ благоприятнымъ обстоятельствамъ, духовное и нравственное образованіе стало на высокую степень, и мы имѣемъ изъ этого періода (1054—1240) множество письменныхъ произведеній, принадлежащихъ лицамъ всѣхъ званій и сановъ: князьямъ, митрополитамъ и епископамъ, архимандритамъ и монахамъ, боярамъ и простолюдинамъ, — о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, обнимающихъ жизнь почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы имѣемъ лѣтописи, сказанія, законы, церковныя уставы, грамоты княжескія, монашескія, мирныя, торговые договоры, поучительныя слова, разсужденія, житія, посланія, описанія странствій, вопросы и отвѣты о церковныхъ предметахъ, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы, даже автобиографію. Мы должны присоединить къ произведеніямъ духовной и церковной Словесности и свѣтскія произведенія: былины, пѣсни, пословицы, поговорки, слово о полку Игоревѣ, слово Данила Заточеника.

Это такое обиліе сокровищъ, которому нельзя не удивляться, за которое нельзя довольно благодарить судьбу. Никакая исторія не представляетъ ничего подобнаго. Мы такъ счастливы, что можемъ разсматривать своихъ предковъ въ картинахъ, ими самими написанныхъ, вѣрно, живо и обстоятельно.

Начнемъ съ обзоренія духовныхъ сочиненій.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА.

Поученіе архіепископа (Новгородскаго *Луки Жидаты* 1036—1058) къ братіи.

Слова *Иларіона*, перваго изъ Русскихъ митрополита Кіевскаго.

Слова *Феодосія*, игумена Печерскаго, послѣ многихъ разнорѣчій, догадокъ, сомнѣній и вопросовъ, поступають наконецъ въ число источниковъ нашей исторіи, какъ памятники языка и образа мыслей.

Слова *Кирилла Туровскаго* епископа, современника Великому князю Андрею Боголюбскому, драгоценныя по своимъ мыслямъ, языку и краснорѣчію.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Иларіона, митрополита Кіевскаго (посвящ. въ 1051 г.), о законѣ, Моисеомъ даннѣмъ ему, и о благодати и истинѣ, Исусъ Христомъ бывшимъ, къ которому присвоена куплена.

Похвала (похвальное слово) кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля пашея.

Разсужденія Кирилла Туровскаго, подъ заглавіемъ притчей, сказаній и повѣстей, помѣщенныя при его словахъ, напримѣръ: о душѣ и тѣлѣ, о преступленіи Божіихъ заповѣдей, о премудрости и проч.

МОЛИТВЫ.

Митрополита *Иларіона*.

Кирилла Туровскаго.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Иоанна, митрополита Русскаго (1080—1089), пареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило отъ святыхъ книгъ вкратцѣ, Іакову черноризцю.

Вопросы черноризца *Кирика* Новгородскому съ отвѣтами о разныхъ недоумѣніяхъ, встрѣчавшихся при богослуженіи (1136).

Въ вопросахъ и отвѣтахъ заключаются любопытныя извѣстія о многихъ обычаяхъ, остаткахъ язычества и признакахъ суевѣрія, вообще о духѣ времени и личности совопросниковъ.

ЖИТІЯ.

Лѣтописателя *Нестора* житіе Св. князей Бориса и Глѣба.

Его же, житіе игумена Печерскаго *Феодосія*.

Важнѣйшія сочиненія, особенно послѣднее, даже въ литературномъ отношеніи, не только въ историческомъ, представляющее черты древней жизни во всѣхъ почти ея проявленіяхъ, съ драгоценными подробностями о Великихъ князьяхъ, *Изяславѣ* и *Святославѣ*, о *Св. Антоніѣ*, и о многихъ ихъ современникахъ, также объ инокахъ Печерскихъ.

Мтиха Іакова, житіе В. К. Володимера.

Его же, житіе Св. Бориса и Глѣба, заключаютъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій, коихъ нѣтъ у *Нестора*, и также нѣсколько разнорѣчій.

Многія житія пропали, изъ коихъ особенно жаль житія *Антоніева*, Печерскаго, о которомъ упоминають часто и *Несторъ* и *Симонъ*. Нельзя иначе объяснить себѣ этой удивительной утраты, при такомъ множествѣ рукописныхъ патериковъ, любимого чтенія въ древности, какъ предположеніемъ, что всѣ они происходятъ изъ одного источника, то есть *одной* рукописи, принесенной съ юга на сѣверъ, и незаключавшей по какой-нибудь случайной причинѣ житія *Антоніева*. Но какъ не сохранилась она на югѣ? Развѣ вслѣдствіе совершеннаго опустошенія Татарскаго.

Были древнія житія Св. Леонтія Ростовскаго, Ефрема Новоторжскаго, Авраамія Смоленскаго, кн. Константина Муромскаго, Антоція Римлянина, Варлаама Хутынскаго, Евфросиніи Полоцкой, которыя дошли до насъ уже въ новѣйшихъ передѣлкахъ, сокращенныхъ или распространенныхъ.

п о с л а н і я.

Два посланія Печерскаго игумена *Теодосія* къ В. К. Изяславу: о Латинѣхъ, и объ употребленіи мясной пици.

Посланіе митрополита *Іоанна* къ Римскому папѣ Клименту III (1080—1100) о оирѣсноцѣхъ, писанное первоначально по Гречески, и переведенное въ тоже время на Славянской языкъ.

Іакова мнѣша, къ В. К. Изяславу Ярославичу (1054 — 1073) съ увѣщаніями противъ заоя и блуда.

Два посланія митрополита *Никифора*, къ Великому Князю Володимеру Мономаху: 1) объ отступленіи Латинъ отъ православной церкви, 2) о постѣ и вообще о нравственности, съ похвалою добродѣтелямъ Мономаховымъ.

Посланіе инока *Теодосія* къ (знакомаго съ Омирскими и риторскими кнѣгами), князю Святошѣ, при переведенномъ имъ посланіи папы Леонтія къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому на Евтихія, суемудраго и единомысленниковъ его.

Симона, епископа Владимирскаго (1215—1226) къ Поликарпу, черноризцу Печерскому посланіе, исполненное высокихъ нравственныхъ правилъ и чистыхъ понятій о достоинствѣ епископскаго званія, съ примѣрами изъ жизни Печерскихъ угодниковъ. Оно вошло въ составъ Печерскаго патерика, равно какъ и слѣдующее:

Посланіе *Поликарпа* къ Печерскому архимандриту Акиндиву. Здѣсь авторъ описываетъ житія другихъ Печерскихъ угодниковъ, какъ слышалъ ихъ отъ того же преосв. Симона, со включеніемъ многихъ историческихъ подробностей.

Есть еще множество произведеній древней Русской Словесности, кои скрываются безъ имени сочинителей, и даже подъ чужими именами, въ разныхъ нашихъ сборникахъ, напримѣръ слово неизвѣстнаго сочинителя, произнесенное до Татаръ въ день Св. Бориса и Глѣба, и нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ такъ называемой Златой цѣпи, древнемъ сборникѣ. Это—слова, дышущія простотою, искренностію, кротостію, и живо изображающія характеръ древней церкви и духовенства, равно какъ и патриархальность ихъ отношеній между собою.

Укажемъ на описаніе жизни и чудесъ Св. Николая, Мурликойскаго чудотворца, раздѣленное на 40 главъ. Въ главѣ 33-й, авторъ описываетъ одно чудо Св. Николая, совершившееся въ Царьградѣ при патриархѣ Керуларіѣ, (1043 — 1059), когда самъ авторъ находился въ Царьградѣ; въ главѣ 34-й рассказываетъ о другомъ чудѣ того же угодника, бывшемъ при Императорѣ Константинѣ или Мономахѣ (1042—1055), или Дукѣ (1059 — 1067); наконецъ въ 40-й главѣ повѣствуетъ о событіи Кіевскомъ, — о спасеніи Св. Николаемъ младенца, упавшаго въ Днѣпръ, — которое случилось къ концу XI вѣка.

Таково же слово на перенесеніе честныхъ мощей Св. Николая изъ Муръ Дикійскихъ въ городъ Баръ. Здѣсь сочинитель прямо говоритъ, что это чудесное перенесеніе

послѣдовало «въ нынѣшняя времена, въ *нашу* память, въ *наши* дни — лѣта, въ тысячное лѣто и 95-е отъ воплощенія Самаго Бога, при цари Гречестѣмъ и Самодръци Константина града Алексѣѣ Комнинѣ и патриарсѣ его Николѣ, а въ лѣто Рускихъ нашихъ князей, христіолюбиваго и Великаго князя нашего Всеволода въ Кіевѣ, и благороднаго сына его Володимера въ Черниговѣ.» Потомъ излагаетъ самую исторію перенесенія мощей Святаго Николая, подробно исчисляетъ совершенныя имъ при перенесеніи чудеса, повѣствуетъ о новой церкви, въ честь его устроенной, куда поставлены были его Св. мощи, и о новомъ въ честь его празднествѣ. Это русское сочиненіе несомнѣнно относится къ концу XI или къ самому началу XII столѣтія.

Климентъ Смолятичъ, митрополитъ Кіевскій, 1147 — 1155, по отзыву Кіевской лѣтописи былъ «книжникъ и философъ...; по другимъ лѣтописямъ: «зѣло книженъ и учителенъ и философъ велиій, и многа писанія написавъ предаде.» Ему приписываетъ арх. Филаретъ краспорѣчивое слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ.

Мы разсматривали духовное образованіе и произведенія духовной письменности.

Всѣ онѣ безъ исключенія представляютъ такое сердечное участіе, и вмѣстѣ такое глубокое убѣжденіе въ истинахъ христіанской религіи, соединенное съ такимъ искреннимъ чувствомъ челоуѣколюбія, что подають высокое понятіе о нравственномъ состояніи того народа, который могъ имѣть подобныхъ представителей, и въ такомъ множествѣ.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ содержанія мірскаго.

ЛѢТОПИСИ.

Преподобный *Несторъ* написалъ житіе Св. Бориса и Глѣба, житіе Св. Феодосія, и лѣтопись.

Вотъ свидѣтельства и доказательства—въ заключеніи Феодосіева житія онъ самъ себя называетъ такъ: се бо елико же выше о блаженѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Феодосіи, оспытовая, слышахъ отъ древнихъ меще отецъ, бывшихъ въ то время, тоже вписахъ азъ грѣшный Несторъ, мнѣи всѣхъ въ манастири блаженаго и отца всѣхъ Феодосія...

А въ началѣ: «се бо исперва писавшю ми о *житіи* и убіеніи и о чудесѣхъ святою и блаженною страстотерпцю, *Бориса и Глѣба*, понудихся и на другое исповѣданіе пріити...»

Лѣтопись приписывается ему, на основаніи словъ Поликарпа, инока Печерскаго, въ посланіи къ архимандриту Акиндину, который въ житіи Агапита ставитъ себѣ примѣръ Нестора: «яко же блаженный *Несторъ въ лѣтописцѣ* написа о преподобнѣхъ отцѣхъ, о Даміанѣ, Іереміи, и Матеѣи, и Исаакіи,» — и эти житія, въ этомъ же порядкѣ, находимъ мы въ дошедшей до насъ лѣтописи.

Поликарпъ и въ другомъ мѣстѣ, въ житіи святаго Никиты, называетъ Нестора лѣтописателемъ.

На нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи стоитъ имя Нестора, на другихъ: Черноризца Печерскаго Феодосіева манастиря.

Въ пещерахъ покоются мощи Нестора не книжнаго, въ противоположность Нестору лѣтописателю.

Къ числу доказательствъ, о тождествѣ сочинителя лѣтописи съ сочинителемъ житія

Феодосіева, Несторомъ, можно причислить и то, что въ лѣтописи не упоминаются тѣ событія изъ жизни Феодосіевой, которыя описаны въ житіи, и, наоборотъ, чтò есть въ лѣтописи, того нѣтъ уже въ житіи, напримѣръ о погребеніи, объ открытіи мощей.

Сомнѣніе можетъ происходить изъ слѣдующаго разнорѣчія въ житіи и лѣтописи: въ житіи Несторъ говоритъ, что онъ былъ принятъ въ монастырь Св. Феодосія преп. игуменомъ Стефаномъ, «и яко же отъ того остриженъ бывъ, и мнишескыя одежа сподобленъ, паки же и на дѣяконскій сапъ отъ него изведенъ сый,» а въ лѣтописи: «Феодосѣви же, живуццю въ монастыри, и правяццю добродѣтельное житіе и чернечское правило, и примающцю всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придетъ худый и недостойный рабъ, и пріять мя лѣтъ ми суццю 17 отъ роженья моего.» Можетъ быть это только обмолвка, неточность, очень извинительная, каковая встрѣчается часто и у новыхъ авторовъ въ сочиненіяхъ, между которыми прошло много лѣтъ: Несторъ былъ принятъ Феодосіемъ и постриженъ Стефаномъ, который послѣ сдѣлался игуменомъ. Во всякомъ случаѣ это сомнѣніе, недостаточно еще объясненное, должно уступить количеству и важности вышеприведенныхъ доказательствъ.

Расположенный отъ природы къ авторству, познакомясь, вѣроятно, съ лѣтописями Греческими, въ Болгарскихъ переводахъ, кои привозимы были къ намъ Болгарскими и Греческими монахами, Несторъ, написалъ два житія, и потомъ вознамѣрился написать Русскую лѣтопись. Примѣромъ ему служили Греческія лѣтописи, изъ которыхъ онъ предлагаетъ много выписокъ. Можетъ

быть онъ досталъ записки, веденныя на княжескомъ дворѣ о происшествіяхъ, можетъ быть монастырь получилъ ихъ съ порученіемъ княжескимъ объ ихъ обработкѣ. Какъ бы то ни было, Несторъ распространилъ и дополнилъ эти записки свѣдѣніями, отъ того или другаго лица слышанными, (на боярина Яна онъ самъ указываетъ), и самимъ, по врожденной любознательности, собранными изъ преданій, пѣсенъ, пословицъ; наконецъ онъ вставилъ цѣлыя сказанія, кои находились уже тогда въ оборотѣ, напр. о путешествіи св. Андрея Первозванпаго, о принятіи Св. Володимеромъ христіанской вѣры, и проч. Въ житіи Св. Бориса и Глѣба онъ самъ на это намекаетъ: се азъ Несторъ грѣшныи о жвтіи и о погубленіи, и о чудесѣхъ.... опасѣ въдущихъ исписая, *другая* самъ свѣда, отъ многихъ мало вписавъ,» и проч.

Лѣтопись Несторова доведена до 1111 г., впрочемъ онъ былъ живъ еще въ 1113 году, ибо этотъ годъ успѣлъ ввести въ свою хронологическую таблицу.

Лѣтопись его отличается правдивостію, безпристрастіемъ, любовію къ отечеству, искреннимъ благочестіемъ, — и во многихъ мѣстахъ естественнымъ краснорѣчіемъ. Это есть наше народное сокровище, безъ котораго мы не знали бы ничего, ни о нашемъ происхожденіи, ни о первыхъ судьбахъ нашего государства.*

Главныхъ списковъ Нестора — было шесть: харатейный Лаврентьевскій или Пушкинскій (1380 г.), до 1305 г., Ипатьевскій (конца XIV или начала XV в.), съ котораго списаны Хлѣбниковскій (XVI в. и

* См. ниже.

Ермолаевскій), Радзивиловскій (XV или начала XVI в.) Троицкій харатейный, (сгорѣлъ при Французахъ), Троицкій до 1319 г. на бумагѣ XV вѣка. Къ нимъ присоединился въ послѣднее время седьмой, также изъ XV вѣка, Погодинскій.

Несторъ нашелъ любозвательныхъ подражателей, которые сдѣлались его продолжателями, и мы имѣемъ, благодаря его примѣру, лѣтописи: Кіевскую, Новгородскую-Суздальскую, Волынскую.

Кромѣ этихъ продолжателей, явились особые сочинители, которые описывали тѣ или другія событія. Изъ нихъ самый примѣчательный былъ нѣкто *Василій*, современникъ Несторовъ, человекъ значительный, близкій къ князьямъ: случаясь въ 1096 году во Владимирѣ Волынскомъ, онъ былъ употребленъ тамошнимъ княземъ, Давыдомъ Игоревичемъ, для переговоровъ съ теземъ своимъ, княземъ Василькомъ Ростиславичемъ, который находился тамъ въ плѣну, и описалъ подробно всю исторію ихъ отношеній между собою, и свое посредничество. Описание его вставлено кѣмъ-то въ Несторову лѣтопись еще въ первое время по ея сочиненіи. Оно представляетъ такіа драгоцѣнныя черты, которыхъ не находимъ мы и у Нестора при всѣхъ его достоинствахъ. Василій въ этомъ отношеніи беретъ преимущество предъ всеми Русскими лѣтописателями, которые обыкновенно опускали характеристическія частности и подробности, живо изображающія время. Еслибъ мы имѣли лѣтописателей, подобныхъ Василію, то Исторія наша приняла бы другой видъ. Василію принадлежать безъ сомнѣнія и еще нѣсколько мѣстъ въ лѣтописи, начиная съ копчины Всеволодовой.

Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, переписалъ въ 1116 г. лѣтопись, со вставкою Василія, (а по одному позднѣйшему свидѣтельству продолжалъ ее), и его списокъ сдѣлался прародителемъ всѣхъ послѣдующихъ, повторяющихъ его приписку.

Продолжателей было вдругъ по два и по три—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимирѣ, отчего позднѣйшіе редакторы и переписчики, (а они только и дошли до насъ), еще легче могли сбиваться и повторять. По этой же причинѣ лѣтописи уходятъ одна передъ другими—годомъ и двумя.

Кіевская лѣтопись. Она есть непосредственное продолженіе Несторовой. Предметъ ея по преимуществу Кіевское великое княжество. Продолжатели Нестора писали сплошь, безъ раздѣленія, и именъ своихъ никогда не сказывали. Только по нѣкоторымъ примѣтамъ можно опредѣлить, что до 1200 года въ Кіевѣ ихъ было трое: первый отъ 1111 до 1132 или 1140, второй отъ 1140 до 1170 годовъ, третій до 1200.

Волынская лѣтопись, сколько ея дошло до насъ, имѣла двухъ авторовъ: одинъ жилъ около 1226 г., начавъ описывать съ 1200 годовъ. Другой принадлежитъ уже къ слѣдующему періоду, описывая 1289 годъ, какъ современникъ. Списки ея соединяются съ Кіевскою лѣтописью. Изложеніе имѣетъ особый характеръ и отличается любопытными подробностями.

Въ *Суздаль* было, кажется, два лѣтописателя: одинъ описывалъ княженіе Боголюбскаго и видѣлъ его погребеніе, другой жилъ около 1220. Начало Суздальской лѣтописи есть плохое сокращеніе Кіевской.

Она имѣетъ предметомъ въ особенности исторію Суздальскаго великаго княжества, и началась вѣроятно при В. К. Всеволодѣ. (Объ Андрѣѣ Боголюбскомъ должно быть особое сказаніе).

Новгородская лѣтопись, начинаясь сокращеніемъ Нестора, описываетъ подробно происшествія Новгорода съ 1120 годовъ, заключаая въ себѣ признаки древнѣйшихъ записокъ напр. о 1067 годѣ. Первый лѣтописатель, начавъ съ 1120 г. кончилъ около 1164, когда явился другой писавшій до 1200 года. Третьему принадлежитъ слѣдующее время. Лѣтопись велася вѣроятно при соборной церкви Св. Софіи. Она заключаетъ любопытныя черты о внутреннемъ бытѣ, о торговлѣ, цѣнахъ, отношеніяхъ къ Чуди и проч.

Ростовскій лѣтописецъ, о коемъ упоминаетъ епископъ Симонъ, пропалъ.

Такъ называемый *Переяславскій* есть только списокъ съ лѣтописи Несторовой и Суздальской съ мѣстными дополненіями о послѣднемъ времени.

Въ такомъ видѣ наши лѣтописи, съ Несторомъ въ основаніи, переписывались въ продолженіи XII, XIII, XIV вѣковъ. Въ слѣдующіе вѣка явились новые сочинители, которые брали Несторову лѣтопись съ продолженіями, какъ *матеріалъ*, и заимствовали изъ нея начало своихъ сочиненій, переработывая ее по своему, измѣняя болѣе или менѣе, повторяя ея слова, или употребляя собственныя, распространяя ее въ однѣхъ мѣстахъ, и сокращая въ другихъ.

Всѣ эти лѣтописатели были современниками описываемыхъ событій, и писали изъ года въ годъ, иногда даже изъ дня въ день,

приводя не только мѣсяцы, но и числа, дни, часы, событія, которыя какъ будто записывались немедленно по своемъ совершеніи.

Они были лицами почти служебными, которые въ исполненіе обязанности дѣлали свое дѣло, по повелѣнію князей. «Первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣваючи вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати,» говоритъ одинъ лѣтописатель (подъ 1409 г.). Въ монастыряхъ же производилась можетъ быть окончательная редакція. Описать, напр., 1146—1152 г., состоявшій изъ сотни происшествій нельзя было иначе, какъ не на мѣстѣ, при князѣ.

Лѣтописи наши отличаются *вѣрностію*. Что записывалось, то записывалось, какъ было, кратко, просто, ясно, безъ украшеній, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, безъ разсужденій, развѣ благочестивыхъ, принадлежащихъ уже къ редакторамъ. До самаго XVI вѣка вы не найдете пяти показаній, невѣрныхъ или умышленныхъ, и въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ единственное явленіе въ Европейской литературѣ. Шлецеръ уже отдавалъ преимущество имъ предъ западными, слишкомъ хорошо ему извѣстными, предъ всѣми прочими, а онъ зналъ наши лѣтописи и неполнѣ, и въ худыхъ спискахъ! Что сказали бы онъ, увидя всѣ источники, открытые въ послѣднее время?

Онѣ искренны, *безпристрастны*, и совершенно одинаковымъ тономъ рассказываютъ похвальныя дѣйствія своихъ князей, какъ и поносныя, не стараясь никогда не оправдывать никого, ни обвинять: разсмотрите сказанія ихъ объ Изяславѣ, или Всеволодѣ, или Боголюбскомъ—чистая правда, однѣ дѣла!

Съ одинакимъ безпристрастіемъ судять они дѣла полезныя для своихъ князей, какъ и вредныя. Давидовичи, на примѣръ (1146 г.), измѣнили своимъ родственникамъ, Игорю и Святославу, Ольговичамъ, въ пользу Кіевскаго Изяслава, и однакожъ Кіевскій летописатель выражается такъ: «лукавыи бо пронырливый дьяволъ, не хотая добра межи братьею, хотая приложити зло къ злу, и вложи има мысль не взыскати брата Игоря, ни помянути отечества и о Хрестѣ утверженія, ни божественныя любви, яко же бѣ лѣто жити братьи единомысленно укупѣ, блюдучи отечества своего; но переступиша крестное утверженіе, и забыша страха Божія, и посластася къ Изяславу: Игорь како то тобѣ золь былъ, тако и нама, а держи твердо. А къ Святославу посласта, рекоша; поиди изъ Новагорода Путивлю, а брата ся лиши.»

Точно то же должно сказать объ нихъ и въ отношеніи къ иностранцамъ: какъ передають они, на примѣръ, похвалы крестоносцамъ, положившимъ животь свой для освобожденія гроба Господня!

Они *нелицеприятны*, и учать князей наравнѣ съ простолюдинами: «1174 г. Андрей князь толикъ умникъ сы, ... и погуби смысль свой невоздержаніемъ, распольвся гнѣвомъ, такова убо слова похвална испусти (объ изгнаніи Ростиславичей изъ Русской земли, и о приведеніи къ нему Мстислава). Яже Богови студна и мерзка хвала и гордость, ся бо вся быша отъ дьявола на ны, иже всѣваетъ въ сердце наше хвалу и гордость.»

Вотъ какъ случается говорить имъ и объ архіереяхъ: 1160. «Чюдо сотвори Богъ и святая Богородица Володимерьская: изгна злаго и пронырливаго и гордаго лстеца, лзлаго Владыку Феодорца, изъ Володимеря,

отъ Святыя Богородица церкви Златоверхыя. и ото вся земля Ростовская... Сеже списахомъ, да не наскакають нѣдци на святительскій сапъ, по его же позоветъ Богъ.»

Благочестивы: всѣ успѣхи, по ихъ мѣнню, зависятъ отъ помощи Божіей, и принадлежать молитвамъ угодниковъ. 1111 г. «Ангель вложи Володимеру въ сердце (звать князей на Половцевъ)... падаху Половци... невидимо бѣеми ангеломъ... съ Божьею помощію, молитвами святыя Богородица и святыихъ ангель възратишася Русьстін князи.»

Всѣ несчастія приписываютъ они грѣхамъ людскимъ, дѣйствіямъ злаго духа, и безпрестанно повторяють: «сиче вся содѣвашася грѣхъ ради нашихъ.»

Ни одного случая не пропускають они, чтобы не присоединить наставленія на пользу души. «Виждь-те, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ,» говорятъ они, описавъ неожиданное избавленіе Мономаха отъ опасности, «на смиренныя и на праведныя призирая и мыца ихъ, а гордымъ Господь Богъ противится силою своею, а смиреннымъ же даетъ благодать.»

Или о жизни епископа Феодорца: «И сбышася слово Евагельское на немъ глаголющее: ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ; имъ же судомъ судите, судится вамъ; судъ бо безъ милости не сотворшему милости.»

Любятъ отечество. При всякомъ удобномъ случаѣ напоминають о Русской землѣ, и отъ души прославляютъ тѣхъ князей, которые дѣлали добро ему. Напр. 1125. «Преставися благовѣрный... христоролюбивый Великий князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, акы солнце луча пуцающа; его же

слухъ произиде по всемъ странамъ, напаче же бѣ страшнѣ поганымъ, братолюбець и нищелюбець и доброй страдалецъ за Русскую землю... Святители же жалеюще си плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людѣ.... яко же дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людѣ и сынове его.»

1175. Лѣтописатель, описывая убіеніе В. К. Андрея Боголюбскаго, обращается къ нему и говоритъ: «ты же, страсотерпче, молися ко Всемогущему Богу о племени своемъ, и о сродницѣхъ, и о земль Русской, дати мірови миръ.»

Они имѣють образованіе: знакомы очень хорошо съ Священнымъ Писаніемъ, и приводятъ часто мѣста изъ него, имѣють общія историческія и богословскія свѣдѣнія.

Говоря о внушеніи Мономаху ангеломъ мысли идти на Половцевъ, лѣтописатель приводитъ примѣры знаменій изъ исторіи Іерусалима, дѣлаетъ выписки изъ хронографовъ: «аще кто сему вѣры не имать, да потчетъ хронографа.»

Знають свою исторію, что видно изъ того, что припоминають иногда событія прежнія.

Въ особенныхъ случаяхъ заботятся объ украшеніи своей рѣчи; прочтите, напри- мѣръ, отпущеніе В. К. Суздальскимъ Всеволодомъ сына Константина княжить въ Новгородъ въ 1206 г., или заключеніе Кіевской лѣтописи 1199 года.

Описывая преемство князей, рожденіе и смерть ихъ, междоусобныя войны, набѣги иноплемениковъ, походы, строеніе церквей, посвященіе епископовъ и кончины ихъ, знаменія небесныя, — не вникая никогда въ причины дѣйствій, — не предлагая никакихъ

извѣстій о частной жизни, — лѣтописатели наши вообще сухи и однообразны. Но опытный, тщательный и проникательный изслѣдователь, найдетъ въ нихъ многія драгоцѣнныя черты, нечаянно приведенныя или намѣченныя, по коимъ можетъ, хотя и съ большимъ трудомъ, составить очеркъ времени.

Къ сожалѣнію всѣ эти лѣтописи дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ сокращеніяхъ, болѣе или менѣе полныхъ, о чемъ мы съ увѣренностію судить можемъ потому, что, напри- мѣръ, въ Кіевской лѣтописи встрѣчаемъ многія событія Суздальскія и Новгородскія, какихъ нѣтъ въ тамошнихъ лѣтописяхъ, и, на оборотъ, въ Суздальской и Новгородской есть извѣстія Кіевскія, какія опущены въ Кіевской лѣтописи. Наконецъ надо замѣтить, что многія ошибки принадлежатъ переписчикамъ.

Свѣдѣнія бытовыя (историческія), сохранившіяся въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ, велись и преданіемъ, между князьями, духовными лицами, и вообще людьми любознательными.

Напри- мѣръ подъ 1128 годомъ лѣтописъ воспоминаетъ о происхожденіи вражды между Ярославичами и Рогволодовичами.

1139. «Лѣпше ми,» говоритъ сынъ Мономаховъ, Андрей, «сѣдумавъ съ дружиною своею смерть на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженъ: отецъ мой Курьскъ не сѣдѣлъ, но въ Переяслави; хочю на своей отчинѣ смерть пріяти. Оже ти, братъ, не досити волости, всю землю Рускую держачи, а хочещи сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости; обаче не дивно нашему роду, такоже и переже было:

Святополкъ про волюсь ни не уби Бориса и Глѣба? а самъ чи долго поживе? но и здѣ живота лишень, а тамо мучимъ есть вѣчно.»

Подъ 1140 г. лѣтопись воспоминаеть о походахъ Мстислава на Половцевъ и о заточеніи Полоцкихъ князей.

1145. О плѣненіи Володаря: «той же зимѣ Владиславъ, Лядскій князь, емъ мужа своего Петрока, и слѣпи, а языка ему урѣза, и домъ его разграби, токмо съ женою и съ дѣтми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь. Яко же евангельское слово глаголетъ: ею же мѣрою мѣрять, възмѣрять ти ся—ты емъ Руского князя лестью Володаря, и умучивы и, и имѣніе его усхыти все, его же Богъ по нѣколицѣ днєвъ не прирѣъ о немъ же бѣ въ заднихъ лѣтѣхъ писано.»

1147. «Рече единъ человекъ» (изъ Кіевлянъ, при извѣстїи объ измѣнѣ Черниговскихъ князей) «по князи своемъ, ради, идемъ; но первое о семъ промыслимы, якоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославичѣ, высѣкше Всеслава изъ поруба али они, и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему. А се Игорьъ ворогъ нашего князя и нашъ, не въ порубѣ, но въ святѣмъ Оедорѣ, а убивше того къ Чернигову пойдемъ по своемъ князи; кончанмы же ся съ ними.»

1148. «Ты нашъ князь, ты нашъ Володимерь, ты нашъ Мстиславъ,» восклицаютъ Новгородцы, встрѣчая прїѣхавшаго къ нимъ Изяслава Мстиславича.

1149. «Се ми хочеть быти Ярославча смерть Изяславича,» говоритъ Андрей Боголюбскій, подвергаясь опасности въ сраженіи подъ Луцкомъ.

1152. «Пойде Изяславъ отъ Володимеря, съ полкъ своими, по королеви дорозѣ,

ею же бишетъ прїѣхалъ на Андрея на Володимерича съ Ярославомъ Святополчичемъ, его же и убиша ту у Володимеря.»

1154. «Положиша (В. К. Вячеслава) у Св. Софія, идѣже лежитъ Ярославъ прадѣдъ его, и Володимеръ отецъ его.»

1159. «Преставися Борисъ князь Дюргевичъ, мѣсяца мая въ 2 день, и положиша и братья въ церкви святою мученику, юже бѣ създалъ отецъ его Дюрги на Нерли, въ Кидекши, идѣже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба.»

1170. СЛ. Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ; но аще бо тако было, то велѣли ли имъ предвѣи князи крестъ преступати, или внукуы, или правнукуы соромляти, и проч.

1172. «...Богородица церковь десятинная въ Кіевѣ, юже бѣ создалъ Володимеръ, иже крестилъ землю, и далъ бѣ десятину церкви той по всей Руськой земли.»

1175. «Горе вамъ нечестивїи,» лѣтописецъ влагаеть въ уста Андрею Боголюбскому, на котораго папали убійцы, «что уподобистеся *Горляспру*.»

1178. Мстиславъ Ростиславичъ пошелъ войною на Полоцкаго князя: «ходилъ бо быше *дядь ею* на Новгородъ, и взялъ ерусалимъ церковный и сосуды служебныхъ, и погостъ одинъ завелъ за Полтескъ.»

1178. «Преставися князь Мстиславъ.... и положиша тѣло его въ той же гробницѣ, идѣже лежитъ Володимеръ, сынъ Великаго князя Ярослава Володимерича.»

1216. «Мы не хочемъ възмрети на конехъ,» говорятъ Новгородцы предводителю своему Мстиславу, въ Липецкой битвѣ» но яко отци наши билися на Колакшѣ пѣши.

1218. При описаніи убійствъ Рязанскихъ князей воспоминаются злодѣянія Святополковы.

Объ Ярославовыхъ грамотахъ упоминаетъ Новгородскій лѣтописатель. Данило заточеникъ о рѣчи Святославовой. Поликарпъ о Варягахъ Ѳеодоръ и Іоаннъ, умерщвленныхъ язычниками при В. К. Володимеръ, о свойствахъ князя Святополка Изяславича, и сына его Мстислава, о Святославѣ и Всеволодѣ Ярославичахъ, о Мономахъ, о дерзости Ростислава Всеволодича.

Пѣвецъ о полку Игоревѣ воспоминаетъ и Володимера, и Ярослава, и Мстислава, и Олега, и Всеслава, и Святослава Всеволодовича, и Ростиславичей.

Особыя сказанія, вошедшія въ составъ лѣтописей, и попадающіяся въ сборникахъ отдѣльно:

Объ ослѣпленіи Теребовльскаго князя, Василья Ростиславича, и его послѣдствіяхъ, — драгоценное сочиненіе какого-то *Василія*, переносящее въ древность, представляющее черты личныя и живыя. Сочинитель принималъ участіе во многихъ дѣйствіяхъ. Ему принадлежать, кажется, и другія извѣстія въ Несторовой лѣтописи, начиная съ княженія В. К. Всеволода.

Сказаніе о нападеніи Владимирскаго князя Андрея Боголюбскаго на Новгородъ.

Объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, которое внесено въ лѣтописи, Суздальскую и Кіевскую, съ разными подробностями, обличающими современника.

Повѣсть о взятіи Царяграда Латинами помѣщена въ Новгородской лѣтописи, вѣроятно, по извѣстіямъ очевидцевъ, подъ годомъ 1204.

Сказанія о Калькской битвѣ и о Батыевомъ нашествіи, написанныя очевидцами.

(Такъ точно и древнѣйшія сказанія: о пришествіи въ Русь св. апостола Андрея, о принятіи В. К. Володимеромъ христіанской вѣры, написаны были свачала особо, и послѣ внесены Несторомъ въ лѣтопись).

Другія сказанія не вошли въ лѣтописи, и встрѣчаются въ разныхъ сборникахъ, напр. сказаніе о построеніи В. К. Ярославомъ въ Кіевѣ на Златыхъ вратахъ церкви во имя своего ангела, св. Георгія, встрѣчается въ прологахъ.

Сказаніе о кончинѣ Черниговскаго князя Давыда Святославича сохранилось въ Степенной книгѣ, и попадаетъ особо въ сборникахъ.

Сказаніе объ основаніи церкви Печерской, исполненное поэзіи, сочиненіе *Симона*, епископа Владимирскаго.

ЗАКОНЫ.

Русская Правда *Ярославова* (1019—1054).

Русская Правда *сыновъ ея* (1054—1125).

Уставъ *Мономаховъ* (1113—1125).

Русская Правда, *распространенная* впоследствии, впрочемъ до Татаръ.

Эти подлинныя законы представляютъ живо и ясно бытъ нашего древняго общества и народа, отношенія его къ князьямъ, различныя сословія, судебныя обязанности, обычаи, признаки нравовъ.

Участіе же церкви въ судопроизводствѣ объясняется Греческими *Кормчими книгами*, переведенными у насъ издревле, и ихъ Русскими дополненіями.

ГРАМОТЫ КНЯЖЕСКІЯ.

Грамота Новгородскаго князя *Мстислава* Володимировича Юрьеву монастырю, около 1128—1132 г. съ разными примѣчательными указаціями.

Грамота Новгородскаго князя *Всеволода* Мстиславича, около 1135 года, данная созданной имъ церкви св. Іоанна Предтечи, съ важными подробностями о вощаной торговлѣ въ Новгородѣ, о купеческомъ обществѣ, о разныхъ сборахъ, о церковныхъ доходахъ.

Уставъ Новгородскаго князя *Святослава* Ольговича, 1137 г., Софійскому собору, о доходахъ, принадлежащихъ Новгородскому епископу, со множествомъ драгоценныхъ географическихъ данныхъ.

Грамоты Смоленскаго князя *Ростислава* Мстиславича, 1150 г., — важнѣйшія изъ найденныхъ въ послѣднее время. Изъ нихъ получаемъ мы вѣрныя свѣдѣнія о доходахъ княжескихъ и епископскихъ, со всеми ихъ составными частями, о разныхъ судахъ и обычаяхъ, о Смоленскихъ владѣніяхъ, о многихъ юридическихъ древнихъ терминахъ.

МОНАШЕСКІЯ ГРАМОТЫ.

Двѣ грамоты пр. *Антонія* Римлянина, (†1147 г.) одна—въ родѣ купчей, другая—въ родѣ завѣщанія.

Грамоты вкладныя препод. *Варлаама* (†1243 г.) Хутынскому монастырю на земли и рыбныя ловли.

Двѣ грамоты арх. Іоанна къ игумену Лукъ Архангельскаго монастыря, и къ Двинскимъ посадникамъ (1110 или 1165).

Грамотъ было много, но онѣ пропали. Укажемъ на нѣкоторые слѣды; напр. подъ 1156 г. говорится о грамотѣ патріарха къ

Новгородскому архіепископу Нифонту, о рукописаніи или жалобѣ митрополиту Константину на предшественника его Клима, и пр.

1185. С.І. Митрополитъ Никифоръ, (вслѣдствіе неудовольствія въ Ростовѣ), велѣлъ епископу Николѣ отписатися землѣ Ростовской.

Крестныя или *договорныя* грамоты князей между собою изъ этого періода всѣ пропали.

ТОРГОВЫЕ ДОГОВОРЫ.

Торговый договоръ Смоленскаго князя *Мстислава Давидовича*, 1228 года, съ Ригю, Готскимъ берегомъ и Нѣмецкими городами, въ коемъ сохранились многія любопытныя подробности о законахъ, правахъ, обычаяхъ, занятіяхъ, товарахъ Русскихъ.

Предположенный договоръ *Новгородцевъ* съ Любекомъ, около 1206 года, также богатый разнообразными свѣдѣніями о торговлѣ, и внутреннемъ состояніи Новгорода, равно какъ и объ отношеніяхъ къ иностраннымъ купцамъ.

П И С Ъ М А.

Письмо *Володимера Мономаха* къ двоюродному его брату, Олегу Святославичу, съ напоминаніями объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и разными историческими данными.

Письма были въ общемъ употребленіи:

Въ житіи *Феодосія* Несторовомъ упоминается о частыхъ письмахъ его къ В. К. Святославу Ярославичу.

Мономахъ упрекаетъ Олега Святославича, за чѣмъ онъ не прислалъ къ нему письма утѣшительнаго о гибели его сына на сраженіи (1096).

Симонъ, епископъ Владимирскій, говорить о письмѣ къ нему *Верхуслavy* Рюриковны, касательно посвященія Поликарпова въ епископы: аще ми и тысяща серебра расточати тебѣ ради, и Поликарпа ради, и проч.

Онъ же упоминаетъ о письмѣ къ нему Поликарпа.

Въ прологѣ читается о многихъ посланіяхъ *Кирилла*, епископа Туровскаго, къ Андрею Боголюбскому.

1164. «Исписавъ грамоту (Черниговскій епископъ Антоній), и посла къ Всеволодичю, река тако: стрый ти умерлъ, а по Ольга ти послали, а дружина ти по городомъ далече... Святославъ же прочте грамоту въ борзѣ и посла сыпъ свой.»

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Паломникъ или хожденіе *Даніила*, Русскія земли игумена. Сей путешественникъ, по сираведливому замѣчанію Карамзина, могъ быть Юрьевскимъ епископомъ Даніиломъ, посвященнымъ въ 1113 году. Даніилъ поставилъ лампаду надъ гробомъ Спасителя, и записалъ въ обители свят. Саввы для поминанія на ектеніяхъ имена князей Русскихъ, (своихъ современниковъ), Святополка-Михаила, Володимера-Василія, Олега-Михаила, Глѣба Минскаго и проч. Путешествіе его должно относиться къ 1112—1115 г. при жизни В. К. Святополка, и предъ походомъ короля Латинскаго Балдуина противъ Дамаска 1114—1115 г.

Путешествіе въ Царьградъ *Антонія*, архіепископа *Новгородскаго* (1200 г.) неиздано.

ПОУЧЕНІЕ.

Володимера Мономаха (1098 года), или духовная, лучше сказать его *автобіо-*

графія, въ коей живо представляется намъ вообще древняя княжеская жизнь и занятія, кромѣ драгоцѣнныхъ подробностей, относящихся лично до этого примѣчательнѣйшаго князя въ нашей древности.

Чтобъ познакомить читателей съ сочинителями и ихъ сочиненіями, языкомъ, слогомъ и образомъ мыслей, приведемъ нзъ нихъ отрывки.

Лука Жидята. (Начало слова, по переводу Преосв. Филарета).

«Прежде всего должны мы, братія, хранить сію заповѣдь—вѣровать во единого Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца, Сына и Св. Духа, какъ поучали апостолы, и утвердили Св. отцы. «Вѣрую во единого Бога» и пр. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, вѣчной мукѣ грѣшниковъ. Не лѣнитесь ходить въ церковь, къ заутрени, къ обѣднѣ, къ вечерни; и въ своей кѣлтѣ, отходя ко сну, поклонись Богу, а потомъ уже ложись на постель. Въ церкви стойте со страхомъ Божиимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молитѣ Бога, всею душею, да проститъ вамъ Богъ грѣхи. Имѣйте любовь ко всякому человѣку, а больше къ братіи; не будь у васъ на сердцѣ одно, а на устахъ другое. Не рой брату яму, чтобы тебя не ввергнулъ Богъ въ худшую. Люби правду, и за правду, за Божій законъ, готовъ будь умереть, чтобы Богъ причелъ тебя къ святымъ. Переносите другъ отъ друга обиду, не платите зломъ за зло, другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другіяхъ, чтобы не назвали тебя сыномъ дьявола: помни, да будешь сыномъ Богу.—Неосуждай брата и мысленно; помни свои грѣхи, чтобы и тебя Богъ не осудилъ. Милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ сиротамъ (рабамъ) будьте милостивы; тотъ весьма милостивъ, кто оберегаетъ отъ скорби своихъ домашнихъ. Бѣсовскихъ игрищъ (москолудства) творить не слѣдуетъ, также какъ и говорить срамныя слова и

сердиться ежедневно; не унижай другихъ, не смѣйся ни надъ кѣмъ; въ вапастн терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны и горды, а считайте другихъ лучшими себя, — помните, что можетъ быть завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смирны, кротки, не многорѣчивы; чтобы быть и слушателями и исполнителями закона Божія; у гордаго въ сердцѣ діаволь, и Божіе слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго чловѣка и родителей своихъ. Не клянитесь именемъ Божиимъ, и другаго не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите. Денегъ въ ростъ не отдавайте. Бога бойтесь, князя чтите; рабы повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убивай, не крадь, не лги, живымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клеветчи, блуда нетвори ни съ рабою, ни съ кѣмъ-либо другимъ; не пей не во время, и пей умѣренно, а не до пьянства; не будь гнѣвливъ, ни дерзокъ; съ радующимся радуйся, съ печальными будь печаленъ; не ѣшьте нечистаго; святые дни чтите. Богъ же мвра со всѣми...»

Начало по подлиннику:

„Се, братіе,—первѣе всего сію заповѣдь извѣстно должны есмы вси крестіане держати: вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, якоже научили Апостоли, святіи отци утвердиша: вѣрую въ единого Бога до конца. Вѣруете же ми крѣсенію и жизни вѣчнѣи и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣи. Не лѣнитесь къ церкви ходити, и на заутреню и на обѣдню, и на вечерню; и въ своей клѣтѣ хотя спати, Богу поклонився, толико на постели лязи. Въ церкви предстонте со страхомъ Божиимъ: не молви рѣчи, но ни мысли, но молв Бога всею мыслію, да отдасть ти Богъ грѣхи. Любовь имѣйте со всяцѣмъ чловѣкомъ, а болѣе з братією, и не буди ино на сердци, а ино въ устѣхъ; подъ братомъ амы не рои, да тебѣ Богъ въ горшаа тои не врнеть,» и проч.

Сочиненія преп. *Теодосія*, которыя до нынѣ остаются извѣстными, большею частію, только по имени, и изъ которыхъ однѣ сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, можно раздѣлить на четыре класса, говорить преосвященный Макарій.

Къ первому принадлежать два поученія его, обращенныя вообще къ народу Русскому; ко второму—девять поученій, сказанныхъ собственно Кіево-Печерскимъ инокамъ; къ третьему—два посланія къ В. Князю Изяславу; къ четвертому—двѣ молитвы къ Богу.

Первое поученіе къ народу, сохранившееся въ полномъ составѣ называется: «Почуеніе блаженнаго Теодосія, игумена Печерскаго, о казняхъ Божіихъ». Оно написано, вѣроятно, по случаю нашествія Половцевъ на землю Русскую въ 1067 году, и пораженія Ярославичей, потому что подъ этимъ годомъ летописецъ дѣлаетъ изъ него извлеченіе. Въ словѣ можно различать двѣ главныя части. Въ первой проповѣдникъ говоритъ вообще о причинахъ казни Божіихъ.

«Богъ наводитъ какую-либо казнь или иноплеменниковъ, по гнѣву своему, за то, что мы не обращаемся къ Нему; а междоусобная брань бываетъ по вауценію отъ діавола и отъ злыхъ людей. Богъ не хочетъ зла людямъ, но добра; а діаволь радуется всякому злу, совершаемому между людьми: онъ издревле врагъ намъ, хочетъ убійства, кровопролитія, воздвигая свары, зависть, братонасидѣніе, клеветы. Потому если какая-либо страна согрѣшаетъ, Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплеменниковъ, или бездождіемъ и другими различными казнями, чтобы мы, покаившись, жили такъ, какъ Богъ велитъ, вѣщая намъ чрезъ

Пророка: *обратитесь ко Милъ всемъ сердцемъ вашимъ въ постъ и въ плачи.* Если бы мы пребывали въ заповѣдяхъ Божіихъ, то и здѣсь удостоились бы получить блага земныя, и по отшествіи изъ міра жизнь вѣчную. Но мы постоянно возвращаемся въ нечестіи, прилагая грѣхи ко грѣхамъ, во всемъ прогнѣвая Бога, совершая то предъ очами Его. И исполняются на насъ слова Его, сказанныя чрезъ Пророковъ... Посему-то за творяетъ Богъ небо, не даетъ дождя, посылаетъ градъ, погубляетъ морозомъ плоды, томитъ землю зноемъ за наши беззаконія. А если мы покаемся отъ злобъ нашихъ, то, какъ чадамъ, Богъ подастъ намъ вся благая, *и одождитъ вамъ дождь ранній, и поздній, и наполнятся гумна ваша пшеницы.* Слыша это, подвигнемся на добро: взывайте судъ, избавьте обидимаго и приндите на покаяніе, не воздавая зломъ за зло, ни клеветою за клевету; но обратимся любовію къ Господу, постомъ и рыданіемъ и слезами омывая грѣхи своя, не словомъ называясь христіанами, а живя язычески.

Во второй части поученія проповѣдникъ обличаетъ слушателей въ нѣкоторыхъ частныхъ заблужденіяхъ и порокахъ, господствовавшихъ въ его время, и преподааетъ свои наставленія. ...Прежде всего указываетъ на остатки язычества:

«Не по язычески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ чернеца или черницу, или свинью, или лысаго коня, то возвращается назадъ: развѣ это не по язычески? Такого суевѣрія держатся по наученію отъ діавола. Иные вѣрятъ чиханью, которое часто бываетъ на здравіе главѣ; но этимъ обольщаетъ діаволь, равно какъ и другими обычаями испушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, *рљвоиманіемъ, приклады* (ростомъ или лихвою), воровствомъ, лжею, завистию, клеветою, зубами (дракою), скоморошествомъ, гуслими, сопелями и другими играми и непотребными дѣлами.»

Потомъ — укоряетъ за непристойное стояніе въ церкви, и учитъ достойно молиться Богу:

«И вотъ еще, когда стоимъ въ церкви, какъ смѣемъ мы смѣяться или творить шепотъ? Припадетъ окаанный діаволь и внушаетъ намъ творить смѣхъ и шепотъ и другія непотребства, когда мы стоимъ въ церкви предъ Царемъ небеснымъ: какой муки мы за это не достойны!... Молю васъ, братіе, да стоимъ на молитвѣ со страхомъ и любовію другъ ко другу, и, молясь вопстпну, будемъ звать: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою, воздѣланіе руку мою.* Если руки твои не совершали никакаго грабежа, хорошо говорить: *воздѣланіе руку мою.* Потому осматривай руки твои, и испытывай, чисты ли онѣ отъ грабежа и мздопнства. Если же ты грабилъ и бралъ лихву и борчемный прикупъ, или кого пріобдѣлъ чѣмъ-либо, что запретило Святое писаніе, то не говори, не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла»....

Далѣ преподааетъ урокъ касательно постовъ и праздниковъ:

«Вѣдайте и то, возлюбленные чада, что Св. Отцы наши устали востные дни по наученію Господню и по заповѣди Св. Апостоловъ, и заповѣдали праздновать св. праздники не тѣлесно, но духовно, чтобы мы не чреву работали неприличнымъ пьянствомъ, но молились Богу о своихъ согрѣшеніяхъ, кормили съ собою немощныхъ, питая тѣло земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ, которое называется хлѣбомъ ангельскимъ, и снесено съ неба въ священныхъ книгъ, и все это творили съ любовію, безъ которой никакая добродѣтель не приноситя Богу, живя въ мрѣ не только съ друзьями, но и съ врагами.

«Наконецъ—съ особенною силою возстаетъ противъ пьянства:

«О горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ

отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; чрезъ пьянство удаляемъ отъ Св. Духа и приближаемся къ аду... Бѣсы радуются нашему пьянству, и, радуясь, приносятъ диаволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Диаволь, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами язычниковъ, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали Св. отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отлучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питья: ибо вино—пьянство злое, а вино—питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божию»...

Слыша это, братіе, подвигнемся работать Господу и творить заповѣди Его, и проживемъ въ законѣ Его вся дни живота нашего о Христѣ Иисусѣ, ему же слава со Отцемъ и Св. Духомъ нынѣ и присно.»

Заключеніе по подлиннику:

«О горе, паки реку, о горе—пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ ангела хранителя своего отгонимъ отъ себе, и злаго бѣса привлечимъ къ себѣ, и Святаго Духа далече есмы пьянства ради, а близъ ада, и слова Божія не имуще въ устѣхъ своихъ, гнили ради пьянственныя. Бѣсы бо ради бываютъ о нашемъ пьянствѣ, и радующеся приносятъ къ диаволу жертву пьянственную отъ пьяницъ; диаволь же, радуясь, глаголетъ: яко николи же тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьянствѣ христіаныхъ; вся бо дѣла моего хотѣнія, въ пьяницахъ суть. Ангелы же святіи, приходяще, повѣдали се святымъ отцамъ с печалію великою, да быша писаніемъ отлучили христіанъ отъ пьянства, а не отъ питья: ино бо пьянство есть злое, а ино питье в мѣру, и в законъ, и в подобно время, и в славу Божию.

Се слышаще, братіе, подвигнемся работати Господеву, и заповѣди Его творити, и въ законѣ Его проживемъ вся дни живота нашего, о Христѣ Иисусѣ, ему же слава съ Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно.»

Поученія къ братіи обнаруживаютъ и слабыя стороны иноческой жизни въ Кіево-Печерской обители, неизвѣстныя изъ писаній преп. Нестора, который желалъ выставить преимущественно свѣтлую сторону родной обители въ назиданіе потомству.

Наконецъ, посланія къ Великому Князю Изяславу ясно обозначаютъ тѣ религіозныя вопросы, какіе занимали тогда самихъ нашихъ князей.

«Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру, и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, будетъ ли то еретикъ, или латынянинъ, всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется... Когда ты встрѣтивши, что иновѣрные состязаются съ вѣрными, и хотятъ лестію отвлечь ихъ отъ правой вѣры, помоги своимъ познаніями правовѣрнымъ противъ еривовѣрныхъ, и ты избавишь овца изъ устъ львовыхъ... Если кто скажетъ тебѣ ту и другую вѣру далъ Богъ, — ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли, что написано: *единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе?* И не сказалъ ли Ап. Павелъ: *еще и ангелъ, благовѣститъ вамъ, паче еже благовѣстномъ вамъ, а наоума да будетъ.*»

Отрывокъ изъ молитвы:

«Владыко, Господи, челоуѣколюбче! Вѣрныхъ, Господи, утверди, да будутъ еще болѣе вѣрны; неразумныхъ, Владыко, разуми; язычниковъ, Господи, обрати къ христіанству, да будутъ нашими братіями; находящихся въ темницахъ, или въ оковахъ, или въ нуждѣ, избави, Господи, отъ всякой печали. Пребывающимъ въ затворахъ, и на столпахъ и въ пещерахъ, и въ пустынѣхъ братіямъ нашимъ подаждь, Господи, крѣпость къ подвигу. Помилуй, Господи, князя

нашего, и градъ сей, и всѣхъ живущихъ въ немъ, помилуй милостію Твоею и мене, раба Твоего грѣшнаго: спаси Господи, и помилуй епископа нашего и весь монашескій чинъ, со іереями, діаконами и всѣми православными христіанами Помилуй. Господи, находящимся въ бѣдности, и озлобленнымъ нищетою подаждь богатую милость, ради молитвъ св. Богородицы.. И упокой, Господи, души рабовъ Твоихъ, правовѣрныхъ князей нашихъ и епископовъ, и всѣхъ сродниковъ нашихъ по плоти, умершихъ во градахъ и селахъ и въ пустыняхъ, и на пути, и въ морѣ, упокой ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ ликѣ Святыхъ, въ оградѣ благаго рая и жизни безконечной, въ неизглаголанномъ, и немерцаемомъ свѣтѣ лица Твоего: Ты еси покой и воскресеніе усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе Боже нашъ, и Тебя славимъ со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно.»

Поученія Θεодосія, указывая на нѣкоторые недостатки и пороки народныя, имѣютъ историческое значеніе, кромѣ внутреннихъ достоинствъ.

Іаковъ мнихъ, черноризецъ, написалъ сказаніе о Св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, житіе Св. Владиміра, похвалу ему, посланіе къ В. К. Ізяславу-Димитрію.

Іакову мниху надписано правило церковное Митрополита Іоанна.

Судя потому, что преподобный Θεодосій назначилъ его себѣ преемникомъ, что Митроп. Іоаннъ надписалъ ему свое церковное правило, и что онъ писалъ смѣлое назидательное слово В. К. Ізяславу, своему духовному сыну, должно считать его мужемъ славнымъ между современниками, какъ святою жизнію, такъ и образованіемъ. Вообще и сказаніе, говоритъ Преосвящен. Макарій, о св. мученикахъ, и разсказъ о чудесахъ ихъ, составлены довольно

искусною рукою, изложены довольно ясно, послѣдовательно и занимательно, проникнуты любовію къ св. мученикамъ, и по мѣстамъ одушевленіемъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ или представляетъ мучениковъ говорящими, или изливаетъ предъ ними свои чувства.

Вотъ, напримѣръ, какія сѣтованія влагаются сочинителемъ въ уста Св. Борису, получившему вѣсть о смерти отца своего и о замыслахъ Святополка.

«Увы мнѣ, свѣтъ очей моихъ, сіяніе зари моея, бразда юности моея, наставленіе неразумія моего! Увы мнѣ, отче мой, господине мой! И къ кому прибѣгну, на кого воззрю, или гдѣ насыщуся такого благаго ученія, какъ прежде отъ разума твоего? Увы мнѣ, улы мнѣ! Какъ зашелъ ты, свѣте мой, когда я не былъ тамъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, могъ я погребсти честное тѣло твое, и предать его робу своими руками? Но я не сподобился нести мужественнаго тѣла твоего, не сподобился цѣловать добродѣльныхъ сѣдинъ (?) твоихъ. О блаженниче мой, помани мя въ покой твоимъ! Сердце мое горитъ и душа смущается, и не знаю, къ кому обратиться, и предъ кѣмъ излить горькую печаль мою. Къ брату ли Святополку, котораго я имѣлъ вмѣсто отца? Но думаю, что онъ печется о мірскомъ и суетномъ, и помышляетъ о убійствѣ моемъ... Чтожъ скажу, или что сотворю? Пойду къ брату моему и скажу ему: ты будь мнѣ отцомъ, ты мнѣ братъ старѣйшій,—что повелишь мнѣ, господине мой?

Вотъ слова Святаго Глѣба предъ тѣмъ какъ убійцы устремились на него, и когда онъ прощался съ жизнію: «Спасися, милый отче мой и господине Василіе! спасися, мати и госпожа моя! спасися, брате Борисе, старѣйшину юности моея! Спасися брате,—споспѣшителю Ярославле! Спасися и ты, брате мой и враже Святополче! Спаситесь и вы братія моя и дружина, спаситесь всѣ! Уже я не увижу васъ въ житіи семъ: потому

что меня разлучаютъ съ вами насильно... Василіе, Василіе, отче мой! Приклони ухо твое, и услышь гласъ мой; призри и виждь, что приключилось чаду твоему, какъ безъ вины закаляютъ меня. Увы мнѣ, улы мнѣ! Слыши небо, и внуши землѣ! И ты, брате мой Борисе, услышь гласъ мой! Отца моего Василія позвалъ, и онъ не послушалъ меня; ужели и ты не захочешь меня послушать? Взгляни на скорбь сердца моего и азву души моея; посмотри на потоки слезъ моихъ, и какъ никто не впемлетъ мнѣ: помани же хоть ты меня, и помолись о мнѣ общему Владыкѣ, имѣя дерзновение и предстою у престола Его.»

Или вотъ отрывки изъ похвалы Свят. мученикамъ, заключающей сказаніе:

„Какъ похвалить васъ, не знаю, и что сказать недоумѣваю. Назову-ли васъ ангелами, потому что вы быстро являетесь вблизи скорбящихъ? Но вы пожили на землѣ во плоти, какъ люди. Наименую-ли васъ царями и князьями? Но вы были просты и смиренны болѣе всякаго, и смиреніемъ стяжали небесныя жилища. По истинѣ вы цари царямъ и князи князьямъ нашимъ! Ибо вашимъ пособіемъ и защищеніемъ они державно побѣждаютъ враговъ своихъ, и вашу помощь хвалятся. Вы—имъ и намъ оружіе, вы земли Россійской забрало и утверженіе и мечъ обоюду острый, которымъ побѣждаемъ языческую дерзость, и попираемъ діавола. По истинѣ могу сказать: вы небесныя чело-вѣки и земныя ангелы, столпы и утверженіе земли нашей... О, блаженные гробы, пріявшіе честныя тѣла ваши, какъ сокровище многоцѣнное! О, блаженная церковь, въ которой поставлены Св. раки ваши, угодики Христовы! Блаженъ, поистинѣ, и высокъ болѣе всѣхъ городовъ Русскихъ Вышгородъ, имѣющій у себя такое сокровище, которое дороже всего міра! Справедливо онъ названъ Вышгородомъ, какъ высшій всѣхъ городовъ, имѣя въ себѣ врачество безмездное, которое даровано Богомъ не

одному нашему языку, но и всей землѣ: потому что отъ всѣхъ странъ приходятъ, и туе приѣмлютъ тамъ исцѣленіе... О блаженные страстотерпцы Христовы? не забывайте отечества своего, въ которомъ пожили вы по плоти, посѣщайте его, и въ молитвахъ всегда молитесь о насъ: вамъ дана благодать молиться за насъ... Гладь и озлобленіе отгоните отъ насъ, отъ всякаго браннаго меча и междоусобія брани избавьте насъ, и заступите насъ отъ всякаго *грѣхо паденія*, уповающихъ на васъ...»

Житіе Св. Володимера заключается молитвою писателя:

«О святые цари Константине и Владимире! Помогайте на сопротивныхъ сродникамъ вашимъ, избавляйте отъ всякой бѣды людей Греческихъ и Русскихъ, и о мнѣ грѣшномъ молитесь Богу, какъ имѣющіе дерзновение предъ Нимъ, да спасусь вашими молитвами. Молюсь и преклоняю васъ на милость писаніемъ сей малой грамоты, которую, похваляя васъ, написалъ я недостойнымъ умомъ и невѣжественнымъ мнѣмъ смысломъ. Вы же, Святые, молясь о насъ, о людяхъ своихъ, примите въ сомолитвенника къ Богу чадъ вашихъ, Бориса и Глѣба, да всѣ виѣстѣ возможете умолить Господа, съ помощію силы честнаго Креста, и молитвами Пресвятой Богородицы, Госпожи нашей и со всѣми святыми.

Въ похвалѣ Святому Володимеру, Іаковъ между прочимъ говорить:

«О блаженный и треблаженный княже Владимире, благовѣрне, и христолюбиве, и страннолюбче! Мзда твоя весьма многа на небесахъ... Самъ Господь сказалъ: *иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствіи небесномъ*. А ты, о блаженный княже, былъ апостолъ изъ князей, приведши къ Богу всю землю Русскую Св. крещеніемъ, и научивъ людей своихъ кланяться Богу, славить и пѣть Отца и Сына и Свят. Духа. И всѣ люди земли Русской тобою познали Бога, божественный княже Володимере!

Возрадовались тогда ангельскіе чины, а нынѣ радуются вѣрніи и воспѣваютъ, и восхваляютъ. Какъ отроки Еврейскіе, встрѣтивъ съ вѣтвями Христа, вопіяли: осанна Христу Богу, побѣдителю смерти, такъ и новозбранные люди Русской земли вновь восхваляли Владыку Христа съ Отцемъ и Св. Духомъ, приблизившись къ Богу Св. крещеніемъ, отвергшись діавола и служенія ему... и поютъ во всѣ дни живота и на всякій часъ пѣснь чудную, хвалу архангельскую: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе...

Обращаясь за тѣмъ къ Св. Ольгѣ, сочинитель восклицаетъ:

«О какъ похвалю блаженную княгиню Ольгу, братіе, — не знаю. Тѣломъ будучи жена, имѣла мудрость мужескую, просвѣщенная Духомъ Святымъ, уразумѣвъ Бога истиннаго, Творца неба и земли, пошла она въ землю Греческую, въ Царьградъ, гдѣ цари христіане, и христіанство утвердилось, и пришедши, просила себѣ крещенія, а пріявъ св. крещеніе, возвратилась въ землю Русскую, въ домъ свой, къ людямъ своимъ, съ радостію великою, освященная Духомъ Святымъ, неся съ собою знаменія Честнаго Креста. И потомъ требница бѣсовскія сокрушила, и начала жить о Христѣ Иисусѣ, возлюбивъ Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею пошла во слѣдъ Господа Бога, освятившись всѣми добрыми дѣлами, украсившись милостынею, нагихъ одѣвая, жаждущихъ напоая, странниковъ упокоевая, нищихъ, вдовицъ и сиротъ — всѣхъ милуя, всѣмъ подавая потребное съ тихостію и любовію сердца, и моля Бога день и ночь о спасеніи своемъ. И такъ поживши и достойно прославивъ Бога въ Троицѣ, Отца и Сына и Святаго Духа, почила въ благой вѣрѣ, скончала житіе свое съ миромъ о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ..»

Послание Черноризца Іакова къ Великому князю Дмитрію (Изяславу) — все содержанія нравственнаго. Сначала Іаковъ, какъ

духовный отецъ, извѣщаетъ князя, что получилъ его посланіе—весьма смиренное, похваляетъ его раскаяніе, говоря что всѣ ангелы радуются на небеси о покаяніи одного человѣка, самъ Господь хочетъ обращенія, а не смерти грѣшника, что Онъ и на землю сходилъ не для праведниковъ, а для грѣшниковъ, что жертва Богу духъ сокрушенъ, и разрѣшаетъ своего духовнаго сына отъ всѣхъ его грѣховъ, заповѣдая ему молиться Богу отъ сердца. Не довольствуясь преподаваніемъ одного разрѣшенія отъ грѣховъ, Іаковъ преподаетъ далѣе князю наставленія, чтобы исправить его на будущее время.

«Что же, ужели мы сдѣлаемся слабѣе, когда прежнее миновало (прощено)? Нѣтъ,—но будь всегда бодрымъ стражемъ тѣлу твоему. Блюдись запойства, потому что оно удаляетъ отъ насъ Свят. Духа,—гордости, потому что гордымъ Богъ противится, — беззаконнаго смѣшенія, потому что *всякъ грѣхъ, его же аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй во свое тѣло созрѣшаетъ.* Противъ послѣдняго порока писатель вооружается съ особенною силою, говорить о томъ вредѣ, какой могутъ причинить человѣку, жены любодѣйцы, указываетъ на примѣры паденія отъ нихъ мужей достойныхъ, — на Сампсона, Давида, Соломона и другихъ, и убѣждаетъ юнаго князя бороться съ плотскою похотію, побуждать ее страхомъ Божиимъ, довольствоваться своею законною женою и жить въ чистотѣ, какъ бы въ святой церкви.»

Послѣ этого слѣдуютъ другія наставленія: Іаковъ заповѣдуетъ князю быть благо-разумнымъ, чтобы отъ одного грѣха не происходило многихъ, не мстить врагамъ, быть терпѣливымъ и великодушнымъ, по примѣру Господа, столько потерпѣвшаго за насъ, любить ближнихъ,—потому что не какими-либо чудесами, а только взаимною

любовию другъ къ другу, какъ сказалъ Господь, мы можемъ доказать, что мы его ученики.

«Впрочемъ, — продолжаетъ Иаковъ, — если ты хочешь и чудеса творить по приѣру Апостоловъ и это возможно. Они врачевали хромыхъ, исцѣляли сухорукихъ: а ты храмлющія въ вѣрѣ научи, и ноги текущихъ на игрища обрати къ церкви, руки взсохшія отъ скупости, сдѣлай простертыми на подаваніе нищимъ. Можешь, если хочешь, быть подражателемъ и Святыхъ. Нынѣ уже нѣтъ такихъ гоненій, но время для стяжанія такихъ же вѣнцевъ не прошло: потому что не прекратилась брань діавола. Не преслѣдуютъ насъ люди, но преслѣдуютъ бѣсы; нѣтъ мучителей, но есть діаволъ.»

Преподавъ еще нѣсколько уроковъ, упомянувъ о скоротечности жизни и невѣстности послѣдняго часа, о страшномъ судѣ, объ огнѣ геенскомъ, сочинитель наконецъ заключаетъ:

«Все это, не лаская, тебѣ написалъ я, и не по желанію показать, что я знаю, или что я самъ творю доброе; но, Богъ свидѣтель, написалъ отъ любви и отъ печали о душѣ твоей, чтобы ты преуспѣвалъ въ добрѣ. А ума моего слабость самъ знаешь; разумъ мой несовершенъ и исполненъ всякаго невѣдѣнія, этого скрыть нельзя. Св. Павелъ сказалъ Коринѳянамъ: *аще изумлюхомся то Богови, аще умудрихомся то вамъ.* Не уничижаю силы Божіей всемогущей, не отмечаю дара, туне мнѣ даннаго. Отъ скверныхъ дѣлъ и негоднаго сердца, отъ нечистой души, грубаго ума и нестройной мысли, отъ безстыднаго языка и нищихъ устъ—вотъ слово богатое и умноженное силою и разумомъ Св. Троицы; ни на небеса горѣ, ни на земли долгу, нѣтъ ничего важнѣе, какъ знать Господа, повиноваться десницѣ Его, творить волю Его, соблюдать заповѣди Его. Одно имя великое не введетъ въ царство небесное, и слово, не сопутствуемое дѣлами, не въ пользу слышащимъ, а сопутствуемое дѣлами становится достойнымъ вѣры.»

Заключеніе по подлиннику:

И моего ума самъ вѣси разумъ не съвершенъ и всякаго невѣдѣнія исполнь,—крыти не мощно. Павелъ къ Коринѳеямъ рече: аще изумлюхомся, то Богови; аще ли умудрихомся, то вамъ. Не уничижаю силы Божіа всемогущія, ни отmeshу дара, туне даннаго ми. Отъ сквернаго дѣла, и отъ скареда сердца, и отъ нечисты души, и отъ груба ума, нестройны мысли, отъ бестудна языка, и отъ нищу усту слово богатое силою, разумомъ Св. Троица умножено. Ни на небеса горѣ, ни на земли долѣ, ничтоже боле сего, еже знати Господа, повиноватися десници Его, и творити волю Его, и блюсти заповѣди Его. Имя бо велико не введетъ въ царство небесное, ни слово бездѣлно плъзу слышащимъ: слово бо, дѣлы утворено, вѣры достойно ся творить.

Несторъ. Отрывокъ изъ житія Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, по переводу преосвященнаго Макарія.

«Между тѣмъ, какъ повсюду умножались христіане, и требища идольскія были упразднены, страна Русская оставалась въ прежней прелести идольской: потому что она не слышала ни отъ кого слова о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ; не приходили къ нимъ (Русскимъ) апостолы, и никто не проповѣдовалъ имъ слова Божія... Но когда соблаговолилъ небесный Владыка, то въ послѣдніе дни помилловалъ ихъ, и не далъ имъ до конца погибнуть въ прелести идольской. Былъ въ то время обладателемъ всей земли Русской князь Владимиръ, мужъ правдивый, милостивый къ нищимъ, сиротамъ и вдовцамъ, но вѣрѣ язычникъ... Этому Владимиру было явленіе отъ Бога, что онъ будетъ христіаниномъ,— что и исполнилось. И наречено было ему имя Василія. Потомъ онъ повелѣлъ всѣмъ своимъ вельможамъ и всѣмъ людямъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа. Послушайте о чудѣ, исполненномъ благодати: какъ вчера онъ (Владимиръ) заповѣдалъ приносить идоламъ требы, а нынѣ повелѣваетъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа;

вчера не вѣдалъ, кто есть Иисусъ Христосъ, а нынѣ проповѣдникомъ Его явился; вчера назывался язычникъ Владимиръ, а нынѣ зовется—христианинъ Василій! Онъ явился на Руси вторымъ Константиномъ. Но вотъ еще что чудно: когда дана была заповѣдь креститься,—всѣ пошли къ крещенію, и ни одинъ не сопротивлялся, какъ будто издавна были научены, и съ радостію текли на крещеніе. Радовался и князь Владимиръ, видя ихъ теплую вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа... Много было сыновъ у Владимира, но между ними, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды посреди ночи, сіяли Борисъ и Глѣбъ. Благовѣрный князь отпустилъ всѣхъ своихъ сыновъ, каждаго въ его удѣлъ; но Св. Бориса и Глѣба удержалъ при себѣ; потому что они были еще юны, особенно Глѣбъ. Блаженный Борисъ, будучи уже въ разумѣ и исполненный благодати Божіей, бралъ книги и читалъ: онъ былъ наученъ грамотѣ. Читалъ житія и мученія Святыхъ, и, молясь со слезами, говорилъ: Владыко мой Иисусе Христе! Сподоби меня, какъ одного изъ свихъ святыхъ, и даруй мнѣ по стопамъ ихъ ходить. Господи Боже мой, да не вознесется мысль моя суетою міра сего; но просвѣти сердце мое на уразумленіе Твоихъ заповѣдей, и даруй мнѣ даръ, какой даровалъ Ты отъ вѣка угодикамъ твоимъ... Когда онъ молился такимъ образомъ непрестанно, Св. Глѣбъ слушалъ его, сидя, и не отлучался отъ блаженнаго Бориса, но съ нимъ пребывалъ день и ночь, слушая его. Былъ же Глѣбъ... юнъ тѣломъ, но старъ умомъ; много подавалъ милостыни нищимъ, вдовицамъ, сиротамъ... И любилъ ихъ отецъ, видя на нихъ благодать Божію....»

Изъ житія преподоб. *Феодосія* начало:

«Благодарю Тебя, Господи Владыко мой, Иисусе Христе, за то, что Ты сподобилъ меня, недостойнаго, быть провозвѣстникомъ твоихъ угодинокъ. Ибо послѣ того, какъ сперва написалъ я о житіи, убіеніи и чудесахъ, святыхъ и блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, вотъ я пону-

дилъ себя и на другое исповѣданіе, превышающее мои силы, котораго я, грубый и неразумный, не былъ достоинъ, тѣмъ болѣе, что я не наученъ ни какой мудрости... Но вспомнилъ я Господи, слово Твое: *аще имате вѣру, яко верно горюшко, речете горы сей, преиди отсюда тамо, и преидетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ*. Вспомнилъ я это, грѣшный Несторъ, въ умѣ своемъ, и, оградивъ себя вѣрою и упованіемъ, что все отъ Тебя возможно, положилъ начало слову житія преп. отца нашего Феоодосія, бывшаго игумена монастыря Печерскаго... Молился Богу, да сподобитъ меня написать по порядку о житіи угодника своего, отца нашего Феоодосія, чтобы и имѣющіе быть послѣ насъ черноризцы, читая жизнеописаніе его, и видя такого доблестнаго мужа, восхвалили Бога, прославили угодника Его, и укрѣплялись на дальнѣйшіе подвиги, тѣмъ болѣе, что такой мужъ, такой угодавецъ Божій, явился на землѣ нашей. ...Послушайте братіе, со всякимъ прилежаніемъ: потому что слово исполнено пользы для всѣхъ слушающихъ. Но молю васъ, возлюбленные, не зазрите моею грубости: только одержимый любовію къ преподобному, я осмѣлялся писать о немъ, а съ другѣи стороны — опасаясь, чтобы не сказано было мнѣ: *лукавый рабе и лънивый, подобаше тебе вдати серебро мое торжникомъ, и пришедъ азъ взялъ бытъ свое съ лихвою*. —...Владыко мой, Господи Вседержителю! благихъ подателю, Отче Господа нашего Иисуса Христа? Прииди на помощь мнѣ, и просвѣти сердце мое на уразумѣніе заповѣдей Твоихъ, и отверзая уста мои на исповѣданіе чудесъ Твоихъ, и на похваленіе угодника Твоего, да прославится имя Твое Святое, яко ты еси помощникъ всѣхъ умовающихъ на тя. Аминь.»

Заключеніе:

«...Такимъ образомъ, все что слышалъ я съ испытаніемъ о блаженномъ и великомъ отцѣ нашемъ Феоодосіи отъ старѣйшихъ меня отцевъ, бывшихъ въ его время, все то и написалъ я, грѣшный Несторъ, меньшій изъ

всѣхъ въ монастырѣ пренед. отца нашего Феодосія... Многократно слыша, братіе, о добромъ и чистомъ житіи богоноснаго отца нашего, я весьма радовался и благодарилъ его, что онъ столько потрудился, и такъ пожилъ въ наши, послѣдніе дни. Но видя, что оно ни кѣмъ не было описано, глубоко я скорбѣлъ душою, а будучи одержимъ любовію къ святому и великому отцу нашему Феодосію, я покусялся отъ грубости сердца моего написать о немъ, что слышалъ, хотя немного изъ многого, на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу.»

Начало житія Феодосія въ подлинникѣ:

«Благодарю тя, Владыко мой Господи Иисусе Христе, яко сподобилъ мя еси недостойнаго сновѣдателя быти Святынь твоимъ угодиномъ: се бо сперва писавашю ми о житіи и о оубиеніи и о чудееѣхъ святою и блаженною стратрыццоу, Бориса и Гліба, поноудихъ ся и на другое исповѣданіе прivity, еже выше е моея силы, емоу же и не бѣхъ достоинъ, грубъ сы и не разуумичень, къ симъ же лю и не бѣхъ ученъ никою же хитрости, но въспоминухъ, Господи, слово твое, рекшее аще шате вѣру яко и зерно горущио, и речете горѣ сев: прейди и въръзъся къ море, и абіе послушаетъ вазъ. Си на оумѣ азъ грѣшныи, Несторъ, примы и оградивъся вѣроу и умованіемъ, яко вся возможна отъ тебе суть, начатокъ словоу съписанія положихъ, еже о житіи преподобнаго отца нашего Феодосія....»

Изъ лѣтописи не приводимъ отрывковъ, такъ какъ много ихъ находится въ нашемъ повѣствованіи.

Я осмѣливаюсь привести здѣсь заключительныя слова одной моей лекціи о Несторѣ, въ Московскомъ Университетѣ въ 1837 г. по окончаніи разбора всѣхъ доказательствъ, противъ него направленныхъ.

...Такъ, М. Г., по всѣмъ самымъ точнымъ изслѣдованіямъ, по всѣмъ самымъ

мелкимъ наблюденіямъ, по всѣмъ усильнымъ соображеніямъ, подвергая строжайшей критикѣ всѣ показанія лѣтописи, и всѣ свидѣтельства постороннія, хладнокровно, безпристрастно, добросовѣстно, въ томъ положеніи, въ какомъ находится нынѣ наша Исторія и ея критика, сколько до сихъ поръ извѣстно источниковъ и документовъ, мы признаемъ несомнѣннымъ, что первою нашею лѣтописью мы обязаны Нестору, Киево-Печерскому монаху XI столѣтія. Чѣмъ разнообразнѣйшему допросу подвергается онъ, тѣмъ чище, достовѣрнѣе, почтеннѣе, является предъ глазами всякаго неумышлаго судьи, какъ старшій Продотъ, на котораго также возводимо было много несправедливыхъ подозрѣній, въ продолженіи вѣковъ. Всѣ клеветы и напрасныя сбѣгають чужею чешуею съ неотлѣнныхъ его останковъ. Да, М. Г., мы обладаемъ въ Несторовой лѣтописи такимъ сокровищемъ, какого не представитъ намъ Латинская Европа, бакому завидуютъ наши старшіе братья Славяне. Несторъ, во мракѣ XI вѣка, въ эпоху междоусобныхъ войнъ, возымѣлъ первый мысль предать на память вѣкамъ дѣянія нашихъ предковъ, мучительное рожденіе государства, бурное его дѣйство. Несторъ продолжилъ дорогу, подалъ примѣръ всѣмъ своимъ преемникамъ въ Новгородѣ и Волыни, Владимирѣ и Псковѣ, Киевѣ и Москвѣ, какъ продолжать его историческое дѣло, безъ котораго мы блуждали бы во тьмѣ преданій и вымысловъ. Несторъ исполнилъ это дѣло съ примѣчательнымъ здравымъ смысломъ, искусствомъ, добросовѣстностію, правдивостію, и, прибавимъ здѣсь еще одно прекрасное его свойство, съ теплотою душевною, съ любовію къ отечеству. Любовь къ отечеству въ эпоху столь отдаленную, въ эпоху, когда вездѣ господствовала личность, — выраженіе о Русской землѣ, въ устахъ святаго отшельника, погребеннаго заживо въ глубокой пещерѣ, обращеннаго всею душою къ Богу, и удѣлявшаго между тѣмъ по нѣскольку минутъ на размышленіе о земной своей отчизнѣ, — явленіе умилительно!

Несторъ есть прекрасный характеръ Русской Исторіи, характеръ, которымъ долженъ дорожить всякій Русскій, любящій свое отечество, ревнующій литературной славѣ его, славѣ чистой и прекрасной. Несторъ, по всѣмъ правамъ, долженъ занимать почетное мѣсто въ Пантеонѣ Русской литературы, Русскаго просвѣщенія, — тамъ гдѣ блистаютъ имена бессмертныхъ *Кирилла и Меодія*, изобрѣтателей Славянской грамоты, которые научили нашихъ предковъ молиться Богу на своемъ языкѣ, между тѣмъ какъ вся Европа въ священныя храмы лепетала чуждые, непонятные, варварскіе звуки; тамъ гдѣ блистаетъ имя *Добровскаго*, законодателя Славянскаго языка, обрѣтшаго непреложные законы въ движеніяхъ его коренныхъ элементовъ, сообщившаго филологин ея высокое достоинство; тамъ гдѣ мы благоговѣемъ предъ изображеніемъ нашего Холмогорскаго рыбака, *Ломоносова*, давшего намъ услышать новую, чудную гармонию въ отечественной рѣчи; гдѣ возвышается памятникъ *Карамзина*, котораго должны мы почитать Несторомъ нашего времени, идеаломъ Русскаго гражданина и писателя; куда перенесли мы недавно со слезами гробъ *Пушкина*, который опустился далѣе всѣхъ въ глубину Русской души, и извлекъ изъ нея самыя основныя звуки. Туда, туда постановимъ мы... не портретъ, но освященный образъ нашего перваго лѣтописателя, знаменитаго инока Киевопечерскаго, Нестора, провозгласимъ ему вѣчную память, и будемъ молиться ему, чтобъ онъ послалъ намъ духа Русской Исторіи: ибо духъ только, друзья мои, животворитъ, а буква, буква одна умерщвляетъ, по слову св. Писанія; мы будемъ молиться ему, чтобъ онъ сопредисутствовалъ намъ въ нашихъ разысканіяхъ о предметѣ земной его любви, о предметѣ самомъ важномъ въ системѣ гражданскаго образованія, въ коемъ таится все наше настоящее и будущее, объ отечественной исторіи; мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собою примѣръ трудиться, не для удовлетворенія своего бѣднаго само-

любія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того смиренномудрія, которое внушило ему эти прекрасныя слова, по замѣчанію одного изъ моихъ товарищей: «Азъ грѣшный Несторъ, мнѣй *вспѣлъ* въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ *Феодосія*» — трудиться въ духѣ горячей любви къ отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину.

Лѣтописатель Васильй.

«Приде Святополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради быша людѣ вси, но токмо дьяволъ печаленъ быше о любви сей, и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и почаша глаголати къ Давыдови Игоревичу, рекуще сице: «яко Володимеръ сложился есть съ Василкомъ на Святополка и на тя.» Давыдъ же емъ вѣру лживымъ словомъ, нача молвити на Василка, глаголя: «кто есть убилъ брата твоего Ярополка? а мыгѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть съ Володимеромъ; да промысли о своей головѣ.» Святополкъ же смияется умомъ, река: «еда се право будетъ, или лжа.» не вѣдѣ. И рече Святополкъ къ Давыдови: «да аще право глаголеши, Богъ ти буди послухъ; да аще ли завистью молвиши, Богъ будетъ за тѣмъ.» Святополкъ же сжался по братѣ своему и о собѣ, нача помысли, еда се право будетъ? и я вѣру Давыдови. И прелети Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василкѣ, а Василко сего не вѣдѣше и Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: «аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженъя Кыевъ, ни мнѣ въ Володимери,» и послуша его Святополкъ.

И приде Василко въ 4 ноября, и перевезеся на Выдобичь, и иде поклонится къ святому Михаилу въ монастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшую приде въ товаръ свой. И наутрѣ же бывшую, присла Святополкъ, река: «веходи отъ именинъ моихъ.» Василко же отпрѣся, река: «не могу ждати; еда будетъ рать дома.» И присла къ нему Давыдъ: «не ходи, брате, не ослушайся брата

старѣшаго,» и не вскогѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «видиши ли, не поминать тебѣ, ходя въ твоею руку; аще ти отидеть въ свою волость, да узришь, аще ти не займетъ градъ твоихъ Турова и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянетъ мене; но призвавъ Кіяны и емь, и дажь мнѣ.» И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «да еще не хочешь остати до имении моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеша мя, и посѣдиши вси съ Давыдомъ.»

Василко же общася прити, не вѣдай лѣти, юже нмаше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и дѣтский его, и повѣда ему, глаголя: «не ходи, княже, хотять ти яти.» И не послуша его, помышляя, «како ми хотять яти? а оно мнѣ цѣловавше крестъ, рекуще: аще кто на кого будетъ, то на тото будетъ крестъ и мы вси.» И помысливъ си прекрестися, рекъ: «воля Господня да будетъ.» И прѣйха въ малѣ дружинѣ на князь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша въ истобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «останися на *святюкъ*.» И рече Василко: «не могу остати, брате; уже есмь повелѣлъ товаромъ понти переди.» Давыдъ же сѣдѣше акы нѣмъ, и рече Святополкъ: «да заутрокан, брате!» и общася Василко заутрамати. И рече Святополкъ: «посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу на-ряжю,» и лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати къ Давыдову, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслся, и лѣсть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рѣче: кдѣ есть братъ?» Они же рѣша ему: «стоитъ на сѣнехъ.» И вставъ Давыдъ, рече: «азъ иду по нь, а ты, брате, посѣди.» И вставъ иде вонъ.

И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка въ 5 ноябрья, и оковаше и въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутрѣя же Святополкъ созва бояръ и Кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «брата ти убилъ, а на тя свѣчался съ Володимеромъ, и хотять тя убити

и грады твоя зайти.» И рѣша бояре и людье: «тобѣ, княже, достоинъ блюсти головы своее; даеще есть право молвилъ Давыдъ, да приметъ Василко казнь; аще ли неправо, глагола Давыдъ, да приметъ мечь отъ Бога, и отвѣчаеъ предъ Богомъ.» И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку, и рече имъ Святополкъ: «ото Давыдъ.» Увѣдовъ же Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: «аще ли сего не створишь, а пустишь и, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ.» Святополкъ же хотяше пустити и, по Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и Бѣлугороду, иже градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ въ дале, и привезоша и на колѣхъ, окована суца, ссадиша и съ колъ, и ведоша и въ истобку малу. И сѣдѣшу ему, узрѣ Василко Торчина остряца ножъ, и разумѣ, яко хотять и слѣпити, възни къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша послании Святополкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополчъ, и Дмитръ, конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша, яста Василка и хотяща и повреци, и боряшется съ нима крѣпко, и не можаста его повреци. И се влѣзше друзим повергоша и, и связаша и, и снемше доску съ печи, и възложиша на перси его; и сѣдоста обополы Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ, и не можаста удержати, и приступиша ина дра, и сняста другую дску съ печи, и сѣдоста, и удавиша и рамяно, яко персемъ троскотати. И приступи Торчинъ, именовъ Беренди, овчюгъ Святополчъ, держа ножъ, и хотя ударити въ око, и грѣшися ока, и перерѣза ему лице, и есть рана та Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари и въ око, и изя зѣницю, и посемъ въ другое око, и изя другую зѣницю, и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше и на коврѣ, възложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему, стаха съ нимъ перешедше мость Звнжеский, на торговици, и сволокоша съ него сорочку кроваву суццю, и вдаша попадѣи опрати. Попадѣя же оправши вложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача

помадьа , яко мертву еущю оному. И очюти плачь и рече: кдѣ се есмь? Они же ркоша ему: «въ Звиздени городѣ.» И выроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи въ оны душа , и упомянуса , и пощюпа сорочки и рече: «Чему есте сняли съ мене? Да быхъ въ той сорочкѣ кровавъ смерть пріялъ и сталъ предъ Богомъ.» О немъ же обѣдавшимъ, подоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь; и придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Пріде же и Давыдъ съ нимъ, акы нѣкакъ уловъ уловивъ , и посалиша и въ дворѣ Вагѣевѣ, и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко....

Игуменъ Даниль.

«Я, недостойный игуменъ Русской земли, Даниль, худшій изъ всѣхъ иноковъ, смиренный по множеству грѣховъ, несовершенный никакого добраго дѣла, будучи нудимъ мыслию своею, съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть св. градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную, и, благодатию Божіею, достигалъ я св. мѣсть съ миромъ, и своими очами видѣлъ св. мѣста, обходилъ всю обѣтованную землю, по которой походилъ ногами своими Христось Богъ нашъ, и гдѣ совершилъ Онъ многія чудеса. Все то видѣлъ я своими грѣшными очами, и все показалъ мнѣ Господь видѣть впродолженіи многихъ дней, что желалъ я видѣть. Братіе и отцы, и господа мнихи! простите мнѣ и не зарите худоумію моему за то, что я по грубости моеи написалъ о св. градѣ Іерусалимѣ, и о св. землѣ той и о своемъ путешествіи . . . Я описалъ путь мой и св. мѣста, не возносясь и не величаясь, будто бы я сотворилъ что доброе на пути семъ,—да не будетъ: я не сотворилъ на пути никакого добра. Но изъ любви къ св. мѣстамъ я писалъ все, что видѣлъ грѣшными очами, чтобы не забыть того, что показалъ мнѣ Господь, недостойному видѣть . . . Написалъ я это также и для вѣрныхъ людей, чтобы иной, услышавъ о св. мѣстахъ, поревновалъ о нихъ душею и мыслию, и чрезъ то удостоился

получить мзду, равную съ ходившими къ св. мѣстамъ. Ибо многіе добрые люди, и сидя дома, своими мѣлостынями и добрыми дѣлами достигаютъ св. мѣсть, и большую мзду приимуть отъ Бога. А многіе, доходя до св. мѣсть, и увидѣвъ св. градъ Іерусалимъ, возвеспися умомъ, какъ будто нѣчто доброе сотворилъ, погубляютъ мзду труда своего, каковъ первый—я. Многіе же, достигаютъ Іерусалима, спѣшатъ назадъ, не видѣвъ многого—тогда какъ путь сей нельзя совершить скоро, и нужно не торопиться, чтобы видѣть всѣ св. мѣста.» (Даниль пребылъ въ Іерусалимѣ 16 мѣсяцевъ).

Вотъ какъ описываетъ Даниль приближеніе путниковъ къ Іерусалиму и входъ въ него:

«Св. градъ Іерусалимъ находится въ долинѣ; вокругъ него высокія каменные горы, такъ, что нужно приблизиться къ городу, чтобы его увидѣть. Прежде всего видѣнъ домъ Давидовъ, потомъ, чрезъ нѣсколько шаговъ впередъ, можно видѣть Елеонскую гору и церковь Святая Святыхъ. Наконецъ открывается и весь городъ. Есть тамъ близъ пути ровная гора, на разстояніи одной версты отъ Іерусалима, и на той горѣ путники слѣзаютъ съ своихъ коней, и издали поклоняются храму св. Воскресенія. Тогда великая бываетъ радость всякому христіанину, узрѣвшему св. градъ. Никто не можетъ не прѣслезиться, увидѣвъ землю желанную и св. мѣста, гдѣ Христось Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе къ св. граду Іерусалиму съ радостію великою . . .

Послушаемъ, какъ повѣствуетъ Даниль о поставленіи имъ лампы на гробѣ Господнемъ отъ всей Русской земли:

«Въ великую пятницу, въ первомъ часу дня, пошелъ я, худой и недостойный, къ князю Балдуину, и поклонился ему до земли. Увидѣвъ меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ съ любовію и сказалъ: «чего хочешь, игумене Русскій?» онъ зналъ меня хорошо и очень

любилъ: потому что онъ былъ человекъ добрый и смиренный, и нимало не гордился. Я отвѣчалъ ему: «Княже мой и господине! молю тебя ради Бога, и ради князей Русскихъ,—я хотѣлъ бы поставить лампаду свою на св. гробѣ Господнемъ отъ всей Русской земли, и за всѣхъ князей нашихъ и за всѣхъ христіанъ Русской земли.» Князь съ радостію повелѣлъ мнѣ поставить лампаду, и послалъ со мною своего лучшаго слугу къ иноку храма св. Воскресенія и къ ключарю гроба Господня. Оба они велѣли мнѣ принести кадило мое съ масломъ. Поклонившись имъ, я пошелъ на торжище съ великою радостію, купилъ большую стеклянную лампаду, налилъ въ нее чистаго деревяннаго масла, безъ примѣси воды, и уже вечеромъ, принесъ къ гробу Господню, гдѣ засталъ одного только ключаря. Онъ отперъ мнѣ двери къ гробу Господню, велѣлъ разуться, и босаго ввелъ меня одного ко гробу Господню. Здѣсь велѣлъ мнѣ поставить лампаду мою своими грѣшными руками въ ногахъ; а въ головахъ стояла лампада Греческая, а на персяхъ гроба стояла отъ всѣхъ монастырей, а на среднѣ поставилъ я грѣшный Русскую лампаду. Благодарію же Божіею всѣ тѣ три лампы зажглись сами собою, а Фряжскія лампы, висѣвшія вверху, не возгорѣлись ни одна. Поставивъ лампаду мою на святомъ гробѣ Господа нашего Иисуса Христа, я поклонился честному гробу тому, и, облобызавъ любовію и со слезами св. мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа Иисуса, вышелъ изъ гроба съ великою радостію.

Нельзя, наконецъ, не остановиться на послѣсловіи, которымъ окончивается Давидъ свою книгу—такъ оно простосердечно и трогательно:

«Я ходилъ туда (въ Іерусалимъ)—говоритъ онъ,—въ княженіе Русскаго великаго князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича Киевскаго. Богъ—свидѣтель в св. гробѣ Господень, что во всѣхъ тѣхъ св. мѣ-

стахъ я не забылъ князей Русскихъ и князей ихъ, и дѣтей ихъ, не забылъ ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, но вездѣ поминалъ ихъ. Благодарю благаго Бога за то, что онъ сподобилъ меня, худаго, записать имена князей Русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ они и нынѣ поминаются на ектиніи. Эти имена: Михаилъ Святополкъ, Василій, Владиміръ, Давидъ Всеславичъ, Михаилъ Олегъ, Панкратій, Ярославъ Святославичъ, Андрей-Мстиславъ Всеволодовичъ, Борисъ Всеславичъ, Глѣбъ Минскій. Только я припомнилъ именъ, и все то вписалъ у гроба Господня, кромѣ вообще князей и бояръ Русскихъ. Во всѣхъ св. мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей и за бояръ, и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ. Да будетъ же всякому, кто прочтетъ это писаніе мое съ вѣрою и любовію, благословеніе отъ Бога, и отъ св. гроба, и отъ всѣхъ св. мѣстъ, и да приметъ таковой мзду отъ Бога наравнѣ съ ходившими до св. града Іерусалима, и видѣвшими св. мѣста сіи: блажены не видѣшіе и вѣровавшіе; вѣрою вошелъ Авраамъ въ землю обѣтованную. По истинѣ вѣра равна добрымъ дѣламъ. Но Бога ради, братіе и отцы и господине мой, не зазрите моему худоумію и моему грубости, и да не будетъ въ похуленіе писаніе сіе не ради меня, грубаго, но ради св. мѣсть. Читайте его съ любовію, да примете мзду отъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и Богъ мира да будетъ со всѣми вами.»

Предлагаемъ начало по подлиннику:

«Се азъ недостойный игумень Давидъ, Руская земля, хужышій въ всѣхъ мнисехъ, смиренъ сый многими грѣхы и нечѣстїемъ о всякомъ дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и ветерпѣніемъ своимъ, въсхотѣхъ видѣти святыи градъ Іерусалимъ и землю, обѣтованную Богомъ Аврааму. Волею же Божіею хранимъ, доходихъ святаго града Іерусалима, и видѣхъ всю землю Галилейскую и святая мѣста, и вся обыдохъ всю ту землю,

уду же Христосъ Богъ нашъ походи своимъ ногама, и много чудесъ показа преславно святымъ своимъ апостоламъ и ученикомъ, да то все видѣхъ очима своимъ грѣшнымъ, и все ми Богъ показа видѣти, его же желалъ азъ по многы дни, мыслю своею мучимъ. . . »

Симонъ, Епископъ Владимирскій.

Пославіе къ Поликарпу, черноризцу печерскому: «Братъ! сядь въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи въ себѣ: О убогіи ноще! Не оставилъ ли ты міра и по плоти роцителей ради Господа? Если же, и пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь: то для чего облекся въ нощество? Не избавить тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не почернецки. Знаешь ты, какъ величаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои, говоря: «блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая небеснаго.» А живешь не по монашески. Великій стыдъ объемлетъ меня за тебя. Что, если ублажающіе насъ предварятъ насъ въ царствіи небесномъ, и будутъ въ покоѣ, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять? Кто помилуетъ тебя, когда самъ ты себя погубилъ? Воспряни, братъ, и попекись мысленно о душѣ своей; работай Господеву со страхомъ, и со всякимъ смиренномудріемъ. Не будь нимъ кротокъ, а завтра яръ и золь; не надолго молчаливъ, а потомъ опять склоненъ къ роптанію на игумена и его служителей. Не будь лживъ, и, подъ предлогомъ болѣзни, не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Что ни дѣлаешь въ келіи, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь-ли псалтирь, или поешь 12 псалмовъ,—это не сравняется съ однимъ соборнымъ пѣніемъ: Господи помилуй. Самъ Господь сказалъ: *храмъ Мой храмъ молитвы наречется; и дѣже бо есть два или трие собрании во имя Мое, ту есмь посреди ихъ.* А когда собирается такой соборъ—болѣе ста человекъ братіи, тѣмъ болѣе вѣруй, что посреди ихъ Господь

Богъ нашъ. Отъ церковнаго огня приуготовляется и обѣдъ ихъ, котораго одна крупница для меня вождолюбнѣе всего, что предо мною. Свидѣтельствуюсь Господомъ, что не желалъ бы вкушать много брашна, кромѣ укруза хлѣба и гороху, приготовленнаго для святой братіи. А ты, братъ, не дѣлай такъ, что нынѣ хвалишь соучастниковъ трапезы, а завтра ропщешь на повара и служащаго брата, и тѣмъ оскорбляешь начальствующаго. Терпи, братъ, и досаждение: *претерпѣвый до конца, той спасется.* Если и случится тебѣ быть оскорбленнымъ; и кто нибудь придетъ и скажетъ тебѣ: такой-то очень нехорошо говорилъ о тебѣ,—скажи вѣстнику: хотя онъ и укорилъ меня, но онъ мой братъ, я достоинъ этого, и онъ не самъ собою дѣлаетъ, но врагъ его подучилъ, чтобы разсорить насъ между собою. Господь да поразитъ лукаваго, а брата да помилуетъ. Скажешь: онъ въ лице оскорбилъ меня предъ всѣми. Не смущайся, чадо, и не предавайся скоро гнѣву, но падши до земли, поклонись брату, и скажи ему: прости меня: Исправь въ себѣ прегрѣшеніе, и побѣдишь всю силу вражію. Если на поношеніе будешь отвѣчать грубостію; то вдвойнѣ досадишь себѣ. Развѣ ты болѣе царя Давида, котораго Семей поносилъ въ лице? А онъ намѣревался отмстить за него слугѣ своему сказалъ: не дѣлай сего, да видигъ Господь смиреніе мое, и воздастъ ми благая клятвы его ради. Довольно братъ и того, что ты сдѣлалъ по своей гордости: теперь тебѣ слѣдуетъ оплакивать то, что, оставивъ святой монастырь и св. отцовъ Антонія и Θεодосія и св. черноризцевъ, которые съ нами, взялся быть игуменомъ въ монастырѣ св. Безмездниковъ. Хорошо ты поступалъ, когда вскорѣ оставилъ это начинаніе, и не далъ плещи врагу своему, который хотѣлъ погубить тебя. Развѣ ты не знаешь, что дерево не поливаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхаетъ? И ты, отказавшись отъ послушанія отцу и братіи своей, скоро погибъ бы: овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро гибнетъ отъ волковъ. Тебѣ бы прежде

надлежало размыслить, для чего ты хотѣлъ выйдти изъ святой, блаженной и честной обители Печерской, гдѣ такъ удобно всякому желающему спастись. Я думаю, братъ, что самъ Богъ попустилъ сему быть въ наказаніе твоей гордости,—за то, что ты не захотѣлъ служить мужу святому, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерскому. Печерскій монастырь, какъ море, не содержитъ въ себѣ гнилаго, но извергаетъ вонъ. А что писалъ ты ко мнѣ о своей досадѣ,—горе тебѣ: ибо ты погубилъ свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ ты хочешь спастись? Будь ты постникъ, всегда трезвемъ и нищъ, проводи ночи безъ сна, но если не переносишь оскорбленій, не спасешься. Порадовался было о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы утѣшились вѣстію о твоемъ обрѣтеніи. Но ты и еще попустилъ быть твоей волѣ, а не волѣ игумена, захотѣлъ еще разъ быть игуменомъ у святаго Димитрія, хотя никто тебя не принуждалъ: ни игуменъ, ни князь, ни я. И вотъ теперь ты уже испыталъ... Пойми же, братъ, что Богу не угодно твое старѣйшинство, и потому Онъ послалъ тебѣ слабость зрѣнія. Но и этимъ ты не вразумился, чтобы сказать: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ Твоимъ*. Я вижу, что ты самолюбецъ, и ищешь славы отъ людей, а не отъ Бога. Развѣ я недостоннъ, говоришь ты, такого сана? чѣмъ я хуже, наиримѣрь, иконома или коге другаго?.. Пишетъ ко мнѣ супруга князя Ростислава, Верхуслава, желая видѣть тебя епископомъ въ Новгородѣ на мѣсто Антонія, или въ Смоленскѣ на мѣсто Лазаря, или въ Юрьевѣ на мѣсто Алексѣя, и говорить: я готова ради тебя и Поликарпа истратить хотя бы до тысячи серебра. Но я отвѣчалъ ей: дочь моя Анастасія! Дѣло не богоугодное хочешь ты сдѣлать. Если бы Поликарпъ остался въ монастырѣ, и съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, въ совершенномъ воздержаніи проводилъ жизнь; то не только восвятительскую одежду былъ бы облеченъ, но удостоился бы и небеснаго

царства. А ты, братъ, епископства ли пожелалъ? Добра дѣла желаеши, но прочтай, что говоритъ апостолъ Павелъ къ Тимоѣю, и подумай, находишь ли ты въ себѣ тѣ качества, какія долженъ имѣть епископъ. Если бы ты былъ достоинъ такого сана: я не пустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи: во Владимиръ и въ Суздаль, какъ хотѣлъ князь Георгій; но я не согласился. . . Братъ, не въ томъ совершенство, чтобы быть славимымъ отъ всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить свое житіе и явить себя чистымъ. Изъ Печерскаго монастыря многіе поставлены во епископовъ. Какъ отъ самаго Христа Бога нашего Апостолы посланы были во всю вселенную,—такъ отъ Его Матери Господи нашей Богородицы, изъ монастыря Ея, многіе поставлены были во епископовъ по всей земли Русской. Первый—Ростовскій Леонтій, великій святитель, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ. Это былъ первый престольникъ, котораго невѣрные много мучили и били, и онъ сталъ третьимъ гражданиномъ Русскаго міра, получивъ вмѣстѣ съ двумя Варягами вѣнецъ отъ Христа, ради котораго пострадалъ. О Иларіонѣ митрополитѣ ты самъ читалъ въ житіи св. Антонія, что имъ онъ постриженъ, и послѣ того сподобился священства. Послѣ нихъ поставлены были епископами: Николай и Ефремъ въ Переяславль, Исаія въ Ростовъ, Германъ въ Новгородъ, Стефанъ во Владимиръ, Нифонтъ въ Новгородъ, Маринъ въ Юрьевъ, Мина въ Полоцкѣ, Николай въ Тмутороканъ, Феоктистъ въ Черниговъ, Лаврентій въ Туровъ, Лука въ Бѣлгородъ, Ефремъ въ Суздаль. Если хочешь знать обо всѣхъ, прочти *старую летопись Ростовскую*, и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать далѣе и до насъ грѣшныхъ, то думаю, будетъ около 50. Пойми жъ, братъ, какова слава того монастыря, и, утвердившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь привелъ тебя: я бы радъ оставить епископство, и служить игумену въ томъ

святомъ Печерскомъ монастырѣ, но знаешь, что удерживаетъ меня. . . Кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимирѣ - красота города, а другая въ Суздальѣ, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ? И десятину собираютъ по всей землѣ той, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю сію славу, власть, за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть колѣмъ торчать за воротами, и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести; въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, нежели въ селеніяхъ грѣшничихъ.»

Такъ оканчивается первая часть посланія св. Симона, правоучительная.

Заключеніе въ подлинникѣ:

«Азъ бы радъ оставилъ епископство и работалъ игумену, но вѣси какая вещь держать мя. И кто не вѣсть менѣ грѣшнаго епископа Симона, и сеа зборныя церкви, красоты Владимирскія; и другія Суздальскія церкви, юже самъ создалъ? Колико же имѣега градовъ и селъ? и десятину збираютъ по всей землѣ той, и тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость. Предъ Богомъ ти молвию: всю сію славу и власть, яко какъ мнѣлъ быхъ, аще бы ми трескою торчати за враты, или сметіемъ валятися въ Печерскомъ монастыри, и попираему быти человекѣмъ. Лучшии есть чести временныя день единъ въ дому Божіа Матере паче 1000 лѣтъ, въ немъ же волплъ быхъ пребывати паче неже жити ми въ селѣхъ грѣшничѣхъ.»

Письмо Поликарпа.

Вотъ начало его посланія къ игумену Акидину:

«При содѣйствіи Господа къ твоему благоумію слово, пречестный архимандритъ всей Россіи, отецъ и господинъ мой Акиндинъ! Приклони же благоприятный слухъ твой, да

возглаголю тебѣ о житіи, дѣяніяхъ и знаменіяхъ, дивныхъ и блаженныхъ мужей, жившихъ въ святомъ Печерскомъ монастырѣ, что слышалъ я о нихъ отъ епископа Симона, Владимирскаго и Суздальскаго, брата твоего, и бывшаго черноризца того же Печерскаго монастыря. Онъ рассказалъ мнѣ грѣшному о святомъ и великомъ Антоніи, начальникѣ Русскихъ монаховъ, и о св. Феодосіи, и о подвигахъ другихъ святыхъ и преподобныхъ отцовъ, скончавшихся въ дому Пречистой Божіей Матери: да послушаетъ твое благоуміе моего младоумія и несовершеннаго смысла. Пѣкогда ты спросилъ меня, и повелѣлъ мнѣ повѣдать тебѣ о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ, но самъ знаешь мою грубость и не добрый нравъ, какъ я всегда со страхомъ бесѣдую предъ тобою о всякой вещи: могъ ли же я пересказать тебѣ ясно о преславныхъ знаменіяхъ и чудесахъ? Кое-что не многое я сказалъ тебѣ отъ тѣхъ чудесъ, но гораздо болѣе я забылъ отъ страха, и исповѣдалъ неразумно, стыдись твоего благочестія. Посему я понудилъ себя теперь изложить тебѣ въ письмени о святыхъ и блаженныхъ отцахъ Печерскихъ, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы увѣдали благодать Божію, бывшую въ этомъ святомъ мѣстѣ, и прославили Отца небеснаго, показавшаго такіе свѣдѣніи въ Русской землѣ и въ св. Печерскомъ монастырѣ.»

Нѣкоторые рассказы Поликарповы сопровождаютъ обращеніями къ Акидину и нравственными соображеніями. Вотъ наиримѣръ приложеніе въ житіи пр. Агапита:

«Такія-то и даже большія дѣла совершены тѣми священными черноризцами. И я, вспоминая добродѣтельное житіе ихъ, дивлюся, какъ доселѣ умолчаны были великія исправленія св. отца нашего Антонія. Если такое свѣтило угаснетъ по нашей небрежности: то какъ возсіяютъ отъ него лучи? Разумѣю препод. отцевъ нашихъ Печерскихъ. Но, по слову Господа: *Истинъ пророкъ честнъ во отечествіи своемъ.* Я бы готовъ написать

тебѣ, честный архимандритъ, господи́нъ Акинди́нъ, объ упомянутыхъ св. отцахъ и избразить—однихъ чудотворенія, другихъ исправленія, третьихъ крѣпкое воздержаніе, иныхъ послушаніе, еще иныхъ прозорливость, какъ слышалъ я отъ твоего собрата, а отъ моего господина, епископа Симона. Но нѣкоторымъ кажутся невѣроятными мои сказанія по величію самыхъ дѣлъ, а вина ихъ невѣрованія та, что они знаютъ меня, Поликарпа, какъ грѣшника. Впрочемъ, если повелить твое преподобіе, я напишу, сколько мой умъ постигнетъ и память пособитъ, хотя и неудачно будетъ, да оставимъ написанное будущимъ послѣ насъ пользы ради, какъ и *блаженный Песторъ написалъ въ лѣтописцѣ о блаженныхъ отцахъ: Даміанъ, Іереміи, Матвѣи и Исакіи*, и какъ въ житіи св. Антонія вписаны тѣ житія ихъ, хотя и кратко. Я скажу о преждеупомянутыхъ черноризцахъ ясно, а не въ тайнѣ, какъ сказалъ уже о другихъ: ибо, если я умолчу, то они останутся забвенными навсегда, и имена ихъ не помянутся, какъ было до сего дня. Вотъ я сказалъ объ нихъ въ 15-е лѣто твоего игуменства, а продолженія 160 лѣтъ доселѣ не было имъ помяновенія. Нынѣ только, по твоей любви, утаенное сдѣлалось извѣстнымъ, и память любившихъ Бога присно читается и восхваляется; потому, что они угодики его, и увѣщались отъ него. И я, грѣшный Поликарпъ, исполняя твою волю, державный Акинди́нъ, написалъ тебѣ это. Но и еще исповѣмъ тебѣ вѣчто о блаженномъ и преподобномъ отцѣ нашемъ Григоріи Чудотворцѣ...

Другіе рассказы Поликарповы, не имѣющіе подобныхъ приложений въ концѣ, имѣютъ ихъ въ началѣ. Напримеръ, житіе преп. Марка печерника начинается такъ:

«Мы, грѣшныя, подражасмъ древнимъ жизнеописателямъ, но они употребляли много труда, странствовали въ пустыняхъ и горахъ и пропасть земныхъ, и однихъ изъ преподобныхъ мужей, о которыхъ писали, видѣли сами, а о другихъ—о ихъ

жизни, чудесахъ и богоугодныхъ дѣлахъ слышали отъ преждебывшихъ отцевъ, и такимъ образомъ составили патерикъ, который мы читая, наслаждаемся тѣми духовными словами. Я же, недостойный, и разума истины не постигъ, и ничего такого не видѣлъ, а только послѣдую мною слышанному отъ епископа Симона, написалъ это твоему отчеству. Я никогда не обходилъ св. мѣсть, не видѣлъ ни Іерусалима, ни Синайской горы, дабы приложить что нибудь къ моей повѣсти, какъ имѣютъ обычай украшаться хитрословесники. Я же не хочу хвалиться ничѣмъ, какъ только св. монастыремъ Печерскимъ, и бывшими въ немъ св. черноризцами, ихъ житіемъ и чудесами, которые воспоминаю съ радостію: ибо и я, грѣшный, желаю молитвы тѣхъ св. отцевъ...»

Отрывокъ разсказа Поликарпова изъ житія Агапита въ подлинникѣ.

... Разболѣся Агапитъ, и прииде къ нему (врачъ) Арменинъ посѣтитъ его, и нача стяжаться съ нимъ о врачевнѣи хитрости, глаголя: кымъ землиемъ лечится таковой недугъ? отвѣча блаженный: имъ же Господь подастъ здравіе. Разумѣвши Арменинъ отпнудъ невѣжу суца, и глагола къ своимъ неумѣтеля его нарече, и смъ его за руку рече, яко въ третій день умреть. Се же истина, и не измѣнится слово мое. Аще ли же не тако будетъ, и азъ буду чернецъ. Блаженный бо съ радостію глаголя: се ли суть твоего врачеванія разуми—смерть ми повѣдаешь, а помощи ми не можеша? Аще еси хитръ, то даждь ми животъ; аще ли о семъ не владѣши, что мя укоряши осужая мя въ третій день умрети. И миѣ извѣстилъ Господь въ третій мѣсяцъ отъвѣти...

Св. Кирилль Туровскій.

Отрывокъ изъ слова въ первую недѣлю по пасхѣ, по переводу С. П. Шевырева.

Въ минушую недѣлю (т. е. воскресенье) все измѣнилось: небомъ стала земля, очищенная Богомъ; обновилась тварь; не нари-

цѣются уже богами стихій . . . Отселѣ адъ не приѣмлетъ въ тѣбы младенцевъ закалаемыхъ отцами; ни смерть не знаетъ уже почета; престола идолослуженіе; не только спасенъ человѣческой родъ, но и освятился Христовою вѣрою. Христосъ одинъ—жертва за всѣхъ. Пересталъ праздникъ субботѣ; царствуетъ во дняхъ *недѣля*, день Воскресенія. Увѣнчаемъ же, братіе, царяцу дней; приносимъ же ей драгоценныя дары съ вѣрою; дадимъ по силѣ всякій что можетъ: кто мило стыню, беззлобіе и любовь; другіе дѣвство чистое, и вѣру правую, и смиреніе нелицемѣрное; иные пѣніе псалмовъ, апостольское ученіе, и молитву съ воздыханіемъ передъ Богомъ. . . Все ветхое конецъ прішло, и стало новымъ: какъ видимое, такъ и невидимое. Нынѣ небеса просвѣтились, совлекли съ себя темныя облака, какъ вретница, и свѣтлымъ воздухомъ исповѣдаютъ славу Господню; эти видимыя небеса—символъ небесъ разумныхъ, или Сіонской горницы, соединившей Апостоловъ. Солнце восходитъ красуясь и радуясь, землю согрѣваетъ; такъ возсталъ изъ гроба праведное солнце Христосъ и спасаетъ всѣхъ вѣрующихъ. Луна уступила честь высшему свѣтилу: ветхій законъ—закону Христову. Зима языческаго кумиролуженія престола, ледъ Ѳомина невѣрія показаніемъ ребръ Христовыхъ растаялъ. Весна красная—то вѣра Христова, оживляющая естество человѣка; бурные вѣтры—грѣхотворенія помыслы, покаяніемъ претворенныя въ добро, возвращаютъ плоды душеполезныя; земля естества нашего, принявъ, какъ сѣмя, слово Божіе, раждаетъ духъ спасенія. Новорожденные агнцы и юнцы бѣгутъ съ веселіемъ на поля къ матерямъ своимъ, и пастухи играютъ въ свирѣли:—кроткіе изъ язычниковъ люди,—агнцы, кумиролужители невѣрныхъ странъ—юнцы, возвращаются къ святой церкви и сосутъ млеко ея ученія; пастухи—учители Христова стада: они молятся о всѣхъ и славятъ Христа Бога, собравшаго и волковъ и агнцевъ въ единое стадо. Деревья распускаются. . . такъ мы были прежде древами дубравными, не

принесли плода, а нынѣ привилася къ намъ вѣра Христова. Земледѣльцы,—ратанъ слова, приводятъ словесныхъ юнцовъ къ духовному ярму, погружаютъ крестное рало въ браздахъ мысли, всыпаютъ сѣмя духовное, и веселятся надеждами будущихъ благъ. Рѣки полны водъ, совершаются рыбныя ловы: такъ Апостолы, испытавъ глубину Божія вочеловѣченія, обрѣтаютъ церковную мрежу, полную ловитвы. Трудолюбивыя пчелы летятъ на цвѣты и творятъ медвяныя соты: То вьонки, которые въ пустыняхъ сами себя питаютъ, удивляютъ ангеловъ и человѣковъ, и готовятъ сладость людямъ и потребное церкви. Наконецъ птицы—веселые лики всей церкви. . . На этотъ новый праздникъ Воскресенія приносятся разные дары: отъ языковъ вѣра, отъ христіанъ тѣбы, отъ іереевъ святыя жертвы, отъ миродержителей боголюбная мило стыня, отъ вельможъ церковное попеченіе, отъ праведниковъ смиренномудріе, отъ грѣшниковъ истинное покаяніе, отъ нечестивыхъ обращеніе къ Богу, *отъ ненавидящихся духовная любовь*. Войдемъ нынѣ и мы, братіе, мысленно въ Сіонскую горницу, гдѣ собрались Апостолы и самъ Исусъ Христосъ. . .

Отрывокъ изъ слова на Возпесеніе:

«На ту гору самъ Христосъ Богъ сегодня пришелъ, и собрались чины всѣхъ святыхъ: соборы Праотцовъ, Патріарховъ множество, полки Пророковъ, лики Апостоловъ, толпы вѣрныхъ. Тутъ въ небесахъ и на землѣ готовится торжество Вознесенія. Собрались Ангельскія силы и Архангельскія воинства: одни приносятъ облака на крыльяхъ вѣтряныхъ, для взятія отъ земли Христа Бога нашего; другіе готовятъ престолъ Херувимскій. Богъ Отецъ ожидаетъ Того, Кого въ лонѣ Своемъ имѣлъ еще и прежде съ Собою. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, готовы ихъ къ тому, чтобы принять благословеніе отъ Творца, когда онъ съ плотію Своею черезъ ихъ же врата на облака вознесется. Земля радуется, видя на себѣ Бога явственно

ходящаго, и вся тварь красуется, просвѣщаемая отъ Елеонской горы, которая свято-стію превзошла Синайскую. Началось пѣсно-словіе небесное во славу Вознесенія; сначала какъ громы, раздаются голоса Пророковъ: вознесися силою твою, Боже, поемъ и воспоемъ силы Твоя. За ними поютъ Ангелы: Патріархи начинаютъ пѣснь: се Богъ вашъ вознесся! Возглашаютъ преподобные, велегласуютъ праведные. Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, уясняя пѣсенные голоса, говоритъ: вси языцы, воспещите руками, воспекните Богу гласомъ радости, да възидетъ Богъ въ воскликновеніи и Господъ во гласѣ трубиѣмъ. Всѣ голоса заключаетъ Павелъ Апостолъ, присущій также Вознесенію не по времени послѣдованія сказаній новозавѣтныхъ, но по вѣчной мысли тайны Христовой, такъ ясно открывшейся ему во всѣхъ событіяхъ Спасительной жизни.»

...Иисусъ произнесъ слово утѣшенія, воздвигъ руки, благословилъ ихъ и началъ возноситься на небо; Апостолы поклонились ему, и свѣтлое облако подняло его отъ очей ихъ, и взошелъ Онъ на херувимахъ, и полетѣлъ на крыльяхъ вѣтряныхъ, и вознося съ Собою души человѣческія въ даръ Отцу Своему.»

Воззваніе къ народу въ заключеніи слова въ педѣлю ваіи:

«Изліемъ, какъ муро на главу Его, вѣру и любовь нашу; пзыдемъ любовію, какъ народы, въ срѣтеніе ему; сломимъ гнѣводержаніе, какъ вѣтви; постелимъ ему какъ рвы добродѣтели; воскликнемъ молитвами и беззлобіемъ, какъ младенцы; предъидемъ многостынями къ нищимъ; возслѣдуемъ смиреніемъ и постомъ, бдѣніемъ и блаженнымъ покаяніемъ, и не погубимъ труда четырехдесятидневнаго поста, да и въ нашъ Іерусалимъ внидетъ нынѣ Христосъ.»

Начало слова на 5 педѣлю по пасхѣ:

«Я надѣялся, друзья и братья, на всякую недѣлю собирать людей болѣе на послушаніе божественныхъ словесъ, а нынѣ прошло

менѣе: еслибы говорилъ я отъ себя: вы сдѣлали бы хорошо, не приходя (въ храмъ). ...Я же возвѣщаю вамъ слово, читаю вамъ грамоту Христову. Когда кто приноситъ грамоту царскую или княжескую въ городъ подвластнымъ: не допытываются, каковъ по жизни принесшій, богатъ ли онъ или бѣденъ, грѣшникъ ли или праведникъ; и со вниманіемъ выслушиваютъ только что читается, и заботятся о томъ, какъ бы чего не проронить... и если безчпнный человѣкъ произведетъ при томъ шумъ, то прогоняютъ его побоями, какъ пакостника. Если же для земнаго царя столько вниманія, еще болѣе вы должны оказывать вниманіе здѣсь, гдѣ Владыка Господъ бесѣдуетъ съ ангелами. Потому-то умоляю васъ, пришедшихъ сюда,—вразумляйте непрходящихъ, чтобы ходили въ храмъ...»

Изъ заключенія слова:

«Не повимаєте, что поется? Научу васъ и большему того, если станете внимать и учпться. Если же не будете внимательны, я умолкну, а вы будете осуждены за то, что имѣли учителя, да не внимали. Не для меня приходите въ церковь,—я грѣшникъ,—но для евангельской проповѣди и апостольскаго ученія. Скажите мнѣ, братія, если при восходѣ солнца станетъ кто нибудь закрывать свои глаза, съ пожеланіемъ увидѣть свѣтъ, и будетъ говорить: для меня мракъ лучше свѣта,—одобрите вы его, или же осудите? Тоже и слово ученія. Божіе слово называется въ писаніи свѣтомъ, при томъ такимъ, который выше всякаго видимаго свѣта. Видимый свѣтъ озаряетъ плотскія очи, а тотъ—душевные. Если бы раздавалъ я вамъ каждый день или медъ или пиво: не стали ли бы вы ходить даже безъ зова? Вы перегоняли бы другъ друга. Но вотъ я раздаю слова Божіи, лучшія золота и дорогихъ каменьевъ, болѣе сладкія, чѣмъ медъ и сотъ, и вы лишаетесь ихъ, не приходя въ церковь! Я порицаю и осуждаю тѣхъ, которые не ходятъ въ церковь слушать слово Божіе; но васъ, приходящихъ, хвалю и благословляю, и проч.»

Заключеніе по подлиннику:

«Вопрошыю же вы, и отвѣщайте ми: аще злато и сребро по вся дни раздавалъ быхъ, или медъ, либо сп пиво, не бысть ли приходили сами и не призываемы, и другъ друга бѣсте варили? Пынѣ же словеса Божія раздаваю, лучше паче золота и каменя драгаго, и слажша паче меду и ста (сота), и лишаестеся ихъ не приходяче къ церкви. Тѣхъ же и злословлю и укоряю, якоже васъ приходящихъ хвалю и благословлю; каждо же васъ молю вы, приходящихъ сдѣ и въкушающе духовнаго сего меду, аще сусѣда вмате, или родина, или жену, или дѣти, то позывайте къ церкви вся, и поучитесь душеполезнымъ словесемъ, да и сдѣ богугодно поживше и вѣчныхъ благъ наслѣдници будемъ о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава.»

Заключеніе молитвы на день воскресный:

«Надѣясь на милость Твою, вопію къ Тебѣ воплемъ сильнымъ: вспомни, Господи, слова пречистыхъ устъ Твоихъ;—Ты сказалъ: ищите

и обратете, просите и дастся вамъ. Не пришелъ Ты, Владыко, звать праведныхъ, а грѣшниковъ на покаяніе, изъ нихъ я первый. Противъ себя говорю о грѣхахъ моихъ: но если бы и молчалъ я, Ты знаешь ихъ. Прими меня, премилостивый, какъ разбойника, мытаря, блудницу, блуднаго сына. За тѣхъ всѣ отчалльсь, а Ты принялъ ихъ, и сотворилъ жителями рая. Прими и мое покаяніе, недостойнаго раба Твоего, Господи Ісусе Христе! Очистившій прокаженныхъ! очисти скверны души моей; будь миѣ помощникомъ, огради меня силою креста твоего, утверди св. Духомъ Твоимъ, прогони борющихся со мною. Пусть уста мои вѣщаютъ великую милость Твою, что Ты—помощникъ въ скорби моей. Спаси, Господи, раба Своего благовѣрнаго князя, и помилуй всѣхъ христіанъ, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ. Ты Богъ нашъ, и тебѣ съ умиленіемъ покланяемся; всѣ небесныя силы хвалятъ Тебя, Отецъ, Сынъ и Духъ Св., нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ, амнь.»

Слова изъ Златой цѣпи, неизвѣстнаго проповѣдника,*

Па поученіе ко всѣмъ крестьяномъ.

Чада моя мплая! Первое имѣйте вѣру праву къ Богу, Отца и Сына и Св. Духа; потомъ же в послушаніи святыхъ Его Апостолъ, и Святыхъ Отецъ, иже пострадаша Христа ради во вся дни живота своего. А ослушанія блюдитесь, да не погибнете, якоже бѣ погиблъ первозданный Адамъ Евгою, ослушавшися Бога. Любовь же имѣйте ко всѣмъ ладну, и к богату и ко убогу и к нищимъ и к бѣднымъ, и въ узахъ стражующимъ, якоже и Христосъ ко всему миру, не взирая для насъ весь образъ собою. Приде бо съ небеси, и родися въ вертепѣ отъ дѣвы, и милостивый Господъ насъ радн съ человѣкы поживе и

Въ наученіе всѣмъ аристіанамъ.

Милыя дѣти мои! прежде всего имѣйте искреннюю вѣру въ Бога, Отца и Сына и Св. Духа; потомъ послушаніе Его Св. Апостоламъ и Св. Отцамъ, которые за Христа страдали во всѣ дни своей жизни. А ослушанія остерегайтесь, чтобы не погибнуть, какъ погибъ первозданный Адамъ, чрезъ Еву, приведенную въ непослушаніе Богу. Любовь имѣйте ко всѣмъ, со всѣми прѣбывайте въ мирѣ, какъ и Христосъ весь міръ возлюбилъ, безъ выбора, и подаде намъ совершенный образецъ въ Себѣ. Ибо пришелъ Онъ, Господъ милостивый, съ небесъ, и родился въ вертепѣ отъ дѣвы—для насъ; жилъ съ человѣками и

* Пр. Филаретъ приписываетъ эти слова Митрополиту Кириллу, Греку, 1223—1233, но онъ очевидно, сочиненіе, а не переводъ.

крещеніе пріять, грѣха не имѣя, преобразился свѣ(тло) увѣренія ради нашего, и связаѣнъ, и в темниці затворенъ бысть, намъ повелѣвая в таковой же бѣдѣ не стужити си, но и на крестѣ распятъ бысть, намъ все къ спасенію стваряя, и в гробѣ лежа грѣха не имѣя, и воскресъ изводя ны на свѣтъ, и на небеса възиде, веля намъ вслѣгитися, по Апостолу, въ стрѣтеніе. Все же то створи любовью и вѣрою, да научитъ ны Собою хитростью къ спасенію, хотя ны спасти отъ муки въ прѣдущій вѣкъ.

Слово о князѣхъ.

Князю же земли вашае покоряйтеся; не рцѣте ему зла въ сердци своемъ, и пріятѣ ему головою своею, и мечемъ своимъ, и всею мыслею своею, и не возмогутъ противитися ниѣ князю вашему. Аще добре пріѣсте князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша, и плодъ добръ объемлете. Аще ли ни, начнете пріяти ниѣмъ княземъ отъ своего, то подобни будете женѣ блядивѣ мужатѣ, яже со всѣми блясти хочеть, и послѣди мужъ ея устерегъ ю, псы ея накормитъ, и весь родъ ея в соромѣ будетъ велицѣ. И се пакы и еще вы глаголю, чада моя, аще кто отъ своего князя ко иному князю отѣдетъ, а достонну честь пріемля отъ него, то подобенъ есть Іюдѣ, яже любимъ Господемъ, ти умысли продати е ко княземъ жидовскимъ. И купиша нмъ село крови и гроба с прочими дарми, и отекъ отъ велики печали; сужся сѣмо и овамо, въ Иерусалимѣ отъ всѣхъ людей проклинаемъ, и бѣжа изъ Иерусалима по пути, и тугы и великія печали прія болѣзнь, и отекъ с того, и яко всезлы разсѣдся на полы. И епископство его приметъ ниѣ, и дѣти его в пагубу впадоша. Да и вы, сынове мои миліи, не мозыте пріяти чужему князю, да не в то же зло впадете.

пріялъ крещеніе не имѣя грѣха; свѣтло преобразился для нашего увѣренія; былъ связанъ и затворенъ въ темницѣ, внушая намъ не упывать въ такомъ же несчастіи; былъ распятъ на крестѣ, все для того, чтобы наше спасеніе устроить; возлегъ во гробѣ не за свои грѣхи; воскресъ, чтобы насъ извести на свѣтъ; возсѣлся на небеса, чтобы и намъ, по Апостолу, быть восхищенными въ срѣтеніе Его. Все сіе сотворилъ Онъ премудро, съ любовью и увѣренностью, что своимъ примѣромъ насъ приведетъ ко спасенію, и для того, чтобы насъ избавить отъ муки въ будущемъ вѣкѣ.

Слово о князьяхъ.

Князю земли своей будьте покорны; не желайте ему зла въ сердци вашемъ; но съ охотою служите ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею; и другіе не въ состояніи будутъ противиться вашему князю. Если хорошо будете служить своему князю, то земля ваша будетъ богата, и сами получите отъ сего добрый плодъ. Если же, оставивъ своего, станете радѣть другимъ князьямъ, то подобны будете женѣ распутной, которая отъ своего мужа готова со всѣми распутствовать; будетъ время, что мужъ подстережетъ ее, и накормитъ ея псовъ, и весь родъ ея покроется великимъ стыдомъ. Еще скажу вамъ, дѣти мои: кто отъ своего князя отпадетъ къ другому, хотя и пользовался отъ своего достойною почестію, тотъ подобенъ будетъ тому, который, хотя любимъ былъ Господомъ, но умыслилъ продати его старѣйшинамъ жидовскимъ, и куплены были на деньги предателя съ прочими приношеніями село крови и гробъ. Отъ великой печали онъ отекъ; метался туда и сюда по Иерусалиму, но отъ всѣхъ проклинаемый бѣжалъ по пути изъ Иерусалима; отъ великой скорби и печали сдѣлался боленъ, отекъ, и, какъ полный зла, разсѣлся по поламъ. Епископство его прінялъ другой, и дѣти его впади въ погибель. И вы, дѣти мои, не можете радѣть чужому князю, чтобы вамъ не подвергнуться такому же бѣдствію.

Слово о челяди.

Чада моя милая! Еще вы глаголю: челядь свою кормите якоже до сыти имъ, одѣвайте, обувайте. Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьютъ у татбы, или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмже набдите сироты своя во всемъ, и учите я на крещеніе, и на покаяніе, и на весь законъ Божій. Ты бо еси яко и Апостоль дому своему: кажи грозою и ласкою. Аще не учишь, то отвѣтъ въздаси за то предъ Богомъ. И Авраамъ бо научи своихъ домохозяецъ 300 и 18 всему добру закону и добру норову. Страхъ бо Божій принѣше не опечалятъ на старость тебе. Аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы нанъ не щади, якоже премудрость Божія глаголетъ до 4 или 6 ранъ, или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаютъ, и по твоей воли не ходятъ, то загода лозы нанъ не щадити до 6 ранъ и до 12. Аще ли велика вина, то и 20 ранъ. Аще ли вельми велика вина, то 30 разъ лозою, а болѣе 30 ранъ не велимъ. Да еще кажете я, и добръ одѣваси, и кормиши, то благъ даръ принѣши отъ Бога.

Слово о рабахъ.

«И се ми слово еще к рабомъ: да и вы убо, добрыя слуги, на се взирайте, яко не челоуѣку работаете, но Богу самому... Помыслите, яко не тому творите благодати, но Божіе великіе свершаете....»

Сочиненія Греческихъ Митрополитовъ, управлявшихъ нашею церковію, имѣютъ содержаніе преимущественно полемическое и каноническое. (Георгій, ок. 1065—1079), Иоаннъ II (1080—1088), и Никифоръ (1104—1121).

Слово о прислугѣ.

Еще говорю вамъ, любезныя дѣти мои, прислугу свою кормите до сыта, одѣвайте и обувайте. Еслиже не будете кормить и обувать, а раба твоего или рабу убьютъ на воровствѣ, то тебѣ придется отвѣчать за кровь ихъ. Снабдѣвайте сиротъ своихъ во всемъ, и наставляйте ихъ, чтобы они крестились, калялись и исполняли весь законъ Божій. Ибо ты въ своемъ домѣ, какъ Апостоль, вразумляй ихъ грозою и ласкою. Если же не будешь учить, то дашь отвѣтъ за сіе предъ Богомъ. И Авраамъ наставлялъ своихъ 318 домохозяецъ во всякомъ добромъ законѣ и добрыхъ нравахъ. Снискавъ страхъ Божій, они не причинятъ тебѣ скорби гъ старости твоей. Если же нисколько не будутъ слушаться тебя, то не жадѣй на нихъ лозы, какъ и премудрость Божія говоритъ—даже до 4 или 6 или 12 ударовъ. Если рабъ или раба не слушаетъ тебя, и не исполняетъ твоей воли, то позволительно наказать ихъ отъ 6 до 12 ударовъ лозами. Если же велика вина, то можешь дать и 20 ударовъ. Если весьма велика вина, то 30 ударовъ лозою. А болѣе 30 ударовъ давать не велимъ. Если такъ будете наказывать, и вмѣстѣ хорошо одѣвать и кормить, то получишь отъ Бога доброе воздаяніе.

Слово о рабахъ.

Икъ рабамъ мое слово: и вы, добрыя слуги, смотрите на то, что не челоуѣку служите, но самому Богу.... помыслите, что не господину вы являете милость, но исполняете волю Божію.

Сочиненіе М. *Георгія* носитъ заглавіе: Георгія, М. Кіевскаго, стязанье съ Латинною. Винъ числомъ 70.

Особеннымъ поводомъ къ написанію этого сочиненія противъ Латинянъ могъ послужить для Митрополита Георгія извѣстный случай,

когда папа Григорій VII покушался обратить къ своему исповѣданію нашего Великаго князя Изяслава, и даже написалъ къ нему (1075 г.) посланіе.*

«Стязанье съ Латинною» начинается словами: «Когда великій Константинъ принялъ отъ Христа царство, и вѣра Христіанская съ того времени начала болѣе роста и распространяться всюду, и царство ветхаго Рима преложилося въ Константинъ-градъ, — тогда послѣдовали семь святыхъ вселенскихъ Соборовъ. На эти семь Соборовъ папы стараго Рима или приходили сами, или присылали своихъ епископовъ, — и св. церкви имѣли между собою единство и общеніе, то же мыслили, то же проповѣдывали. Потомъ старымъ Римомъ и всею тою землею овладѣли Нѣмцы, и, спустя немного времени, старые мужи правовѣрные, которые хранили законъ Христовъ и правила св. Апостоловъ и св. Отцевъ, скончались. По смерти ихъ, люди молодые и неутвержденные, увлекались прелестію Нѣмецкою, и впади въ вѣны различныя и многія, запрещенныя и осужденныя Божественнымъ закономъ, и когда, не смотря на совѣты многихъ другихъ церквей, не захотѣли оставить творимаго ими зла, — то и отвержены были отъ насъ. Евангеліе ихъ, какъ доброе и покланяемое, почитается въ великой церкви, но почитается на обличеніе ихъ и на судъ, потому, что не живутъ, како оно велитъ.»

«. . . Латиняне служатъ на опрѣспокахъ и вѣдятъ ихъ: это похидовски. Христосъ же не предалъ тому, и совершилъ св. Тайны не на опрѣспокахъ, а на хлѣбѣ совершенномъ и кисломъ. . . На св. литургіи не совершаютъ ни великаго, ни малаго выхода, и службу творять не въ олтарѣ, а во всей церкви, три, четыре и пять разъ въ одинъ день въ той же церкви. Въ св. правилѣ: «вѣрую во единого Бога,».. сдѣлали злое и неразумное приложеніе. Св. Отцы написали: и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ

Отца исходящаго, — а они (Латиняно) отъ себя приложили: «иже отъ Отца и отъ Сына. Это есть великое зловѣріе и ведетъ къ Савеліевой ереси. Черезъ такое приложеніе они низвращаютъ вѣру св. отцевъ перваго и втораго вселенскихъ соборовъ, и слова Спасителя, который сказалъ: *егда придетъ Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуеетъ о Мнѣ.* Не сказалъ Христосъ: иже отъ *Насъ* исходитъ; — значитъ — это приложеніе есть зловѣріе и великая ересь.»

Приведемъ послѣднія слова по подлиннику:

«Святін бо отцы написавше: и Духа Святаго Господа животворящаго, отъ Отца исходяща, а си о собѣ приложивша: иже отъ Отца и отъ Сына, — иже есть зловѣріе великое и на жидовство правовѣдять, и въ Савльскую ересь» Сего бо приложивше, отсѣкаютъ вѣру святыхъ отецъ перваго Собора и втораго, и того слова Христова, иже о приходѣ Святаго Духа глагола ученикомъ; яко же Іоанъ Евангелистъ глаголетъ, тако рече: *егда Утѣшитель придетъ Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, то научитъ вы на всяку правду. Христосу бо не рекшу: иже отъ Насъ: тако ти приложивша. Зловѣріе бо есть и ересь велика.»*

Посланіе отъ Іоанна Митрополита Русскаго, къ Клименту, папѣ Римскому.

Случай къ написанію посланія подалъ самъ Климентъ II. Противоборствуя законнымъ папамъ, непризнаваемый въ Римѣ, опъ хотѣлъ сблизиться съ восточными іерархами, хвалилъ православную вѣру, желалъ соединенія церквей, и прислалъ съ такими извѣстіями къ нашему Митрополиту своего епископа. Отсюда объясняется, почему нашъ первосвятитель, вопреки духу того времени, обращается въ посланіи къ Римскому первосвященнику съ отверстою любовію, говорить съ кротостію, называетъ его законнымъ пастыремъ, нимало однакожъ

* См. выше, с. 103.

не колеблясь обличать самыя заблужденія Латыпяпъ. Достоинно также замѣчанія, что при изложеніи этихъ заблужденій, Іоаннъ II не разъ выражается: «якоже слышахомъ» или «еще тако суть, еще вонстипу творимая вами, якоже слышахомъ», и тѣмъ показываетъ, что у насъ тогда, какъ и на всемъ востокѣ, судили о заблужденіяхъ латинскихъ преимущественно по слухамъ, и потому могли говорить о нихъ не всегда вѣрно.

«Я узналъ, (съ любовью)», пишетъ нашъ первосвятитель къ Римскому, — «твою любовь о Господѣ, вонстинну человекъ Божій, и достойный каеолпческаго сѣдалища и призванія: потому что находясь далеко отъ нашей худости и смиренія, ты достаешь даже до насъ крилами своей любви, и привѣтствуешь насъ законно и любезно, и молишься о насъ въ духѣ, и догматы нашей непорочной и православной вѣры приѣмлешь и почитаешь, какъ возвѣстилъ и подлинно изъяснилъ намъ всечестный и добродѣтельный епископъ твоего священства. Если же это такъ, и такой намъ данъ отъ Бога архіерей, а не подобный тѣмъ, которые немного прежде сего архіерействовали противно истинѣ, и извратили благочестіе (разумѣются вѣроятно предшественники Климента III, папы Левъ IX и Григорій VII), то и я, худшій изъ всѣхъ, привѣтствую твою священную главу, и мысленно лобызаю ее, и всегда желаю, да хранить тебя всегда свыше всемогущая десница, и да даруетъ всеблагій и милосердый Господь совершиться воссоединенію между нами и вами. Не знаю, какъ возникли соблазны и преграды на Божественномъ пути, и крайне удивляюсь, какъ и почему даже и до нынѣ не послѣдовало исправленія. Не знаю, какой лукавый законъ, какой завистливый врагъ истины и противникъ благочестія произвелъ все это, и расторгъ нашу братскую любовь и единодушіе всего христіанскаго общества. Не вообще я это говорю: ибо мы знаемъ васъ, благодатію Божіею, и во мно-

гомъ совершенно принимаемъ, какъ Христіанъ; но знаемъ также, что вы не во всемъ съ нами согласны, и въ нѣкоторыхъ вещахъ отъ насъ отдѣлились. Вотъ смотрите, — я покажу вамъ...»

... Прошу тебя, и умоляю, и припадаю къ священнымъ стопамъ твоимъ, чтобы вы отстали отъ всѣхъ этихъ заблужденій, особенно же отъ употребленія опрѣсноковъ и приложенія къ символу: потому что первое опасно по отношенію къ таинству св. Причастія, а послѣднее по отношенію къ православнои вѣрѣ. Хотѣлъ я написать къ тебѣ еще объ удавленныхъ и нечистыхъ животныхъ, и о монахахъ, вкушающихъ мясо; но дастъ Богъ, что все это, и многое тому подобное, вы исправите внослѣдствіи. Ты же прости мнѣ ради Господа, написавшему сіе отъ великой любви. И если истинно, какъ мы слышали, совершаемое вами, то испытайте писанія, и вы увидите, что всѣ такія вещи требуютъ исправленія. Еще молю любовь твою о Господѣ прежде всего, если пожелаешь, написать къ святѣйшему нашему патриарху Константинополя, и къ находящимся тамъ святымъ митрополитамъ, которые имѣютъ слово жизни, сіяя въ мірѣ, какъ свѣтила, и могутъ благодатію Божіею все таковое изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою и исправить; а потомъ, если будетъ тебѣ благоугодно, написать и худшему изъ всѣхъ — мнѣ. Привѣтствую любовь твою о Господѣ я Іоаннъ, недостойный митрополитъ Русскій, и весь подвластный тебѣ клиръ и народъ. Привѣтствуютъ васъ также вмѣстѣ съ нами и всѣ наши святые и боголюбивѣйшіе епископы, и игумены, а съ ними и весь священный клиръ и народъ.»

Начало по подлиннику:

«Возлюбихъ, Господи, любовь твою, человекъ Божій! и апостольскаго достойнѣ сѣданья и званья, яко и далече, сѣдя нашей худости и смѣренья, любовными крилами постигаеши до насъ, и цѣлуеши ны яко своя любезно и молиши духовнѣ и нашу вѣру истинную и православную, юже принѣмъ, чюдишися,

якоже епископъ вашего священства възвѣсти намъ. Понеже си тако и таковой ту священникъ бысть, сего ради худый азъ цѣлюю тя и честную главу и ранне противу тя цѣлюю, и буди ми вельми радуяся, и отъ вышня и божественныя руки покрываемъ, и дай же благій и милостивый Богъ при тобѣ и при твоихъ духовныхъ исправитися посредѣ васъ и насъ. И не вѣдѣ, откуда возникоша соблазни и въ збраненъ божественнаго пути, яже что ради, и како не исправшася и донынѣ зѣло чюжюся сему...»

Другое посланіе Іоанна II извѣстно только по рукописямъ Славянскимъ подъ заглавіемъ: «Іоанна, митрополита Русскаго, пареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ св. книгъ вратцѣ, Іакову черноризцу.»*

Митрополиту *Никифору* приписываются: три посланія противъ Латынянъ, (одно къ Вел. князю Владимиру Мономаху, другое къ неизвѣстному князю, третье къ князю Муромскому Ярославу Святославичу), и два сочиненія о постѣ церковномъ, одно въ видѣ посланія къ Вел. князю Владимиру Мономаху; другое въ видѣ поученія къ духовенству и народу.

«Ты спрашивалъ насъ, благородный княже,— за что отлучены Латыяне отъ святой, соборной и православной церкви: и вотъ я, какъ обѣщался благородству твоему повѣдаю тебѣ вины ихъ....

....«Ты же, княже мой, прочитай посланіе сіе не однажды, не дважды, а многократно, прочитай ты, пусть читаютъ и сыны твои. Князьямъ, отъ Бога избраннымъ, и призваннымъ къ православной вѣрѣ его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужать сами подиорами для св. церкви въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ.

* См. выше с. 560.

Одинъ Богъ царствуетъ на небесахъ, а вамъ съ помощію Его опредѣлено царствовать здѣсь—на землѣ въ роды и роды. И такъ какъ вы избраны отъ Бога и возлюблены имъ, и сами возлюбили Его: то разумѣйте и псннытайте слова Его, чтобы и по отшествіи изъ сего тлѣннаго міра, соцарствовать вамъ съ Нимъ на небесахъ, какъ вѣруемъ и надѣемся молитвами св. Богородицы и всѣхъ святыхъ.»

Лучшее сочиненіе митрополита Никифора, и вообще одно изъ лучшихъ произведеній нашей древней словесности, говоритъ пр. Макарій, есть посланіе его къ Вел. Князю Владимиру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ. Тутъ видѣнъ и самъ достойный первосвятитель съ его умомъ, образованіемъ, съ пастырскимъ дерзновіемъ и ревностію къ своему долгу; видѣнъ и достойнѣйшій князь съ его высокими качествами чело-вѣка — христіанна. Посланіе написано по случаю великаго поста, когда,—замѣчаетъ митрополитъ,—уставъ церковный и правило заповѣдывали говорить и что полезное и князьямъ. Почему первое слово въ посланіи, какъ и естественно было,—слово о постѣ:

«Благословенъ Богъ, и благословенно св. имя славы Его, благословенный и прославленный мой княже! По многоты благодати своей и чело-вѣколюбію Онь сподобилъ насъ достигнуть настоящихъ пречистыхъ дней св. поста, которые узаконилъ, какъ строитель нашего спасенія, для очищенія нашихъ душъ, когда постился и Самъ, въ показаніе своего вочеловѣченія, сорокъ дней, не потому, чтобы имѣлъ нужду въ постѣ, но чтобъ явить намъ образъ поста. Если бы первый Адамъ, праотецъ нашъ, постился отъ древа разумнаго, и сохранилъ, заповѣдь Владыки, тогда второй Адамъ, Христосъ Богъ нашъ, не требовалъ бы поста. Но вслѣдствіе преступленія перваго Адама, не соблюднаго поста, постился Онь, да разрушитъ преслушаніе. Принесемъ же благода-

реніе и поклоненіе Владыкѣ, постившемуся, и узаконившему для насъ постъ, и даровавшему намъ быліе душевнаго здравія! Двойственно наше бытіе: разумное и неразумное, духовное и тѣлесное. Разумное и духовное есть нѣчто божественное и чудное, и подобно безплотному естеству, а неразумное страстно и сластолюбиво. Оттого въ насъ постоянная брань: плоть противится духу и духъ плоти. И по истивѣ, нуженъ намъ постъ; онъ укрощаетъ тѣлесныя страсти, обуздываетъ противныя стремленія, и покоряетъ плоть духу. . . Отъ этого же перваго блага происходятъ въ насъ всѣ прочія. Видишь ли, княже мой, благовѣрный и кроткій, какъ постъ есть основаніе добродѣтели? Потому то онъ, какъ солнце, сіяетъ во всемъ мірѣ: всѣ языки совершаютъ постъ ради преступленія праотца, — одни въ то время, другіе въ другое, — одни болѣе, другіе менѣе, — но силы поста, какъ неразумныю не разумѣваютъ, и суетны ихъ постъ и непотребенъ; только люди Христовы, языкъ святыи, царское священіе, вѣдаютъ силу поста, и, живя въ правовѣрнн, и благословляютъ Бога, вразумившаго ихъ, да не смутятся и не будутъ поглощены отъ древняго врага, нехотящаго нашего спасенія. И многое еще имѣлъ бы я сказать въ похвалу поста, если бы писалъ къ кому-либо другому. А такъ какъ слово мое къ тебѣ, доблестная слава ваша, и всей земли христолюбивой, — къ тебѣ, котораго Богъ издавеча проразумѣлъ и предопредѣлилъ, котораго отъ утробы матерней освятилъ и помазалъ, смѣсивъ отъ царской и княжеской крови, котораго благочестіе воспитало, и постъ воздвигъ, и св. купель Христова измлада очистила: то излишнее бесѣдовать къ себѣ о постѣ, а еще болѣе о непитіи вина или пива во время поста. Кто не знаетъ, что ты соблюдаешь все это? Знаютъ даже крайніе невѣжды и безчувственные, и всѣ видятъ и чудятся. Въмѣсто же наученія о постѣ, чтобы исполнить уставъ церковный, мы изложимъ твоему благовѣрнн нѣчто иное, и скажемъ о самомъ источникѣ, изъ котораго произсте-

каютъ въ людяхъ всякое добро и всякое зло, смотря потому, какъ пользуются они источникомъ, правильно или неправильно.»

«Вѣдай, благовѣрный княже, — что душа наша создана дуновеніемъ Божиимъ и по образу Божію. Въ ней три части или силы; разумъ выше другихъ: имъ-то мы отличаемся отъ животныхъ; имъ познаемъ небо и прочія творенія; имъ, при правильномъ его употребленіи, восходимъ къ разумѣнію самаго Бога. И вотъ Авраамъ, незнакомый съ звѣздословіемъ, позналъ чрезъ разсматриваніе неба Творца и вѣровалъ въ Него; Енохъ угодилъ Богу и *предложися*; Моисей видѣлъ *задняя Божія*, и чрезъ то возшелъ къ разумѣнію Зиждителя. Таково правильное употребленіе разума! Но есть и неправильное: разуменъ и денница-ангелъ, нынѣ дьяволъ, но, низвертивъ свой разумъ, возмечтавъ быть равнымъ Богу, палъ съ чиноиъ своимъ; разумны и Елліны, но, несоблюдши разума, дошли до идолопоклонства.

Вторая сила—чувство выражается въ ревности по Богѣ и въ неприязни ко врагамъ Божиимъ; при неправильномъ же употребленіи обнаруживается злобою, завистию и под. И вотъ Каинъ злоупотребилъ чувствомъ, и по зависти убилъ брата своего Авеля; а Моисей, Финеесъ и Ілїя, ревновали по Богѣ, когда первый убилъ Египтянина, второй—иноплеменицу и грѣшившую съ Израильтяниномъ, третій—жрецовъ Вааловыхъ. Убиваютъ и разбойники, но убиваютъ по злобѣ и своекорыстію.

Третья сила—воля: при добромъ употребленіи ея, человекъ имѣетъ постоянное желаніе къ Богу, забывая о всемъ прочемъ; ждетъ просвѣщенія отъ Него; наслаждается веселіемъ въ самыхъ злостраданіяхъ ради Бога,—отъ сего веселія произростаетъ сѣмя жизни, бывають чудотворенія, пророчества, и человекъ мало-по-малу приближается къ Богу, и еще на землѣ становится живымъ образомъ и подобіемъ Его.

Ты узналъ теперь, человекълюбивый и кроткій князь, три силы души. Узнай же

и слугъ ея, чрезъ которыхъ она дѣйствуетъ. Душа находится въ головѣ, имѣя умъ, какъ свѣтлое око, въ себѣ, и наполняя своею силою все тѣло. Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь чрезъ воеводъ и слугъ по всей твоей странѣ, а самъ ты господинъ и князь, такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу чрезъ пять слугъ своихъ, т. е. чрезъ пять чувствъ: зрѣнiе, слухъ, обонянiе, вкусъ и осязанiе. Зрѣнiе чувственное вѣрно: что видимъ мы при здоровомъ умѣ, то видимъ вѣрно; но слухъ иногда передаетъ истину, а иногда ложь. Потому, что сами видимъ, тому можно вѣрить; а что слышимъ отъ другихъ, то надобно принимать съ великимъ испытанiемъ и судомъ, и тогда давать отвѣтъ. Объ обонянiи, которое должно отвращаться благоуханiя, что сказать такому князю, который больше спитъ на землѣ, мало сидитъ дома, чуждается свѣтлыхъ одеждъ, и ходя по лѣсамъ, носитъ убогую одесду, и только по нуждѣ облачается въ княжескую ризу во градъ—ради властей? Также о вкусъ, услаждающемся пивцию и питiемъ? Мы знаемъ, что для другихъ, ты приготавлиешь свѣтлые обѣды по княжески, а самъ служишь, и когда гости пресыщаются за столомъ, ты ограничиваешься малымъ вкушенiемъ и малою водою. Что касается до ослзавiя, которое обыкновенно простирается на имѣнiя: я знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ утвердился въ тебѣ разумъ, ты постоянно благотворишь всѣмъ, не собираешь сокровищъ, ни злата, ни серебра, а раздаешь все обѣими руками, и между тѣмъ сокровищница твоя, по благодати Божiей, не оскудѣваетъ и не истощается...»

«Зачѣмъ же я простеръ слово свое и такъ долго говорилъ? Да разумѣешь, княже мой, что я болю о тебѣ. И какъ тѣлесные врачи, если любятъ больного, бодрствуютъ надъ нимъ, и стараются найти первую причину недуга; такъ и я поступилъ, искалъ первой причины, и разсмотрѣвъ тебя по душевнымъ силамъ, нашелъ ее. По разуму я нашелъ тебя благовѣрнымъ, благодатию Божiею, и не уклоняющимся отъ правой вѣры. По чувству

ревнующимъ о Богѣ до сего дня,—и молю Бога, да соблюдетъ тебя такимъ навсегда, если недопустишь войти волку въ стадо Христово, и не дашь насадить тернiя въ виноградъ Божiемъ (разумѣются вѣролно, покушенiя Латынiи), но сохранишь древнее преданiе своихъ отцовъ... По волѣ—нельзя счесть за малое то, что уже совершилъ ты въ твоемъ возрастѣ. Испытавъ тебя по пяти чувствамъ, я обрѣтаю тебя по зрѣнiю непреткновеннымъ, также по третьему чувству,—обонянiю, по четвертому и пятому. О второмъ же чувствѣ, т. е. слухѣ, не знаю, княже мой, что сказать тебѣ; а кажется мнѣ, что такъ какъ ты самъ не можешь все видѣть своими очами, то служащiе тебѣ орудiями иногда представляютъ тебѣ донесенiя ко вреду души твоей, и чрезъ отверстый слухъ твой входятъ въ тебя стрѣла. Подумай объ этомъ со вниманiемъ, княже мой, и помысли объ изгнанныхъ тобою и осужденныхъ; вспомни о всѣхъ, кто на кого донесъ, и кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди о всѣхъ и прости, да получишь прощенiе отъ Бога. . . Не огорчись, княже мой, словомъ моимъ, и не подумай, чтобы пришелъ ко мнѣ кто-либо, опечаленный тобою, и потому я написалъ тебѣ. Нѣтъ я просто написалъ тебѣ въ напомннанiе: ибо великiя власти имѣютъ нужду и въ частомъ напомннанiи! Я осмѣлился написать тебѣ потому, что уставъ церковный и правило требуютъ въ настоящее время говорить нѣчто полезное и князьямъ. Знаемъ, что мы сами грѣшники и немощны, а думаемъ врачевать другихъ; но слово Божiе, сущее въ насъ, здраво и цѣло. Оно-то учитъ, и учимымъ должно пскушать его, и принимать отъ него исцѣленiе....»

Въ заключенiи Митрополитъ говоритъ: «наконецъ скажу тебѣ еще одно, христоролюбивый княже мой,—помни третiй псаломъ перваго часа, именно сотый, и со вниманiемъ пой его: Милость и судъ воспою тебѣ Господи, и проч. Въ немъ вѣрное изображенiе, каковъ долженъ быть царь и князь. Если ты будешь испытывать и соблюдать то, о чемъ говорится въ этомъ псалмѣ: онъ просвѣтитъ еще болѣе

ушыя очи твои, отвратить отъ нихъ всякую суету, освятитъ твой слухъ, очистишь сердце, исправитъ стопы, предохранитъ ноги твои отъ поподзновения, и сподобитъ тебя достигнуть праздника Воскресенія Господа въ радости тѣлесной, въ здравіи и веселіи духовномъ, и возсіяетъ тебѣ свѣтъ, сіяющій праведникамъ, на много лѣтъ останешься неосужденнымъ и неповиннымъ. А потомъ отъ царства дальняго вознесешься въ горнее, гдѣ—истинная насха и истинный праздникъ.»

«Поученіе Митрополита Русскаго Никифора въ недѣлю сыропустную, въ церкви, ко игуменомъ, и ко всему іерейскому и діаконскому чину, и къ мірскимъ людямъ» прежде всего замѣчательно по своему началу, которое показываетъ, что митрополитъ Грекъ, по неспазію Русскаго языка, не произносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ, и вѣроятно, въ переводѣ поручалъ произносить другимъ.

Вотъ это начало: «Много поученій, о любви мои и возлюбленныя чада о Христѣ, мнѣ надлежало бы предлагать вамъ языкомъ моимъ, чтобы водою его напоить добрую и плодоносную землю,—разумѣю души ваши. Но не данъ мнѣ даръ языковъ, о которомъ свидѣтельствуется божественный Павелъ, и посредствомъ котораго я могъ бы творить порученное мнѣ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. великаго поста: то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе...» «Примемъ наступающіе дни съ радостію, и вмѣстѣ съ пророкомъ возопіемъ: *Придите возрадуемъ Господеву, воскликнемъ Богу Спасителю нашему, предваримъ лице Его во исповданіе.* Никто да nebudeтъ лишенъ добраго пѣнія, никто да nebudeтъ дряхлъ, но всѣ будемъ тихи и свѣтлы: о грѣхахъ только будъ печаленъ. Пусть никто не думаетъ безъ сокрушенія очистишь свои грѣхи, и безъ поста омытъ свои скверны.

Очистилъ тебя Христосъ крещеніемъ, и омылъ твой скверны: а ты опять осквернился грѣхами? Про жизнь же восплачи горько, воздохни; потерни на землѣ всякое страданіе, бдѣніе, неядѣніе; покажи крѣпкую молитву и милостыню къ нищимъ, отпусти должникомъ долги; а если это невозможно, то отпусти, по крайней мѣрѣ, большой ростъ, который, подобно змію, свѣдаетъ убогихъ. Если же ты постишься, и между тѣмъ съ брата берешь ростъ, нѣтъ себѣ никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а вкушаешь мясо,—немясоовцы или другихъ животныхъ,—но плоть брата твоего, закалая его злымъ ножомъ лихоиманія, неправедной мзды, тяжкаго роста. Не устыдимся объявить грѣхи наши, чтобы не остаться намъ неисцѣленными, чтобы вмѣсто срама временнаго, не подвергнуться вѣчному осужденію и посрамленію предъ избранными Ангелами Божиими, и вмѣстѣ людьми... Умолимъ Судію прежде нежели Онъ осудитъ насъ... Отложимъ дѣла тьмы, и облечемся во оружіе свѣта, отгоняя всякую злобу отъ душъ нашихъ и насаждая въ нихъ всякую добродѣтель...» «Не могу здѣсь оставить безъ зазрѣнія нѣкоторыхъ, которые, не внимая божественному ученію Христопророва — Апостола, дерзаютъ утверждать, будто не творятъ никакого зла чрезъ свое пьянство... Послушайте Апостола, называющаго пьянство матерью всякой злобы, всякой нечистоты и блуда; а ты говоришь, якобы ни мало не согрѣшаешь, предаваясь пьянству? Пьянство есть вольный бѣсъ, пьянство есть дщерь дьявола, пьянство есть смерть уму... Все это сказалъ я не для того, чтобы посрамить своихъ,—да не будетъ.—Я ихъ отъ души люблю; но чтобы отогнать отъ нихъ на постное время такое зло, каково пьянство.»

Заключеніе посланія къ В. К. Володимеру Мономаху по подлиннику: П едино ти реку на конци, христолюбивыи княже мои, мало; воспоминаніе пѣти третіею псалма, перваго часа, иже есть Р., и съ вниманіемъ его пон: милость и судъ пою Тебе, Господи, и прочая его; и тыи есть истинныи икувникъ царское

и княжское иконы. А еже глаголемаа от него испытывая и храняяи, тотъ приближеніа улучать, иже и просвѣтитъ тя еще и еще разумѣи ти очи, и отвратитъ от нихъ всяку суету, и освятитъ ти слухъ, и очиститъ сердце, и исправитъ стопы, и измѣтъ нозѣ твои от поплзєніа, и сподобитъ тя въ Господьскыи день Въскресєніа дойти в радости тѣлеснѣ, и въ здравіи, и въ веселіи душевнѣмъ и духовнѣмъ, и всѣаєтъ ти свѣтъ, иже праведнымъ сіаєи, и его съпругица веселіе; и на обхоженіе лѣтъ многъ, неосуженъ и неповиненъ, потомъ и на вышнее царство възнесєшия от долгяго, иже есть истинная Пасха и истинныи праздникъ.»

До сихъ поръ говорили мы о духовномъ, *благопріобрѣтенномъ*, образованіи, и о письменныхъ памятникахъ; но въ народѣ велось по *наследству*, изъ рода въ родъ, свое образованіе, свѣтское, мірское, и сохранялись произведенія словесности устныя.

Памятниками этого образованія остались былины, духовные стихи, пѣсни, и два сочиненія въ рукописяхъ: Посланіе Даніила заточеника и Слово о полку Игоревѣ.

Поговоримъ сперва о былинахъ.

Былины, или пѣсни былевья, дошли до насъ въ самомъ поврежденномъ видѣ, почти изуродованныя, но основаніе ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ глубокой древности, и ко времени главнаго лица, около котораго всѣ онѣ, такъ или иначе, обращаются, — стольнаго князя Кіевскаго Володимера. Кіевъ, Черниговъ, Волынь, Галичь, Дунай, Дибръ — вотъ имена, которыя безпрестанно слышатся въ этихъ пѣсняхъ, и показываютъ мѣсто ихъ сочиненія или происхожденія, — на югѣ, въ Кіевѣ и около Кіева.

Подлинность ихъ доказывается убѣдительно всею «отъ противнаго», какъ говорится въ логикѣ.

Объяснимся сперва по вопросу о времени.

Ни къ какому времени, кромѣ Володимерова, всего менѣе послѣ Татаръ, нельзя пріурочить нашихъ былинъ. Послѣ Татаръ другіе предметы возбуждали общее вниманіе: Каменнѣ Москва, Грозный царь, Казань и Астрахань, нашествіе Поляковъ. Замѣтимъ, что даже эти предметы, животрепетавшіе занимательностію, находили пѣвцевъ относительно меньше, другаго лада, какъ будто бы источникъ непосредственнаго народнаго вдохновенія оскудѣлъ, если не совсѣмъ изсякнулъ. Какимъ образомъ можно бы объяснить, въ это новое время, такое обращеніе отъ настоящаго къ давно-прошедшему, которое между тѣмъ почти совсѣмъ забывалось? Итакъ, пѣсни не могли быть сочинены послѣ Татаръ, а при Татарахъ еще менѣе: Югъ былъ опустошенъ и обезлюдѣлъ; Сѣверу было не до пѣсенъ, когда иго только-что отяготѣло надъ народомъ, и безпрестанные набѣги, набѣжавшіе баскаки, держали населенія въ постоянномъ страхѣ. Обычая, расположенія пѣтъ, на долго не стало. Князья все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ народа, и устроивалось особое правительство. Другіе нравы возникали вслѣдствіе государственнаго рабства, и если есть пѣсни изъ этого періода, то большею частію подражанія древнимъ, или переложенія древнихъ на новый ладъ, прилаживанье ихъ къ своему времени. Этимъ объясняются всѣ такъ называемые анахронизмы о Татарахъ, Литвѣ и Полякахъ, при Володимерѣ, какими обезобразились дошедшія до насъ былины. Ими всего болѣе подтверждается достовѣрность и подлинность древнихъ былинъ. Заплаты ясно

указываютъ собою, что подъ ими нѣкогда была другая ткань, обветшавшая и утраченная; онѣ указываютъ на древнюю основу, неподходящую подъ обстоятельства современныхъ, которая и замѣнена была ими.

Какъ ни одно время не подходитъ къ сочиненію этихъ пѣсень, такъ и ни одно мѣсто нельзя предположить, гдѣ бы онѣ могли быть сочинены; Сѣверъ и Востокъ при Татарахъ и послѣ Татаръ не имѣли почти никакого отношенія къ Югу. Гдѣ тамъ, кому, по какому поводу, и съ какою цѣлію, пришло бы въ голову, поминать тогда Володимира, съ Ильей Муромцемъ, Добрыней Никитичемъ, Чурилой Плеповичемъ, Алешей Поповичемъ, и прочими его богатырями? Откуда взять даже такія имена на Финскомъ Востокѣ и Сѣверѣ мнимымъ сельскимъ Макферсонамъ? Всѣ собственныя имена былинь были тамъ, какъ и теперь, почти неизвѣстны, развѣ въ темныхъ преданіяхъ и между богомольцами. Но не былиль былины сочинены на Югѣ? На Югѣ водворилась, если не образовалось новое общество, съ новымъ нарѣчіемъ, котораго и духа нѣтъ въ древнихъ былинахъ. Тамъ возникли совершенно другія отношенія, и, послѣ многихъ лѣтъ безмолвія, раздались новыя пѣсни, не имѣющія ничего общаго съ древними.

Кромѣ времени и мѣста остается еще вопросъ о самомъ сочиненіи: кому можно приписать сочиненіе этихъ пѣсень? одному лицу или многимъ? Одному лицу приписать нельзя, потому что въ былинахъ встрѣчаются различныя и противорѣчивыя между собою показанія: онѣ должны быть сочинены многими лицами. Эти многіе должны жить въ одно время, ибо всѣ ихъ сочиненія обращаются около однихъ и тѣхъ же лицъ, и имѣютъ средоточіемъ одно и то же мѣсто.

Сочинителей, подходящихъ подъ эти условія, знакомыхъ съ данными лицами и мѣстами, и вообразить пѣтъ возможности. *

Если нельзя приискать сочинителей, если нельзя съ какою нибудь вѣроятностію указать ни на время, ни на мѣсто сочиненія, то остается во всей силѣ первое мнѣніе, что былины сочинены въ Киевской странѣ, пародомъ, или его представителями въ этомъ случаѣ, особыми пѣвцами, скоморохами,— въ то время, какъ именуемыя въ нихъ лица дѣйствительно существовали, преимущественно до введенія христіанской вѣры.

Въ устахъ народа былины произошли, въ устахъ народа послѣ онѣ сохранялись, измѣнялись и пришли въ настоящее положеніе**.

Все это разсужденія а priori, отъ противнаго, но есть много доказательствъ убѣдительныхъ о древности былинь и а posteriori.

* Надо имѣть въ виду и тѣ обстоятельства, при которыхъ древнія былины сдѣлались извѣстными: объ нихъ никто у насъ и не думалъ, до нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири, на Демидовскихъ заводахъ, записалъ ихъ кто-то, и списокъ этотъ попалъ случайно въ Москву, гдѣ и былъ напечатанъ въ осмисотыхъ годахъ. Петру Васильевичу Кирѣевскому удалось собрать нѣсколько былинь, пѣтыхъ въ разныхъ Великороссійскихъ губерніяхъ. Наконецъ недавно г. Рыбниковъ нашелъ ихъ множество на крайнемъ Сѣверѣ, въ Олонецкой губерніи, и обнародовалъ въ четырехъ частяхъ своего драгоценнаго сборника.

** Нѣкоторые изъ новыхъ нашихъ критиковъ стараются доказать, что былины заимствованы нами у Финновъ, Татаръ и Турокъ. Ни съ которыми изъ этихъ племенъ въ древности мы не были въ слишкомъ близкихъ сношеніяхъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ нынѣшними связями, — а нынѣ заимствованія никакого у насъ не примѣчается: съ чего же допускать его въ древности, и въ такихъ размѣрахъ? Странное дѣло: мы принимаемъ народное творчество у кого угодно: у Финновъ, Татаръ и Турокъ,—и только отказываемъ въ немъ своему народу, не смотря на его древность, многочисленность, талантность и пѣвучесть!

Откудабъ, и гдѣ, послѣ Татаръ или при
Татарахъ, явилась шляпа земли Греческой,
мѣль козарца, гость Соражанинъ, кроватка-
рыбий зубъ, ягода-кости рыбьей, жеребцы
Латвискіе, корабли червленныя, Садко ку-
пецъ Новгородскій съ своими богатыми
кораблями, Леонтіи, попъ Ростовскій, Пу-
тична, Хотышъ Блудовичъ, земля Волинская,
Почай рѣка?

Когда, и гдѣ, кому, послѣ Татаръ, могли
быть извѣстны древнія слова лѣтописей:
паволоки, аксамиты, гридницы, которыя
встрѣчаются въ былинахъ?

Какъ и гдѣ могла бы сочиниться по-
добная тирада:

Завелся у солнышка почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Всѣ на пирѣ наѣдался,
И всѣ на пирѣ порасхвастались.
Какъ солнышко Владиміръ Князь
По хорому по гриднѣ поаживалъ,
Правой ручкой номахивалъ,
На богатырей службы намetyвалъ:
На перваго богатыря стараго Илью
Муромца,
На другаго богатыря молодаго Добрыню
Микитича,
На третьяго на душечку Михаилу Потыка
Ивановича.
Налпвалъ по чарѣ зелена вина,
По ковшу давалъ-то меду сладкаго.
На стараго казака Илью Муромца
Наметывалъ службу великую:
Съѣздить за горы Сарочинскія,
Убить силу поганую, отъ мала до велика,
Не оставить силы на сѣмена;
А на другаго богатыря Добрыню Ми-
китича
Наметывалъ службу великую:
Ему ѣхати богатырю за славное спне море,
Ему бить—земли прибавлявати,
Коренить языки человѣчески,

Прибавляваъ земельки Святорусскія.
А на третьяго богатыря душечку Ми-
хаила Потыка Ивановича
Наметывалъ службу великую:
Ему ѣхати богатырю во ты-ли во гридни
во черныя,
Во тые-ли Подолье Лиходѣво,
Справитъ то данн-выходы,
За старыя горы и за нынѣшни,
За двѣнадцать лѣтъ съ половиною.

Не ясно ли мы видимъ въ этихъ стихахъ
положеніе Великаго Князя Кіевскаго, ко-
торый самъ идетъ, или посылаетъ своихъ
воеводъ, на сосѣднія племена, какъ то было
при Игорѣ, какъ думалъ дѣйствовать Ва-
силько, (первая служба); — который хо-
дитъ или посылаетъ въ походъ непре-
станно для разпространенія предѣловъ земли
Русской, какъ Олегъ, Святославъ, Воло-
димеръ, (вторая служба); — который по-
сылаетъ своихъ бояръ (Свѣпелда, Яна)
собирать дань съ подвластныхъ племенъ
(третья служба).

Кому, при Татарахъ, могла придти въ го-
лову мысль о дальнихъ походахъ о поко-
реніи земель, о собираніи дани, которую
сами мы должны были нести съ покорно-
стію Татарамъ?

Володимеръ совѣтуется съ боярами въ
былинахъ, точно какъ въ лѣтописи, уго-
щаетъ ихъ также, и исполняетъ ихъ же-
ланиа, не падая казны своей.

Замѣтимъ наконецъ, что въ былинахъ
Володимеръ является болѣе язычникомъ,
чѣмъ послѣдователемъ Христіанства, которое
очевидно подмалевано впоследствии.

Кому при Татарахъ, или послѣ Татаръ,
могло придти въ голову воспоминаніе о богаты-
ряхъ Кіевскихъ, о богатствѣ Черниговскомъ,

о роскоши Новгородской, что читаемъ мы въ слѣдующихъ стихахъ:

Что ни лучшіе богатыри въ Кіевѣ,
Золота казна въ Черниговѣ,
А цвѣтно платьѣ въ Новгородѣ,
А хлѣбны запасы въ Смоленскѣ городѣ,
А мхи да болота въ заморской сторонѣ,
А разструпсты сарафаны по Мощѣ рѣкѣ,
А худые сарафаны въ Каргопольской
сторонѣ.

Послѣдніе три стиха, безъ сомнѣнія, есть прибавленіе позднѣйшаго, мѣстнаго, пѣвца.

Добрыня выѣзжаетъ въ чистое поле на промыселъ, какъ Гаральдъ, какъ Мстиславъ, племянникъ Давыдовъ, ходившій на море и проч.

«Пріѣзжалъ Добрыня къ своимъ поселямъ дворянскимъ».

(Также и Илья Муромецъ, подѣзжаетъ ко подворью дворянскому).

Этотъ стихъ испорченный, встрѣчающійся и въ простыхъ пѣсняхъ, указываетъ на древнія боярскія поселенія, слободы или земли, воздѣлывавшіяся закупами Русской правды.

Съ какаго образчика могло быть списано слѣдующее описаніе житія-бытія матери Дюка Саепановича въ Волынской землѣ, которое свидѣтельствовалъ Добрыня Никитичъ по порученію Князя Владиміра, вслѣдствіе похвалы Дюковой.*

Добрыня пріѣзжаетъ въ домъ Дюковой матери.

Въ первой комнатѣ сидитъ старая жепципа; не много на ней шелку, вся въ серебрѣ. Добрыня Никитичъ принимаетъ ее за Дюкову матушку, и говоритъ ей: Здравствуешь Дюкова матушка, честная вдова Мамелѣа Тимоѣевна! Старуха отвѣ-

чаетъ ему: «Я не Дюкова матушка, а Дюкова портомойница.» Идетъ Добрыня дальше по комнатамъ: въ каждой сидитъ по старой жепципѣ; первая вся въ красномъ золотѣ—то Дюкова постельница; другая въ скатномъ жемчугѣ—то Дюкова столыница; третья вся въ камняхъ драгоцѣнныхъ—то Дюкова чашница. Послѣдняя говоритъ Добрынѣ: «Ты напрасно спины не ломай и шею не сгибай, а ступай въ церковь соборную: тамъ есть Дюкова матушка.

Пошелъ онъ во церковь соборную.

Идетъ она изъ церкви соборная:

Впереди идутъ лопатники,

За лопатниками идутъ метельщики;

За метельщиками идутъ суконщики,
Разстилаютъ сукна одинцовыя.

Честную вдову Мамелѣу Тимоѣевну

Ведутъ тридцать дѣвцъ со дѣвцею.

Вся она обвѣшана бархатомъ,

Чтобы не запыло ее солнце красное,

Не капала роса утренняя.

— Здравствуешь, Дюкова матушка!—

«Здравствуешь, удаленькій - добрый
молодецъ!

«Ты откулешній, добрый молодецъ?»

— Есть я изъ города изъ Кіева,

— Отъ твоего отъ сына отъ любимаго:

— Захвасталъ онъ своимъ посельцемъ.—

«Ступай за мною, добрый молодецъ.»

Пришла во грядню столовую.

Полагали скатерти бранья,

Посадили за столки дубовые,

Поставляли напточки стоялые;

Напили, наѣли добрый молодецъ;

Отводили его въ ложню на кроваточку-
рыбій зубъ.

Спалъ молодецъ три сутки безъ просыпа,

На четверты встаетъ на рѣзвы ноги,

Пондетъ смотреть Дюково посельце.

Привели его въ конюшенки стоялые:

Не знаетъ конимъ и цѣны-то дать,—

Въ челкахъ и хвостахъ вилетено по
камню драгоцѣнному и проч.

* Начало описанія см. выше с. 528.

Откудабъ взяты въ былипахъ слѣдамъ мнѳологическимъ, напримѣръ лебедипымъ и прочимъ превращеніямъ, чарамъ на слѣдъ и т. п. указывающимъ на близость къ времени язычества?

Въ самомъ языкѣ былипъ, несмотря на всѣ поврежденія, сохранились еще признаки древности—въ словахъ и оборотахъ, напримѣръ: ряды рядить, крутиться, занимать мѣста не по отчипъ; употребленіе выпительнаго падежа въ формѣ именительнаго, особенное употребленіе дѣспричастія согласно съ языкомъ лѣтописей указываетъ также на древность, напримѣръ.

Какъ видѣли Илюшиньку сядучись
А не видѣли уѣдучись.

День они быются неѣдаючись,
И другой они быются непиваючись,
И себѣ отдыха недаваючись.

Пріѣдучись не качаются.

И тутъ Дунаюшка ко стыду
Начала плакать улпваючись.

Ты глупой Король Бутеянъ Бутеяновичъ,
Неучествовалъ молодець пріѣдучись,
А не ужаловать ти молодець поѣдучись.

Замѣтимъ еще нѣкоторые обороты чисто Русскіе:

Долною море долпнешенько,
Ширною море широкошенько,

А у тя просто за просто, пусто за пусто.
Кормите копя скоро на скоро, сыто
на сыто.

Чуднымъ чудно, дивнымъ дивно.

Стоя стоять, сидя сидѣть, лежа лежать.

Красно золото не мѣдѣтъ (не становится
мѣдью).

Чисто серебро не желѣзится (не стано-
вится желѣзомъ).

Всела его въ сплущку богатырскую,
Въ прежнюю храбрость великую.

Вшь до сыта, пѣя до любя.

Труднички работнички
Дьячекъ выдумщикъ.

Безпрестанно встрѣчаются любимые обороты, прилагательныя, какъ въ древней Греческой поэзіи:

Красная дѣвица, бѣлыя руки, рѣзвыя ноги, русая коса, буйная головушка, ключевая вода, пшеница бѣлая, столы бѣлодубовыя, скатерти бранныя, меду яраго, пива пьянаго, пески рудожелтыя, бѣль горючъ камень, мечъ кладенець, камена стрѣла, тугой лукъ и проч.

Къ числу доказательствъ о древности былипъ присоединимъ важное замѣчаніе Г. Майкова въ его дѣльномъ разсужденіи о былипахъ Владимірова цикла:

«Въ Германскій эпосъ еще въ XII вѣкѣ, а можетъ быть и раньше того, введены были Русскія дѣйствующія лица, извѣстныя намъ по былипамъ Владимірова цикла: въ Ислапдской, Thidrekssaga, въ половинѣ XIII в., составленной изъ древнихъ Саксонскихъ пѣсень и преданій упоминается король Русскій Вольдемаръ—Владиміръ, и его братъ Ярегъ Илья Греческій или Русскій—напъ Илья Муромецъ. Thidrekssaga называетъ его Греческимъ по его Греческой вѣрѣ. О Владиміръ еще можно сомнѣваться, —перешелъ ли онъ въ Нѣмецкій эпосъ изъ Русскаго преданія, т. е. былипы, или изъ исторической дѣйствительности, но относительно Илья сомнѣнія быть не можетъ: Илья существуетъ не въ исторіи, а въ одномъ эпосѣ, и именно подлѣ Владиміра, какъ и въ Thidrekssaga; кромѣ того имя его передано по Ислапдскій не Elias, какъ бы слѣдовало по обще-Германскому употребленію этого ветхозавѣтнаго имени, но Ilias

von Ripzen; очевидно со Славянскаго: Илья. Должно однако замѣтить, что происшествіи, въ которомъ участвуетъ ярь Илья, не имѣютъ ни чего общаго съ извѣстными изъ былинь подвигами Ильи Муромца. Путь, по которому могли перейти эти Русскія имена въ эпосъ Германскій, — безъ сомнѣнія, рассказы нижне-Нѣмецкихъ торговыхъ людей, посѣщавшихъ Русь.»

Мы сказали, что обычай пѣть на пирахъ пѣсни этого рода—при Татарахъ, вѣроятно, уничтожился, а до Татаръ, а еще болѣе до Христіанства, мы видимъ его въ полномъ ходу по историческимъ свидѣтельствамъ: вспомнимъ о Володимеровыхъ пирахъ и отношеніяхъ его къ дружинѣ по лѣтописи Нестора, о Святославовыхъ (Ярославича) пирахъ по житію Святаго Феодосія, о пирѣ богатаго въ отдѣльномъ сочиненіи. Вся наша древняя лѣтопись о времени дохристіанскомъ основана, очевидно, на такихъ пѣсняхъ.

Мы имѣли цѣлую пѣвческую литературу, мы имѣли Слова или Саги о всѣхъ важныхъ и неважныхъ подвигахъ древнихъ Князей нашихъ, начиная отъ Рюрика до нашествія Монголовъ, и далѣе, — словесность, о коей можемъ мы судить по Слову о Полку Игоревѣ, къ счастью до насъ дошедшему, и по другимъ слѣдамъ, открывающимся въ древнихъ памятникахъ, при тщательномъ ихъ разсматриваніи,

Олегъ, приплывающій со мпожествомъ судовъ изъ Новагорода къ Киеву, выдающій себя за Греческаго купца, приглашающій къ себѣ на лодки Киевскихъ Князей, Аскольда и Дира, смотрѣть его товары, и приказывающій убить ихъ, вынося на

рукахъ Игоря, — развѣ это не извлечено изъ Саги, изъ Слова?

А походъ его подъ Константинополь съ 2000 судовъ и 20 племенами; а суда его на колесахъ, на коихъ подиляль онъ по суху, при попутномъ вѣтрѣ, подъ стѣны города, а ядъ, подосланный Императоромъ въ брашнахъ, отгаданный Киевскимъ Княземъ; а щитъ, какъ знакъ его побѣды, на вратахъ Цареградскихъ; а парчевые паруса, устроенные имъ на своихъ судахъ, для возвратнаго пути—неужели это историческія, лѣтописныя показанія? Переводъ ихъ изъ Саги, изъ Слова, въ лѣтопись, мечется въ глаза.

Такова и смерть Олега отъ любимаго коня, которую предсказали ему кудесники. Онъ велѣлъ держать этого коня въ удаленіи, и чрезъ четыре года, по возвращеніи своемъ изъ похода, пошелъ посмотрѣть на его кости, смѣясь надъ предреченіемъ, какъ изъ-подъ черепа выскочила змѣя, [и ужалила Витязя въ ногу.

Не нужно доказывать долго, что о мести Ольгиной мы имѣли также обширное Слово, обширную Сагу, — какъ она научила пословъ Древлянскихъ требовать, чтобы ихъ попустили Киевляне въ теремъ въ лады, и на дорогѣ велѣла бросить въ яму и засыпать землею, — какъ она сожгла другихъ пословъ въ банѣ, — какъ она покорила Коростень посредствомъ голубей и воробьевъ, пустивши ихъ ночью въ городъ съ огнемъ.

Точно тоже должно сказать о избавленіи Киева отъ Печенѣговъ, посредствомъ юноши, который пробѣжавъ чрезъ Печенѣжскій станъ, бросился въ Дибръ и извѣстилъ Черниговскаго воеводу Претича объ опасности, угрожавшей городу, о войнѣ Болгарской Святослава, о походѣ Владимира

на Рогволода, объ избавленіи Бѣлогорода отъ Печенѣговъ хитростію старца, присовѣтовавшаго наполнить колодезь сытою и проч. и проч. — Не говоримъ объ именахъ трехъ славныхъ морскихъ разбойниковъ въ одной Скандинавской сагѣ, сходныхъ съ нашими, которыхъ нашелъ Шлѣцеръ, и которые можетъ быть попали на сѣверъ уже отъ насъ, представляя древнѣйшую нашу Сагу. (А можетъ быть братья прославились на сѣверѣ до прибытія къ намъ). — Однимъ словомъ Саги, Слова, были однимъ изъ важныхъ источниковъ Нестора, и имъ обязаны мы извѣстіями о древнѣйшихъ происшествіяхъ нашей Исторіи, точно такъ Исторія-соплеменныхъ Руси Норвежцевъ, Датчанъ, Шведовъ, сохранилась въ многочисленныхъ Сагахъ Исландіи.

Наши Слова, наши Саги, имѣли одинъ и тотъ же источникъ съ Исландскими. Замѣтимъ, въ подтвержденіе нашей мысли, что даже многія обстоятельства, встрѣчающіяся въ Несторѣ, мы находимъ въ сѣверныхъ Сагахъ, напримѣръ о смерти Олговой отъ коня, о взятіи города Ольгою посредствомъ птицъ. Въ самомъ образѣ выраженій примѣчается много сходства: оружіе поетъ, напримѣръ, по сближенію Профессора Буслаева, въ Скандинавской поэзіи, (мечъ, топоръ), и у насъ въ СПИ.: копія поютъ на Дунаи. Также «стязи (знамена) глаголятъ» въ СПИ., и въ Скандинавскихъ памятникахъ. «Вообще» продолжаетъ Г. Буслаевъ, «взгляды Нѣмца и Славянина на оружіе и воинскіе доспѣхи во многомъ сходятся: такъ въ СПИ.: щиты червленые» (прибавимъ, и въ былинахъ, и въ рисункахъ къ житію Св. Бориса и Глѣба, и на древнемъ моемъ образѣ Св. Георгія) «и въ Нѣмецкихъ памятникахъ эпитетъ щиту:

красный. Выраженіе въ СПИ.: «конецъ копія вскормленъ «согласуется съ представленіемъ въ Эддѣ: копиями кормилъ гадовъ змѣиныхъ, т. е. трупами падшихъ отъ копій.»

Эти Саги, эти пѣсни, рассказы, были первою принадлежностію пировъ княжескихъ на Сѣверѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, у насъ на Руси.

Вспомнимъ мѣста изъ былинь о скоморохахъ.*

Въ самыхъ лѣтописяхъ находимъ мы извѣстія, хотя неясныя и неопредѣленныя, о древнихъ пѣвцахъ, въ дополненіе къ извѣстіямъ о скоморохахъ въ былинахъ, напримѣръ подъ годомъ 1243, къ Волинской Лѣтописи читается: Андрей же не удоси его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; *словутънего пѣвца Митусу*, древле за гордость не восхотѣша служити Князю Данилу, раздранаго акы связаного приведоша...»

Данилу съ братомъ, 1251, «пѣснь славу пояху» по возвращеніи изъ удачнаго похода на Ятвяговъ.

О Владимирѣ Васильковичѣ, подъ годомъ 1288, сказано: Володимеръ.. бѣ разумъ притчи много тыхъ словъ.

Окончательно же убѣждаетъ въ существованіи старыхъ былинь самъ сочинитель Слова О полку Игоревѣ, у котораго безпрестанно встрѣчаются мѣста, доказывающія множество прежнихъ сочиненій этого рода, множество *Словъ*. Съ самаго начала онъ говоритъ о *старыхъ словесахъ*, потомъ о пѣсняхъ старому Ярославу, храброму Мстиславу, «иже зарѣза Редело

* См. выше, с. 512.

предъ полки Косоожскими, красному Роману Святославичю;» о пѣсняхъ Бояна, котораго пазываетъ соловьемъ древняго времени, внукомъ Велесовымъ, который «аще кому хотяше пѣснь творити... своя вѣщія персты на живыя струны воскладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху».

Упоминовенія объ Олегѣ Святославичѣ, Борисѣ Вячеславичѣ, Всеславѣ Брячиславичѣ, кажутся отрывками изъ Словъ объ этихъ Князяхъ.

Говоря о Всеславѣ, пѣвецъ приводитъ слова Бояповы: тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути.

Въ заключеніи говорится что-то о пѣснотворцѣ Святославѣ стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя... и опять упоминается о *пѣснѣхъ* старымъ Князьямъ, а потомъ молодымъ.

Нѣкоторыя мѣста очень не ясны, не смотря на усилія нашихъ прелогателей. По крайней мѣрѣ мы получаемъ изъ нихъ понятіе о существованіи древней исторической поэзій, перенятой съ Сѣвера, между тѣмъ какъ лирическая развивалась изъ собственныхъ, т. е. Славянскихъ элементовъ. Впрочемъ и историческая, по свойству нашего языка и народнаго характера, приняла у насъ другой, свой характеръ, и наше Слово о полку Игоревѣ, напримѣръ, представляетъ несравненно болѣе живости, теплоты, нежели Саги, которыхъ главная прелесть состояла въ пѣвическомъ языкѣ.

Саги Исландскія двѣсти, триста лѣтъ, сохранялись въ изустномъ преданіи, и послѣ уже были записаны на островѣ Исландіи, гдѣ много особыхъ обстоятельствъ

содѣйствовало этому явленію,—а у насъ черезъ двѣсти, триста лѣтъ, послѣ Олеговъ, Володимировъ, Ярославовъ, нагрянули Татары,—и намъ было не до записыванія пѣсенъ, особенно на югѣ, гдѣ съ явленіемъ козачества являются другія Саги, какъ замѣчено выше, казачкія, историческія пѣсни и думы, смѣнявшія, приведшія въ забвеніе прежнюю поэзію.

Вторая причина, почему не сохранились древнія наши былины въ рукописяхъ, это—отвращеніе духовенства отъ всѣхъ мірскихъ свѣтскихъ сочиненій, а кромѣ духовенства писцовъ было мало.

Дошедшія до насъ въ устахъ народа былины составляютъ какъ бы средину между древними Исландскими Сагами, и сохранными у Нестора основами первыхъ нашихъ Сагъ съ одной стороны, а съ другой съ Словомъ о Полку Игоревѣ, однимъ изъ послѣднихъ проявленій этой словесности.

Въ заключеніе этихъ разсужденій, приведемъ отрывокъ изъ Стрипгольмова классическаго сочиненія о Норманнахъ — очеркъ Сѣвернаго Скальда, и вспомнимъ опять о нашихъ скоморохахъ, какъ они изображены въ оставшихся былинахъ. «Сѣверный Скальдъ долженъ быть богатъ въ изобрѣтеніи, остроуміи, и мышленіи; онъ долженъ быть знакомъ не только съ современными примѣчательными происшествіями, ибо ихъ надо ему воспѣвать, — онъ долженъ обладать свѣдѣніями о происшествіяхъ прежняго времени, и преимущественно знать обстоятельно сѣверное ученіе о богахъ, какъ основаніе пѣвическаго языка и мифологическихъ образовъ. Быстрый и смѣлый ходъ, богатство и смѣлость въ образахъ, глубокое и сильное

чувство, часто высокомеріе и пріятность, господствуютъ въ пѣсняхъ древнихъ. Рѣдкія, устарѣлыя, въ ежедневной рѣчи неупотребительныя слова и названія, были припеты въ языкъ Скальдовъ, или удержаны въ немъ, чтобъ возвысить его надъ ежедневнымъ, и сообщить ему больше торжественности. Она выражается особенно въ искусственномъ, обработанномъ своемъ видѣ, описаніями лицъ и вещей, заимствованными изъ мѣтологіи и природы, смѣлыми, исполненными образовъ. На счастливомъ выборѣ описаній изысканныхъ, меткихъ мыслей, изображеній, основывалась преимущественно красота и искусство языка Скальдовъ. Простое названіе вещи считалось принадлежностію ежедневнаго языка. Скальды любили описательныя названія, и старались роскошнымъ разнообразіемъ многознаменательныхъ образовъ, въ коихъ заключались слова и цѣлыя положенія, напрягать мысли слушателей, и воспламенить ихъ воображеніе. Они употребляли въ то же время ужасную перестановку словъ, и умѣли, если хотѣли, такъ сокрыть свои мысли посредствомъ запутанныхъ оборотовъ, темныхъ, изысканныхъ описаній и особенно мудреныхъ словъ, что нуженъ былъ великій даръ соображенія, дабы выразумѣть ихъ смыслъ.

Пѣсни, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, питали любовь къ пѣнію, и производили новыхъ Скальдовъ. Многіе такіе слѣдовали за Гаральдомъ Гильдетаномъ на Бравальское сраженіе, и воспоминаніе объ этомъ великомъ происшествіи было прославлено въ пѣсняхъ. У всѣхъ сѣверныхъ Князей были Скальды.

Пѣсни были различны: Дгара (муж. dgarog) героическія, торжественныя, вели-

чественныя стихотворенія, пѣсни во многихъ отдѣленіяхъ, съ возвратными стихами (Kehreimen), въ коихъ воспѣвались дѣянія и жизнь Королей и великихъ героев. О мужахъ, менѣе славныхъ и высокихъ, о происшествіяхъ менѣе значительныхъ и важныхъ сочинялись Flökr, пѣсни меньшаго объема безъ отдѣленій и возвратныхъ стиховъ. Въ древнихъ пѣсняхъ, особенно въ Дгарахъ, бываетъ обыкновенно родъ gefgein изъ двухъ или четырехъ стиховъ, которые принадлежатъ къ правильной строфѣ, и только въ концѣ каждаго новаго отдѣленія пѣсни повторяются и пр.

Скальды путешествовали по всѣмъ странамъ, гдѣ употреблялся Сѣверный языкъ, чтобъ собирать предметы для своихъ пѣсенъ, и пріобрѣтать честь и награду. Скальдъ входилъ въ Княжескую палату, гдѣ Король съ своими мужаи сидѣлъ и пилъ, просилъ о позволеніи представить пѣснь въ честь Короля, произносилъ ее мужественнымъ голосомъ, и получалъ золотыя (Ringe) гривны, знатныя оружія, драгоценныя одежды и содержаніе при дворѣ Княжескомъ. *Стихотвореніе выучивалось панзустъ придворными людьми, и должно было оставаться, передаваться въ воспоминаніи, чтобъ довести до потомства Княжескую славу. Отъ Скальдовъ требовалось, чтобъ они не только обладали искусствомъ сочинять и произносить стихи съ достоинствомъ и живостію, но они должны были имѣть въ памяти пѣсни древнихъ Скальдовъ, и память ихъ посредствомъ упражненія была такъ изощрена, что одинъ Скальдъ могъ пропѣть Королю Гаральду Гардрате (мужу нашей Елизаветы Ярославны) шестьдесятъ

* См. выше, с. 513.

пѣсней, и когда Король, слушавшій ихъ до глубокой ночи, спросилъ Скальда, знаетъ ли онъ еще, то сей отвѣчалъ, что можетъ еще пропѣть полстолька. Путешествуя отъ двора ко двору, изъ страны въ страну, Скальды въ древности были свѣдомые люди своего времени, потому что многое видѣли, и опытомъ извѣдали.

Къ пѣнію присоединялись повѣсти, рассказы изъ древнихъ сѣверныхъ героическихъ сагъ, — самое любимое провознесеніе при княжескихъ дворахъ, частныхъ обществахъ, и въ домашнемъ кругу крестьянина.»

Прервемъ наши доказательства, оставимъ прихотливыя сомнѣнія, истекающія изъ предвзятыхъ мыслей, и познакомимся лучше съ самими былинами. Содержаніе ихъ: подвиги витязей. Тѣлесная сила, по замѣчаніямъ Шевырева, удалство, безстрашіе, самоотверженіе, отсутствіе всякой личности, хитрость и оборотливость, иронія и шутка, грубость, вызываемая (дикими) племенами, съ которыми мы имѣли дѣло, иногда доходящая до жестокости, — вотъ черты, выдающіяся съ перваго раза на физиономіи нашихъ витязей. Важность ихъ заключается преимущественно въ подробностяхъ разнаго рода.

Какъ пѣзъ славнаго города Муромъ,
Изъ того села Корочарова;
Какъ была-де поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ
Ко стольному городу ко Киеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ черныя грязи Смоленскія:
Изалегъ ее, дорогу, Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:

Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Которая залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца
съ матерью.

А и только его Илью видѣли—
Прощался съ отцомъ съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія.
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ
бедрамъ—

А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускака не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ;
Во темныхъ лѣсахъ во Брынскихъ,
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
И наѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника.
И слышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія.
Засвисталъ Соловей по соловьиному;
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по
змѣнному,

А втретью зрявкаетъ по звѣрному,—
Подъ Ильею конь окорачился,
И надалъ вѣдь на кукорачъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
« А ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!
« Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлока-
менныхъ,
« Не бывалъ ты конь во темныхъ лѣсахъ,
« Не слыхалъ ты свисту соловьиного,
« Не слыхалъ ты шипу змѣишаго,
« А того ли ты крику звѣринаго,
« А звѣринаго крику туринаго.»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу,
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловья да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Кожомъ ко сырой земли.

Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на
бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко
сѣдѣльнымъ,
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.

Укажемъ на нѣкоторыя своеобразныя опи-
сания, обороты, выраженія, замѣчательныя
по своей поэзии или по признакамъ древности.

Родился Волхъ Вееславьевичъ.
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошла,
Зайцы, лисицы, по чащицамъ,
Волки, медвѣди, по ельникамъ,
Соболи, куницы, по островамъ.

Будетъ Волхъ въ полтора часа — ужъ
онъ говорить, какъ громъ гремитъ.

Чтожъ онъ говорить своей матери?

А не пеленая во пелену въ червчатую,
А не пояси въ пояся шелковыя,
Пеленая меня, матушка,
Въ крѣпки латы булатныя,
А на буйну голову клади златъ шоломъ,
Во праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую.

Какъ былъ-то я (мастеръ) въ молодую пору
По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ
ворономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкимъ бѣлымъ
горносталемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрою
утушкою.

Ахъ ты старость моя глубокая,
Да не въ пору молодца старость со-
старила!

У меня-ль головка состарѣла,
Сердце молодецкое соржавѣло,
Русы кудри посѣдѣли.
Аи же, сила моя, войско сорокъ тысячъ!
Сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней,

Туго на туго и крѣпко на крѣпко,
Поѣдемъ мы въ слѣдъ сугоною
За этою щенятью бѣлогубою...

Какъ засвисталъ Соловей (разбойникъ)
по соловьиному,

Закричалъ, злодѣй, онъ по звѣриному.
Отъ этого отъ посвиста соловьиного,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго,
Очень великъ шумъ пошелъ;
Темные лѣса къ землѣ наклонились,
Околенки хрустальныя поразсыпались,

Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.
И всѣ князья-бояра на землю припадали,
Всѣ старые дома во Киевѣ приломались,
А новые дома пошатался,

Оконницы всѣ изъ домовъ припадали.
Отъ его ли крику богатырскаго
Тихая заводь сколыбалася,
Съ пескомъ вода помутилася,
У него конь на колѣнки палъ.

И упалъ Добрыня съ добра коня
На сыру землю въ ковыль траву;
Лежалъ три часа за мертво:

Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднѣя,
Что сталъ его бурушка поскакивать,
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ
летитъ:

Добрый молодецъ перегонъ гонитъ,

Пошелъ его добрый конь чистымъ полемъ,
Сталъ онъ по раздольицу поскакивать,
Съ горы на гору онъ перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелкія озерка-рѣченъки промежъ ногъ
спуцалъ.

Такъ не молвія тутъ по чисту полю
промолвила,

Проѣхалъ-то Добрыня на добромъ конѣ.
Подѣхалъ онъ къ сыру дубу ко Невину,
Ко славному ко камени ко Латырю.

Будеть Василій семи годовъ,
Сталъ онъ по городу похаживать,
На княженецкій дворъ онъ загудивать,
Сталъ шутить онъ, пошучивать.
Шутить-то шуточки недобрыя
Со боярскими дѣтмы, со княженецкими:
Котораго дернетъ за руку, рука прочь,
Котораго за ногу, нога прочь.

«Ай же, любезна моя дружина хоробрая!
«Поди-тко теперь опочивъ держать,
«А я теперь стану съ ребятами поигрывать.»

И зачалъ Василій по мосту похаживать,
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ, туды улица,
Перемахнетъ—переулочекъ.
И лежать-то мужики увалами,
Увалами лежатъ, перевалами,
Набило мужиковъ какъ погодую.

И ѣдетъ Василій помахиваетъ,
Съ горы на гору конь его поскакиваетъ,
Съ холма на холму конь его поплясываетъ.
Рѣки, озера, между ногъ пуцалъ,
Синія моря около скакалъ.
Хвостъ по земли разстилается,
А грива подъ копыта подвивается,
Искра съ ноздрей разсыпается,
Огненное пламя распалается,
Огненнымъ щитомъ сборяется.

Тутъ Михаила Потыкъ сынъ Ивановичъ
Береть-то тугій лукъ разрывчатый,
Натянулъ онъ тетивочку шелковеньку,
И наложилъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Хотитъ подстрѣлить эту бѣлую лебедушку.

Этая бѣлая лебедушка
Поднималася отъ синя моря
На своихъ на крыльяхъ лебедьныхъ,
Садилась она на черленъ корабль,
Обвернулась красной дѣвицей...

Чурило сынъ Пленковичъ
Обуль сапожки-то зеленъ сафьянъ:
Носы шиломъ, а пяты востры,
Подъ пяту хотъ соловей лети,
А кругомъ пяты хотъ яйцемъ кати;
Надѣлъ онъ шубу-то собольюю:
Во пуговкахъ литы добрые молодцы,
Во петелькахъ шиты красныя дѣвицы;
И наложилъ онъ шапку черну мурманку,
Ушисту, пушисту, завѣсисту:
Спереди не видно ясныхъ очей,
А сзади не видно шеи бѣлыя.
А молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ

По Кіеву не снаряденъ шель:
И обуты были лапотцы семи шелковъ;
Въ эти лапотцы были вплетены
Дорого каменье все яхонты,—
Который же камень самоцвѣтный
Стоялъ города всего Кіева,
Опрічь Знаменья Богородицы,
И опрічь прочихъ святителей.
И надѣта была у него шуба-та расхожая,
Во пуговкахъ литы люты звѣри,
Во петелькахъ шиты люты змѣи,
И бралъ Дюкъ плеточку шелковую,
Матушкино благословеніе,
Подернулъ Дюкъ по пуговкамъ—
Заревѣли во пуговкахъ люты звѣри;
Подернулъ Дюкъ по петелькамъ,
Засвистали во петелкахъ люты змѣи.
И отъ того реву отъ звѣринаго,
И отъ того свисту отъ змѣйнаго,
Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Старый и малый на землѣ лежить;
Только малые люди оставалися,
За Дюкомъ всѣмъ городомъ Кіевомъ
качнулись:

А почни тутъ Дюкъ Степановичъ своимъ
пугвицамъ поваживать,—
Во повалъ тутъ всѣ повалилися, ужа-
снулись:

Что во всякой во златой пугвицѣ
Сорокъ сороковъ змѣй пещерскихъ
шипить,
И во всякой того пугвицѣ

Сорокъ сороковъ звѣрей лютихъ ре-
вомъ ревить.
А почви тутъ въ другу сторону пугви-
цамъ поваживать:
Что во всякой-то златой пугвицѣ
Сорокъ сороковъ птицъ Божьихъ пѣсни
затягиваютъ.
Весь людъ Божій тутъ удивленье взяло.
Вси ѣны ко Дюку Степанычу честно
приближаются.
Ко его мудрецкому кафтану старъ-младъ
приклоняются,

Въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
Времячко-то идетъ день за день,
День за день, какъ трава растеть,
Годъ за годъ, какъ вода текеть,

Какъ день за днемъ, будто дождь
дождить,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.

Нагнано-то силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ чернаго ворома.
Инеможеть пропекать красное солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣче-
скимъ.

Вешнимъ долгимъ денечкомъ
Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
Меженнымъ долгимъ денечкомъ
Черну ворону этой силы не обграяти,
Осеннимъ долгимъ денечкомъ
Сѣрой птицы вокругъ не облетѣть.

У меня во черевѣ младенецъ.
Того младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ серебрѣ,
По локоть руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми пекетъ красно солнышко!—

Всталъ Добрыня на рѣзвы ноги.
Походилъ Добрыня на широкой дворъ.
Пришедши Добрынюшка разжался,

Что мать несчастливаго породила,
Смѣлостью меня не смѣлаго,
Силою меня не сильнаго,
И красотой меня не красиваго,
Богатствомъ меня не богатаго,
Кудрямы меня не кудряваго.
На что меня несчастнаго молодца спо-
родила,
Гребешкомъ мою головушку загладила,
Копылкомъ бородку наладила,
Спустила добраго молодца во далече-
далече во чисто поле,

Пошла женка путемъ да дорогою:
Мелкіе-то ручейки бродомъ брела,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла,
Чистыя поля разбойниковъ о полночь
прошла:
О полночь разбойники опочинъ держать.
Темные лѣса-лютыхъ звѣрей о полдень
прошла
О полдень лютыя зрѣри да опочинъ
держатъ.

Тутъ не двѣ утушки сѣрыя сплывалися,
Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися:
Садилася свекровушка да невѣстушка
въ одно мѣсто,

Плачутъ обливаются,
Да молода Добрынюшку изъ чиста поля
дожидаются,

Приѣдучись не начинаютъ.

Духовные стихи, до насъ дошедшіе,
сильно поврежденные и подновленные,
должны быть нѣсколько моложе былицъ,
по своимъ приемами, оборотами и языкомъ,
показываютъ близкое сродство съ ними.
Воспѣваются въ нихъ разные святыя, примѣ-
чательные по какимъ-либо особеннымъ проис-
шествіямъ въ своей жизни: Іосифъ прекрас-
ный, Лазарь убогий, Алексѣй Божій чело-
вѣкъ, Іоасафъ пустынный, Феодоръ Тиронъ.

Мы предложимъ для образчика стихи о
Георгіѣ храбрѣмъ и Дмитріѣ Селунскомъ,
которые чтутся особенно въ Русскомъ
народѣ.

Стихъ оъ Егоріѣ храбрѣмъ.

Во святой землѣ, православной,
Нарождается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софіи;
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище—Георгій,
По прозваніицу—храброй.
Возрастаетъ Георгій храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходячи,
Святымъ словомъ угрожаючи,
Міру крещеному угрожаючи.
Какъ и сталъ онъ, Георгій храброй,
Въ матеръ возрастъ приходити,
Умъ-разумъ спознавати,
И учаль во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
„Созволь, родимая матушка,
„Осударыня премудрая Софія,
„Въхати мнѣ во землѣ Свѣтло-русской
„Утвержать вѣры христіанскія.»
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Софія,
Свое благословеніе великое:
Въхати ко той землѣ Свѣтло-русской,
Отъ востока до запада повѣжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
Навѣжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто провѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто протоп-
рити,
Нельзя Георгію туто провѣхати,
Нельзя храброму туто протоприти.
И Георгій храброй проглаголетъ:
«Ой вы, лѣса, лѣса темные!

«Ой вы, лѣса, лѣса дремучес!
«Зароститесь, лѣса темные,
«По всей землѣ Свѣтло-русской,
«Раскиньтеся, лѣса дремучіе,
«По крутымъ горамъ по высокімъ,
«По Божьему все ведѣнью,
«По Георгіеву все моленью!»
По его слову, Георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заростали лѣса темные
По святой землѣ Свѣтло-русской.
Раскидалися лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ по высокімъ...

Точно тоже произошло съ встрѣченными
горами, морями, рѣками, звѣрами, къ ко-
торымъ Георгій относился съ своими при-
казаніями.

«Ой вы, горы, горы высокія!
«Ой вы, холмы, холмы широкіе!
«Разсыпьтеся горы высокія,
«По всей землѣ Свѣтло-русской;
«Становитесь холмы широкіе,
«По степямъ, полямъ зеленымъ,

«Ой вы моря, моря глубокія!
«Ой вы рѣки, рѣки широкія!
«Потеките моря глубокія,
«По всей землѣ Свѣтло-русской,
«Побѣгите, рѣки широкія,
«Отъ востока да и до запада.

«Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
«Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!
«Заселитесь, звѣри могучіе,
«По всей землѣ Свято-русской,
«Плодитесь звѣри рогатые,
«По степямъ, полямъ безъ числа.
«А и есть про васъ на сѣдомое
«Во поляхъ трава муравчатая,
«А и есть про васъ на поилицо
«Во рѣкахъ вода студеная.»

Навѣжаетъ онъ, Георгій храброй,
На то стадо, на змѣнное,
На то стадо, на лютое;

Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
 И стадо зминое возговорить
 Ко тому ли Георгію храброму:
 «Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
 «Али ты, храброй, не знаешь:
 «Что та земля словомъ заказана,
 «Словомъ заказана, заповѣдана.
 «По той землѣ заповѣданной
 «Пѣшь человекъ не проѣживалъ,
 «На коню никто не проѣживалъ.
 «Уйми ты, Георгій, своего коня

ретиваго,

«Воротися ты, храброй, самъ назадъ.»
 Вынималъ Георгій саблю острую,
 Нападалъ храброй на стадо зминое.
 Ровно три дня и три noci
 Рубить колетъ стадо зминое:
 А на третій день ко вечеру
 Посѣлъ, порубилъ стадо лютое.
 Назъжастъ онъ, Георгій храброй,
 На ту землю Свѣтло-русскую,
 На тѣ поля, рѣки широкія,
 На тѣ высоки терема, златоверхіе.
 Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
 Хочетъ онъ, храброй, туто прото-
 рити.

Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
 Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
 Какъ и тутъ ли ему, храброму, про-
 глаголюють:

«А тебя ли мы, Георгій, ожидаю-
 чись,

«Тридцать три года не вступаючи
 «Съ высока терема, златоверхаго.

«А и тебя ли мы, храбраго, дожи-
 даючись,

«Держимъ народу великъ обѣтъ:
 «Отдать землю Свѣтло-русскую,
 «Принять отъ тебя вѣру крещеную.»
 Принимаетъ онъ, Георгій храброй,
 Ту землю Свѣтло-русскую
 Подъ свой великъ покровъ,
 Утверждаетъ вѣру крещеную
 По всей землѣ Свѣтло-русской.

Стихъ о Дмитрѣ Солунскомъ.

Съ перваго вѣку-начала Христова
 Не бывало на Салымъ градъ
 Ни какой бѣды, ни погибели.
 Идетъ насланіе Божіе на Салымъ градъ,
 Идетъ невѣрный Мамай царь,
 Сѣчетъ онъ, и рубить, и во плѣнь
 емлетъ,
 Просвѣщенные соборныя церкви онъ
 разоряетъ.

У святой у соборной у церкви
 Стоялъ старецъ Онофрій на молитвѣ,
 У всеночной всю ночь на папери.
 Молился онъ Спасу и Пречистой Бого-
 родицѣ,
 И святому Дмитрію, Солунскому чудо-
 творцу,
 И увидѣлъ онъ чудо у престола:
 Два ангела ликъ лиговали
 Святому Дмитрію Солунскому чудо-
 творцу.

Попелъ онъ по Салыму граду объявляти,
 Бнзьямъ-боярамъ и воеводамъ,
 И Митріемъ-митрополитамъ.
 Попамъ-священникамъ и игунамъ,
 Да и всѣмъ христіанамъ:
 —Вы гой еси, князья-бояре, воеводы
 —И митрія-приполиты,
 —Попы-священники и игумены,
 —Всѣ православные христіанѣ!
 —Не сдавайте вы Салыму града и не
 покидайте:
 —Не быти нашему Салыму граду взяту,
 —А Мамайской силѣ побитой.

Оповѣщенные спросили его, почему онъ
 это знаетъ, и получили въ отвѣтъ извѣстіе
 объ его видѣніи.

По утру было ранымъ ранехонько,
 Не высылка изъ Салыму граду учи-
 нилася:
 Единъ человекъ изъ за престола воз-
 ставаетъ,
 Пресвѣтлую онъ ризу облакаетъ,

Единъ на бѣла осла садился,
Единъ изъ Салыму граду выѣзжаетъ,
Единъ невѣрную силу побѣждаетъ,
Сѣчетъ онъ и рубить, и зарубежъ
гонить.

Побѣдилъ онъ три тмы
И три тысячи невѣдомой силой,
Да и смѣту нѣтъ!
Отогналъ онъ невѣрнаго царя Мамай
Во его страну въ порубежную.
А злодѣй невѣрный Мамай царь,
Когда бѣжалъ, захватилъ онъ двухъ
дѣвицъ полонянокъ,
Увозилъ онъ ихъ въ свою сторону по-
рубежную,
Началъ онъ двухъ дѣвицъ вопрошати:
—Вы гой еси, двѣ дѣвицы, двѣ русскія
полонянки!
—Скажите вы мнѣ не утайте:
—Какой есть у васъ могучій богатырь,
—Единъ на бѣлѣ ослѣ садился,
—Единъ изъ Салына града выѣз-
жаетъ, и пр.

(Повторяются вышеприведенные стихи).

Двѣ дѣвицы невѣрному царю Мамаю
отвѣчали:

«О злодѣй, невѣрный Мамай царь:
«Это у насъ не могучъ богатырь,
«Это нащъ святой отче
«Дмитрій Солунскій чудотворецъ.»
Возговорилъ невѣрный царь Мамай
Ко двумъ ко дѣвицамъ.
—Кто это у васъ святой отче,
—Дмитрій Солунскій чудотворецъ?
—Вышейте вы мнѣ на ковръ
—Ликъ своего чудотворца Дмитрія
Солунскаго,
—Коню моему на прикрасу,
—Мнѣ царю на потѣху,
—Передайте лице его святое на по-
руганье.—

(Двѣ дѣвицы отказались)

Тогда же невѣрный царь Мамай
На двухъ дѣвицъ опалился:
Вынимаетъ онъ саблю мурзаведкую,

Да и хочетъ онъ головы ихъ рубити
По ихъ плечи по могучія.
Двѣ дѣвицы убоялись,
Къ невѣрному царю Мамаю прикло-
нились:

«Озлодѣй, собака, невѣрный Мамай царь:
«Не руби-ка ты наши головы
«По наши плеча по могучія,
«Дай ты намъ время хоть до утра.»

Двѣ дѣвицы шили коверъ, вышивали,
Святое лице на ковръ вышивали,
На небеса возирали,
Горючія слезы проливали.
Молились онъ Спасу, Пречистой Бого-
родицѣ,
И святому Дмитрію Солунскому чудо-
творцу.

Поздно вечеромъ онъ просидѣли,
На ковръ спать ложились, и приуснули.
По Божьему все по велѣнью,
И по Дмитрія святому моленью,
Возставали сильныя вѣтры,
Подымали коверъ со двуи со дѣвицами,
Подносили ихъ ко граду ко Солуну,
Ко святой соборной Божьей церкви,
Ко празднику Христову,
Ко святому Дмитрію Солунскому чудо-
творцу:

Положило ихъ святымъ духомъ за пре-
столомъ.

По утру было ранымъ рано,
Церковный пономарь отъ сна возста-
ваетъ,
Приходилъ онъ во святую соборную
церковь

Къ утренней заутрени благовѣстити,
Утреннія молитвы говорити.
Приходилъ онъ въ соборную Божию
церковь,

Увидѣлъ онъ чудо за престоломъ:
Спать на ковръ двѣ дѣвицы,
Двѣ русскія полонянки.
Церковный пономарь убоялся,
Изъ церкви вонъ утекаетъ,

Ко священнику прибѣгаетъ,
 Ото сна его разбуждаетъ:
 —Батюшка ты нашъ попъ,
 —Священникъ, отецъ духовный!
 —Возстань ты ото сна, пробудися,
 —Гряди скоро во соборную церковь
 —Великое чудо явилось,—
 —Спать на коврѣ двѣ дѣвицы,
 —Двѣ русскія полонянки.—
 Попъ-священникъ отъ сна возстаетъ,
 Животочною водой лице свое умываетъ,
 На ходу онъ одежду надѣваетъ,
 Грядетъ онъ скоро во святую соборную
 церковь,

До Господняго престола доступаетъ,
 Животворящій крестъ съ престола
 принимаетъ,

Святой ихъ водой окропляетъ,
 Ото сна разбуждаетъ:
 «Встаньте вы, двѣ дѣвицы,
 «Двѣ русскія полонянки,
 «Ото сна вы пробудитесь!
 «Скажите вы мнѣ, не утайте,
 «Какъ вы здѣсь явились
 «Изъ той земли изъ невѣрной,
 «Во славномъ городѣ во Салунѣ,
 «Во святой соборной церкви за пре-
 столемъ?»

«Какъ вамъ замки отмыкались,
 «Какъ двери отворялись,
 «И какъ свѣчи зажигались?»
 Двѣ дѣвицы отъ сна пробуждались.
 Поначали онѣ, что невѣрный Мамай:
 «О злодѣй, собака, невѣрный Мамай
 царь!

«Не руби-ка ты наши главы
 «По наши плечи по могучія.
 «Мы вышили тебѣ на коврѣ
 «Ликъ святаго Димитрія Солунскаго
 чудотворца.

«Предали лице его тебѣ злодѣю на по-
 руганье.»

Попъ-священникъ, стоя на мѣстѣ изу-
 мился,

На двухъ дѣвицъ прослезился,
 На небеса возираеть,

Горючи слезы проливаетъ,
 Во слезахъ онъ отвѣчаетъ:
 «Вы гой еси, двѣ дѣвицы.
 «Двѣ русскія полонянки.
 «Вѣдь не невѣрный Мамай царь,
 «Я вашъ священникъ, отецъ духовный.»
 Двѣ дѣвицы отъ сна возставали,
 Животочной водой лице умывали,
 Животворящимъ крестомъ себя ограж-
 дали,

Священнику отвѣчали:
 «Батюшка, священникъ, отецъ ду-
 ховный!

«Мы сами про то не вѣдаемъ,
 «Какъ мы у васъ явились,
 «Изъ той земли невѣрной,
 «Во славномъ городѣ во Салунѣ;
 «Знать по Божьему повелѣнію,
 «По Димитрія святаго моленію,
 «Сама намъ Божія церква отмыкалась,
 «И сами намъ двери отверзались,
 «Сами намъ за престоломъ свѣчи за-
 жигались!»

Попъ священникъ, отецъ духовный,
 Заблаговѣстилъ во многіе колокола,
 И услышали по всему граду по Салуну
 Князя-бояре, воеводы,
 И митрии-митрополиты,
 Попы-священники, игумены,
 И всѣ православные христіане;
 Собирались они въ соборную
 церковь,

Подымали они иконы мѣствыя,
 Служили они молебны честныя,
 Молилися они Спасу, Пречистой Бого-
 родицѣ
 И святому Димитрію Солунскому чудо-
 творцу.

Его же свѣта величаемъ,
 Святаго Димитрія Солунскаго чудо-
 творца.

Да и Богу нашему слава
 Отнынѣ и во вѣки, аминь.

Кромѣ былевыхъ духовныхъ стиховъ
 было (и есть) много стиховъ общаго нрав-
 ственнаго содержания: о страшномъ судѣ,

о вѣчныхъ мукахъ, о разставаніи души съ тѣломъ, о смертномъ часѣ. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ главѣ о нравахъ. Такъ называемая голубиная книга, будучи памятникомъ устной словесности, свидѣтельствуя вмѣстѣ о предметахъ любознательности русскаго народа, объ его вопросахъ и о характерѣ отвѣтовъ на оныя, сходныхъ во многихъ чертахъ съ древними памятниками Нѣмцами.

Восходила туча сильная грозная,
Выпадала книга голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходилися, соѣзжались,
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкихъ,
Христіанъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается.
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное ему писаніе объя-
вляется.

Еще приходилъ ко книгѣ Володимерь князь,

Володимерь князь Володимеровичъ.
Возговорилъ Володимерь князь, и т. д.
«Ты премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
«Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
«Кто сію книгу написывалъ,
«Голубину кто напечатывалъ?»
Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
«Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ царь небесный.
«Читалъ сію книгу самъ Исая пророкъ—
«Читалъ онъ книгу ровно три года,
«Прочиталъ изъ книги ровно три листа.

Володимерь просить Давида прочесть книгу...

Объяви, сударь, дѣла Божіа
Про наше житіе, про Святорусское,
Про наше житіе свѣта вольнаго.

Затѣмъ слѣдуютъ частные вопросы видные изъ отвѣтовъ. Давыдъ начинаетъ:

Ой ты гой еси Володимерь князь:
Не могу я прочесть книгу Божію,
Ужъ мнѣ честь книгу, непрочесть Божію.
Это книга не малая,
Это книга всликава,

На рукахъ держать—не сдержать будетъ;
На налой положить Божій—не уложится.
Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
—И очамъ намъ книгу не обозрити,
—Великая книга голубиная!

—Я по старой по своей по памяти
—Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ:
—У насъ бѣлый вольный свѣтъ на-
чался отъ суда Божіа;

—Солнце красное отъ лица Божьяго,
—Самаго Христа Царя небеснаго;
—Младъ-свѣтелъ мѣсяцъ отъ груди его;
—Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;

—Ночи темныя отъ думъ Господнихъ:
—Зори утренни отъ очей Господнихъ,
—Вѣтры буйные отъ Святаго Духа:

—Дробень дождекъ отъ слезъ Христа.
—Самаго Христа, царя небеснаго.
—У насъ умъ-разумъ самаго Христа,
—Наши помыслы отъ облацъ небес-
ныхъ;

—У насъ мѣръ-народъ отъ Адамія;
—Кости крѣпкія отъ камені;
—Тѣлеса наши отъ сырой земли;
—Кровь руда наша отъ черна моря.

—Отъ того у насъ въ землѣ цари пошли—
—Отъ святой главы отъ Адамовой;
—Отъ того зачались князья, бояры—
—Отъ святыхъ мощей отъ Адамовыхъ;

—Отъ того вкрестьяны православные—
—Отъ свята колѣна одѣ Адамова.
Возговоритъ Володимерь князь,
Володимерь князь Володимеровичъ:

«Премудрый царь Давыдъ Евсеевич!
«Скажи ты намъ проповѣдуй:
«Который царь надъ царями царь?
«Кая земля всѣмъ землямъ мати?
«Кая глава всѣмъ главамъ мати?
«Который городъ городамъ отецъ?
«Кая церковь всѣмъ церквамъ мати?
«Кая гора всѣмъ горамъ мати?
«Который камень всѣмъ камнямъ мати?
«Кое древо всѣмъ древамъ мати?
«Коя трава всѣмъ травамъ мати?
«Которое море всѣмъ морямъ мати?
«Кая рыба всѣмъ рыбамъ мати?
«Кая птица всѣмъ птицамъ мати?
«Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?»
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
— У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
— Почему жъ Бѣлый царь надъ царями царь?
— И онъ держитъ вѣру крещеную,
— Вѣру крещеную, богомольную;
— Стоитъ за вѣру христіанскую,
— За домъ Пресвятыя Богородицы.
— Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
— Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати:
— На ней строятъ церкви Апостольскія:
— Они молятся Богу распятому,
— Самому Христу царю небесному:
— Потому свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати.
— А глава главамъ мати-глава Адамова.
— Потому что когда Жиды Христа
— Распинали на лобномъ мѣстѣ,
— То крестъ поставили на святой главѣ Адамовой.
— Иерусалимъ городъ городамъ отецъ.
— Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
— Потому Иерусалимъ городамъ отецъ:
— Во тѣмъ во градѣ во Иерусалимѣ
— Тутъ у насъ среда землѣ.
— Соборъ - церковь всѣмъ церквамъ мати.
— Почему же Соборъ церковь церквамъ мати?

— Стоитъ Соборъ церква посреди града Иерусалима;
— Во той во церкви во соборной
— Стоитъ престолъ божественный:
— На томъ на престолѣ на божественномъ
— Стоитъ гробница бѣла каменная;
— Во той гробницѣ бѣлой каменной
— Почиваютъ ризы самаго Христа,
— Самаго Христа царя небеснаго.
— Потому Соборъ-церква церквамъ мати.
— Ильмень озеро озерамъ мати.
— Не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ Градомъ,
— Не тотъ Ильмень, который въ Царѣ-Градѣ,
— А тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли
— Подъ начальнымъ городомъ Иерусалимомъ.
— Почему же Ильмень озеро озерамъ мати?
— Выпадалась его матушка Иорданъ рѣка
— Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
— Почему Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
— Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ,
— Со силою со небесною,
— Со ангелами со хранителями,
— Со двенадцатьми апостолами,
— Со Иоанномъ, свѣтомъ, со крестителемъ.
— Потому Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
— Фаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
Почему Фаворъ гора горамъ мати?
— Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,
— Исусъ Христосъ, царь небесный, свѣтъ,
— Съ Петромъ, со Иоанномъ, со Іаковымъ,
— Съ двенадцатью Апостолами,
— Показалъ славу ученикамъ своимъ.
— Потому Фаворъ гора горамъ мати.
— Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
— На бѣломъ латырѣ на камни

Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:

- Это не два звѣря собиралися,
- Не два лютые собѣгалися:
- Это Кривда съ Правдой соходилася,
- Промежду собой онѣ бились-дрались,
- Кривда Правду одолѣть хочетъ;
- Правда Кривду переспорила.
- Правда пошла на небеса,
- Къ самому Христу, царю небесному;
- А кривда пошла у насъ по всей землѣ,
- По всей землѣ по Свѣтъ-русской,
- По всему народу христіанскому;
- Отъ кривды земля восколыбалася,
- Отъ того народъ весь возмущается;
- Отъ кривды сталъ народъ неправи-
вильный,
- Неправильный сталъ злопамятный:
- Они другъ друга обмануть хотятъ,
- Другъ друга поѣсть хотятъ.
- Кто будетъ кривдой жить,
- Тотъ отчаянный отъ Господа...
- Кто не будетъ кривдой жить,
- Тотъ причаянный ко Господу.
- Та душа и наслѣдуетъ
- Себѣ царство небесное.—

Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Евсеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

Накопецъ къ періоду нашего повѣствованія и изслѣдованія принадлежитъ множество пѣсенъ, такъ называемыхъ народныхъ, обрядныхъ, свадебныхъ, хороводныхъ. Основательно сказалъ о нихъ почтенный собиратель и толкователь, П. В. Кирѣевскій:

«Едва ли есть въ мірѣ народъ пѣвучѣе Русскаго. Во всѣхъ почти минутахъ жизни Русскаго крестьянина, и одинокихъ и общественныхъ, участвуетъ пѣсня; почти

всѣ свои труды, и земледѣльческіе и ремесленные, онъ сопровождаетъ пѣснію. Онъ поетъ, когда ему весело; поетъ, когда ему грустно. Когда общее дѣло, или общая забава, соединяетъ многихъ,—пѣсня раздается звучнымъ хоромъ; за одинокимъ трудомъ, или раздумьемъ, ея мелодія, полная души, переливается одиноко. Поютъ всѣ: и мущины и женщины, и старики и дѣти. Ни одинъ день не пройдетъ для Русскаго крестьянина безъ пѣспи; всѣ замѣчательныя времена его жизни, выходящія изъ ежедневной колѣи, также сопровождаемы особыми пѣснями. На всѣ времена года, на всѣ главные праздники, на всѣ главныя событія семейной жизни, есть особыя пѣспи, носящія на себѣ *печать глубокой древности*; и особенно тамъ, гдѣ меньше чувствительно городское вліяніе, Русскій крестьянинъ,—вѣрная отрасль своихъ предковъ, не отступившій отъ нихъ даже и въ мелкихъ подробностяхъ своего домашняго быта, до сихъ поръ поетъ эти *древнія* пѣспи, потому что онѣ вполне сливаются съ его чувствомъ и съ его обычаемъ, также какъ выражали чувство и обычай его прапращура. Онъ дорожитъ своими пѣснями: можно сказать, что онѣ составляютъ любимую и лучшую утѣху его простой жизни.»

Мы обратимъ вниманіе на эти народныя пѣспи, равно какъ и на народныя сказки, которыхъ осталось множество, хотя также подновленныхъ и поврежденныхъ, какъ былины, стихи и пѣспи, когда будемъ говорить о правахъ и обычаяхъ, такъ какъ изъ нихъ собственно можетъ сколько нибудь составиться понятіе о народѣ въ этомъ отношеніи.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Слово о полку Игоревъ есть цѣлая поэма, въ которой воспѣвается несчастный походъ Новгородъ-Сѣверскаго Князя Игоря Святославича на Половцевъ, въ 1183 году. Эта поэма обилуетъ истинными пѣвческими красотоми, смѣлыми сравненіями, счастливыми выраженіями, искуснымъ расположеніемъ. Теплое чувство, любовь къ отечеству, забота о благосостояніи Русской земли, слышатся во всякой строкѣ даровитаго сочинителя.

Касательно подлинности Слова—важнѣйшее доказательство состоитъ въ языкѣ, посвящемъ явные признаки древности.

Пусть сомнѣвающіеся попытаются теперь, со всѣми пособіями Грамматики Добровскаго, со всѣми филологическими трудами Востокова и прочихъ нашихъ изслѣдователей, со всѣми напечатанными нашими памятниками, пусть, говорю, попытаются обмануть насъ, и написать слово о какомъ нибудь Мстиславѣ Удаломъ, или Романѣ Волынскомъ, или Даниилѣ Галицкомъ.

Выраженія о поющихъ копияхъ, о глаголющихъ стягахъ, о червленыхъ щитахъ, сравненіе дѣйствій вѣтра съ стрѣлами и птицами, представляютъ совершенное сходство съ языкомъ древнихъ скандинавскихъ памятниковъ. Этого сходства поддѣлывать было нельзя, такъ какъ оно открывается только нынѣ, благодаря новымъ изслѣдованіемъ сравнительной филологіи.*

Второе доказательство, —согласіе съ показаніями лѣтописей во всемъ, что касается до исторіи, съ небольшими однакожь отгѣнами,

* См. выше, с. 709.

показывающими, что авторъ, вѣроятно участникъ, очевидный свидѣтель похода, подобно сѣвернымъ скальдамъ, имѣлъ случай знать самъ происшествіе въ подробности.

Третье доказательство, отрицательное, состоитъ въ томъ, что поддѣлыватель неминуемо избралъ бы себѣ предметомъ какое-нибудь происшествіе важное, громкое, великое, а не несчастную войну малаго удѣльнаго Князя.

Притомъ—когда оно могло быть поддѣлано? Въ эпоху своего обнародованія, т. е. при И. Екатеринѣ? Но многія выраженія, слова, встрѣчаются въ древнихъ нашихъ памятникахъ, напримѣръ въ былинахъ въ припискѣ къ Евангелію 14-го вѣка, только что недавно открытому, — кромѣ слова о побойщѣ Дмитріи Донскаго.

А пѣвическій талантъ автора? Съ такимъ талантомъ всякій пріобрѣлъ бы себѣ славу поэта, употребляя его на сочиненія современныя. Кто рѣшился бы пожертвовать ею, и промѣнять на безславіе обманщика? Въмѣсто поддѣлки сочинитель выдалъ бы сочиненіе отъ своего имени.

Но не было ли оно поддѣлано прежде? Прежде — мысли о поддѣланіи быть не могло: развѣ при Аннѣ, Елизаветѣ, Петрѣ, можно было возбудить участіе, произвестъ дѣйствіе, сочиненіемъ или находкой такого документа.

Не было-ль оно поддѣлано въ древности? Въ древности никакой цѣли для поддѣлки придумать нельзя. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ похода Игоря вся Малороссія была опустошена Татарами, и имя этого удѣльнаго Князя, со всѣми его братьями и пле-

мянниками, позабылось въ народѣ, оставаясь только въ страницахъ современныхъ лѣтописей. Тогда не думали ни о сочиненіяхъ, ни о выдумкахъ.

Слово, по раздѣленію М. А. Максимовича, состоитъ изъ слѣдующихъ частей: Загѣвъ, сборъ Игоря и брата его Всеволода къ походу. Выступленіе. Побѣда. Начало новой битвы.

Предложимъ нѣсколько отрывковъ изъ Слова съ переводомъ А. Н. Майкова.

Не дѣло ли ны бѣдешъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о полку Игоревѣ, Игоря Святъславлича!

Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію (мысію?) по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по землѣ, шизымъ орломъ подъ облаки.

Помнишеть бо рѣчь пьрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашеть десять соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечяше, та преди пѣсь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, нже зарѣза Редедю предъ пѣлки Касожьскими, красному Романови Святъславличю.

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше; нъ своя вѣщія пѣрсты на живая струны вѣскладаше, они же сами вляземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, нже истягну умъ крѣпостию своею, н поостри сердца своего мужествомъ, напѣлнвися ратнаго духа, наведе своя храбрыя пѣлки на землю Половецкую, за землю Русскую.

на рѣкѣ Каялѣ. Воспоминаніе о прежнихъ Князьяхъ. Пораженіе Русскихъ на Каялѣ. Новая бѣда отъ Половцевъ. Сповидѣніе и печаль В. К. Кіевскаго Святослава Всеволодовича. Воззваніе къ Князьямъ о помощи. Воспоминаніе о прежнихъ Князьяхъ. Плачь Ярославны. Бѣгство Игоря изъ плѣна. Возвратъ въ Русскую землю.

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,
Со сказаній о старинныхъ браняхъ,
Пѣснь о храброй Игоревой рати,
И о немъ о сынѣ Святославлѣ!

И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гоняясь мыслію за Бояномъ!

Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
Быстрой векшей по лѣсу носился,
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ
рыскалъ,
Что орелъ ширялъ подъ облаками!

Какъ вспомнить брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустить
Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку;
И какую первую настигнуть,
Для него и пѣсню пой та лебедь,—
Пѣсню пой о старомъ Ярославлѣ ль,
О Мстиславѣ ль, что, въ бою зарѣзалъ,
Поборовъ, Касожскаго Редедю,
Аль о славномъ о Романѣ Красномъ....

Но не десять соколовъ то было;
Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
И князьямъ подъ вѣщними перстами
Рокотали славу сами струны!...

Поведемъ же, братія, сказанье
Отъ временъ Владимировыхъ древнихъ,
Доведемъ до Игоревой брани,
Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
Наострялъ отвагой храброй сердце,
Распаллся славнымъ ратнымъ духомъ,
И за землю Русскую дружины
Въ степь повелъ на хановъ Половецкихъ.

Тогда Игорь взрѣ на свѣтлое солнце,
и видѣ отъ него тьмою вся своя воя при-
крыты.

И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе
и дружино! лучшежь бы потяту быти, неже
положену быти! А всядемъ, братіе, на свои
бѣзые комони, да позримъ синего Дону!

Спала князю умъ похотп пскусити Дону
великаго, и жалость ему знаменіе заступн.

Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ
поля Половецкаго! съ вами, Русичи, хощу
главу свою приложити, а любо испити ше-
ломомъ Дону!

О Бояне, соловію стараго времени! А бы-
ты сія пѣлки ущекоталъ, скача славію по
мыслену древу, летая умомъ подъ облакы,
свнвая славы оба-полы сего времени, рыща
въ тропу Трояню чрезъ поля на горы. Пѣти
было пѣсь Игоревн, того Ольга внуку!

Не буря соколы занесе чрезъ поля ши-
рокая; галици стады бѣжатъ къ Дону великому.

Чпли въспѣти было, вѣщій Бояне, Веле-
совъ внуче!...

Комони ржутъ за Сулою; звѣнитъ слава
въ Киевѣ; трубы рубятъ въ Новѣградѣ;
стоятъ стязи въ Путнвлѣ; Игорь ждетъ мила
брата Всеволода.

И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ
братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба
есвѣ Святъславичя! Сѣдлай, брате, свои
бѣзые комони, а мои ти готови, осѣдлани
у Курьска на переди.

У Донца былъ Игорь,
И воззрѣлъ на свѣтлое онъ солнце—
Только видить—
Словно тьмой полки его прикрыты,

Князь же Игорь: «братя и дружина!»
«Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!»
«А посядемъ на коней на борзыхъ,
«Да хоть позримъ синяго-то Дону!»

«Не послушалъ знаменья онъ солнца,
«Распался взглянуть на Донъ великій!»

«Преломить копье свое,» онъ бликнулъ,
«Вмѣстѣ съ вами, Русичи, хочу я,
«На концѣ невѣдомаго поля!»
«Хоть за то бѣ и голову сложити,
«А испити шеломомъ Дону—любо!»

О Боянъ, о вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей времянь давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ бѣ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь умомъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свнвая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ долъ
на горы,
Воспѣвать бы Игореву славу!

То не буря соколовъ помчала,
И не стаи галчи побѣжали,

Чрезъ поля-луга на Донъ великій...
Ахъ, тебѣ бы пѣть, о внуку Велесовъ!...

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звѣнитъ во Киевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стязи красные въ Путнвлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата.

А пришелъ и Всеволодъ, и молвить:
«Игорь братъ, единъ ты свѣтъ мой
свѣтлый!»
«Святославли мы сыны, два брата!»
«Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
«А мои осѣдланы ужъ въ Курскѣ!»

А мои ти Куряни, свидоми кѣмети: подѣ
трубами повити, подѣ шеломи възлежѣяни,
конецъ копия въскърмлени; пути имѣ вѣдоми,
яругы имѣ знаеми; луци у нихъ напряжени,
тули отворени, сабли взоштрени; сами ска-
чють, акы сѣрыи вѣлцы въ полѣ, ищучи себѣ
чти, а князю славы:

Тогда вѣступи Игорь князь въ златѣ стре-
мень, и поѣха по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступаше; ноцѣ
стонуци ему грозою птицѣ убуди; свистѣ
звѣрний въ стази.

Дивѣ кличетъ върху древа, велитѣ послу-
шати земли незнаемѣ, Вѣлзѣ и Поморію, и
Посулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ
Тьмутороканскій бѣлванѣ.

А Половци неготовами дорогами побѣгоша
къ Дону великому; крычатѣ тѣлѣгы полу-
ноци, рци лебеди роспушени.

Игорь къ Дону вопи ведеть. Уже бо бѣды
его насуть птицѣ; подобію вѣлцы грозу
вѣсрочать по яругамъ; орли клеткомъ на
кости звѣри зовуть; лисици брешуть на
чърленныя щиты.

О Русская землѣ! уже за шеломянемъ
еси!...

Дѣлго почѣ мъркнетѣ; заря свѣтъ запала;
мѣгла поля покрыла; щекотѣ славій успе,
говорѣ галачѣ убуди.

Русичи великая поля чърлеными щиты
прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю
славы.

«И мои Куряне ль не смышлены!
«Повиты подѣ бранною трубою,
«Повзросли подѣ шлемомъ и кольчугой,
«Со конца копия они вскормлены!
«Всѣ пути имѣ свидомы, овраги!
«Луки туги, тулы отворены,
«Остры сабли крѣпко отточены,
«Сами скачуть словно волки въ полѣ,
«Алчуть чести, а для князя славы!...»

И вступилъ князь Игорь въззлатѣ стремя,
И дружины двинулись за княземъ.

Солнце путь ихъ тьмою заступало:
Ночь пришла—та взывала, застонала,
Стономъ-воемъ птицѣ поразбудила.
Вкругъ стоянки свистѣ пошелъ звѣрний.

Высоко поднявшися по древу,
Черный Дивѣ закликалъ, подавал
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Суражское море,
И тебѣ, бѣлванѣ Тьмутороканскій!

И бѣгутѣ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отскуду
Отъ телегъ ихъ скрѣшь пошелъ,—ты
скажешь:

Лебедей испуганныя крики.

Игорь путь на Донѣ великій держитѣ,
А надъ нимъ бѣду ужѣ чють птицѣ,
И несутѣ слѣдомъ за полками:
Воютѣ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличуть;
На красны щиты лисици брешуть,
А орлы, зловѣщнимъ клеткомъ, словно
По степямъ звѣрью зовутѣ на кости....

А ужѣ въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалѣ давно переступила!

Ночь рѣдѣетѣ. Бѣлѣ разсвѣтъ проглянулѣ,
По степи туманѣ понесся снѣзый;
Позамолкнулъ щекотѣ соловьиный,

Въ полѣ Русь, съ багряними щитами,
Длиннымъ строемъ взрадилася къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

Вотъ еще нѣсколько мѣстъ изъ продолженія, и конецъ Слова.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта,
летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о
шеломы, трещать копія харалужныя, въ полѣ
незнаемъ, среди земли Половецкыя.

Черна земля подъ копыты, костью была
посянана, а кровію поल्याна; тугою взыдоша
по Руськой земни....

Усобица Княземъ на поганыя погыбе, ре-
коста бо братъ брату: се мое, а то мое же;
и начаша Князи промалое се великое мълвити;
а сами на себѣ кромолу ковати; а поганіи
съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на
землю Руськую.

А въстона бо, братіе, Киевъ тугою, Чернѣ-
говъ напастьми. Тоска разліяся по Руськой зе-
мли; печаль жирна тече средь земли Руськыя...

А Князи сами на себѣ кромолу коваху; а
поганіи сами побѣдами варыщуще на Руськую
землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двоа.

Тин бо два храбрая Святѣславличя, Игорь
и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то
бѣше успялъ отецъ ихъ Святославъ грозный,
великій Киевскій.

Грозою бѣшетъ; притрепеталъ своими силь-
ными пѣлки и харалужными мечи, наступи
на землю Половецкую; притопта хълмы и
яругы; възмути рѣкы и озера, иссуши по-
токи и болота; а поганого Кобяка изъ луку
моря отъ желѣзныхъ великихъ пѣлковъ По-
ловецкыхъ, яко вихрь выторже; и падеся
Кобякъ въ градъ Киевъ, въ градницѣ Святѣ-
славли!

Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вѣчера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлють остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломаются булатны,
Среди невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!

Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костью,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси—горемъ!..

Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!
Братья спорять, то мое и это!
Золь раздоръ изъ малыхъ словъ
заводятъ,
На себя куютъ кромолу сами,
А на Русь съ побѣдами приходатъ
Отовсюду вороги лихіе!

Стонетъ Киевъ, тужить градъ Черниговъ,
Широко печаль течетъ по Руси,

А князья куютъ себѣ кромолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дому....

А все храбрыи Всеволоду да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпиль было его могучій
Святославъ, князь Киевскій великій...

Былъ грозой для хановъ Половецкихъ!
Наступилъ на землю ихъ полками,
Притопталъ ихъ холмы и овраги.
Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
Иссушилъ потоки и болота!
А того поганого Кобяка,
Изъ полковъ желѣзныхъ Половецкихъ,
Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья,
И упалъ Кобякъ во стольный Киевъ,
Въ золотую гридню къ Святославу.

Плачь Ярославны, супруги Игоревой.

Ярославнинъ гласъ слышитъ — зегзицею
незнаемъ рано кычетъ: полечю, рече, зегзицею
по Дунаевн; омочю бобрянъ рукавъ въ Коаялѣ
рѣцѣ; утру Князю кровавыя его раны на
жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на
забралѣ, а ркучи: о вѣтре, вѣтрило! чему,
господине, насильно вѣши? чему мычешн
Хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудною
крыльцю на моея лады вои? Мало ли ти бя-
шетъ горъ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи
корабли на снѣ морѣ? чему, господине, мое
веселіе по ковылю развѣя.

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу
на заборолѣ, а ркучи: о Днѣпрѣ Словутицю!
ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю
Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Свято-
славли носады до пѣлку Кобякова; възлелѣй,
господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не-
слала къ нему слезъ на море рано.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на
забралѣ, а ркучи: «свѣтлое и тресвѣтлое
солнце! всѣмъ тепло и красно еси; чему,
господине, простре горячую свою лучю на
ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею нмѣ луци
съпряже, тугою нмѣ туля затче?...

Прысну море полунощи; идуть сморци
мыглами; Игоревн князю Богъ путь кажетъ
пзъ земли Половецкой на землю Русскую,
къ отню злату столу.

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ въ землѣ незнаемой, кукушкой
Поутру она кукуетъ, плачетъ:
«Полечу кукушечкой къ Дунаю,
«Омочу бобрянъ рукавъ въ Коаялѣ,
«Оботру кровавыя раны князю,
«На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ...»

Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
«Что ты вѣшеш, что на легкыхъ крыльяхъ
«Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
«Въ небесахъ подѣ облака бы рѣялъ,
«По морямъ кораблики лелѣялъ,
«А то, вѣшеш, вѣшеш-развѣвасешъ
«На ковыль траву мое веселье...

Тамъ она въ Путивлѣ ранымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ;
«Ты ли Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой
Словутичь!
«По землѣ прошелъ ты Половецкой,
«Пробивалъ ты каменныя горы!
«Ты ладн лелѣялъ Святослава,
«До земли Кобяковой носилъ ихъ...
«Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
«Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему
съ тобою
«По сыримъ зарямъ на сине море....»

Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Свѣтлое тресвѣтлое ты солнце,
«Ахъ для всѣхъ красно, тепло ты солнце!
«Что жъ ты, солнце, съ неба устремило
«Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
«Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
«Сушишь-гнеешь не смоченные луки,
«Замыкаешъ кожавныя тулы...»

Сине море прыснуло къ полночи.
Мглою встають, идуть смерчи морскіе;
Кажетъ Богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.

Кликну, стукну земля; въ шумѣ трава; вежи
ся Половецкѣи подвизашася; а Игорь Князь
поскочи горностаемъ къ тростию, и бѣлымъ
гоголемъ на воду; въвржеса на бързѣ комонь,
и скочи съ него босымъ вълкомъ, и потече
къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ
мыглань, избивая гуси и лебеди, завтраку и
обѣду и ужинѣ.

Тогда врани неграяхуть, галици помѣлкоша,
сороки не стрекоташа; по лозію ползоша
только дятлове, тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ;
соловиѣ веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Солице свѣтитъся на небесѣ. Игорь князь
въ Русьской земли.

Дѣвицы покоуть на Дунаѣ. Вьютъся голоса
черезъ море до Києва.

Игорь ѣдетъ по Боричеву, къ святѣи
Богородицѣ Пирогощѣи. Страны ради, гради
весели, пѣвшие пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти.

Слава Игорю Святославличю буй-туру
Всеволоду, Владимиру Игоревичю! Здрави
князи и дружина, поборая за христьяны на
поганья пѣлки. Княземъ слава, а дружинѣ
аминь.

Въ жизни Муромскаго князя Давида* и
супруги его столько пѣвическихъ подроб-
ностей, что невольно зараждается мысль,
не вополь въ составъ ея многое изъ Слова

* См. выше, с. 544.

Вѣтеръ востѣ, пропосаясь по степи,
И шатасть вежи Половецки;
Шелестить-шуршитъ ковыль высокій,
И шумить-гудитъ земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь
Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстра добра коня садится;
По лугамъ Донца что волкъ несется,
Что соколъ летитъ въ сырыхъ туманяхъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.

Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ
говоръ,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ казуютъ,
Соловьи свистъ зори повѣщаютъ...

(Вотъ) на небѣ солнце засвѣтило,
Игорь князь въ землѣ ужъ скачетъ
Русской.

На Дунаѣ дѣвицы запѣли:
Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.
Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держитъ,
Ко святой пконѣ Пирогощей.
Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
Всѣ князей покоуть и величаютъ,
Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ.

Воспоемъ и мы свѣтъ-Игорь слава!
Буй-туръ-свѣту Всеволоду слава!
Володимеръ Игоревичу слава!
Вамъ на здравье, князи и дружина,
Христѣанъ поборцы на поганыхъ!
Слава князьямъ и дружинѣ! аминь.

посвященнаго этому князю? Замѣчательно,
что есть еще Муромское произведение — о
князѣ Константинѣ, въ которомъ обнару-
живается такой же складъ.*

* См. выше, с. 651.

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧНИКА.

Это слово полуважное, полущутливое, очень остроумное, замысловатое, напалпенное послѣдствіями и поговорками, рядомъ съ мѣстами изъ Священнаго писанія, содержать просьбу, моленіе, ко Князю (вѣроятно Юрью Володимировичу Долгорукому)* объ оказаніи милости сочинителю, который со-слапъ былъ на озеро Лаче, (въ нынѣшней Олопецкой губерніи), и находился въ крайней пищеть.

Предлагаемъ нѣсколько отрывковъ изъ слова—вотъ его начало:

«Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити сребряныя органы, и возвѣмъ мудрости своя. Боже, Боже мой! въскую мя еси оставилъ?... Да разверзу во притчахъ гаданіе мое, провѣщаю во языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ тѣлеси его мудростію. Бысть языкъ мой трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Но боюсь, Господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь яко опа смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію: имѣю бо сердце аки лице безъ очію, и бысть умъ мой яко пощны вранъ на пырищи...

... «Азъ бо есмь, княже, яко трава блещанна, растуще за стѣнію, на ню же ни солнце сіяеть, ни дождь идетъ: тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя, княже Господине, яко волкъ на ягпя, но возри на мя, Господине мой, аки мати на младенца. Возри Господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу

собираютъ, но уповаютъ на милость Божию; тако и мы, княже Господине, желаемъ твоея милости: зане, Господине, кому любово, а миѣ горе лютее; кому Бѣло озеро, а миѣ черныя смолы; кому Лачъ озеро, а миѣ, на немъ сѣдя плачь горьки; кому ти есть Повѣгородъ, а миѣ углы онали: зане не процвѣте часть моя...»

... «Господине княже! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благодѣпно, и разумъ твой государевъ, якоже прекрасный рай многоплодовитъ.

... Егда веселишия многими брашны, а мене помяни, сухъ хлѣбъ ядущъ, или пиши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьюще, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. Егда ляжеша на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе...»

Сочинитель былъ молодой человекъ:

... «Господине мой! не зри вѣшняя моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣянемъ есмь скудепъ, но разумомъ обилепъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію, яко орелъ парий по воздуху. Но постави сосуды скудельнични подъ потокъ капли языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ!»

Странная вставка въ словѣ есть о злыхъ женахъ, которая не имѣетъ никакого отношенія къ его содержанію: не заставлялъ ли Данилу князь жениться противъ его желанія? Въ списокѣ Ундольскаго: лучше бо ми желѣзо варити, (пежели) ни со злою женою быти и проч.*

* Есть списки съ обращеніемъ къ князю Переяславскому Ярославу Всеволодовичу.

* См. пословицы изъ Слова ниже, въ главѣ о нравахъ.

ЯЗЫКЪ ГЛАВНАГО ПЛЕМНИ.

«Словенскій языкъ и Русскій одно есть,» сказалъ древнѣйшій нашъ Лѣтописатель XI в.

Въ Сербіи въ XV столѣтіи было мнѣніе, что Священное писаніе было переведено первоначально «на топчайшій Русскій языкъ.»*

Церковный языкъ есть Русскій языкъ, сказалъ знаменитый Сербъ Юрій Крижапичъ, (17 в.) недавно изъ-подъ спуда открытый.**

А мы ту же мысль выразимъ такъ: Великороссійское нынѣшнее нарѣчіе есть древній церковный, нашъ древній письменный языкъ, проходившій съ теченіемъ времени чрезъ извѣстныя степени развитія, и пришедшій въ нынѣшнее положеніе—есть органическое продолженіе, развитіе древняго языка, на который Св. Кириллъ и Меѳодій перевели Священное писаніе, или, по крайней мѣрѣ, самое близкое къ нему, родственное нарѣчіе.

Болгарскимъ или Сербо-Болгаро-Македонскимъ можно называть его только въ географическомъ смыслѣ, ибо Словенцы или Словинцы, говорившіе этимъ нарѣчіемъ, жили тогда въ странѣ, извѣстной вообще подъ именемъ Болгаріи.

Формы письменнаго языка часто костебъютъ, между тѣмъ какъ народная рѣчь течетъ своимъ потокомъ. Она врывается по временамъ въ письменный языкъ, который между тѣмъ и самъ, подъ перомъ писателей, подвергается своимъ измѣненіямъ. Сравните настоящую Великорусскую рѣчь съ письменнымъ и литературнымъ языкомъ; сравните языкъ Петровскій, Ломоносовскій, Карамзинскій, нынѣшній—между собою:

* См. статью В. И. Григоровича.

** У насъ Г. Безсоновымъ, 1839, у Хорватовъ, гораздо позднѣе, Г. Кукулевичемъ.)

сколько измѣненій на нашемъ вѣку, и въ письмени и въ устахъ! Еще больше должны мы предполагать ихъ въ древности, когда въ языкъ было болѣе жизненной силы.

На этомъ основаніи легко понять органическую связь между языкомъ Св. Кирилла въ Солуни, вариантомъ его (отмѣною) на Черномъ морѣ, или Днѣпрѣ, на Волховѣ, въ IX вѣкѣ, языкомъ Нестора и Кіевской лѣтописи въ XI и XII вѣкѣ, языкомъ лѣтописей Московскаго періода, языкомъ Петровскимъ, Ломоносовскимъ, Карамзинскимъ и нынѣшнимъ.

Такъ точно замѣчаетъ и Г. Григоровичъ, что «въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія церковно-славянскаго языка справедливѣе признать постепенное исчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ.»

Но какимъ же образомъ могло случиться, чтобъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ, говорено было тѣмъ же, или почти тѣмъ же языкомъ, какой употреблялся гдѣ-то около Солуни, въ нынѣшней Македоніи, и на какой переведено Св. писаніе Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, языкомъ, который такъ долго мы отыскиваемъ и необрѣтаемъ?

А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена Славянскія разсыпались по всей Европѣ, и представили собою въ историческое время разтасованную колоду картъ?

Это мы знаемъ, въ этомъ мы увѣрены, и это мы положительно говоримъ:

Словене жили на Ильмени и въ Словеніи, близъ Адриатическаго моря.

Хорваты въ Галиціи, въ Исполинскихъ горахъ, въ Полабѣ, Штирии и Иллирии.

Дреговичи между Припетью и Западной Двиной, въ Булгаріи и Германіи.

Дулэбы по Бугу и въ Чехіи, Панноніи.

Древляне въ Волыни и Полабѣ.

Съверяне по Деснѣ, Семи, Сулѣ, и въ Польшѣ, по Дунаю.

Поляне на Днѣпрѣ и Вислѣ, и пр.

Племя, что мы называемъ теперь Велико-россійскимъ, могло по расселеніи Славянскихъ племень съ Юга, жить въ окрестностяхъ Селуны, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, на Волховѣ въ Новѣ-городѣ, и въ нынѣшней Великороссіи.

Положеніе историческое мы принимали безспорно, — намъ слѣдуетъ теперь только распространить, такъ сказать, его, и придать ему смыслъ.

Если одно и то же племя жило въ разныхъ мѣстахъ, то и говорило въ этихъ мѣстахъ одинаково: Словене говорили сначала одинаково на Ильменѣ и на берегахъ Адриатическаго моря; Хорваты въ Галиціи и Иллиріи, Дулебы по Бугу и Чехіи.

Великороссіяне, (которыхъ мы теперь такъ называемъ), могли жить и говорить сначала одинаково около Селуны, въ Кіевѣ, и нынѣшней Великороссіи.

Эта одна рѣчь по разнымъ мѣстамъ подверглася въ послѣдствіи разнымъ вліяніямъ.

Самъ церковный языкъ, заключенный такъ сказать въ формы, остановленный въ своемъ движеніи, носитъ теперь по мѣстамъ слѣды этихъ явленій. Но не смотря на ихъ разность, все-таки единство языка, сходство въ переводѣ Евангелія по Остромирову списку, въ языкѣ лѣтописей, и въ языкѣ живомъ настоящемъ Русскомъ, или Велико-русскомъ, повторяю, гораздо виднѣе, нежели въ какихъ нибудь другихъ нарѣчіяхъ, на примѣръ: нынѣшнемъ Болгарскомъ и церковномъ, нынѣшнемъ Сербскомъ и церковномъ и т. д. До сихъ поръ изъ всѣхъ Славянскихъ, живыхъ нарѣчій, самое близкое къ церковному, Кирилло-Меводіеву языку, есть

безъ всякаго сравненія Велико-россійское. Сравните, на примѣръ, молитву Отче нашъ на Русскомъ нарѣчій и на всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ: которое ближе къ Кириллову переводу? Наше.

Поведемъ разсужденіе далѣе: Воображаю себѣ лѣтописателя Нестора или другаго монаха, — какъ могло придти ему въ голову ломать себѣ языкъ, и завести новую рѣчь, постоянно соображаясь съ церковными образцами, которыхъ не зналъ же онъ сполна наизусть? Можно-ли писать на чужомъ нарѣчій не зная его? А звать его было нельзя! За всякою формою ему надо бы справляться? Какъ бы не забылъ онъ ту или другую, и не запутался въ своихъ выраженіяхъ? Что за пасяліе должно было дѣлать себѣ! Кто могъ выдержать это? Вѣроятно ли это? Если теперь во всякомъ нашемъ сочиненіи на церковномъ языкѣ, на прим. молитвахъ, сочиняемыхъ на новые случаи, просвѣчиваютъ наши руссизмы, какимъ образомъ можно бы уберечься отъ нихъ въ древности, безъ нынѣшнихъ грамматическихъ и филологическихъ изслѣдованій и познаній? А въ лѣтописяхъ, въ грамотахъ, вы замѣчаете вездѣ естественность, правильность, живость, а не мертвенность!

Въ повѣствованіи нашемъ приведено много мѣстъ изъ лѣтописей, по коимъ можно судить о живости языка: присоединимъ еще нѣсколько строкъ, доказывающихъ ее разительно. «Се, брате, ты еси ко мнѣ отъ отца пришелъ, оже отецъ тя *приобидилъ*, и волости ти не далъ; язъ же ты пріялъ въ правду, яко достойнаго брата своего, и волость ти есмь далъ, яко ни отецъ того вдаль, *что я тебѣ вдалъ*, и еще есмь и Русской земли *приказалъ* стеречи тобѣ.»

Или: «Въ правду-ли идеши на Изяслава? Гюрги рече ему: како хочу не въ правду ити? Сыновець мой Изяславъ на мя пришедь, волость мою повоевалъ и пожегль, и еще и сына моего выгналъ изъ Русьской земли, и волости ему не далъ, и соромъ на мя возложилъ; а любо соромъ слою, и земли мыцю, любо честь свою палъзу, пакы-ли а голову свою слою.»

«Изяславль же посоль прѣвха у Кіевъ, повѣда ему Святославию рѣчь, и что ему Володимиръ сказалъ. Изяславъ же слышавъ, и не устряпа, но посла опять посоль свой къ Святославу, река ему: брате! хрестъ еси честный цѣловалъ ко мнѣ, ако со мною быти, а ворожбу еси про Игоря отложилъ и товары его.»

«Сыновець ваю Изяславъ... передъ вами не творится правъ, но кланяется и милости ваю хочеть; азъ же не простъ есмь ходатай межн вами....»

«Язъ переже всихъ далъ есмь тобѣ волость сю,» говоритъ В. К. Рюрикъ Ростиславичъ зятю своему Роману Волынскому, «ноже Всеволодъ наславъ на мя, жалуюся про тебе, ажъ еси на немъ чести не положили преже; я же есмь тобѣ являлъ вси рѣчи его, ты же ми еси ее отступилъ по волѣ, а намъ како любо ему было ю даяти. А намъ безъ Всеволода вельзя быти, положили есмы на немъ старшинство вся братья во Володимерѣ племени, а ты мнѣ сынъ свой, а то ти волость иная, той ровпа.»

Неужели это неестественный, не живой языкъ?

Еслибъ Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіане, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они пишучи на чужемъ, церковномъ

нарѣчїи, какъ предполагалось доселѣ, не оброчили тамъ-сямъ какого нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки, или удержались отъ междометїа? Употребляя языкъ чужой, пельзя по мѣстамъ скрыть вовсе свой: Малороссіанинъ проговоривается подѣ-часть по Малороссійски, Великороссіанинъ по Великороссійски, Бѣлорусецъ по Бѣлорусски, Сербъ по Сербски, и т. д.

Въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты, точно также и не церковные, какъ не Малороссійскіе, которые слѣдовательно и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей. Такъ точно и въ прочихъ сочиненїяхъ духовнаго содержанїя, нами исчисленныхъ, мы встрѣчали вездѣ слова, обороты, формы, Великороссійскія.

Эти слова, обороты, формы, должно считать частными, мѣстными отличїями говора Кіевскаго отъ говора Солунскаго.

Еще болѣе—слова, относящїяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы; квасъ, медъ, жито, и т. п.

Дайте прочесть лѣтописъ Несторову, Кіевскую и прочїя, любому Великороссіанину, не знающему церковнаго нарѣчїа: онъ пойметъ ихъ, говоря вообще, кромѣ того или другаго стараго слова, вышедшаго изъ употребленїя, а Малороссійской страпницы онъ не пойметъ, даже образованный.

Дайте прочесть лѣтописи Малороссіанину, не знающему Великороссійскаго нарѣчїа, онъ пойметъ ихъ только, поколику понимаетъ Великороссійское и церковное нарѣчїе,

а свое нарѣчіе не окажетъ ему никакой пользы для уразумѣнія.

Слѣдовательно, въ лѣтописяхъ, вѣрно, господствуетъ Великороссійское нарѣчіе, а Малороссійскаго нѣтъ.

Слѣдовательно лѣтописи принадлежатъ не Малороссіянамъ, а какому нибудь другому племени. *Слѣдовательно племя другое жило въ Кіевѣ, около Кіева, а не Малороссіяне, — Поляне-Великороссіяне.*

Много собственныхъ именъ въ Кіевской, Волинской и Подольской губерніяхъ звучатъ Великороссійскими.

Мнимые Малороссіяне съ Юрьемъ Долгорукимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую: казалось — они должны бы оказать свое Малороссійское вліяніе на что нибудь — въ обычаяхъ, въ языкѣ. Нѣтъ — мы не видимъ тогда никакой перемѣны на сѣверѣ: слѣдовательно пришли туда не Малороссіяне, а тѣ же Великороссіяне.

Малороссіяне есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ былинъ о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ эти былины о Владимірѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять тоже заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Володимира, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія былины по всему пространству Русской земли, пѣсни, носящія признаки чистаго Великороссійскаго нарѣчія, безъ малѣйшей примѣсы Малороссійскаго.

Точно такъ и въ древнѣйшихъ духовныхъ стихахъ, пѣсняхъ свадебныхъ, обрядныхъ, загадкахъ, пословицахъ, приговорахъ, — нигдѣ не слышите ни малѣйшаго звука Малороссійскаго.

Характеръ князей, послѣ того какъ Норманство подверглось вліянію туземному и мѣстному, Славянскому, гораздо ближе къ настоящему Великороссійскому характеру, нежели къ Малороссійскому, обнаружившемуся въ казачествѣ, или извѣстному нынѣ. Тоже можно сказать и вообще о характерѣ военнаго древняго сословія и самой войны.

Должно разобрать, по возможности, племена Славянскія, исчисляемыя Несторомъ: мы причисляемъ теперь южныя и юго-западныя къ одному, которое называемъ Малороссійскимъ, но справедливо ли и на какихъ основаніяхъ? При такомъ понятіи долженъ бы возникнуть вопросъ: откуда же и когда явились Великороссіяне, самое многочисленное, и самое распространенное племя?

Если Великороссійское племя есть самое многочисленное изъ всѣхъ племенъ Славянскихъ и наиболѣе распространенное; то оно должно быть и одно изъ самыхъ древнихъ: естественно ли думать, чтобъ самое многочисленное, (даже безъ всякой соразмѣрности), племя народилось въ короткое время, безъ извѣстныхъ предковъ? Нѣтъ, Великороссіяне скрывались (какъ и вообще скрывались долго всѣ Славяне), подъ другимъ именемъ.

Потому то Несторъ, описывая расселеніе племенъ, по пространству пынѣшней Россіи, оставляетъ нашу великую Россію почти пусто. Туда приходили Великороссіяне-Поляне съ юга, какъ послѣ съ юга же начали наступать и Малороссіяне, къ Курску, Харькову, Воронежу.

Поляне, рѣзко отличаются отъ прочихъ племенъ даже по словамъ Нестора: «Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ

своимъ, и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителямъ своимъ, къ свейровемъ, и къ деверемъ великое стыдѣнье имѣху; брачныя обычаи имѣху; по хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что владуче.»

Можетъ быть Великороссіянами обитаемъ былъ только Кіевъ съ окрестными странами, т. е. Великороссіянами были только Поляне. Можетъ быть единоплеменны съ Полянами были еще Сѣверяны, Суличи.

Послѣ Татаръ Поляне отодвинулись на сѣверъ, да и до Татаръ они распространялись безпрестанно на сѣверъ вмѣстѣ съ князьями.

Галиція, Волынь, Подолия, можетъ быть искони были заселены Малороссійскими племенами.

Малороссіяне могли придти послѣ Татаръ еще и отъ Карпатскихъ горъ, и занять Кіевскую губернію, такъ, какъ потомки ихъ въ XVI столѣтіи заняли Харьковскую, подвинулись къ Воронежу и Курску; такъ какъ Славянскія племена отодвинули Финновъ къ востоку, и заняли ихъ мѣсто въ губерніяхъ Московской, Владимирской и Рязанской.

А какъ объяснить то, что лѣтописи послѣ Татаръ писались прежнимъ языкомъ, и Малороссійскаго элемента все также въ нихъ не оказывается, хотя Малороссіяне распространились уже тогда по всему юго-западу?

На это отвѣчу я вотъ что: лѣтопись, которая можетъ навести на это сомнѣніе, есть одна, Волынская, и только до конца XIII столѣтія. Можетъ быть Малороссіяне тогда еще не достаточно возобладали въ странѣ, и оставались еще слѣды Полянскіе Великороссійскіе въ княжескихъ родахъ, боярскихъ, въ духовенствѣ, въ военномъ сословіи. Пришли же туда еще позднѣе Литовцы или Бѣлорусцы, съ Гедемипомъ,

и ввели въ письменное употребленіе свой языкъ, ведшійся даже до позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ тамъ несомнѣнно уже жили Малороссіяне. Я говорю о времени послѣ Татаръ, и даже хотъ до Петра I. Какъ Бѣлорусское нарѣчіе употреблялось въ этотъ періодъ, такъ Великорусское, господствовавшее сначала при Великороссіянахъ, могло вестися тамъ между грамотьями еще въ XIII столѣтіи. Укажу и на значительный примѣръ изъ Волынской лѣтописи (подъ годомъ 1205): бѣ Тимофей въ Галичѣ премудръ книжникъ, *отцество имья во градѣ Кіевѣ.*

Какъ бы то ни было, языкъ есть древнѣйшая наша лѣтопись, и первыя страницы нашей исторіи должны быть извлечены изъ этой лѣтописи, по обработаніи ея наукою филологіи, которая теперь только что-начинается.

Замѣтимъ древнѣйшія заимствованія нашего языка изъ иностранныхъ: Слова, относящіяся до гражданскаго быта, управленія, принесены къ намъ *Норманнами*— бояре, смерды, тиуны, гридни, метельники, ябедники, верви, губы, ряды.

(Нѣмецкое слово мастеръ является еще въ XII столѣтіи, также хозяинъ).

Слова относящіяся до христіанской вѣры припесены *Греками*: грамота, евангеліе, апостолы, митрополиты, архіереи, иконы, иконостасы, кадила, иудитіи и пр. и пр.

Отъ Грековъ получили мы свеклу, коплю, аксамиты, паволоки, фюфуды, мантіи, тесмы, паполамы, и проч.

Арабы по торговлѣ доставили: бисеръ, бусы, жемчугъ, алмазъ, яхонтъ, топазъ, яшму, бирюзу, цвѣты—алый, бурый и пр.

(Съ востока досталась намъ издревле лошадь).

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ.

Нравы, въ этомъ періодъ Русской Исторіи, надо различать, по родамъ жизни, по занятіямъ, на кои собственно раздѣлялся народъ, такъ какъ сословіи въ западномъ смыслѣ у насъ никогда не было.

Князья вели бранную жизнь, которая требовала, разумѣется, отваги, храбрости, мужества, неустрашимости, — и мы видимъ эти доблести у всѣхъ, въ большей или меньшей степени. Особенно отяпчались ими изъ сыновъ Ярослава: Володимеръ, Святославъ, изъ внуковъ: Мономахъ, Олегъ Святославичъ, Ростиславъ Володимировичъ, далѣе — В. К. Мстиславъ, Василько, Изяславъ Мстиславичъ, Андрей Боголюбскій, Мстиславъ Ростиславичъ, Мстиславъ Мстиславичъ, Володимеръ Глѣбовичъ, Игорь и Всеволодъ Святославичъ Сѣверскіе, Романъ Волинскій, Данилъ Галицкій — славные витязи Рускіе.

Объ отсутствіи этихъ доблестей пѣтъ почти и извѣстій: одного Всеволода Мстиславича обвиняли однажды Новгородцы, что онъ съ полку ушелъ прежде всѣхъ. Отступленія бывали, по по военнымъ соображеніямъ и расчетамъ, напримѣръ въ войнѣ Изяслава Мстиславича съ Юрьемъ Долгорукимъ. Рать Андрея Боголюбскаго бѣжала почти отъ Вышегорода, вслѣдствіе ложныхъ извѣстій, а можетъ быть и измѣны, — отъ Новагорода, вслѣдствіе разнесшейся молвы о чудѣ.

Злобы, взаимной вражды, у князей вообще не примѣчается. Вчерашніе враги дѣлались съ нынѣшняго дня друзьями: миръ стоитъ до рати, а рать стоитъ до мира, — вотъ была ихъ любимая пословица;

либо побьемъ, прогопимъ, либо помиримся, говаривали часто противники; они искали владѣній другъ у друга, волостились, — удалось-хорошо, неудалось-такъ и быть. Войны ихъ было ипогда какъ бы состязанія объ закладъ, охотническія, полюбовнымъ схватки — чья возьметъ, въ родѣ нынѣшнихъ кулачныхъ боевъ; бывали случаи, что они такъ прямо и предлагали другъ другу, напримѣръ 1180 года. В. К. Кіевскій Святославъ Всеволодовичъ, В. К. Суздальскому, Всеволоду Георгіевичу, па берегу Влены.¹

Въ 1216 году Мстиславъ Повгородскій В. К. Юрью Всеволодовичу подъ Лишицами.²

1149. Изяславъ говоритъ дядѣ Вячеславу: прими меня въ любовь, а не то волость твою пожгу.³

Давидовичи пѣсколько разъ переходили съ одной стороны на другую, отъ Изяслава Мстиславича къ Святославу Ольговичу и Юрью, и отъ нихъ опять къ Изяславу Мстиславичу.⁴

Въ 1147 г. Святославъ Всеволодовичъ, изъ рода Ольговичей, служившій дядѣ, (по матери), В. К. Изяславу Мстиславичу, перешелъ къ его врагамъ, роднымъ съ отцовой стороны, въ Черниговъ, съ его разрѣшенія.⁵

Онъ же, 1155, по смерти В. К. Изяслава Мстиславича, призванъ былъ изъ Чернигова въ Кіевъ для распорядковъ, во враждебный, такъ сказать, станъ, престарѣлымъ Вячеславомъ, въ ожиданіи па столъ Великокняжескій Ростислава Смоленскаго, а когда приблизился Юрій, то ударилъ

1) См выше, с. 194. 2) с. 377. 3) с. 157. 4) с. 146, 147, 151. 5) с. 146.

ему челомъ говоря: избезумился есмь, и получилъ прощение, благодаря впрочемъ ходатайству двоюроднаго брата Святослава Ольговича, къ которому также паходился часто во враждебныхъ отношеніяхъ.¹

Точно такимъ образомъ получилъ прощение отъ Юрья и Ростиславъ Смоленскій, долго воевавшій съ нимъ, помогая брату В. К. Изяславу Мстиславичу, и, по его уже ходатайству, Изяславичи.²

Старшій сынъ Юрьевъ, Ростиславъ, переходилъ (1148) на сторону врага его В. К. Изяслава, во время самага разгара войны, и получилъ отъ него удѣлъ. Черезъ нѣсколько времени Ростиславъ подвергся тамъ подозрѣнію, и былъ отпущенъ назадъ къ отцу, который принялъ его безъ всякаго гнѣва, и пошелъ мстить за него.³

1196. Ярославъ Черниговскій, припявши оборонительныя мѣры, послалъ сказать своимъ врагамъ, В. К. Всеволоду Суздальскому и Давыду Смоленскому: «брате и свату, отчипу нашу и хлѣбъ нашъ взяли еси; ажъ любишь съ нами рядъ правый, и въ любви съ нами быти, то мы любви не бѣгаемъ, и на всей волѣ твоей станемъ; пакидыли что еси умыслилъ, а того не бѣгаемъ же, да ны како Богъ разсудитъ съ вами и святый Снасъ.»

Большаго кровопролитія въ войнахъ предполагать нельзя, если впродолженіи двухъ сотъ почти лѣтъ пало на мѣстѣ междуособныхъ битвъ только пять князей, хотя они всегда сражались на ряду съ простыми воями: Изяславъ Ярославичъ (1078), Борисъ Вячеславичъ (1078), Володимеръ Давыдовичъ (1131), Изяславъ Давыдовичъ (1161), Изяславъ Глѣбовичъ (1182).

1) См. выше, с. 174. 2) с. 176. 3) с. 138.

Это — общее замѣчаніе о войнахъ, по бывали войны ожесточенныя, внутренныя местью, вслѣдствіе явнаго нарушенія права или личнаго оскорбленія, напримѣръ войны Олега Святославича (1078, 1096). Юрїи Долгорукиіи съ запальчивостію искалъ Кіева, на который имѣлъ право больше племянника Изяслава Мстиславича. Когда онъ услышалъ о сожженіи послѣдняго своего убѣжища на Руси, городка Остреческаго, то снарядился въ походъ (1152), восклицая: отожду! Романъ Волинскій преслѣдовалъ своего тестя, Рюрика Ростиславича, съ неистовствомъ, и постригъ его наконецъ въ монахи (1102, 1205).

1196. «Ростиславъ Рюриковичъ съ Володимеромъ и Чернымъ клобукомъ ѣхавше, новосава и пожгоша волость Ромапову около Каменца, и тако ополонишася челядью и скотомъ, и отместившеся, возвратишася во свояси.»

Жестокость па войнѣ можно пазвать общимъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ обыкновеннымъ. Дѣйствія этого рода вызывались впрочемъ иногда необходимостію, а иногда увлеченіями гнѣва. Такъ въ 1068 г. Мстиславъ Изяславичъ, воротясь въ Кіевъ, послѣ изгнанія, съ отцемъ, изсѣкъ 70 человекъ чади, а другихъ ослѣпилъ и погубилъ, безъ испытанія.

1097. Ростиславичи изсѣкли жителей города Всеволожа, принадлежавшаго къ удѣлу врага ихъ, Давыда Игоревича, и потомъ разстрѣляли бояръ Василья и Лазаря, наущивавшихъ ему па Василька.

1144. Володимерко изсѣкъ многихъ жителей Галича, за сношенія съ его племянникомъ.

Въ 1146 г. В. К. Изяславъ Мстиславичъ, въ войнѣ съ Святославомъ Ольговичемъ

Съверскимъ совѣтоваль Вятичамъ: ловите убитъ его лестию, и дружищу его избити.

1153. Опъ же велѣлъ изсѣчь всѣхъ плѣнныхъ Галичанъ, которыхъ было у него больше, чѣмъ собственныхъ воевъ, «а лучшіе мужи съ собою поля,—и бысть плачь великъ по всей землѣ Галицкой.»

1161. Братъ его, Ростиславъ, услышавъ объ изгнаіи Новгородцами его сына, велѣлъ всѣхъ Новгородцевъ, случившихся въ Кіевѣ, побросать въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ и задохлись ихъ 14 человекъ за ночь, въ чемъ онъ послѣ горько раскаявался.

1216. Ярославъ Всеволодовичъ, разбитый Новгородцами подъ предводительствомъ Мстислава Мстиславича, прибѣжавъ въ свой Переяславль, велѣлъ всѣхъ Новгородскихъ купцовъ побросать въ погреба, и затворить въ тѣсныхъ избахъ,—такъ издушилъ онъ ихъ полтора года.

Нечего удивляться послѣ того сожженію городовъ, то есть укрѣпленій, и истребленію жителей, то есть военной части населенія, такъ какъ это принадлежало собственно къ праву войны — лишать непріятеля его вспомогательныхъ средствъ:

Ярославичи, 1066, запывъ Минскъ, изсѣкли мужей, а жепъ и дѣтей взяли на щить.

Глѣбъ Рязанскій, 1175, предалъ все огню и мечу во Владимирской области.

В. К. Всеволодъ 1208, сжегъ городъ Рязань, а потомъ Бѣлгородъ.

Бояре, и вообще вон, ничѣмъ не отличались въ этомъ отношеніи отъ князей: такъ въ 1067 г. совѣтовали они В. К. Изяславу привлечь къ себѣ Всеслава обманомъ и убитъ. Въ 1150 г. бояре совѣ-

товали В. К. Изяславу захватить дядо Вячеслава, или подсѣчь подъ нимъ стѣни. Въ 1173 г. Владиславъ присовѣтоваль В. К. Глѣбу Кіевскому перебить колодниковъ.

1177. Бояре требовали у В. К. Всеволода, чтобъ онъ выдалъ имъ плѣнныхъ Суздальцевъ и Ростовцевъ: «либо и казни, либо и стѣни, али дай намъ.»

1178. «Дружина Всеволожа пачаши князю жаловатися: мы не цѣловать ихъ пріѣхали... И се рекше ударши въ копѣ, и взяша городъ (Торжекъ), мужи повязаша, а жены и дѣти на щить и товаръ взяша, а городъ пожгоша весь.»

1208. Рязанцы, послѣ присяги В. К. Всеволоду, захватили людей его и поковали, а другихъ заморили въ погребахъ. Напомнимъ убіеніе Кіянами Игоря Ольговича, (1146), измѣну Полочанъ Рогволоду Борисовичу и Ростиславу Глѣбовичу (1151, 1158), отношенія Смольянъ къ Роману Ростиславичу, (1180) видныя изъ причитанья его вдовы, наконецъ взятіе и ограбленіе Кіева, въ 1169 году, соединенною ратью Андрея Боголюбскаго, и въ 1202 году сборною ратью Рюрика Ростиславича съ Половцами. Галичане сожгли любовницу Ярослава (1173).

Въ Новгородѣ съ 1136 г. часто происходили смятенія, среди которыхъ терпѣли много, вповатые и правые. Разграбить дома, сбросить въ Волховъ — это были обыкновенныя явленія.

Самыми вопіющими злодѣянiami, изъ ряду вонъ, должно почесть въроломное умерщвленіе на шпру Глѣбомъ, княземъ Рязанскимъ, шестерыхъ братьевъ, вмѣстѣ съ множествомъ ихъ бояръ и слугъ (1203).

Въ 1208 г. Сѣверскіе князья, Игоревичи, призванные княжить въ Галичь, избили Галицкихъ бояръ, до 500 человекъ, въ гнѣвъ за безпрестанно возобновлявшіеся ихъ мятежи. Вскорѣ, захваченные врасплохъ, князья сами были повѣшены ими.

Въ сношеніяхъ съ погаными, то есть Половцами, военное сословіе оказывало еще менѣе милосердія. Такъ, напримѣръ, въ 1103 году, велѣлъ Мономахъ убить плѣннаго Бельдоза, дававшего за себя золото и серебро, коней и скотъ: «зпай то», сказалъ онъ, «что васъ казнить клятва; сколько разъ приходили вы воевать Русскую землю, нарушая клятву.»

Однажды даже рѣшился онъ самъ преступить клятву, данную Половцамъ, и согласиться на умерщвленіе ихъ пословъ, Итлара и Китапа, въ своемъ Переяславлѣ.

Въ 1149 году В. К. Изяславъ Мстиславичъ велѣлъ Половчина, (захваченнаго подъ Переяславлемъ), «перетяти и съ ополою».

Въ 1224 году предъ сраженіемъ на Калкѣ избиты были Татарскіе послы.

Къ числу особенныхъ пороковъ въ дружинѣ принадлежитъ наущничество, котораго извѣстны многіе примѣры — въ исторіи Василька, Мономаха, Изяслава Володимировича, Андрея Боголюбскаго, Мстислава Мстиславича. Митрополитъ Никифоръ убѣждалъ даже Мономаха невѣрять наущникамъ. Слово Давида Заточеника свидѣтельствуеетъ также объ этомъ порокѣ.

Проповѣди и посланія о піанствѣ и блудѣ показываютъ, что сіи пороки были нерѣдки какъ между князьями, такъ и въ дружинѣ. Рѣзонство или лихонмство, распространенное въ городахъ, осуждалось сильно.

По окончаніи споровъ и войнъ, при заключеніи договоровъ, важное значеніе имѣла присяга (клятва-рота), которую обыкновенно давали всѣ участники, ходили ротѣ, цѣловали крестъ.

Нарушеніе клятвы было впрочемъ несовсѣмъ необыкновеннымъ явленіемъ:

Въ 1066 г. Ярославичи поклялись Полоцкому князю Всеславу, призывая его къ себѣ на миръ, что не причинять ему никакого зла, а когда онъ пришелъ, заключили его въ оковы, и посадили къ порубѣ, въ Кіевѣ.

Въ 1096 году, вслѣдъ за общею присягою, ослѣпленъ былъ несчастный Василько, по навѣтамъ Давыда Игоревича.

Въ 1146 году Кіеве измѣнили В. К. Игорю Святославичу послѣ присяги.

Вѣроломствомъ отличался въ особенности Галицкій князь Володимерко. По договору съ В. К. Изяславомъ Мстиславичемъ онъ поклялся возвратити ему захваченные города на Волыни, и когда тотъ прислалъ къ нему своего боярина Петра, напоминоваго о крестномъ цѣлованіи, и указавшаго на крестъ, которой цѣловалъ Володимерко, то онъ отвѣчалъ: «Сій ли крестецъ малый?» и потомъ пасмѣялся, смотря на проѣзжавшаго мимо Петра: «вотъ, Русскій мужъ отправляется «обимаваъ всѣ волости.»

О Володимерѣ Мстиславичѣ лѣтописатель замѣчаетъ вообще «бѣше ко всей братьи своеіи вертливъ, и не управляваше къ нимъ хрестьнаго цѣлованія.»

Разумѣется, всѣ дѣйствія этого рода относились преимущественно къ военному времени, въ остальное — и князья, и дружина, и вой, были гораздо человѣчнѣе и благо-

душнѣ, и въ отношеніяхъ ихъ между собою видны даже значительные успѣхи общежитія.

Находясь въ брачныхъ союзахъ съ многими Европейскими государями, Императорами: Греческимъ и Германскимъ, Королями: Венгерскимъ, Польскимъ, Шведскимъ, князья стояли на одинакой съ ними степенн житейскаго образованія.

Между собою они уважали родство, а всего болѣе старшинство: ты старше, говоритъ Мономахъ В. К. Святополку на совѣтъ о войнѣ съ Половцами, подавай голосъ первый (1111).

Мономахъ, и послѣ его сынъ Мстиславъ, были въ полномъ смыслѣ главами своего рода, и пользовались общимъ уваженіемъ.

Исполнены почтительности отношенія Ростислава Смоленскаго къ старшему брату В. К. Изяславу Мстиславичу. Послѣдній, напримѣръ, отдавалъ ему на благоусмотрѣніе просьбу Ольговичей омиръ, — оиъ отвѣчалъ: «Кланяюсь тебѣ, братъ, ты меня старше, какъ ты разсудишь, такъ и будетъ—я готовъ за тобою. Но если ты оказываешь мнѣ честь, спрашивая моего мнѣнія, то я люблю лучше миръ, чѣмъ войну» и проч. По возвращеніи изъ-подъ Чернигова Изяславъ, извѣщая о своихъ успѣхахъ брата Ростислава, говоритъ ему: «Богъ привелъ насъ въ Кіевъ благополучно; я спрашиваю тебя, въ здоровьѣ ли ты живешь, и какъ тебѣ Богъ помогаетъ.» Свиданіе ихъ было торжественное: «Увидяся братья въ здоровьѣ, (1148), пребыли въ великой любви и въ весельѣ, съ мужами своими и Смольянами, и одарилса многими дарами: Изяславъ далъ дары, что отъ Русской земли и отъ всѣхъ царскихъ земель, а Ростиславъ—что отъ верхнихъ земель и отъ Варяговъ.»

Отношенія Ростислава къ дядѣ В. К. Вячеславу представляютъ образецъ покорности младшаго къ старшему.*

Ярославъ Владимировичъ Галицкій поручалъ послу В. К. Изяслава Мстиславича (1152) сказать ему: «Богъ сотворилъ волю свою и отца моего взялъ. Что у васъ было между собою, то разсудить оиъ. Я кланяюсь тебѣ и прошу—прими меня сыномъ: сынъ твой Мстиславъ будетъ ѣздить подлѣ твоего стремени съ одной стороны, а я съ другой со всѣми своими полками.»

Ростиславичи плакали по старшемъ своемъ братѣ Ромапѣ, какъ по отцѣ (1190).

1197. В. К. Святославъ Всеволодовичъ съ глубокимъ чувствомъ относился къ памяти отца своего.

В. К. Рюрикъ Ростиславичъ звалъ брата Давида Смоленскаго въ Кіевъ: (1195) «вотъ, братъ, мы остались старше всѣхъ въ Русской землѣ, притѣжай ко мнѣ въ Кіевъ: мы покончимъ вмѣстѣ, что будетъ думы о Русской землѣ и о своей братьѣ, а сами поведемся въ здоровьѣ.»

Многія выраженія въ сношеніяхъ князей между собою служатъ свидѣтельствомъ ихъ нравственнаго развитія. Мономахово поученіе представляетъ лучшее тому доказательство. Въ письмѣ своемъ къ Олегу Святославичу, послѣ того какъ сынъ его Изяславъ погибъ въ сраженіи съ Черниговскимъ княземъ, оиъ говоритъ:

«Я пишу къ тебѣ по принужденію сына моего, (Мстислава), котораго ты крестилъ, и который теперь находится близъ тебя. Оиъ прислалъ ко мнѣ своего мужа съ грамотою: уладимся и смиримся, «а братцу моему

* См. выше, с. 175.

судъ пришелъ,» не будемъ мстить за него, а положимся на Бога, онъ разсудитъ ихъ, а мы Русской земли не будемъ губить.

«Ты можешь понять, мнѣ ли достойно было написать къ тебѣ, или тебѣ ко мнѣ? Хоть бы сыну (Мстиславу) ты сказалъ: слиясь ко отцу, я отвѣтилъ бы десять разъ.»

«Если бы ты раскаялся и прислалъ ко мнѣ грамотку утѣшительную, пустилъ бы споху мою ко мнѣ, потому что итъ въ ней ни добра ни зла — мы оплакали бы вмѣстѣ съ нею мужа ея вмѣсто свадебныхъ пѣсней: я не видалъ ихъ вѣнчашья. Бога ради пусти ю ко мнѣ вборзѣ съ первымъ словомъ—кончавъ слезы, я устрою ее на мѣсто: пусть она сядетъ, какъ горлица на сухомъ деревѣ, прискорбная, а я утѣшуся о Богѣ.»

Трогательна привязанность Святослава Ольговича къ плѣнному брату его Игорю: «ни волости хочю, ни иного чего,» отвѣчалъ онъ Давидовичамъ, «развѣ только пустите ми брата.» Получивъ извѣстіе объ его убіеніи онъ плакалъ горько (1146).

1177. «Мстиславъ не хотя вередити сердца брату старѣйшему,» то есть не хотѣвъ огорчить брата старшаго Романа, (которой не совѣтовалъ ему начинать войну съ Полоцкомъ), отложилъ свое намѣреніе.

1185. В. К. Святославъ Всеволодовичъ горько плакалъ о несчастіи Игоря Сѣверскаго.

Лѣтописи замѣчаютъ, съ какою радостію нѣкоторые князья встрѣчали рожденіе дѣтей, напр. Всеволодъ Мстиславичъ, Рюрикъ Ростиславичъ.

Князья дорожили вообще своею честью, подъ которою разумѣлось впрочемъ всего чаще почетъ, значеніе, право на уваженіе, но иногда и настоящее благородство.

1146. Вячеславъ, надѣясь на старѣйшинство, послушавъ бояръ своихъ, отъ радости (по смерти В. К. Всеволода Ольговича) не приложивъ *чти* къ Изяславу, (не уваживъ Изяслава), отнялъ города, захваченные у него покойнымъ Великимъ княземъ.

1171. «*Честь* его съ душею испла,» отвѣчалъ Давидъ Ростиславичъ игумену Поликарпу, просившему у него почетныхъ вродниковъ къ тѣлу умершаго князя Володимера Андреевича.

1175. Глѣбъ, (Рязанскій князь), слышавъ о намѣреніи Владимирцевъ посадить къ себѣ на столъ его шурьевъ, «радъ бысть, оже на него *честь* воскладывають.»

1195. «Поѣди нестряпал, (зоветь на Смоленскъ Олегъ Святославичъ дядю Ярослава Черниговскаго), совокупивъ дружину свою, пинѣ возмемъ *честь* свою.»

1195. В. К. Рюрикъ Ростиславичъ оправдывался предъ зятемъ Романомъ Волынскимъ въ отдачу нѣкоторыхъ Русскихъ городовъ В. К. Всеволоду Юрьевичу: я дать тебѣ сначала волость, по Всеволодъ пожелалъ ея и жаловался, что мы не положили на немъ *чести*, а мы признали его старшинство во Владимировомъ племени... Ты вѣдъ согласился и проч. Романъ уступилъ, по началъ умышлять злое, и Рюрикъ послалъ просить помощи у Всеволода: ты старшій, гадай о Русской земли, о своей *чести* и о пашей.

Иногда честь принималась, какъ мы замѣтили выше, и въ настоящемъ благородномъ смыслѣ, напримѣръ Ростиславичи (1170) никакъ не хотѣли выдать В. К. Андрею Боголюбскому требовавшихся имъ бояръ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ из-

веденіи его брата Глѣба, и Мстиславъ велѣлъ даже, на повторенное требованіе, обрить бороду его послу.

Такъ точно Новгородцы нѣсколько разъ отказывались отъ выдачи враждовавшимъ князьямъ своихъ гражданъ, несмотря ни на какія угрозы. Также и Псковичи.

Благородныя чувства обнаруживались преимущественно при мысли о всей Русской землѣ, которой единство князя всегда сознавали, не смотря на свои междоусобія, чѣмъ доказывается развитіе ихъ гражданскаго чувства, любви къ отечеству.

1152. «Братья и дружино,» говоритъ В. К. Изяславъ Мстиславичъ, въ Галичѣ, во время войны, «Богъ всегда *Русскія земли* и Русскихъ сыновъ въ безчесть не положилъ есть: на всехъ мѣстѣхъ *честь* свою взимали суть. Нынѣ же, братья, ревнуемы тому вси, въ сихъ земляхъ и предъ чюжими языки, дай ны Богъ *честь* свою взяти.»

1169. В. К. Мстиславъ Изяславичъ зоветъ князей на Половцевъ — «поскати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своіи *чести*. И угодна бысть рѣчь его прежде Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ, и рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ такую *мысль въ сердце*, а памъ дай Богъ за крестьяпы и за *Русскую землю* головы своя сложити, и къ мученикомъ причтенными быти.» Походъ былъ успѣшенъ, Князя отошли потомъ къ Каинову охранять гречниковъ:... «такъ буди, то есть памъ, на *честь* и всеѣ Русскѣи земли.»

1185. «Азь славы дѣля, (говоритъ Игорь Святославичъ Сѣверскій, въ отвѣтъ на предложеніе бѣжать изъ Половецкаго плѣна),

не бѣжахъ тогда (въ сраженіи) отъ дружины, и нынѣ *неславнымъ* путемъ не имамъ ити.

Съ честію и славою — это любимое выраженіе лѣтописей о всякомъ успѣшномъ походѣ.

Ростиславъ Рюриковичъ, одержавъ побѣду надъ Половцами, объѣхалъ всехъ родныхъ со взятыми сайгатами.

«Русская земля» была безпрестанно на устахъ у князей, у духовенства, у лѣтописателей.

Кромѣ приведенныхъ мѣстъ, укажемъ еще на слѣдующія.

Св. Борисъ и Глѣбъ объявляются вездѣ заступниками *земли Русской.*»

1111. Мономахъ предлагаетъ разсужденіе, «какъ быхомъ промыслили о *Русской землѣ.*»

Василько хотѣлъ сложить голову «за *Русскую землю.*»

1097. Князя собрались въ Любечъ, на совѣтъ: почто губимъ *Русскую землю*, сами на ся котору дѣюще, а Половцы землю нашу несутъ розно... «Блюдемъ *Русскія земли.*»

Митрополитъ Никола убѣждалъ Мономаха оставить осаду Кіева: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мзѣтъ погубить *Русскіи земли.*...—

...«Се слышавъ Володимерь, расплакався и рече: по истинѣ отцы наши и дѣды наши соблюли *землю Русскую*, а мы хочемъ погубити...»

1125. Мономахъ по копчинѣ лѣтописатель называетъ добрымъ «страдальцемъ (трусеникомъ) за *Русскую землю.*»

1139. Мы вѣдаемъ милосердіе Ярополче, «говорятъ Черниговцы своему князю, Всеволоду Ольговичу, «тъ бо соблюдаетъ *землю Русскую.*»

1148. В. К. Изяславъ Мстиславичъ соглашался на миръ «Русскія дѣла земли и крестьянъ дѣла.»

1149. Вячеславъ Туровскій предлагалъ миръ, чтобъ «земля Русская расплодилася и розмогла въ братолюбьи князен.»

Уважалось общее мнѣніе: Мономахъ обращаетъ на него вниманіе дѣтей своихъ въ поученіи. В. К. Изяславъ Мстиславичъ сказалъ, услышавъ объ убіеніи соперника его въ Кіевѣ, Игоря Ольговича (1147): «то мнѣ есть порока всякаго отъ людей неуйти; тѣмъ есть речи: Изяславъ велѣлъ убить, но тому Богъ послухъ, яко не повелѣлъ, ни наущилъ.»

Гостепрѣимство между князьями, какъ и въ народѣ, было развито, и обнаруживалось иногда въ широкихъ размѣрахъ. Укажемъ на пѣкоторые приглашенія и угощенія, отмѣченныя въ лѣтописяхъ.

Ярополкъ (1084) приходилъ къ дядѣ Всеволоду на великъ день.

Святополкъ звалъ Василька къ себѣ на мняпины (1096).

Изяславъ Мстиславичъ, съ сыномъ Ярославомъ, послалъ (1148) подвойскихъ и бирючей кликать по улицамъ, «звуче къ князю на обѣдъ (Новгородцевъ) отъ мала и до велика, и тако всѣ обѣдая веселились радостью великою и честію.»

Юрій Долгорукій давалъ союзнику своему, Святославу Ольговичу, обѣдъ сильный въ Москвѣ, въ 1147 году.

Давыдъ Смоленскій, пріѣхавъ въ Кіевъ, по приглашенію брата В. К. Рюрика Ростиславича, (1195), «обѣдалъ у него въ великой любви и многомъ весельѣ,» потомъ приглашенъ былъ на обѣдъ къ племяннику

Ростиславу въ Бѣлгородъ. Затѣмъ пригласилъ онъ брата Рюрика къ себѣ на обѣдъ съ дѣтми, далѣе—монастыри, раздавая въ то же время сильную милостыню нищимъ, наконецъ Черныхъ клобуковъ, которые «поишася у него вси.» Въ заключеніе Кіеве позвали Давыда къ себѣ на пиръ, и воздали ему честь великую. Давыдъ отблагодарилъ ихъ обѣдомъ и дарами.

Дарами обоюдными сопровождался всѣ эти обѣды.

Братчинами назывались пиры, въ монастыряхъ на счетъ мірянъ, и были въ большемъ употребленіи.

Нѣкоторые обычаи, относящіеся къ жизни общественной, видны въ пѣсняхъ, напримѣръ Добрыня Никитичъ

Идетъ онъ княженецкой дворъ безъоб-
смычно,

А въ палаты идетъ бездокладочно;

Неспрашивалъ у воротъ приворот-
никовъ,

У дверей неспрашивалъ придверниковъ,

Всѣхъ онъ вашей прочь отталкивалъ.

Смѣло проходилъ въ палаты княже-
нецкія.

Крестъ кладеть по писанному,

Поклонъ ведеть по ученому,

Солнышку Володимеру въ особину.*

Общественная благотворительность была очень развита:

Мономахъ учитъ дѣтей своихъ: всего же наче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицу оправдите сами.

Святый Феодосій, сотвори дворъ близъ монастыря... туже повелѣлъ пребывать нищимъ и слѣпымъ, и хромымъ, и трудноватымъ,

* См. выше, с. 528, описаніе прибытія Добрыни къ матери Дюка Степановича.

и отъ монастыря подаваше имъ, еже на потребу, и отъ всего сущаго монастырскаго десятую часть даяше имъ, и еще по вся суботы посылаша въ потребу возъ хлѣба сущиѣ въ узехъ.»

Исаакій, Феодоръ, Евстратій, Печерскіе, роздали все свое имѣніе нищимъ предъ вступленіемъ въ монастырь.

Блаженному Ефрему Переяславскому приписывается устройство больницъ въ разныхъ мѣстахъ.

Андрей Боголюбскій, какъ Володимерь святой, разсылалъ угощенія для бѣдныхъ по улицамъ на возахъ: «вѣдя всякаго нища приходящаго къ собѣ просить, подавая имъ прошенія ихъ, глаголя тако: еда се есть Христось пришедь испытать мене.»

Милостыня раздавалась въ особенности на похоронахъ.

У князей примѣтно расположеніе и къ красотамъ природы: Всеволодово загородное убѣжище называлось Красныѣмъ дворомъ. Юрій называлъ свой дворъ за Дѣпромъ Раемъ. Другой дворъ у него былъ также Красныѣмъ.

Нѣкоторые князья пользовались за свои достоинства особенною преданностію и любовію народною. О кончинѣ *Мономаха* (1125) сказано: «Святители жалючи си плакахуся по святомъ добромъ князи; весь народъ и вси людіе плакахуся, яко же дѣти по отцо или по матери.»

Даже потомки его долго были предметомъ особеннаго уваженія. Въ 1147 г. Кіеве отвѣчали В. К. Изяславу Мстиславичу: «княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възнати, оляже

Ольговичъ хотя и съ дѣтьми.» Точно также говорили жители Курска Мстиславу Изяславичу: «на Володимире племя, на Гюргевича, не можемъ руки подпяти.»

Новгородцы въ одинъ голосъ восклицали *Пязлаву Мстиславичу* (1148): «ты нашъ князь, ты нашъ Владимиръ, ты нашъ Мстиславъ: ради съ тобою идемъ твоихъ дѣля обидь.»

Смольяне встрѣтили В. К. *Ростислава*, на пути въ Новгородъ, за 300 верстъ, — лучшіе мужи, потомъ внуки, сынъ Романъ, епископъ Мануилъ, «и малѣ не весь градъ изиде противу ему, и тако вельми обрадовашася вси приходу его, и множество даровъ подаяша ему.»

О Мстиславѣ Ростиславичѣ, по случаю кончины его, въ 1179 году въ лѣтописи сказано: «не бѣ бо тоѣ земля въ Руси, которая же его не хотяшеть, не любяшеть»..*

Владимерцы, призывая Ростиславичей по смерти *Андрея* Боголюбскаго (1175), говорили ему: «ваю отецъ добръ былъ, коли у насъ былъ, а поѣдте къ намъ княжить, а нпыхъ не хотимъ.» Ростиславичи отвѣчали: «помози Богъ дружинѣ, оже не забываютъ любви отца моего.»

Галичане, удерживая отъ участія въ сраженіи князя своего *Ярослава* Володимировича, говорили: «ты еси молодъ, а поѣди прочъ и насъ позоруй; како вы будетъ отецъ твой кормить и любить, а хотимъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити.»

Вообще княжеское достоинство уважалось какъ въ дружинѣ, такъ и въ народѣ, что можно видѣть особенно въ посланіяхъ митрополита Никифора къ Великому князю Володимеру Мономаху.

* См. выше, с. 580.

Лѣтописатели приписываютъ князьямъ иногда даже царскій титулъ—1147, 1149, 1151, 1154, 1180.

Князья и ихъ жены отличались вообще набожностію, которую доказывали строе-ніемъ церквей, освоеніемъ монастырей, и вступленіемъ передъ смертію въ монашество, надѣясь тѣмъ искупить грѣхи свои.

Духовенство, чѣмъ древнѣе и ближе къ началу христіанской вѣры, тѣмъ было чище, ревностнѣе и усерднѣе. Мы видимъ его всегда впереди въ дѣлахъ миротворства и человеколюбія. Поученія къ народу, дошедшія до насъ, дышатъ искренностію, и исполнены правилъ простыхъ, вѣрныхъ и дѣйствительныхъ для спасенія. Множество лицъ высоко-правственныхъ, было изъ этого сословія, которыхъ святая жизнь за-свидѣтельствовала памятниками.

Бывали, разумѣется, исключенія. Самъ св. Феодосій указываетъ въ своихъ поученіяхъ на нѣкоторые недостатки братіи. Печерскіе иноки не хотѣли принять игуменомъ предложеннаго имъ Св. Феодосіемъ Іакова мпиха, и пожелали имѣть Стефана, котораго также принудили вскорѣ удалиться отъ нихъ. Въ житіяхъ Печерскихъ, изложенныхъ нами выше, встрѣчаются случаи, несогласныя съ святыми обѣтами: въ житіи Евагрія¹ видно злопамятство, въ житіи Θεοφιλα² самолюбіе, въ житіи Θεодора, Арефы,³ корыстолюбіе, и проч.

Въ гоненіи на добродѣтельнаго Авраамія Смоленскаго участвовало всѣхъ болѣе духовенство, изъ зависти.

1) См. выше стр. 631. 2) См. 618, 932. 3) См. 614.

Нѣкоторые извѣстія о святокупствѣ относятся преимущественно къ Греческимъ припльцамъ. Супруга Ростислава Рюриковича говоритъ, напри-мѣръ, что она не пожалѣетъ тысячи гривенъ серебра за поставленіе епископомъ Поликарпа, (писателя житій Печерскихъ).

«Поставленъ на мздѣ» выраженіе встрѣчающееся часто въ лѣтописяхъ.

Въ словѣ Данила заточеника (по сл. Ундольскаго): «мпози отшедше міра сего, паки возвращаются аки пси на своя блевотны, на мирское гоненіе: обиходятъ села и дома славныхъ міра сего, яко пси легкосердїи; идѣже брацы и нирове, ту черницы и черпцы, и незаконнии, отческіи имѣя на собѣ санъ, а блядивъ воровъ, святительски имѣя на собѣ санъ, а обычаемъ похабъ.»

Роскошныя братчины въ монастыряхъ осуждаются еще въ правилѣ митрополита Іоанна: «иже въ монастырехъ часто пиры творятъ, созываютъ мужи вокупя и жены, и во тѣхъ пирахъ другъ другу пресѣвають, кто лучшій сотворитъ пирь—сія ревность не о Бозѣ» и проч.

Владимирскій епископъ Феодоръ представляетъ свою жизненую явленіе особенное, изъ ряду вопъ. Лѣтописи рассказываютъ ужасы объ его злодѣяніяхъ: «Многіе люди пострадали въ его управленіе, лишаеъ своихъ сель, оружія и копей, другіе обречены работѣ, подверглись заточенію и грабежу, не только простцы, но и монахи, игумены, священники. Это былъ безмилостивый мучитель: однимъ онъ рѣзалъ головы, бороды; другимъ выкалывалъ глаза, выжигалъ языки, распиналъ по стѣнѣ, и мучилъ немилостивнѣ, хотя восхитить отъ всѣхъ имѣнія; былъ онъ не сытъ, какъ адъ.» Отославный въ Кіевъ В. К. Андреемъ

(1172) онъ былъ осужденъ митрополитомъ Константиномъ, и на Песемъ островъ «его оськоша и языка урѣзаша, яко злодѣю еретику, и руку правую отсѣкоша, и очи ему выняша, зане хулу измолви на святую Богородицю.»

Замѣчательно завѣщаніе Кіевского митрополита Константина—бросить тѣло его по кончинѣ на сѣденіе псамъ. (1169).

Сельское сословіе, то есть большинство народа, народъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, живя вдали отъ шума браней, въ которыхъ не принималъ никакаго почти участія, и занимаясь единственно воздѣлываніемъ земли, и другими подобными трудами, сохранялъ большею частію свои древніе, патриархальные права — тихій, смиренный, терпѣливый. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ какихъ другихъ памятникахъ, нѣтъ слѣдовъ его сопротивленія правительству, какое было, нѣтъ признаковъ безпокойства или возмущенія, — и даже нѣтъ вообще извѣстій объ немъ, какъ будто его и на свѣтѣ не существовало: доказательство жизни мирной и покойной.

Съ другой стороны въ народныхъ пѣсняхъ не слышится никакихъ жалобъ на притѣсненія со стороны князей и бояръ, на худую или тяжелую жизнь: значить, что жить было хорошо, спосно, и, заплативъ, что положено, поселяне пользовались полною свободою.

Множество святыхъ мужей, вышедшихъ изъ народа, и достигшихъ высокой степени нравственнаго совершенства въ духовной жизни, представившихъ великое развитіе ума, сердца и воли, свидѣлствуютъ въ пользу того народа, изъ котораго они вышли: такіе блистательные плоды могли возникнуть

только на доброй, благодатной, и подготовленной для христіанства почвѣ. Писатели—Иларіонъ, Несторъ, Іаковъ, Давидъ, Симонъ, Поликарпъ, Кириллъ Туровскій, принадлежали къ простолюду.

Преданность въ волю Божию, принятіе всякихъ бѣдствій наказаніемъ за грѣхи свои, отсутствіе ропота и жалобъ, искреннее раскаяніе—вотъ отличительныя черты народнаго характера, при общественныхъ бѣдствіяхъ, судя по лѣтописямъ.

Суевѣрія, которыхъ было много, принадлежали къ остаткамъ язычества, вмѣстѣ съ знахарями и колдунами, преемниками древнихъ волхвовъ. Въ Новгородѣ еще въ 1230 году, сожгли четырехъ волхвовъ. Въ монастырѣ Никиты Переяславскаго скрывался при немъ такъ называемый колдунъ.

Единственный источникъ, изъ коего почерпаются свѣдѣнія объ ежедневномъ житіи бытѣ, образѣ мыслей, чувствованій и дѣйствій простаго народа, суть пѣсни, до насъ дошедшія, со множествомъ разпорѣчій, — источникъ, необработанный еще критикою, но представляющій достаточныя данныя, чтобъ составить по нимъ приблизительное понятіе.

Пѣсни были повреждены значительно, въ теченіи времени, но они носятъ еще до сихъ поръ вѣрные признаки древности—и вмѣстѣ современности съ быльями. Въ пѣсняхъ нашихъ слышатся безпрестанно: синее море, море Хвалынское, Дунай рѣка, Почай, Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ, Ладъ, Дидъ-ладъ, Лелю, люли, терема, сѣши, купы, золотыя, серебряныя гривны, соболи, купиды, веверицы, лебеди, виноградъ, вина заморскія, рыбій зубъ, ковры, аксамиты, паволоки, золотошвейное искусство. Когда могли бы попасться въ пѣсни всѣ эти слова, кромѣ древняго періода?

Когда моглибъ попасться въ пѣсни — князья, бояре, боярскія дѣти, воеводы, тысяцкіе, кромѣ удѣльнаго періода, когда они были близки къ народу.

О существованіи пѣсень есть много древнихъ свидѣтельствъ, напр. въ словѣ христоролюбца, по древнему списку осуждается плясаніе, гудба, пѣсни бѣсовскія, (въ одномъ спискѣ XIV вѣка: мирскія).

Пѣсни есть свадебныя, обрядныя, подблюдныя, хороводныя, игорныя.

Свадебныя пѣспи, по количеству своему, занимаютъ между ними первое мѣсто.

Свидѣтельство о свадебныхъ пѣсняхъ въ древности мы находимъ у Володимера Мономаха, въ письмѣ его къ Олегу Святославичу, послѣ сраженія, въ которомъ убитъ былъ сынъ Мономаховъ, Изяславъ. Ты долженъ бы «къ Богу покаяться, а ко мнѣ грамотку утѣшительную (написать)... а споху мою послати ко мнѣ, зане пѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обунимъ оплакаль мужа ея, и оны сватьбы ею, *пѣсній мѣсто*: не видѣхъ бо первѣ радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхи своя.»

«Плясаніе, гуденіе и плесканіе,» вмѣсто священнаго обряда, осуждается еще въ правилѣ митрополита Іоанна II.

Древняя Русская свадьба есть цѣлая поэма въ дѣйствіи, состоящая изъ знаменательныхъ обрядовъ, съ присоединеніемъ множества разнообразныхъ пѣсней, которыя живо представляютъ величіе древней Русской семейной жизни.

Исчислимъ ея составныя части по Сахарову.

Приготовленія къ свадьбѣ: благословеніе жениха; выборъ невѣсты; смотръ; нареканіе

въщеноспой невѣсты. — Наряды къ свадьбѣ: тысяцкіи и тысяцкаго жепа; посаженный отецъ и посаженая мать; дружки; свахи; выдающій молодую; вскрыващій молодую; поѣзжане; бояре и боярыни сидачія; копошій; ясельничій; свѣчники; фонарщики; коровайники; мовники; посылщики — съ ковромъ, съ подвожіями, съ скляницею, съ платьемъ къ бани, съ скамейкою; держачіе: осыпало, чару, требень, сороки соболей; сидѣльщикъ на княжемъ мѣстѣ. — Наряды въ избѣ: мѣсто чертожное; столы; размѣщеніе гостей; осыпало; свѣчи; фонари; короваи. — Сѣпникъ: уборка стѣнъ; постеля; кадъ; оловяники; оберегатели. — Кушанья: короваи; вины; перепеча; каша; кури. — Сборъ въ палатѣ: выходъ жениха; посылка за невѣстою; выходъ невѣсты; посылка отъ посаженаго отца за женихомъ; чесаніе головы; опахиваніе; подарки. — Поѣздъ къ вѣчанію: выходъ изъ палаты; аргамакъ; сани; поѣздъ къ церкви; обряды. — Поѣздъ отъ вѣчанія: шествіе въ палату: столованіе; выходъ въ сѣпникъ; выдача невѣсты; кормленіе; вскрытіе невѣсты. — Второй день свадьбы: мыльпя; кормленіе новобрачныхъ «разсылка каши; поздравленія; пированіе княжое; зовъ; дары. — Третій день свадьбы: пированіе; награды.

Вотъ одно старинное описаніе свадьбы съ явными слѣдами язычества: «се слышимъ нѣкое небоугодное дѣло, наипаче же мерзко и стыдно, яже творять христіане, отъ діавола научени суще. Егда же убо у нихъ бракъ совершается, и готовлена хранина бываетъ, жениху съ невѣстою, идѣже ложу быти, и постилають подъ нихъ класы, рекше спопове съ зернамъ... Какъ придетъ женихъ по невѣсту, и свахи жениха съ невѣстою вмѣстѣ за навѣсомъ сажаютъ, и съ невѣ-

сту снемъ шапку на жениха надъвуютъ, а мужскую шапку на невесту; и свѣщами со огнемъ волхвуютъ кругъ главы съ четырьмя странъ, и трижды къ главъ притыкаютъ, и въ зеркало смотритъ велятъ. Да у того же жепиха тѣ же свахи гребнемъ голову чешутъ; да ины вражьи есть затѣи: *кругъ стола всѣмъ поѣздомъ ходятъ*; а какъ крутятъ невесту, и покроютъ ее пеленою, и учнутъ хмѣлемъ осыпать. И какъ прійдетъ женихъ съ невестою и съ поѣздомъ своимъ, такъ бабу поставятъ на кадъ, и облекутъ на нее шубу выворота (!)... и станеть та баба всѣхъ людей хмѣлемъ осыпать, и въ то время вси шапки подставляють. Да отъ вѣнчанія женихъ приходитъ съ невестою на подклѣтъ, а не за столъ, какъ не во истинныхъ крестьянѣхъ ведеться, по христіанскому обычаю, а не по странному сему дѣянію. И тамо прінесутъ имъ курицу жареную, и женихъ возьметъ за ногу, а невеста за другую, и учнутъ тлѣти ея разнѣ, и приговаряють скверно, еже вѣсть мочно и писанію вдати. *Тако врагъ научилъ дѣйствовати старыхъ колдуновъ, бабъ и мужиковъ, и женихъ съ невестою, по ихъ наученію, и неволю тако творятъ, и яди той зѣло ругаютца. Да еще къ нимъ приносятъ тутъ же на подклѣтъ каши, и они кашу черпаютъ и за себя мечутъ. Все тое есть бѣсовское дѣйство. Да когда женихъ съ невестою пребываютъ, ино таково скверно и зазарио вельми зрѣти: понеже страшно не токмо рещи, но и помыслити...»*

Предложимъ пѣсколько пѣсень, замѣчательныхъ, какъ по древности языка, такъ и по указаніямъ на обычаи, на правственные отношенія.

Со вѣномъ я хожу,
Съ животомъ я хожу;
Мнѣ куда будетъ вѣна положить?
Мнѣ куда живота положить?
Положу я вѣна, положу живота,
Ужъ я Павѣ на поволоку,
Свѣтъ Андреевѣ на паволоку,
Красной дѣвицѣ на правое плечо.

Чѣмъ мнѣ вѣна выкупать?
Чѣмъ живота выкупать?
Ужъ я дамъ ли, ужъ дамъ за вѣна
Три гривны серебряныя, и проч.

Ты камочка, камочка моя,
Ты камка мѣлкотравчатая!
Не давайся развертываться,
Ни по атласу, ни по бархату,
Ни по аксамиту на золотѣ.
Какъ аксамитъ-то волю взялъ,
Хрущату камку развернулъ,
Всѣ узоры высмотрѣлъ,
Всѣ круги позолоченые.
Ты Машенька Ефимовна,
Не давайся насматриваться
Ни купцамъ, ни чернавцамъ,
Ни тому сыну болгарскому.
Какъ болгарской сынъ волю взялъ,
Онъ Машеньку за ручку брать,
Онъ Ефимовну за бѣдую,
Онъ повелъ за дубовый столъ,
За сватерти бранья,
За яства сахарныя.

Что Ефимовъ дворъ-море,
Что Гавриловичевъ дворъ-море,
Что круты берега—его тесаный теремъ,
Что сильны вѣтры—его крѣпки стражи.
А у него на морѣ бѣлая рыбаца,
Машенька Ефимовна.

Ловили ловцы,
Купцы молодцы;
Тѣ ловцы неудальцы:
Невода у нихъ не шелковые,
Крючья у нихъ не серебряныя.

Что Ефимовъ дворъ—море,
Что Гавриловичевъ дворъ—море,

Что круты берега — его тесаный теремъ,
Что сильны вѣтры — его крѣпки стражи,
А у него на морѣ бѣлая рыбаца,
Машенька Ефимовна.

Ловили ловцы,
Бояре молодцы;
Тѣ ловцы всѣ удалцы:
Невода у нихъ шелковые,
Крючья у нихъ серебряные.
Поймали они бѣлую рыбаца,
Поймали Марью Ефимовну,
Поймавши, за столъ сажали
Со Петромъ да Петровичемъ.

Какъ у Ефима на дворѣ
Выросло деревцо кипарисное,
На то ли деревцо соловьямъ былъ слетѣть,
Молодымъ былъ слетѣть.
Какъ ко Ефиму во теремъ
Былъ боярамъ съѣздъ.
Какъ у Ефима то дитя,
Марья, душа, Ефимовна,
Умное, разумное,
Вѣжливое, привѣтливое.
По утру встанетъ ранешенько,
Умоется бѣлымъ-бѣлешенько,
Одѣнется чистымъ-чистешенько,
Помолится Богу низешенько.
Ужъ про то ли бояре прослышали,
Ужъ про то ли провѣдали;
Прѣхали ко Ефиму во теремъ,
Ко Гавриловичу во высокъ,
Хотятъ ее съ собою взять:
Не близко, не далеко,
Во Божью церковь,
Съ молодымъ княземъ рядомъ поставити,
Со Петромъ Петровичемъ,
Золоты вѣнцы положить.

У Ивана у Петровича
Новыя сѣни разрѣшетилися,
Новыя крылечки понавѣсилися;
Что изъ тѣхъ ли, изъ новыхъ сѣней,
Вылетала пташечка, перепелычка,
Перепелычка свѣтъ Аннушка,
Златокрылая Ивановна и проч.

Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ-почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ
Корабль плыветъ,
Корабль съ чистымъ серебромъ.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы товарищи мои!
Этого добра много въ домѣ у меня.

Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ-почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ,
Корабль плыветъ,
Корабль съ краснымъ золотомъ.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра много въ домѣ у меня.

Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ-почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ,
Его будили молодцы,
Будили побуживали:
Ты встань пробудись,
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ,
Корабль плыветъ,
Корабль съ красной дѣвицей,
Машенькой, душой Ивановной.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!

Этого добра нѣтъ у меня.
И мы встанемъ-те, пойдемъ-те,
Къ себѣ въ домъ его перейдемъ-те.

Нетесанъ теремъ нетесанъ,
Только хорошо украшенъ,
Разными красками разцвѣченъ.
Не ученъ Лука, не ученъ Ивановичъ,
Только хорошо снаряженъ;
Снаряжала его матушка,
Отпускала его въ гости къ тещенкѣ.
Зеленъ-сосенка, желтый цвѣтъ!
Почто тебя, Лука, дома нѣтъ,
Почто тебя, Ивановичъ, дома нѣтъ?
Ждала я тебя день, ждала другой,
Не бывалъ, писала-бъ письмо, не умѣю.
Послала-бъ посла, не смѣю;
Сама-бъ я пошла, стыжуся,
Роднаго батюшки боюся,
Родной матушки кроюся.
Ты заря-ль моя, зорюшка,
Ты душа-ль моя, Прасковьюшка,
Ты душа-ль моя, Андреевна.
Городомъ прошла зарю,
Ко двору пришла тучю,
Ударила въ ворота бурю,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама поплыла уткою,
На крыльцо взошла павою,
Во павы сплнн лебедемъ,
Во высокъ теремъ соколомъ,
Садилась за столъ съ молодцомъ,
Махнула платкомъ во теремъ.
Вы раздайтеся бояре,
Разступитесь дворяне!
Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
Небольшимъ даромъ—тереномъ.
Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
Вѣдъ большимъ даромъ—женихомъ,
Вѣковымъ дружкомъ Лукой,
Вѣковымъ дружкомъ Ивановичемъ.

Пойду млада по двору,
Взгляну млада по морю:
Какой по морю рай плыветь,
По синему раюшка плыветь?

Ахъ, ты, Анна Петровна свѣтъ!
Сойди же ты съ терема високаго,
Поймай, поймай раюшка дружка.
На что же мнѣ раюшка?
У меня есть ладушка,
Свѣтъ сударь, Иванъ Андреевичъ.

Сободемъ Прасковьюшка всѣ лѣса
прошла,
Крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ
бархатомъ,
Въ путь катила, въ путь катила золо-
тымъ кольцомъ,
Прикатила, прикатила ко синю морю,
Всвиснула, взгарнула громнымъ голо-
сомъ:

Кто у насъ на морѣ перевошникомъ?
Кто бы меня, кто бы меня, дѣвицу,
Кто бы меня перевезъ на ту сторону?
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся Иванъ
господинъ.

Я тебя, Прасковьюшка, перевезу на ту
сторону;

Я за тобою, за тобою корабль пришлю,
Корабль пришлю, судно крѣпкое, ко-
лыхливое.

Не присылай за мной судна крѣпкаго,
колыхливаго:

Я у батюшки дитя пугливое, тороп-
ливое.

Я за тобою, я за тобою самъ прилечу,
Самъ прилечу, подъ крыломъ унесу,
и проч.

Ужъ какъ по морю, морю,
По синему морю Хвальиному,
Что плыла сѣра утица,
За собой вела селезня,
Молодаго, хохлатаго,
Хохлатаго, мохнатаго.

Ужъ какъ ей утушкѣ завидовали,
Ужъ и ей, сѣрой, завидовали:
Ай да наша утушка!
Ай да наша сѣрая!
Вотъ какого нашла себѣ селезня,
Селезня молодого, хохлатаго!

А и тутъ говорить утушка,
 А и тутъ говорить сѣрая:
 Не завидуйте утушки,
 Не завидуйте сѣрыя!
 И у васъ будутъ селезани,
 Селезни еще лучше.
 Ужь, какъ по терему, терему,
 Шла-прошла Машенька,
 Шла-прошла свѣтъ Ефимовна,
 За собой вела молодца,
 Молодца хорошаго.
 Какъ ей дѣвушки завидовали:
 Добро тебѣ Марьюшка,
 Добро тебѣ, свѣтъ Ефимовна:
 Что нашла себѣ молодца,
 Молодца хорошаго!
 А и тутъ говорила Машенька,
 А и тутъ говорила Ефимовна:
 Не завидуйте дѣвушки,
 Не завидуйте красныя!
 И вамъ будутъ молодцы,
 Молодцы еще лучше.
 Тогда вамъ не позавидую,
 И позавидовать не вздумаю,
 А порадуюсь радостью,
 Поѣду за вами въ поѣзжаныя.

Долго по долгу соколъ не летить,
 Знать что соколъ за лѣсъ залетѣлъ.
 Долго по долгу къ намъ Петра нѣтъ.
 Ёдетъ Петръ-то, ёдетъ Петръ-то,
 Ёдетъ Васильевичъ на ворономъ конѣ.
 Конь подъ нимъ словно звѣрь лютой,
 Грива у коня златомъ перевита,
 Хвостъ у коня какъ лютая змѣя,
 Самъ на конѣ, самъ на конѣ,
 Какъ соколъ на рукѣ.
 Разыгрался, разыгрался Петровъ-то
 конь,
 Разыгрался, разыгрался Васильевичевъ
 конь,
 Онъ перескочилъ черезъ тынъ въ зеленъ
 садъ,
 Переломилъ, переломилъ,
 Переломилъ онъ желѣзную тынъ,
 Отломилъ онъ у яблони сукъ,

Отломилъ, отломилъ,
 Отломилъ у кудрявыя сукъ.
 Возговорить свѣтъ-Василій господинъ,
 Возговорить свѣтъ Васильевичъ:
 Кто безъ меня въ зеленомъ саду былъ?
 Кто желѣзную тынъ переломилъ?
 Кто безъ меня у яблони сукъ сломилъ;
 Кто безъ меня у кудрявыя сукъ сломилъ?
 Возговорить свѣтъ-Петръ господинъ,
 Возговорить свѣтъ Васильевичъ:
 Я безъ тебя во зеленомъ саду былъ,
 Я безъ тебя желѣзну тынъ сломилъ,
 Я безъ тебя у яблони сукъ сломилъ.
 Я безъ тебя у кудрявыя сукъ сломилъ.

Долго по долгу соколъ не летить,
 Знать что соколъ за лѣсъ залетѣлъ;
 Долго по долгу къ намъ Петра нѣтъ.
 Ёдетъ Петръ-то, ёдетъ Петръ-то.
 Ёдетъ Васильевичъ на ворономъ конѣ,
 Конь подъ нимъ словно звѣрь лютой,
 Грива у коня златомъ перевита,
 Хвостъ у коня, какъ лютая змѣя,
 Самъ на конѣ, самъ на конѣ,
 Какъ соколъ на рукѣ.
 Разыгрался, разыгрался Петровъ-то
 конь,

Разыгрался, разыгрался,
 Разыгрался Васильевичевъ конь,
 Распаталъ дубовы верен,
 Разогналъ красныхъ дѣвушекъ,
 Душу Пашеньку съ собою взялъ.
 Возговорить свѣтъ-Василій господинъ,
 Возговорилъ свѣтъ Васильевичъ:
 Кто безъ меня въ домѣ былъ?
 Кто безъ меня веревочки распаталъ?
 Кто безъ меня красныхъ дѣвушекъ
 разогналъ?
 Кто безъ меня Прасковьюшку взялъ?
 Возговорить свѣтъ-Петръ господинъ,
 Возговорить свѣтъ Васильевичъ:
 Я безъ тебя въ домѣ былъ,
 А мой конь веревочки распаталъ,
 Я безъ тебя красныхъ дѣвушекъ разо-
 гналъ.
 Я безъ тебя Прасковьюшку душу взялъ.

Ужь, ты гдѣ былъ-побывалъ,
Свѣтъ нашъ Тысяцкій воевода,
Ужь гдѣ ты былъ-побывалъ,
Свѣтъ Иванъ Ивановичъ, воевода?—
Я былъ - побывалъ,
(Во каменной Москвѣ).
А что же ты, воевода, подѣлывалъ?—
Я дѣвицы тамъ торговалъ,
Я красныя тамъ торговалъ.
А чѣмъ же ты торговалъ?
А чѣмъ же ты за товаръ бралъ?—
Я торговалъ дорогими парчами,
Я бралъ не кунами, не черными собо-
лями,
Я бралъ все со русыми со косами,
Я бралъ со дѣвичьиѣ красотами.

Матушка, что во полѣ пыльно,
Сударыня, что во полѣ пыльно?—
Дитятко, кони разыгрались,
Свѣтъ мое милое, кони разыгрались.
Матушка, на дворъ гости ѣдутъ,
Сударыня, на дворъ гости ѣдутъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, на крылечко гости идутъ,
Сударыня, на крылечко гости идутъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, въ нову горницу идутъ,
Сударыня, въ нову горницу идутъ?—
Дитятко не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, за дубовый столъ садятся,
Сударыня, за дубовый столъ садятся?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, образъ со стѣны снимаютъ,
Сударыня, образъ со стѣны снимаютъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, меня благословляютъ,
Сударыня, меня благословляютъ?—
Дитятко, Господь Богъ съ тобою,
Свѣтъ мое милое! Господь Богъ съ
тобою!

Какъ у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка лучи ясные,
У Ивана кудри русыя,
У Алексѣевича по плечамъ лежать,
По его плечамъ могучимъ.
Совъзжались князья и бояры,
Дивовались на это дитя!
Еще чье это дитя милое?
Хорошо очень испорожено.
Да не солнушко-ли испородило?
Не свѣтель-ли мѣсяцъ вспоилъ, вскормилъ?

Не частыя-ль звѣзды валежали?
Возговорить дитя милое:
Ужь вы, князья, бояре,
Вы разумные, люди добрые!
Испородила меня родна матушка,
Вскормилъ, вспоилъ родной батюшка,
Валежали мамки, нянюшки,
Завила кудри сестра милая.

Ты взойди, Анна-душа, на новы сѣни,
Ты взойди, Михайловна, да на новыя!
Посмотри Анна-душа, во чисто поле,
Посмотри, Михайловна, да во чистое:
Сколь силѣнъ ѣдетъ Иванъ та князь.
Сколь силѣнъ ѣдетъ Александровичъ!
По одну сторону пятьдесятъ человекъ,
По другую сторону еще пятьдесятъ.
Гляючи Анна душа испугалася,
Гляючи Михайловна испугалася.
Заплатри, батюшка, шатромъ вербета!
Занавѣсь; матушка, камною теремъ!
Оберните, сестрицы, меня полотномъ!
Ѣдучи Иванъ та князь похваляется,
Ѣдучи Александровичъ похваляется:
Быть, быть шатру да разломанному,
Быть, быть камѣ да разодранной,
Быть, быть Аннѣ душѣ во полонъ взятой,
Быть, быть Михайловнѣ во полонъ
взятой.

Не бывать бы вѣтрамъ, да повѣяли,
Не бывать бы боярамъ, да понаѣхали,
Травушку, муравушку, притолочили,
Гусей, лебедей поразогнали,

Красныхъ дѣвушекъ поразослали,
Красную Анну душу въ полонъ взяли,
Красную Михайловну въ полонъ взяли.
Стала тужить-плавати Анна душа,
Стала тужить-плавати Михайловна.
Сталъ унимать-разговаривати да Иванъ
та князь,
Сталъ унимать-разговаривати Алексан-
дровичъ:
Не плачь, не тужи, свѣтъ Анна душа!
Не плачь, не тужи, Михайловна!
Я тебя, Анна душа, да не силой брагъ.
Яжъ тебя, Михайловна, не неволею.
Билъ челомъ, кланялся твоему батюшкѣ,
Билъ челомъ, кланялся твоей матушкѣ,
Снявъ шапку, снявъ шапку соболиную,
Распустивъ полы сарачинскія,
Износилъ кафтанъ китайчатой,
Все до тебя, Михайловна, поступаючи.

Какъ на синемъ на морѣ,
Что-ль на бѣломъ камени,
Строила Анна душа,
Строила Ивановна,
Строила себѣ широкій дворъ,
Со высокіимъ теремомъ.
Строючись она похвалялася,
Похвалою великою,
Что-ль не взять моего широка двора,
Со высокіимъ теремомъ,
Что-ль ни стоми, ни тысячей,
Что-ль ни *стольнымъ городомъ*,
Что-ль ни славнымъ *Киевомъ*.

Какъ услышалъ ту
Похвалу великую
Иванъ князь, да Ивановичъ,—
Не хвалися Анна душа,
Не хвалися Ивановна,
Своимъ широкимъ дворомъ,
Со высокіимъ теремомъ;
Я возьму твой широкій дворъ,
Со высокіимъ теремомъ,
Я безъ ста, безъ тысячи,
Я безъ стольна города,
Я безъ славна Киева.
Я возьму твой широкій дворъ,

Со высокіимъ теремомъ,
Я самъ-другъ со священникомъ,
Самъ-третей со діакономъ,
Самъ-четверть со тысяцкимъ,
Самъ шестой со боярами,
Самъ восьмой со друзьями,
Самъ девять со свахою,
Да тебя десятую,
Душу красну дѣвицу,
Да что-ль Анну Ивановну!

Ахъ, вы гуси,
Ахъ, вы лебеди,
Вы куды, гуси, летали?
А мы ужъ летали, летали:
Съ моря да на море.
Да ужъ что вы гуси видѣли?
Съру утицу на морѣ.
Для чего-жъ вы ее не взяли?
Хотя мы ее не взяли,
Крылья, перья вонъ повыщипали,
Горючую кровь пролили;
Ужъ теперъ же она наша.

Вы князя, вы бояре,
Вы куды князя вѣдили?
А мы вѣдили, вѣдили,
А мы изъ города въ городъ.
Ужъ и что князя видѣли?
А мы видѣли, видѣли,
Душу Полинку въ теремъ,
Свѣтъ Тарасевну въ високомъ.
Для чего-жъ вы ее не взяли?
Хоть мы ее не взяли,
По рукамъ ударили:
Быть сговору, дѣвишнику,
Быть дѣвчѣму вечеру.
Мы русу косынку расплели,
Мы по плечикамъ распустили,
Ужъ теперъ она наша стала.

Ахъ вы дѣвки, дѣвушки,
Голубины гнѣздышки!
Много васъ посѣяно,
Да не много выросло:
Одно поле *Киевско*,
А другое *Черниговско*.
Промежъ тѣхъ двухъ полей,

Не лебедь всликала,
 Не куна выгнала,
 Да что-ль Анна всплакала,
 Что-ль Ивановна всплакала,
 По своей русой косѣ,
 Что-ль по красной-то красотѣ:
 Ты коса-ль, краса моя,
 Коса безкручинная,
 Коса безпечальная!
 Какъ вчера русу косу
 Въ парной бани парили,
 А сегодня русу косу,
 Подъ вѣнецъ поставили,
 Женою называли:
 Женою Ивана князя,
 Женою Ивановича.

Прочія пѣсни связаны большею частию съ праздниками, имѣющими начало еще во времена язычества. Они подверглись вліянію христіанства, и заключаютъ нынѣ совершенное смѣшеніе понятій. Первоначальное значеніе многихъ обрядовъ пропало, и можетъ быть отыскано развѣ путемъ изслѣдовацій.

Главные праздники были слѣдующіе: коледа и святки, авсень, красная горка, радуница, семикъ, троицынъ день, русальная недѣля, купальница и купало, ярило и проч.

Коледа отправлялась 24 декабря. «На навечеріи Рождества Христова и Крещенія,» сказано въ Стоглавѣ «сходятся мужи и жены на nocturne плещованіе, игры и глумленіе, и бѣсовскія пѣсни.»

Поется и въ пѣснѣ:

Уродилась коледа
 Наванунъ Рождества,

Значеніе этого древняго праздника позабылося: нынѣ осталось отъ него только пѣвіе особыхъ пѣсень подъ окнами домовъ;

съ прошеньемъ о наградѣ. Нѣкоторые соединяютъ коледу съ общимъ у Скандинавовъ праздникомъ Юльскимъ, который съ переживаніемъ, какъ нынѣ у насъ на святкахъ, отправлялся и въ Константинополь, около того же времени, по описанію Императора Константина Багрянороднаго.

Приведемъ нѣсколько пѣсень съ явными признаками древности.

Виноградѣ красно, почему спознать:
 Что Устиновъ домъ Малафеевича,
 Что у его двора все шелкова трава,
 Что у его двора все серебряный тынъ,
 Ворота у него дощатыя,
 Подворотнички *рыбыя зубья*.

На дворѣ у него да три *терема*:
 Во первомъ терему да свѣтель мѣсяцъ,
 Во второмъ терему красно солнышко,
 Во третьемъ терему часты звѣзды;
 Что свѣтель мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
 Что красно солнце, то Улита его,
 Что часты звѣзды, малы дѣтушки.
 Да дай Боже Устину Малафеевичу
 Съ борзыхъ коней сыновей женить.
 Да дай Боже, Устинеѣ Ховроньевнѣ
 Съ высока терема дочерей выдавать.
 Подари, государь, *колядовщииковъ*.
 Наша коледа ни рубль, ни полтина,
 А всего полъ-алтына.

За рѣкою, за быстрою

Ой колюдка! ой колюдка!
 Лѣса стоятъ дремучіе.
 По тѣмъ лѣсамъ огни горять,
 Огни горять великіе.

Вокругъ огней скамьи стоятъ,
 Скамьи стоятъ дубовыя.
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
 Добры молодцы, красны дѣвицы,
 Поютъ пѣсни *колядушки*.

Ой колюдка, ой колюдка!
 Въ срединѣ ихъ старикъ сидятъ,
 Онъ точитъ свой булатный ножъ.
 Вотелъ кипитъ горючій

Возгъ котла козелъ стоять.*
 Хотятъ козла зарѣзати
 Ой колюдка, ой колюдка!
 Ты братецъ Иванушка,
 Ты види, ты выпрыгни!
 Я радъ бы выпрыгнуть
 Горючъ камень
 Къ котлу тянетъ,
 Желты пески
 Сердце высосали.**
 Ой колюдка, ой колюдка!

По Дунаю, по рѣкѣ,
 По берегу по крутому,
 Лежатъ гусли неналаженные
 Коляда!
 Кому гусли налаживати?
 Коляда!
 Наладить гусли
 Зензевею Андреяновичу.
 Коляда!

Зензевея дома нѣтъ:
 Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
 Суды судить, рады рядить.
 Коляда!
 Онъ женѣ-то шлетъ
 Кунью шубу.
 Коляда!
 Сыновьямъ-то шлетъ
 По добру коню.
 Коляда!
 Дочерямъ-то шлетъ
 По черну соболю.
 Коляда!

Изъ святочныхъ пѣсенъ, что поются до
 сихъ поръ, среди гаданія, вотъ примѣча-
 тельныя и вмѣстѣ самыя распространенныя:

* Вѣроятно жертвенный.
 ** Здѣсь изображается жертвоприношеніе, по замѣ-
 чанію Г. Снегирева: въ насыпанный песокъ,
 у сѣверныхъ народовъ, изливалась кровь жертвы;
 это выражается въ пѣснѣ словами: пески сердце
 высосали.

И я золото хорою, хорою,
 Чисто серебро хорою, хорою,
 Я у батюшки въ терему, въ терему,
 Я у батюшки въ высокомъ, въ высокомъ.
 Паль, паль перстень
 Въ калину, въ малину,
 Въ черную смородину.
 Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная!
 Въ коей рукѣ былица, (Злымаля крылица)?
 И я рада бы гадала,
 И я рада бы отгадывала,
 Кабы знала, кабы вѣдала,
 Черезъ поле идучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелкомъ перевиваючи,
 Златомъ приплетаючи.*
 Ахъ вы кумушки, вы голубушки
 Вы скажите, не утайте,
 Мое золото отдайте;
 Меня мати хочетъ бити,
 По три утра, по четыре,
 По три прута золотые,
 Четвертымъ жемчужнымъ.

Еще дѣвицы гадали,
 Еще красныя гадали,
 Да не отгадали,
 Паль, паль перстень
 Въ калину, малину,
 Въ черную смородину.
 Очутился перстень
 Да у боярина, да у молодого,
 На правой на ручкѣ,
 На маломъ мизинцѣ.

Еще дѣвицы гадали,
 Да не отгадали,
 Еще красныя гадали,
 Да не отгадали.
 Наше золото пропало,
 Чистымъ порохомъ запало,
 Призаиндивѣло, призаплѣснивѣло.
 Молодайка отгадай-ка!

* Въ иныхъ мѣстахъ вставляются здѣсь еще слѣ-
 дующіе стихи:
 Куда утка шла,
 Туда пыль прошла.
 Куда я молода,
 Туда рожь густа.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота,
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!
Изъ обрѣзочковъ булавочку,
Слава!
Мнѣ во томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавочкою убрουςь притыкати,
Слава!

Раствору я квашенку на доньшкѣ,
Слава!
Я покрою квашенку чернымъ *соболемъ*,
Слава!
Опояшу квашенку яснымъ золотомъ,
Слава!
Я поставлю квашенку на столбикѣ,
Слава!
Ты взойди, моя квашенка, съ краями
ровна,
Слава!
Съ краями ровна, и со всѣмъ полна,
Слава!

Жемчужина оватная,
Слава!
До чего тебѣ докатитися?
Слава!
Пора тебѣ выкатитися,
Слава!
Князьямъ и боярамъ на шапочку.
Слава!

Слава Богу на небѣ,*
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобъ нашему государю нестарѣться,
Слава!
Его цвѣтному платю не изнашиваться
Слава!
Его добрымъ конямъ не извѣживаться,
Слава?
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла,
Слава!
Чтобы Царева золота казна,
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна,
Слава!
Чтобы большимъ то рѣкамъ,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣкамъ до мельницы,
Слава!
Эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь всѣдаемъ,
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе,
Слава!

Канунъ новаго года, Васильевъ вечеръ,
богатый вечеръ, прозывается еще по мѣ-
стамъ *авсенемъ*, овсенемъ, усенемъ, таусе-
немъ, и соединяется иногда съ коледою.
По замѣчанію Г. Снегирева Великорусскій
авсень, древній земледѣльческій праздникъ.

---

* Кузнецомъ—золотыхъ дѣлъ мастеръ назывался
только въ древности.

---

* Въ этой пѣснѣ древняго остался вѣроятно только
складъ, а выраженія всѣ поновленныя.

Ему соответствует прообразовательный обряд обсѣванія на свадьбахъ, и послѣ, даже при вѣнчаніи на царство Русскихъ Государей.

Вотъ двѣ изъ особыхъ пѣсенъ, принадлежащихъ къ этому празднику:

Ай во боръ, боръ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена кудрява,
Ой осень! ой осень!

Ѣхали бояре,
Сосну срубали,
Дошечки пилили,
Мосточки мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздями обивали.
Ой осень! ой осень!

Кому жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Быть тамъ овсеню
Да новому году.
Ой осень! ой осень!

Походи, погуляй,
По святымъ вечерамъ,
По весѣлымъ теремамъ!
Ой осень! ой осень!

Посмотри, погляди,
Ты входи, поѣти
Къ Филимону на дворъ,
Ой осень! ой осень!

Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,
Ты нашелъ, ты взошелъ,
Къ Филимону на дворъ.
Ой осень! ой осень!

Какъ въ среднѣ (Москвы),
Здѣсь ворота красны,
Верей всѣ пестры.
Ой осень! ой осень!

Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, за тыненъ
Кипариснымъ тыномъ
Ой осень! ой осень!

Филимоновъ то тынъ.
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увить!
На дворъ у Филимона
Три теремчуга стоять:
И свѣтлыньки и красненьки,
Золотые терема!
Первый теремъ—Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ—Красно солнце;
Третій теремъ—Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—Хозяинъ нашъ,
Красно солнце—Жена его,
Часты звѣзды—Ихъ дѣтушки.
Ой осень! ой осень!

Красная горка—Оюина недѣля, Оюинъ понедѣльникъ, вторникъ. Вѣроятно этотъ праздникъ назывался отъ мѣста, гдѣ былъ первоначально отираваемъ. До сихъ поръ играютъ свадьбы преимущественно на красную горку.

Съ этого дня начинаются игры хороводныя, со множествомъ древнихъ разнообразныхъ пѣсенъ безъ сомнѣнія. Главная пѣсня—это объ сѣяннн проса, которая ясно происходитъ съ юга.

1 А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидь, Ладо, сѣяли, сѣяли!
2 А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидь, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.
1 А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой Дидь, Ладо, вытоптать, вытоптать?
2 А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидь, Ладо, выпустимъ, выпустимъ.
1 А мы коней перейдемъ, перейдемъ,
Ой Дидь, Ладо, перейдемъ, перейдемъ.
2 А чѣмъ же вамъ перенять, перенять,
Ой Дидь, Ладо, перенять, перенять?
1 Шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой Дидь, Ладо, поводомъ, поводомъ.
2 А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой Дидь, Ладо, выкупимъ, выкупимъ.
1 А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить,
Ой Дидь, Ладо, выкупить, выкупить?

2 А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей.

1 Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой Дидъ, Ладо, тысячи.

2 А что же вамъ надобно, надобно,
Ой Дидъ, Ладо, надобно, надобно?

1 Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!

2 А нашего полку убыло, убыло
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!

1 А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

Вторая пѣсня, столько же общая, это—
плетень.

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися намка круцатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига, утушка, домой!
Тига, сѣрая, домой!

.....
Разплетися плетень, разплетися, и т. д.

Зайнѣва бѣленькой!

Хожу я по хороводу
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу,

.....

Ищу себѣ ладу милую.

Нашелъ я, нашелъ я
Себѣ ладу милую.

Будь ты мнѣ лада невѣстой,
А я тебѣ женихомъ и проч.

Ты не пой соловей,

Ты не пой молодой,

При долинь,

Ты не вей гвѣзда,

Ты не вей гвѣзда,

При теремъ.

Какъ во теремъ дѣвица

Дорогой коверъ вышиваетъ;

Она золотомъ коверъ вышивала,

Она жемчугомъ коверъ унизала.

Ужъ, кому мой коверъ достанется?

Доставался мой коверъ

Старому мужу.

Я могу ковра убавить,

Я со всѣхъ сторонъ, со четырёхъ,

Я со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.

Какъ во теремъ дѣвица

Дорогой коверъ вышиваетъ;

Она золотомъ коверъ вышивала,

Она жемчугомъ коверъ унизала.

Ужъ кому мой коверъ достанется?

Доставался мой коверъ

Ладу милую.

Я могу ковра прибавить,

Я со всѣхъ сторонъ, со четырёхъ,

Я со всѣхъ угловъ, со золотыхъ.

Какъ у насъ было за дворьемъ

Росла трава шелковая:

Ой люли, шелковая!

По той травѣ лада шла,

За ладой мужъ бредеть.

Ой люли, шелковая!

Ты постой лада моя,

Ты подожди лада моя.

Ой люли, шелковая и проч.

Взойду на церковь на маковку,

Уроню шелковину серебряную.

Бѣхалъ Людигъ,

Селиванъ Петровъ,

Поднялъ шелковину серебряную и проч.

Ахъ и по морю, ахъ и по морю,

Ахъ и по морю, морю синему,

Плыла лебедь, плыла лебедь,

Лебедь бѣлая, со лебедушками,

Со малыми, со дитятами.

Ни тряхнется, ни ворохнется;

Плывши лебедь, встрепенулася,

Подъ ней вода всколыхнулася,

Плывши лебедь вышла на берегъ.

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,

Гдѣ ни взялся младъ ясень соколъ,

Убилъ ушибъ, убилъ ушибъ,

Убилъ ушибъ лебедь бѣлую;

Онъ кровь пустилъ по синю морю;

Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ;

Онъ пухъ пустилъ, по поднебесью

Сорилъ перья, сорилъ перья,
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
Красна дѣвица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя;
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
Богъ на помощь, Богъ на помощь,
Богъ на помощь красна дѣвица душа,
Она-жъ ему, она-жъ ему,
Она-жъ ему не поклонится.

Грозилъ паренъ, грозилъ паренъ,
Грозилъ паренъ красной дѣвицѣ:
Добро дѣвка, добро дѣвка,
Добро дѣвка, дѣвка красная!
Заплю свата, заплю свата,
Заплю свата, за себя возму.
Будеть время, будетъ время,
Будеть время и поклонись мнѣ;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка у кроватушки стоять;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка, бѣлы руки цѣловать;
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелкову плеть въ
рукахъ.

Я думала, я думала,
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ вланиешься;
Я думала, я думала,
Я думала, что поповской сынъ,
Что поповской сынъ, поплъ Алешинька!

Я пойду, пойду во зеленой садъ гулять,
Пойду я молодого соловья.
Соловей ты мой, батюшко!
Ты скажи, скажи мой младъ соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Молодушкамъ нѣтъ волюшки,

Краснымъ дѣвицамъ своя воля гулять.
У молодухи три кручинушки:
Да какъ первая кручинушка—
Слатъ пуховую перинушку;
А другая-то кручинушка—
Растворай, жена, широки ворота;
А какъ третья-та кручинушка—
Ѣдетъ, Ѣдетъ мой ревнивый мужъ домой:
Онъ везетъ, везетъ гостинецъ дорогой,
Шелкову плетку, гнута кнотовье,
Да ударить меня межъ бѣлыхъ плечъ.
Стану съ мужа я кафтаны скидывать,
Часты пуговики растегивать;
Хоть и рученьки бѣлешеньки,
Хоть и пальчики тонешеньки,
На рукахъ ли золоты перстни,
Только стану, стану *разувать*,
Про замужню жизнь вспоминать.

Ходилъ нашъ свѣтлый князь,
Ходилъ около своего города,
Ходилъ около своего высокога.
Ищетъ нашъ свѣтлый князь,
Ищетъ нашъ добрый князь,
Свою ли свѣтлую княгиню,
Свою ли добрую княгиню.
Ходить, ходить князь
Ходить кругомъ города:
Онъ сѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечемъ ворота.
Скоро ли свѣтлый князь
Сыщемъ красну дѣвицу?
Ужъ я ли гдѣ найду
Красну дѣвицу, княгиню,
Ту ли дѣвицу княгиню,
Златымъ перстнемъ подарю.

Бняжій сынъ хороберъ,
Да ты что ходишь, гуляешь?
Княжій сынъ хороберъ,
Да ты что примѣчаешь?
Скажу вамъ друзья подруженьки:
Какъ хожу я, какъ гуляю,
Какъ хожу я, какъ примѣчаю,
Все свою лишь молодую.
Вѣдь моя-то княгиня,

Вѣдь моя-то молодая,
 Во *Новъ городъ* гуляетъ,
 На торговой сторонѣ играетъ.
 Ужъ на моей ли княгинѣ,
 Ужъ на моей ли молодой,
 Красенъ вѣничгъ сілетъ,
 Сарафанъ на ней камчатный,
 Убрусецъ весь жемчужный,
 Алы бархатны башмачки,
 Два яхонта во сергахъ,
 Два алмаза во глазахъ,
 Со походкой лебединой,
 Со поступью орлиной.

1 *Бояре*, да вы почто пришли,
 Молодые, да вы почто пришли?
 2 *Княгини!* да мы невѣсть смотрѣть,
 Молодые, да мы невѣсть смотрѣть!
 Бояре! покажите жениха,
 Молодые, покажите жениха?
 Княгини! во се нашъ женишокъ,
 Молодые, во се нашъ женишокъ!
 Бояре! покажите теремъ,
 Молодые, покажите теремъ?
 Княгини! во се дѣвичій теремъ,
 Молодые, во се дѣвичій теремъ!
 Бояре! покажите кафтанъ,
 Молодые, покажите кафтанъ?
 Княгини! во се нашъ кафтанъ,
 Молодые, во се нашъ кафтанъ!
 Бояре! покажите кушакъ,
 Молодые, покажите кушакъ?
 Княгини! во се нашъ кушакъ,
 Молодые, во се нашъ кушакъ!
 Бояре! покажите сапоги,
 Молодые, покажите сапоги?
 Княгини! во се нашъ сапожокъ,
 Молодые, во се нашъ сапожокъ!
 Бояре! идите во теремъ,
 Молодые, идите во теремъ!
 Княгини! поздороваться!
 Молодые, со всѣмъ поѣздомъ!

Около сыра дуба,
 Люли, люли, дуба!
 Растетъ чернь черница,
 Люли, люли, черница!

А во той ли во черницѣ,
 Люли, люли, во черницѣ,
 Черенъ *соболь* скачетъ;
 Люли, люли, скачетъ!
 Поскачи, поскачи соболь,
 Люли, люли, соболь!
 По чисту полю,
 Люли, люли, полю!
 Поплови, попови, утя,
 Люли, люли, утя!
 По тиху *Дунаю*,
 Люли, люли, Дунаю!
 Ищи себѣ друга,
 Люли, люли, друга!
 Ищи себѣ любушку,
 Люли, люли, любушку!
 Около сыра дуба,
 Люли, люли, дуба,
 Растетъ чернь черница,
 Люли, люли, черница!
 А во той-ли во черницѣ.
 Люли, люли, во черницѣ!
 Красныхъ дѣвицъ хороводъ.
 Люли, люли, хороводъ.
 Скачите вы, дѣвушки, пляшите,
 Люли, люли, пляшите!
 Вы холостые, не смотрите,
 Люли, люли, не смотрите!
 Смотрючи, дѣвушку не взяти,
 Люли, люли, не взяти!
 Взять ли не взятъ по любви,
 Люли, люли, по любви!
 По батюшкину благословенью,
 Люли, люли, благословенью!
 По матушкину умоленью,
 Люли, люли, умоленью!

Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во широкомъ раздолѣ,
 Стоятъ шатры, етоятъ полотняны!
 Во шатрахъ сидятъ *князя*, *бояре*,
 За шатромъ *гостини сынъ гуляетъ*.
 Онъ во гуели играетъ,
 Дѣвушку утѣшаетъ:
 Не плачь, не плачь, дѣвушка,
 Не плачь, не плачь, красная!

Съшью тебѣ, дѣвушка,
Шубку, юбку, тѣлогрѣйку,
Монисту со камнями,
Серги съ жемчугами.
Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ,
Стоять шатры, стоятъ полотняныя!
Въ шатрахъ сидятъ князя, бояре,
За шатромъ красна дѣвица гуляетъ.
Она рѣчи ведетъ
Къ гостину молодцу.
Не надобно, молодець,
Ни шубки, юбки, тѣлогрѣйки,
Ни монисты со камнями,
Ни серегъ съ жемчугами.
Пусти меня, молодець,
Ко дѣвичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу носу расплету.

Сиди, сиди ящеръ—ладу, ладу!
На золотѣ стулѣ—ладу, ладу!
Грызи, грызи ящеръ—ладу, ладу!
Орѣховы ядра—ладу, ладу!

Какъ за горницею, за повалушкою,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища идти.
А меня ли, молодешеньку,
Свекоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ-батюшка
Гумно чистить,
Гумно чистить,
Метлой мести;
Ужъ я въ сердце взойду,
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,
Сама ли, молодешенька
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.
А меня, молодешеньку,
Свекровь не пускаетъ,
Заставляетъ свекровь-матушка

Красенца твать.
Ужъ я въ сердце-то взойду,
Красна изорву, бердо изломлю,
Какъ на игрище уйду,
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!

Пойду, пойду,
Подъ Царь городъ подойду,
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну вышибу!
Выкачу, выкачу,
Съ казной бочку выкачу!
Подарю, подарю,
Люту свекру батюшкѣ!
Будь добръ, будь добръ,
Какъ родимый батюшка!
Пойду, пойду,
Подъ Царь городъ подойду!
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну вышибу.
Вынесу, вынесу,
Лисью шубу вынесу.
Подарю, подарю,
Люту свекровь матушку:
Будь добра, будь добра
Какъ родима матушка.

Пойду млада по Дунаю,
(Поголяю млада по тихому).
Ой люли, погуляю!
Зайду млада во бесѣду:
Ой люли, во смиренну!
Во бесѣдѣ сидитъ старой,
(Мой мужъ постылой).
Ой люли, постылой!
На колѣняхъ держитъ гусли,
Ой люли, дубяныя!
На гуслицахъ струны,
Ой люли, мочальныя!
Старой въ гусли заиграетъ,
Ой люли, заиграетъ!
Мое сердце ноетъ, ноетъ,
Ой люли, занываетъ!
Скоро ноги подломились,
Ой люли, подломились,

Бѣлы руки опустились,
 Ой люли, опустились!
 Ясны очи потупились,
 Ой люли потупились!

Пойду млада по Дунаю
 Ой люли, погуляю!
 Зайду млада во бесѣду;
 Ой люли, во веселую!
 Во бесѣдѣ сидитъ молодой,
 Ой люли, мой любезной!
 На колѣняхъ держитъ гусли,
 Ой люли, звончатые!
 На гуслихъ струны,
 Ой люли, золотыя!
 Молодой въ гусли заиграетъ,
 Ой люли, заиграетъ!
 Мое сердце радо, радо,
 Ой люли, возвеселилось!
 Скоры ноги расплясались,
 Ой люли, расплясались!
 Руки бѣлы размахались,
 Ой люли, размахались!
 Очи ясны разглядѣлись,
 Ой люли, разглядѣлись!

Радуница, нынѣ великія поминки на *Юмниной* недѣлѣ—въ однѣхъ мѣстахъ въ по-недѣльникъ, въ другихъ во вторникъ, въ воскресеньѣ. Прежде это былъ вѣроятно какой нибудь языческій праздникъ. Вторникъ называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навѣемъ днемъ. Навье—мертвецъ.

Семикъ, седьмой четвергъ по пасхѣ, илѣющій связь съ Троицынымъ днемъ.

Какъ у насъ въ году три праздника,
 Первый праздникъ—Семикъ честной,
 Другой праздникъ—Троицынъ день,
 А третій праздникъ—Купальница.

Семицкая недѣля называлась въ древности *Русальною*. Семикъ отправляется народомъ въ рощахъ, лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и прудовъ. Къ этому дню рубятъ березки,

красятъ яйца въ желтую краску, готовятъ короваи, драчены, яичницы. Березки разставляютъ по домамъ, дворамъ и улицамъ. Въ семикъ завиваютъ вѣнки, которые въ Троицынъ день съгаданіемъ пускаются по воду.

Завиваніе вѣнковъ и украшеніе себя цвѣтами осуждается въ Стоглавѣ, какъ обрядъ языческій.

Благослови Троица, Богородица,
 Намъ въ лѣсъ пойти,
 Намъ вѣнки завивать,
 Ай Дидо! ай Ладо!
 Намъ вѣнки завивать,
 И цвѣты сорывать;
 Ай Дидо! ай Ладо!
 А мы въ лѣсъ пойдѣмъ,
 И цвѣтовъ нарвѣмъ,
 Мы цвѣтовъ нарвѣмъ,
 И вѣнокъ совѣемъ.

Ай Дидо! ай Ладо!
 Свекрову батюшкѣ,
 Свекровѣ матушкѣ,
 Свекрову батюшкѣ, малиновый,
 Свекровѣ матушкѣ, калиновой.
 Ай Дидо! ай Ладо!
 Пойду ль я тихомъ,
 Лужкомъ, бережкомъ,
 Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
 Брошу на быструю рѣченку.
 Ай Дидо! ай Ладо!
 Не тонетъ, не плыветъ,
 Съ сыра дуба вѣточка,
 Не тужить по мнѣ
 Свекоръ батюшка, свекровъ матушка!
 Ай Дидо! ай Ладо!

Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во полѣ липинка!
 Подъ липою, подъ липою,
 Подъ липою бѣлъ шатеръ.
 Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
 Во томъ шатрѣ столъ стоитъ.
 За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
 За тѣмъ столомъ дѣвица,

Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
 Рвала цвѣты со травы,
 Вида вѣнокъ, вида вѣнокъ,
 Вида вѣнокъ съ городы,
 Со дорогимъ, со дорогимъ,
 Со дорогимъ яхонтомъ.
 Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
 Кому вѣнокъ износить?
 Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ старому.
 Старому вѣнокъ, старому вѣнокъ,
 Старому вѣнокъ не сносить;
 Мою молодость, мою молодость,
 Мою молодость не сдержатъ.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
 Ай во полѣ липинка!
 Подъ липою, подъ липою,
 Подъ липою бѣлъ шатеръ,
 Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
 Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
 За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
 За тѣмъ столомъ дѣвица.
 Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
 Рвала цвѣты со травы,
 Вида вѣнокъ, вида вѣнокъ,
 Вида вѣнокъ съ городы,
 Со дорогимъ, со дорогимъ,
 Со дорогимъ яхонтомъ.
 Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
 Кому вѣнокъ износить!
 Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
 Носить вѣнокъ милому;
 Милому вѣнокъ, милому вѣнокъ,
 Милому вѣнокъ износить;
 Мою молодость, мою молодость,
 Мою молодость содержать.

Въ этотъ день совершалось также поминование по убогихъ покойникахъ, въ убогихъ домахъ или скудельницахъ.

Въ Троицкую субботу, какъ видно изъ Стоглава, сходились мужи и жены на жальники, то есть на кладбища, «и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и когда тамъ станутъ играть скоморохи и гудош-

ники, то они перестанутъ плакать, и начнутъ скакать, плясать и въ ладоши бить на тѣхъ жальникахъ.»

Купало и Купальница, — Ивановъ день. Мѣстомъ купальскаго праздника бываютъ обыкновенно горы, поля и воды; на однихъ зажигаются огни, чрезъ кои перескакиваютъ мужчины и женщины, и перегоняютъ скотъ для предохраненія отъ очарованія злыхъ духовъ; а въ другихъ купаются для очищенія себя и сохраненія отъ болѣзней на цѣлый годъ. Въ Купальницѣ, по мнѣнію Снегирева, болѣе заключается идея водопоклоненія, какая сродна была Славяно-Руссамъ, а въ Купалѣ идея травоволхвованія, смѣшиваемаго съ врачеваніемъ, и огнепоклоненія. Отличительные обряды этого праздника, говорить Сахаровъ, составляютъ: зажженные костры, пѣсни, игры, перепрыгиваніе чрезъ огонь и крапивные кусты, купаніе ночью въ росѣ, и днемъ въ рѣкахъ, пляски вокругъ дерева марины и погруженіе его въ воду, зарываніе травъ, повѣріе о полетѣ вѣдмъ на Лысую гору.

Коляда и Купало, по замѣчанію Снегирева, какъ главнѣйшія и древнѣйшія годовыя празднества, не только въ Славянорусскомъ мѣрѣ, но почти извѣстныя во всей Европѣ подъ разными именами, находятся въ тѣсной связи съ солидестолніями. Какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, купало празднуется въ одинъ день, хотя пора созрѣванія плодовъ тамъ не одинакова.

Ярило отправляется во Всесвятское заговенье, но неведѣ, и сопровождается разными игрищами и обрядами, противъ коихъ въ прошедшемъ еще столѣтіи возставалъ сильно св. Тихонъ Воропежскій.

Образчики плясовых пѣсенъ:

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла,
Люли, люли, стояла.

Некому березу заломити,
Некому кудряву заломити.
Люли, люли, заломити.

Я пойду, погуляю
Бѣлую березу заломаю.

Пойду ль я на новыя сѣни,
Пойду ль я на новыя сѣни,
Люли, люли, на новыя сѣни.

Встань, мой милый, пробудися,
Встань, мой милый, пробудися.
Люли, люли, пробудися,
Люли, люли, пробудися.

Войди въ теремъ, веселися,
Войди въ теремъ, веселися,
Люли, люли, веселися,
Люли, люли, веселися.

Во лузѣхъ, во лузѣхъ,*
Еще во лузѣхъ, зеленыхъ лузѣхъ,
Еще во лузѣхъ, зеленыхъ лузѣхъ!

Выросла, выросла,
Выросла трава шелковая,
Выросла трава шелковая.

Разцвѣли, разцвѣли,
Разцвѣли цвѣты лазоревые,
Разцвѣли цвѣты лазоревые!

Съ той травы, съ той травы,
И я съ той травы выкормлю коня,
И я съ той травы выкормлю коня!

Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
И я выкормлю, выглажу его!

* Древняя форма предложнаго падежа свидетельствуетъ о древности пѣсни, и вмѣстѣ о сродствѣ языка народнаго съ церковнымъ.

Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ,
Поведу я коня къ батюшкѣ!

Батюшка, батюшка,
Ахъ, ты, батюшка, родимой мой,
Ахъ, ты, батюшка родимый мой!

Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово привѣтливое!

Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старова за мужъ,
Не отдай меня за старова замужъ!

Старова, старова,
И я старова на смерть не люблю,
И я старова на смерть не люблю!

Съ старымъ, съ старымъ,
И я съ старымъ гулять нейдю.
И я съ старымъ гулять нейдю!

Повторяется начало пѣсни и оканчивается тѣмъ же заключеніемъ.

Со молодымъ, со молодымъ,
И я со молодымъ гулять не пойду,
И я со молодымъ гулять не пойду!

Новое повтореніе начала, которое оканчивается:

Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнюшку замужъ.
Ты отдай меня за ровнюшку замужъ!

Ровню я, ровню я,
Ужъ я ровню душой люблю,
Ужъ я ровню душой люблю!

Съ ровней я, съ ровней я,
Ужъ я съ ровней гулять пойду,
Ужъ я съ ровней гулять пойду!

Ахъ, сѣни мои, сѣни,
Сѣни новыя мои!
Сѣни новыя, кленовыя,
Вы рѣшетчаты мои!
Ужъ какъ знать ли мнѣ, молодой,
По васъ, сѣничкамъ, не хаживати,
Ужъ какъ мнѣ мила дружка
За рученьку не хаживати, и проч.

За рѣченькой ярь хмѣль,
Ярь, ярь хмѣль!
Припѣвъ повторяется послѣ всякаго стиха.

Перевайся нашъ ярь хмѣль,
На нашу сторонку;
На нашей сторонкѣ,
Удача большая,
Тычья золотья,
Вѣтъя шелковыя,
Я выщиплю хмѣлю,
Хмѣлю яраго.
Позову я гостя,
Гостя дорогаго,
Батюшку роднаго.
Мой батюшка пьетъ, ѣсть,
Домой ѣхать хочеть.
А я молодешенькѣ,
Горе горевати:
Вѣдь я не умѣю
Горе горевати
Только я умѣю,
Скакати, плясати,
Ярь, ярь хмѣль

Различныя сельскія работы по време-
намъ года, сѣяніе, жатва, молотба, соеди-
няются также съ особенными пѣснями,
напримѣръ: закликаше весны

Весна красна,
На чемъ пришла,
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.
Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой,
Одной дѣвушки нѣтъ:
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду вязетъ тесмяную.
Ахъ горе великое—
Кому то достанется?
Достанется моему суженому
Моему ряженому.

Первой весенній дождь встрѣчается пѣснею:

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ.

Вотъ осенняя пѣсня при вареніи пива:

Ай на горѣ мы пиво варили;
Ладо мое, *Ладо*, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ вокругъ соберемся;
Ладо мое, *Ладо*, всѣ вокругъ соберемся!
Мы съ этого пива всѣ разойдемся;
Ладо мое, *Ладо*, всѣ разойдемся!
Мы съ этого пива всѣ присядемъ,
Ладо мое, *Ладо*, всѣ присядемъ!
Мы съ этого пива спать ляжемъ,
Ладо мое, *Ладо*, спать ляжемъ
Мы съ этого пива опять встанемъ,
Ладо мое, *Ладо*, опять встанемъ!
Мы съ этого пива всѣ въ ладоши
ударимъ,
Ладо мое, *Ладо*, въ ладоши ударимъ!
Мы съ этого пива всѣ перепьемся,
Ладо мое, *Ладо*, всѣ перепьемся!
Теперь съ этого пива всѣ передеремся,
Ладо мое, *Ладо*, всѣ передеремся!

Изъ всѣхъ этихъ пѣсень ясно видно,
что женщина пользовалась въ древнемъ
Русскомъ обществѣ всѣми принадлежащими
ей правами, всѣмъ подобающимъ ей уваже-
ніемъ, любовью, что подтверждается и были-
нами равно какъ и лѣтописями. Вспомнимъ
В. К. Ольгу, мудрейшую всѣхъ людей,
по признанію современниковъ, которая была
правительницею земель Русскихъ, во время
малолѣтства Святославова, и путешество-
вала въ Константинополь.

Рогнеда съ сыномъ получила отъ супруга
своего В. К. Володимера въ удѣлъ Полоц-
кое княжество.

Ингигерда принимала участіе въ управ-
леніи супруга своего, В. К. Ярослава.

Янка, дочь В. К. Всеволода, путешествовала въ Константинополь съ порученіемъ привезти митрополита.

Мономахъ отложилъ намѣреніе осаждать Кіевъ изъ уваженія къ своей мачихѣ. За дурное обращеніе съ дочерью онъ началъ войну съ зятемъ Ярославомъ Святополковичемъ.

Дружеская близость Рогнѣды, къ брату В. К. Ростиславу Мстиславичу, засвидѣльствована лѣтописью (1268).

Святославъ Всеволодовичъ (1180) совѣтовался съ супругою своею о войнѣ противъ В. К. Всеволода.

Мономахъ, Рюрикъ Ростиславичъ, Мстиславъ Мстиславичъ, отняли своихъ дочерей отъ ихъ мужьевъ за дурное обращеніе.

Выше описанъ великолѣпный поѣздъ съ Всеславою, дочерью В. К. Всеволода, отданною въ Кіевъ, въ замужство за Ростислава Рюриковича.*

Подъ 1198 годомъ описана въ лѣтописи общая радость о рожденіи у нея дочери, «и нарекоша имя ей Ефросѣя, прозваніемъ измаргдъ, еже паречется дорогой камень; и бысть радость велика во градѣ Кіевѣ и Вышегородѣ; пріѣха Мстиславъ Мстиславичъ и тетка ей Передслава, и взята ю къ дѣду и къ бабѣ, и тако воспитана бысть въ Кіевѣ на горахъ.»

Марія, супруга В. К. Всеволода Георгиевича Суздальскаго, была предметомъ общаго почтенія, какъ видно изъ описанія послѣднихъ дней ея жизни (1206). «Проводилъ ю В. К. Всеволодъ самъ со слезами многими, до монастыря, и сынъ его Георгій, и дщи ею Всеслава Ростиславля, иже бѣ пріѣхала ко отцю и матери своей, и не

мочи видѣти туги. И бысть епископъ Іоаннъ, и Симонъ игумень, отецъ ей духовный, и инии игумени и черници вси, и бояре вси, и боярыни, и черницы изо всѣхъ монастыревъ, и горожане вси, проводила ю со слезами многими, зане баше до всѣхъ презлиха добра, ... издѣтска въ страсть Божью любяше правду, воздаючи честь епископомъ, и игуменомъ, и чернцемъ и презвитеромъ... башеть бо нищелюбца и страннолюбца, печалныя и нужныя и больныя тѣхъ всѣхъ утѣшаше, и подаваше имъ требованіе.»

Нездилова, теща Давида Вышатича, убѣдила своего зятя предать городъ Ярославъ (1231) Судиславу, у котораго, или у его сына она была кормилицею, и почитаема отъ него матерью: «теща бо его бѣша вѣрна Судиславу, кормильчя Нѣздилова, матерью, бо си нарѣчашеть ю.»

Въ Словѣ Данила Заточеника строго осуждаются злоупотребленія женской власти и женскаго вліянія, которое было, видно, отпуюдъ не необыкновенно.

Красота чувствовалась и уважалась ископи: «у Ярополка жена Грекина бѣ, и баше была черницею; бѣ бо привель отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея.»

Ярополкъ Изяславичъ привель себѣ жену Ясыню, разумѣется по той же причинѣ.

Изяславъ Мстиславичъ также изъ Обезъ.

Володимеръ, на пиру, между своими боярами, выражая желаніе жениться предъ-вляя такое требованіе, по былинамъ:

Чтобы лицошкомъ-то была супротивъ
мени,
Очушки-то у ней ясныхъ соколовъ,
Бровушки-то у ней черныхъ соболей,

* См. выше, с. 506.

Походочка была бы лани бѣлыя,
Бѣлыя лани напоольскія,
Напоольскія лани златорогія,...

Такая невѣста была найдена, и вот
ея описаніе:

Она ростомъ высокая,
Станомъ она становитая,
И лицомъ она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска.
Будеть тебѣ, князю, съ кѣмъ жить
да быть,

Дума думати, долгіе вѣки коротати,
И всѣмъ князьямъ, всѣмъ боярамъ,
Всѣмъ могучимъ богатырямъ,
И всему красному городу Киеву,
Будеть кому поклонятся.

Что этотъ даръ Божій имѣлъ такую же
цѣну и во всемъ народѣ, свидѣтельствуютъ
всѣ пѣсни. *Красная дѣвица* — любимое
выраженіе въ пѣсняхъ.

Спусти-ка меня дѣвицу-красавицу
Погулять во далечѣ далечѣ, чистомъ
полѣ,
Съ нянками и съ мамками,
И съ сѣнными дѣвками служащими.

Мужская красота имѣла также свое зна-
ченіе и свою цѣну.

Идетъ Чурилушка Оленковъ сынъ:
Подъ пяты-пяты воробей пролети;
Около носа-то яичко кати;
На его дѣвки глядятъ золоты пелы
ломать,
Стары бабы глядятъ—прялицы ломать.

Премладое Чурило сынъ Пленковичъ
Ходить да ставитъ дубовы столы,
Желтыми кудрями самъ потряхиваетъ:
Желтыя-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Премладая-та княгиня Апраксія
Рушала мясо лебединое,
Да обрѣзала руку бѣлу правую,
И сама говорила таково слово:

— Не дивуйте-ка, жены мнѣ господскія,
— Что обрѣзала я руку бѣлу правую:
— Я смотрючись на красоту Чурилову,
— На его на кудри на желтыя,
— На его на перстни значеные,
— Помутились у меня очи ясныя!

Такъ произошло и на улицахъ:

Старицы по вельямъ опакишь деруть
Смотрючись де на красоту Чурилову
Молодыя молодицы въ голенище ..
Красныя дѣвки очелье дереть.

Прелести дѣвической жизни изображены
въ пѣсняхъ яркими красками. Пѣсни и
игры—первое ихъ удовольствіе. Свободная
жизнь, чуждая затворничества, видна во
всѣхъ пѣсняхъ.

Трогательны отношенія дѣвушки къ ро-
дителямъ, особенно къ матерямъ, братьямъ.
Подруженки свидѣтельствуютъ объ обще-
ствѣ. Хороводы, любимыя пляски.

Чужая сторона представляется страшною.
Свекоръ и свекровь, старый мужъ съ его
ревностію, вотъ чего боятся особенно дѣ-
вушка. Незвѣстность судьбы особенно
мучила ее, но она покорялась ей, въ лицѣ
своего *суженаго*. Бракъ почитался судомъ
Божіимъ.

Многія пословицы и поговорки, выраже-
нія народнаго образа мыслей игры ума,
принадлежатъ къ этому періоду. Нѣкоторыя
сохранены въ дѣтописи: Погибоша, аки
Обрѣ, отъ нихъ же нѣтъ ни племени, ни
остатка. Бѣда, аки въ Родпѣ, (гдѣ погибъ
В. К. Ярополкъ Святославичъ). Пищанцы
волячь хвоста бѣгають (такъ прозывался
одинъ изъ Володимировыхъ военодѣ, по-
бѣдившій Радимичей, на рѣкѣ Пищанѣ).
Рать стоитъ до мира, а миръ до рати.

(Рать въ смыслѣ войны употреблялось
только въ древности).

Мѣсто къ головѣ, а не голова къ мѣсту (1151). Повадится волкъ къ овцамъ, выносить все стадо (946). Одинъ камень много горницею избиваетъ (1217). Непогнетши пчель, меду не ѣсть (1231).

Полонивъ вскликнеть, а стать николи. Въ мертвыя уста не пройдетъ, а въ кровавыя пройдетъ. Молодой на битву, а старый на думу. Въ лѣсу птицы, въ теремѣ дѣвицы, а у браги старыя бабы. Звалася баба княгинею за пустою братипою.

Есть много пословицъ, напоминающихъ языческіе обряды: По дѣдѣ сшибокъ, (тризна. пиръ погребальный, помики), а по бабкѣ щипокъ.* Изъ пустаго дупла либо съчь, либо сова, либо самъ сатана.** Родила тетка, жилъ въ лѣсу, молился пнямъ. Обреченная скотинка уже не животинка. Молодой (назначенный къ закланію) баранъ отлучился, инъ гулящій прилучился. Егорій да Власть всему богатству глазъ. (Св. Власть занялъ мѣсто Волоса, скотіею бога) Церкви не овины, въ нихъ образа все едины. Сужено ѣство да ряженому ѣсти. Взялъ боженьку за ноженьку, да и о полъ: Вѣнчался вкругъ ели, черти пѣли. Тутъ они обручались, кругъ ракитова куста вѣнчались.

Слѣдующія пословицы напоминаютъ древній судъ: Жельза и змѣя бонятся; братчина судить, ватага рядить. Идѣже законъ, ту и обидь много. Не клади судибोगи, т. е. не предавай суду Божью.

Въ словѣ Данила Заточеника есть много поговорокъ, изъ которыхъ многія употребляются и нынѣ, доказывая, что и другія, подобныя, нигдѣ не записанныя, могутъ относиться къ древнему времени:

* Вспомнимъ описаніе тризны Ольгиной по Игорѣ.
** Дупло считалось пребываніемъ злаго духа.

«Ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити. Всякъ человекъ хитритъ и мудритъ о чужей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. Злато искушается огнемъ, а человекъ напастыми. Пшеница, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человекъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъѣдаютъ, а человекъ печаль: печальну мужу засышутъ кости. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго (очіи) дому пировнаго. Лѣпши слышати прѣвнѣе умныхъ, нежели безумныхъ наказаніе. Дай премудру вину, премудрѣ будетъ; не сѣи бо на броздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ; безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, по сами ся ражаютъ. Какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиніямъ ненадобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати. Коли пожретъ синица орла, коли каменіе воспловеть по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится. Дѣти бѣгаютъ рода, а господь (господинъ) пьяного человека.»

«Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора. Не держи села близъ княжа - села.»

«Не скоть въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ петопыръ: а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ, ... не работа въ работахъ подъ жонками возъ возити. Червь бо древо глтитъ, а злая жена домъ мужа своего теряетъ. Лутчи есть во утлѣ лодь по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити,

нежели зла жена учить, или желѣзо варить: желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.»

«Да не уподоблюся жерновомъ яко тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ насытитися. Рѣчь продолжна не добро, продолжена паволока. Лють бѣспующемуся дати ножь, а лукавому власть.»

Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчаются также поговорки въ родѣ пословицъ, напримѣръ: тяжко ти головѣ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы; Русской земли безъ Игоря.

Мы имѣемъ отъ древности еще много сказокъ, испорченныхъ и также не разработанныхъ критически.

Свидѣтельство о существованіи сказокъ въ древности мы находимъ въ словахъ проповѣдника, призывающаго слушать ученія о правой вѣрѣ, а не *пустошныя басенъ*. Многіе образы и предметы, въ нашихъ сказкахъ, совершенно тождественны съ образами и предметами во всѣхъ Индо-Европейскихъ сказкахъ, доказывая тѣмъ свою древность и единство происхожденія во время доисторическое, напримѣръ: яга-баба, жарь-птица, сивка-бурка, вѣщяя каурка, шапка-невидимка, коверъ-самолетъ, черныя брови, очи соколиныя, шея лебединая, встрѣчаются вездѣ.

Предлагаемъ заключенія о сказкахъ Гг. Котляревскаго и Аванасьева.

«Строгое повиновеніе волѣ отца идетъ за нерушимымъ вѣковѣчный законъ, отступленіе отъ котораго всегда ведетъ за собою наказанія и несчаствіе преступившихъ, и на оборотъ покорность ей вѣнчается счастьемъ и успѣхомъ; супружеская любовь рисуется довольно слабо, преимущественно со стороны вѣрности жены, напротивъ,

любовь матери къ дѣтямъ, сестры къ братьямъ—выступаютъ въ довольно яркихъ очертаніяхъ; отношенія отца къ дѣтямъ не обнаруживаютъ особенной мягкости и очень смутны; еще менѣе она видна въ отношеніяхъ между братьями, наследниками отцовскаго имущества: сказка представляетъ ихъ постоянно несправедливыми и завистниками относительно младшаго брата. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ, и излишнюю зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ типъ мачихи составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патриархальнаго быта, и вполне оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства, и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чужой для нея семьи.»

«Любопытны въ сказкахъ сословныя отношенія и занятія. Виднѣе другихъ выступаютъ на сцену купцы, и почти всегда торгующіе за моремъ, въ чужихъ краяхъ. Рѣзкаго различія сословій не замѣчается въ Русской сказкѣ: всѣ они находятся между собою въ свободныхъ отношеніяхъ.»

«Слѣды пастушьяго и охотничьяго быта довольно значительны: любимое занятіе— *охота*, и при томъ всегда съ *лукомъ*; верженіемъ *стрѣлы*, чья упадетъ далѣе, рѣшаются и спорныя дѣла, и выборъ невѣсты и выборъ старѣйшины; въ нѣкоторыхъ сказкахъ занятіе пастуха разсматривается, какъ занятіе низкое, и опредѣляется въ наказаніе.»

«Много чрезвычайно любопытныхъ и важныхъ археологическихъ подробностей предлагаютъ наши сказки: вотъ нѣсколько примѣровъ:

1) По древне-Германскому праву, находящему подтверждение въ юридическихъ постановленіяхъ народовъ востока, Грековъ и Римлянъ, отецъ новорожденнаго ребенка имѣлъ право выбросить его, оставить на произволь судьбы. Поводомъ къ такому суровому обычаю бывали обыкновенно или физическіе недостатки ребенка, дѣлавшіе его неспособнымъ къ труду воинской жизни, или подозрѣнія въ незаконности по его происхожденію, или наконецъ, недостаточное существованіе его родителей. Славянскія сказки свидѣтельствуютъ, что этотъ обычай имѣлъ мѣсто и у Славянъ, но такъ какъ эти племена отличали себя въ исторіи преимущественно мирнымъ характеромъ, то сказка по большей части забываетъ настоящую причину, и объясняетъ ее иными побужденіями, иногда же, впрочемъ, прямо указываетъ на бѣдность или на подозрѣнія въ незаконности происхожденія.

2) Между многими родами смертной казни, о которыхъ упоминается въ нашихъ сказкахъ, чаще всего встрѣчается *размычка конями*. Преступника привязывали къ хвосту дикой лошади, или къ нѣсколькимъ лошадямъ, и пускали въ открытое поле.

3) *Выбросить тѣло усопшаго зпрямъ на създеніе, оставить кости безъ погребенія* — по понятіямъ языческой старины было величайшимъ несчастіемъ для души усопшаго: она не находила себѣ покоя до поры, пока не совершено погребеніе бранныхъ остатковъ, и не исправлена тризна по нихъ.

«Этихъ немногихъ примѣровъ, думаемъ, достаточно для убѣжденія, что сказка не пустой вымыселъ, а важный памятникъ народной жизни, драгоценный матеріалъ исторической науки.»

Есть у насъ много *загадокъ*, также сходныхъ съ Европейскими, и имѣющихъ одно происхожденіе въ глубокой древности:

Красная дѣвица по садіку гуляла,
Цвѣты алые дѣвица собирала.
Мимо ѣхалъ тутъ гостинный сынъ.
Ужъ Богъ помочь тебѣ, красная дѣвица,
Цвѣты алые тебѣ, дѣвица, собирать.
Благодарствуй, сынъ гостинный, благодарствуй.

Загадать ли тебѣ, красная дѣвица,
Шесть мудреныхъ загадокъ, загадать ли?
Загадай-ка, сынъ гостинный, загадай-ка,
Шесть мудреныхъ загадокъ, загадай-ка?
Ужъ какъ что у насъ, дѣвица, выше
лѣсу?

Еще что у насъ, дѣвица, краше свѣту?
Еще что у насъ, дѣвица, чаще лѣсу?
Еще что у насъ, дѣвица, безъ коренья?
Еще что у насъ, дѣвица, безъ умолку?
Еще что у насъ, дѣвица, безъ извѣстно?
Отгадаю, сынъ гостинный, отгадаю.

Выше лѣсу, сынъ гостинный, свѣтель
мѣсяць:

Краше свѣту, сынъ гостинный, красно
солнце;

Чаще лѣсу, сынъ гостинный, часты
звѣзды;

Безъ коренья, сынъ гостинный, бѣлый
камень;

Безъ умолку, сынъ гостинный, сине море:

Безъ извѣстна, сынъ гостинный, Божья
воля.

Отгадала, красная дѣвица, отгадала,
Шесть мудреныхъ загадокъ отгадала.

Ужъ и знать тебѣ, дѣвица, быть за мною,

Ужъ знать быть тебѣ купеческой женою.

Нѣкоторыя загадки отзываются періодомъ мѣсячскимъ; напримѣръ:

Сивый жеребецъ подъ ворота глядитъ.
(Мѣсяць).

Заря заряница, красная дѣвица, къ церкви
ходила, ключи обронила, мѣсяць увидѣлъ,
солнце скрало. (Роса).

Къ загадкамъ относятся толкованія сновъ и разныхъ примѣты. Въ слѣдующей пѣснѣ, по замѣчанію Г. Буслаева, совмѣщаются предметы одной Нѣмецкой поэмы и одной Скандинавской саги.

Охъ ты мать моя матушка
 Охъ ты мать, государыня!
 Ты взойди, моя матушка,
 Ты взойди въ мой высокъ теремъ,
 И ты сядь подъ окошечкомъ.
 Что севоднешнюю ноченьку
 Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
 Какъ у насъ на широкомъ дворѣ,
 Что пустая хоромина—
 Углы прочь отвалилися,
 По бревну раскатилися;
 На печицѣ котиче лежитъ,
 По полу ходитъ гусыня,
 А по лавочкамъ голуби,
 По окошечкамъ ласточки,
 Впереди младъ ясенъ соколъ.

Ты дитя ль мое, дитятко!
 Ужъ какъ я тебѣ сонъ расскажу,
 По словамъ я тебѣ расскажу:
 Что пустая хоромина—
 Чужа дальня сторонушка;
 Углы прочь отвалилися,
 По бревну раскатилися—
 Родъ-племя отступилися.
 На печицѣ котиче лежитъ—
 То лютой свекорь-батюшка,
 По полу ходитъ гусыня—
 То люта свекорь-матушка;
 А по лавочкамъ голуби—
 Деверья ясны соколы,
 По окошечкамъ ласточки—
 Что золовки-голубушки.
 Впереди младъ ясенъ соколъ—
 То (имя жениха).

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о за-
 клятѣяхъ: Тотъ же археологъ приводитъ
 слѣдующій заговоръ для предохраненія отъ
 всякихъ враждебныхъ или опасныхъ стол-

кновеній въ обществѣ: «Господи, благослови!
 Отче Господи Иисусе Христе, Сыне Божій,
 помилуй мя грѣшнаго! Святый Государь
 Иванъ учитель! Научи насъ дѣлать добрыхъ
 творити! Помилуй насъ, Боже, какъ сталъ
 свѣтъ и заря, и солнце и луна, и звѣзды,
 какъ возшло красное солнце на ясное небо,
 и освѣтило всѣ звѣзды и всю Русскую
 землю, и священныя церкви, и митрополи-
 товъ, и владыкъ, и игуменовъ, и священ-
 никовъ, и весь міръ и всѣхъ христіанъ.
 Святой Государь Спасъ и святой Государь
 Архистратигъ Михаилъ! Помилуй Господи,
 меня, имрекъ, грѣшнаго! Освѣти, Господи,
 меня, имрекъ, князямъ и боярамъ, и вла-
 стямъ и тиупамъ, недѣльщикамъ, и ихъ дво-
 рянамъ, и гостямъ, и мужамъ и жепамъ, и
 всему православному христіанству, что на-
 реклось на семь свѣтъ, и на всякъ часть,
 и на всяко время, и на всякое сердце, и
 на всякія очи моему сердцу, имрекъ, отъ
 всякаго зла и отъ злыхъ очей, закрой, Го-
 сударь Михаилъ Архангелъ, своею ризою
 петлѣнною раба Божія, имрекъ.»

А входитъ во дворъ, впереди лѣвою ногою
 въ порогъ, въ ворота, а какъ отворять ворота,
 то опереться въ правую вереву воротъ пра-
 вымъ плечемъ, и молвить всю молитву, и
 перекреститься и молвить: Святой Госу-
 дарь Спасъ и Святой Архистратигъ Михаилъ!
 Закрой, Господи, отъ лиха человѣка и су-
 постата на всякъ часть и на всяко время,
 и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

«Высокимъ эпическимъ складомъ,» гово-
 ритъ Г. Буслаевъ, «отличается заговоръ
 оборотня.... изъ числа тѣхъ упировъ
 или волкодлаковъ, исторія которыхъ те-
 ряется въ глубокой старинѣ.

«На морѣ на Окянѣ, на островѣ на Буянѣ,
 на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на

О Б Щ Е Е О Б О З Р Ъ Н І Е .

осиновъ пень, въ зелень лѣсъ, въ широкій доль. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скоть рогатый; а въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ доль волкъ не забродитъ.» Далѣе оборотень проситъ мѣсяцъ оказать свое содѣйствіе, чтобъ никто съ волка не дралъ теплой шкуры. Въ этомъ заговорѣ упоминается *осиновой пень*, потому-что оборотня въ могилѣ имъ протыкаютъ; выраженіе: «*на зубахъ* у волка весь скоть рогатый» стоитъ въ связи съ пословицею: «у волка въ зубахъ, то Егорей домъ;» наконецъ *теплая шкура мохнатая* волка-оборотня согласуется съ названіемъ *волкодлакъ* отъ *длака*—мохватая шерсть.

Въ исторіи наговоровъ занимаетъ важное мѣсто закліаніе отъ лихорадокъ, особенно потому, что записано было уже въ старину въ древне-русскихъ, а также и болгарскихъ сочиненіяхъ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ.

Вотъ еще заговоръ или закліаніе отъ перелома, ушиба и вывиха, сходное съ древнимъ Нѣмецкимъ, сохранившимся въ рукописи X столѣтія.

«Пристани Господи къ добру сему дѣлу, Святый Петръ и Павелъ, Михайло Архангелъ, Ангелы Христовы, раба Божію, имя рекъ; зъбасалися—сцѣпалися двѣ высоты вмѣсто.... Сростася тѣло съ тѣломъ, кость съ костью, жила съ жилою; запечаталъ самъ Христось во всякомъ чловѣкѣ печать; запеки ту рану у раба Божія, имя рекъ, въ три дни и въ три часы, ни боли, ни сверби, безъ крови, безъ раны, во вѣки аминь.»

Въ Словѣ о полку Игоревѣ Ярославна ясно произноситъ заговоры на оружіе, на солнце, вѣтеръ и рѣку.

Мы наложили событія первыхъ четырехъ сотъ лѣтъ Русской Исторіи въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ; мы познакомились съ дѣйствовавшими лицами; мы разсмотрѣли ихъ отношенія между собою, законы, занятія, промыслы, торговлю, введеніе христіанской вѣры и ея вліаніе, церковное управленіе, грамотность и нравы; однимъ словомъ—мы обозрѣли, по возможности, древнюю жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Подведемъ теперь итоги подъ наши извѣстія, окинемъ взглядомъ все прошедшее, соберемъ разсѣянные черты во едино, и составимъ картину Русской земли предъ нашествіемъ Татаръ и покореніемъ ея подъ ихъ иго.

Для освѣщенія этой картины, для лучшаго уразумѣнія совокупности событій, предположемъ сравненіе, которое можно приложить, кажется, къ нашей исторіи, и во все ея продолженіе, даже до настоящаго времени.

Течетъ широкая, глубокая рѣка, берущая начало изъ какихъ-то невѣдомыхъ странъ, и несетъ свои волны въ далекое море. Часто возмущается она вѣтромъ, и поверхность ея покрывается пѣной, грязью и всякой нечистотою. Случаются бури, волны поднимаются высоко, и сшибаются между собою, брызги летятъ во всѣ стороны. Въ весеннее водополье, нѣтъ преграды яростному стремленію, а въ лѣтнюю межень рѣка по мѣстамъ мѣлѣетъ на песчаныхъ перевалахъ. Иногда встрѣчные утесы, сдвинувшись вдругъ между собою, преграждаютъ ея теченіе. Зимой жестокий холодъ сковываетъ ея быстрыя струи, въ ледяной

толщѣ останавливается всякое движеніе, — и страшно становится за царственную рѣку: не донесетъ она своей живой воды до назначеннаго ей предѣла, не исполнитъ она своего высокаго предназначенія, и потеряется въ сыпучихъ пескахъ, ее окружающихъ! Нѣтъ, нѣтъ, при всѣхъ цевзгодахъ, при всѣхъ превратностяхъ, при всѣхъ тревогахъ, ввизу, глубиною, по твердому дну, катится спокойно чистая струя крѣпкой, холодной воды, которую рѣдко захватываетъ даже верхнее замѣшательство, которая сохраняетъ всегда силу своей живучести. Иногда вдругъ, неожиданно, вырывается откуда-то изъ земли новый ключъ, — онъ бьетъ чудодѣйственной силой, и освѣжаетъ на долго мутную воду. Обильные притоки общають вознаградить сторицею временную убыль. Вотъ поднимается высоко на небѣ животворное солнце: оно пускаетъ отъ себя теплые лучи, ледъ таетъ, зимнія оковы разрѣшаются, низпадаютъ однѣ за другими, и освобожденная рѣка, озаренная полуденнымъ сіяніемъ, воспринимаетъ съ новыми силами свой торжественный, задержанный бѣгъ, опять песется, песется... Счастливымъ ей путь!

Вотъ изображеніе Русскаго человѣка, Русскаго народа, Русской жизни, какъ въ первыя, такъ и послѣдующія времена ихъ историческаго бытія.

Сѣверовосточная треть Европы, прорѣзанная поперегъ, на югъ, Днѣпромъ, Дюномъ и Волгою, — на сѣверѣ, Невою и Двинами, сѣверою и западною, была по большей части покрыта дремучими, непроходимыми лѣсами. Славянскія племена, двигавшіяся со стороны Дуная, который слышится до сихъ поръ въ нашихъ пѣсняхъ, заселяли ее, въ незапамятныя времена,

преимущественно по берегамъ рѣкъ, и по сосѣднимъ съ ними долинамъ, столкнувшись на крайнемъ сѣверѣ и востокѣ съ Финнами и Латышами.

Финны пришли, вѣроятно, прежде ихъ изъ Азіи чрезъ Уралъ, и заняли огромное восточное пространство, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до Волги и Оки, въ другихъ переправясь чрезъ эти рѣки, а на сѣверѣ опоясали на значительномъ протяженіи Балтійское море, встрѣтивъ здѣсь Латышскія племена, первыхъ, вѣроятно, переселенцевъ съ Дуная.

Славяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отодвинули Финновъ, а въ другихъ поселились между ними.

Отличаясь по преимуществу характеромъ тихимъ, смиреннымъ, терпѣливымъ и покорнымъ, они были уже знакомы съ разными первоначальными ремеслами и орудіями для удовлетворенія насущныхъ нуждъ своихъ, и имѣли разные обряды, обычаи и вѣрованія о природѣ и другой жизни, перенесенныя ими на Дунай еще изъ прародины своей Ипдіи. Главнымъ доказательствомъ ихъ относительнаго развитія служить богатый и спланный языкъ, въ которомъ нашлись еще въ IX столѣтіи выраженія для перевода всего Священнаго писанія, — и народная способность освоиться вскорѣ съ его святыми истинами.

Сообщеніе Славянскихъ племенъ было по естественнымъ причинамъ затруднительно, и онѣ, живя почти особняками, подвергались только вліянію мѣстности, доставшейся тому или другому племени въ удѣлъ для жительства: однѣ грубѣли и дичали въ лѣсахъ, другія смягчались и преуспѣвали среди полей и по долинамъ, не забываясь впрочемъ знать, что дѣлается

за живымъ рубежемъ, и рѣшая возникавшія между ними дѣла на сходкахъ своего поселка, который былъ для нихъ и назывался *миромъ*.

Необходимаго для удовлетворенія главныхъ потребностей вездѣ было вдоволь: дѣвственная новь давала хорошіе урожан, лѣса обиловали дичью, пушные звѣри бѣгали чуть не по задворьямъ, въ рѣкахъ ловилась вкусная рыба, отъ пчель получался медъ и воскъ, рогатый скотъ доставлялъ мясо, кожи, молоко. Нужда учила дѣлать все для себя потребное, очень впрочемъ ограниченное; дома, собственными средствами: мужъ пахалъ землю и добывалъ хлѣбъ, жена прядла ленъ и ткала краснѣ. Съ овецъ снимали они шерсть для сукна на свиты, а шкуры шли на кожухи. Для обуви на лапти все было готово въ сосѣднемъ лѣсу. Сыты, одѣты, обуты, мирные поселяне жили себѣ припѣваючи, — пѣсни искони были ихъ услажденіемъ, — пользуясь жизнью по своему, довольствуясь малымъ, крѣпко сидя на своихъ мѣстахъ, въ теплыхъ избахъ, кои топить и строить было очень легко и удобно. Изъ сосѣдей кой съ кѣмъ они мѣнялись своими произведеніями, ибо у однихъ было больше хлѣба, у другихъ мяса, у третьихъ рыбы, или меду, воску, шерсти.

На нѣкоторыхъ заселенныхъ пространствахъ, вслѣдствіе этого обмѣна, а равно и для общаго богослуженія, возникли города, болѣе или менѣе укрѣпленные слободы, коихъ жители, благодаря большому сообщенію, дѣлались разумѣется смѣшленце, дѣятельнѣе и богаче.

Изъ нихъ самые важные были—на Югѣ, у Полянъ, при Днѣпрѣ, Кіевъ, и на Сѣверѣ, при Волховѣ, у Словенъ, Новгородъ.

Словене отличались особою дѣятельностію изъ племенъ Славянскихъ: пользуясь мѣстоположеніемъ, они завели, со времени перваго водворенія, торговлю, съ сосѣдними племенами; овладѣвъ Заволочьемъ, проникли далеко на сѣверъ, къ Югрѣ и Печерѣ, за Уралъ, и разослали свои поселенія по всѣмъ сторонамъ: Торжекъ, Ростовъ, Бѣжецкъ, Волокъ-ламскій причислялись издревле къ ихъ владѣніямъ.

Кромѣ Новгорода и Кіева рано сдѣлались извѣстными даже Грекамъ: Вышгородъ, Любечъ и Смоленскъ на Днѣпрѣ, Черниговъ на Деснѣ. Къ древнѣйшимъ городамъ принадлежатъ также по домашнимъ извѣстіямъ Полоцкъ, Изборскъ, Бѣлозерскъ, Муромъ.

Къ счастью племенъ Славянскихъ, у нихъ въ рукахъ было обиліе такого произведенія, которое пользовалось великимъ почетомъ, имѣло большее употребленіе по всей Европѣ и Азій, и цѣнилось вездѣ очень высоко: мѣха—собольи, бобровые, лисьи, куньи, медвѣжьи, волчьи, горностаевые.

Мѣха привлекли издревле на нашъ Сѣверъ торговлю, лишь только она освѣдомилась, что можетъ добывать отсюда дорогой и нужный товаръ для нея съ большою для себя выгодною.

Два народа отличались тогда особою дѣятельностію, и, занимаясь войною, производили вмѣстѣ повсюду и обширную, живую торговлю: въ Европѣ Норманны, въ Азій Аравитяне.

Норманны, самое отважное и неустрашимое изъ всѣхъ Европейскихъ племенъ, гонимое нуждою изъ дома, отъ каменистыхъ пустынь бѣднаго Сѣвера, возобладало съ начала среднихъ вѣковъ всѣми морями, забиралось въ устья всѣхъ большихъ рѣкъ,

и вездѣ заводило торговыя связи, устроивало свои поселенія.

Какъ *Норманнамъ*, такъ и *Арабамъ*, нужны были мѣха, которые и послужили въ то время чрезъ нихъ связію Запада и Востока съ Сѣверомъ, нашей Залѣской стороны съ Европою и Азіей, точно какъ пряныя коренья и благовонія привлекали въ древности торговлю въ Индію, а послѣ въ средніе вѣка кофей—въ Аравію, табакъ и сахаръ—въ Америку.

Норманны очень рано явились въ сосѣднихъ къ нимъ устьяхъ Невы и Западной Двины, и узнали богатый Новгородъ, который сталъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ *Гольмгарда*, и прославился въ сагахъ. Они проникли во внутренность страны, гдѣ, на водораздѣлѣ «*Оковьскаго лѣса*» представился имъ *Днѣпръ*, приведшій прямо въ Черное море.

Богатый, роскошный Константинополь-Царьградъ-Миклагардъ, сдѣлался любимой цѣлью ихъ торговыхъ плаваній. Тамъ они нашли себѣ еще выгодное и почетное занятіе служить въ императорской гвардіи или варанги.

(Послѣднее имя послужило, кажется, *Славянамъ* поводомъ называть *Норманновъ* *Варягами*).

Путь въ Грецію прославился также на Сѣверѣ, и получилъ въ ихъ лѣтописяхъ и сагахъ особое имя *austregug*. Опъ записанъ такъ въ нашей древнѣйшей лѣтописи: «бѣ путь изъ *Варягъ* въ *Греки*, и изъ *Грекъ* по *Днѣпру*, и верхъ *Днѣпра* волокъ до *Ловати*, по *Ловоти* винти въ *Илмерь* озеро великое, изъ него же озера потечетъ *Волховъ*, и втечетъ въ озеро великое *Нево*, того озера устье впадетъ въ море *Варяжское*.»

Варяги такъ часто плавали по этому пути, что дали свои имена *Днѣпровскимъ* порогамъ, которые дошли и до императора *Константина Богрянороднаго* и имъ записаны: *Нессупи*, *Варуфорось*, *Ульворси*, *Геландри*, *Леанти*, *Струвунъ*,—имена, объясняемые всего легче изъ языковъ *Норманскихъ*.

Точно также открылся *Варягамъ* путь изъ *Оковскаго лѣса*, въ *Каспійское море*: «Изъ того же лѣса, (откуда течетъ *Днѣпръ*), потече *Волга* на востокъ, и втечетъ семидесятью жерель въ море *Хвалиское*, тѣмъ же изъ *Руси* можетъ идти въ *Болгары* и *Хвалисы*.»

Новгородъ былъ на перепутьѣ для *Норманновъ* и къ *Черному* и къ *Каспійскому* морямъ.

Словене-Новгородцы, сами торговые и промышленные, приняли живое участіе въ дѣйствіяхъ новыхъ гостей, служили какъ бы посредниками, доставляли имъ товары, получаемые изъ ихъ поселеній, и разумѣется присоединялись къ нимъ и въ ихъ путешествіяхъ.

При устьѣ *Волги* находился знаменитый на Востокъ городъ *Итиль*, нынѣшняя *Астрахань*, принадлежавшая *Козарамъ*. Здѣсь *Норманны* сошлись съ *Арабами*, которые приходили туда изъ *Азіи*, и плавали также вверхъ по *Волгѣ* до *Бертасовъ* и *Булгаровъ*.

Арабскія монеты, чеканенныя въ 8, 9, 10, 11 и 12 столѣтіяхъ, находимыя во мпожествѣ по всему пространству нынѣшней *Европейской Россіи*, вплоть до *Уральскихъ горъ*, доказываютъ это древнее живое сообщеніе.

Торговля обогащала нашъ Сѣверъ, содѣйствовала разпространенію свѣдѣній, расширяла кругозоръ,—и она же возбудила жадность, привлекла враждебныя нашествія.

Изъ мирныхъ гостей, проѣзжихъ путешественниковъ, Норманнамъ захотѣлось, какъ то бывало и вездѣ, сдѣлаться хозяевами, господами.

Удостоверясь въ отсутствіи бранныхъ свойствъ у жителей, надѣясь не встрѣтить значительнаго сопротивленія, одна ихъ дружина явилась изъ за моря въ устьяхъ Невы и западной Двины, и обложила данью сѣверныя племена — Словенъ Новгородскихъ, Кривичей, Чудь, Весь и Мерю.

Лѣтопись относитъ это событіе къ 859 г.

Около того же времени Козары, жившіе въ Итилѣ, или нынѣшней Астрахани, и въ Крыму, народъ не воинственный, но имѣвшій гвардію (аларезію) изъ Арабовъ и Турокъ, подчинилъ своей власти племена южныя: Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей, опредѣливъ дань по бѣлой вѣверицѣ съ дыма.

Варяговъ на Сѣверѣ осталось не много послѣ перваго набѣга, и жители, въ добрый часъ, вооружившись, прогнали ихъ за море, откуда тѣ приходили, а послѣ, по исконному свойству Славянской природы, перессорились между собою. Они понимали однакожъ, благодаря природному своему толку, что имъ придется скоро расплачиваться за недавнее возмущеніе, и рѣшились призвать къ себѣ пачальниковъ, защитниковъ, — князей, также изъ Норманновъ, которые властвовали тогда по всему Сѣверу, и съ которыми бороться никому въ тѣхъ краяхъ не было возможности.

Посланцы отправились къ тремъ братьямъ изъ племени Руси, Рюрику, Синеусу и Трувору, извѣстнымъ вѣрою въ Новгородѣ прежде, по какимъ либо отношеніямъ. «Земля наша велика и обильна,» сказали

братьямъ Словене, «а наряда въ ней нѣтъ. Придите княжить и владѣть нами по праву.»

Вотъ начало нашей государственной исторіи, — добровольное призваніе, — начало полюбовное, которое въ соединеніи съ дружными соответственными обстоятельствами, народнымъ характеромъ, пространствомъ, мѣстоположеніемъ, климатомъ, отношеніемъ числа пришельцовъ къ числу туземцевъ, и проч., дало Русской Исторіи направленіе, противоположное исторіи Запада, гдѣ съ самаго начала, вмѣсто нашего единства оказалось раздвоеніе, зародились съ одной стороны, у туземцевъ, ненависть и злоба, съ другой, у завоевателей, гордость и недобвѣрчивость, — произведшія непрерывную и постоянную такъ называемую *оппозицію*, которая и служить до сихъ поръ основаніемъ всего управленія западнаго.

Братья пришли съ своими родственниками и дружинами (862), и заняли главные города призывавшихъ племенъ: Ладогу и Новгородъ у Словенъ, Изборскъ у Кривичей, и Бѣлозерскъ у Веси.

Все ихъ племя, Варяги-Русь, перенеслось вслѣдъ за ними, — разумѣется съ своимъ языкомъ, вѣрою, законами, обычаями, и дало свое имя нарождавшемуся государству: «отъ тѣхъ прозвася Руская земля — Новгородци: ти суть люде Новугородци отъ рода Варяжска, преже бѣ бѣша Словѣни.» Они начали рубить вездѣ города, устанавливать точки опоры, по Норманскому обычаю, и межевать веревкою доставшуюся землю, кака часть ея гдѣ должна тянуть на содержаніе князя, кака опредѣлялась для дружины, и кака оставалась въ пользованіе прочихъ воевъ.

Новое правительство въ нашей странѣ оставило слѣдъ во всѣхъ словахъ, ве-

денныхъ имъ въ употребленіе, которыя своими звуками, или приданнымъ имъ значеніемъ, очевидностію перевода, указываютъ именно на свое Норманское происхожденіе: князья, бояре, огнищане, дѣтскіе, люди, смерды, закушы, тиушы, гридни, ябедники, метельники, верви, губы, виры, дружина, дума, гривны, скоть (въ смыслѣ денегъ)....

Рюрикъ, утвердись крѣпко въ Новѣгородѣ, началъ распространять свои владѣнія, на счетъ сосѣднихъ, Чудскихъ и Латышскихъ племенъ, жившихъ къ западу и востоку отъ Новагорода. По всѣмъ вѣроятіямъ онъ покорилъ себѣ Балтійское прибрежье, вплоть до Нѣмана, котораго сѣверный рукавъ получилъ названіе Руссы, Курскій заливъ—Русны, а смежная Латышская страна—Порусья, Пруссія, Preussen.

Двое изъ единоплеменниковъ Рюрика, Аскольдъ и Диръ, отпросясь у него, пошли было на службу въ Грецію, но по дорогѣ увидѣли Кіевъ, который имъ понравился, и они рѣшились тамъ остаться, воспользуясь мирнымъ свойствомъ жителей, — тѣ платили дань Козарамъ, а теперь согласились признать своими господами пришлыхъ искателей приключеній.

Варяговъ набиралось въ Кіевъ больше и больше, и они недолго усидѣли па одномъ мѣстѣ, — вздумали съ двумястами судовъ рѣшиться на подвигъ, достойный Норманской смѣлости, — напастъ на богатый Константинополь, напали, и городъ откупился отъ нихъ золотомъ по свидѣтельству патріарха Фотія, въ 866 году. Они привезли домой начатки христіанской вѣры, для которой тогда же въ Болгаріи и Моравіи переведено было все Священное Писаніе и книги богослужебныя безсмертными Славянскими первоучителями, Св. Кирилломъ

и Меѳодіемъ, такъ, что Русская земля, по удивительному стеченію обстоятельствъ, получила, почти въ одночасье, всѣ три благодатныхъ сѣмени: государственности, вѣры и просвѣщенія.

Утренняя звѣзда о трехъ лучахъ свернула съ высокаго неба надъ нашей рѣкою.

Аскольдъ и Диръ владѣли Кіевомъ лѣтъ пятнадцать, пока Рюрикъ устроивался по берегамъ Варяжскаго или Балтійскаго моря, — и должны были уступить его преемнику Олегу. Недовольный жизнію на сѣверѣ, увлекаемый духомъ движенія, онъ отправился съ набранными войми на югъ, и выманивъ обманомъ къ себѣ въ ладьи Кіевскихъ начальниковъ, сказалъ имъ: «вы не князья, и не княжескаго рода, а я князь, и вотъ сынъ Рюриковъ,» велѣлъ ихъ умертвить, и остался владѣть въ Кіевѣ, (882), встрѣтивъ такую же покорность жителей, какою пользовались Аскольдъ и Диръ, а прежде ихъ Козары.

Изъ Кіева Олегъ, оставивъ дань сѣверныхъ племенъ, сталъ ходить ежегодно, преимущественно по рѣкамъ, на востокъ, югъ и западъ, и облагать данью Славянскія племена: Сѣверяпъ, Радимичей, Вятичей, Угличей, Тиверцовъ, Дулебовъ, Хорватовъ, которые покорились ему почти всѣ безпрекословно. Кому дань даете? Козарамъ. Не давайте Козарамъ, а дайте мнѣ, — и они давали ему дань, какъ бы присоединяясь такимъ образомъ къ первому призванію съ своимъ согласіемъ и добровольнымъ подданствомъ.

Олегъ, истый Норманшъ, по примѣру Аскольда и Дира, пошелъ (906) съ двумя тысячами судовъ на Константинополь, устранилъ Грековъ, получилъ богатую дань, прибилъ свой щитъ къ городскимъ воротамъ, и заключилъ чрезъ нѣсколько

времени договоръ, (послѣ, 911, подтвержденный письменно), по которому сверхъ укладовъ на всѣ его подданные города, князьямъ, подъ его рукою сущимъ, онъ выговорилъ значительныя преимущества для ходившихъ въ Константинополь послами и торговцами Варяговъ—выдавать имъ мѣсячное содержаніе, пускать даромъ въ бани, снабжать веревками, веслами и парусами для возвратнаго плаванія.

Послѣ Олега, при Игорѣ, дружина его ходила на востокъ, (913), и произвела нападеніе на берега моря Хвалискаго или Каспійскаго, гдѣ торговали ихъ единоплеменники. Разсыпавшись по всѣмъ западнымъ берегамъ его до Баку, какъ свидѣтельствуяютъ современные Арабскіе писатели, они ограбили всѣ города, разбивъ ополченія, по на возвратномъ пути, по Волгѣ, истреблены возставшими Мусульманскими племенами. Здѣсь погибла часть дружины Игоревой, а другая въ первомъ несчастномъ походѣ на Грецію (941), описанномъ Греками.

Второй походъ подъ Константинополь, съ новой помощію. Норманскою, (943), доставилъ Руси обычную дань, и кончился также письменнымъ договоромъ, въ началѣ котораго стоятъ Норманскія имена послонъ, его заключавшихъ отъ имени князя.

И на берега Каспійскаго моря второй походъ (944) былъ также удачливѣе, окончившись разрушеніемъ Берды, на берегу Куры.

Супруга Игорева, Ольга, наказавъ жестоко за его смерть возмущившихся Древянъ, утвердила подданство племенъ, и усталила нѣкоторыя дани.

Сынъ ея Святославъ ходилъ на Ясовъ, Касоговъ, Козаръ, по сѣверному предгорію Кавказа. Послѣ успѣшной войны въ Бол-

гаріи, онъ хотѣлъ переселиться туда, и утвердить средоточіе Русское въ Перелславцѣ на Дунаѣ, посадивъ сыновей въ Кіевѣ, Коростенѣ и Новѣгородѣ. Греческій Императоръ Іоаннъ Цимисхій не допустилъ совершиться этому намѣренію. Въ жестокой войнѣ, подробно описанной Львомъ діакономъ, который видѣлъ лицомъ къ лицу Святослава, и описалъ его наружность, храбрый Русскій князь былъ разбитъ, принужденъ удалиться въ Кіевъ, и на возвратномъ пути въ Днѣпровскихъ порогахъ, убитъ Печенѣгами,—кочевое племя,—которые еще при Игорѣ (914) начали тревожить Русскіе предѣлы со стороны Черноморскихъ степей.

Между тремя сыновьями Святослава тотчасъ по его кончинѣ началось междоусобіе, и Володимеръ Новгородскій, приведя по найму свѣжую дружину съ Сѣвера, побѣдилъ сперва поваго поселенца въ Полоцкѣ Рогволода, нареченнаго тестя Ярополка, а потѣмъ самаго Ярополка, отъ котораго погибъ предъ тѣмъ средній ихъ братъ Олегъ,—овладѣлъ Кіевомъ, и отпустилъ наемныхъ Варяговъ въ Грецію, кромѣ нѣкоторыхъ выбранныхъ, оставшихся въ полной отъ него зависимости.

Володимеръ ходилъ на Волжскихъ Болгаръ, Ятвяговъ, и, еще дальше своихъ предшественниковъ, на западъ, покорилъ себѣ города Червепскіе, т. е. пынѣшнюю Галицію.

Онъ раздѣлилъ свои владѣнія между двѣнадцатю сынами, которыхъ и разослалъ по главнымъ городамъ: въ Новгородъ, Ростовъ, Муромъ, Псковъ, землю Древянскую, Тмутаракань... предоставивъ каждому по малу своей дружины.

Наслѣдство всѣхъ сыновъ Володимеровыхъ досталось, послѣ нѣсколькихъ междоусобій, одному Ярославу, котораго должно

считать послѣднимъ представителемъ Норманскаго періода Русской исторіи. При немъ кончились походы на Константинополь, впрочемъ неудачно, онъ смирилъ Печенѣговъ, ходилъ на Чудь сѣверо-западную, — и для собранія дани съ нея построилъ Юрьевъ или Дерптъ, — на Емь, на Пермь, на Ятвяговъ, на Лявву, на Мазовшанъ. Братомъ его Мстиславомъ Тму-тараканскимъ уничтожена окончательно держава Козарь въ Крыму.

Граицами Ярославовыхъ владѣній были: къ сѣверу Балтійское или Варяжское море, къ западу Нѣманъ, Бугъ, Санъ, Карпаты, къ югу Новороссійскія степи, къ востоку Волга, Уралъ.

Вотъ какъ исчисляетъ Несторъ племена подданныя Ярослава:

«Се бо токмо Словенскъ языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверы, Бужане... а се суть инии языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Вель, Муромъ, Черемисъ, Мордва, Пермь, Почера, Ямь, Литва, Зимегола, Корсь, Норова, Либь.»

Такимъ образомъ, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, очертилась окружность Русскаго, основаннаго Норманнами, государства, съ средоточіемъ въ Кіевѣ, о которомъ еще Олегъ сказалъ: се буди мати градомъ Русскимъ!

Ярославъ былъ въ родственныхъ союзахъ со многими Европейскими Государями, и дворъ его былъ надежнымъ пристанищемъ для знаменитыхъ изгнанниковъ, преимущественно изъ странъ Норманскихъ.

Съ его именемъ сохранилось собраніе законовъ Русскихъ, подвергшихся вліянію христіанства и Славянскихъ обычаевъ, Русская Правда, которая примѣтна еще въ договорахъ съ Греками, и заключаетъ уголовныя поста-

новленія о правѣ мести, о пеняхъ за убійство, за побой, за увѣчье, за кражу, укрывательство, — съ свидѣтелями, поручителями, судомъ 12 цѣловальниковъ или присяжныхъ, съ судебными поединками или полемъ, испытаніемъ желѣзомъ и водою.

Племена Славянскія были соединены Норманскими князьями въ одно цѣлое, и въ патриархальной ихъ жизни произошла важная перемѣна: Сѣверный вихорь возмутилъ рѣку, и поднялъ со дна ея тихія струи. Хотя князья, занятые своими походами, внѣшними и внутренними, распространеніемъ предѣловъ своей дани, имѣли мало къ нимъ непосредственнаго отношенія, и оставляли ихъ жить на прежней волѣ, — хотя дань, положенная на племена, была не тягостна, и отдать куницу или бѣлку, которую поймать можно было не подалеку, въ сосѣднемъ лѣсу, никому не стоило большихъ трудовъ, — но все таки произошло между племенами небывалое движеніе, зародились инныя чувства, возникли совершенно новыя отношенія, и началось понятіе объ обязанностяхъ. Естественная воля стѣснилася. Для пришлаго непосѣднаго племени, надобно было припасать содержаніе и всѣ нужныя вещи. Иное шло въ дань, другое покупалось. Уже Императоръ Константинъ Багрянородный свидѣтельствуется о закупаемыхъ Варягами у Славянъ зимюладіяхъ, на которыхъ они пускались весною въ свои путешествія, торговли и военныя. Промышленность, и соединенная съ нею торговля, получили сильный толчекъ. Сообщеніе селеній съ городами, и городовъ между собою, усилилось.

Вліяніе Норманское обнаруживалось преимущественно въ городахъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ разселились «находники

Варази, а первія насельници,» сказалъ Несторъ, «въ Новгородѣ Словѣне, Полотскѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣзерѣ Весь, въ Муромѣ Муромы.» Къ нимъ наѣзжали безпрестанно соотечественники съ Сѣвера на житье, или по пути въ Грецію. Иныя основывали свои особыя поселенія: Рогволодъ съ сыновьями въ Полоцкѣ, Туръ въ Туровѣ. Ихъ образъ жизни, рассказы о видѣнныхъ странахъ и народахъ, знакомство съ роскошью Греческою и Восточною, даже домашній скарбъ—все дѣйствовало на воображеніе туземцевъ. Находились между послѣдними и такіе, которые принимали участіе въ ихъ странствіяхъ всякаго рода; кругозоръ расширялся. Женщины, какъ и вездѣ, бывъ посредницами, и служа къ утвержденію связей, оказывали обратное вліяніе, тѣмъ болѣе значительное, что пришельцевъ было несравненно менѣе туземцевъ. Норманство распустилось въ Славянщинѣ, какъ капля вина въ сосудѣ съ водою, сообщивъ ей нѣсколько своего вкуса.

Въ хозяйственномъ отношеніи надо замѣтить еще одно явленіе: нѣкоторые изъ пришлыхъ бояръ, изъ дружины, живя при князьяхъ, захотѣли имѣть подобно имъ, собственныя усадьбы, особенно подъ городами, занимали пустопорожную землю,—ея было вездѣ съ избыткомъ, — и приглашали къ себѣ въ работники смердовъ, въ дополненіе многочисленной плѣнной и прочей челяди, которую приводили они изъ своихъ походовъ. Такіе временные работники извѣстны въ Русской Правдѣ подъ именемъ *закуповъ*. Получая извѣстныя выгоды, и въ особенности большую безопасность и спокойствіе отъ всякихъ притязаній, они оставляли охотно свою землю, которую всегда достать себѣ могли, и шли въ

услуженіе, составляя съ боярскою челядью слободы, первоначальныя помѣстья. Вотъ первая степень произвольнаго крѣпостнаго права, съ свободнымъ переходомъ!

Такая перемѣна произошла въ древнемъ Славянскомъ быту, вслѣдствіе нашествія и расселенія Нормановъ!

Впрочемъ сословія никакихъ, не смотря на соединеніе двухъ племенъ, господствующаго и подчиненнаго, не образовалось, а раздѣлялся народъ по занятіямъ—военное, торговое, земледѣльческое, между которыми никакихъ преградъ не было, и переходъ отъ одного занятія къ другому свободный. Самые рабы не лишены были надежды на освобожденіе.

Важнѣйшая и благотѣльнѣйшая перемѣна произведена въ народѣ Христіанскою религіею, которою также мы обязаны зачину Нормановъ. Первое сѣмя ея привнесено безъ сомнѣнія Аскольдомъ и Диромъ, изъ Константинопольскаго похода, о чемъ свидѣтельствуетъ грамота и проповѣди Патриарха Фотія, равно какъ и церкви, построенныя на мѣстахъ погребенія несчастныхъ витязей. Мало-по-малу число ея поклонниковъ умножалось, и при Игорѣ была у нихъ уже церковь Св. Іліи, въ коей дружинники-христіане присягали предъ Греческими послами въ сохраненіи договора (944). Великая княгиня Ольга подала сильнѣйшій примѣръ, припавъ святое крещеніе въ Константинополѣ, куда ѣздилъ съ многочисленными спутниками, и привезла оттуда крестъ, оставивъ тамъ на память золотое блюдо, которое долго показывалось нашимъ полоникамъ. Сынъ ея Святославъ однакожь не внялъ ея просябамъ о крещеніи, опасаясь насмѣшекъ дружины. При Володимирѣ два

Варяга, отецъ и сынъ, пришедшіе изъ Греціи, обреченные по жребію на жертву богамъ, запечатляли кровію преданность христіанской вѣрѣ: первые священномученики Кіевскіе—**Феодоръ и Іоаннъ.**

Этому князю предназначено было просвѣтить всю Русскую землю ея свѣтомъ. Выслушавъ предложеніе отъ іудеевъ, магометанъ, католиковъ, рѣшился онъ принять ее отъ Грековъ, и для того пошелъ на Корсунь, знаменитый Греческій городъ на Таврическомъ берегу Чернаго моря. Тамъ онъ крестился, и вступилъ въ бракъ съ Греческою царевною Апиюю, сестрою императоровъ Василія и Константина. Забравъ все нужное для богослуженія, онъ возвратился въ Кіевъ, велѣлъ низвергнуть кумиры, Перуна, Волоса и проч. и объявилъ, чтобъ на другой день утромъ, всѣ жители, богатые и убогіе, нищіе и работники, шли на рѣку припимать святое крещеніе, а кто не придетъ, тотъ будетъ ему противенъ, — и всѣ пришли съ радостію говоря: еслибъ это не было хорошо, то Великая княгиня Ольга, мудрейшая всѣхъ людей, князь и бояре, не поступили бы такъ.

Добровольное припятіе Христіанской вѣры соотвѣтствовало совершенно полюбовному основанію Государства, и церковь не получила сначала сѣмянъ западной реформаціи, точно какъ государство не имѣло сѣмянъ западной революціи.

Володимеръ велѣлъ рубить вездѣ церкви по мѣстамъ, гдѣ стояли кумиры. Въ Кіевѣ основана была церковь Св. Василія, — имя его ангела, — на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ съ своими товарищами. У варочитыа чади взяты были дѣти и отдапы на ученѣ книжное. Потомъ изъ Кіева были посланы

епископы по странамъ, вѣроятно, большею частію изъ Болгаръ, разносить вездѣ свѣтъ Христіанской вѣры.

Благодатное солнце возсіяло надъ рѣкою.

Христіанская вѣра съ самаго начала возымѣла могущественное дѣйствіе на народъ, безъ сравненія съ прочими европейскими государствами, вслѣдствіе особаго счастливаго обстоятельства — проповѣди на рождественномъ, близкомъ, понятномъ языкѣ.

Въ избранныхъ душахъ произошелъ совершенный переворотъ: отъ земли взоры обратились къ небу. Самъ Володимеръ преобразился, и изъ чловѣка, преданнаго страстямъ и похотямъ, сдѣлался кроткимъ и воздержнымъ. Сынѡвья его, Борисъ и Глѣбъ, какъ прежде Феодоръ и Іоаннъ, приняли съ радостію вѣнцы мученическіе.

Ярославъ, сынъ Володимеровъ, продолжалъ ревностно дѣланіе своего отца; «при немъ вѣра христіанская начала плодиться и расширяться» говоритъ Несторъ, «основаны монастыри, и размножились черноризцы. Ярославъ чтилъ церковные уставы, поповъ любилъ повелику и черноризцевъ, прилежалъ книгамъ и читалъ ихъ днемъ и ночью, собралъ многихъ писцевъ, которые прелagали съ Еврейскаго на Славянскій, и переписывали многія книги, имиже поучались вѣрные люди, и наслаждались божественнымъ ученіемъ. Отецъ его Володимеръ взоралъ землю и умягчилъ, т. е. просвѣтилъ крещеніемъ, а онъ насѣялъ книжными словесы, мы же пожинаемъ, принимаемая ученіе книжное.»

Строеніе церквей, основаніе монастырей, учрежденіе епархій, имѣло великое просвѣтительное значеніе. Всякая вповь построенная церковь дѣлалась, говоря по нашему,

училищемъ, новый монастырь гимназіей, а новая епархія учебнымъ округомъ. Господи помилуй, подай Господи, буди святая воля Твоя, остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ — эти простыя молитвы и правила распространялись въ народъ, и принимались къ сердцу, дѣлаясь у многихъ основаніемъ жизни, какъ свидѣлствуютъ современные памятники.

Великолѣпные соборы Софійскіе, въ Кіевъ и Новъгородъ, Десятинная церковь, построенныя греческими мастерами, представили удивленнымъ взорамъ Славянъ новое поразительное зрѣлище. Печерская обитель, учрежденная Св. Антоніемъ и Феодосіемъ, стала средоточіемъ духовной жизни Русской, истиннымъ ея святилищемъ; тамъ водворилось и первое наше христіанское просвѣщеніе: книги Священнаго писанія, творенія первыхъ отцевъ церкви, житія, переписывались, читались, изучались, и отсюда разносились во множествѣ по всѣмъ обширнымъ областямъ нашего отечества. Въ монастыряхъ сохранялись и дополнялись лѣтописи, веденныя при князьяхъ. Болгарія сообщала намъ труды своихъ учителей, преемниковъ Кирилла и Меодія.

Святые сѣмена находили вездѣ плодоспую, подготовленную почву: въ Кіевъ и Смоленскъ, Любичъ и Курскъ, Торопецъ и Туровъ, вездѣ находились люди, даже между простолюдинами, способные приимать новое ученіе, претворять его въ свою плоть и кровь, и на основаніи его подниматься на высоту первыхъ ревностныхъ христіанскихъ исповѣдниковъ.

Солнце проинкало своими лучами до самой глубины рѣки.

Первые Печерскіе подвижники явили свѣту великіе образцы вѣры и любви, кротости,

самоотверженія, терпѣнія, всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, вмѣстѣ съ примѣчательною для того времени нѣжностію и тонкостію чувствованій. Изъ среды ихъ явились писатели или проповѣдники, постигшіе глубоко таинства христіанской вѣры. Вотъ наши великіе люди, которымъ Россія обязана просвѣщеніемъ духовнымъ, нравственнымъ образованіемъ!

Разсылаемые отсюда епископы заводили по городамъ училища. Многіе изъ Греческихъ митрополитовъ отличались просвѣщеніемъ и ревностію къ распространенію образованія въ народъ. По окраинамъ впрочемъ, и по глухимъ мѣстамъ, долго еще держались слѣды язычества, по которымъ люди назывались отъ проповѣдниковъ двоевѣрцами.

Между тѣмъ какъ духовная жизнь такимъ образомъ возвышалась и процвѣтала, шпеница Божія множилась на угобженной пивѣ, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ по принятіи Христіанства, — государственное устройство, утвержденное и возвеличенное единовластіемъ, впродолженіи Норманскаго періода, ослабвало постепенно, вслѣдствіе умноженія князей и раздробленія княжествъ, и наконецъ очутилось на краю погибели.

Ярославъ раздѣлилъ свои владѣнія «Русскую землю, налезенную трудами отцовъ и дѣдовъ», между пятью сынами, представивъ еще прежде Новгородъ старшему, шестому, который умеръ прежде его — первая удѣльные княжества въ предѣлахъ прежнихъ племенъ. (Новгородъ, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Владимиръ Волинскій, Смоленскъ. Полоцкъ оставался во владѣніи Рогнѣдина сына Изяслава).

Ярославъ раздѣлилъ, по такъ, что раздѣленная имъ Русская земля составляла все-таки

одно цѣлое, одно общее владѣніе, гдѣ главный городъ долженъ былъ принадлежать всегда старшему въ родѣ, брату послѣ брата, мимо сыновей, которымъ слѣдовало дожидаться своей череды. Такъ точно и во всякомъ удѣлѣ столичный городъ долженъ былъ принадлежать старшему въ родѣ того Ярославова сына, которому онъ по его завѣщанію былъ предоставленъ. Русская земля стала одной большой общиной, въ которой всѣ потомки Ярославовы имѣли право имѣть каждый свою часть, какъ нынѣ въ сельскихъ общинахъ земля находится въ общемъ владѣніи. Какъ бы по лѣстницѣ князья поднимались поочередно, и становились наконецъ, кому случалось дожить, на верхнюю ступень, то есть получать столичный городъ Кіевъ.

Этотъ обычай, принесенный вѣроятно съ Сѣвера, имѣлъ рѣшительное вліяніе на всю нашу древнюю государственную исторію, и обуславливалъ всѣ ея явленія.

Вслѣдствіе этого обычая у князей не было постоянного пребыванія, поземельной, наследственной, государственной собственности, а только временное пользованіе. Они даже и не думали объ ней, никакого мѣста не считали своимъ, а смотрѣли съ него на старшее и лучшее, вплоть до Кіева, который по порядку могъ достаться каждому изъ нихъ, и составлялъ предметъ его задушевныхъ желаній. Отецъ, умирая на томъ или другомъ столѣ, отдавалъ малолѣтнихъ дѣтей на руки своего преемника иногда безъ ничего, или отсылалъ въ другое княжество на воспитаніе къ брату, дядѣ или другому какому родственнику. Могли оставаться у нихъ волости по особымъ обстоятельствамъ, какъ оброчныя статьи, на правахъ частнаго владѣнія.

Самыя княжества не имѣли опредѣленныхъ границъ, которыя измѣнялись смотря по личнымъ правамъ и обстоятельствамъ того или другаго владѣвшаго князя, иногда соединялись, иногда раздѣлялись отчасти или вполне.

Но, говорятъ, гдѣ право, тамъ и обида. Первоначальный обычай имѣлъ исключенія: Князь лишался права на тотъ городъ, которымъ не приходилось прежде владѣть его отцу; онъ могъ также потерять свое право за вину. Встрѣчались недоразумѣнія. Разныя постороннія обстоятельства могли нарушить обычай: народное избраніе, воля умирающаго князя, имѣвшаго почему нибудь особенную силу, малолѣтство законнаго наследника. У иныхъ князей недоставало терпѣнія ожидать очереди, и они спѣшили воспользоваться благоприятными обстоятельствами, въ коихъ случайно находились. При томъ ломоть въ чужой рукѣ всегда кажется длиннѣе, чѣмъ въ своей; стремленіе усиливаться, распространять свои владѣнія на чужой счетъ, обнаружилось еще въ первомъ періодѣ, когда бывало только по два, по три князя; теперь же, когда число ихъ съ каждымъ годомъ становилось больше и больше, споры возникали гораздо легче, за конми слѣдовали распри и междоусобіе: князья начали волоститься, воевать между собою за владѣнія, цѣнными по мѣрѣ доходовъ, и входить въ союзы съ этою цѣлю, подѣлять или другимъ предложомъ, по тому или другому праву. Ни княжескіе сѣзды, которые придумалъ Володимеръ Мономахъ, представитель удѣльнаго періода съ хорошей его стороны, ни убѣжденія духовенства, всегда ревностнаго къ прекращенію междоусобій, не могли воспрепятствовать развитію этого зла. Во всѣхъ княжествахъ происхо-

длин одѣ и тѣ же явленія: войны, впрочемъ не слишкомъ кровопролитныя. Иногда онѣ уменьшались, благодаря способностямъ того или другаго Великаго князя; иногда умножались вслѣдствіе побочныхъ обстоятельствъ. Война вообще была главнымъ занятіемъ князей.

Кромѣ междоусобій — они должны были безпрестанно стеречь Русскую землю отъ набѣговъ Литовцевъ и кочевыхъ Половцевъ, которые замѣстили на югѣ Печенѣговъ, и отражать ихъ нападѣнія. Иногда же они призывали ихъ сами на помощь противъ своихъ соперниковъ.

Дружина, которая раздѣлялась на старшую и младшую, бояръ и отроковъ или дѣтскихъ, жила одною жизнію съ князьями. Дружиною всякой князь дорожилъ потому, что она составляла всю его силу, и безъ нея онъ былъ, какъ безъ рукъ: отъ дружины онъ получалъ первую помощь и первый совѣтъ. Съ добрымъ думцею, говоритъ Данило Заточеникъ, князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишень будетъ. Дружина обходилася съ князьями за панибрата, участвовала во всѣхъ ихъ дѣлахъ, и пировала съ ними вмѣстѣ. Она не водворялась нигдѣ на постоянное жительство, а слѣдовала постоянно за своимъ княземъ, отъ котораго, разумѣется, всегда могла ждать лучшаго, чѣмъ отъ чужаго, приходившаго на его мѣсто, съ своими людьми. Если князю надѣялось быть индѣ лучше, то и дружинѣ его также, а положительное содержаніе, кормленіе, опредѣлялось вездѣ, вѣроятно, одинаково, изъ предпазаченныхъ на то волостей.

Княжескій обычай столонаслѣдія имѣлъ, слѣдовательно, великое вліяніе и на

отношенія дружины къ государственному устройству: какъ въ первый, Норманскій періодъ, Русской исторіи, не могло установиться у насъ на особыхъ правахъ высшее гражданское сословіе, аристократія, потому что дружина была не постоянною, а сборною, иногда даже наемною, сбродною, часто переводилась и возобновлялась, и состоя при всякомъ князѣ изъ новыхъ пришлыхъ людей, на особенныхъ всегда условіяхъ, зависѣла отъ князя, — такъ и въ удѣльный по преимуществу періодъ, странствуя за князьями изъ города въ городъ, безъ поземельной, наследственной собственности, а только съ правомъ, или лучше, обычаемъ пользованія, при томъ очень малочисленная и разсыпанная по удѣльнымъ княжествамъ, она не могла составить сильнаго сословія, и находилась всегда въ полной зависимости отъ князей, какъ князья зависѣли отъ нея, — они были связаны между собою одинакими выгодами.

Переходя обыкновенно съ княземъ, бояре имѣли еще право переходить отъ одного князя къ другому, оставляя въ томъ и другомъ случаѣ частныя свои владѣнія, если у кого были какія. Они дорожили этимъ правомъ перехода, которое сочлось бы наказаніемъ на Западѣ, гдѣ всякій приросталъ къ тому мѣсту, къ тому владѣнію, которое досталось ему при первомъ дѣлѣжѣ, и поступало въ его родъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Объ осѣдлости у бояръ не было мысли, какъ у князей. Война была главнымъ ихъ занятіемъ вмѣстѣ съ князьями.

Иноплеменники встрѣчаются часто въ приближеніи у князей: — изъ Чуди, Половцевъ, Ясовъ.

Города, съ военнымъ своимъ населеніемъ, къ которому присоединились и первоначальные ихъ жители, принимали по временамъ участіе въ текущихъ дѣлахъ, въ избраніи и удаленіи князей, въ согласіи или несогласіи на веденіе войны: «Новгородцы бо изначала и Смоленяне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на *вѣча* сходятся; на что же старѣйшіе думаютъ, на томъ же пригороды стануть.» Князья при вступленіи на столъ всякой разъ договаривались съ людьми.

Народу сельскому въ удѣльный періодъ стало тяжеле противъ прежняго, потому что при удѣлахъ князь сталъ ближе лицомъ къ нему, и онъ долженъ былъ понести лишніи повинности. Полюдыя или княжіе объѣзды, какъ для суда и расправы, за кои получалась пошлина, такъ и для собиранія дани, исправлялись лично чаще. Мономахъ велитъ, правда, дѣтямъ «худаго смерда не давать въ обиду,» но не всѣ князья были такъ благодущны. Междоусобія отражались и по селамъ. Надо было содержать проходящія толпы, и доставлять имъ все пужное. Походами притаптывались поля, пожарами истреблялись жилища и запасы. Верхнія волненія захватывали рѣку глубже и глубже. Но за то, если народъ подвергался неизвѣстнымъ ему прежде тревогамъ, если умножались его потребности, то съ другой стороны возбуждался больше его умъ, ощущалась необходимость въ трудѣ, увеличивалась его самостоятельность. Нужда учила народъ ѣсть пироги, и онъ становился смышленѣе, заботливѣе, подвижнѣе. Значительная торговля, продолжавшаяся съ Греціей и Нѣмецкимъ западомъ, содѣйствовала его благосостоянію. Жизнь вообще была

сносною, и пѣсни распѣвались по прежнему, за работою и по праздникамъ, на сватьбахъ, въ хоровахъ и въ посидѣлкахъ, — пѣсни, въ которыхъ слышится нѣжное чувство и развитіе мирныхъ добродѣтелей, любовь родительская, въ особенности къ дочерямъ, и вообще живо представляется величіе Русской семейной жизни. Древняя Русская свадьба съ своими знаменательными обрядами представляетъ цѣлую поэму, и свидѣтельствуетъ объ значительныхъ успѣхахъ общежитія.

Путешествія въ Константинополь, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, на Западъ, одни съ духовною, другіе съ торговою цѣлію, служили средствомъ для распространенія познаній, въ родѣ того, какъ у западныхъ народовъ Крестовые походы.

Духовенство сѣяло благія сѣмена, и открывало пути для образованія, являлись такіе дѣятели и учителя, какъ митрополитъ Никифоръ, Кирилль Туровскій, Авраамій Смоленскій, Симонъ и Поликарпъ Печерскіе которые были достойными преемниками Иларіоновъ, Антоніевъ, Феодосіевъ, Варлаамовъ.

Постановленія церковныя, и въ особенности обряды, соблюдались строго, и малѣйшее уклоненіе подавало поводъ къ сомнѣніямъ и преніямъ. Вопросъ напри- мѣръ о разрѣшеніи мяса по середамъ и пятницамъ, во дни господскихъ праздниковъ, взволновалъ всю Русь, и князья принимали въ немъ живое участіе, пока наконецъ уже въ Константинополѣ онъ былъ оконченъ.

Князья строили монастыри въ искупленіе своихъ грѣховъ, и предъ кончиною часто принимали схиму.

Но вотъ князья размножаются болѣе и болѣе: въ первой степени отъ Ярослава, въ шестой отъ Рюрика, было ихъ 11, во 2-й 15, въ третьей 39, въ четвертой 49, въ пятой 66. Доблести ихъ не умалялись: та же храбрость, та же неустрашимость, та же дѣятельность, — и Романъ Волинскій, Мстиславъ Удалый, Давидъ Галицкій, Игорь Сѣверскій, Всеволодъ Курскій, Володимеръ Глѣбовичъ Переяславскій, не уступаютъ ни въ чемъ своимъ отцамъ, какъ тѣ первымъ витязямъ древности: Олегу, Святославу, Ростиславу Володимеровичу, Васильку, Олегу Святославичу, Мономаху, Мстиславу, Изяславу Мстиславичу, Андрею Боголюбскому, Мстиславу Храброму. Избытка силы было у нихъ поровну, бранный духъ не ослабѣвалъ, они не хотѣли уступать другъ другу, и дрались, дрались до истощенія силъ.

Бывали князья умные и способные, которыми, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, доставались подъ власть многія княжества и волости, но такое положеніе оставалось недолго. Порядокъ наследства и обычай дѣлежа между дѣтьми приводилъ все въ старую колею. По смерти ихъ, даже при жизни, возобновлялись одиѣ и тѣ же явленія: такъ Всеволодъ (Ярославичъ) бѣ одинъ владѣя въ Руси (1074—1093), но племянники не давали ему покоя своими просьбами: кому нужна была та волость, кому другая, — и онъ долженъ былъ раздать имъ многіе города.

Сильнѣе его былъ сынъ Мономахъ, владѣвшій и управлявшій силами многіхъ княжествъ: Кіевскаго, Переяславскаго, Владимирскаго, Курскаго, Смоленскаго, Суздальскаго, даже Новгородскаго, (1113—1125), — онъ всѣ распредѣлялись между его сынами и внуками.

Старшій сынъ Мстиславъ (1125—1132) присоединилъ еще княжество Полоцкое, но раздробилъ болѣе наследство Мономахово, раздавъ изъ своей части удѣлы сыновьямъ, кромѣ удѣловъ братьямъ, имѣвшимъ своихъ дѣтей.

Всеволодъ Олеговичъ (1139—1146) владѣлъ княжествомъ Черниговскимъ, овладѣлъ Кіевскимъ, и хотѣлъ покорить себѣ всю Русскую землю, но долженъ былъ вскорѣ отказаться отъ исполненія своихъ замысловъ, найдя сильное сопротивленіе Мономаховичей.

Во всѣхъ княжествахъ, къ концу этого періода, оказывалось совершенное разстройство: бывало по два князя въ одномъ городѣ, иные владѣли по половинѣ города; бѣдныя волости сдѣлались мѣстопробываніями князей, за неимѣніемъ лучшихъ удѣловъ, какъ на примѣръ Вщижъ. «Не могу я умирать съ голоду въ Выри,» говоритъ одинъ князь. «Что мнѣ дѣлать съ семью городами, гдѣ живутъ одни псары,» жалуется другой.

Кіевское княжество, раздробленное и обрѣзанное, переходившее по десяти разъ изъ рукъ въ руки въ продолженіе краткаго промежутка времени, подвергнутое двумъ страшнымъ опустошеніямъ, совершенно ослабѣло, и стѣснилось въ своихъ предѣлахъ чуть не до стѣнъ.

Черниговское княжество, отъ котораго отдѣлилось Новгородъ-Сѣверское и Муромское, раздробившееся въ свою очередь на мелкія части, истощилось окончателно въ послѣдней борьбѣ съ Кіевомъ, которому постоянно сореживало.

Переяславское, раздѣлявшее по большей части судьбу Кіевскаго, съ коимъ часто бывало въ соединеніи, подвергалось сверхъ того больше всѣхъ частымъ нападеніямъ Половцевъ.

Въ прочихъ княжествахъ западныхъ, Полоцкомъ, Туровскомъ, Владимиро-Волынскомъ, Смоленскомъ, происходило тоже: князья умножались, удѣлы дробились, сосѣдніе враги усиливались.

Средоточіе тяжести съ юга-запада обратилось въ половинѣ XII столѣтія на сѣверо-востокъ; тамъ возникло и скоро усилилось новое великое княжество Суздальское или Владимирское, которое отдѣлилось отъ Переяславскаго еще при Мономахъ, и зажило особою жизнью. Тамопшіе князья стѣснили Новгородъ, подчинили князей Муромскихъ и Рязанскихъ, приобрѣли верхъ, на нѣкоторое время, даже падъ дальнымъ югозападомъ. Они распространили также завоеванія къ востоку на счетъ Булгаръ, Мордвы, Черемисы. Юрій Долгорукій, сыновья его, Андрей Боголюбскій (1155—1175), и Всеволодъ, Большое гнѣздо, (1176—1212), одинъ за другимъ, были сильнѣйшими князьями, и при жизни не давали у себя никому удѣловъ.

Эти князья на сѣверѣ, какъ прежніе на югѣ, поднимались, слѣдовательно, на высоту мысли объ единовластїи, и сознавали ея пользу, хотя можетъ быть и безъ государственныхъ соображеній, а въ удовлетвореніе личнаго властолюбія или честолюбія, по па ней и останавливались, не имѣли силы, смѣлости, или смысла, подниматься выше и обезпечить наслѣдство, сохраненіе силы. Потому всѣ ихъ заданія, воздвигнутыя съ великими усилиями, разрушались тотчасъ по ихъ кончинѣ.

Всеволодъ, сильнѣйшій изъ нихъ, еще при жизни своей увидалъ пагубныя слѣдствія вѣковаго обычая, когда старшій сынъ его Константинъ «воздвигнулъ брови» на меньшаго брата своего Георгія, которому отецъ назначалъ Ростовъ.

По смерти его междоусобія начались въ Залѣсской сторонѣ точно такія, какія были и на югѣ. Сыновья Всеволода поссорились вновь между собою, и начали войну, которую порѣшилъ Новгородскій князь Мстиславъ Удалый, придя на помощь къ старшему Константину, противъ меньшихъ братьевъ Георгія и Ярослава, много обидѣвшаго Новгородъ.

Всеволодъ оставилъ четырехъ сыновъ. У каждаго изъ нихъ были дѣти, и къ концу этого періода во Владимирскомъ княжествѣ оказались удѣлы: Владимиръ и Суздаль, Ростовъ и Ярославъ, Юрьевъ, Переяславль, Стародубъ, Москва. Число князей возрасло до десяти, они прибѣгали нѣсколько разъ къ оружію.

Рязань представляла еще печальнѣйшее зрѣлище. Послѣ неудачной борьбы съ Владимиромъ, она должна была подчиниться сильному сосѣду. Князья безпрестанно ссорились, и просили суда во Владимиръ, а наконецъ одинъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ братомъ, зазвавъ остальныхъ братьевъ къ себѣ на пиръ, измѣнически перебилъ ихъ въ своемъ шатрѣ съ ихъ боярами.

Два княжества представили особыя явленія въ древней Русской исторїи: Новгородъ и Галичь, которыя жили болѣе самостоятельною жизнью, особенно первое, и въ которыхъ при княжеской власти образовалось свое значительное боярство.

Новгородъ съ самаго начала находился въ особыхъ обстоятельствахъ: до Рюрика онъ былъ уже независимымъ, значительнымъ обществомъ, съ обширными владѣніями. Вѣроятно тогда уже завелись тамъ старшины, которые пользовались вліяніемъ на общественныя дѣла. По удаленіи

изъ Новгорода преемника Рюрика, остались тамъ можетъ быть нѣкоторые изъ его бояръ, которые и укрѣпились на своихъ мѣстахъ, утвердили за своими родами земли, и положили основаніе городской аристократіи, вмѣстѣ съ туземными старожилами и богатѣвшими купцами. При Ярославі они исходатайствовали себѣ право, за услуги, выбирать князей изъ его рода. Право это уважалось до такой степени, что никто безъ ихъ приглашенія не являлся туда съ своими притязаніями. Новгородъ сдѣлался опять особнякомъ, сперва какъ будто маіоратомъ, и, недѣлясь, какъ прочія княжества, на удѣлы, сохранилъ всё свои владѣнія въ цѣлости, даже распространилъ ихъ на счетъ сосѣднихъ Финскихъ племенъ, не принимая почти никакого участія въ Русскихъ междоусобіяхъ, торговалъ безпрепятственно, богатѣлъ, и пользовался совершенною свободою на бурныхъ своихъ вѣчахъ при рѣшеніи домашнихъ дѣлъ,—но не смотря на всё эти благоприятныя обстоятельства, не имѣлъ и не достигъ никакой цѣли, не успѣлъ сдѣлать ничего важнаго въ государственномъ смыслѣ, кромѣ счастливой по временамъ войны съ Чудскими племенами, кромѣ славнаго отраженія нѣкоторыхъ пападеній со стороны Владимирскихъ князей, кромѣ совершенія нѣкоторыхъ личныхъ подвиговъ. Внутреннія распри у бояръ съ простымъ народомъ, у тѣхъ и другихъ съ князьями, замѣняли мѣсто междоусобныхъ войнъ на югѣ. Князей Новгородцы безпрестанно выгоняли, и не могли жить безъ нихъ, призывали снова, какъ во время предъ-Рюриково. Владимирскіе князья, усилясь въ ихъ сосѣдствѣ, возымѣли большое вліяніе на Новгородъ, тѣмъ болѣе, что имѣли возможность морить его голодомъ. Между

Новгородцами образовались ихъ сторонники, отъ которыхъ прибавлялось смуты; свободный Новгородъ потянуло въ общій водоворотъ къ участию въ судьбахъ всей остальной Руси.

Въ Галичѣ усилились бояре, потому что долго оставались на своихъ мѣстахъ при единоподержавныхъ князьяхъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ по одинакѣ законнымъ порядкомъ, или послѣ краткихъ междоусобій—такъ было при Володимерѣ и Василькѣ, при Володимеркѣ и сынѣ его Ярославі Осмосмыслѣ. Можетъ быть имѣло здѣсь вліяніе и Польское происхожденіе нѣкоторыхъ граждавъ, оставшихся еще отъ времени до-Володимерова. Но при безпутномъ наслѣдникѣ Ярославомъ и послѣ него, явились иностранные притязатели, Ляхи и Угры,—и Галичъ сдѣлался яблокомъ раздора между ними и Русскими сосѣдними князьями. Начались войны въ которыхъ бояре принимали большое участіе, склоняясь то на ту сторону, то на другую, и призывая Русскихъ князей. Сыновья извѣстнаго Сѣверскаго князя Игоря Святославича были призваны туда, и выведенные изъ террѣнія кознями бояръ, рѣшились на вѣроломное злодѣяніе: до пяти сотъ человекъ было ими избито. Смятенія не прекращались, и Игоревичи въ свою очередь при перемѣнѣ обстоятельствъ были повѣшаны боярами. Тогда Поляки, поссорясь съ Уграми изъ за добычи, призвали Новгородскаго князя Мстислава Мстиславича рѣшить распрю.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла во всѣхъ княжествахъ!

Присоедините къ междоусобіямъ, Половцкимъ и Литовскимъ пабѣгамъ, безпрерывное, переходящее съ мѣста на мѣсто

князей, бояръ, воевъ, и отчасти самыхъ поселанъ,—и нигдѣ никакого установленнаго твердо порядка, котораго вотще, видно, искали Словене за моремъ: полная, совершенная свобода, подвижность, измѣняемость, господствовала во всѣхъ учрежденіяхъ— въ преемствѣ князей, и ихъ отношеніи къ людямъ, между собою, въ собраніи вѣчь, въ избраніи духовныхъ сановниковъ; какая то недовѣрчивость или отвращеніе отъ всякаго положительнаго опредѣленія; привычка, сдѣлавшаяся второю природою, рѣшать всѣ дѣла, впѣ правилъ, смотря по обстоятельствамъ, и требованіямъ времени, какъ въ ту или другую минуту представлялось нужнымъ, полезнымъ и цѣлесообразнымъ.

Сколько источниковъ и поводовъ для замѣшательства всякаго рода!

А нравственный, духовный уровень въ передовыхъ дѣятеляхъ стоялъ между тѣмъ высоко, поднимался безпрестанно,—и во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, являлись люди глубоко просвѣщенные и единомъ, еже есть на потребу, — исключительный предметъ древней Русской любознательности и просвѣщенія, —но голоса ихъ были голосами вопіющихъ въ пустынь.

Народъ принималъ всѣ бѣдствія, какъ естественныя, такъ и гражданскія, справедливымъ наказаніемъ за грѣхи и приносилъ

покаяніе устами своихъ лѣтописателей, —но помочь злу онъ былъ не въ силахъ, и не въ понятіяхъ.

Что же грозило Государству, до такой степени распущенному, дажѣ,—при естественномъ умноженіи князей!

Мелкопомѣстность, чересполосность, разнобоярщина, однодворчество!

Враждебные сосѣди, нѣкогда усмирены и покорные, теперь ободрились, и, пользуясь общимъ разстройствомъ, начали уже угрожать всѣмъ окраинамъ. Однимъ словомъ Государственное положеніе было отчаянное.

Къ утѣшенію должно сказать только то, что при всѣхъ междоусобіяхъ, при всѣхъ неурядицахъ, при всѣхъ дробленіяхъ, единство Русской земли чувствовалось и сознавалось у всѣхъ,—и у князей, и у бояръ, и у духовенства, и у лѣтописателей.

Вѣра, языкъ и единокровіе служили къ укрѣпленію этого чувства и понятія.

И святые отшельники, по пещерамъ, на столпахъ, среди пустынь, въ монастыряхъ, молились съ горькими слезами о спасеніи отечества... Богъ услышитъ ихъ молитву: государство спасется, но пройдя чрезъ огнекровавое испытаніе, къ описанію котораго мы теперь и приступаемъ.

ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВІЕ.

Мы видѣли, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ первой четверти XII столѣтія, сдѣлался Мстиславъ Мстиславичъ Удалый, изъ рода Смоленскихъ князей, который призвавъ былъ изъ Новгорода въ Галичь, гдѣ, по смерти знаменитаго Романа Волынскаго, сосредоточились дѣйствія всего юга.

Туда, въ 1223 году, явился неожиданно изъ своихъ кочевьевъ, въ нынѣшнихъ степяхъ Новороссійскихъ, тестъ Мстиславовъ, старшій Половецкій ханъ Котянь, въ сопровожденіи своихъ подручниковъ, — всѣ трепещущіе отъ страха. Никогда не видали Половцевъ въ такомъ смятенномъ, странномъ положеніи. И признаковъ нѣтъ прежней дерзости, вазойливости, прежняго высокомерія! Тихіе, смиренные и униженные, съ поклонами и дарами, приходятъ они къ Мстиславу и просятъ: «помогите намъ, напали на насъ сильные враги и разорили нашу землю. Если вы теперь намъ не поможете, они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами тоже. Помогите намъ!»

Что сдѣлалось съ вами? кто погубилъ васъ? какіе враги? спрашиваетъ князь и его бояре испуганныхъ бѣглецовъ, и не могутъ получить никакого удовлетворительнаго отвѣта. Половцы сами ничего не знали порядочно, показывали различно, умѣли описать только свое пораженіе: «враги ихъ

пришли со стороны Каспійскаго моря, числомъ ихъ было очень много, храбрость и силу явили они великую, злобы еще больше; лицемъ они смуглые, глаза у нихъ узкіе, врозь, губы толстыя, плечи широкія, скулы выпуклыя, волосы черные. Сначала по предгорію Кавказскому побѣдили они Ясовъ, Обезовъ, Касоговъ. Половцы стали-было имъ въ отпоръ съ самымъ сильнымъ своимъ княземъ Юрьемъ Кончаковичемъ, и не могли устоять. Многіе были побиты, другіе загнаны въ луку моря, за Донъ, за Днѣпръ. Остальные перебрались черезъ валъ Половецкій, въ Русскую землю...»

Вотъ все, что можно было понять и разобрать изъ ихъ словъ; — впрочемъ въ ихъ голосѣ, на ихъ лицахъ, во всемъ ихъ разстроенномъ видѣ, заключалось самое ясное и убѣдительное доказательство о справедливости жалобъ, объ опасности положенія, о силѣ враговъ.

Но по крайней мѣрѣ какъ ихъ зовутъ? спрашиваютъ Русскіе, удивляясь въ свою очередь смутнымъ разсказамъ.

«Зовутъ ихъ Татарами» — и вотъ въ первый разъ услышалось на Руси зловѣщее, роковое имя!

Мстиславъ рѣшился созвать Русскихъ князей въ Кіевъ на совѣтъ, для разсужденія объ этихъ новыхъ происшествіяхъ,

касающихся до всей Русской земли. Понеслись гонцы съ повѣстками во всѣ стороны.

Повѣщенные князья собрались — Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, съ сыномъ Всеволодомъ и зятемъ, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, (будущій мученикъ), молодой Даниилъ Романозичъ Вольтпскій, Мстиславъ Нѣмый Вольтпскій, Олегъ Курскій, и многіе другіе.

Туда прибыли и наибольшіе Половцы. Они обходили князей, отъ одного къ другому, кланялись, просили, дарили — коней, верблюдовъ, буйволовъ, дѣвокъ-невольницъ. Одинъ изъ нихъ, Бастѣй, для бѣдшаго умилостивленія, принялъ даже христіанскую вѣру. Всѣ средства употребляли они, чтобъ подвигнуть Русскихъ къ участию и защитѣ. Котлячъ дѣйствовалъ въ особенности на зятя своего Мстислава Галицкаго, и мудро ли было воспламенить этого неустрашимаго витязя, въ которомъ лѣта не угасали брашнаго духа. Его самого уже волновало любопытство, чѣмъ это за новыя воины, предъ которыми все такъ преклонялось; его самого уже брало нетерпѣніе помѣриться съ ними силою, коей также до сихъ поръ никто не могъ протявиться — и Чудь, и Угры, и Ляхи, и Половцы. А теперь его умоляютъ о помощи, отъ него ожидаютъ спасенія! Земль Русской предстоятъ опасности! Надо же предупредить ихъ!

Князья думали долго и толковали между собою. Мстиславъ убѣдилъ ихъ на общемъ совѣтѣ такимъ соображеніемъ: «Если мы теперь не поможемъ Половцамъ, то они передадутся Татарамъ, и наступятъ вмѣстѣ съ ними на Русскую землю. Тогда силы будетъ у нихъ еще больше». Опредѣлено

было помочь Половцамъ, а такъ какъ борьба съ врагами лучше въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей, то и рѣшились князья идти имъ на встрѣчу.

Половцы, ждавъ-недождавшись этого рѣшенія, возрадовались. Надежда блеснула предъ ними отмстить свое пораженіе. Немедля князья разѣхались по своимъ волостямъ строить вой, и по всей Русской землѣ, свидѣтельствуеъ Ливонскій летописецъ, пронеслося рѣшеніе — биться съ Татарами. Къ Великому князю Суздальскому послано было извѣстіе съ просьбою приходить скорѣе на помощь.

Къ веснѣ снарядились князья. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ на Днѣпрѣ, близъ Заруба, островъ Варяжскій, свидѣствовавшій своимъ именемъ объ удалыхъ набѣгахъ первыхъ Норманскихъ витязей. Съ апрѣля мѣсяца потянулись туда со всѣхъ сторонъ полки, кто въ ладьяхъ, кто на коняхъ, кто пѣшіи. Тамъ собрались Кіеве и Черниговцы, Галичане и Вольтпчане, Смольяне и Переяславцы, весь Днѣпръ покрылся ладьями, изъ-подъ которыхъ не видать было и воды: мы переходили рѣку по ладьямъ, какъ по суху, говоритъ очевидецъ. А жители Курска, Трубчевска и Путивля пришли копьми, всѣ съ своими князьями. Слышался уже изъ Залѣсской стороны и Василько Константиновичъ, племянникъ Великаго князя Юрія, шедшій съ вспомогательной дружиной Ростовской и Суздальской. Выгонцы Галицкіе, въ тысячѣ ладьяхъ, приплыли Днѣстромъ въ море, поднялись въ Днѣпрѣ до пороговъ, и стали у рѣки Хортицы, на Протолячемъ броду, подъ начальствомъ Юрья Домаприча, и Держикрая Володиславича.

Половцевъ прибывало ежедневно. Послѣдша новую брань, они какъ будто изъ земли

выростали, и стекались со всѣхъ сторонъ, ободренные, испытать еще разъ счастья. Всѣ отправились въ путь.

Лѣто въ тотъ годъ было жаркое. Дождей не перепадало ни капли. Солнце палило жестоко. Отъ необыкновенной засухи земля трескалась, лѣса и болота загорались. Воздухъ наполнялся дымомъ и смрадомъ, и мгла прилегала къ землѣ. Вблизи не видать было ничего. Птицы не могли летать. По ночамъ являлась необыкновенная звѣзда на западѣ, пуская лучи не въ лице чело-вѣку, а съ боку, какъ бы къ полуденью. Она выходила съ вечера, но закатъ солнечномъ, и сіяла ярче другихъ звѣздъ семь дней, а потомъ на четыре дни оборотила она лучи къ востоку, и пропала.

Между тѣмъ Татары, разбившіе Половецъ, подвигались медленно вверхъ по ихъ землѣ. Услышавъ о приближеніи многочисленнаго ополченія Русскаго, вдали отъ главной своей силы, они, кажется, усомнились и послали пословъ къ князьямъ. «Слышимъ, что вы поднялись противъ насъ, повѣривши Половцамъ, но мы не на васъ пришли,—мы вашей земли не занимали, ни сель вашихъ, ни городовъ вашихъ; мы пришли на холопей своихъ, на конюховъ Половцевъ: возьмите съ нами миръ. Прибѣгутъ они къ вамъ, бейте ихъ, а имѣніе ихъ берите себѣ. Мы знаемъ, что и вамъ они причинили много зла». Такъ говорили послы.

А Половцы шептали Русскимъ князьямъ другое, возбуждая на брань, и стараясь всѣми силами, чтобъ они не соглашались мириться,—и Русскіе князья велѣли избить пословъ, пошли не останавливаясь далѣе, внизъ по Днѣпру,—судьба ихъ какъ будто влекла,—и достигли Олешья (противъ нынѣшняго Херсона).

Татары прислали другихъ пословъ: «видимъ, что вы слушаетесь Половцевъ, вы убили нашихъ пословъ, идете противъ насъ — идите, а мы опять говоримъ, что васъ не трогаемъ».

Вторыхъ пословъ князья отпустили.

Они все шли далѣе. Вдругъ послышалось въ стапѣ, что сторожа завидѣли впереди Татаръ, которые пришли высматривать Русскихъ ладей. Молодой князь Даниль Романовичъ Воляинскій вскочилъ на коня и понесся впередъ—взглянуть, что это за люди. Нѣсколько другихъ молодыхъ князей погнались вслѣдъ за нимъ, увлеченные тѣмъ же любопытствомъ «къ невиданной рати».

Соглядатаи, впрочемъ многочисленные, завидя ихъ приближеніе, съ поспѣшностію скрылись.

Впечатлѣніе произвели они различное. Одни говорили, что это «простые люди,» другіе возражали: «нѣтъ, это ратники, добрые вои.» Юрій Домамиричъ твердилъ, что они стрѣльцы, лучше Половцевъ, но молодые князья переспорили всѣхъ, и пристали къ старшимъ: «Княже Мстиславе и другій Мстиславе, не стойте! пойдемъ противу-имъ! Мы ихъ побьемъ». Мстиславу самому хотѣлось скорѣе къ дѣлу,—столько же пылкій, онъ послушался молодежи, и переправился чрезъ Днѣпръ въ тысячу человекъ. Это было во вторникъ. Безстрашный, пошелъ онъ впередъ, по полю Половецкому, встрѣтилъ сторожей Татарскихъ, напалъ—и разбить ихъ стоило ему одного удара. Его вои угнали множество рогатаго скота, который Татары водили за собою, такъ что стало его на всю нашу рать,—и пустились въ погоню «сѣкуще». Татары, въ бѣгствѣ, желая спасти начальника своего Гемябека, засыпали его живаго землею,

«въкурганѣ Половецкомѣ,» но Русскіе нашли его; Половцы выпросили плѣнника себѣ у Мстислава, и, пылая местию, убили. Первый успѣхъ ободрилъ рать.

Всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ, и поспѣшили вслѣдъ за Мстиславомъ, который, въ жару отъ первой удачи, шелъ впередъ не останавливаясь, и горѣлъ желаніемъ сразиться съ главною ратью. Девять дней шли они, и достигли рѣки Калки* — роковая черта: за нею стояла вся сила Татарская.

Мстиславъ, у котораго никто не могъ оспаривать военачальства, велѣлъ Данилу Волинскому съ полкомъ своимъ и нѣкоторыми другими перейти рѣку, потомъ перешелъ самъ, послалъ своего вѣрнаго слугу, храбраго Яруна, съ Половцами, въ сторожахъ, расположился станомъ, но не утерпѣлъ и поскакалъ вслѣдъ за Яруномъ. Окинувъ издали взглядомъ полки Татарскіе, — Богъ знаетъ, какъ они ему представились, и что за затмѣніе въ очью его приключилось, — онъ поворотилъ коня, и, прискакавъ къ своимъ, велѣлъ немедленно готовиться къ бою.

А Мстиславъ Кіевскій и Мстиславъ Черниговскій стояли одалъ въ своихъ станахъ, ничего не зная о томъ, что битва скоро начнется. Ослѣпленный витязь, въ распрѣ съ ними, — старый Славянскій порокъ, — не далъ имъ никакой вѣсти, увѣренный въ побѣдѣ, и желая всю ея славу присвоить одному себѣ.

Данилъ вѣхалъ впередъ, «бѣ бо дерзъ и храбръ, отъ главы и до ногъ не бѣ въ немъ порока». Съ боярами своими, Василькомъ

* Нынѣ Калець, Мариупольскаго уѣзда, Херсонской губерніи.

Гавриловичемъ и Симеономъ Олюевичемъ, — помянемъ здѣсь храбрыхъ, — начали они первые битву. Бояринъ Василько сбоденъ былъ на первомъ ступѣ. Данилъ получилъ ударъ въ грудь, но молодой и сильный, «буести ради,» говоритъ очевидецъ, не почувствовалъ онъ раны, и не видалъ, какъ кровь изъ нея лилась. Мстиславъ Нѣмый, увидя его раненаго и бьющагося, поспѣшилъ къ нему на помощь, — онъ друженъ былъ съ его отцемъ, и любилъ его какъ сына. Нечего говорить о Мстиславѣ Удаломъ. Олегъ Курскій подвизался съ нимъ крѣпко. Татары бѣжали отъ мужественныхъ витязей. Казалось — дѣло пошло счастливо. Ярунъ съ Половцами началъ тогда биться также на своей сторонѣ, но Половцы, — они погубили нашу рать! Съ робостью-ль приступили они къ дѣлу, или страхъ напалъ на ихъ сердце внезапно, или увидѣли они невозможность и бесполезность спора, — только послѣ перваго ступа, на своемъ крылѣ, они дрогнули, замѣшались. Татары наперли крѣпче съ крикомъ и воплемъ — передніе попятили заднихъ, задніе крайнихъ, — еще напоръ, еще ударъ, — и Половцы побѣжали, побѣжали всѣми своими толпами, прямо на станы нашихъ князей, которые, не зная ничего, не успѣли еще поставить всѣхъ полковъ въ порядокъ. Половцы смяли ихъ совершенно. Никто не понималъ, что происходитъ; никто не зналъ, что ему предпринять. Крики отчаянія варваровъ, лишавшихся послѣдней надежды, заглушали все. Они разбѣжались во всѣ стороны, пѣшіе, конные, съ телегами, и произвели общее замѣшательство. Татары навалились на остальные, державшіеся еще полки, всѣми силами; началась сѣча, злая и лютая, но духъ упалъ, сомнѣніе овла-

двало, а враговъ нагонялось больше и больше, они стрѣляли неудержно и пронзали противниковъ. Князья увидѣли, что стоять имъ больше нельзя. Храброму Данилу не стало мочи. Огонь свѣдалъ его внутренность. Жажда мучила его, — онъ поворотилъ коня къ рѣкѣ, и припалъ напиться воды; тогда только почувствовалъ онъ свои раны, оглянулся, увидѣлъ, что все бѣжить во всѣ стороны, и побѣжалъ съ прочими. Бѣжалъ и Мстиславъ Галицкій, бѣжалъ въ первый разъ отъ роду, разумѣется, истощивъ всѣ силы въ битвѣ, бѣжалъ вѣрно съ горькимъ чувствомъ своей вины. Татары погнались за ними до Днѣпра, и убили шесть князей: Святослава Яневскаго, Изяслава Ингваревича Луцкаго, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго, Юрья Несвижскаго. Изъ бояръ Иванъ Дмитриевичъ палъ еще въ первой схваткѣ съ двумя своими товарищами. Ипыя лѣтописи называютъ Александра Поповича съ его слугою Торопомъ, и Добрынею Рязаничемъ, златымъ поясомъ. До семидесяти витязей Русскихъ погубило, и Кіянъ однихъ пало до десяти тысячъ, изъ всѣхъ воевъ спасся едва десятый. Сія злоба и побѣда надъ князьями Русскими, какой никогда не бывало, отъ начала Русской земли, говорятъ лѣтописи, «убійство безчисленное сотворися» мая 31, въ пятницу, на память св. мученика Ермія. Среди общаго бѣгства и Половцы убили многихъ изъ нашихъ, инаго изъ-за коня, инаго изъ-за одежды. Мстиславъ, прибѣжавъ къ Днѣпру, переправился, и велѣлъ истребить ладьи, — зажечь и изрубить, — чтобы Татарамъ нельзя было гнаться.

Но не всѣ вои, не всѣ князья Русскіе, бѣжали. Остался одинъ, Мстиславъ старый, Великій князь Кіевскій. Не предувѣдомлен-

ный о сраженіи, онъ стоялъ съ своимъ полкомъ на каменной горѣ надъ рѣкою Калкой. Увидѣвъ съ высоты бѣгство Русскихъ князей, Мстиславъ не двинулся съ мѣста съ своимъ зятемъ Андреемъ, и Александромъ, княземъ Дубровицкимъ; онъ рѣшился, кажется, принять вольную смерть за отечество и сохранить честь Русскаго имени. — старшій изъ князей Русскихъ. Укрѣпивъ свой станъ, онъ три дня съ горы бился съ Татарамъ, которые напрасно вступали съ нимъ въ переговоры, обѣщая отпустить его на испусть. Наконецъ воевода Бродниковъ, племени, намъ подданнаго, поклялся за нихъ въ исполненіи слова. Князь повѣрилъ, и былъ преданъ измѣнникомъ, связанный, съ зятемъ, Татарамъ. Они взяли укрѣпленіе и изсѣкли людей. Князей положили подъ доски, а сами сѣли сверху обѣдать, со смѣхомъ слушая, дикіе варвары, какъ подъ досками хрустѣли ихъ кости, — и «такъ ту скончаша князи животъ свой».

Татары остервенѣлые шли впередъ, предавая все огню и мечу. Нѣкоторые жители по дорогѣ выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестами: пощады не было никому. Дошедъ до Новагорода Святополческаго, на Днѣпрѣ, близъ Витичева, верстахъ во ста отъ Кіева, грозные враги вдругъ оборотились назадъ, и скрылись столь же быстро, какъ быстро являлись. Никого не осталось, и ничего не стало слышно. Все утихло и успокоилось.

Народъ образумился. Какъ будто свирѣпый вихрь пронесся по пространству, ломаа и разрушая все встрѣчное, помрачая зрѣніе. Онъ пронесся, — и опять возсіяло солнце, открылось небо, ожила природа.

Что это за люди? Откуда они? Куда ушли? Какой языкъ у нихъ? Какая вѣра? Какого онъ рода?—спрашивали себя Русскіе люди въ недоумѣніи, опомнясь послѣ перваго переполоха, и не видя предъ собою никого болѣе. Всѣ спрашивали другъ друга, но никто не умѣлъ отвѣчать никому. Одни толковали, что это прежніе Печенѣги, которые нападали при святомъ Владимірѣ, другіе называли ихъ Таурменами, безбожными Моавитянами. Книжники разсуждали, что это должны быть тѣ люди, которыхъ загналъ Гедеонъ, что они вѣрно пришли изъ пустыни между востокомъ и сѣверомъ, что объ нихъ предсказывалъ и святой Меѳодій Патарскій: «придти имъ къ скончанію вѣка, и поплѣнить всю землю отъ востока до Евфрата, и отъ Тигра до Понтскаго моря, кромѣ Египта». «Нѣтъ,» заключали православыя, выслушавъ ученія рѣчи, «Богъ одинъ знаетъ, что это за люди, а посылалъ Онъ ихъ на насъ за грѣхи наши; обратилъ же вспять, ожидая нашего покаянія».

Что же произошло на Руси послѣ этого неожиданнаго нашествія, упавшаго какъ свѣтъ на ея голову, — послѣ такого ужаснаго пораженія почти совокупныхъ ея силъ? Какое впечатлѣніе осталось въ нашихъ князьяхъ по удаленіи дикой восточной орды? Собирались ли они гдѣ нибудь толковать о мѣрахъ на случай ея возвращенія? Подумали ли о постоянствѣ своемъ положеніи? Перемѣнили ли образъ своихъ дѣйствій въ отношеніяхъ другъ къ другу, въ виду угрожающей опасности?

Увы! ничего не перемѣнилось въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; ни разсужденій, ни мѣръ, ни совѣщаній никакихъ нигдѣ

не было. Все пошло по прежнему, какъ будто ничего не случилось особеннаго, какъ будто никакой опасности извѣстия не грозило имъ ни откуда, и все происшедшее они видѣли только во снѣ. Тотчасъ принялись они за прерванныя печально распри, поднимая опущенныя въ нихъ петли, и междоусобія на всѣхъ концахъ возобновились съ прежнею горячностію, — въ Галичѣ и на Волыни, въ Кіевѣ и Курскѣ, Новгородѣ и Владимірѣ, Смоленскѣ и Черниговѣ.

Въ первой же годъ загорѣлась въ Галичѣ война между двумя лучшими князьями того времени, близкими родственниками—Мстиславомъ, который призвалъ къ себѣ на помощь Половцевъ, и зятемъ его Даниломъ, который имѣлъ на своей сторонѣ Ляховъ.

Тогда же, на другой сторонѣ, война началась между Олегомъ Курскимъ и Михаиломъ Черниговскимъ, въ которой приняли участіе и Суздальскіе князья.

За этими войнами поднялся на Волыни споръ за Луцкъ, Пересопницу и Чарторижскъ у Данила Галицкаго, которому эти города были завѣщаны Мстиславомъ Пѣтымъ, съ сосѣдними князьями—Ярославомъ Ингваровичемъ, и племянникомъ покойнаго, Ростиславомъ Пинскимъ.

Галичь, среди боярскихъ смуть, съ вооруженнымъ участіемъ Угровъ, Ляховъ, Половцевъ, и сосѣднихъ Русскихъ князей, переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки Данила и королевича Андрея, потомъ достался Михаилу Черниговскому и сыну его Ростиславу, и наконецъ опять къ Данилу.

Въ *Кіевѣ* одинъ за другимъ сибнялись князья, также съ бою, Володимѣръ Рюри-

ковичь, Изяславъ Володимировичъ, Ярославъ Всеволодовичъ, Михаилъ Черниговскій и сынъ его Ростиславъ.

Черниговъ съ своими волостями подвергался нападеніямъ Олега Курскаго, Данила Галицкаго, Ярослава Переяславскаго, и его племянниковъ князей—Ростовскаго и Ярославскаго.

Въ *Новгородѣ*, кромѣ походовъ на Литву, на Чудь, на Емь, внутреннія смятенія не прерывались, и по пѣскольку разъ призываемы были то Михаилъ Черниговскій, то Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій, изъ которыхъ каждый имѣлъ своихъ сторонниковъ между боярами. Съ этими смѣнами соединялись и военные дѣйствія: братья были Торжекъ, Волокъ-Ламскій и угрожаемъ былъ самый Новгородъ.

Исковъ воевалъ съ Литвою, ссорился съ Новгородомъ, и началъ сговариваться противъ него съ Нѣмцами.

Въ *Смоленскѣ* было кровопролитіе по смерти Мстислава Давыдовича, вслѣдствіе сопротивленія граждавъ, которые не хотѣли приять къ себѣ на столъ его двоюроднаго брата Святослава Мстиславича.

Владимирскіе князья, кромѣ походовъ на Мордву, воевали съ Черниговомъ и Новгородомъ, и начинали враждовать между собою.

Вотъ краткій очеркъ междоусобій, происходившихъ впродолженіи пятнадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за первымъ нашествіемъ.

Мы опишемъ теперь подробнѣе Галицію происшествія, на югъ, и Новгородскія, на сѣверѣ, какъ самыя важныя, къ которымъ, болѣе или менѣе, примыкали всѣ прочія.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ *Галичѣ* оставался Мстиславъ Мстиславичъ Удалой. Но не долго онъ пережилъ Калкское пораженіе: на третій годъ онъ скончался,—проведя послѣднее свое время среди измѣнъ, въ безпрестанныхъ тревогахъ, недоумѣніяхъ и горестяхъ.

Данила, зять своего, любилъ онъ отъ души,—и кто же былъ достойнѣе любви его! Это говорилъ Мстиславъ на смертномъ одрѣ своемъ, какъ засвидѣтельствовавъ и при первомъ появленіи своемъ въ Галичѣ, отдавъ за него старшую дочь свою, и принявъ вмѣстѣ столько трудовъ для изгнанія иноплеменниковъ. Александръ Бельскій, невидя Данила, равно какъ и брата его Василька за «злую ночь,»* старался всѣми силами вредить имъ. «Зять твой хочетъ убить тебя, зять твой поваживается на тебя Ляховъ,»—твердилъ онъ безпрестанно въ уши Мстиславу, представлялъ доказательства,—и столько же легковѣрный, какъ и добродушный, Мстиславъ повѣрилъ было клеветнику, и вышелъ съ войми на Лысую гору для соединенія съ Александромъ,—а Данилъ призывалъ Ляховъ. Началась брань, мужественные Романовичи брали верхъ, Мстиславъ принужденъ былъ отступить и воротиться въ Галичъ: на другой годъ призывалъ онъ тестя Котяна съ Половцами, уцѣлѣвшаго при Калкѣ, вѣрнаго своего Володимера Рюриковича, занимавшаго столъ Кіевскій—какъ будто собираясь на Ляховъ, все по совѣту Александрову. Но ему противна была вражда съ Даниломъ, и онъ вздумалъ вдругъ рѣшить дѣло иначе, не прибѣгая къ оружію, не обнажая меча—очною ставкою, на общемъ сѣмѣ сосѣднихъ князей.

* См. выше, с. 288.

Александръ, не смѣя идти на снемъ, при-
слазь своего боярина Яна. Мстиславъ объ-
явилъ всѣмъ князьямъ, призваннымъ на
снемъ, о причинахъ, побуждающихъ его къ
войнѣ, и оборотясь къ послу Александрову
повторилъ: «твоя рѣчь, Яню, что Даниль
возводитъ второе на меня Ляховъ.» Доказа-
тельство не привелось, и клеветы Алексан-
дрова, ложь Янева, обнаружилась. Тогда
всѣ князья рѣшили, чтобъ волость Алексан-
дрова отдана была Данилу за его соромъ.
Но добродушный витязь простилъ виновна-
го, оставивъ его владѣть спокойно своей
волостью, и всѣ Князья похвалили его за
безкорыстіе и братолюбіе. Даниль, невинно
обнесенный, принять былъ Мстиславомъ
еще съ болѣею любовію, чѣмъ прежде.
Мстиславъ почтилъ его, равно какъ и дочь
свою Анну, дарами великими, и далъ ему
своего борзаго коня атказа, какого тогда
нигдѣ не бывало.

Въ Перемиль князья утвердили миръ
между собою.

Это происходило въ 1125 году, а въ
1126 году новое огорченіе испыталъ онъ.
Жирославъ, одинъ изъ мятежныхъ бояръ
Галицкихъ, выдумалъ на него басню, будто
онъ хочетъ уйти въ поле, и предать всѣхъ
бояръ тестю своему Котяну на избиты;
тѣ повѣрили и бѣжали въ Угорскія горы;
оттуда прислали они пословъ къ Князю
спросить о рѣчахъ Жирославовыхъ, а у
него и въ умѣ ничего подобнаго не было.
Онъ поручилъ духовнику своему Тимоею
увѣрить бояръ, что Жирославъ оклеветалъ
его предъ ними. Тимоею поклялся, и при-
велъ всѣхъ удалившихся. Мстиславъ обли-
чилъ клеветника и изгналъ изъ Галича.
Бояре остались однакоже не расположен-
ными, какъ прежде, и старались изба-

виться отъ князя. Онъ окруженъ былъ со
всѣхъ сторонъ измѣнниками и предателями;
одинъ былъ чистый человекъ, который
любилъ его отъ сердца, и котораго онъ
любилъ отъ сердца, по сходству ихъ нра-
вовъ и расположеній, — и отъ того старый
князь былъ безпрестанно отвлекаемъ.

Король Венгерскій Андрей, получивъ,
еще до слуха о Татарахъ, для сына своего
Перемышль, вздумалъ воспользоваться благо-
приятными для себя обстоятельствами, и,
вѣроятно возбужденный боярами, явился въ
Галицкой волости, занявъ Перемышль,
(откуда сынъ его предъ тѣмъ ушелъ), Звени-
городъ, и наконецъ послалъ вой подъ Галичь.
Самъ онъ не пошелъ туда, боясь смерти,
предсказанной ему волхвами, «узрѣвши
Галичь.» Дѣвстръ между тѣмъ наводнился,
и нельзя было переправиться. Мстиславъ
вышелъ изъ города самъ противъ Угровъ,
расположенныхъ впереди, но они посмо-
трѣли на насъ, говоритъ лѣтописецъ, и
ушли въ свои станы къ королю. Король
обратился къ Теробовлю, и взялъ Тере-
бовль, потомъ взялъ Тихомль, потомъ
пришелъ подъ Кременецъ, подъ которымъ
избито и ранено было много Угровъ.

Мстиславъ послалъ къ Данилу боярина
Судислава сказать: «не отступай отъ меня.»
Даниль отвѣчалъ: «имѣю правду въ сердцѣ
моемъ.»

Князь Галицкій, увѣрясь въ его пре-
данности, рѣшился идти впередъ на Короля,
который стоялъ тогда въ Звенигородѣ.
Угры вышли на встрѣчу изъ становъ коро-
левскихъ; произошло сраженіе, и они были
разбиты, Мстиславъ побѣдилъ, — послѣдняя
его побѣда, — и преслѣдовалъ бѣглецовъ
до становъ. Самъ воевода королевскій Мар-
тынишъ былъ убитъ. Андрей устранился, и

поспѣшнѣ уйдти скорѣе изъ земли. Даниль и Василько, которые мѣшали Лешку подать ему помощь, загораживая ему дорогу на Бугъ, присоединились теперь къ Мстиславу, и убѣждали его преслѣдовать Короля Венгерскаго, потому что Андрей вовсе изнемогъ, а хитрый Судиславъ, вкравшійся въ довѣренность къ Мстиславу, старался отговорить, не хотя гибели королю, и полагая на него свою надежду.

Мстиславъ дался въ обманъ, и Андрей выбрался благополучно во свояси.

Этого мало было Судиславу. Онъ началъ приставать къ своему князю, чтобъ тотъ, въ избѣжаніе новыхъ распрей и браней, отдалъ по прежнему договору Галичь Андрееву сыну съ дочерью, ему уже обрученной: «Галича не можешь ты держать самъ, потому что бояре не хотятъ тебя.» Мстиславъ, напротивъ, рѣшался отдать Галичь Данилу, а бояре его Судиславъ и Глѣбъ Еремеевичъ толковали: «если ты отдашь королевичу, то можешь взять у него назадъ, когда захочешь, а если отдашь Данилу, то уже не видать его тебѣ никогда, потому что Галичане желаютъ Данила.»

Начались переговоры, и Мстиславъ предоставилъ (1127) Галичь Королевичу Андрею, а себѣ взялъ Попизье, или нынѣшнюю Подолію, и отошелъ въ Торческъ. Королевичъ Андрей съ Судиславомъ водворились въ Галичь.

Около этого времени Мстиславъ Нѣмой, что оказалъ помощь на Калкскомъ побоищѣ храброму Данилу, умирая, передалъ ему на руки сына Ивана, и завѣщалъ ему волость свою, но по смерти Ивановой Луцкомъ завладѣлъ Ярославъ Ингваревичъ, а Черторижскомъ Пиняне.

Даниль вскорѣ добылъ Луцкъ, а о Черторижскѣ послалъ заслуженнаго своего тысяцкаго, боярина Демьяна, жаловаться тестю: «не подобаетъ Пинянамъ держать Черторижска.» Мстиславъ, неизвѣстно по какимъ обстоятельствамъ, видѣлъ тогда уже свою ошибку, чувствовалъ раскаяніе, и собирался исправить испорченное. Много толковавъ съ Демьяномъ, заключилъ добрый князь свою рѣчь къ Данилу слѣдующими словами: «сыну! я согрѣшилъ, не отдавъ тебѣ Галича, но давъ иноплеменнику. Обольстилъ меня льстецъ Судиславъ! но, Богъ дастъ, мы пойдемъ на нихъ опять, ты съ своими полками, а я призову Половцевъ. Если Богъ намъ поможетъ, ты возьмешь себѣ Галичь, а я останусь въ Понизьѣ. Что же касается до Черторижска, то ты правъ.» Даниль, получивъ согласіе тестя, пошелъ на виноватый городъ, и взялъ его ратью.

Между тѣмъ Мстиславъ, хотя еще не въ глубокой старости, разнемогся. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ пожелалъ видѣть Данила, «жадаящу ему видѣти сына своего Данила, бѣ бо имѣя до него любовь велику въ сердцѣ своемъ.» Ему думалъ онъ препоручить дѣтей своихъ и домъ свой, — по злонамѣренныя бояре, особенно Глѣбъ Еремеевичъ, изъ зависти не допускали его, — и славный князь Галицкій умеръ одинъ, въ Торческѣ, заключая свою жизнь, исполненную такихъ тяжелыхъ трудовъ, такихъ блистательныхъ подвиговъ, такой мостоянной почти удачи, — самую печальной, безвѣстной кончиной, оставляя все семейство на произволъ судьбы. Счастливъ еще: онъ умеръ не подъ игомъ, — счастливъ еще: онъ умеръ не рабомъ, — безъ мысли, что придуть опять Татары, — и останутся долѣше!

Кончина Мстиславова имѣла слѣдствіемъ новыя смятенія. Сосѣдніе князья сдерживались его силою, рѣшительностію и храбростію, и еще болѣе уваженіемъ, которое питали къ нему всѣ, получивъ отъ него или важныя услуги, или сильныя уроки. Безъ него они почувствовали себя какъ бы на волѣ, и припались за преслѣдованіе своихъ личныхъ цѣлей. Поводовъ и предложений было много. Успѣхи Данила, который занялъ между тѣмъ Попизье, возбуждали ихъ зависть, и вмѣстѣ опасенія, чтобъ онъ не пошелъ по слѣдамъ отца своего, славнаго Романа Волынскаго, слишкомъ для всѣхъ памятнаго. Первый выступилъ противъ Данила, В. К. Кіевскій Володимиръ Рюриковичъ, вспомнивъ, что отецъ его былъ не только согнанъ со стола Кіевского его отцемъ, но и постриженъ въ монахи. «Бъ бо ему боязнь велика въ сердцѣ его.» Ростиславъ Пинскій, изъ рода старшаго Ярославова сына, Изяслава, «не престающе клеветца,» потому что дѣти его томились въ плѣну у Данила. Составился союзъ изъ князей—Кіевского, Черниговскаго, Новгородъ-Сѣверскаго, Пинскаго, Туровскаго; подговорены Угры съ Королевичемъ и Судиславомъ, призваны Половцы, и соединенная рать оступила Каменецъ. Даниль притворился желающимъ сотворить миръ, «переводя ими,» то есть князьями, а между тѣмъ старался отвлечь отъ нихъ Котяна, пославъ просить его: «отче, измяти войну сію, приими мя въ любовь собѣ.» Котянь уступилъ его убѣжденіямъ, обошелъ ратью Галицкую землю, и удалился къ своимъ вежамъ. Союзники не могли сдѣлать ничего и отступили отъ Каменца, а Даниль съ Накославомъ, воеводою Ляховъ, «и Олександро съ нима,» ударился на Кіевъ.

Къ нему вышли послы отъ князей Кіевского и Черниговскаго просить мира, который и былъ имъ данъ.

Покопивъ такъ благополучно дѣла съ домашними противниками, Даниль долженъ былъ принять участіе въ Польскихъ междоусобіяхъ: Лешко, князь Краковскій, былъ убитъ на сеймѣ. У преемника его Конрада, князя Мазовецкаго, друга Романовичей, завязались споры, и онъ просилъ ихъ помощи. Оставивъ въ Берестѣ Володимера Пинскаго стеречь землю отъ Ятвяговъ, Даниль пошелъ вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ, къ Конраду. Всѣ вмѣстѣ они опустошили волости противниковъ Конрадовыхъ, и обогатясь всякою добычею, осадили Калишъ (1229). Разсуждаемо было о приступѣ. Погода не благоприятствовала—лилъ сильный дождь, «Конрату же, *люблю Русскій бой*, и понужающу Ляхы свои,» они не хотѣли идти на городъ. На утро Даниль и Василько приступили один; но болотистой почвѣ, наполненной водою отъ дождя, трудно было двигаться; жители бросали камень со стѣнъ, — и храбрые Русскіе витязи, зажегши подъемный мостъ, должны были воротиться въ свои товары. Тамъ, одинъ изъ Польскихъ военачальниковъ, посланный въ обходъ, заявилъ: «гдѣ мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребли высокой.» Даниль, сѣвъ на коня, отправился тотчасъ осмотрѣть мѣсто, и удостовѣрился въ справедливости показанія. Воротясь онъ сказалъ Конраду: если бъ мы знали про то мѣсто, городъ былъ бы взятъ. Конрадъ просилъ его возобновить приступъ, и онъ на другой день, послалъ людей, «теревить» лѣса съ указанной стороны. Жители увидѣли неизбежную опасность, и просили прислать къ нимъ подъ стѣны для перегово-

ровъ Пакослава и Мстивоа. Конрадъ, не имѣя довѣренности къ послѣднему, просилъ Данила идти съ ними. Данилъ отправился переодѣтый. Жители говорили со стѣнъ боярамъ: Скажите Конраду, за что онъ утѣсняетъ насъ? Развѣ мы не его люди, не братья ваши? Какая слава будетъ для Конрада, если Русь заберетъ насъ въ полонъ къ себѣ. Когда Русское знамя развѣется на нашихъ стѣнахъ, кому достанется честь? Развѣ не Романовичамъ, а Конраду униженіе? Мы служимъ нынѣ твоему брату, а завтра будемъ служить тебѣ: не давай славы Руси, и не бери города.» Пакославъ отвѣчалъ: Конрадъ радъ бы оказать вамъ милость, но «Данилъ люте зѣло есть, не хочетъ отойти прочь, не пріемъ града.» «Вотъ онъ здѣсь,» заключилъ Пакославъ разсмѣявшись, «говорите съ нимъ». Данилъ толкнулъ его оскепищемъ, и, также разсмѣявшись, снялъ съ себя шлемъ. Граждане закричали: «имѣй службу нашу, моллися, сотвори миръ.» Начались переговоры и продолжались долго. Данилъ взялъ у нихъ двухъ талей, и воротился съ извѣстіями къ Конраду, который и заключилъ миръ. Русь и Ляхи поклялись между прочимъ не воевать, въ случаѣ усобицы, Ляхамъ Русской челяди, (т. е. не брать людей въ плѣнъ), а Руси—Лядской. Данилъ и Василько, подавъ важную помощь Конраду, возвратились со великою славою въ свои княжества: ни одинъ Русскій князь, по замѣчанію лѣтописателя, кромѣ Володимера Святаго не заходилъ такъ глубоко въ Ляхскую землю, какъ они.

По возвращеніи Данила Галичане прислали звать его къ себѣ: «Судиславъ ушелъ въ Познисье, и королевичъ остался одинъ—иди скорѣе.» Данилъ отрядилъ тысяцкаго

Демьяна противъ Судислава, а самъ, въ малѣ дружинѣ, отправился въ Галичь, и приступилъ къ городу, который затворился. Данилъ занялъ подъ городомъ дворъ Судиславовъ, гдѣ найдено было множество всякаго корма, вина и овощей, и потомъ перешелъ на другую сторону Днѣстра. Судиславъ между тѣмъ, не устоявшій предъ Демьяномъ, прибѣжалъ въ городъ. Галичане и Угры выѣхали на ледъ, и стрѣляли по водамъ Даниловымъ, а ввечеру, когда ледъ вдругъ тронулся, и рѣка наводнилась, зажгли мостъ по совѣту лихаго Семьюнка. «подобнаго лисницѣ черноты ради,» и воротились въ городъ. За то къ Данилу, къ великой его радости, примкнулъ тогда Демьянъ со многими боярами Галицкими, воротясь изъ похода на Судислава. Забота была теперь только о томъ, какъ перейти Днѣстръ; Данилъ поскакалъ къ мосту, и къ удовольствію увидѣлъ, что огонь погасъ. На утро подоспѣлъ къ нему еще Володимеръ Пнгваревичъ, и они перешли на другой берегъ рѣки, окружили городъ со всѣхъ сторонъ въ силѣ тяжелой. Осажденные изнемогли и сдались. Данилъ отпустилъ королевича, помня любовь отца его, и проводилъ его до Днѣстра. Съ нимъ отправился и наставникъ его Судиславъ. Граждане бросали въ него камнями, восклицая: «изыди изъ града, мятежниче земли.»

Но Судиславъ не успокоился, и, прибывъ въ Венгрію вмѣстѣ съ королевичемъ, началъ приставать къ Андрею и его дѣтямъ: «идите на Галичь, и занимайте Русскую землю: если не пойдете теперь, то послѣ вамъ не сладить будетъ съ нею.» Король послушался, и далъ старшему своему сыну Белѣ сильное войско съ присоединеніемъ Бегобарсовыхъ Половцевъ.

Съ великими затрудненіями, по причинѣ дождей, перешли они Карпатскія горы, и, уже изнеможенные, осадили Галичь, гдѣ начальствовалъ вѣрный Демьянъ. Данилъ привелъ Ляховъ и Половцевъ Котьяновыхъ, осаждающіе не могли сдѣлать ничего, и принуждены были думать о своемъ спасеніи. Они выбрали другую дорогу къ Пруту за горы. Множество ихъ погибло — одни убиты, другіе взяты въ плѣнъ, многіе перетонули, и «Днѣстръ сыгралъ Уграмъ злую игру.»

Опасность со стороны Угровъ миновалась, но Данилу далеко еще было до покоя. Александръ Бельзскій продолжалъ строить ковы втайнѣ, и подъ его руководствомъ пегумонные бояре составили заговоръ (1230).

Они сговорились уже зажечь дворецъ, какъ Василько печально вышелъ оттуда, и обнажилъ шута мечъ свой на слугу Королева, который оставался за чѣмъ-то въ Галичѣ, и принадлежалъ, видно, къ числу заговорщиковъ — они испугались подумавъ, что умыселъ ихъ открытъ, и разбѣжались.

У князей же не было еще никакого подозрѣнія: Василько поѣхалъ по своему дѣлу — во Владимиръ, а Данила пригласилъ къ себѣ на пиръ въ Вишню бояринъ Филиппъ. На дорогѣ уже нагналъ князя посоль отъ тысяцкаго Демьяна: «берегися, пиръ золь уготованъ, тебя убить хотять.» Данилъ воротился, велѣлъ Васильку идти на Александра, а Ивана Михайловича послалъ за Молибговичами, участвовавшими въ заговорѣ, какъ было узвано. Василько взялъ Бельзъ, откуда Александръ бѣжалъ въ Перемышль къ своимъ пріятелямъ. Изъ заговорщиковъ перехватано 26 человекъ, которые получили прощеніе, по ихъ неуличенныхъ оста-

валось еще много, и дерзость ихъ доходила до того, что одинъ на пиру облилъ лице Данила изъ чаши, — и то онъ долженъ былъ перенести.

Надо было идти на Перемышль, гдѣ гвѣздилась измѣна. У Данила были только 18 отроковъ съ тысяцкимъ Демьяномъ. Онъ созвалъ вѣче (1231), и спросилъ людей: хотите ли быть мнѣ вѣрными, и пойдете ли со мною на враговъ моихъ? Всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: мы вѣрны Богу и тебѣ, господину нашему. Соцкой Микула прибавилъ: «господине, не погнетши пчель, меду не вѣтъ.» Данилъ выступилъ съ маломъ отрокомъ, по пути примкнулъ къ нему Мирославъ также съ маломъ отрокомъ. Подошли якобы на помощь и невѣрные, творя втайнѣ совѣтъ лютый. Но Богъ помогаль Данилу: смѣло подступилъ онъ къ Перемышлю. Александръ «нестерпѣвъ» убѣжалъ, и оставилъ все свое имѣніе.

Невѣрный Володиславъ Юрьевичъ посланъ былъ преслѣдовать его, но въ заговорѣ съ нимъ, допустилъ его обратиться до Санока, воротъ Угорскихъ. Въ погонѣ сбоденъ былъ пѣкто Шельвъ, славный своею храбростію, и «въ великой чести» скончался.

Александръ прибылъ въ Угры. Тамъ, съ измѣнникомъ Судиславомъ, непримиримымъ врагомъ Данила, уговорилъ онъ короля идти опять на Галичь, и король пошелъ съ обоими своими сыновьями, Бѣлою и Андреемъ, собравъ многочисленное войско. Настоящій походъ былъ для него счастливымъ, и несчастнымъ для Данила. Началось съ осады Ярославля. Тамъ начальствовали оставленные Даниломъ бояре — Давыдъ Вышатичъ и Василій Гавриловичъ. Цѣлый день, даже до захожденія солнечнаго, продолжа-

лась битва, и Угры не могли взять города. Теща Давыдова, Нѣздиловая, была дружна съ Судиславомъ, бывъ кормилицей у него или у его сына, и онъ называлъ ее матерью; она убѣдила Давыда предать городъ, заневозможностію якобы удержать его. Напрасно товарищъ его Василій просилъ: не погубимъ чести князя своего, — эти вои не могутъ отнять у насъ городъ. Чакъ, видѣвшій Угорскіе полки, подтверждалъ это мѣніе: «не могутъ васъ уже пріяти, ибо вельми суть біени.» Но Давыдъ настоялъ на своемъ, и сдалъ городъ, выговоривъ право отойти съ своими войми на свободѣ. Отъ Ярослава король пошелъ къ Галичу. Бояре, одишъ за другимъ, покидали Дави́ла, воевавшего тогда около Буска, и переходили въ Угорскій станъ. И Галичъ былъ взятъ.

Королю мало было и этого: онъ пошелъ къ Дави́ловой отчинѣ, Владимиру. Увидѣвъ этотъ городъ, онъ удивился и сказалъ: такого города нѣтъ и въ Нѣмецкихъ странахъ. Войны стояли по стѣнамъ, и щиты ихъ, оружіе, блистали какъ солнце. Бояринъ Мирославъ, до сихъ поръ вѣрный слуга, дядька Ромаповичей, спасшій Дави́ла еще младенца на сѣдлѣ своемъ, при покушеніи Игоревичей взять Владимиръ, отдалъ теперь городъ Уграмъ безъ сопротивленія. «Иногда же храбру ему сущу, Богу вѣдать, тогда бо смутися умомъ» онъ сотворилъ съ королемъ миръ безъ совѣта съ своими князьями, и уступилъ ему Бельзъ и Червень, куда король и посадилъ тогда же Александра.

Въ Галичѣ на столѣ онъ оставилъ своего сына, и побѣдителемъ отошелъ за Карпатскія горы домой въ Угры.

Романовичи были сильно поражены. Они упрекали Мирослава, что тотъ сдалъ городъ имѣя многіе вои. Старшій воевода отпирался

впрочемъ отъ уступки Червена, — ноэти пререканія не приносили разумѣется уже никакой пользы. Смѣлые братья однакожъ не унывали, и принимали свои мѣры, чтобъ воротить себѣ отнятое и прогнать Угровъ.

Но имъ прибавилась новая забота. В. К. Кіевскій, Володимерь Рюриковичъ, попросилъ у нихъ помощи противъ Михаила Черниговскаго, грозившаго ему войною. Дави́лъ пошелъ и помирилъ противниковъ. Городъ Торческъ, полученный за труды, уступилъ онъ шуриатамъ своимъ Мстиславичамъ: «держите за добродѣянье отца вашего.» Между тѣмъ шелъ на него къ Бѣлобережью королевичъ Андрей изъ Галича, вѣроятпо по предварительному уговору съ Уграми. Володиславъ, отшедшій изъ Кіева отъ Дави́ла въ сторожахъ, разбилъ Угорскіе полки, имъ встрѣченные. Дави́лъ, получивъ это извѣстіе, пустился вслѣдъ за ними, и нагналъ ихъ у Шумска. Угры оборотились; принимая сраженіе. Дави́ловы вои были на горахъ; Угры подъ горою. Бояре Дави́ловы не совѣтовали ему сходить съ горъ. Кто медлитъ на брань, тотъ трусь, «страшливу душу» имѣеть, отвѣчалъ онъ, и велѣлъ воймъ спускаться. Въ происшедшемъ сраженіи Дави́лъ оказалъ великую храбрость: копье его вопзенное въ неприятеля изломилось, онъ обнажилъ мечъ, и озрѣвшись кругомъ увидѣлъ стягъ Васильковъ стоящъ. У Василька сулица была вся въ крови, и оскѣпище изсѣчено «отъ ударенья мечеваго.» Дави́лъ поспѣшилъ на помощь къ брату рубя на право и на лѣво, поражая многихъ. Братья трудились много. Тысяцкій Демьянъ и дядька, старшій Мирославъ, принимали дѣятельное участіе въ сраженіи, которое нѣсколько разъ обращалось въ

пользу то той, то другой стороны, но было наконец выиграно Даниломъ. Угры бѣжали съ королевичемъ въ Галичъ. Эта побѣда Данилова имѣла ту пользу, что Александръ Бельзскій, свидѣтель успѣховъ Романовичей и слабости королевича, перешелъ на ихъ сторону, говоря: «не лѣпо ми есть быти, кромѣ ваю,» и они, принявъ его съ любовію, пошли вмѣстѣ на Пльснескъ, который держали Арбузовичи, и ополонились знатною добычею. Дѣла Даниловы поправлялись (1232).

Королевичъ выпросилъ у отца повое вспомогательное войско съ Данишемъ.

Даниль отправился въ Кіевъ, вызвалъ Половцевъ, привлекъ къ себѣ враждебнаго ему дотолѣ Изяслава Володимировича, и взялъ съ него клятву, какъ и съ Великаго князя Кіевского Володимера Рюриковича.

Королевичъ съ Данишемъ шли уже на Владимиръ. Союзники выступили противъ Даниша, но Изяславъ тотчасъ измѣнилъ, ограбилъ волости около Тихомля и ушелъ.

Противники сошлись подъ Перемилемъ, и бились о мость. Угры были поражены, и пометавъ свои пороки, воротились въ Галичъ. Даниль и Володимеръ пошли за ними. Въ Бужскѣ присоединились къ нимъ—Василько и Александръ. Тамъ было совѣщаніе, послѣ котораго Володимеръ и Котлякъ отошли домой (1234).

Въ слѣдующемъ году (1234) Глѣбъ Еремеевичъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ бояръ Галицкихъ, передался Данилу, увидя вѣрно улучшеніе его обстоятельствъ.

Братья пошли впередъ къ Галичу. Большая половина жителей встрѣтила ихъ съ радостью. Они заняли многіе города, и роздали держать своимъ боярамъ и воеводамъ, потомъ

приступили къ самому Галичу, остановясь на лѣвомъ берегу Днѣпра. Девять недѣль продолжалась осада, въ ожиданіи, когда стаетъ ледъ, и можно будетъ по льду переправиться чрезъ рѣку. Королевичъ съ Судиславомъ и Данишемъ изнемогали отъ голода. Судиславъ ухитрился отвлечь Александра отъ союза. Отойдя отъ брата, послалъ сказать ему, я дамъ тебѣ Галичъ,—и Александръ, какъ и прежде Изяславъ, ушелъ изъ стана. Но эта измѣна не помогла осажденнымъ. Королевичъ внезапно умеръ, можетъ быть вслѣдствіе нужды или возникшихъ болѣзней,—и съ его смертію все дѣло рѣшилось окончателью въ пользу Данила. Бояре Галицкіе прислали за нимъ Семьюпка Чермпаго, и онъ занялъ Галичъ въ четвертый разъ.

Судиславъ ушелъ въ Угры, вѣроятно съ тѣломъ умершаго Королевича.

Весною (1235) Александръ «убояся злаго своего сотворенія» обратился къ тестю въ Кіевъ. Даниль погнался за нимъ съ своими войми. Три дня и три ночи сряду не спали они, и наконецъ постигли Александра въ Полономъ, на Хоморскомъ лугу, и взяли въ плѣбъ, въ которомъ вѣроятно онъ и умеръ.

Бельзъ присоединенъ былъ къ Владимирскому княжеству.

В. К. Кіевскій Володимеръ Рюриковичъ прислалъ къ Данилу въ Галичъ сына Ростислава «и прія съ нимъ братство и любовь велику,» но Михаилъ Черниговскій, равно какъ и Изяславъ Володимировичъ, не переставали враждовать имъ обомъ. Володимеру поаодобилась помощь. Даниль отправилъ въ Кіевъ Глѣба Еремеевича и Мирослава, но Володимеръ звалъ его самого: «помози мнѣ брате». Даниль, вѣдая

его любовь, собралъ полки скоро, и пошелъ. вмѣстѣ они отразили Михаила, подступившаго подъ Кіевъ, опустошили его волости по Деснѣ, заняли города Хороборъ, Социну, Сновскъ. Подъ Черниговомъ произошелъ лютой бой. Такой таранъ былъ поставленъ, что металъ на полтора перестрѣла, камни, четыремъ человѣкамъ едва въ подъемъ. На столѣ въ Черниговѣ былъ посаженъ Мстиславъ Глѣбовичъ, двоюродный братъ Михайловъ, помогавшій союзникамъ. Вонъ Даниловы иструдились, работая отъ Крещенія до Вознесенія, и князь Галицкій спѣшилъ на отдыхъ домой.

Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Михаилъ и Изяславъ ведутъ Половцевъ на Кіевъ, и вступили уже на Русскую землю. Володимерь съ Мирославомъ, убѣдили Данила, послѣ многихъ его отказовъ, идти къ нимъ на встрѣчу. Полки сблизились съ Половцами около Звенигорода. Тогда только опознана была вражеская сила, и Володимерь, вмѣстѣ съ Мирославомъ, вопреки прежнему своему мнѣнію, подали новый голосъ отступить. Даниль воспротивился и сказалъ имъ: «я не хотѣлъ идти впередъ, и говорилъ, что нельзя усталымъ воямъ идти на здоровыхъ и цѣлыхъ; вы настояли и я пошелъ, — теперь отступать я не хочу. Если воинъ вышелъ на брань, то долженъ или побѣдить или умереть. Нечего робѣть, пойдемъ впередъ.»

Русскіе были разбиты. Подъ Даниломъ убитъ конь его гнѣдой. Володимерь и Ярославъ взяты въ плѣнъ въ Торческѣ, по указанію безбожнаго Григорія Васильевича и Молибогвичей, Изяславъ занялъ Кіевъ.

Даниль спасся бѣгствомъ въ Галичь, гдѣ засталъ Василька съ полкомъ его. Борисъ Межибожскій, совѣтомъ Добро-

слава и Сбыслава, дали знать ему ложно, будто Изяславъ съ Половцами идутъ на Владимиръ. Онъ послалъ туда Василька, и остался одинъ въ Галичь, по услышавъ вскорѣ, что бояре по своему обычаю, строятъ противъ него козни, и ему грозитъ гибель, долженъ былъ оставить городъ, и отправился къ Уграмъ.

Михаилъ, шедшій по слѣдамъ его, занялъ Галичь. Напрасно зимою Василько тревожилъ его, напрасно Даниль воротясь изъ Угорь, дѣйствовалъ съ своей стороны—они немогли ничего сдѣлать и воротились по домамъ.

За то Галичане повоевали по Хомору, и пошли на Каменецъ; со всѣми Болоховскими князьями. Ополопившись много они возвращались въ Галичь, но были настигнуты боярами Даниловыми изъ Каменца, и Торками, присланными на помощь отъ Володимера Кіевского, который выкупился изъ плѣна Половецкаго. Плѣнники приведены были къ князю во Владимиръ.

Лѣтомъ Михаилъ и Изяславъ потребовали съ угрозою ихъ освобожденія: «отдай намъ братью, не то придемъ на тебя войною.» Дѣйствительно они призвали на Данила Половцевъ, нѣкоторыхъ Русскихъ князей и Ляховъ съ Конрадомъ Мазовецкимъ, позабывшимъ услуги, оказанныя ему Романичами.

Остановившись на мѣстѣ нынѣшняго Холма, Конрадъ послалъ воевать къ Червену, гдѣ встрѣтили его Васильковы вон, плѣнили Лядскихъ бояръ, и привели въ Городокъ къ Данилу. Михаилъ стоялъ тогда, на Подгорь, ожидая Изяслава съ Половцами, и думая потомъ святиса съ Конрадомъ. Половцы пришли, но отказались идти на Данила, повоевали Галицкую землю, и воротились домой.

Услышавъ это, Михаилъ долженъ былъ безъ успѣха спѣшить въ Галичь, а Конрадъ въ Ляхи, при чемъ въ Вепрѣ потонуло множество его воевъ.

Лѣтомъ ободренные Романовичи приходили на Галичь, но не могли отнять его у Михаила и Ростислава, у которыхъ было много Угровъ, — и только повоевали около Звенигорода.

Весною (1236) собрались они на Ятвяговъ, и должны были остановиться за разлитіемъ рѣкъ. Потомъ пустились на рыцарей, призванныхъ Конрадомъ Мазовецкимъ противъ языческихъ Пруссовъ. «Нелѣпо есть держати нашей отчины крыжевникомъ Тепличемъ, рекомымъ Соломоничемъ.» Такъ называлъ Даниилъ рыцарей Нѣмецкаго ордена, поселенныхъ на Русскомъ рубежѣ, смѣшивая ихъ съ Темплиерами или рыцарями храма. Романовичи взяли ихъ городъ, полонили старѣйшину Бруна со множествомъ воевъ, и воротились во Владимиръ.

Отдохнувъ двинулись они опять на Галичь, и на этотъ разъ Михаилъ принужденъ былъ просить у нихъ мира, уступивъ Даниилу Перемышль.

Въ отмщеніе Конраду за его измѣну, Даниилъ навелъ тогда на него Миндовга изъ Литвы, и Изяслава изъ Навагорода.

Король Венгерскій, вознамѣрясь вѣнчаться на царство, пригласилъ Романовичей къ себѣ «на честь.» Венгерскія лѣтописи говорятъ, что Даниилъ, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ, вель его коня въ знакъ подданства, но это униженіе невѣроятно, потому что Даниилъ, достаточно тогда сильный, не имѣлъ нужды въ его покровительствѣ.

Въ Уграхъ услышалъ онъ о притѣсненіяхъ Императоромъ Фридрихомъ Австрійскаго Герцога, и хотѣлъ, неутомимый, идти къ нему съ братомъ на помощь, но Король не далъ на то своего согласія. Романовичи возвратились во Владимиръ, не переставая думать о походѣ на Галичь.

Вотъ какое смятеніе господствовало на нашемъ югѣ и западѣ!

Обозримъ теперь сѣверъ и востокъ.

Новгородъ, угрожаемый Нѣмцами и Литвою, никакъ не могъ ужиться съ своими князьями, изъ которыхъ къ каждому приставали тѣ и другіе бояре, и тѣмъ прибавляли смуты, ссорясь еще между собою, вовлекая и народъ въ свои ссоры.

Въ 1224 г. сынъ В. К. Владимирскаго Всеволодъ уѣхалъ ночью тайкомъ изъ Новгорода со всѣмъ дворомъ своимъ, по неудовольствію на нѣкоторыхъ бояръ, и сѣлъ на Торжку. Къ нему пришелъ, по предварительному, видно, уговору, отецъ В. К. Георгій съ своими полками, братъ его Ярославъ, Василько съ Ростовцами, Михаилъ съ Черниговцами. Новгородцы прислали къ Великому Князю двухъ мужей съ словами: «Княже, пусти къ намъ дита, а самъ иди съ Торжку.» Георгій отвѣчалъ: «выдайте мнѣ Якима Ивановича, Никифора Тудоровича, Ивана Тимошкиничу, Вячка, Пвача, Радка, — не выдадите, а я поплѣ коней Твердою, напою и Волховымъ.» Новгородцы скопили всю волость около города, доспѣли острогъ, и послали къ Великому князю Полюда Вячеслава Прокшинича, Ивана Ярышевича, съ отвѣтомъ: «Княже, кланяемся тебѣ; а братья своей не выдаемъ; крови не проливай, а впрочемъ — твой мечъ, а наши головы.»

На путяхъ поставили они сторожевые отряды, вездѣ устроили тверди, рѣшась умереть за святую Софію съ посадникомъ Иваномъ Дмитріевичемъ. Георгій предложилъ имъ въ князя шурина своего князя Михаила Черниговскаго. Они согласились, и должны были заплатить еще семь тысячъ гривень новыхъ.

Михаиломъ (1225) Новгородцы были очень довольны, но онъ оставался у нихъ не долго. Выправивъ самъ товаръ, захваченный Георгіемъ въ Торжку и по волости, объявилъ имъ, что не можетъ у нихъ оставаться болѣе, и предлагалъ имъ торговать въ Черниговѣ какъ у себя дома. Убѣжденія ихъ не помогли, и они, скрѣпя сердце, послали опять за Ярославомъ Всеволодовичемъ въ Переяславль.

Ярославъ, не доходя до Новгорода, оборотился съ своею дружиною и Торопецкимъ княземъ Давидомъ, на Литву, которая приходила предъ тѣмъ грабить Новоторжскія волости. Ярославъ отбилъ у нихъ весь полонъ на Усвятѣ; при чемъ пало ихъ до двухъ тысячъ. Новгородцы не присылали отъ себя подмоги. Ярославъ (1226) не положилъ однако жъ гнѣва на нихъ за то, ходилъ съ успѣхомъ на Емь, (1227) которая въ свою очередь отплатила набѣгами по Ладожскому озеру и опустошила по берегамъ его Исады и Олонесь (1228).

Ладожскій посадникъ, не дождавшись Новгородцевъ, сразился съ ними, и отбилъ ихъ полонъ. Они просили мира, и, не получивъ, избили плѣнниковъ, побросали лодки, разбѣжались по лѣсамъ, гдѣ ихъ перебили Ижеряне и Корелы до двухъ тысячъ, «а то все мертво!» Новгородцы стояли нѣсколько дней на Невѣ, сотворили вѣче, и хотѣли

убить за что-то боярина Судимира, котораго спасъ въ своемъ засадѣ Ярославъ.

Ярославъ пошелъ во Псковъ съ посадникомъ Иванкомъ и тысяцкимъ Вячеславомъ, но Псковитяне заперлись въ городѣ, и не пустили его къ себѣ, прослышавъ что князь везетъ оковы, и хочетъ оковать вѣщихъ мужей: онъ постоялъ на Дубровнѣ, и долженъ былъ воротиться въ Новгородъ, гдѣ созвалъ вѣче на владычнемъ дворѣ, и пожаловался: я не мыслилъ никакого груба на Псковичей, и везъ имъ дары въ коробахъ, паволоки и овощи, а они меня обезчестили!

Тогда же привелъ онъ полки изъ Переяславля. Вой, приведенные Ярославомъ, расположились шатрами около городища и по дворахъ въ Славнѣ, отъ чего на торгу все вздорожало: хлѣбъ, мясо, рыба. Хлѣбъ продавался по двѣ купы, кадь ржаной муки по три гривны, пшено по семи гривень.

Князь говорилъ, что хочетъ идти на Ригу, а общее мнѣніе было то, что онъ, раздраженный, собирается опять на Псковъ, о чемъ Новгородцы ихъ и предупредили.

Псковичи, услышавъ о сборахъ Ярослава, заключили миръ съ Ригюю «выложивше Новгородцевъ: то вы,» сказали они, «а то Новгородцы; намъ ненадобъ,» то есть, до вашихъ отношеній между собою намъ дѣла нѣтъ. Если пойдутъ на васъ, то вы помогайте намъ. Нѣмцы согласились, взявъ сорокъ мужей въ тальбу.

Ярославъ послалъ Мишу звать Псковичей: «выдайте, кто меня вамъ обадилъ, и идите со мною въ путь. Я не мыслилъ никакого зла на васъ.» Псковичи прислали къ нему Гречина: «Княже, кланяемся тебѣ и братьямъ Новгородцамъ, на путь неидемъ,

и братьи своей не выдаемъ, а съ Рижанами мы взяли миръ. Къ Колываню вы ходили, серебро получили, а правды не сотворили, ушли въ Новгородъ не взявъ города, а въ Кеси также, въ Медвѣжьей головѣ также. За то наши братья избиты на озерѣ, другіе уведены въ плѣнъ. Вы раздразили враговъ, да и прочь. Думаете ли идти на насъ, мы противъ васъ со Святою Богородицею и съ поклономъ. Ступайте, изсѣкните насъ, жепъ и дѣтей возьмите себѣ въ плѣнъ, «а не лучше погашіи, — кланяемся.»

Новгородцы также отказались: «мы безъ братьи своей Псковичей на Ригу не пойдёмъ, а тебѣ кланяемся.» Ярославъ никакъ не могъ ихъ уговорить и долженъ былъ отпустить свои полки домой. Тогда и Псковичи отпустили призванныхъ Нѣмцевъ, Чудь, Летголу, Ливь, а сторонниковъ Ярослава выгнали изъ города: идите къ вашему князю, вы намъ не братья.

Ярославъ въ досадѣ ушелъ изъ Новгорода съ своей супругою, но не желая упустить изъ рукъ прибыльное княжество, оставилъ тамъ двухъ своихъ сыновъ, Ѳедора и Александра, съ Ѳедоромъ Даниловичемъ и тиномъ Якимомъ.

Къ пущему горю настало въ Новгородѣ печастье; дождь шелъ день и ночь, и отъ Госпожина дня до Николина не видали жители ни одного свѣтлаго дня. Народъ приписалъ это бѣдствіе Архіепископу Арсешию, который подкупилъ будто князя, отстранивъ Антонія, заключившагося въ Хутынскомъ монастырѣ. Созвали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, вытолкали Архіепископа за ворота, и онъ насилу спасся въ церкви Св. Софіи. На другой день пошли на Хутино, взяли оттуда больнаго Антонія,

и ввели на владычень дворъ, приставивъ къ нему двоихъ мужей; потомъ во оружіи пошли съ вѣча на тысяцкаго Вячеслава, разграбили дворъ его и многихъ другихъ саповниковъ, за то что они наводятъ будто князя на зло. Липенскаго старосту хотѣли повѣсить, и онъ едва спасся на дворъ къ князю, а жена его попалась имъ въ руки. Тогда же отнято тысяцкое у Вячеслава и отдано Борису Нѣгочевичу, а князю Ярославу дано знать: «пріѣзжай къ намъ, забожничье (налогъ церковный) отложи, судей по волости не разсылай, и кланись намъ на всей воли нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, ты нашъ князь, или ты себѣ, а мы себѣ.»

Въ отвѣтъ на это требованіе князь велѣлъ сыновьямъ своимъ, вмѣстѣ съ ихъ приставниками, оставить Новгородъ, и они удалялись ночью сыропустныя недѣли во вторникъ (1229). Новгородцы говорили: «мы ихъ не гнали и князю никакого зла не сотворили; мы свою братью только казнили. Онъ видно задумалъ лихо на Святую Софію, Богъ съ нимъ, мы себѣ князя промыслимъ.» Покаялись всѣ быть за одно, и послали въ Черниговъ Хоту Станимировича и Гаврилу съ Лубяпицы, которыхъ не пропустилъ князь Смоленскій по наученію Ярославову.

Михайль, однакожь, бывъ тогда въ Брыпу съ сыномъ, узналъ о желаніи Новгородцевъ, и поспѣшилъ въ Торжекъ на вербницу, а въ Новгородъ прибылъ подъ конецъ Ѳоминой недѣли.

Новгородцы были рады своему хотѣнію, и Михайль поцѣловалъ крестъ на всей волѣ Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославляхъ. Онъ далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить данн; кто сбѣжалъ

на чужую землю, тому платить, кто гдѣ живеть, по уставу переднихъ князей.

На Ярославовыхъ любовникахъ и на Городищанахъ Новгородцы взяли много кунъ, но дворовъ ихъ не грабили, и опредѣлили собранное на великій мостъ, отняли посадничество у Иванка Дмитріевича и дали Вяъзду Водовику. Иванко былъ посланъ въ Торжекъ, но Новоторжцы его не приняли, и онъ ушелъ къ Ярославу, съ которымъ вражда не прекратилась, ибо онъ не хотѣлъ отказаться отъ Новагорода.

Между тѣмъ Архіепископъ Автоій, больной и немощной, не могъ управлять церковными дѣлами. Михаилъ сказалъ Новгородцамъ: не лѣпо быть городу безъ владыки. Выберите кого вамъ угодно. Одни указывали на Юсафа, Епископа Волынскаго, другіе на какого-то Грека, многіе на діакона Спиридона при церкви Св. Георгія. Князь подалъ совѣтъ положить три жеребья на святую трапезу: «изволи Богъ служителя себѣ и пастуха словесныхъ овецъ Новугороду и всей области его.» Княжичъ Ростиславъ выпулъ жеребій—Спиридоновъ.

Къ Ярославу послалъ онъ Нѣздилу Прокшипиича и Иванка Тудорковича съ рѣчами: «отступишь Волока, ворота, что ты силою зашелъ Новгородскаго, и поцѣлуй на томъ крестъ.» Ярославъ отвѣчалъ: «Волока не отступаю и креста не цѣлую: вы себѣ, а я себѣ,» и продержалъ пословъ у себя все лѣто.

Михаилъ между тѣмъ уѣхалъ въ Черниговъ, и оставилъ въ Новѣ городѣ сына Ростислава. Взявъ съ собою нѣсколько нарочитыхъ мужей Новгородскихъ онъ сказалъ: «дай Богъ исправить мнѣ всю правду Новгородскую, и принять отъ васъ сына моего.»

Литва набѣгала на волости Серегерскія; Новгородцы нагнали ее и возвратили полонъ.

Въ 1230 г. Михаилъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, по оставался короткое время, обѣщаясь на Воздвиженъ всѣсть на конь и идти на Ярослава; тогда же онъ совершилъ постриги сыну своему Ростиславу. Архіепископъ Спиридонъ обрѣзалъ отроку волосы во храмѣ Св. Софій.

Ярославъ собирался на войну. Во Владимирѣ явилось тогда посольство къ Великому Князю Георгію — Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и бояринъ Володимера Рюриковича Кіевскаго, просить Великаго Князя о примиреніи брата его Ярослава съ Михаиломъ Черниговскимъ. Послы приняты были съ честію, и миръ обѣщанъ.

Въ пылѣннее отсутствіе Михаилово Новгородцы возмутились еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Степанъ Твердиславичъ разсорился съ посадникомъ Водовикомъ: кажется Водовикъ былъ представителемъ партіи Михайловой, а Степанъ Ярославовой. Его сторону принялъ Иванко Тимошкиничъ, котораго избіили парубки посадничья.

На другой день создано было вѣче противъ посадника на Ярославль дворъ, и дворъ его былъ разграбленъ. Онъ съ своей стороны, вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ, поднялъ весь городъ на Иванка и на Якима Влунковича. Якимъ бѣжалъ къ Ярославу, Иванко былъ убитъ и брошенъ въ Волховъ. Былъ убитъ еще Волосъ Блуткиничъ. Много дворовъ было разграблено съ вѣча, другіе сожжены.

Зимою, декабря 8-го, въ воскресенье, посадникъ Водовикъ отъѣхалъ въ Торжекъ съ княжичемъ Ростиславомъ. На другой день по утру былъ убитъ Семень Борисовичъ, сторонникъ Михайловъ, и жена его захвачена, дворъ и села разграблены, также дворъ и села Водовиковы и его сторонниковъ, Бориса тысяческаго и проч., которые всѣ убѣжали къ Михаилу въ Черниговъ. Имѣніе ихъ раздѣлено по стомъ. Одолѣвшая сторона показала путь и Ростиславу изъ Торжка въ Черниговъ: «Поди прочь—отецъ твой обѣщался и крестъ цѣловалъ състь на конь на войну со Вздвиженья, а вотъ уже Николинъ день насталь. Крестное цѣлованіе съ насъ снимается. Мы промыслимъ себѣ князя,» и послали за Ярославомъ.

Ярославъ вборзѣ пріѣхалъ въ Новгородъ, декабря 30, и цѣловалъ крестъ на всѣхъ граматахъ Ярославлихъ.

1230 годъ и начало 1231 были тяжелы для Новгородцевъ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно вслѣдствіе голода и мора, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Ярославъ пробылъ только двѣ недѣли въ Новгородѣ, и оставя опять двухъ сыновъ своихъ, Феодора и Александра, уѣхалъ въ Переяславль.

На осень Ярославъ ходилъ ратью на Михаила, который не смотря на недавно заключенный миръ принималъ къ себѣ бѣглецовъ Новгородскихъ. Ярославу сопутствовали племянники, Константиновичи. Они пожгли Шеронскъ и осадили Мосальскъ.

На слѣдующій годъ пришли изъ Чернигова (1232) сторонники Михайловы: Борисъ Негочевичъ, Петръ Володиковичъ, Глѣбъ, Семеновъ братъ, Миша, съ договореннымъ ими Княземъ Святославомъ Трубчевскимъ.

Они думали возстановить свою сторону въ Новгородѣ. Въ Буицѣ, селѣ Св. Георгія, на средоговніе, князь увидѣлъ ложь и несостоятельность ихъ намѣренія, и оставилъ ихъ, а они явились въ Псковѣ, захватили и оковали посадника Ярославова Вячеслава.

Въ Новгородѣ, гдѣ князя не было, началось смятеніе. Онъ поспѣшилъ пріѣхать, засадилъ случившихся тамъ Плесковичей въ грядницѣ на городищѣ, и послалъ въ Псковъ съ требованіемъ: «мужа моего пустите, а тѣмъ покажите путь, откуда пришли.»

Псковичи не соглашались и стояли за нихъ крѣпко. «Пришли къ намъ ихъ женъ,» отвѣчали они «и товаръ ихъ, и мы отпустимъ Вячеслава, а не то—вы себѣ, а мы себѣ.» И такъ прошло все лѣто безъ мира. Князь не пустилъ къ нимъ гостей, и они покупали соль по 7 гривенъ за берковецъ. Тогда они смирились и отпустили Вячеслава, а князь отпустилъ къ нимъ Борисовую, Глѣбовую, Мишпую, но мира не далъ. На зиму пришли Плесковичи и поклонились: «ты нашъ князь, дай намъ сына Феодора.» Ярославъ сына не далъ, а далъ шурина Георгія. Они взяли его и указали путь Борисовой чади съ женами.—Изгнанники отправились въ Медвѣжью голову.

Въ 1233 г. Борисова чадь заняла изъѣздомъ Изборскъ съ Нѣмцами и Ярославомъ, сыномъ бывшаго Псковскаго князя Володимера Мстиславича. Плесковичи оступили ихъ, полонили и отвели къ князю Ярославу, который отослалъ ихъ окованныхъ въ заточеніе въ Переяславль. Онъ готовился играть свадьбу старшаго сына своего Феодора въ Новгородѣ,—всѣ приготовления были сдѣланы,—какъ онъ скончался внезапно, и похороненъ въ монастырѣ Св. Георгія.

Князь удалился въ свой городъ, а Нѣмцы въ его отсутствіе захватили въ Тесовѣ Кирила Синкинича, котораго князь по возвращеніи выправилъ, приведя съ собою множество полковъ.

Онъ пошелъ на Юрьевъ (1234), разорилъ окрестности, и разбилъ Нѣмцевъ, пришедшихъ изъ Юрьева и Медвѣжьей головы, которые ему поклонились. За то Литва захватила извѣздомъ Русу, до самаго торгова. Рушане поднялись — засада, огнищане, гридба, купцы и гости, выгнали ихъ изъ посада, и сразились на полѣ. Литва была побита и отошла на Климъ.

Ярославъ, услышавъ объ этомъ нападеніи, съѣлъ въ насадѣ и пустился по Ловоти. Другіе послѣдовали на коняхъ. Подъ Моровійскомъ у лодейниковъ недостало хлѣба, и князь отпустилъ ихъ въ городъ, а самъ пошелъ съ конниками, и настигъ Литву въ Торопецкой волости на Дубравнѣ. Произошла битва. Богъ пособилъ Ярославу одержать побѣду надъ погаными, и онъ отнялъ у нихъ 300 коней и весь захваченный товаръ. Литовцевъ пало много на мѣстѣ, а остальные пометали оружіе и щиты, и разбѣжались по лѣсамъ. Изъ Новгородцевъ убито десять мужей: Оеда Якуновичъ, тысяцкій, Гаврило щитникъ, Нѣжило серебреникъ, Гостилецъ съ Козмодемьянской улицы, Оедоръ Умъ, княжой дѣтской, другой Городищанинъ и проч.

Ярославъ Всеволодовичъ ушелъ изъ Новгорода (1236) Кіеву на столъ, взявъ съ собою вѣщшихъ Новгородцевъ сто мужей, Судимира изъ Славна, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, и проч., которыхъ чрезъ недѣлю отпустилъ всѣхъ изъ Кіева одаривъ по многу.

Въ Новгородѣ оставленъ сынъ Александра. Въ 1237 году былъ общій походъ на Литву—Нѣмцы, Рижане, Чудь, Новгородцы. Плесковичи послали отъ себя 200 человекъ. Они всѣ были разбиты, и едва десятые спаслись домой.

Во *Владимирѣ*, ослабленномъ значительно сраженіемъ при Липицѣ, и потомъ междоусобіемъ послѣ кончины В. К. Константина Всеволодовича, водворилось спокойствіе на нѣсколько времени.

Жители утѣшены были пренесеніемъ мощей Св. Авраамія, замученнаго въ 1229 г. въ Великомъ Болгарскомъ городѣ. Это былъ, говоритъ Суздальскій лѣтописецъ, человекъ инаго языка, не Русскаго, но Христіанинъ, богатый; торговавшій, «гостешбу дѣя» по разнымъ городамъ. Болгаре убѣждали его много времени, ласканьемъ и прещеньемъ, отступить отъ Христа и Христіанской вѣры. Онъ не слушалъ ихъ, «изволи паче умереть за Христа,» оставилъ свое имѣніе, подвергся мукамъ, и былъ утѣченъ апрѣля 1-го. Русскіе, торговавшіе въ Болгарѣ, сохранили тѣло его въ гробѣ, хотя онъ былъ иноплеменникъ, и вѣроятно не православнаго исповѣданія, и принесли во Владимиръ, что приноситъ большую честь ихъ терпимости, — и православію.

Великій князь Георгій, съ княгинеею и дѣтьми, епископъ Митрофанъ, со всѣмъ клиросомъ и игуменами, и всѣ люди, со свѣчами, встрѣтили святыя мощи за версту отъ города. Положенъ Авраамій былъ съ великою честью въ монастырѣ Великой княгини Всеволожей, любимой матери Великаго князя Георгія.

Начинались новыя распри и «Ярославъ усумнѣся брата своего Юргя, слушаая

пѣкоихъ лѣсти, и отлучи отъ Юргя Констан-
тинovichа три: Василька, Всеволода и Воло-
димера, мысляшеть противиться Юргю брату
своему,» — который нѣкогда, жертвуя собою,
помогалъ ему, но Великій князь успѣлъ на
время примирить вражду. Это было въ
1229 году.

И въ этомъ самомъ году пронесся опять
слухъ о Татарахъ, показавшихся на гра-
ницахъ Азіи, въ окрестностяхъ рѣки Яка
или Урала, — и всѣ сердца вздрогнули на
Руси, почуя новую бѣду. Сторожа Болгар-
скіе, сколько ихъ осталось тамъ отъ избіенія
вмѣстѣ съ Половцами и Саксинцами, племени
вѣроятно Киргизскаго, прибѣжали снизу
домой извѣстить о собирающихся на во-
стокъ тучахъ.

Само небо необыкновенными чудесными
знаменіями какъ будто предвѣщало идущую
въ нихъ грозу.

1230 года, мая 10-го, въ пятницу,
на пятой недѣлѣ по пасхѣ, въ Новъ-
городѣ, рано по утру солнце являлось о
трехъ углахъ «яко коврига, потомъ мѣти
(менѣе) бысть аки звѣзда, тако и погиге
(пропало), потомъ мало опять взиде въ
своемъ чинѣ. «Черезъ четыре дня, въ тор-
говъ годъ,» (въ часъ торго), солнце начало
умаляться «зрящимъ всѣмъ людемъ» и оста-
лось его мало, и сдѣлалось, «аки мѣсяцъ три
дня,» (въ мѣру мѣсяца трехдневнаго), по-
томъ начало опять полниться, и многіе
думали, что мѣсяцъ «идуще черезъ небо,»
потому что тогда было межимѣсячье, а дру-
гіе думали, что солнце идетъ назадъ, отъ
того, что малыя облака, кучею, борзо бѣ-
жали на солнце съ сѣверной стороны на
полуденную.

Въ Кіевѣ, въ тотъ же день и часть,
разсказывали самовидцы, бывшіе тамъ,
было и еще того грознѣе: солнце стало
мѣсяцемъ, явились около него съ обѣ-
ихъ сторонъ столпы красные, зеленые,
синіе, и огонь съ небеси облакомъ великимъ
опустился на Лыбедь — люди всѣ отчаялися
своей жизни, думали, что паступаетъ кон-
чина, цѣловались, прося другъ у друга
прощенія, плакали горько, молились Богу
со слезами; «и милостию своею Богъ пре-
веде страшный тотъ огонь черезъ весь го-
родъ «безъ пакости» (безъ вреда).

Накапунтѣ, 3 мая, было повсемѣстное
землетрясеніе. Въ Кіевѣ Печерская церковь
разступилась на четыре части — во время
обѣдни, когда митрополитъ Кириллъ, Ве-
ликій князь Володимеръ съ боярами, и мно-
жество народу тамъ находились, празднуя
память Св. отца Θεодосія; въ трапезницѣ
уготованный кормъ и питіе, столы, скамьи,
разбиты были падавшими сверху изъ по-
толка камнями.

Въ Переяславлѣ Русская церковь Св.
Михаила разсылася на двое, и упалъ пере-
водъ съ кровлею трехъ каморъ.

Во Владимирѣ, Залѣскомъ говоритъ лѣто-
писецъ, иконы подвиглись по стѣнамъ, и
павикадила со свѣчами поколебались. Люди
изумилися «мпяхутся тако, яко голова обо-
шла коего ихъ.»

«Тоже братья,» говорятъ Новгород-
скій лѣтописецъ, «не на добро, но на зло,
грѣхъ дѣля пашихъ, Богъ намъ знаменія
кажетъ, да быхомъ ся покаjali отъ грѣхъ
нашихъ.» — «Коляку Богъ» прибавляетъ онъ
«паведѣ на ны смерть той веспы, да то мы
видяще, не разумѣхомъ своея погигели, но
скорѣйши быхомъ на зло,» — и предлагаетъ

описание страшнаго голода въ Новгородѣ, и слѣдовавшаго за нимъ мора.

На Воздвиженъ морозъ избилъ весь хлѣбъ, и онъ вздорожалъ еще больше прежняго. Хлѣбъ продавался по 8 кунъ, кадь ржи по 20 гривенъ, а на дворахъ по 25, пшеница по 40 гривенъ, пшено по 50, овесъ по 13. Жители расходились по чужимъ сторонамъ.

За голодомъ слѣдовалъ моръ. Трупы валялись по всемъ улицамъ, Архіепископъ Спридонъ построилъ скудельницу въ ямѣ, на Прусской улицѣ, и приставилъ къ ней мужа благого и смиреннаго Станилу, веля свозить сюда на коняхъ мертвецовъ со всего города. Въ короткое время навезено было 3030.

Слѣдующая весна была еще тяжелѣе зимы: голодъ свирѣпствовалъ страшно не только въ Новгородѣ, но и по всей странѣ. Жители употребляли въ пищу мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, нечистыхъ животныхъ, — доходило до человѣкоубійства. Такихъ злодѣевъ сожигали, осѣкали, вѣшали. Отцы и матери отдавали дѣтей гостямъ изъ хлѣба въ одеренъ. Иные злые люди зажигали дома, гдѣ предполагалась рожь. Мертвецы на улицахъ, на торгу, по мосту, лежали непогребенными, псами пожираемые; поставлена была другая скудельница, на полѣ, въ концѣ Чудинцовой улицы, третья на Колѣни, за Рождествомъ, и тѣ наполнились скоро.

Случился еще пожаръ большой: погорѣлъ весь конецъ Славенскій до конца Холма, кромѣ церкви. Городъ былъ уже при концѣ.

Но Богъ умилостивился, Нѣмцы прибѣжали съ житомъ и мукою, и городъ ожилъ.

Послѣ первыхъ слуховъ Татары подвигались медленно: только въ 1232 году подошли они къ Волгѣ, и, не доходя до Великаго города Болгарскаго (на лѣвой сторонѣ Волги, Казанской губерніи, въ Спасскомъ уѣздѣ), остановились зимовать. Здѣсь почему-то кочевали они больше трехъ лѣтъ, и уже въ 1236 году взяли древнюю столицу Болгарь, ограбили и сожгли.

На слѣдующую зиму явился онъ въ предѣлахъ Рязанскихъ, подойдя лѣсами съ восточной стороны, и остановились стапомъ въ Онузѣ (?), которую взяли и сожгли.

Ихъ было множество, безъ числа, говорить современный Русскій летописецъ, а Арабскій описываетъ такъ ихъ пашествіе: земля стояла, звѣри безумѣли, испуганныя птицы падали мертвыя.

Рязанскій князь Юрій Игоревичъ при первыхъ слухахъ повѣстия родныхъ и сосѣднихъ князей. Въ родственникъ Черниговъ и ближній Владимиръ отправлены послы за помощію.

Въ стольномъ городѣ Рязани успѣли собраться только ближніе князья, братъ Олегъ Красный, племянники Олегъ и Романъ Пигворовичи, Всеволодъ Михайловичъ Пропскій, одинъ изъ князей Муромскихъ.

Татары прислали къ нимъ пословъ, двухъ мужей и жену чародѣйку, требуя себѣ десятины во всемъ: и въ князьяхъ и людяхъ, и въ коняхъ, — десятое въ бѣлыхъ, десятое въ воронихъ, десятое въ бурыхъ, десятое въ рыжихъ, десятое въ пѣгихъ.

Князья отвѣчали смѣло: не будетъ васъ, тогда возьмете все.

Послы препровождены были къ Великому князю, Георгію Всеволодовичу, во Владимиръ.

На предложеніе Татаръ: мирися съ нами, онъ отвѣчалъ: «брань славная лучше мира постыднаго,» и началъ военныя приготовленія, а Рязанской просьбы не уважилъ, воевъ не прислалъ, и самъ не пришелъ, «хотя особъ брань сотворити.»

Изъ Чернигова не было еще слуха, и Рязанскіе князья принуждены были идти одни на встрѣчу Татарамъ къ Воронежу, рѣшась умереть, а не покориться.

Преданіе дополняетъ лѣтопись извѣстіемъ, что, посовѣтовавшись между собою, они попытались умиловить Татарскаго Хана богатыми дарами, съ которыми былъ отряженъ къ нему сынъ старшаго Рязанскаго князя, Феодоръ. Батый принялъ дары благосклонно, и потребовалъ у Феодора жены его, славной своею красотою, какъ дошла до него молва. Рязанскій князь отворотился съ негодованіемъ, услышавъ требованіе, и тутъ же былъ умерщвленъ; тѣло брошено звѣрямъ на растерзаніе.

Молодая жена, услышавъ объ его гибели, кинулась изъ высокаго терема на берегу Осетра, съ младенцемъ на рукахъ, котораго звали Іоанномъ постыкомъ, и заразилась, т.-е., убила до смерти, отъ чего ближняя церковь получила названіе Николы Заразскаго или Зарайскаго. (Тѣло убитаго князя послѣ принесено было и погребено, вмѣстѣ съ тѣлами его жены и сына. Въ Зарайскѣ показываютъ еще до сихъ поръ три креста, поставленные, говорятъ, первоначально надъ ихъ могилами. Подлѣ построена была царковь во имя св. Іоанпа Предтечи).

Татары двинулись къ Воронежу, гдѣ стояли князья Русскіе, и вступили съ ними въ бой. Съча была злая. Кровь потекла по полю, какъ новая рѣка. Отъ стре-

мительнаго натиска безчисленныхъ воевъ Татарскихъ наши полки устоять не могли. Разбитые они принуждены были уступить, и князья спаслись бѣгствомъ, кійждо въ свой градъ. Одинъ изъ нихъ, Феодоръ Красный, изпемогающій отъ рапъ, еле живой, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Батыю, которому понравился. Батый обѣщаль ему помилованіе, если онъ обратится «на ихъ прелесть». Онъ не соглашался. Батый, разсерженный, дохну огнемъ отъ мерзкаго сердца своего, говоритъ лѣтописи, и несчастный былъ изрѣзанъ ножами, до полусмерти.

Татары устремились впередъ, опустошая огнемъ и мечемъ землю Рязанскую, «грады разбивающе и жгуще, люди съкуще и плѣнующе». Такъ были разорены до основанія: Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславль, Борисоглѣбскъ, и имена ихъ съ тѣхъ поръ не слышуются въ лѣтописяхъ, кромѣ Пронска. Арабскіе современные писатели выражаются очень живо о городахъ, опустошенныхъ Татарами, что они исчезали, какъ будто и не красовались вчера.

Декабря 16 обступили Татары столичный городъ Рязань. Князья затворились, рѣшась защищаться до послѣдней капли крови. Пять дней продолжалась осада. Граждане оборонялись отчаянно, стояли по стѣнамъ не смѣняясь; между тѣмъ какъ нападашіе обновлялись безпрестанно свѣжими силами. Каждый день падало множество, но никто не думалъ о сдачѣ. На шестой день подступили Татары съ огнемъ, съ пороками, или стѣвобитными орудіями и лѣстницами, и декабря 21 взятъ былъ городъ копьемъ, и, по разграбленіи, запаленъ. Жители всѣ, попадавшіеся подъ руку, были перебиты безъ милости, одни разстрѣляны стрѣлами,

другіе посѣчены мечами, потоплены въ рѣкѣ, женщины на улицахъ подвергались поруганіямъ, дѣти бросаемы были въ огонь, и не осталось въ городѣ никого изъ живыхъ, говоритъ лѣтопись: некому было стонать и плакать, некому скорбѣть о погибшихъ, родителямъ о дѣтяхъ, дѣтямъ о родителяхъ, братьямъ о братьяхъ—всѣ вмѣстѣ лежали мертвые.

Изъ князей остался одинъ Романъ Ингваровичъ, который успѣлъ убѣжать и повѣдать во Владимирѣ великому князю о погибели Рязани.

Татары пошли впередъ неостанавливаясь на Владимирѣ. Вдругъ сзади, когда они уже выходили изъ предѣловъ Рязанскихъ, говорить древнее сказаніе, показались Русскіе вои, и ворвались въ ихъ становище. Татары исполошились, не понимая, откуда взялись они: не мертвые ли, павшіе въ Рязани, встали, и прискакали мстить за смерть свою. Неизвѣстные воители рубили на право и на лѣво изумленныхъ, огорчѣвшихъ варваровъ. Притупленные мечи они бросали, и хватали другіе изъ рукъ поверженныхъ на землю Татаръ. Во всѣхъ станахъ произошло страшное смятеніе. Пятерыхъ изъ воителей удалось наконецъ схватить, и они приведены были въ ставку Батыя. Кто вы такіе, спросилъ ихъ удивленный ханъ. «Мы слуги великаго князя Ингвара Ингваревича, отъ полка боярина Евпатія Коловрата, посланы тебя великаго царя почтито и честно проводить, да не подиви царю, что не успѣваемъ наливать чашъ на великую силу Татарскую.»

Шуринъ Батыевъ, Таврулъ, вызвался идти на Евпатія, взялъ съ собою сильные полки, и обѣщался привести его живаго. Онъ бросился на витязя, по тотъ, испо-

линъ силою, разсѣкъ его на полы до сѣдла Татары навели на Евпатія, какъ на крѣпость, множество саней съ стѣнобитными орудіями, окружили его, и накопецъ одолѣли. Товарищи его избиты. Мертвый принесенъ былъ къ Батыю вмѣстѣ съ остальными воями, которые были взяты въ плѣнъ. Батый похвалилъ мужество, и отпустилъ ихъ на волю, отдавъ имъ тѣло погибшаго вождя.

Какимъ же образомъ случилось это нападеніе?

Рязанскій бояринъ, Евпатій Коловратъ, былъ посланъ при слухахъ о Татарскомъ нашествіи въ Черниговъ за помощію. Услышавъ тамъ, что Татары уже явились въ предѣлахъ Рязанскихъ, онъ поспѣшилъ въ княземъ на родину, которую нашелъ совершенно опустошенною; собралъ, сколько могъ, дружины, тысячу семьсотъ человѣкъ, которыхъ «Богъ соблюде,» и погнался въ слѣдъ за Татарами, рѣшась испить мертвую чашу за одно съ своими государями, и испилъ ее до дна, совершивъ и исполнивъ со славою великолдушное свое намѣреніе.

Поздно поиялъ великій князь Суздальскій свое положеніе, и увидѣлъ свою ошибку. Онъ отрядилъ старшихъ сыповей, незадолго обвинчаныхъ,—Всеволода, съ бывшими на готовѣ воями къ Коломнѣ, на встрѣчу къ Татарамъ,—а другаго Володимера въ Москву.

Подъ Коломою произошло сраженіе. Татары окружили Суздальцевъ со всѣхъ сторонъ, по своему обычаю. Наши бились крѣпко, но напрасны были всѣ усилія. Множество вездѣ одолѣвало. Татары приперли Русскіе вои къ надолбамъ. Тутъ палъ воевода Еремей Глѣбовичъ, Рязанскій князь Романъ Ингваревичъ, и много другихъ мужей добрыхъ. Враги остались опять побѣдителями.

Всеволодъ въ малѣ дружинѣ бѣжалъ во Владимирь. Татары двинулись къ Москвѣ.

Москва, городокъ, только-что начинавшій возникать среди лѣсовъ, ее окружавшихъ, не могла противиться долго. Ее защищать другой сынъ Великаго князя Володимеръ Юрьевичъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ. Воевода Филиппъ Нянька былъ убитъ. Жители истреблены. Имущество пограблено: Татары обратились къ Владимиру.

Великій князь уѣхалъ передъ тѣмъ съ племянниками на Волгу собирать вои для сильнѣйшаго отпора врагамъ. Онъ предполагалъ, кажется, что враги не могутъ еще такъ скоро угрожать его столицѣ, и что онъ успѣетъ заблаговременно воротиться съ новыми, свѣжими полками. Онъ могъ думать, по крайней мѣрѣ, что крѣпкій городъ во всякомъ случаѣ продержится до его прибытiя. Въмѣсто себя урядилъ онъ двухъ сыновъ, Всеволода и Мстислава, къ которымъ воеводою былъ приставленъ Петръ Ослядюковичъ, — по онъ ошибся въ своихъ расчетахъ! Татары не шли, а летѣли, какъ птицы, и между тѣмъ какъ Георгiй расположился стапомъ еще по рѣкѣ Сити, впадающей въ Мологу, ожидая своихъ братьевъ съ полками, — февраля 3, во вторникъ, прежде мясопуста за недѣлю, явились они предъ Владимиромъ, и тьмами темъ окружили его со всѣхъ сторонъ.

Владимирцы затворились накрѣпко въ городъ съ молодыми князьями. Татары хотѣли уклониться отъ боя и потребовали сдачи. Владимирцы отказались отворить Золотыя ворота.* Епископъ Митрофанъ увѣ-

* Къ воротамъ съ обѣихъ сторонъ присыпанъ былъ валь, сохранившiйся по мѣстамъ доселѣ. Сообщенiя другаго не было.

щевалъ народъ: «Чада, не убоимся смерти, не примемъ себѣ во умъ сего тлѣннаго и скороминующаго житья, но о томъ не скороминующемъ житѣ попечемся, еже со ангелы жити. Поручникъ я вамъ, аще и градъ нашъ плѣнше кошемъ возмутъ, и смерти насъ предадутъ, получимъ вѣнцы нетлѣнные на томъ свѣтѣ отъ Христа Бога». «О семъ же словеси слышавше вси,» замѣчаетъ лѣтописатель, «начаша крѣпко бороться». Татары подъѣхали къ Золотымъ воротамъ, имѣя при себѣ плѣннаго въ Москвѣ княжича, Володимера Юрьевича, и спросили о великомъ князѣ, тутъ ли онъ въ городѣ. Владимирцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ по стрѣлѣ. Татары отвѣтили тѣмъ же, пустивши также по стрѣлѣ на городъ и на Золотыя ворота, и потому закричали: не стрѣляйте! Наши остановились. Тогда Татары подошли ближе къ Золотымъ воротамъ и выставили передъ ними Володимера. Узнаете вы своего княжича, спрашивали они осажденныхъ. На несчастномъ не было лица; блѣдный и худой, онъ едва могъ держаться на ногахъ. Всеволодъ и Мстиславъ, стоявшiе на Золотыхъ вратахъ,* узнали брата—и залились слезами, бояре и граждане съ ними, смотря на Володимера, въ рукахъ у лютыхъ враговъ. Ударимъ, воскликнули пылкіе, молодые князья, обращаясь къ дружинѣ и воеводѣ, ударимъ, лучше умереть въ святую Богородицу и правую вѣру, неже воли быти поганыхъ. Воевода не согласился.

Татары объѣхали городъ, и потомъ расположились стапомъ передъ Золотыми воротами, «яко зрѣемо,» то-есть, на виду у жителей, притогляясь на Студеной горѣ къ пристуцу.

* Дверь къ накатнику надъ нижнею аркою сохранилась донныѣ.

Одинъ отрядъ ходилъ между тѣмъ къ Суздаю—городъ взятъ и сожженъ, княжій дворъ, монастырь св. Димитрія, церковъ святой Богородицы, ограблены, жители перебиты, другіе отведены въ плѣнъ. Оставшіеся въ живыхъ, нагіе и босые, безпоровые, должны были погибать отъ стужи. (Удѣлялъ только, говоритъ преданіе, двѣнадцатый монастырь, сокрытый чудомъ изъ виду Татаръ,—тогъ, гдѣ иноческое бorenіе проходила страдально Евфросинія, дочь будущаго мученика, святаго Михаила Черниговскаго).

Въ субботу мясопустную отрядъ воротился къ Владимиру. Приготовленія къ приступу кончились, и Татары начали ставить лѣса и пороки отъ утра до вечера, а на ночь огородили тыномъ весь городъ. Поутру, когда совѣтъ разсвѣло, князя и граждане увидѣли, что городу спасенія нѣтъ при такихъ средствахъ осады, и что онъ будетъ взятъ непременно. Оставалось только приготовляться къ смерти. Супруга Великаго князя, съ дочерью, съ молодыми женами своихъ сыновей и внучатами ушли во храмъ Пресвятыя Богородицы, пріобщились тамъ святыхъ танщъ, и приняли ангельскій образъ отъ рукъ епископа Митрофана. За ними послѣдовали много бояръ и людей,—старики, женщины и дѣти.

Князя Всеволодъ и Мстиславъ отошли къ старому городу, который былъ окруженъ валомъ также, какъ и средній.

Всѣ ждали со страхомъ и трепетомъ своей гибели, предаваясь въ волю Божию.

По заутрени въ недѣлю мясопустную, 7 февраля, на память святаго мученика Теодора Стратилата, Татары бросились на стѣны, и по примету ворвались въ городъ,

черезъ стѣпу отъ Золотыхъ воротъ у св. Спаса, — мѣсто это примѣтно до сихъ поръ,—съ сѣвера отъ Лыбеди къ Оринопымъ воротамъ и къ Мѣдянымъ отъ Клязьмы, (къ Волжскимъ). До обѣда весь городъ повый былъ занятъ и запаленъ огнемъ. Татары отбили церковныя двери въ соборѣ Божіей Матери. Семейство великокняжеское съ ближними людьми укрылось на палатахъ. Злодѣи ободрали всѣ иконы, захватили всѣ драгоценности, сосуды, кресты, оклады, ризы, порты древнихъ князей, что вѣшали себѣ на память. Узнавъ, что Великая княгиня, съ снохами и внучатами, находится на палатахъ, Татары звали ихъ сойти, обѣщая помиловать. Никто не послушался. Тогда они натаскали лѣсу въ церковь, наклали вороха около церкви, и зажгли. Дымъ и смрадъ распространился повсюду. Люди задыхались. Епископъ Митрофанъ, объятый пламенемъ, благословилъ погибающихъ и воскликнулъ: Господи, Боже снлъ, съдай на херувимѣхъ, прости руку Твою невидимую, и прими съ миромъ души рабъ Твоихъ!

Владимирскій соборъ Успенія, славный памятникъ князя Андрея Боголюбскаго, на крутомъ берегу Клязьмы, сохранился почти совершенно до нашего времени. Цѣлы еще пряснопамятныя палаты, гдѣ избранные Русскіе люди, въ минуту общей гибели, скончали животъ свой, покоряясь безропотно волѣ Божіей съ вѣрою и любовію. Мѣсто свято есть!

Молодые князя, Всеволодъ и Мстиславъ, были настигнуты за городомъ, и убиты вмѣстѣ съ прочими, искавшими спасенія въ бѣгствѣ. Тамъ же погибли Пахомій, архимандритъ Рождественскаго монастыря,

игумены Успенскій и Спасскій. О плѣнномъ Володимѣрѣ нѣтъ извѣстій: вѣроятно, онъ подвергся той же участи.

Изъ Владимира Татары разсыпались отрядами къ Ростову, Ярославлю, Городцу, и поплѣнили все по Волгѣ, даже до Галича, другіе пошли на Переяславль, ограбили и разорили Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, гдѣ былъ убитъ сынъ Ярославовъ, племянникъ великаго князя, — вплоть до Торжка. Нѣтъ почти мѣста въ Суздальской землѣ, гдѣ бы они не побывали; городовъ взято 14, кромѣ слободъ и погостовъ, въ продолженіи одного мѣсяца февраля. Ростовская область была разорена также. Единственное убѣжище для народа были лѣса.

«Такими дремучими лѣсами была покрыта эта страна,» говорятъ современные Арабскіе лѣтописатели, «что въ нихъ и змѣй не было прохода. Татары должны были въ иныхъ мѣстахъ прорубать себѣ дорогу, и они прорубали такую, чтобы четыремъ телѣгамъ можно было проѣхать рядомъ».

А Великій князь Георгій стоялъ еще станомъ на Сити, вмѣстѣ съ своими племянниками, ожидая братьевъ, Ярослава и Святослава, съ ихъ дружинами.

Вдругъ приходитъ къ нему роковая вѣсть: Владимиръ взятъ, церковь соборная разорена, жена твоя, княгиня, съ дѣтьми и снохами, огнемъ скончались, сыновья убиты, люди погибли, — на тебя идутъ!

Господи! возопилъ несчастный гласомъ великимъ, изъ глубины сердца, обливаясь слезами. Такъ ли судилъ Ты? Буди воля Твоя святая! Готовъ умереть и я: одному что дѣлать мнѣ на этомъ свѣтѣ?

И недолго оставалось ему жить. Дорожъ, одинъ изъ воеводъ, посланный развѣдывать съ 3 тысячами человекъ, прибѣжалъ къ нему скоро назадъ съ извѣстіемъ: Княже! обошли насъ Татары.

Едва началъ Юрій рядить полки съ братомъ Святославомъ, только — что пришедшимъ, съ воеводою Жирославомъ Михайловичемъ, внукомъ славнаго Андреева воеводы, и племянниками, какъ вдругъ принеслась новая вѣсть, громовая: идутъ, идутъ!

Неуспѣвъ распорядиться, князья рѣшились отступить внизъ по Сити. Татары не дали имъ опаматоваться, пересѣкли дорогу, и внезапно явились передъ ними: сторожей послѣ Дорожа, видно, не оставлено было впереди, или не успѣли они дать знать о приближеніи враговъ, которые награнули на оторопѣвшее ополченіе.

Князь Юрій, отложивъ всю печаль, бросился въ бой. Полки его, обречшіе себя на смерть, слѣдовали за нимъ. Началась сѣча, кровь полилась; сломить малочисленную дружину несмѣтной силѣ было не трудно. Она подалась. Татары за ними. Это было уже не сраженіе, а побоище. Князь Юрій былъ убитъ. Голова у него отрублена. Около него повалены снопами его вѣрные вои. Остальные должны были искать спасенія въ бѣгствѣ на всѣ стороны.

Побоище на Сити произошло 4-го марта: вотъ какъ быстро шли Татары, взявшіе Владимиръ 25-го февраля.

Кучи кургановъ, разсыпанныхъ по теченію Сити до ея устья, и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, также какъ и по Мологѣ, обозначаютъ путь Татарскаго патиска и Русскаго жертвоприношенія.

Судя по расположенію этихъ кургановъ, должно заключить, что сраженіе произошло во многихъ мѣстахъ, начиная отъ села Боженокъ, гдѣ постигнуть былъ Дорожъ съ передовымъ отрядомъ, и оканчиваясь при устьѣ Сити и за Мологою. Русскіе вой, видно, отступали, бѣжали, останавливаясь усталые, гдѣ и постигали ихъ Татары; возобновляя сѣчу.

Многіе изъ открытыхъ въ курганахъ скелетовъ сохранили на костяхъ слѣды ударовъ—проломовъ, разубовъ, усѣченій.

Нѣкоторыя собственныя имена, до сихъ поръ сохранившіяся въ этой пустынной дикой странѣ, какъ глухіе звуки, донесшіеся изъ древности, папоминають несчастное событіе: Рѣзанипо, Станилово, Станово, Сторожево, Губино, Бороцишино, Могилицы, Юрьево.

Есть нѣсколько бѣдныхъ церквей, гдѣ даже до послѣднихъ временъ служились панихиды за убиеннаго князя Юрія или Егорія. Есть и придѣлы во имя св. Егорія, а кто былъ этотъ Егорій, какъ онъ былъ убитъ, народъ не имѣетъ никакого повятія.

Ясно, что жителей старыхъ здѣсь не оставалось, и до позднѣйшихъ поселенцевъ дошли уже темныя преданія, дающія поводъ къ разнорѣчивымъ показаніямъ.

Василько, племянникъ Велкаго князя, взятъ былъ живой въ плѣнъ, и отведенъ со многою нужею до Шернскаго лѣса, гдѣ Татары остановились станомъ. Тамъ принуждали они его быть съ ними за одно и воевать на своихъ. Василько отвѣчалъ имъ укоризнами: «О глухое царство и скверное! Не отлучите вы меня отъ святой христіанской вѣры. Въ великой бѣдѣ мы, но ее насладъ на насъ Богъ за грѣхи наши!

А васъ онъ накажетъ за души, что губите безъ правды.» Отощальный, онъ не принималъ ни пищи, ни питія; лицо его было упыло отъ многого томленія. Татары бросились на него. Лѣтописатель влагаетъ въ его уста слѣдующія восклицанія: «Господи Исусе Христе! Вижу, что младая моя память желѣзомъ погибаетъ и тонкое тѣло у меня увядаетъ. Помогите христіанамъ, помилуй раба Твоего, спаси жену мою, дѣтей моихъ, епископа Кирилла.»

Онъ былъ тутъ же изрубленъ.

Шернскій лѣсъ находится на границѣ между Ярославскимъ и Углицкимъ уѣздами, на рѣкѣ Шернѣ, на половинѣ дороги между Ростовомъ и Ситскимъ побойщемъ. Здѣсь до сихъ поръ одна пустошь называется Василю, и жители рассказываютъ о какихъ-то всадникахъ и схваткѣ, когда-то бывшей. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь найдена была древняя каменная плита, которая куда-то затерялась.

Умерщвление Василька видѣла какая-то вѣрная жепщина и повѣдала поповичу Андреяну. Они взяли изрубленное тѣло, завернули въ появицу, и спрятали въ сокровенномъ мѣстѣ. Вдова его и епископъ, узнавъ о томъ, въ послѣдствіи, пріѣзжали за нимъ, и торжественно похоронили въ Ростовскомъ соборѣ.

«Бѣже Василько лицомъ красепъ, очима свѣтель и грозепъ взоромъ, храбръ паче мѣры, на ловѣхъ вазнивъ, сердцемъ лежокъ, а кто ему служилъ, тотъ не можаше забыти и до смерти».

II Юрьево тѣло было найдено, безъ головы, епископомъ Кирилломъ, возвращавшимся изъ Бѣлоозера, и похоронено тамъ же. Послѣ привезена была и голова

и приложена къ тѣлу. Потомъ оно было перенесено во Владимиръ, гдѣ и нынѣ находится.

Другой отрядъ Татарскій оступилъ Торжекъ на сборъ по Федоровъ недѣль. И здѣсь жители не сдавались тѣмъ болѣе, что падѣялись на Новгородскую помощь. Двѣ недѣли враги били пороками крѣпость. О помощи не было слуха: «всякій сталъ о себѣ,» замѣчаетъ лѣтописецъ, «въ недоумѣніи и страхѣ».

Средства осажденныхъ истощились, и сопротивляться болѣе не осталось силъ. Городъ взятъ, и люди избѣчены отъ мужскаго пола и до женскаго, все изобпажено и поругано, и нужною смертію погублено, марта 23-го, въ среду средокрестную, на память св. мученика Никона. Тутъ были убиты Иванко, посадникъ Новоторжскій, Яковъ Влунковичъ, Глѣбъ Борисовичъ, Михаилъ Монсѣевичъ.

Отъ Торжка окаинные погнались Серегерскимъ путемъ, «людіе съкуще, яко траву,» даже до Игнача креста, версть за сто до Новагорода, а Новгородъ, заступилъ Богъ, и спасла св. Софія.

Батый вдругъ повернулъ назадъ, опасаяся вѣроятно зайти, предъ вскрытіемъ рѣкъ, слишкомъ далеко, въ страны неизвѣстныя, все болѣе и болѣе дикія, болотистыя и гористыя.

Возвратный путь его лежалъ по другому направленію, къ западу. Объ немъ не сохранилось никакихъ извѣстій въ лѣтописяхъ, кромѣ осады города Козельска, (въ нынѣшней Калужской губерніи), гдѣ княжилъ молодой князь Василій, изъ рода Черниговскихъ князей. Жители, «нмѣя умъ крѣпкодушевецъ,» не хотѣли сдаваться, какъ

и жители большихъ городовъ Русскихъ. Нужды пѣтъ, что молодъ нашъ князь, сказали они на вѣчѣ, умремъ за него и примемъ славу здѣсь, на этомъ свѣтѣ, а тамъ, на томъ свѣтѣ, вѣнцы небесныя получимъ. Семь недѣль бились храбрые. Татары рѣшились наконецъ взять городъ приступомъ, разбили стѣны, и вскочили на валъ. Жители приняли ихъ тамъ въ ножи, и не пускали дальше. Много времени продолжалась рѣзня, и Татары принуждены были сойдти внизъ, но и жителямъ нельзя стало держаться въ городѣ болѣе. И пищи и питья у нихъ не доставало, они рѣшили выйти въ поле, бросились на пращи, изсѣкли прашниковъ, и сами были всѣ побиты, какъ на полѣ, такъ и въ городѣ, куда путь открылся, «даже до младенцевъ, сосущихъ молоко».

О князѣ Василіѣ пронесся слухъ, что онъ утонулъ въ крови.

Козельскъ получилъ отъ Татаръ славное проименованіе Злаго города. Четыре тысячи Татаръ легло подъ деревянными стѣнами его, и три сына темничихъ нашли себѣ тамъ смерть.

Батый, свершивъ свою губительную смертоносную прогулку, отошелъ въ землю Половецкую.

А что дѣлалось тамъ на югѣ, на западѣ— въ Кіевѣ, въ Галичѣ, между тѣмъ какъ Татары громили востокъ и сѣверъ. Прекратились ли хоть теперь тамошнія междуособія? Успокоилась ли хоть теперь тамошняя раздраемая столько времени войною страна?

Нѣтъ, на югѣ и западѣ земля неуспокоивалась, и междуособія продолжались безоставочно.

Кіевъ, оставленный (1236) Переяславскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, при первомъ извѣстіи о приближеніи Татаръ къ Рязани, былъ занятъ тотчасъ Михаиломъ Черниговскимъ, который пріѣхалъ сюда изъ Галича, оставивъ тамъ сына Ростислава.

Ростиславъ отнялъ у Данила Перемышля, уступленный ему не задолго, и между ними началась распря: они то воевали, то мирились. Ростиславу понадобилось отлучиться на Литву съ своими боярами. Данилъ, воспользуясь его отсутствіемъ, явился подъ Галичемъ, и подалъ голосъ жителямъ: «до какихъ же поръ вы хотите терпѣть державу чужихъ князей?» Ты нашъ князь, держатель Богомъ данный, закричали они въ отвѣтъ, и бросились къ нему, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ своей маткѣ. Дворецкой Григорій съ епископомъ Артеміемъ, увидя невозможность сопротивляться, вышли на встрѣчу къ Данилу и сказали ему: иди князь, бери городъ. Данилъ вступилъ въ Галичъ въ пятый разъ, и поставилъ свое знамя на воротахъ Нѣмецкихъ сказавъ: теперь никто уже не возьметъ у меня Галича.

Ростиславъ, возвращаясь изъ своего похода, услышалъ о взятіи города, и удалился къ Уграмъ, гдѣ надѣялся получить себѣ королевскую дочь съ супружествомъ. Нѣкоторые изъ бояръ его пришли въ Галичъ, пали къ ногамъ князя просили прощенія: виноваты, что держали другаго князя. Онъ отвѣчалъ: Богъ васъ проститъ, только не грѣшите больше, а то будете наказаны. Прочіе пошли за Ростиславомъ, и были преслѣдуемы до горы.

Все это происходило въ продолженіи 1236 и 1237 годовъ.

Въ слѣдующемъ году, Батый прислалъ еще нѣсколько отрядовъ прогуляться по Россіи. Одни пришли къ Переяславу Русскому, и взяли городъ копьемъ, ограбили церковь св. Михаила, убили епископа Симеона и множество жителей, попавшихся подъ удары.

Другіе напали на Черниговъ, гдѣ князь Михаилъ Глѣбовичъ рѣшился также защищаться. Татары долго не могли взять города, поставили тараны, и метали такіе камни, что четыремъ человекамъ они были въ подъемъ. Лють бѣ бой у Чернигова, но наконецъ побѣжденъ былъ Мстиславъ, и множество воевъ его погибли, городъ взятъ, и запаленъ огнемъ, какъ прочіе.

Батый велѣлъ Мангухану соглядѣти Кіева. Смотри на Кіевъ изъ-за Днѣпра, отъ города Песочнаго, Татары, удивились красотѣ его и величеству. Батый прислалъ пословъ къ Михаилу Всеволодовичу и къ гражданамъ, хотя прельстити ихъ. Тѣ не послушались и избili пословъ. Должно было ожидать нашествія и расправы...

Бѣ же пополохъ тогда золь по всей землѣ: люди бѣгали, сами не зная куда отъ страха.

Михаилъ, не имѣя надежды оборониться отъ враговъ, удалился въ Угры, гдѣ уже былъ сынъ его Ростиславъ. Кіевскій остался столь празднымъ, но и въ такое грозное время напелся на него охотникъ: Ростиславъ Мстиславичъ, изъ Смоленска, пришелъ занять Кіевъ, оставленный Михаиломъ, а Ярославъ Пгваревичъ напалъ тогда на Каменецъ, и плѣнилъ супругу Михаила, сестру Романовичей.

Данилъ явился, отнялъ Кіевъ у Ростислава Смоленскаго, вытребовавъ сестру у

Ярослава, и препоручилъ защиту города боярину своему Дмитрію, самъ удалился во Владимирь.

Михаилъ между тѣмъ долженъ былъ оставить Венгрію, гдѣ король Бела, при переѣвѣ обстоятельствъ, отказался выдать дочь свою за его сына, изгнанника. Онъ прибѣгнулъ подъ покровительство дяди своего, Копрада Мазовецкаго. Оттуда отправилъ онъ пословъ во Владимирь къ Даниилу съ выраженіемъ раскаянія. Много разъ бывалъ я виноватъ предъ тобою, много разъ причинялъ тебѣ вредъ, не исполнялъ своихъ обѣщаній; случалось — хотѣлъ я имѣть любовь съ тобою; невѣрные Галичане мѣшали мнѣ; теперь я клянусь никогда невраждовать тебѣ.

Романовичи не помянули зла, послали къ нему сестру свою, и звали его изъ Ляховъ. Даниилъ, посовѣтовавъ съ братомъ, обѣщалъ Михаилу Кіевъ, а сыну его Ростиславу Луцкъ. Но Михаилъ «за страхъ Татарскій,» не посмѣлъ идти въ Кіевъ, и Романовичи позволили ему походить по землѣ своей, снабдивъ его пшепцею, медомъ, говядами, овцами, въ обиліи.

Между тѣмъ гроза приближалась. Даниилъ рѣшился искать помощи въ Уграхъ, чтобъ соединенными силами противостать Татарамъ, взялъ съ собою малолѣтнаго сына Льва, и поѣхалъ къ королю, но не успѣлъ убѣдить его, и долженъ былъ воротиться. Въ Синеводскѣ, (въ Стрыйскомъ округѣ), къ монастырѣ св. Богородицы, увидѣлъ онъ множество народа, бѣжавшаго отъ Татаръ, и побоялся идти далѣе съ малою дружиною по Русской землѣ, чтобъ не попасться съ сыномъ въ руки невѣрныхъ Галичанъ. Вотъ каково было положеніе въ этой несчастной странѣ, игралищъ бояръ, что

мужественнѣйшій изъ Русскихъ князей, въ виду приближающихся дикихъ враговъ, не смѣлъ тамъ показаться, безъ достаточной дружины. Опъ отправился назадъ въ Угры, оставилъ тамъ сына, и пошелъ домой чрезъ Польскую землю. Въ Сепдомірѣ услышалъ онъ, что его семейство, княгиня, дѣти и братъ, бѣжали изъ Руси предъ наступленіемъ Татаръ, и находятся также гдѣ-то въ Ляхахъ. Даниилъ пошелъ искать ихъ, и нашелъ на рѣкѣ Палкѣ (?). Недобро намъ стояти здѣ близь воюющихъ насъ иноплеменниковъ, сказалъ онъ, и отошелъ въ землю Мазовскую къ Копрадову сыну Болеславу, который далъ ему Вышгородъ.

Михаилъ Черниговскій искалъ также спасенія у Ляховъ.

Дошла очередь и до Кіева. Въ 1240 году Батый пришелъ въ силѣ тяжкой, какъ будто саранча налетѣла. — Видимо-невидимо полковъ вражнихъ окружило городъ. Отъ ржанія коней, мычанія стада, рева верблюдовъ, скрыша телѣтъ, не слышно стало въ городѣ людской рѣчи. Одинъ захваченный Татаринъ, именовъ Тавруль, извѣстилъ гражданъ о количествѣ силы Батыевой и объ именахъ его воеводъ: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечанъ, Бедай-богатырь, Бурундай-богатырь, что взяли землю Болгарскую и Суздальскую. Батый поставилъ пороки къ городу противъ воротъ Лятскихъ. День и ночь безъ перестани были осаждашіе изъ этихъ пороковъ, и выбили часть стѣнъ. Защитники столпились на оставшихся въ цѣлости, «я ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитовъ скенаніе, стрѣлы омрачаша свѣтъ». Мужественный воевода Дмитръ раненъ. Татары взобрались на стѣны и расположились тамъ ночевать. Граждане

ночью устроили другой крѣпкій городъ около святой Богородицы. Поутру папая на нихъ и здѣсь Татары, и сѣча возобновилась. Множество укрылось на камарахъ церковныхъ съ своимъ имуществомъ, но стѣны обвалились отъ тяжести, и люди погибли подъ развалинами. Нигдѣ не было спасенія. На Николинъ день, декабря 6, взять былъ Кіевъ и выжженъ. Камня не осталось на камени, кромѣ двухъ-трехъ главныхъ церквей, не до основанія разрушенныхъ, а дерево все сгорѣло.

Дмитра пощадилъ сами Татары, ради его мужества, и взяли съ собою въ походъ. Узнавъ, что князь Данилъ въ Уграхъ, пошли искать его, приступили по дорогѣ къ городу Лодяжину (на Бугѣ, въ Подольской губерши), который также не думалъ сдаваться. Татары поставили двѣнадцать пороковъ, и не могли разбить его стѣны. Наконецъ люди обманутые предался, и были перебиты.

Также взяли Татары Кременецъ, городъ Пязславовъ, Владиміръ, Галичъ и множество другихъ городовъ, но Каменца, города Данилова, не могли взять, и прошли мимо.

【Такъ вслѣдъ за сѣверо-восточною Россіей, или Великороссіей, покорена была другая половина Россіи, юго-западная, нынѣ называемая Малороссіей. Городское сословіе было почти истреблено какъ тамъ, такъ и здѣсь. Вой, какъ тамъ, такъ и здѣсь, дружины съ боярами и отроками, честно исполнили долгъ свой, и положили животъ свой за отечество, за вѣру христіанскую, въ надеждѣ имѣть вѣнцы мученическіе на томъ свѣтѣ. Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Лодяжинъ, Кременецъ, на югѣ, защищались до послѣдней капли крови, какъ на сѣверѣ—

Рязань, Коломна, Москва, Владиміръ, Торжекъ, Козельскъ, и, увѣренные въ неизбѣжную гибели, не колебались ни сколько предпочесть постыдное рабство мучительной смерти.

Умилительное, высокое зрѣлище представила Русская земля, въ эту критическую минуту своей исторіи, о которой нельзя вспоминать безъ благоговѣнія!

Терпѣніе, Русская добродѣтель по преимуществу, преданность въ волю Божию, проявились здѣсь блистательно, и смиренныя лѣтописатели заключаютъ обыкновенно свои прискорбныя описанія слѣдующими словами: «Се же бысть за грѣхи наши... Господь силу отъ насъ отъя, а недоумѣніе и грозу и страхъ и трепеть вложи въ насъ за грѣхи наши».

Плано-Карпини, посланный вскорѣ папою Иннокентіемъ IV въ Татарію къ Великому Хану съ словами мира, проѣзжая чрезъ Кіевъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что *«жителей по дорогѣ вездѣ мало: они истреблены Монголами или отведены въ плѣнъ.»* «Въ Кіевѣ,» продолжаетъ онъ, «наняли мы Татарскихъ лошадей, а своихъ оставили: ибо онѣ могли бы умереть съ голода на дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни сѣна, ни соломы, а Татарскія, разбивая копытами снѣгъ, питаются одною мерзлою травою.»

Вотъ какъ въ народной пѣснѣ выразилось гореваніе о положеніи Руси:

За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
Отъ пару было отъ конинаго,
А и мѣсяцъ, солнце, померкнули.
Невидать луча свѣта бѣлаго.
А отъ духа Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ
быть.

Дмитръ успѣлъ наконецъ убѣдить Батю, чтобы онъ оставилъ несчастную Русь, разоренную и опустошенную. Если ты замедлишь здѣсь, сказалъ онъ, то Угры, племя великое, соберутся съ силами, и не допустятъ тебя возвратиться въ свояси благополучно. Батюи принялъ совѣтъ, и отошелъ въ Угры.

Король Бѣла и Коломанъ были побѣждены Татарами, которые гнали ихъ до Дуная.

Провоевавъ въ западныхъ странахъ три года, до Владиславы, Батюи удалился въ свои улусы.

Татары расположились кочевать въ низовьяхъ Волги, по привольнымъ степямъ, гдѣ въ Астраханской губерніи странствуютъ нынѣ прямые потомки ихъ, Калмыки. Отсюда легко и удобно имъ было посылать летучіе отряды свои во всѣ покоренныя страны, держать ихъ въ повиновеніи, и уничтожать всякое покушеніе, еслибъ гдѣ обнаружилось какое, свергнуть ихъ иго. Отсюда Татары могли какъ бы держать мечъ надъ головами всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобы никто изъ нихъ не могъ шевелиться.

Страшныхъ враговъ получила Русь въ лицѣ Татаръ, дикаго, необузданнаго Азіатскаго племени.

Но не одни Татары посягали въ это злополучное время на ея цѣлость и независимость, на ея существованіе.

Татары утвердились преимущественно на югъ и востокъ.

Поляки и Венгерцы терзали ея юго-западную окраину, и пытались покорить себѣ знаменитое Галицкое княжество, нынѣшнее королевство Галицію.

Далѣе къ сѣверу усиливались *Литовцы*, жившіе въ глубинѣ лѣсовъ Подляшья, (на предѣлахъ нынѣшнихъ губерній—Гродненской, Виленской, Ковенской), и платившіе нѣкогда дань сосѣднимъ Русскимъ князьямъ. Литовцы выдвинулись теперь изъ лѣсовъ, и начали тревожить своими набѣгами области Полоцкія и Новгородскія, угрожая близкими завоеваніями.

На сѣверо-западѣ, въ устьѣ западной Двины, явились *Нѣмцы*, построившіе первое укрѣпленіе съ позволенія Русскихъ князей, но въ 1201 году они основали Ригу, съ помощію вновь учрежденнаго ордена Меченосцевъ, обнаружили тотчасъ властолюбивые замыслы, и овладѣли всею страню Ливовъ и Леттовъ, нынѣшнюю Лифляндію, подданною прежде Полоцку.

На востокъ отъ нихъ въ Эстляндіи, утвердились *Датчане*, они построили въ 1210 году Ревель, и угрожали Пскову и Новгороду.

Еще далѣе на востокъ, въ устьѣ Невы, начали проникать *Шведы*...

Вотъ въ какомъ ужасномъ, отчаянномъ положеніи, находилось отечество въ половинѣ XIII столѣтія. Враги сильные, грозные, многочисленные, одни другихъ люте, съ востока, юга, запада, сѣвера и моря, какъ хищные звѣри съ зіяющей пастью, стали надъ нимъ, и грозили порабоженіемъ. Татары, Литовцы, Поляки, Венгерцы, Нѣмцы, Датчане, Шведы, окружили святую Русь какъ бы облавою, напирали на нее, грозясь разнять ее по составамъ, готовясь подѣлать ризы ея по себѣ, и объ одеждѣ метати жребій.

Была-ли какая человѣческая возможность сладить съ такимъ страшнымъ сборищемъ враговъ странъ, изнуренной двухсотлѣтними междоусобіями, лишенной теперь почти всего своего военнаго сословія, опустошенной огнемъ и мечемъ вдоль и поперекъ, отъ одного конца до другаго?

Казалось погибель ея неизбежна, нигдѣ не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на перемѣну обстоятельствъ къ лучшему, — пропадетъ святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано ей: не быть!

Такую горькую, тяжелую думу думалъ, вѣроятно, святой отшельникъ въ глубинѣ пещеръ Кіевскихъ или Черниговскихъ, смиренный лѣтописатель, заносившій въ лѣтопись не чернилами, а слезами и кровію, описаніе страшныхъ событій — думалъ, и молился со страхомъ и трепетомъ о спасеніи дорогой отчины, — Господи помилуй!

Помилуетъ ли Онъ?

Да, Онъ помилуетъ, она спасется, она перенесетъ тяжелое огне-кровавое испытаніе, она превозможетъ всѣхъ своихъ враговъ, она возстанетъ съ новою силою

и славою: аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

Кто же спасетъ святую Русь?

Спасетъ ее народъ терпѣливый, смиренный, твердый, толковый, талантливый, носившій во глубинѣ своего сердца сознаніе о государственномъ и земскомъ единствѣ.

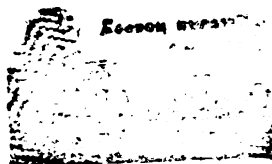
Спасетъ ее земля просторная, плодородная, разнообразная, безпредѣльная, достаточная для безчисленныхъ грядущихъ поколѣній.

Спасетъ ее языкъ, творческій, сильный, многосмысленный, обильный, благозвучный.

Спасетъ ее вѣра православная, горячая, безусловная, готовая въ избранныхъ душахъ на всякія жертвы.

Народъ, земля, языкъ, вѣра — вотъ четыре твердыя, крѣпкія столпостѣны, на которыхъ, подъ державою Мономахова потомства, святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ поколеблены въ своихъ завѣтныхъ, священныхъ основаніяхъ.

105649

10294

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

Обозрѣніе составныхъ частей государства и отношеній ихъ между собою.		
Князья (ихъ происхожденіе, размноженіе, раздѣленіе княжествъ, право наслѣдства. Значеніе великаго князья, отношеніе его къ прочимъ князьямъ, междоусобныя войны за владѣніе, изъ за доходовъ, сношенія между собою, власть князя).	403	Одежда. 522
Дружина, (раздѣленіе, ея значеніе, отношенія, наслѣдственность званій).	415	Обувь. 523
Города (населеніе, вѣча).	416	Жилища. 527
Земля, волости, дань.	418	Военное дѣло. 530
Сельское населеніе.	419	Церковь, разпространеніе христіанской вѣры. 513
Общее замѣчаніе.	420	Слѣды язычества. 545
Неопредѣленность и случайность въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ князей.	421	Церковное управленіе. 548
Законы.	434	Богослуженіе. 556
Общія замѣчанія.	453, 456	Святцы. 561
Управленіе.	459	Времесчисленіе. 565
Торговля, куны (деньги).	462	Посты, кресты, церковное пѣніе, храмы, иконы, сосуды, одежды и пр.
Цѣны, пени.	489	Монастыри. 574
Промышленность, земледѣліе.	492	Печерскій монастырь. 576
Скотоводство.	493	Житія святыхъ угодниковъ. 576
Звѣроловство.	—	Грамотность и духовное образованіе. 653
Птицеводство.	494	Свѣтское образованіе; «былинахъ». 703
Пчеловодство.	495	Духовные стихи. 715
Рыболовство.	—	Пѣсни. . . . . 723—747
Солевареніе.	496	Слово о полку Игоревѣ. 724
Ремесла.	496	Слово Даниила Заточника. 731
Частная жизнь.	499	Языкъ главнаго племени. 732
Пища.	521	Нравы и обычаи. 737
Питье.	522	Народныя преданія. 755
		Пословицы. 768
		Сказки. 770
		Загадки. 771
		Заклятія. 772
		Общее обозрѣніе. 773
		Первое Татарское нашествіе. 791
		Продолженіе междоусобій. 796
		Второе нашествіе. 812
		Заключеніе. 824